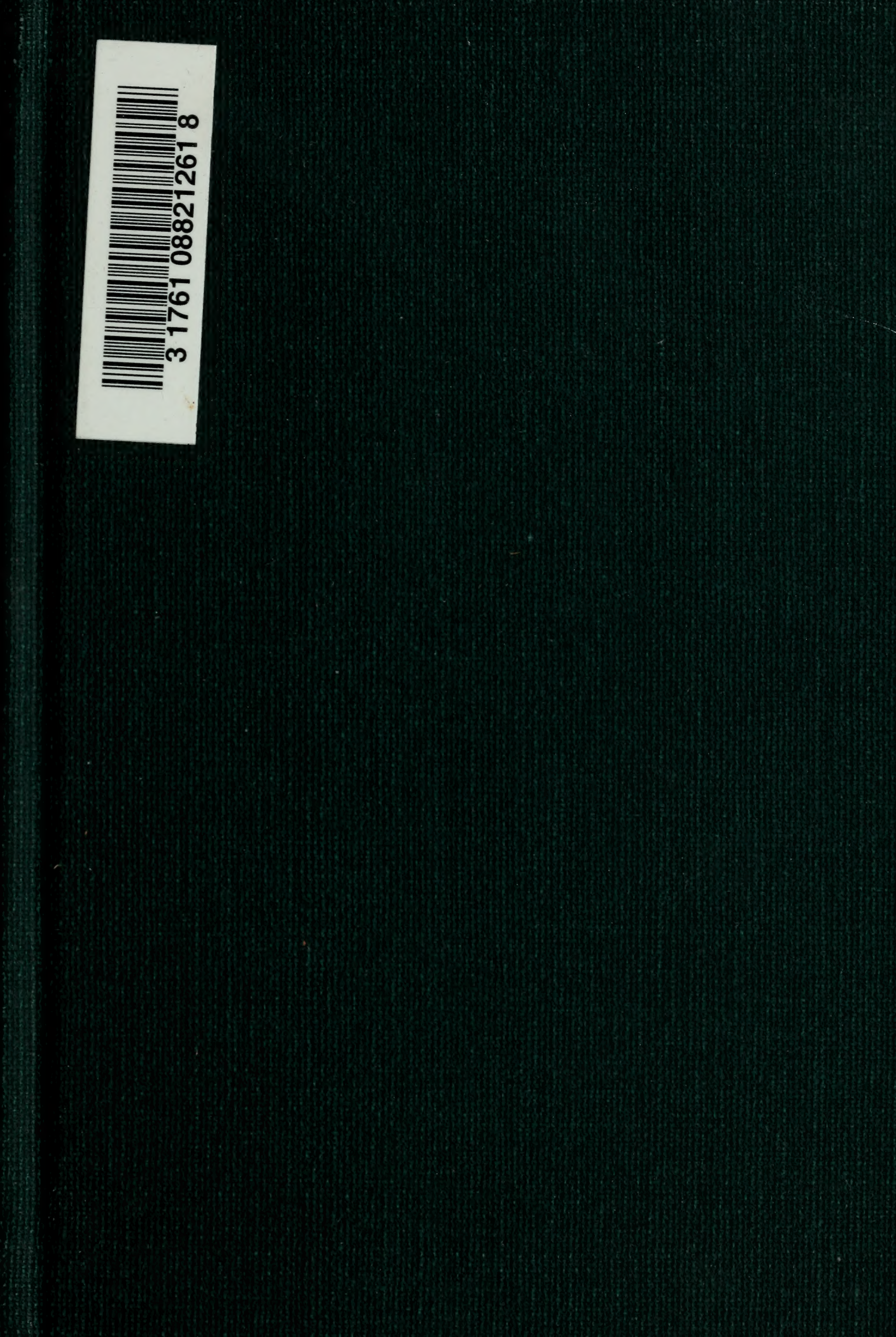

3 1761 08821261 8

А. П. ЧЕХОВЪ

МУЖИКИ

РАЗСКАЗЫ И ПОВѢСТИ

Приложеніе къ журналу
«ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ
РОССІЯ»
на 1931 годъ

БЕРЛИНЪ 1920

Издательство И. П. Ладыжникова

Типографія Шпамера въ Лейпцигѣ

Мужики

I

Лакей при московской гостиницѣ «Славянскій Базаръ», Николай Чикильдѣевъ, заболѣлъ. У него онѣмѣли ноги и измѣнилась походка, такъ что однажды, идя по коридору, онъ споткнулся и упалъ вмѣстѣ съ подносомъ, на которомъ была ветчина съ горошкомъ. Пришлось оставить мѣсто. Какія были деньги, свои и женины, онъ пролѣчилъ, кормиться было уже не на что, стало скучно безъ дѣла, и онъ рѣшилъ, что, должно быть, надо ѣхать къ себѣ домой, въ деревню. Дома и хворать легче, и жить дешевле; и не даромъ говорится: дома стѣны помогаютъ.

Пріѣхалъ онъ въ свое Жуково подъ вечеръ. Въ воспоминаніяхъ дѣтства родное гнѣздо представлялось ему свѣтлымъ, уютнымъ, удобнымъ, теперь же, войдя въ избу, онъ даже испугался: такъ было темно, тѣсно и нечисто. Пріѣхавшія съ нимъ жена Ольга и дочь Саша съ недоумѣніемъ поглядывали на большую неопрятную печь, занимавшую чуть ли не полъ-избы, темную отъ копоти и мухъ. Сколько мухъ! Печь покосилась, бревна въ стѣнахъ лежали криво, и казалось, что изба сію минуту развалится. Въ переднемъ углу, возлѣ иконъ, были наклеены бутылочные ярлыки и обрывки газетной бумаги — это вмѣсто картинъ. Бѣдность, бѣдность! Изъ взрослыхъ никого не было дома, всѣ жали. На печи сидѣла дѣвочка лѣтъ восьми, бѣлоголовая,

немытая, равнодушная; она даже не взглянула на вошедшихъ. Внизу терлась о рогачъ бѣлая кошка.

— Кисъ, кисъ! — поманила ее Саша. — Кисъ!

— Она у насъ не слышитъ, — сказала дѣвочка. — Оглохла.

— Отчего?

— Такъ. Побили.

Николай и Ольга съ перваго взгляда поняли, какая тутъ жизнь, но ничего не сказали другъ другу; молча свалили узлы и вышли на улицу молча. Ихъ изба была третья съ краю и казалась самою бѣдною, самою старою на видъ; вторая — не лучше, зато у крайней — желѣзная крыша и занавѣски на окнахъ. Эта изба, негороженная, стояла особнякомъ и въ ней былъ трактиръ. Избы шли въ одинъ рядъ, и вся деревушка, тихая и задумчивая, съ глядѣвшими изъ дворовъ ивами, бузиной и рябиной, имѣла пріятный видъ.

За крестьянскими усадьбами начинался спускъ къ рѣкѣ крутой и обрывистый, такъ что въ глинѣ, тамъ-и-сямъ, обнажились громадные камни. По скату, около этихъ камней и ямъ, вырытыхъ гончарами, вились тропинки, цѣлыми кучами были навалены черепки битой посуды, то бурые, то красные, а тамъ внизу разстилался широкій, ровный, ярко-зеленый лугъ, уже скошенный, на которомъ теперь гуляло крестьянское стадо. Рѣка была въ верстѣ отъ деревни, извилистая, съ чудесными кудрявыми берегами, за нею опять широкій лугъ, стадо, длинныя вереницы бѣлыхъ

гусей, потомъ такъ же, какъ на этой сторонѣ, крутой подъемъ на гору, а вверху, на горѣ, село съ пятиглавою церковью и немного поодаль господскій домъ.

— Хорошо у васъ здѣсь! — сказала Ольга, крестясь на церковь. — Раздолье, Господи!

Какъ разъ въ это время ударили ко всенощной (былъ канунъ воскресенья). Двѣ маленькія дѣвочки, которыя внизу тащили ведро съ водой, оглянулись на церковь, чтобы послушать звонъ.

— Объ эту пору въ «Славянскомъ базарѣ» обѣды... — проговорилъ Николай мечтательно.

Сидя на краю обрыва, Николай и Ольга видѣли, какъ заходило солнце, какъ небо, золотое и багровое, отражалось въ рѣкѣ, въ окнахъ храма и во всемъ воздухѣ, нѣжномъ, покойномъ, невыразимо-чистомъ, какого никогда не бываетъ въ Москвѣ. А когда сонцѣ сѣло, съ блеяньемъ и ревомъ прошло стадо, прилетѣли съ той стороны гуси, — и все смолкло, тихій свѣтъ погасъ въ воздухѣ и стала быстро надвигаться вечерняя темнота.

Между тѣмъ вернулись старики, отецъ и мать Николая, тощіе, сгорбленные, беззубые, оба одного роста. Пришли и бабы — невѣстки, Марья и Ѳекла, работавшія за рѣкой у помѣщика. У Марьи, жены брата Кирьяка, было шестеро дѣтей, у Ѳеклы, жены брата Дениса, ушедшаго въ солдаты, — двое; и когда Николай, войдя въ избу, увидѣлъ все семейство, всѣ эти большія и маленькія тѣла, которыя шевелились на полатяхъ, въ люлькахъ и во всѣхъ углахъ, и когда увидѣлъ съ какою жадностью старикъ и бабы ѣли черный хлѣбъ, макая его въ воду, то сообра-

зилъ, что напрасно онъ сюда пріѣхалъ, больной, безъ денегъ да еще съ семьей, — напрасно!

— А гдѣ братъ Кирьякъ? — спросилъ онъ, когда поздоровались.

— У купца въ сторожахъ живетъ, — отвѣтилъ отецъ: — въ лѣсу. Мужикъ бы ничего, да заливаетъ шибко.

— Не добычикъ! — проговорила старуха слезливо. — Мужики наши горькіе, не въ домъ несутъ, а изъ дому. И Кирьякъ пьетъ, и старикъ тоже, грѣха таить нечего, знаетъ въ трактиръ дорогу. Прогнѣвалась Царица Небесная.

По случаю гостей поставили самоваръ. Отъ чая пахло рыбой, сахаръ былъ огрызанный и сѣрый, по хлѣбу и посудѣ сновали тараканы; было противно пить, и разговоръ былъ противный — все о нуждѣ да о болѣзняхъ. Но не успѣли выпить и по чашкѣ, какъ со двора донесся громкій, протяжный пьяный крикъ:

— Ма-арья!

— Похоже, Кирьякъ идетъ, — сказалъ старикъ: — легокъ на поминѣ.

Всѣ притихли. И немного погодя, опять тотъ же крикъ, грубый и протяжный, точно изъ-подъ земли:

— Ма-арья!

Марья, старшая невѣстка, поблѣднѣла, прижалась къ печи, и какъ-то странно было видѣть на лицѣ у этой широкоплечей, сильной, некрасивой женщины выраженіе испуга. Ея дочь, та самая дѣвочка, которая сидѣла на печи и казалась равнодушною, вдругъ громко заплакала.

— А ты чего, холера? — крикнула на нее

Ѳекла, красивая баба, тоже сильная и широкая въ плечахъ. — Небось, не убьетъ!

Отъ старика Николай узналъ, что Марья боялась жить въ лѣсу съ Кирьякомъ и что онъ, когда бывалъ пьянъ, приходилъ всякій разъ за ней и при этомъ шумѣлъ и билъ ее безъ пощады.

— Ма-арья! — раздался крикъ у самой двери.

— Вступитесь Христа-ради, родименькіе, — залепетала Марья, дыша такъ, точно ее опускали въ очень холодную воду: — вступитесь, родименькіе...

Заплакали всѣ дѣти, сколько ихъ было въ избѣ, и, глядя на нихъ, Саша тоже заплакала. Послышался пьяный кашель, и въ избу вошелъ высокій, чернобородый мужикъ въ зимней шапкѣ и оттого, что при тускломъ свѣтѣ лампочки не было видно его лица, — страшный. Это былъ Кирьякъ. Подойдя къ женѣ, онъ размахнулся и ударилъ ее кулакомъ по лицу, она же не издала ни звука, ошеломленная ударомъ, и только присѣла, и тотчасъ же у нея изъ носа пошла кровь.

— Экой срамъ-то, срамъ, — бормоталъ старикъ, полѣзая на печь: — при гостяхъ-то! Грѣхъ какой!

А старуха сидѣла молча, сгорбившись, и о чемъ-то думала; Ѳекла качала люльку... Видимо, сознавая себя страшнымъ и довольный этимъ, Кирьякъ схватилъ Марью за руку, потащилъ ее къ двери и зарычалъ звѣремъ, чтобы казаться еще страшнѣе, но въ это время вдругъ увидѣлъ гостей и остановился.

— А, пріѣхали... — проговорилъ онъ, выпуская жену. — Родной братецъ съ семействомъ...

Онъ помолился на образъ, пошатываясь, широко раскрывая свои пьяные, красные глаза, и продолжалъ:

— Братецъ съ семействомъ пріѣхали въ родительскій домъ... изъ Москвы, значитъ. Первопрестольный, значитъ, градъ Москва, матерь городовъ... Извините...

Онъ опустился на скамью около самовара и сталъ пить чай, громко хлебая изъ блюдечка, при общемъ молчаніи... Выпилъ чашекъ десять, потомъ склонился на скамью и захрапѣлъ.

Стали ложиться спать. Николая, какъ больного, положили на печи со старикомъ; Саша легла на полу, а Ольга пошла съ бабами въ сарай.

— И-и, касатка, — говорила она, ложась на сѣнѣ рядомъ съ Марьей: — слезами горю не поможешь! Терпи и все тутъ. Въ Писаніи сказано: аще кто ударитъ тебя въ правую щеку, подставь ему лѣвую... И-и, касатка!

Потомъ она вполголоса, нараспѣвъ, разсказывала про Москву, про свою жизнь, какъ она служила горничной въ меблированныхъ комнатахъ.

— А въ Москвѣ дома большіе, каменные, — говорила она: — церквей много-много, сорокъ сороковъ, касатка, а въ домахъ все господа, да такіе красивые, да такіе приличные!

Марья сказала, что она никогда не бывала не только въ Москвѣ, но даже въ своемъ уѣздномъ городѣ; она была неграмотна, не знала никакихъ молитвъ, не знала даже «Отче нашъ». Она и другая невѣстка, Ѳекла, которая теперь сидѣла поодаль и слушала, — обѣ были крайне

неразвиты и ничего не могли понять. Обѣ не любили своихъ мужей; Марья боялась Кирьяка, и, когда онъ оставался съ нею, то она тряслась отъ страха и возлѣ него всякій разъ угорала, такъ какъ отъ него сильно пахло водкой и табакомъ. А Ѳекла, на вопросъ, не скучно ли ей безъ мужа, отвѣтила съ досадой:

— А ну его!

Поговорили и затихли...

Было прохладно и около сарая во все горло кричалъ пѣтухъ, мѣшая спать. Когда синеватый, утренній свѣтъ уже пробивался во всѣ щели, Ѳекла потихоньку встала и вышла, и потомъ слышно было, какъ она побѣжала куда-то, стуча босыми ногами.

II

Ольга пошла въ церковь и взяла съ собою Марью. Когда онѣ спускались по тропинкѣ къ лугу, обѣимъ было весело. Ольгѣ нравилось раздолье, а Марья чувствовала въ невѣсткѣ близкаго, родного человѣка. Восходило солнце. Низко надъ лугомъ носился сонный ястребъ, рѣка была пасмурна, бродилъ туманъ кое-гдѣ, но по ту сторону на горѣ уже протянулась полоса свѣта, церковь сіяла и въ господскомъ саду неистово кричали грачи.

— Старикъ ничего, — разсказывала Марья: — а бабка строгая, дерется все. Своего хлѣба хватило до масленой, покупаемъ муку въ трактирѣ, — ну, она серчаетъ; много, говоритъ, ѣдите.

— И-и, касатка! Терпи и все тутъ. Сказано: пріидите всѣ труждающіе и обремененные.

Ольга говорила степенно, нараспѣвъ, и походка у нея была, какъ у богомолки, быстрая и суетливая. Она каждый день читала Евангеліе, читала вслухъ, по-дьячковски, и многаго не понимала, но святыя слова трогали ее до слезъ, и такія слова, какъ «аще» и «дондеже», она произносила со сладкимъ замираніемъ сердца. Она вѣрила въ Бога, въ Божію Матерь, въ угодниковъ; вѣрила, что нельзя обижать никого на свѣтѣ, — ни простыхъ людей, ни нѣмцевъ, ни цыганъ, ни евреевъ, и что горе даже тѣмъ, кто не жалѣетъ животныхъ; вѣрила, что такъ написано въ святыхъ книгахъ, и потому, когда она произносила слова изъ Писанія, даже непонятныя, то лицо у нея становилось жалостливымъ, умиленнымъ и свѣтлымъ.

— Ты откуда родомъ? — спросила Марья.

— Я владимірская. А только я взята въ Москву уже давно, восьми годочковъ.

Подошли къ рѣкѣ. На той сторонѣ у самой воды стояла какая-то женщина и раздѣвалась.

— Это наша Ѳекла, — узнала Марья: — за рѣку на барскій дворъ ходила. Къ приказчикамъ. Озорная и ругательная — страсть!

Ѳекла, чернобровая, съ распущенными волосами, молодая еще и крѣпкая, какъ дѣвушка, бросилась съ берега и застучала по водѣ ногами, и во всѣ стороны отъ нея пошли волны.

— Озорная — страсть! — повторила Марья.

Черезъ рѣку были положены шаткія бревенчатыя лавы, и какъ разъ подъ ними, въ чистой, прозрачной водѣ, ходили стаи широколобыхъ голавлей. На зеленыхъ кустахъ, которые смотрѣ-

лись въ воду, сверкала роса. Повѣяло теплотой, стало отрадно. Какое прекрасное утро! И, вѣроятно, какая была бы прекрасная жизнь на этомъ свѣтѣ, если бы не нужда, ужасная, безысходная нужда, отъ которой нигдѣ не спрячешься! Стоило теперь только оглянуться на деревню, какъ живо вспоминалось все вчерашнее — и очарованіе счастья, какое чудилось кругомъ, исчезло въ одно мгновеніе.

Пришли въ церковь. Марья остановилась у входа и не посмѣла идти дальше. И сѣсть не посмѣла, хотя къ обѣднѣ заблаговѣстили только въ девятомъ часу. Такъ и стояла все время.

Когда читали Евангеліе, народъ вдругъ задвигался, давая дорогу помѣщичьей семьѣ; вошли двѣ дѣвушки въ бѣлыхъ платьяхъ, въ широкополыхъ шляпахъ, и съ ними полный, розовый мальчикъ въ матросскомъ костюмѣ. Ихъ появленіе растрогало Ольгу; она съ перваго взгляда рѣшила, что это — порядочные, образованные и красивые люди. Марья же глядѣла на нихъ исподлобья, угрюмо, уныло, какъ будто это вошли не люди, а чудовища, которыя могли бы раздавить ее, если бъ она не посторонилась.

А когда дьяконъ возглашалъ что-нибудь басомъ, то ей всякій разъ чудился крикъ: «Ма-арья!» — и она вздрагивала.

III

Въ деревнѣ узнали о пріѣздѣ гостей, и уже послѣ обѣдни въ избу набралось много народа. Пришли и Леонычевы, и Матвѣичевы, и Ильичовы узнать про своихъ родственниковъ, служив-

шихъ въ Москвѣ. Всѣхъ жуковскихъ ребятъ, которые знали грамотѣ, отвозили въ Москву и отдавали тамъ только въ офиціанты и коридорные (какъ изъ села, что по ту сторону, отдавали только въ булочники), и такъ повелось давно, еще въ крѣпостное право, когда какой-то Лука Иванычъ, жуковскій крестьянинъ, теперь уже легендарный, служившій буфетчикомъ въ одномъ изъ московскихъ клубовъ, принималъ къ себѣ на службу только своихъ земляковъ, а эти, входя въ силу, выписывали своихъ родственниковъ и опредѣляли ихъ въ трактиры и рестораны; и съ того времени деревня Жуково иначе уже не называлась у окрестныхъ жителей, какъ Хамская или Холуевка. Николая отвезли въ Москву, когда ему было одиннадцать лѣтъ, и опредѣлялъ его на мѣсто Иванъ Макарычъ, изъ семьи Матвѣичевыхъ, служившій тогда капельдинеромъ въ саду «Эрмитажъ». И теперь, обращаясь къ Матвѣичевымъ, Николай говорилъ наставительно:

— Иванъ Макарычъ — мой благодѣтель, и я обязанъ за него Бога молить денно и нощно, такъ какъ я черезъ него сталъ хорошимъ человѣкомъ.

— Батюшка ты мой, — проговорила слезливо высокая старуха, сестра Ивана Макарыча: — и ничего про нихъ, голубчика, не слыхать.

— Зимой служилъ онъ у Омона, а въ нынѣшній сезонъ, былъ слухъ, гдѣ-то за городомъ, въ садахъ... Постарѣлъ! Прежде, случалось, лѣтнимъ дѣломъ, приносилъ домой рублей по десять въ день, а теперь повсемѣстно дѣла стали тихія, мается старичокъ.

Старухи и бабы глядѣли на ноги Николая,

обутыя въ валенки, и на его блѣдное лицо, и говорили печально:

— Не добычикъ ты, Николай Осипычъ, не добычикъ! Гдѣ ужъ!

И всѣ ласкали Сашу. Ей уже минуло десять лѣтъ, но она была мала ростомъ, очень худа, и на видъ ей можно было дать лѣтъ семь, не больше. Среди другихъ дѣвочекъ, загорѣвшихъ, дурно остриженныхъ, одѣтыхъ въ длинныя полинялыя рубахи, она, бѣленькая, съ большими, темными глазами, съ красною ленточкой въ волосахъ, казалась забавною, точно это былъ звѣрекъ, котораго поймали въ полѣ и принесли въ избу.

— Она у меня и читать можетъ! — похвалилась Ольга, нѣжно глядя на свою дочь. — Почитай, дѣтка! — сказала она, доставая изъ угла Евангеліе. — Ты почитай, а православные послушаютъ.

Евангеліе было старое, тяжелое, въ кожаномъ переплетѣ, съ захватанными краями, и отъ него запахло такъ, будто въ избу вошли монахи. Саша подняла брови и начала громко, нараспѣвъ:

— «Отшедшимъ же имъ, се Ангелъ Господень,... во снѣ явился Іосифу, глаголя: «воставъ поими Отроча и Матерь Его»...

— Отроча и Матерь Его, — повторила Ольга и вся раскраснѣлась отъ волненія.

— «И бѣжи во Египетъ... и буди тамо, дондеже реку ти...»

При словѣ «дондеже» Ольга не удержалась и заплакала. На нее глядя, всхлипнула Марья, потомъ сестра Ивана Макарыча. Старикъ закашлялся и засуетился, чтобы дать внучкѣ го-

стинца, но ничего не нашелъ и только махнулъ рукой. И когда чтеніе кончилось, сосѣди разошлись по домамъ, растроганные и очень довольные Ольгой и Сашей.

По случаю праздника семья оставалась весь день дома. Старуха, которую и мужъ, и невѣстки, и внуки, всѣ одинаково называли бабкой, старалась все дѣлать сама; сама топила печь и ставила самоваръ, сама даже ходила наполдень и потомъ роптала, что ее замучили работой. И все она безпокоилась, какъ бы кто не съѣлъ лишняго куска, какъ бы старикъ и невѣстки не сидѣли безъ работы. То слышалось ей, что гуси трактирщика идутъ задами на ея огородъ, и она выбѣгала изъ избы съ длинною палкой и потомъ съ полчаса пронзительно кричала около своей капусты, дряблой и тощей, какъ она сама; то ей казалось, что ворона подбирается къ цыплятамъ, и она съ бранью бросалась на ворону. Сердилась и ворчала она отъ утра до вечера и часто поднимала такой крикъ, что на улицѣ останавливались прохожіе.

Со своимъ старикомъ она обращалась неласково, обзывала его то лежебокой, то холерой. Это былъ неосновательный, ненадежный мужикъ и, быть можетъ, если бы она не понукала его постоянно, то онъ не работалъ бы вовсе, а только сидѣлъ бы на печи да разговаривалъ. Онъ подолгу разсказывалъ сыну про какихъ-то своихъ враговъ, жаловался на обиды, которыя онъ будто бы терпѣлъ каждый день отъ сосѣдей, и было скучно его слушать.

— Да, — разсказывалъ онъ, взявшись за бока. — Да... Послѣ Воздвиженія черезъ не-

дѣлю продалъ я сѣно по тридцать копеекъ за пудъ, добровольно... Да... Хорошо... Только это, значитъ, везу я утромъ сѣно добровольно, никого не трогаю; въ недобрый часъ, гляжу — выходитъ изъ трактира староста Антипъ Сѣдельниковъ. «Куда везешь, такой сякой?» — и меня по уху.

А у Кирьяка мучительно болѣла голова съ похмелья, и ему было стыдно передъ братомъ.

— Водка-то что дѣлаетъ. Ахъ, ты, Боже мой! — бормоталъ онъ, встряхивая своею больною головой. — Ужъ вы, братецъ и сестрица, простите Христа ради, самъ не радъ.

По случаю праздника купили въ трактирѣ селедку и варили похлебку изъ селедочной головки. Въ полдень всѣ сѣли пить чай и пили его долго, до пота, и, казалось, распухли отъ чая, и уже послѣ этого стали ѣсть похлебку, всѣ изъ одного горшка. А селедку бабка спрятала.

Вечеромъ гончаръ на обрывѣ жегъ горшки. Внизу на лугу дѣвушки водили хороводъ и пѣли. Играли на гармоникѣ. И на зарѣчной сторонѣ тоже горѣла одна печь и пѣли дѣвушки, и издали это пѣніе казалось стройнымъ и нѣжнымъ. Въ трактирѣ и около шумѣли мужики; они пѣли пьяными голосами, всѣ врозь, и бранились такъ, что Ольга только вздрагивала и говорила:

— Ахъ, батюшки!..

Ее удивляло, что брань слышалась непрерывно, и что громче и дольше всѣхъ бранились старики, которымъ пора уже умирать. А дѣти и дѣвушки слушали эту брань и нисколько не смущались, и видно было, что они привыкли къ ней съ колыбели.

Миновала полночь, уже потухли печи здѣсь и на той сторонѣ, а внизу на лугу и въ трактирѣ все еще гуляли. Старикъ и Кирьякъ, пьяные, взявшись за руки, толкая другъ друга плечами, подошли къ сараю, гдѣ лежали Ольга и Марья.

— Оставь, — убѣждалъ старикъ: — оставь... Она баба смирная... Грѣхъ...

— Ма-арья! — крикнулъ Кирьякъ.

— Оставь... Грѣхъ... Она баба ничего.

Оба постояли съ минуту около сарая и пошли.

— Лю-эблю я цвѣты полевы-и! — запѣлъ вдругъ старикъ высокимъ, пронзительнымъ теноромъ. — Лю-эблю по лугамъ собирать!

Потомъ сплюнулъ, нехорошо выбранился и пошелъ въ избу.

IV

Бабка поставила Сашу около своего огорода и приказала ей стеречь, чтобы не зашли гуси. Былъ жаркій августовскій день. Гуси трактирщика могли пробраться къ огороду задàми, но они теперь были заняты дѣломъ, подбирали овесъ около трактира, мирно разговаривая, и только гусакъ поднималъ высоко голову, какъ бы желая посмотрѣть, не идетъ ли старуха съ палкой; другіе гуси могли придти снизу, но эти теперь паслись далеко за рѣкой, протянувшись по лугу длинной бѣлой гирляндой. Саша постояла немного, соскучилась и, видя, что гуси не идутъ, отошла къ обрыву.

Тамъ она увидала старшую дочь Марьи, Мотьку, которая стояла неподвижно на громадномъ камнѣ и глядѣла на церковь. Марья рожала три-

надцать разъ, но осталось у нея только шестеро и всѣ — дѣвочки, ни одного мальчика, и старшей было восемь лѣтъ. Мотька, босая, въ длинной рубахѣ, стояла на припекѣ, солнце жгло ей прямо въ темя, но она не замѣчала этого и точно окаменѣла. Саша стала съ нею рядомъ и сказала, глядя на церковь:

— Въ церкви Богъ живетъ. У людей горятъ лампы да свѣчи, а у Бога лампадки красненькія, зелененькія, синенькія, какъ глазочки. Ночью Богъ ходитъ по церкви, и съ нимъ Пресвятая Богородица и Николай угодничекъ — тупъ, тупъ, тупъ... А сторожу страшно, страшно! И-и, касатка, — добавила она, подражая своей матери. — А когда будетъ свѣтопреставленіе, то всѣ церкви унесутся на небо.

— Съ ко-ло-ко-ла-ми? — спросила Мотька басомъ, растягивая каждый слогъ.

— Съ колоколами. А когда свѣтопреставленіе, добрые пойдутъ въ рай, а сердитые будутъ горѣть въ огнѣ вѣчно и неугасимо, касатка. Моей мамѣ и тоже Марьѣ Богъ скажетъ: вы никого не обижали и за это идите направо, въ рай; а Кирьяку и бабкѣ скажетъ: а вы идите налѣво, въ огонь. И кто скоромное ѣлъ, того тоже въ огонь.

Она посмотрѣла вверхъ на небо, широко раскрывъ глаза, и сказала:

— Гляди на небо, не мигай, — ангеловъ видать.

Мотька тоже стала смотрѣть на небо, и минута прошла въ молчаніи.

— Видишь? — спросила Саша.

— Не видать, — проговорила Мотька басомъ.

— А я вижу. Маленькіе ангелочки летаютъ по небу и крылышками — мелькъ, мелькъ, будто комарики.

Мотька подумала немного, глядя на землю, и спросила:

— Бабка будетъ горѣть?

— Будетъ, касатка.

Отъ камня до самаго низа шелъ ровный, отлогій скатъ, покрытый мягкою зеленою травой, которую хотѣлось рукой потрогать или полежать на ней. Саша легла и скатилась внизъ. Мотька съ серьезнымъ, строгимъ лицомъ, отдуваясь тоже легла и скатилась, и при этомъ у нея рубаха задралась до плечъ.

— Какъ мнѣ стало смѣшно! — сказала Саша въ восторгѣ.

Онѣ обѣ пошли наверхъ, чтобы скатиться еще разъ, но въ это время послышался знакомый визгливый голосъ. О, какъ это ужасно! Бабка, беззубая, костлявая, горбатая, съ короткими сѣдыми волосами, которые развѣвались по вѣтру, длинною палкой гнала отъ огорода гусей и кричала:

— Всю капусту потолкли, окаянные, чтобъ вамъ переколѣть, трижды анаѳемы, язвы, нѣтъ на васъ погибели!

Она увидѣла дѣвочекъ, бросила палку, подняла хворостину и, схвативши Сашу за шею пальцами, сухими и твердыми, какъ рогульки, стала ее сѣчь. Саша плакала отъ боли и страха, а въ это время гусакъ, переваливаясь съ ноги на ногу и вытянувъ шею, подошелъ къ старухѣ и прошипѣлъ что-то, и когда онъ вернулся къ своему стаду, то всѣ гусыни одобрительно при-

вѣтствовали его: го-го-го! Потомъ бабка принялась сѣчь Мотьку, и при этомъ у Мотьки опять задралась рубаха. Испытывая отчаяніе, громко плача, Саша пошла къ избѣ, чтобы пожаловаться; за нею шла Мотька, которая тоже плакала, но басомъ, не вытирая слезъ, и лицо ея было уже такъ мокро, какъ будто она обмакнула его въ воду.

— Батюшки мои! — изумилась Ольга, когда обѣ онѣ вошли въ избу. — Царица Небесная!

Саша начала разсказывать, и въ это время съ пронзительнымъ крикомъ и съ бранью вошла бабка, разсердилась Ѳекла, и въ избѣ стало шумно.

— Ничего, ничего! — утѣшала Ольга, блѣдная, разстроенная, гладя Сашу по головѣ. — Она — бабушка, на нее грѣхъ сердиться. Ничего, дѣтка.

Николай, который былъ ужъ измученъ этимъ постояннымъ крикомъ, голодомъ, угаромъ, смрадомъ, который уже ненавидѣлъ и презиралъ бѣдность, которому было стыдно передъ женой и дочерью за своихъ отца и мать, свѣсилъ съ печи ноги и проговорилъ раздраженно, плачущимъ голосомъ, обращаясь къ матери:

— Вы не можете ее бить! Вы не имѣете никакого полнаго права ее бить!

— Ну, околѣваешь тамъ на печкѣ, ледащій! — крикнула на него Ѳекла со злобой. — Принесла васъ сюда нелегкая, дармоѣдовъ!

И Саша, и Мотька, и всѣ дѣвочки, сколько ихъ было, забились на печи въ уголъ, за спиной Николая, и оттуда слушали все это молча, со страхомъ, и слышно было, какъ стучали ихъ

маленькія сердца. Когда въ семьѣ есть больной, который болѣетъ уже давно и безнадежно, то бываютъ такія тяжкія минуты, когда всѣ близкіе робко, тайно, въ глубинѣ души желаютъ его смерти; и только одни дѣти боятся смерти родного человѣка и при мысли о ней всегда испытываютъ ужасъ. И теперь дѣвочки, притаивъ дыханіе, съ печальнымъ выраженіемъ на лицахъ, смотрѣли на Николая и думали о томъ, что онъ скоро умретъ, и имъ хотѣлось плакать и сказать ему что-нибудь ласковое, жалостное.

Онъ прижимался къ Ольгѣ, точно ища у нея защиты, и говорилъ ей тихо, дрожащимъ голосомъ:

— Оля, милая, не могу я больше тутъ. Силы моей нѣтъ. Ради Бога, ради Христа Небеснаго, напиши ты своей сестрицѣ Клавдіи Абрамовнѣ, пусть продаетъ и закладываетъ все, что есть у ней, пусть высылаетъ денегъ, мы уѣдемъ отсюда. О, Господи, — продолжалъ онъ съ тоской: — хоть бы однимъ глазомъ на Москву взглянуть! Хоть бы она приснилась мнѣ, матушка!

А когда наступилъ вечеръ и въ избѣ потемнѣло, то стало такъ тоскливо, что трудно было выговорить слово. Сердитая бабка намочила ржаныхъ корокъ въ чашкѣ и сосала ихъ долго, цѣлый часъ. Марья, подоивъ корову, принесла ведро съ молокомъ и поставила на скамью; потомъ бабка переливала изъ ведра въ кувшины, тоже долго, не спѣша, видимо довольная, что теперь, въ Успеньевъ постъ, никто не станетъ ѣсть молока и оно все останется цѣло. И только немножко, чуть-чуть, она отлила въ блюдечко для ребенка Ѳеклы. Когда она и Марья понесли кув-

шины на погребицу, Мотька вдругъ встрепенулась, сползла съ печи и, подойдя къ скамьѣ, гдѣ стояла деревянная чашка съ корками, плеснула въ нее молока изъ блюдечка.

Бабка, вернувшись въ избу, принялась опять за свои корки, а Саша и Мотька, сидя на печи, смотрѣли на нее, и имъ было пріятно, что она оскоромилась и теперь ужъ пойдетъ въ адъ. Онѣ утѣшились и легли спать, и Саша, засыпая, воображала страшный судъ: горѣла большая печь, въ родѣ гончарной, и нечистый духъ съ рогами, какъ у коровы, весь черный, гналъ бабку въ огонь длинною палкой, какъ давеча она сама гнала гусей.

V

На Успенье, въ одиннадцатомъ часу вечера, дѣвушки и парни, гулявшіе внизу на лугу, вдругъ подняли крикъ и визгъ и побѣжали по направленію къ деревнѣ; и тѣ, которые сидѣли наверху, на краю обрыва, въ первую минуту никакъ не могли понять, отчего это.

— Пожаръ! Пожаръ! — раздался внизу отчаянный крикъ. — Горимъ!

Тѣ, которые сидѣли наверху, оглянулись, и имъ представилась страшная, необыкновенная картина. На одной изъ крайнихъ избъ, на соломенной крышѣ стоялъ огненный, въ сажень вышиною, столбъ, который клубился и сыпалъ отъ себя во всѣ стороны искры, точно фонтанъ билъ. И тотчасъ же загорѣлась вся крыша яркимъ пламенемъ, и послышался трескъ огня.

Свѣтъ луны померкъ, и уже вся деревня

была охвачена краснымъ, дрожащимъ свѣтомъ; по землѣ ходили черныя тѣни, пахло гарью; и тѣ, которые бѣжали снизу, всѣ запыхались, не могли говорить отъ дрожи, толкались, падали и, съ непривычки къ яркому свѣту, плохо видѣли и не узнавали другъ друга. Было страшно. Особенно было страшно то, что надъ огнемъ, въ дыму, летали голуби и въ трактирѣ, гдѣ еще не знали о пожарѣ, продолжали пѣть и играть на гармоникѣ, какъ ни въ чемъ не бывало.

— Дядя Семенъ горитъ! — крикнулъ кто-то громкимъ, грубымъ голосомъ.

Марья металась около своей избы, плача, ломая руки, стуча зубами, хотя пожаръ былъ далеко, на другомъ краю; вышелъ Николай въ валенкахъ, повыбѣгали дѣти въ рубашонкахъ. Около избы десятскаго забили въ чугунную доску. Бемъ, бемъ, бемъ... понеслось по воздуху, и отъ этого частаго, неугомоннаго звона щемило за сердце и становилось холодно. Старыя бабы стояли съ образами. Изъ дворовъ выгоняли на улицу овецъ, телятъ и коровъ, выносили сундуки, овчины, кадки. Вороной жеребецъ, котораго не пускали въ табунъ, такъ какъ онъ лягалъ и ранилъ лошадей, пущенный на волю, топоча, со ржаньемъ, пробѣжалъ по деревнѣ разъ и другой и вдругъ остановился около телѣги и сталъ бить ее задними ногами.

Зазвонили и на той сторонѣ, въ церкви.

Около горѣвшей избы было жарко и такъ свѣтло, что на землѣ видна была отчетливо каждая травка. На одномъ изъ сундуковъ, которые успѣли вытащить, сидѣлъ Семенъ, рыжій мужикъ съ большимъ носомъ, въ картузѣ, надвинутомъ на-

голову глубоко, до ушей, въ пиджакѣ; его жена лежала лицомъ внизъ, въ забытьи, и стонала. Какой-то старикъ лѣтъ восьмидесяти, низенькій съ большою бородой, похожій на гнома, не здѣшній, но, очевидно, причастный къ пожару, ходилъ возлѣ, безъ шапки, съ бѣлымъ узелкомъ въ рукахъ; въ лысинѣ его отсвѣчивалъ огонь. Староста Антипъ Сѣдельниковъ, смуглый и черноволосый, какъ цыганъ, подошелъ къ избѣ съ топоромъ и вышибъ окна, одно за другимъ — неизвѣстно для чего, потомъ сталъ рубить крыльцо.

— Бабы, воды! — кричалъ онъ. — Машину подава-ай! Поворачивайся!

Тѣ самые мужики, которые только-что гуляли въ трактирѣ, тащили на себѣ пожарную машину. Всѣ они были пьяны, спотыкались и падали, и у всѣхъ было безпомощное выраженіе и слезы на глазахъ.

— Дѣвки, воды! — кричалъ староста, тоже пьяный. — Поворачивайся, дѣвки!

Бабы и дѣвки бѣгали внизъ, гдѣ былъ ключъ, и таскали на гору полныя ведра и ушаты, и, выливъ въ машину, опять убѣгали. Таскали воду и Ольга, и Марья, и Саша, и Мотька. Качали воду бабы и мальчишки, кишка шипѣла, и староста, направляя ее то въ дверь, то въ окна, задерживалъ пальцемъ струю, отчего она шипѣла еще рѣзче.

— Молодецъ, Антипъ! — слышались одобрительные голоса. — Старайся!

А Антипъ лѣзъ въ сѣни, въ огонь и кричалъ оттуда:

— Качай! Потрудитесь, православные, по случаю такого несчастнаго происшествія!

Мужики стояли толпой возлѣ, ничего не дѣлая, и смотрѣли на огонь. Никто не зналъ, за что приняться, никто ничего не умѣлъ, а кругомъ были стога хлѣба, сѣно, сараи, кучи сухого хвороста. Стояли тутъ и Кирьякъ, и старикъ Осипъ, его отецъ, оба навеселѣ. И, какъ бы желая оправдать свою праздность, старикъ говорилъ, обращаясь къ бабѣ, лежащей на землѣ:

— Чего, кума, колотиться! Изба заштрафована — чего тебѣ!

Семенъ, обращаясь то къ одному, то къ другому, разсказывалъ, отчего загорѣлось:

— Этотъ самый старичокъ, съ узелкомъ-то, генерала Жукова дворовый... У нашего генерала, царство небесное, въ поварахъ былъ. Приходитъ вечеромъ: «пусти, говоритъ, ночевать»... Ну, выпили по стаканчику, извѣстно... Баба заходилась около самовара, — старичка чаемъ попоить, да не въ добрый часъ заставила самоваръ въ сѣняхъ, огонь изъ трубы, значитъ, прямо въ крышу, въ солому, оно и того. Чуть сами не сгорѣли. И шапка у старика сгорѣла, грѣхъ такой.

А въ чугунную доску били безъ-устали и часто звонили въ церкви за рѣкой. Ольга, вся въ свѣту, задыхаясь, глядя съ ужасомъ на красныхъ овецъ и на розовыхъ голубей, летавшихъ въ дыму, бѣгала то внизъ, то наверхъ. Ей казалось, что этотъ звонъ острою колючкой вошелъ ей въ душу, что пожаръ никогда не окончится, что потерялась Саша... А когда въ избѣ съ шумомъ рухнулъ потолокъ, то отъ мысли, что теперь сгоритъ непремѣнно вся деревня, она ослабѣла и уже не могла таскать воду, а сидѣла на

обрывѣ, поставивъ возлѣ себя ведра; рядомъ и ниже сидѣли бабы и голосили, какъ по покойникѣ.

Но вотъ съ той стороны, изъ городской усадьбы, пріѣхали на двухъ подводахъ приказчики и работники и привезли съ собою пожарную машину. Пріѣхалъ верхомъ студентъ въ бѣломъ кителѣ на распашку, очень молодой. Застучали топорами, подставили къ горѣвшему срубу лѣстницу и полѣзли по ней сразу пять человѣкъ, и впереди всѣхъ студентъ, который былъ красенъ и кричалъ рѣзкимъ, охрипшимъ голосомъ и такимъ тономъ, какъ будто тушеніе пожаровъ было для него привычнымъ дѣломъ. Разбирали избу по бревнамъ; растащили хлѣвъ, плетень и ближайшій стогъ.

— Не давайте ломать! — раздались въ толпѣ строгіе голоса. — Не давай!

Кирьякъ направился къ избѣ съ рѣшительнымъ видомъ, какъ бы желая помѣшать пріѣзжимъ ломать, но одинъ изъ рабочихъ повернулъ его назадъ и ударилъ по шеѣ. Послышался смѣхъ, работникъ еще разъ ударилъ, Кирьякъ упалъ и на четверенькахъ поползъ назадъ въ толпу.

Пришли съ той стороны двѣ красивыя дѣвушки въ шляпкахъ, — должно быть, сестры студента. Онѣ стояли поодаль и смотрѣли на пожаръ. Растасканныя бревна уже не горѣли, но сильно дымили; студентъ, работая кишкой, направлялъ струю то на эти бревна, то на мужиковъ, то на бабъ, таскавшихъ воду.

— Жоржъ! — кричали ему дѣвушки укоризненно и съ тревогой. — Жоржъ!

Пожаръ кончился. И только когда стали расходиться, замѣтили, что уже разсвѣтъ, что всѣ блѣдны, немножко смуглы, — это всегда такъ кажется въ раннія утра, когда на небѣ гаснутъ послѣднія звѣзды. Расходясь, мужики смѣялись и подшучивали надъ поваромъ генерала Жукова и надъ шапкой, которая сгорѣла; имъ уже хотѣлось разыграть пожаръ въ шутку и какъ будто даже было жаль, что пожаръ такъ скоро кончился.

— Вы, барпнъ, хорошо тушили, — сказала Ольга студенту. — Васъ бы къ намъ, въ Москву: тамъ, почитай, каждый день пожаръ.

— А вы развѣ изъ Москвы? — спросила одна изъ барышень.

— Точно такъ. Мой мужъ служилъ въ «Славянскомъ Базарѣ»-съ. А это моя дочь, — указала она на Сашу, которая озябла и жалась къ ней. — Тоже московская-съ.

Обѣ барышни сказали что-то по-французски студенту, и тотъ подалъ Сашѣ двугривенный. Старикъ Осипъ видѣлъ это, и на лицѣ у него вдругъ засвѣтилась надежда.

— Благодарить Бога, ваше высокоблагородіе, вѣтра не было, — сказалъ онъ, обращаясь къ студенту: — а то бы погорѣли въ одночасье. Ваше высокоблагородіе, господа хорошіе, — добавилъ онъ конфузливо, тономъ ниже: — заря холодная, погрѣться бы... на полбутылочки съ вашей милости.

Ему ничего не дали, и онъ, крякнувъ, поплелся домой. Ольга потомъ стояла на краю и смотрѣла, какъ обѣ повозки переѣзжали рѣку бродомъ, какъ по лугу шли господа; ихъ на той сто-

ронѣ ожидалъ экипажъ. А придя въ избу, она разсказывала мужу съ восхищеніемъ:

— Да такіе хорошіе! Да такіе красивые! А барышни — какъ херувимчики.

— Чтобъ ихъ рбзорвало! — проговорила сонная Өекла со злобой.

VI

Марья считала себя несчастною и говорила, что ей очень хочется умереть; Өеклѣ же, напротивъ, была по вкусу ея эта жизнь: и бѣдность, и нечистота, и неугомонная брань. Она ѣла, что давали, не разбирая; спала, гдѣ и на чемъ придется; помои выливала у самаго крыльца: выплеснетъ съ порога, да еще пройдется босыми ногами по лужѣ. И она съ перваго же дня возненавидѣла Ольгу и Николая именно за то, что имъ не нравилась эта жизнь.

— Погляжу, что вы тутъ будете ѣсть, дворяне московскіе! — говорила она съ злорадствомъ. — Погляжу-у!

Однажды утромъ, — это было уже въ началѣ сентября, — Өекла принесла снизу два ведра воды, розовая отъ холода, здоровая, красивая; въ это время Марья и Ольга сидѣли за столомъ и пили чай.

— Чай да сахаръ! — проговорила Өекла насмѣшливо. — Барыни какія, — добавила она, ставя ведра: — моду себѣ взяли каждый день чай пить. Гляди-ко-сь, не раздуло бы васъ съ чаю-то! — продолжала она, глядя съ ненавистью на Ольгу. — Нагуляла въ Москвѣ пухлую морду, толстомясая!

Она замахнулась коромысломъ и ударила Ольгу по плечу, такъ что обѣ невѣстки только всплеснули руками и проговорили:

— Ахъ, батюшки.

Потомъ Ѳекла пошла на рѣку мыть бѣлье и всю дорогу бранилась такъ громко, что было слышно въ избѣ.

Прошелъ день. Наступилъ длинный осенній вечеръ. Въ избѣ мотали шелкъ; мотали всѣ, кромѣ Ѳеклы: она ушла за рѣку. Шелкъ брали съ ближней фабрики, и вся семья вырабатывала на немъ немного — копеекъ двадцать въ недѣлю.

— При господахъ лучше было, — говорилъ старикъ, мотая шелкъ. — И работаешь, и ѣшь, и спишь, все своимъ чередомъ. Въ обѣдъ щи тебѣ и каша, въ ужинъ тоже щи и каша. Огурцовъ и капусты было вволю: ѣшь добровольно, сколько душа хочетъ. И строгости было больше. Всякій себя помнилъ.

Свѣтила только одна лампочка, которая горѣла тускло и дымила. Когда кто-нибудь заслонялъ лампочку и большая тѣнь падала на окно, то виденъ былъ яркій лунный свѣтъ. Старикъ Осипъ разсказывалъ, не спѣша, про то, какъ жили до воли, какъ въ этихъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ теперь живется такъ скучно и бѣдно, охотились съ гончими, съ борзыми, съ псковичами, и во время облавъ мужиковъ поили водкой, какъ въ Москву ходили цѣлые обозы съ битою птицей для молодыхъ господъ, какъ злыхъ наказывали розгами или ссылали въ Тверскую вотчину, а добрыхъ награждали. И бабка тоже разсказала кое-что. Она все помнила, рѣшитель-

но все. Она разсказала про свою госпожу, добрую, богобоязненную женщину, у которой мужъ былъ кутила и развратникъ, и у которой всѣ дочери повыходили замужъ Богъ знаетъ какъ: одна вышла за пьяницу, другая — за мѣщанина, третью — увезли тайно (сама бабка, которая была тогда дѣвушкой, помогала увозить), и всѣ онѣ скоро умерли съ горя, какъ и ихъ мать. И вспомнивъ объ этомъ, бабка даже всплакнула.

Вдругъ кто-то постучалъ въ дверь, и всѣ вздрогнули.

— Дядя Осипъ, пусти ночевать!

Вошелъ маленькій, лысый старичокъ, поваръ генерала Жукова, тотъ самый, у котораго сгорѣла шапка. Онъ присѣлъ, послушалъ и тоже сталъ вспоминать и разсказывать разныя исторіи. Николай, сидя на печи, свѣсивъ ноги, слушалъ и спрашивалъ все о кушаньяхъ, какія готовили при господахъ. Говорили о биткахъ, котлетахъ, разныхъ супахъ, соусахъ, и поваръ, который тоже все хорошо помнилъ, называлъ кушанья, какихъ нѣтъ теперь; было, напримѣръ, кушанье, которое приготовлялось изъ бычьихъ глазъ и называлось «по утру проснувшись».

— А котлеты марешаль тогда дѣлали? — спросилъ Николай.

— Нѣтъ.

Николай укоризненно покачалъ головой и сказалъ:

— Эхъ вы, горе-повара.

Дѣвочки, сидя и лежа на печи, глядѣли внизъ, не мигая; казалось, что ихъ было очень много — точно херувимы въ облакахъ. Разска-

зы имъ нравились; онѣ вздыхали, вздрагивали и блѣднѣли то отъ восторга, то отъ страха, а бабку, которая разсказывала интереснѣе всѣхъ, онѣ слушали не дыша, боясь пошевельнуться.

Ложились спать молча; и старики, потревоженные разсказами, взволнованные, думали о томъ, какъ хороша молодость, послѣ которой, какая бы она ни была, остается въ воспоминаніяхъ одно только живое, радостное, трогательное, и какъ страшно холодна эта смерть, которая не за горами, — лучше о ней и не думать! Лампочка потухла. И потемки, и два окошка, рѣзко освѣщенныя луной, и тишина, и скрипъ колыбели напоминали почему-то только о томъ, что жизнь уже прошла, что не вернешь ея никакъ... Вздремнешь, забудешься, и вдругъ кто-то трогаетъ за плечо, дуетъ въ щеку — и сна нѣтъ, тѣло такое, точно отлежалъ его, и лѣзутъ въ голову все мысли о смерти; повернулся на другой бокъ, — о смерти уже забылъ, но въ головѣ бродятъ давнія, скучныя, нудныя мысли о нуждѣ, о кормахъ, о томъ, что мука вздорожала, а немного погодя опять вспоминается, что жизнь уже прошла, не вернешь ея...

— О, Господи! — вздохнулъ поваръ.

Кто-то тихо-тихо постучалъ въ окошко. Должно быть, Ѳекла вернулась. Ольга встала и, зѣвая, шепча молитву, отперла дверь, потомъ въ сѣняхъ вынула засовъ. Но никто не входилъ, только съ улицы повѣяло холодомъ и стало вдругъ свѣтло отъ луны. Въ открытую дверь было видно и улицу, тихую, пустынную, и самую луну, которая плыла по небу.

— Кто тутъ? — окликнула Ольга.

— Я, — послышался отвѣтъ. — Это я.

Около двери, прижавшись къ стѣнѣ, стояла Ѳекла, совершенно нагая. Она дрожала отъ холода, стучала зубами, и при яркомъ свѣтѣ луны казалась очень блѣдною, красивою и странною. Тѣни на ней и блескъ луны на кожѣ какъ-то рѣзко бросались въ глаза и особенно отчетливо обозначались ея темныя брови и молодая, крѣпкая грудь.

— На той сторонѣ озорники раздѣли, пустили такъ... — проговорила она. — Домой безъ одежи шла... въ чемъ мать родила. Принеси одѣться.

— Да ты въ избу иди! — тихо сказала Ольга, тоже начиная дрожать.

— Старики бы не увидали.

Въ самомъ дѣлѣ бабка уже безпокоилась и ворчала, и старикъ спрашивалъ: «Кто тамъ?» Ольга принесла свою рубаху и юбку, одѣла Ѳеклу и потомъ обѣ тихо, стараясь не стучать дверями, вошли въ избу.

— Это ты, гладкая? — сердито проворчала бабка, догадавшись, кто это! — У, чтобъ тебя, полунощница... нѣтъ на тебя погибели!

— Ничего, ничего, — шептала Ольга, кутая Ѳеклу: — ничего, касатка.

Опять стало тихо. Въ избѣ всегда плохо спали; каждому мѣшало спать что-нибудь неотвязчивое, назойливое: старику — боль въ спинѣ, бабкѣ — заботы и злость, Марьѣ — страхъ, дѣтямъ — чесотка и голодъ. И теперь тоже сонъ былъ тревожный: поворачивались съ боку на бокъ, бредили, вставали напиться.

Ѳекла вдругъ заревѣла громко, грубымъ го-

лосомъ, но тотчасъ же сдержала себя и изрѣдка всхлипывала, все тише и глуше, пока не смолкла. Временами съ той стороны, изъ-за рѣки, доносился бой часовъ; но часы били какъ-то странно: пробили пять, потомъ три.

— О, Господи! — вздыхалъ поваръ.

Глядя на окна, трудно было понять: все ли еще свѣтитъ луна, или это уже разсвѣтъ. Марья поднялась и вышла и слышно было, какъ она на дворѣ доила корову и говорила: «Сто-ой!» Вышла и бабка. Было еще темно въ избѣ, но уже стали видны всѣ предметы.

Николай, который не спалъ всю ночь, слѣзъ съ печи. Онъ досталъ изъ зеленаго сундучка свой фракъ, надѣлъ его и, подойдя къ окну, погладилъ рукава, подержался за фалдочки — и улыбнулся. Потомъ осторожно снялъ фракъ, спряталъ въ сундукъ и опять легъ.

Марья вернулась и стала топить печь. Она, повидимому, еще не совсѣмъ очнулась отъ сна и теперь просыпалась на ходу. Ей, вѣроятно, приснилось что-нибудь или пришли на память вчерашніе разсказы, такъ какъ она сладко потянулась передъ печью и сказала:

— Нѣтъ, воля лучше!

VII

Пріѣхалъ баринъ, — такъ въ деревнѣ называли станового пристава. О томъ, когда и зачѣмъ онъ пріѣдетъ, было извѣстно за недѣлю. Въ Жуковѣ было только сорокъ дворовъ, но недоимки, казенной и земской, накопилось больше двухъ тысячъ.

Становой остановился въ трактирѣ; онъ «выкушалъ» тутъ два стакана чаю и потомъ отправился пѣшкомъ въ избу старосты, около которой уже поджидала толпа недоимщиковъ. Староста Антипъ Сѣдельниковъ, несмотря на молодость, — ему было только 30 лѣтъ съ небольшимъ, — былъ строгъ и всегда держалъ сторону начальства, хотя самъ былъ бѣденъ и платилъ подати неисправно. Видимо, его забавляло, что онъ — староста, и нравилось сознаніе власти, которую онъ иначе не умѣлъ проявлять, какъ строгостью. На сходѣ его боялись и слушались; случалось, на улицѣ или около трактира онъ вдругъ налеталъ на пьянаго, связывалъ ему руки назадъ и сажалъ въ арестантскую; разъ даже посадилъ въ арестантскую бабку за то, что она, придя на сходъ вмѣсто Осипа, стала браниться, и продержалъ ее тамъ цѣлыя сутки. Въ городѣ онъ не живалъ и книгъ никогда не читалъ, но откуда-то набрался разныхъ умныхъ словъ и любилъ употреблять ихъ въ разговорѣ, и за это его уважали, хотя и не всегда понимали.

Когда Осипъ со своею оброчною книжкой вошелъ въ избу старосты, становой, худощавый старикъ съ длинными сѣдыми бакенами, въ сѣрой тужуркѣ, сидѣлъ за столомъ въ переднемъ углу и что-то записывалъ. Въ избѣ было чисто, всѣ стѣны пестрѣли отъ картинъ, вырѣзанныхъ изъ журналовъ, и на самомъ видномъ мѣстѣ около иконъ висѣлъ портретъ Баттенберга, бывшаго болгарскаго князя. Возлѣ стола, скрестивъ руки, стоялъ Антипъ Сѣдельниковъ.

— За имъ, ваше высокоблагородіе, 119 рублей, — сказалъ онъ, когда очередь дошла до

Осипа. — Передъ Святой какъ далъ рубль, такъ съ того времени ни копейки.

Приставъ поднялъ глаза на Осипа и спросилъ:

— Почему же это, братецъ?

— Явите божескую милость, ваше высокоблагородіе, — началъ Осипъ, волнуясь: — дозвольте сказать, лѣтошній годъ Люторѣцкій баринъ: «Осипъ, говоритъ, продай сѣно... Ты, говоритъ, продай». Отчего жъ? Было у меня пудовъ сто для продажи, на лоску бабы накосили... Ну, сторговались... Все хорошо, добровольно...

Онъ жаловался на старосту и то-и-дѣло оборачивался къ мужикамъ, какъ бы приглашая ихъ въ свидѣтели; лицо у него покраснѣло и вспотѣло, и глаза стали острые, злые.

— Я не понимаю, зачѣмъ ты это все говоришь, — сказалъ приставъ. — Я спрашиваю тебѣ... я тебѣ спрашиваю, отчего ты не платишь недоимку? Вы всѣ не платите, а я за васъ отвѣчай?

— Мочи моей нѣту!

— Слова эти безъ послѣдствія, ваше высокоблагородіе, — сказалъ староста. — Дѣйствительно, Чикильдѣевы недостаточнаго класса, но извольте спросить у прочихъ, причина вся — водка, и озорники очень. Безъ всякаго пониманія.

Приставъ записалъ что-то и сказалъ Осипу покойно, ровнымъ тономъ, точно просилъ воды:

— Пошелъ вонъ.

Скоро онъ уѣхалъ; и когда онъ садился въ свой дешевый тарантасъ и кашлялъ, то даже по выраженію его длинной худой спины видно было, что онъ уже не помнилъ ни объ Осипѣ, ни

о старостѣ, ни о жуковскихъ недоимкахъ, а думалъ о чемъ-то своемъ собственномъ. Не успѣлъ онъ отъѣхать и одну версту, какъ Антипъ Сѣдельниковъ уже выносилъ изъ избы Чикильдѣевыхъ самоваръ, а за нимъ шла бабка и кричала визгливо, напрягая грудь:

— Не отдамъ! Не отдамъ я тебѣ, окаянный!

Онъ шелъ быстро, дѣлая широкіе шаги, а та гналась за нимъ, задыхаясь, едва не падая, горбатая, свирѣпая; платокъ у нея сползъ на плечи, сѣдые, съ зеленоватымъ отливомъ волосы развѣвались по вѣтру. Она вдругъ остановилась, и, какъ настоящая бунтовщица, стала бить себя по груди кулаками и кричать еще громче, пѣвучимъ голосомъ, и какъ бы рыдая:

— Православные, кто въ Бога вѣруетъ! Батюшки, обидѣли! Родненькіе, затѣснили! Ой, ой, голубчики, вступитеся!

— Бабка, бабка, — сказалъ строго староста: — имѣй разсудокъ въ своей головѣ!

Безъ самовара въ избѣ Чикильдѣевыхъ стало совсѣмъ скучно. Было что-то унизительное въ этомъ лишеніи, оскорбительное, точно у избы вдругъ отняли ея честь. Лучше бы ужъ староста взялъ и унесъ столъ, всѣ скамьи, всѣ горшки, — не такъ бы казалось пусто. Бабка кричала, Марья плакала и дѣвочки, глядя на нее, тоже плакали. Старикъ, чувствуя себя виноватымъ, сидѣлъ въ углу понуро и молчалъ. И Николай молчалъ. Бабка любила и жалѣла его, но теперь забыла жалость, набросилась на него вдругъ съ бранью, съ попреками, тыча ему кулаками подъ самое лицо. Она кричала, что это онъ виноватъ во всемъ; въ самомъ дѣлѣ, почему онъ

присылалъ такъ мало, когда самъ же въ письмахъ хвалился, что добывалъ въ «Славянскомъ Базарѣ» по 50 рублей въ мѣсяцъ? Зачѣмъ онъ сюда пріѣхалъ, да еще съ семьей? Если умретъ, то на какія деньги его хоронить?... И было жалко смотрѣть на Николая, Ольгу и Сашу.

Старикъ крякнулъ, взялъ шапку и пошелъ къ старостѣ. Уже темнѣло. Антипъ Сѣдельниковъ паялъ что-то около печи, надувая щеки; было угарно. Дѣти его, тощія, неумытыя, не лучше Чикильдѣевскихъ, возились на полу; некрасивая, весноватая жена съ большимъ животомъ мотала шелкъ. Это была несчастная, убогая семья и только одинъ Антипъ выглядѣлъ молодцомъ и красавцемъ. На скамьѣ въ рядъ стояло пять самоваровъ. Старикъ помолился на Баттенберга и сказалъ:

— Антипъ, яви Божескую милость, отдай самоваръ! Христа ради!

— Принеси три рубля, тогда и получишь.

— Мочи моей нѣту!

Антипъ надувалъ щеки, огонь гудѣлъ и шипѣлъ, отсвѣчивая въ самоварахъ. Старикъ помялъ шапку и сказалъ, подумавъ:

— Отдай!

Смуглый староста казался уже совсѣмъ чернымъ и походилъ на колдуна; онъ обернулся къ Осипу и проговорилъ сурово и быстро:

— Отъ земскаго начальника все зависящее. Въ административномъ засѣданіи двадцать шестого числа можешь заявить поводъ къ своему неудовольствію словесно или на бумагѣ.

Осипъ ничего не понялъ, но удовлетворился этимъ и пошелъ домой.

Дней черезъ десять опять пріѣзжалъ становой, побылъ съ часъ и уѣхалъ. Въ тѣ дни погода стояла вѣтреная, холодная; рѣка давно уже замерзла, а снѣга все не было, и люди замучились безъ дороги. Какъ-то въ праздникъ передъ вечеромъ сосѣди зашли къ Осипу посидѣть, потолковать. Говорили въ темнотѣ, такъ какъ работать было грѣхъ и огня не зажигали. Были кое-какія новости, довольно непріятныя. Такъ, въ двухъ-трехъ домахъ забрали за недоимку куръ и отправили въ волостное правленіе, и тамъ онѣ поколѣли, такъ какъ ихъ никто не кормилъ; забрали овецъ и, пока везли, ихъ связанныхъ, перекладывая въ каждой деревнѣ на новыя подводы, одна издохла. И теперь рѣшали вопросъ: кто виноватъ?

— Земство! — говорилъ Осипъ. — Кто жъ!

— Извѣстно, земство.

Земство обвиняли во всемъ — и въ недоимкахъ, и въ притѣсненіяхъ, и въ неурожаяхъ, хотя ни одинъ не зналъ, что значитъ земство. И это пошло съ тѣхъ поръ, какъ богатые мужики, имѣющіе свои фабрики, лавки и постоялые дворы, побывали въ земскихъ гласныхъ, остались недовольны и потомъ въ своихъ фабрикахъ и трактирахъ стали бранить земство.

Поговорили о томъ, что Богъ не даетъ снѣга: возить дрова надо, а по кочкамъ ни ѣздить, ни ходить. Прежде, лѣтъ 15—20 назадъ и ранѣе, разговоры въ Жуковѣ были гораздо интереснѣе. Тогда у каждаго старика былъ такой видъ, какъ будто онъ хранилъ какую-то тайну, что-то зналъ и чего-то ждалъ; говорили о грамотѣ съ золотою печатью, о раздѣлахъ, о но-

выхъ земляхъ, о кладахъ, намекали на что-то; теперь же у жуковцевъ не было никакихъ тайнъ; вся ихъ жизнь была какъ на ладони, у всѣхъ на виду, и могли они говорить только о нуждѣ и кормахъ, о томъ, что нѣтъ снѣга...

Помолчали. И опять вспомнили про куръ и овецъ и стали рѣшать, кто виноватъ.

— Земство! — проговорилъ уныло Осипъ. — Кто жъ!

VIII

Приходская церковь была въ шести верстахъ, въ Косогоровѣ, и въ ней бывали только по нуждѣ, когда нужно было крестить, вѣнчаться или отпѣвать; молиться же ходили за рѣку. Въ праздники, въ хорошую погоду, дѣвушки наряжались и уходили толпой къ обѣднѣ, и было весело смотрѣть, какъ онѣ въ своихъ красныхъ, желтыхъ и зеленыхъ платьяхъ шли черезъ лугъ; въ дурную же погоду всѣ сидѣли дома. Говѣли въ приходѣ. Съ тѣхъ, кто въ Великомъ посту не успѣвалъ отговѣться, батюшка на Святой, обходя съ крестомъ избы, бралъ по 15 копеекъ.

Старикъ не вѣрилъ въ Бога, потому что почти никогда не думалъ о Немъ; онъ признавалъ сверхъестественное, но думалъ, что это можетъ касаться однѣхъ лишь бабъ, и когда говорили при немъ о религіи или чудесномъ и задавали ему какой-нибудь вопросъ, то онъ говорилъ нехотя, почесываясь:

— А кто жъ его знаетъ!

Бабка вѣрила, но какъ-то тускло; все перемѣшалось въ ея памяти, и едва она начинала

думать о грѣхахъ, о смерти, о спасеніи души, какъ нужда и заботы перехватывали ея мысль, и она тотчасъ же забывала, о чемъ думала. Молитвъ она не помнила и обыкновенно по вечерамъ, когда спать, становилась передъ образами и шептала:

«Казанской Божьей Матери, Смоленской Божьей Матери, Троеручицы Божьей Матери...»

Марья и Ѳекла крестились, говѣли каждый годъ, но ничего не понимали. Дѣтей не учили молиться, ничего не говорили имъ о Богѣ, не внушали никакихъ правилъ и только запрещали въ постъ ѣсть скоромное. Въ прочихъ семьяхъ было почти то же: мало, кто вѣрилъ, мало, кто понималъ. Въ то же время всѣ любили Священное Писаніе, любили нѣжно, благоговѣйно, но не было книгъ, некому было читать и объяснять, и за то, что Ольга иногда читала Евангеліе, ее уважали и всѣ говорили ей и Сашѣ «вы».

Ольга часто уходила на храмовые праздники и молебны въ сосѣднія села и въ уѣздный городъ, въ которомъ было два монастыря и двадцать семь церквей. Она была разсѣянна и, пока ходила на богомолье, совершенно забывала про семью и только, когда возвращалась домой, дѣлала вдругъ радостное открытіе, что у нея есть мужъ и дочь, и тогда говорила, улыбаясь и сіяя:

— Богъ милости прислалъ!

То, что происходило въ деревнѣ, казалось ей отвратительнымъ и мучило ее. На Илью пили, на Успенье пили, на Воздвиженье пили. На Покровъ въ Жуковѣ былъ приходскій праздникъ, и мужики по этому случаю пили три дня; пропили 50 рублей общественныхъ денегъ и потомъ

еще со всѣхъ дворовъ собирали на водку. Въ первый день у Чикильдѣевыхъ зарѣзали барана и ѣли его утромъ, въ обѣдъ и вечеромъ, ѣли помногу, и потомъ еще ночью дѣти вставали, чтобы поѣсть. Кирьякъ всѣ три дня былъ страшно пьянъ, пропилъ все, даже шапку и сапоги, и такъ билъ Марью, что ее отливали водой. А потомъ всѣмъ было стыдно и тошно.

Впрочемъ, и въ Жуковѣ, въ этой Холуевкѣ, происходило разъ настоящее религіозное торжество. Это было въ августѣ, когда по всему уѣзду, изъ деревни въ деревню, носили Живоносную. Въ тотъ день, когда ее ожидали въ Жуковѣ, было тихо и пасмурно. Дѣвушки еще съ утра отправились навстрѣчу иконѣ въ своихъ яркихъ нарядныхъ платьяхъ и принесли ее подъ вечеръ, съ крестнымъ ходомъ, съ пѣніемъ, и въ это время за рѣкой трезвонили. Громадная толпа своихъ и чужихъ запрудила улицу; шумъ, пыль, давка... И старикъ, и бабка, и Кирьякъ — всѣ протягивали руки къ иконѣ, жадно глядѣли на нее и говорили, плача:

— Заступница, матушка! Заступница!

Всѣ какъ будто вдругъ поняли, что между землей и небомъ не пусто, что не все еще захватили богатые и сильные, что есть еще защита отъ обидъ, отъ рабской неволи, отъ тяжкой, невыносимой нужды, отъ страшной водки.

— Заступница, матушка! — рыдала Марья. — Матушка!

Но отслужили молебенъ, унесли икону, и все пошло по-старому и опять послышались изъ трактира грубые, пьяные голоса.

Смерти боялись только богатые мужики, ко-

торые чѣмъ больше богатѣли, тѣмъ меньше вѣрили въ Бога и въ спасеніе души, и лишь изъ страха передъ концомъ земнымъ, на всякій случай, ставили свѣчи и служили молебны. Мужики же побѣднѣе не боялись смерти. Старику и бабкѣ говорили прямо въ глаза, что они зажились, что имъ умирать пора, и они ничего. Не стѣснялись говорить въ присутствіи Николая Ѳеклѣ, что когда Николай умретъ, то ея мужу, Денису, выйдетъ льгота — вернутъ со службы домой. А Марья не только не боялась смерти, но даже жалѣла, что она такъ долго не приходитъ, и бывала рада, когда у нея умирали дѣти.

Смерти не боялись, зато ко всѣмъ болѣзнямъ относились съ преувеличеннымъ страхомъ. Довольно было пустяка — разстройства желудка, легкаго озноба, какъ бабка уже ложилась на печь, куталась и начинала стонать громко и непрерывно: «Умира-а-ю!» Старикъ спѣшилъ за священникомъ, и бабку пріобщали и соборовали. Очень часто говорили о простудѣ, о глистахъ, о желвакахъ, которые ходятъ въ животѣ и подкатываютъ къ сердцу. Больше всего боялись простуды и потому даже лѣтомъ одѣвались тепло и грѣлись на печи. Бабка любила лѣчиться и часто ѣздила въ больницу, гдѣ говорила, что ей не 70, а 58 лѣтъ; она полагала, что если докторъ узнаетъ ея настоящіе годы, то не станетъ ее лѣчить и скажетъ, что ей впору умирать, а не лѣчиться. Въ больницу обыкновенно уѣзжала она рано утромъ, забравъ съ собою двухъ-трехъ дѣвочекъ, и возвращалась вечеромъ, голодная и сердитая, — съ каплями для себя и съ мазями для дѣвочекъ. Разъ возила она и Нико-

лая, который потомъ недѣли двѣ принималъ капли и говорилъ, что ему стало легче.

Бабка знала всѣхъ докторовъ, фельдшеровъ и знахарей на тридцать верстъ кругомъ, и ни одинъ ей не нравился. На Покровъ, когда священникъ обходилъ съ крестомъ избы, дьячокъ сказалъ ей, что въ городѣ около острога живетъ старичокъ, бывшій военный фельдшеръ, который лѣчитъ очень хорошо, и посовѣтовалъ ей обратиться къ нему. Бабка послушалась. Когда выпалъ первый снѣгъ, она съѣздила въ городъ и привезла старичка, бородатаго, длиннополаго выкреста, у котораго все лицо было покрыто синими жилками. Какъ разъ въ это время въ избѣ работали поденщики: старикъ портной въ страшныхъ очкахъ кроилъ изъ лохмотьевъ жилетку и два молодыхъ парня валяли изъ шерсти валенки; Кирьякъ, котораго уволили за пьянство и который жилъ теперь дома, сидѣлъ рядомъ съ портнымъ и починялъ хомутъ. И въ избѣ было тѣсно, душно и смрадно. Выкрестъ осмотрѣлъ Николая и сказалъ, что необходимо поставить банки.

Онъ ставилъ банки, а старикъ-портной, Кирьякъ и дѣвочки стояли и смотрѣли, и имъ казалось, что они видятъ, какъ изъ Николая выходитъ болѣзнь. И Николай тоже смотрѣлъ, какъ банки, присосавшись къ груди, мало-по-малу наполнялись темною кровью, и чувствовалъ, что изъ него, въ самомъ дѣлѣ, какъ будто что-то выходитъ, и улыбался отъ удовольствія.

— Оно хорошо, — говорилъ портной. — Дай Богъ, чтобъ на пользу.

Выкрестъ поставилъ двѣнадцать банокъ и

потомъ еще двѣнадцать, напился чаю и уѣхалъ. Николай сталъ дрожать; лицо у него осунулось и, какъ говорили бабы, сжалось въ кулачокъ; пальцы посинѣли. Онъ кутался и въ одѣяло, и въ тулупъ, но становилось все холоднѣе. Къ вечеру онъ затосковалъ; просилъ, чтобы его положили на полъ, просилъ, чтобы портной не курилъ, потомъ затихъ подъ тулупомъ и къ утру умеръ.

IX

О, какая суровая, какая длинная зима!

Уже съ Рождества не было своего хлѣба и муку покупали. Кирьякъ, жившій теперь дома, шумѣлъ по вечерамъ, наводя ужасъ на всѣхъ, а по утрамъ мучился отъ головной боли и стыда, и на него было жалко смотрѣть. Въ хлѣву день и ночь раздавалось мычанье голодной коровы, надрывавшее душу у бабки и Марьи. И, какъ нарочно, морозы все время стояли трескучіе, навалило высокіе сугробы; и зима затянулась: на Благовѣщеніе задувала настоящая зимняя вьюга, а на Святой шелъ снѣгъ.

Но, какъ бы ни было, зима кончилась. Въ началѣ апрѣля стояли теплые дни и морочныя ночи, зима не уступала, но одинъ теплый денекъ пересилилъ, наконецъ, — и потекли ручьи, запѣли птицы. Весь лугъ и кусты около рѣки утонули въ вешнихъ водахъ и между Жуковымъ и тою стороной все пространство сплошь было уже занято громаднымъ заливомъ, на которомъ тамъ-и-сямъ вспархивали стаями дикія утки. Весенній закатъ, пламенный, съ пышными облаками, каждый ве-

черъ давалъ что-нибудь необыкновенное, новое, невѣроятное, именно то самое, чему не вѣришь потомъ, когда эти же краски и эти же облака видишь на картинѣ.

Журавли летѣли быстро-быстро и кричали грустно, будто звали съ собою. Стоя на краю обрыва, Ольга подолгу смотрѣла на разливъ, на солнце, на свѣтлую, точно помолодѣвшую церковь, и слезы текли у нея и дыханіе захватывало оттого, что страстно хотѣлось уйти куда-нибудь, куда глаза глядятъ, хоть на край свѣта. А ужъ было рѣшено, что она пойдетъ опять въ Москву, въ горничныя, и съ нею отправится Кирьякъ наниматься въ дворники или куда-нибудь. Ахъ, скорѣе бы уйти!

Когда подсохло и стало тепло, собрались въ путь. Ольга и Саша, съ котомками на спинахъ, обѣ въ лаптяхъ, вышли чуть свѣтъ; вышла и Марья, чтобы проводить ихъ. Кирьякъ былъ нездоровъ, задержался дома еще на недѣлю. Ольга въ послѣдній разъ помолилась на церковь, думая о своемъ мужѣ, и не заплакала, только лицо у нея поморщилось и стало некрасивымъ, какъ у старухи. За зиму она похудѣла, подурнѣла, немного посѣдѣла и уже вмѣсто прежней миловидности и пріятной улыбки на лицѣ у нея было покорное, печальное выраженіе пережитой скорби, и было уже что-то тупое и неподвижное въ ея взглядѣ, точно она не слышала. Ей было жаль разставаться съ деревней и съ мужиками. Она вспоминала о томъ, какъ несли Николая и около каждой избы заказывали панихиду, и какъ всѣ плакали, сочувствуя ея горю. Въ теченіе лѣта и зимы бывали такіе часы и дни, когда

казалось, что эти люди живутъ хуже скотовъ, жить съ ними было страшно; они грубы, нечестны, грязны, нетрезвы, живутъ несогласно, постоянно ссорятся, потому что не уважаютъ, боятся и подозрѣваютъ другъ друга. Кто держитъ кабакъ и спаиваетъ народъ? Мужикъ. Кто растрачиваетъ и пропиваетъ мірскія, школьныя, церковныя деньги? Мужикъ. Кто укралъ у сосѣда, поджогъ, ложно показалъ на судѣ за бутылку водки? Кто въ земскихъ и другихъ собраніяхъ первый ратуетъ противъ мужиковъ? Мужикъ. Да, жить съ ними было страшно, но все же они люди, они страдаютъ и плачутъ, какъ люди, и въ жизни ихъ нѣтъ ничего такого, чему нельзя было бы найти оправданія. Тяжкій трудъ, отъ котораго по ночамъ болитъ все тѣло, жестокія зимы, скудные урожаи, тѣснота, а помощи нѣтъ и неоткуда ждать ея. Тѣ, которые богаче и сильнѣе ихъ, помочь не могутъ, такъ какъ сами грубы, не честны, не трезвы и сами бранятся также отвратительно; самый мелкій чиновникъ или приказчикъ обходится съ мужиками, какъ съ бродягами, и даже старшинамъ и церковнымъ старостамъ говоритъ «ты», и думаетъ, что имѣетъ на это право. Да и можетъ ли быть какая-нибудь помощь или добрый примѣръ отъ людей корыстолюбивыхъ, жадныхъ, развратныхъ, лѣнивыхъ, которые наѣзжаютъ въ деревню только затѣмъ, чтобы оскорбить, обобрать, напугать? Ольга вспомнила, какой жалкій, приниженный видъ былъ у стариковъ, когда зимою водили Кирьяка наказывать розгами... И теперь ей было жаль всѣхъ этихъ людей, больно, и она, пока шла, все оглядывалась на избы.

Проводивъ версты три, Марья простилась, потомъ стала на колѣни и заголосила, припадая лицомъ къ землѣ:

— Опять я одна осталася, бѣдная моя головушка, бѣдная-несчастная...

И долго она такъ голосила, и долго еще Ольгѣ и Сашѣ видно было, какъ она, стоя на колѣняхъ, все кланялась кому-то въ сторону, обхвативъ руками голову, и надъ ней летали грачи.

Солнце поднялось высоко, стало жарко. Жуково осталось далеко позади. Идти было въ охотку, Ольга и Саша скоро забыли и про деревню, и про Марью, имъ было весело и все развлекало ихъ. То курганъ, то рядъ телеграфныхъ столбовъ, которые другъ за другомъ идутъ неизвѣстно куда, исчезая на горизонтѣ, и проволоки гудятъ таинственно; то виденъ вдали хуторокъ, весь въ зелени, потягиваетъ отъ него влагой и коноплей, и кажется почему-то, что тамъ живутъ счастливые люди; то лошадиный скелетъ, одиноко бѣлѣющій въ полѣ. А жаворонки заливаются неугомонно, перекликаются перепела; и дергачъ кричитъ такъ, будто въ самомъ дѣлѣ кто-то дергаетъ за старую, желѣзную скобу.

Въ полдень Ольга и Саша пришли въ большое село. Тутъ на широкой улицѣ встрѣтился имъ поваръ генерала Жукова, старичокъ. Ему было жарко, и потная, красная лысина его сіяла на солнцѣ. Онъ и Ольга не узнали другъ друга, потомъ оглянулись въ одно время, узнали и, не сказавъ ни слова, пошли дальше каждый своею дорогой. Остановившись около избы, которая казалась побогаче и новѣе, передъ открытыми ок-

нами, Ольга поклонилась и сказала громко, тонкимъ, пѣвучимъ голосомъ:

— Православные христіане, подайте милостыню Христа ради, что милость ваша, родителямъ вашимъ царство небесное, вѣчный покой.

— Православные христіане, — запѣла Саша: — подайте Христа ради, что милость ваша, царство небесное...

1897.

Супруга

— Я просилъ васъ не убирать у меня на столѣ, — говорилъ Николай Евграфычъ. — Послѣ вашихъ уборокъ никогда ничего не найдешь. Гдѣ телеграмма? Куда вы её бросили? Извольте искать. Она изъ Казани, помѣчена вчерашнимъ числомъ.

Горничная, блѣдная, очень тонкая, съ равнодушнымъ лицомъ, нашла въ корзинѣ подъ столомъ нѣсколько телеграммъ и, молча, подала ихъ доктору; но все это были городскія телеграммы, отъ паціентовъ. Потомъ искали въ гостиной и въ комнатѣ Ольги Дмитріевны.

Былъ уже первый часъ ночи. Николай Евграфычъ зналъ, что жена вернется домой не скоро, по крайней мѣрѣ часовъ въ пять. Онъ не вѣрилъ ей и, когда она долго не возвращалась, не спалъ, томился, и въ то же время презиралъ и жену, и ея постель, и зеркало, и ея бонбоньерки, и эти ландыши и гіацинты, которые кто-то каждый день присылалъ ей и которые распространяли по всему дому приторный запахъ цвѣточной лавки. Въ такія ночи онъ становился мелоченъ, капризенъ, придирчивъ, и теперь ему казалось, что ему очень нужна телеграмма, полученная вчера отъ брата, хотя эта телеграмма не содержала въ себѣ ничего, кромѣ поздравленія съ праздникомъ.

Въ комнатѣ жены, на столѣ подъ коробкой съ почтовой бумагой, онъ нашелъ какую-то теле-

грамму и взглянулъ на нее мелькомъ. Она была адресована на имя тещи, для передачи Ольгѣ Дмитріевнѣ, изъ Монте-Карло, подпись: Michel... Изъ текста докторъ не понялъ ни одного слова, такъ какъ это былъ какой-то иностранный, повидимому, англійскій языкъ.

«Кто этотъ Мишель? Почему изъ Монте-Карло? Почему на имя тещи?»

За время семилѣтней супружеской жизни онъ привыкъ подозрѣвать, угадывать, разбираться въ уликахъ, и ему не разъ приходило въ голову, что, благодаря этой домашней практикѣ, изъ него могъ бы выйти теперь отличный сыщикъ. Придя въ кабинетъ и начавши соображать, онъ тотчасъ же вспомнилъ, какъ года полтора назадъ онъ былъ съ женой въ Петербургѣ и завтракалъ у Кюба съ однимъ своимъ школьнымъ товарищемъ, инженеромъ путей сообщенія, и какъ этотъ инженеръ представилъ ему и его женѣ молодого человѣка лѣтъ 22—23, котораго звали Михаиломъ Иванычемъ; фамилія была короткая, немножко странная: Рисъ. Спустя два мѣсяца, докторъ видѣлъ въ альбомѣ жены фотографію этого молодого человѣка съ надписью по-французски: «на память о настоящемъ и въ надеждѣ на будущее»; потомъ онъ раза два встрѣчалъ его самого у своей тещи... И какъ разъ это было то время, когда жена стала часто отлучаться и возвращалась домой въ четыре и пять часовъ утра, и все просила у него заграничнаго паспорта, а онъ отказывалъ ей, и у нихъ въ домѣ по цѣлымъ днямъ происходила такая война, что отъ прислуги было совѣстно.

Полгода назадъ товарищи-врачи рѣшили, что

у него начинается чахотка, и посовѣтовали ему бросить все и уѣхать въ Крымъ. Узнавши объ этомъ, Ольга Дмитріевна сдѣлала видъ, что это ее очень испугало; она стала ласкаться къ мужу и все увѣряла, что въ Крыму холодно и скучно, а лучше бы въ Ниццу, и что она поѣдетъ вмѣстѣ и будетъ тамъ ухаживать за нимъ, беречь его, покоить...

И теперь онъ понималъ, почему женѣ такъ хочется именно въ Ниццу: ея Michel живетъ въ Монте-Карло.

Онъ взялъ англійско-русскій словарь и, переводя слова и угадывая ихъ значеніе, мало-помалу составилъ такую фразу: «Пью здоровье моей дорогой возлюбленной, тысячу разъ цѣлую маленькую ножку. Нетерпѣливо жду пріѣзда». Онъ представилъ себѣ, какую бы смѣшную, жалкую роль онъ игралъ, если бы согласился поѣхать съ женой въ Ниццу, едва не заплакалъ отъ чувства обиды и въ сильномъ волненіи сталъ ходить по всѣмъ комнатамъ. Въ немъ возмутилась его гордость, его плебейская брезгливость. Сжимая кулаки и морщась отъ отвращенія, онъ спрашивалъ себя, какъ это онъ, сынъ деревенскаго попа, бурсакъ по воспитанію, прямой, грубый человѣкъ, по профессіи хирургъ — какъ это онъ могъ отдаться въ рабство, такъ позорно подчинить себя этому слабому, ничтожному, продажному, низкому созданію.

«Маленькая ножка! — бормоталъ онъ, комкая телеграмму. — Маленькая ножка!»

Отъ того времени, когда онъ влюбился и сдѣлалъ предложеніе, и потомъ жилъ семь лѣтъ, осталось воспоминаніе только о длинныхъ души-

стыхъ волосахъ, массѣ мягкихъ кружевъ и о маленькой ножкѣ, въ самомъ дѣлѣ, очень маленькой и красивой; и теперь еще, казалось, отъ прежнихъ объятій сохранилось на рукахъ и лицѣ ощущеніе шелка и кружевъ — и больше ничего. Ничего больше, если не считать истерикъ, визга, попрековъ, угрозъ и лжи, наглой, измѣннической лжи... Онъ помнилъ, какъ у отца въ деревнѣ, бывало, со двора въ домъ нечаянно влетала птица и начинала неистово биться о стекла и опрокидывать вещи, такъ и эта женщина, изъ совершенно чуждой ему среды, влетѣла въ его жизнь и произвела въ ней настоящій разгромъ. Лучшіе годы жизни протекли, какъ въ аду, надежды на счастье разбиты и осмѣяны, здоровья нѣтъ, въ комнатахъ его пошлая кокоточная обстановка, а изъ десяти тысячъ, которыя онъ зарабатываетъ ежегодно, онъ никакъ не соберется послать своей матери-попадьѣ хотя бы десять рублей, и уже долженъ по векселямъ тысячъ пятнадцать. Казалось, если бы въ его квартирѣ жила шайка разбойниковъ, то и тогда бы жизнь его не была такъ безнадежно, непоправимо разрушена, какъ при этой женщинѣ.

Онъ сталъ кашлять и задыхаться. Надо было бы лечь въ постель и согрѣться, но онъ не могъ, а все ходилъ по комнатамъ, или садился за столъ и нервно водилъ карандашомъ по бумагѣ, и писалъ машинально:

«Проба пера... Маленькая ножка»...

Къ пяти часамъ онъ ослабѣлъ и уже обвинялъ во всемъ одного себя, ему казалось теперь, что если бы Ольга Дмитріевна вышла за другого, который могъ бы имѣть на нее доброе вліяніе, то

— кто знаетъ? — въ концѣ концовъ, быть можетъ, она стала бы доброй, честной женщиной; онъ же плохой психологъ и не знаетъ женской души, къ тому же неинтересенъ, грубъ...

«Мнѣ уже осталось немного жить, — думалъ онъ: — я трупъ и не долженъ мѣшать живымъ. Теперь въ сущности было бы странно и глупо отстаивать какія-то свои права. Я объяснюсь съ ней; пусть она уходитъ къ любимому человѣку... Дамъ ей разводъ, приму вину на себя...»

Ольга Дмитріевна пріѣхала наконецъ и, какъ была, въ бѣлой ротондѣ, шапкѣ и въ калошахъ, вошла въ кабинетъ и упала въ кресло.

— Противный, толстый мальчишка, — сказала она, тяжело дыша, и всхлипнула. — Это даже не честно, это гадко. — Она топнула ногой. — Я не могу, не могу, не могу!

— Что такое? — спросилъ Николай Евграфычъ, подходя къ ней.

— Меня провожалъ сейчасъ студентъ Азарбековъ и потерялъ мою сумку, а въ сумкѣ пятнадцать рублей. Я у мамы взяла.

Она плакала самымъ серьезнымъ образомъ, какъ дѣвочка, и не только платокъ, но даже перчатки у нея были мокры отъ слезъ.

— Что жъ дѣлать! — вздохнулъ докторъ. — Потерялъ, такъ и потерялъ, ну и Богъ съ нимъ. Успокойся, мнѣ нужно поговорить съ тобой.

— Я не милліонерша, чтобы такъ манкировать деньгами. Онъ говоритъ, что отдастъ, но я не вѣрю, онъ бѣдный...

Мужъ просилъ ее успокоиться и выслушать его, а она говорила все о студентѣ и о своихъ потерянныхъ пятнадцати рубляхъ.

— Ахъ, я дамъ тебѣ завтра двадцать пять, только замолчи, пожалуйста! — сказалъ онъ съ раздраженiемъ.

— Мнѣ надо переодѣться! — заплакала она. — Не могу же я серьезно говорить, если я въ шубѣ! Какъ странно!

Онъ снялъ съ нея шубу и калоши, и въ это время ощутилъ запахъ бѣлаго вина, того самаго, которымъ она любила запивать устрицъ (несмотря на свою воздушность, она очень много ѣла и много пила). Она пошла къ себѣ и, немного погодя, вернулась переодѣтая, напудренная, съ заплаканными глазами, сѣла и вся ушла въ свой легкiй съ кружевами капотъ, и въ массѣ розовыхъ волнъ мужъ различалъ только ея распущенные волосы и маленькую ножку въ туфлѣ.

— Ты о чемъ хочешь говорить? — спросила она, покачиваясь въ креслѣ.

— Я нечаянно увидѣлъ вотъ это... — сказалъ докторъ и подалъ ей телеграмму.

Она прочла и пожала плечами.

— Что жъ? — сказала она, раскачиваясь сильнѣе. — Это обыкновенное поздравленiе съ новымъ годомъ и больше ничего. Тутъ нѣтъ секретовъ.

— Ты разсчитываешь на то, что я не знаю англiйскаго языка. Да, я не знаю, но у меня есть словарь. Это телеграмма отъ Риса, онъ пьетъ здоровье своей возлюбленной и тысячу разъ цѣлуетъ тебя. Но оставимъ, оставимъ это... — продолжалъ докторъ торопливо. — Я вовсе не

хочу упрекать тебя, или дѣлать сцену. Довольно уже было и сценъ, и попрековъ, пора кончить... Вотъ что я тебѣ хочу сказать: ты свободна и можешь жить, какъ хочешь.

Помолчали. Она стала тихо плакать.

— Я освобождаю тебя отъ необходимости притворяться и лгать, — продолжалъ Николай Евграфычъ. — Если любишь этого молодого человѣка, то люби; если хочешь ѣхать къ нему за границу, поѣзжай. Ты молода, здорова, а я уже калѣка, жить мнѣ осталось недолго. Однимъ словомъ... ты меня понимаешь.

Онъ былъ взволнованъ и не могъ продолжать. Ольга Дмитріевна, плача и голосомъ, какимъ говорятъ, когда жалѣютъ себя, созналась, что она любитъ Риса и ѣздила съ нимъ кататься за городъ, бывала у него въ номерѣ, и, въ самомъ дѣлѣ, ей очень хочется теперь поѣхать за границу.

— Видишь, я ничего не скрываю, — сказала она со вздохомъ. — Вся душа моя нараспашку. И я опять умоляю тебя, будь великодушенъ, дай мнѣ паспортъ!

— Повторяю: ты свободна.

Она пересѣла на другое мѣсто, поближе къ нему, чтобы взглянуть на выраженіе его лица. Она не вѣрила ему и хотѣла теперь понять его тайныя мысли. Она никогда никому не вѣрила, и какъ бы благородны ни были намѣренія, она всегда подозрѣвала въ нихъ мелкія, или низменныя побужденія и эгоистическія цѣли. И когда она пытливо засматривала ему въ лицо, ему показалось, что у нея въ глазахъ, какъ у кошки, блеснулъ зеленый огонекъ.

— Когда же я получу паспортъ? — спросила она тихо.

Ему вдругъ захотѣлось сказать «никогда», но онъ сдержалъ себя и сказалъ:

— Когда хочешь.

— Я поѣду только на мѣсяцъ.

— Ты поѣдешь къ Рису навсегда. Я дамъ тебѣ разводъ, приму вину на себя, и Рису можно будетъ жениться на тебѣ.

— Но я вовсе не хочу развода! — живо сказала Ольга Дмитріевна, дѣлая удивленное лицо. — Я не прошу у тебя развода! Дай мнѣ паспортъ, вотъ и все.

— Но почему же ты не хочешь развода? — спросилъ докторъ, начиная раздражаться. — Ты странная женщина. Какая ты странная! Если ты серьезно увлеклась и онъ тоже любитъ тебя, то въ вашемъ положеніи вы оба ничего не придумаете лучше брака. И неужели ты еще станешь выбирать между бракомъ и адюльтеромъ.

— Я понимаю васъ, — сказала она, отходя отъ него, и лицо ея приняло злое, мстительное выраженіе. — Я отлично понимаю васъ. Я надоѣла вамъ, и вы просто хотите избавиться отъ меня, навязать этотъ разводъ. Благодарю васъ, я не такая дура, какъ вы думаете. Развода я не приму и отъ васъ не уйду, не уйду, не уйду! Во-первыхъ, я не желаю терять общественнаго положенія, — продолжала она быстро, какъ бы боясь, что ей помѣшаютъ говорить: — во-вторыхъ, мнѣ уже 27 лѣтъ, а Рису 23; черезъ годъ я ему надоѣмъ и онъ меня броситъ. И, въ-третьихъ, если хотите знать, я не ручаюсь, что

это мое увлеченіе можетъ продолжаться долго... Вотъ вамъ! Не уйду я отъ васъ.

— Такъ я тебя выгоню изъ дому! — крикнулъ Николай Евграфычъ и затопалъ ногами. — Выгоню вонъ, низкая, гнусная женщина!

— Увидимъ-съ! — сказала она и вышла.

Уже давно разсвѣло на дворѣ, а докторъ все сидѣлъ у стола, водилъ карандашомъ по бумагѣ, и писалъ машинально:

«Милостивый государь... Маленькая ножка»...

Или же онъ ходилъ и останавливался въ гостиной передъ фотографіей, снятой семь лѣтъ назадъ, вскорѣ послѣ свадьбы, и долго смотрѣлъ на нее. Это была семейная группа: тесть, теща, его жена Ольга Дмитріевна, когда ей было двадцать лѣтъ, и онъ самъ въ качествѣ молодого, счастливаго мужа. Тесть, бритый, пухлый, водяночный тайный совѣтникъ, хитрый и жадный до денегъ, теща — полная дама съ мелкими и хищными чертами, какъ у хорька, безумно любящая свою дочь и во всемъ помогающая ей; если бы дочь душила человѣка, то мать не сказала бы ей ни слова и только заслонила бы ее своимъ подоломъ. У Ольги Дмитріевны тоже мелкія и хищныя черты лица, но болѣе выразительныя и смѣлыя, чѣмъ у матери; это ужъ не хорекъ, а звѣрь покрупнѣе! А самъ Николай Евграфычъ глядитъ на этой фотографіи такимъ простакомъ, добрымъ малымъ, человѣкомъ-рубахой; добродушная семинарская улыбка расплылась по его лицу, и онъ наивно вѣритъ, что эта компанія хищниковъ, въ которую случайно втолкнула его судьба, дастъ ему и поэзію, и счастье, и все то, о чемъ онъ мечталъ, когда еще студентомъ

пѣлъ пѣсню: «Не любить — погубить значитъ жизнь молодую»...

И опять, съ недоумѣніемъ, спрашивалъ себя, какъ это онъ, сынъ деревенскаго попа, по воспитанію бурсакъ, простой, грубый и прямой человѣкъ, могъ такъ безпомощно отдаться въ руки этого ничтожнаго, лживаго, пошлаго, мелкаго, по натурѣ совершенно чуждаго ему существа.

Когда въ одиннадцать часовъ онъ надѣвалъ сюртукъ, чтобы ѣхать въ больницу, въ кабинетъ вошла горничная.

— Что вамъ? — спросилъ онъ.

— Барыня встали, и просятъ двадцать пять рублей, что вы давеча обѣщали.

1895.

Анна на шеѣ

I

Послѣ вѣнчанія не было даже легкой закуски; молодые выпили по бокалу, переодѣлись и поѣхали на вокзалъ. Вмѣсто веселаго свадебнаго бала и ужина, вмѣсто музыки и танцевъ — поѣздка на богомолье за двѣсти верстъ. Многіе одобряли это, говоря, что Модестъ Алексѣичъ уже въ чинахъ и не молодъ, и шумная свадьба могла бы, пожалуй, показаться не совсѣмъ приличной; да и скучно слушать музыку, когда чиновникъ 52 лѣтъ женится на дѣвушкѣ, которой едва минуло 18. Говорили также, что эту поѣздку въ монастырь Модестъ Алексѣичъ, какъ человѣкъ съ правилами, затѣялъ собственно для того, чтобы дать понять своей молодой женѣ, что и въ бракѣ онъ отдаетъ первое мѣсто религіи и нравственности.

Молодыхъ провожали. Толпа сослуживцевъ и родныхъ стояла съ бокалами и ждала, когда пойдетъ поѣздъ, чтобы крикнуть ура, и Петръ Леонтьичъ, отецъ, въ цилиндрѣ, въ учительскомъ фракѣ, уже пьяный и уже очень блѣдный, все тянулся къ окну со своимъ бокаломъ и говорилъ умоляюще:

— Анюта! Аня! Аня, на одно слово!

Аня наклонялась къ нему изъ окна, и онъ шепталъ ей что-то, обдавая ее запахомъ виннаго перегара, дулъ въ ухо, — ничего нельзя было понять, — и крестилъ ей лицо, грудь, руки; при

этомъ дыханіе у него дрожало и на глазахъ блестѣли слезы. А братья Ани, Петя и Андрюша, гимназисты, дергали его сзади за фракъ и шептали сконфуженно:

— Папочка, будетъ... Папочка, не надо...

Когда поѣздъ тронулся, Аня видѣла, какъ ея отецъ побѣжалъ немножко за вагономъ, пошатываясь и расплескивая свое вино, и какое у него было жалкое, доброе, виноватое лицо.

— Ура-а-а! — кричалъ онъ.

Молодые остались одни. Модестъ Алексѣичъ осмотрѣлся въ купэ, разложилъ вещи по полкамъ и сѣлъ противъ своей молодой жены, улыбаясь. Это былъ чиновникъ средняго роста, довольно полный, пухлый, очень сытый, съ длинными бакенами и безъ усовъ, и его бритый, круглый, рѣзко очерченный подбородокъ походилъ на пятку. Самое характерное въ его лицѣ было отсутствіе усовъ, это свѣже выбритое, голое мѣсто, которое постепенно переходило въ жирныя, дрожащія, какъ желе, щеки. Держался онъ солидно, движенія у него были не быстрыя, манеры мягкія.

— Не могу не припомнить теперь одного обстоятельства, — сказалъ онъ, улыбаясь. — Пять лѣтъ назадъ, когда Косоротовъ получилъ орденъ святыя Анны второй степени и пришелъ благодарить, то его сіятельство выразился такъ: «Значитъ, у васъ теперь три Анны: одна въ петлицѣ, двѣ на шеѣ». А надо сказать, что въ то время къ Косоротову только-что вернулась его жена, особа сварливая и легкомысленная, которую звали Анной. Надѣюсь, что когда я получу Анну второй степени, то его сіятельство

не будетъ имѣть повода сказать мнѣ то же самое.

Онъ улыбался своими маленькими глазками. И она тоже улыбалась, волнуясь отъ мысли, что этотъ человѣкъ можетъ каждую минуту поцѣловать ее своими полными, влажными губами и что она уже не имѣетъ права отказать ему въ этомъ. Мягкія движенія его пухлаго тѣла пугали ее, ей было и страшно, и гадко. Онъ всталъ, не спѣша снялъ съ шеи орденъ, снялъ фракъ и жилетъ и надѣлъ халатъ.

— Вотъ такъ, — сказалъ онъ, садясь рядомъ съ Аней.

Она вспоминала, какъ мучительно было вѣнчаніе, когда казалось ей, что и священникъ, и гости, и всѣ въ церкви глядѣли на нее печально: зачѣмъ, зачѣмъ она, такая милая, хорошая, выходитъ за этого пожилого, неинтереснаго господина? Еще утромъ сегодня она была въ восторгѣ, что все такъ хорошо устроилось, во время же вѣнчанія и теперь въ вагонѣ чувствовала себя виноватой, обманутой и смѣшной. Вотъ она вышла за богатаго, а денегъ у нея все-таки не было, вѣнчальное платье шили въ долгъ и, когда сегодня ее провожали отецъ и братья, она по ихъ лицамъ видѣла, что у нихъ не было ни копейки. Будутъ ли они сегодня ужинать? А завтра? И ей почему-то казалось, что отецъ и мальчики сидятъ теперь безъ нея голодные и испытываютъ точно такую же тоску, какая была въ первый вечеръ послѣ похоронъ матери.

«О, какъ я несчастна! — думала она. — Зачѣмъ я такъ несчастна?»

Съ неловкостью человѣка солиднаго, непри-

выкшаго обращаться съ женщинами, Модестъ Алексѣичъ трогалъ ее за талію и похлопывалъ по плечу, а она думала о деньгахъ, о матери, объ ея смерти. Когда умерла мать, отецъ, Петръ Леонтьичъ, учитель чистописанія и рисованія въ гимназіи, запилъ, наступила нужда; у мальчиковъ не было сапогъ и калошъ, отца таскали къ мировому, приходилъ судебный приставъ и описывалъ мебель... Какой стыдъ! Аня должна была ухаживать за пьянымъ отцомъ, штопать братьямъ чулки, ходить на рынокъ и, когда хвалили ея красоту, молодость и изящныя манеры, ей казалось, что весь свѣтъ видитъ ея дешевую шляпку и дырочки на ботинкахъ, замазанныя чернилами. А по ночамъ слезы и неотвязчивая, безпокойная мысль, что скоро-скоро отца уволятъ изъ гимназіи за слабость и что онъ не перенесетъ этого и тоже умретъ, какъ мать. Но вотъ знакомыя дамы засуетились и стали искать для Ани хорошаго человѣка. Скоро нашелся вотъ этотъ самый Модестъ Алексѣичъ, не молодой и не красивый, но съ деньгами. У него въ банкѣ тысячъ сто и есть родовое имѣніе, которое онъ отдаетъ въ аренду. Это человѣкъ съ правилами и на хорошемъ счету у его сіятельства; ему ничего не стóитъ, какъ говорили Анѣ, взять у его сіятельства записочку къ директору гимназіи и даже къ попечителю, чтобы Петра Леонтьича не увольняли...

Пока она вспоминала эти подробности, послышалась вдругъ музыка, ворвавшаяся въ окно вмѣстѣ съ шумомъ голосовъ. Это поѣздъ остановился на полустанкѣ. За платформой въ толпѣ бойко играли на гармоникѣ и на дешевой визгли-

вой скрипкѣ, а изъ-за высокихъ березъ и тополей, изъ-за дачъ, залитыхъ луннымъ свѣтомъ, доносились звуки военнаго оркестра: должно быть, на дачахъ былъ танцовальный вечеръ. На платформѣ гуляли дачники и горожане, пріѣзжавшіе сюда въ хорошую погоду подышать чистымъ воздухомъ. Былъ тутъ и Артыновъ, владѣлецъ всего этого дачнаго мѣста, богачъ, высокій, полный брюнетъ, похожій лицомъ на армянина, съ глазами на выкатѣ и въ странномъ костюмѣ. На немъ была рубаха, разстегнутая на груди, и высокіе сапоги со шпорами, и съ плечъ спускался черный плащъ, тащившійся по землѣ, какъ шлейфъ. За нимъ, опустивъ свои острыя морды, ходили двѣ борзыя.

У Ани еще блестѣли на глазахъ слезы, но она уже не помнила ни о матери, ни о деньгахъ, ни о своей свадьбѣ, а пожимала руки знакомымъ гимназистамъ и офицерамъ, весело смѣялась и говорила быстро:

— Здравствуйте! Какъ поживаете?

Она вышла на площадку, подъ лунный свѣтъ, и стала такъ, чтобы видѣли ее всю въ новомъ великолѣпномъ платьѣ и въ шляпкѣ.

— Зачѣмъ мы здѣсь стоимъ? — спросила она.

— Здѣсь разъѣздъ, — отвѣтили ей: — ожидаютъ почтоваго поѣзда.

Замѣтивъ, что на нее смотритъ Артыновъ, она кокетливо прищурила глаза и заговорила громко по-французски, и оттого, что ея собственный голосъ звучалъ такъ прекрасно и что слышалась музыка и луна отражалась въ прудѣ, и оттого, что на нее жадно и съ любо-

пытствомъ смотрѣлъ Артыновъ, этотъ извѣстный донъ-жуанъ и баловникъ, и оттого, что всѣмъ было весело, она вдругъ почувствовала радость и, когда поѣздъ тронулся и знакомые офицеры на прощанье сдѣлали ей подъ козырекъ, она уже напѣвала польку, звуки которой посылалъ ей вдогонку военный оркестръ, гремѣвшій гдѣ-то тамъ за деревьями; и вернулась она въ свое купэ съ такимъ чувствомъ, какъ будто на полустанкѣ ее убѣдили, что она будетъ счастлива непремѣнно, несмотря ни на что.

Молодые пробыли въ монастырѣ два дня, потомъ вернулись въ городъ. Жили они на казенной квартирѣ. Когда Модестъ Алексѣичъ уходилъ на службу, Аня играла на роялѣ, или плакала отъ скуки, или ложилась на кушетку и читала романы, и разсматривала модный журналъ. За обѣдомъ Модестъ Алексѣичъ ѣлъ очень много и говорилъ о политикѣ, о назначеніяхъ, переводахъ и наградахъ, о томъ, что надо трудиться, что семейная жизнь есть не удовольствіе, а долгъ, что копейка рубль бережетъ и что выше всего на свѣтѣ онъ ставитъ религію и нравственность. И, держа ножъ въ кулакѣ, какъ мечъ, онъ говорилъ:

— Каждый человѣкъ долженъ имѣть свои обязанности!

А Аня слушала его, боялась и не могла ѣсть, и обыкновенно вставала изъ-за стола голодной. Послѣ обѣда мужъ отдыхалъ и громко храпѣлъ, а она уходила къ своимъ. Отецъ и мальчики посматривали на нее какъ-то особенно, какъ будто только-что до ея прихода осуждали ее за то, что она вышла изъ-за денегъ, за нелюбимаго,

нуднаго, скучнаго человѣка; ея шуршащее платье, браслетки и вообще дамскій видъ стѣсняли, оскорбляли ихъ; въ ея присутствіи они немножко конфузились и не знали, о чемъ говорить съ ней; но все же любили они ее попрежнему и еще не привыкли обѣдать безъ нея. Она садилась и кушала съ ними щи, кашу и картошку, жареную на бараньемъ салѣ, отъ котораго пахло свѣчкой. Петръ Леонтьичъ дрожащей рукой наливалъ изъ графинчика и выпивалъ быстро, съ жадностью, съ отвращеніемъ, потомъ выпивалъ другую рюмку, потомъ третью... Петя и Андрюша, худенькіе, блѣдные мальчики съ большими глазами, брали графинчикъ и говорили растерянно:

— Не надо, папочка... Довольно, папочка...

И Аня тоже тревожилась и умоляла его больше не пить, а онъ вдругъ вспыхивалъ и стучалъ кулакомъ по столу.

— Я никому не позволю надзирать за мной! — кричалъ онъ. — Мальчишки! Дѣвчонка! Я васъ всѣхъ выгоню вонъ!

Но въ голосѣ его слышались слабость, доброта, и никто его не боялся. Послѣ обѣда обыкновенно онъ наряжался; блѣдный, съ порѣзаннымъ отъ бритья подбородкомъ, вытягивая тощую шею, онъ цѣлыхъ полчаса стоялъ передъ зеркаломъ и прихорашивался, то причесываясь, то закручивая свои черные усы, прыскался духами, завязывалъ бантомъ галстукъ, потомъ надѣвалъ перчатки, цилиндръ и уходилъ на частные уроки. А если былъ праздникъ, то онъ оставался дома и писалъ красками, или игралъ на фисгармоніи, которая шипѣла и рычала; онъ старался

выдавить изъ нея стройные, гармоничные звуки и подпѣвалъ, или же сердился на мальчиковъ:

— Мерзавцы! Негодяи! Испортили инструментъ!

По вечерамъ мужъ Ани игралъ въ карты со своими сослуживцами, жившими съ нимъ подъ одной крышей въ казенномъ домѣ. Сходились во время картъ жены чиновниковъ, некрасивыя, безвкусно наряженныя, грубыя, какъ кухарки, и въ квартирѣ начинались сплетни, такія же некрасивыя и безвкусныя, какъ сами чиновницы. Случалось, что Модестъ Алексѣичъ ходилъ съ Аней въ театръ. Въ антрактахъ онъ не отпускалъ ее отъ себя ни на шагъ, а ходилъ съ ней подъ руку по коридорамъ и по фойэ. Раскланявшись съ кѣмъ-нибудь, онъ тотчасъ уже шепталъ Анѣ: — «Статскій совѣтникъ... принятъ у его сіятельства...» или: «Со средствами... имѣетъ свой домъ...» Когда проходили мимо буфета, Анѣ очень хотѣлось чего-нибудь сладкаго; она любила шоколадъ и яблочное пирожное, но денегъ у нея не было, а спросить у мужа она стѣснялась. Онъ бралъ грушу, мялъ ее пальцами и спрашивалъ нерѣшительно:

— Сколько стоитъ?

— Двадцать пять копеекъ.

— Однако! — говорилъ онъ и клалъ грушу на мѣсто; но такъ какъ было неловко отойти отъ буфета, ничего не купивши, то онъ требовалъ сельтерской воды и выпивалъ одинъ всю бутылку, и слезы выступали у него на глазахъ, и Аня ненавидѣла его въ это время.

Или онъ, вдругъ весь покраснѣвъ, говорилъ ей быстро:

— Поклонись этой старой дамѣ!

— Но я съ ней незнакома.

— Все равно. Это супруга управляющаго казенной палатой! Поклонись же, тебѣ говорю! — ворчалъ онъ настойчиво. — Голова у тебя не отвалится.

Аня кланялась и голова у нея въ самомъ дѣлѣ не отваливалась, но было мучительно. Она дѣлала все, что хотѣлъ мужъ, и злилась на себя за то, что онъ обманулъ ее, какъ послѣднюю дурочку. Выходила она за него только изъ-за денегъ, а между тѣмъ денегъ у нея теперь было меньше, чѣмъ до замужества. Прежде хоть отецъ давалъ двугривенные, а теперь — ни гроша. Брать тайно или просить она не могла, она боялась мужа, трепетала его. Ей казалось, что страхъ къ этому человѣку она носитъ въ своей душѣ уже давно. Когда-то въ дѣтствѣ самой внушительной и страшной силой, надвигающейся какъ туча или локомотивъ, готовый задавить, ей всегда представлялся директоръ гимназіи, другой такою же силой, о которой въ семьѣ всегда говорили и которую почему-то боялись, былъ его сіятельство; и былъ еще десятокъ силъ помельче, и между ними учителя гимназіи съ бритыми усами, строгіе, неумолимые и, теперь вотъ, наконецъ, Модестъ Алексѣичъ, человѣкъ съ правилами, который даже лицомъ походилъ на директора. И въ воображеніи Ани всѣ эти силы сливались въ одно и въ видѣ одного страшнаго громаднаго бѣлаго медвѣдя надвигались на слабыхъ и виноватыхъ, такихъ, какъ ея отецъ, и она боялась сказать что-нибудь противъ, и натянуто улыбалась и выражала притворное удоволь-

ствіе, когда ее грубо ласкали и оскверняли объятіями, наводившими на нее ужасъ.

Только одинъ разъ Петръ Леонтьичъ осмѣлился попросить у него пятьдесятъ рублей взаймы, чтобы заплатить какой-то очень непріятный долгъ, но какое это было страданіе!

— Хорошо, я вамъ дамъ, — сказалъ Модестъ Алексѣичъ подумавъ: — но предупреждаю, что больше уже не буду помогать вамъ, пока вы не бросите пить. Для человѣка, состоящаго на государственной службѣ, постыдна такая слабость. Не могу не напомнить вамъ общеизвѣстнаго факта, что многихъ способныхъ людей погубила эта страсть, между тѣмъ какъ при воздержаніи они, быть можетъ, могли бы со временемъ сдѣлаться высокопоставленными людьми.

И потянулись длинные періоды: «по мѣрѣ того»... «исходя изъ того положенія»... «въ виду только-что сказаннаго», а бѣдный Петръ Леонтьичъ страдалъ отъ униженія и испытывалъ сильное желаніе выпить.

И мальчики, приходившіе къ Анѣ въ гости, обыкновенно въ рваныхъ сапогахъ и въ поношенныхъ брюкахъ, тоже должны были выслушивать наставленія.

— Каждый человѣкъ долженъ имѣть свои обязанности! — говорилъ имъ Модестъ Алексѣичъ.

А денегъ не давалъ. Но зато онъ дарилъ Анѣ кольца, браслеты и броши, говоря, что эти вещи хорошо имѣть про черный день. И часто онъ отпиралъ ея комодъ и дѣлалъ ревизію: всѣ ли вещи цѣлы.

II

Наступила между тѣмъ зима. Еще задолго до Рождества въ мѣстной газетѣ было объявлено, что 29-го декабря въ дворянскомъ собраніи «имѣетъ быть» обычный зимній балъ. Каждый вечеръ послѣ картъ, Модестъ Алексѣичъ, взволнованный, шептался съ чиновницами, озабоченно поглядывая на Аню, и потомъ долго ходилъ изъ угла въ уголъ, о чемъ-то думая. Наконецъ, какъ-то поздно вечеромъ онъ остановился передъ Аней и сказалъ:

— Ты должна сшить себѣ бальное платье. Понимаешь? Только, пожалуйста, посовѣтуйся съ Марьей Григорьевной и съ Натальей Кузьминишной.

И далъ ей сто рублей. Она взяла; но заказывая бальное платье, ни съ кѣмъ не совѣтовалась, а поговорила только съ отцомъ и постаралась вообразить себѣ, какъ бы одѣлась на балъ ея мать. Ея покойная мать сама одѣвалась всегда по послѣдней модѣ и всегда возилась съ Аней, и одѣвала ее изящно, какъ куклу, и научила ее говорить по-французски и превосходно танцовать мазурку (до замужества она пять лѣтъ прослужила въ гувернанткахъ). Аня такъ же, какъ мать, могла изъ стараго платья сдѣлать новое, мыть въ бензинѣ перчатки, брать на прокатъ bijoux и такъ же, какъ мать, умѣла щурить глаза, картавить, принимать красивыя позы, приходить, когда нужно, въ восторгъ, глядѣть печально и загадочно. А отъ отца она унаслѣдовала темный цвѣтъ волосъ и глазъ, нервность и эту манеру всегда прихорашиваться.

Когда за полчаса до отъѣзда на балъ Модестъ Алексѣичъ вошелъ къ ней безъ сюртука, чтобы передъ ея трюмо надѣть себѣ на шею орденъ, то очарованный ея красотой и блескомъ ея свѣжаго, воздушнаго наряда, самодовольно расчесалъ себѣ бакены и сказалъ:

— Вотъ ты у меня какая... вотъ ты какая! Анюта! — продолжалъ онъ, вдругъ впадая въ торжественный тонъ. — Я тебя осчастливилъ, а сегодня ты можешь осчастливить меня. Прошу тебя, представься супругѣ его сіятельства! Ради Бога! Черезъ нее я могу получить старшаго докладчика!

Поѣхали на балъ. Вотъ и дворянское собраніе, и подъѣздъ со швейцаромъ. Передняя съ вѣшалками, шубы, снующіе лакеи и декольтированныя дамы, закрывающіяся вѣерами отъ сквозного вѣтра; пахнетъ свѣтильнымъ газомъ и солдатами. Когда Аня, идя вверхъ по лѣстницѣ подъ руку съ мужемъ, услышала музыку и увидала въ громадномъ зеркалѣ всю себя, освѣщенную множествомъ огней, то въ душѣ ея проснулась радость и то самое предчувствіе счастья, какое испытала она въ лунный вечеръ на полустанкѣ. Она шла гордая, самоувѣренная, въ первый разъ чувствуя себя не дѣвочкой, а дамой, и невольно походкою и манерами подражая своей покойной матери. И въ первый разъ въ жизни она чувствовала себя богатой и свободной. Даже присутствіе мужа не стѣсняло ея, такъ какъ, перейдя порогъ собранія, она уже угадала инстинктомъ, что близость стараго мужа нисколько не унижаетъ ее, а наоборотъ, кладетъ на нее печать пикантной таинственности, которая

такъ нравится мужчинамъ. Въ большой залѣ уже гремѣлъ оркестръ и начались танцы. Послѣ казенной квартиры, охваченная впечатлѣніями свѣта, пестроты, музыки, шума, Аня окинула взглядомъ залу и подумала: — «Ахъ, какъ хорошо!» и сразу отличила въ толпѣ всѣхъ своихъ знакомыхъ, всѣхъ, кого она раньше встрѣчала на вечерахъ или на гуляньяхъ, всѣхъ этихъ офицеровъ, учителей, адвокатовъ, чиновниковъ, помѣщиковъ, его сіятельство, Артынова и дамъ высшаго общества, разодѣтыхъ, сильно декольтированныхъ, красивыхъ и безобразныхъ, которыя уже занимали свои позиціи въ избушкахъ и павильонахъ благотворительнаго базара, чтобы начать торговлю въ пользу бѣдныхъ. Громадный офицеръ въ эполетахъ — она познакомилась съ нимъ на Старо-Кіевской улицѣ, когда была гимназисткой, а теперь не помнила его фамиліи — точно изъ-подъ земли выросъ и пригласилъ на вальсъ, и она отлетѣла отъ мужа, и ей ужъ казалось, будто она плыла на парусной лодкѣ, въ сильную бурю, а мужъ остался далеко на берегу... Она танцовала страстно, съ увлеченіемъ и вальсъ, и польку, и кадриль, переходя съ рукъ на руку, угорая отъ музыки и шума, мѣшая русскій языкъ съ французскимъ, картавя, смѣясь и не думая ни о мужѣ, ни о комъ и ни о чемъ. Она имѣла успѣхъ у мужчинъ, это было ясно, да иначе и быть не могло, она задыхалась отъ волненія, судорожно тискала въ рукахъ вѣеръ и хотѣла пить. Отецъ, Петръ Леонтьичъ, въ помятомъ фракѣ, отъ котораго пахло бензиномъ, подошелъ къ ней, протягивая блюдечко съ краснымъ мороженымъ.

— Ты очаровательна сегодня, — говорилъ онъ, глядя на нее съ восторгомъ: — и никогда еще я такъ не жалѣлъ, что ты поспѣшила замужъ... Зачѣмъ? Я знаю, ты сдѣлала это ради насъ, но... — онъ дрожащими руками вытащилъ пачечку денегъ и сказалъ: — Я сегодня получилъ съ урока и могу отдать долгъ твоему мужу.

Она сунула ему въ руки блюдечко и, подхваченная кѣмъ-то, унеслась далеко и мелькомъ, черезъ плечо своего кавалера, видѣла, какъ отецъ, скользя по паркету, обнялъ даму и понесся съ ней по залѣ.

— Какъ онъ милъ, когда трезвъ! — думала она.

Мазурку она танцовала съ тѣмъ же громаднымъ офицеромъ; онъ важно и тяжело, словно туша въ мундирѣ, ходилъ, поводилъ плечами и грудью, притоптывалъ ногами еле-еле — ему страшно не хотѣлось танцовать, а она порхала около, дразня его своей красотой, своей открытой шеей; глаза ея горѣли задоромъ, движенія были страстныя, а онъ становился все равнодушнѣе и протягивалъ къ ней руки милостиво, какъ король...

— Браво, браво!.. — говорили въ публикѣ.

Но мало-по-малу и громаднаго офицера прорвало; онъ оживился, заволновался и, уже поддавшись очарованію, вошелъ въ азартъ и двигался легко, молодо, а она только поводила плечами и глядѣла лукаво, точно она уже была королева, а онъ рабъ, и въ это время ей казалось, что на нихъ смотритъ вся зала, что всѣ эти люди млѣютъ и завидуютъ имъ. Едва гро-

мадный офицеръ успѣлъ поблагодарить ее, какъ публика вдругъ разступилась и мужчины вытянулись какъ-то странно, опустивъ руки... Это шелъ къ ней его сіятельство, во фракѣ съ двумя звѣздами. Да, его сіятельство шелъ именно къ ней, потому что глядѣлъ прямо на нее въ упоръ и слащаво улыбался, и при этомъ жевалъ губами, что дѣлалъ онъ всегда, когда видѣлъ хорошенькихъ женщинъ.

— Очень радъ, очень радъ... — началъ онъ. — А я прикажу посадить вашего мужа на гауптвахту за то, что онъ до сихъ поръ скрывалъ отъ насъ такое сокровище. Я къ вамъ съ порученіемъ отъ жены, — продолжалъ онъ, подавая ей руку. — Вы должны помочь намъ... М-да... Нужно назначить вамъ премію за красоту... какъ въ Америкѣ... М-да... Американцы... Моя жена ждетъ васъ съ нетерпѣніемъ.

Онъ привелъ ее въ избушку, къ пожилой дамѣ, у которой нижняя часть лица была несоразмѣрно велика, такъ что казалось, будто она во рту держала большой камень.

— Помогите намъ, — сказала она въ носъ, нараспѣвъ. — Всѣ хорошенькія женщины работаютъ на благотворительномъ базарѣ, и только одна вы почему-то гуляете. Отчего вы не хотите намъ помочь?

Она ушла, и Аня заняла ея мѣсто около серебрянаго самовара съ чашками. Тотчасъ же началась бойкая торговля. За чашку чаю Аня брала не меньше рубля, а громаднаго офицера заставила выпить три чашки. Подошелъ Артыновъ, богачъ, съ выпуклыми глазами, страдающій одышкой, но уже не въ томъ странномъ ко-

стюмѣ, въ какомъ видѣла его Аня лѣтомъ, а во фракѣ, какъ всѣ. Не отрывая глазъ съ Ани, онъ выпилъ бокалъ шампанскаго и заплатилъ сто рублей, потомъ выпилъ чаю и далъ еще сто — и все это молча, страдая астмой... Аня зазывала покупателей и брала съ нихъ деньги, уже глубоко убѣжденная, что ея улыбки и взгляды не доставляютъ этимъ людямъ ничего, кромѣ большого удовольствія. Она уже поняла, что она создана исключительно для этой шумной, блестящей, смѣющейся жизни съ музыкой, танцами, поклонниками, и давнишній страхъ ея передъ силой, которая надвигается и грозитъ задавить, казался ей смѣшнымъ; никого она уже не боялась, и только жалѣла, что нѣтъ матери, которая порадовалась бы теперь вмѣстѣ съ ней ея успѣхамъ.

Петръ Леонтьичъ, уже блѣдный, но еще крѣпко держась на ногахъ, подошелъ къ избушкѣ и попросилъ рюмку коньяку. Аня покраснѣла, ожидая, что онъ скажетъ что-нибудь не подобающее (ей уже было стыдно, что у нея такой бѣдный, такой обыкновенный отецъ), но онъ выпилъ, выбросилъ изъ своей пачечки десять рублей и важно отошелъ, не сказавъ ни слова. Немного погодя, она видѣла, какъ онъ шелъ въ парѣ въ grand rond и въ этотъ разъ онъ уже пошатывался и что-то выкрикивалъ, къ великому конфузу своей дамы, и Аня вспомнила, какъ года три назадъ на балу онъ такъ же вотъ пошатывался и выкрикивалъ — и кончилось тѣмъ, что околоточный увезъ его домой спать, а на другой день директоръ грозилъ уволить со службы. Какъ некстати было это воспоминаніе!

Когда въ избушкахъ потухли самовары и утомленныя благотворительницы сдали выручку пожилой дамѣ съ камнемъ во рту, Артыновъ повелъ Аню подъ руку въ залу, гдѣ былъ сервированъ ужинъ для всѣхъ участвовавшихъ въ благотворительномъ базарѣ. Ужинало человѣкъ двадцать, не больше, но было очень шумно. Его сіятельство провозгласилъ тостъ: «Въ этой роскошной столовой будетъ умѣстно выпить за процвѣтаніе дешевыхъ столовыхъ, служившихъ предметомъ сегодняшняго базара». Бригадный генералъ предложилъ выпить «за силу, передъ которой пасуетъ даже артиллерія», и всѣ потянулись чокаться съ дамами. Было очень, очень весело!

Когда Аню провожали домой, то уже свѣтало и кухарки шли на рынокъ. Радостная, пьяная, полная новыхъ впечатлѣній, замученная, она раздѣлась, повалилась въ постель и тотчасъ же уснула...

Во второмъ часу дня ее разбудила горничная и доложила, что пріѣхалъ господинъ Артыновъ съ визитомъ. Она быстро одѣлась и пошла въ гостиную. Вскорѣ послѣ Артынова пріѣзжалъ его сіятельство благодарить за участіе въ благотворительномъ базарѣ. Онъ, глядя на нее слащаво и жуя, поцѣловалъ ей руку и попросилъ позволенія бывать еще и уѣхалъ, а она стояла среди гостиной, изумленная, очарованная, не вѣря, что перемѣна въ ея жизни, удивительная перемѣна, произошла такъ скоро; и въ это самое время вошелъ ея мужъ, Модестъ Алексѣичъ... И передъ ней также стоялъ онъ теперь съ тѣмъ же заискивающимъ, сладкимъ, холопски-почтительнымъ выраженіемъ, какое она привыкла ви-

дѣть у него въ присутствіи сильныхъ и знатныхъ; и съ восторгомъ, съ негодованіемъ, съ презрѣніемъ, уже увѣренная, что ей за это ничего не будетъ, она сказала, отчетливо выговаривая каждое слово:

— Подите прочь, болванъ!

Послѣ этого у Ани не было уже ни одного свободнаго дня, такъ какъ она принимала участіе то въ пикникѣ, то въ прогулкѣ, то въ спектаклѣ. Возвращалась она домой каждый день подъ утро и ложилась въ гостиной на полу, и потомъ разсказывала всѣмъ трогательно, какъ она спитъ подъ цвѣтами. Денегъ нужно было очень много, но она уже не боялась Модеста Алексѣича и тратила его деньги, какъ свои; и она не просила, не требовала, а только посылала ему счета, или записки: «выдать подателю сего 200 р.», или: «немедленно уплатить 100 р.».

На Пасхѣ Модестъ Алексѣичъ получилъ Анну второй степени. Когда онъ пришелъ благодарить, его сіятельство отложилъ въ сторону газету и сѣлъ поглубже въ кресло.

— Значитъ, у васъ теперь три Анны, — сказалъ онъ, осматривая свои бѣлыя руки съ розовыми ногтями: — одна въ петлицѣ, двѣ на шеѣ.

Модестъ Алексѣичъ приложилъ два пальца къ губамъ изъ осторожности, чтобы не разсмѣяться громко, и сказалъ:

— Теперь остается ожидать появленія на свѣтъ маленькаго Владиміра. Осмѣлюсь просить ваше сіятельство въ воспріемники.

Онъ намекалъ на Владиміра IV степени и уже воображалъ, какъ онъ будетъ всюду разска-

зывать объ этомъ своемъ каламбурѣ, удачномъ по находчивости и смѣлости, и хотѣлъ сказать еще что-нибудь такое же удачное, но его сіятельство вновь углубился въ газету и кивнулъ головой...

А Аня все каталась на тройкахъ, ѣздила съ Артыновымъ на охоту, играла въ одноактныхъ пьесахъ, ужинала, и все рѣже и рѣже бывала у своихъ. Они обѣдали уже одни. Петръ Леонтьичъ запивалъ сильнѣе прежняго, денегъ не было и фисгармонію давно уже продали за долгъ. Мальчики теперь не отпускали его одного на улицу и все слѣдили за нимъ, чтобы онъ не упалъ; и когда во время катанья на Старо-Кіевской имъ встрѣчалась Аня на парѣ съ пристяжной на отлетѣ и съ Артыновымъ на козлахъ вмѣсто кучера, Петръ Леонтьичъ снималъ цилиндръ и собирался что-то крикнуть, а Петя и Андрюша брали его подъ руки и говорили умоляюще:

— Не надо, папочка... Будетъ, папочка...

1895.

Домъ съ мезониномъ

Разсказъ художника

I

Это было 6—7 лѣтъ тому назадъ, когда я жилъ въ одномъ изъ уѣздовъ Т—ой губерніи, въ имѣніи помѣщика Бѣлокурова, молодого человѣка, который вставалъ очень рано, ходилъ въ поддевкѣ, по вечерамъ пилъ пиво и все жаловался мнѣ, что онъ нигдѣ и ни въ комъ не встрѣчаетъ сочувствія. Онъ жилъ въ саду во флигелѣ, а я въ старомъ барскомъ домѣ, въ громадной залѣ съ колоннами, гдѣ не было никакой мебели, кромѣ широкаго дивана, на которомъ я спалъ, да еще стола, на которомъ я раскладывалъ пасьянсъ. Тутъ всегда, даже въ тихую погоду, что-то гудѣло въ старыхъ амосовскихъ печахъ, а во время грозы весь домъ дрожалъ и, казалось, трескался на части, и было немножко страшно, особенно ночью, когда всѣ десять большихъ оконъ вдругъ освѣщались молніей.

Обреченный судьбой на постоянную праздность, я не дѣлалъ рѣшительно ничего. По цѣлымъ часамъ я смотрѣлъ въ свои окна на небо, на птицъ, на аллеи, читалъ все, что привозили мнѣ съ почты, спалъ. Иногда я уходилъ изъ дому и до поздняго вечера бродилъ гдѣ-нибудь.

Однажды, возвращаясь домой, я нечаянно забрелъ въ какую-то незнакомую усадьбу. Солнце уже пряталось, и на цвѣтущей ржи растянулись

вечернія тѣни. Два ряда старыхъ, тѣсно посаженныхъ, очень высокихъ елей стояли, какъ двѣ сплошныя стѣны, образуя мрачную, красивую аллею. Я легко перелѣзъ черезъ изгородь и пошелъ по этой аллеѣ, скользя по еловымъ игламъ, которыя тутъ на вершокъ покрывали землю. Было тихо, темно и только высоко на вершинахъ кое-гдѣ дрожалъ яркій золотой свѣтъ и переливалъ радугой въ сѣтяхъ паука. Сильно, до духоты пахло хвоемъ. Потомъ я повернулъ на длинную липовую аллею. И тутъ тоже запустѣніе и старость; прошлогодняя листва печально шелестѣла подъ ногами и въ сумеркахъ между деревьями прятались тѣни. Направо, въ старомъ фруктовомъ саду, нехотя, слабымъ голосомъ пѣла иволга, должно быть, тоже старушка. Но вотъ и липы кончились; я прошелъ мимо бѣлаго дома съ террасой и съ мезониномъ, и передо мною неожиданно развернулся видъ на барскій дворъ и на широкій прудъ съ купальней, съ толпой зеленыхъ ивъ, съ деревней на томъ берегу, съ высокой, узкой колокольней, на которой горѣлъ крестъ, отражая въ себѣ заходившее солнце. На мигъ на меня повѣяло очарованіемъ чего-то родного, очень знакомаго, будто я уже видѣлъ эту самую панораму когда-то въ дѣтствѣ.

А у бѣлыхъ каменныхъ воротъ, которыя вели со двора въ поле, у старинныхъ крѣпкихъ воротъ со львами, стояли двѣ дѣвушки. Одна изъ нихъ, постарше, тонкая, блѣдная, очень красивая, съ цѣлой копной каштановыхъ волосъ на головѣ, съ маленькимъ упрямымъ ртомъ, имѣла строгое выраженіе и на меня едва обратила вниманіе; другая же, совсѣмъ еще молоденькая —

ей было 17—18 лѣтъ, не больше — тоже тонкая и блѣдная, съ большимъ ртомъ и съ большими глазами, съ удивленіемъ посмотрѣла на меня, когда я проходилъ мимо, сказала что-то по-англійски и сконфузилась, и мнѣ показалось, что и эти два милыхъ лица мнѣ давно уже знакомы. И я вернулся домой съ такимъ чувствомъ, какъ будто видѣлъ хорошій сонъ.

Вскорѣ послѣ этого, какъ-то въ полдень, когда я и Бѣлокуровъ гуляли около дома, неожиданно, шурша по травѣ, въѣхала во дворъ рессорная коляска, въ которой сидѣла одна изъ тѣхъ дѣвушекъ. Это была старшая. Она пріѣхала съ подписнымъ листомъ просить на погорѣльцевъ. Не глядя на насъ, она очень серьезно и обстоятельно разсказала намъ, сколько сгорѣло домовъ въ селѣ Сіяновѣ, сколько мужчинъ, женщинъ и дѣтей осталось безъ крова и что намѣренъ предпринять на первыхъ порахъ погорѣльческій комитетъ, членомъ котораго она теперь была. Давши намъ подписаться, она спрятала листъ и тотчасъ же стала прощаться.

— Вы совсѣмъ забыли насъ, Петръ Петровичъ, — сказала она Бѣлокурову, подавая ему руку. — Пріѣзжайте, и если monsieur N. (она назвала мою фамилію) захочетъ взглянуть, какъ живутъ почитатели его таланта, и пожалуетъ къ намъ, то мама и я будемъ очень рады.

Я поклонился.

Когда она уѣхала, Петръ Петровичъ сталъ разсказывать. Эта дѣвушка, по его словамъ, была изъ хорошей семьи и звали ее Лидіей Волчаниновой, а имѣніе, въ которомъ она жила съ матерью и сестрой, также какъ и село на дру-

гомъ берегу пруда, называлось Шелковкой. Отецъ ея когда-то занималъ видное мѣсто въ Москвѣ и умеръ въ чинѣ тайнаго совѣтника. Несмотря на хорошія средства, Волчаниновы жили въ деревнѣ безвыѣздно, лѣто и зиму, и Лидія была учительницей въ земской школѣ у себя въ Шелковкѣ и получала 25 рублей въ мѣсяцъ. Она тратила на себя только эти деньги и гордилась, что живетъ на собственный счетъ.

— Интересная семья, — сказалъ Бѣлокуровъ. — Пожалуй, сходимъ къ нимъ какъ-нибудь. Онѣ будутъ вамъ очень рады.

Какъ-то послѣ обѣда, въ одинъ изъ праздниковъ, мы вспомнили про Волчаниновыхъ и отправились къ нимъ въ Шелковку. Онѣ, мать и обѣ дочери, были дома. Мать, Екатерина Павловна, когда-то, повидимому, красивая, теперь же сырая не по лѣтамъ, больная одышкой, грустная, разсѣянная, старалась занять меня разговоромъ о живописи. Узнавъ отъ дочери, что я, быть можетъ, пріѣду въ Шелковку, она торопливо припомнила два-три моихъ пейзажа, какіе видѣла на выставкахъ въ Москвѣ, и теперь спрашивала, что я хотѣлъ въ нихъ выразить. Лидія, или, какъ ее звали дома, Лида говорила больше съ Бѣлокуровымъ, чѣмъ со мной. Серьезная, не улыбаясь, она спрашивала его, почему онъ не служитъ въ земствѣ и почему до сихъ поръ не былъ ни на одномъ земскомъ собраніи.

— Не хорошо, Петръ Петровичъ, — говорила она укоризненно. — Не хорошо. Стыдно.

— Правда, Лида, правда, — соглашалась мать. — Не хорошо.

— Весь нашъ уѣздъ находится въ рукахъ

Балагина, — продолжала Лида, обращаясь ко мнѣ. — Самъ онъ предсѣдатель управы, и всѣ должности въ уѣздѣ роздалъ своимъ племянникамъ и зятьямъ и дѣлаетъ, что хочетъ. Надо бороться. Молодежь должна составить изъ себя сильную партію, но вы видите, какая у насъ молодежь. Стыдно, Петръ Петровичъ!

Младшая сестра, Женя, пока говорили о земствѣ, молчала. Она не принимала участія въ серьезныхъ разговорахъ, ее въ семьѣ еще не считали взрослой и, какъ маленькую, называли Мисюсь, потому что въ дѣтствѣ она называла такъ *мисъ*, свою гувернантку. Все время она смотрѣла на меня съ любопытствомъ и, когда я осматривалъ въ альбомѣ фотографіи, объясняла мнѣ: «Это дядя... Это крестный папа», и водила пальчикомъ по портретамъ, и въ это время по-дѣтски касалась меня своимъ плечомъ, и я близко видѣлъ ея слабую, неразвитую грудь, тонкія плечи, косу и худенькое тѣло, туго стянутое поясомъ.

Мы играли въ крокетъ и lawn-tennis, гуляли по саду, пили чай, потомъ долго ужинали. Послѣ громадной пустой залы съ колоннами мнѣ было какъ-то по себѣ въ этомъ небольшомъ уютномъ домѣ, въ которомъ не было на стѣнахъ олеографій и прислугѣ говорили вы, и все мнѣ казалось молодымъ и чистымъ, благодаря присутствію Лиды и Мисюсь, и все дышало порядочностью. За ужиномъ Лида опять говорила съ Бѣлокуровымъ о земствѣ, о Балагинѣ, о школьныхъ библіотекахъ. Это была живая, искренняя, убѣжденная дѣвушка, и слушать ее было интересно, хотя говорила она много и громко — быть можетъ, от-

того, что привыкла говорить въ школѣ. Зато мой Петръ Петоровичъ, у котораго еще со студенчества осталась манера всякій разговоръ сводить на споръ, говорилъ скучно, вяло и длинно, съ явнымъ желаніемъ казаться умнымъ и передовымъ человѣкомъ. Жестикулируя, онъ опрокинулъ рукавомъ соусникъ, и на скатерти образовалась большая лужа, но кромѣ меня, казалось, никто не замѣтилъ этого.

Когда мы возвращались домой, было темно и тихо.

— Хорошее воспитаніе не въ томъ, что ты не прольешь соуса на скатерть, а въ томъ, что ты не замѣтишь, если это сдѣлаетъ кто-нибудь другой, — сказалъ Бѣлокуровъ и вздохнулъ. — Да, прекрасная, интеллигентная семья. Отсталъ я отъ хорошихъ людей, ахъ какъ отсталъ! А все дѣла, дѣла! Дѣла!

Онъ говорилъ о томъ, какъ много приходится работать, когда хочешь стать образцовымъ сельскимъ хозяиномъ. А я думалъ: какой это тяжелый и лѣнивый малый! Онъ, когда говорилъ о чемъ-нибудь серьезно, то съ напряженіемъ тянулъ «э-э-э-э», и работалъ такъ же, какъ говорилъ, — медленно, всегда опаздывая, пропуская сроки. Въ его дѣловитость я плохо вѣрилъ уже потому, что письма, которыя я поручалъ ему отправлять на почту, онъ по цѣлымъ недѣлямъ таскалъ у себя въ карманѣ.

— Тяжелѣе всего, — бормоталъ онъ, идя рядомъ со мной: — тяжелѣе всего, что работаешь и ни въ комъ не встрѣчаешь сочувствія. Никакого сочувствія!

II

Я сталъ бывать у Волчаниновыхъ. Обыкновенно я сидѣлъ на нижней ступени террасы; меня томило недовольство собой, было жаль своей жизни, которая протекала такъ быстро и неинтересно, и я все думалъ о томъ, какъ хорошо было бы вырвать изъ своей груди сердце, которое стало у меня такимъ тяжелымъ. А въ это время на террасѣ говорили, слышался шорохъ платьевъ, перелистывали книгу. Я скоро привыкъ къ тому, что днемъ Лида принимала больныхъ, раздавала книжки и часто уходила въ деревню съ непокрытой головой, подъ зонтикомъ, а вечеромъ громко говорила о земствѣ, о школахъ. Эта тонкая, красивая, неизмѣнно строгая дѣвушка съ маленькимъ, изящно очерченнымъ ртомъ, всякій разъ, когда начинался дѣловой разговоръ, говорила мнѣ сухо:

— Это для васъ не интересно.

Я былъ ей не симпатиченъ. Она не любила меня за то, что я пейзажистъ и въ своихъ картинахъ не изображаю народныхъ нуждъ и что я, какъ ей казалось, былъ равнодушенъ къ тому, во что она такъ крѣпко вѣрила. Помнится, когда я ѣхалъ по берегу Байкала, мнѣ встрѣтилась дѣвушка-бурятка, въ рубахѣ и въ штанахъ изъ синей дабы, верхомъ на лошади; я спросилъ у нея, не продастъ ли она мнѣ свою трубку и, пока мы говорили, она съ презрѣніемъ смотрѣла на мое европейское лицо и на мою шляпу, и въ одну минуту ей надоѣло говорить со мной, она гикнула и поскакала прочь. И Лида точно такъ же презирала во мнѣ чужого. Внѣшнимъ

образомъ она никакъ не выражала своего нерасположенія ко мнѣ, но я чувствовалъ его и, сидя на нижней ступени террасы, испытывалъ раздраженіе и говорилъ, что лѣчить мужиковъ, не будучи врачомъ, значитъ обманывать ихъ и что легко быть благодѣтелемъ, когда имѣешь двѣ тысячи десятинъ.

А ея сестра, Мисюсь, не имѣла никакихъ заботъ и проводила свою жизнь въ полной праздности, какъ я. Вставши утромъ, она тотчасъ же бралась за книгу и читала, сидя на террасѣ въ глубокомъ креслѣ, такъ что ножки ея едва касались земли, или пряталась съ книгой въ липовой аллеѣ, или шла за ворота въ поле. Она читала цѣлый день, съ жадностью глядя въ книгу, и только потому, что взглядъ ея иногда становился усталымъ, ошеломленнымъ и лицо сильно блѣднѣло, можно было догадаться, какъ это чтеніе утомляло ея мозгъ. Когда я приходилъ, она, увидѣвъ меня, слегка краснѣла, оставляла книгу и съ оживленіемъ, глядя мнѣ въ лицо своими большими глазами, разсказывала о томъ, что случилось, напримѣръ, о томъ, что въ людской загорѣлась сажа, или что работникъ поймалъ въ прудѣ большую рыбу. Въ будни она ходила обыкновенно въ свѣтлой рубашечкѣ и въ темно-синей юбкѣ. Мы гуляли вмѣстѣ, рвали вишни для варенья, катались въ лодкѣ и, когда она прыгала, чтобы достать вишню, или работала веслами, сквозь широкіе рукава просвѣчивали ея тонкія, слабыя руки. Или я писалъ этюдъ, а она стояла возлѣ и смотрѣла съ восхищеніемъ.

Въ одно изъ воскресеній, въ концѣ іюля, я пришелъ къ Волчаниновымъ утромъ, часовъ

въ девять. Я ходилъ по парку, держась подальше отъ дома, и отыскивалъ бѣлые грибы, которыхъ въ то лѣто было очень много, и ставилъ около нихъ мѣтки, чтобы потомъ подобрать ихъ вмѣстѣ съ Женей. Дулъ теплый вѣтеръ. Я видѣлъ, какъ Женя и ея мать, обѣ въ свѣтлыхъ праздничныхъ платьяхъ, прошли изъ церкви домой, и Женя придерживала отъ вѣтра шляпу. Потомъ я слышалъ, какъ на террасѣ пили чай.

Для меня, человѣка беззаботнаго, ищущаго оправданія для своей постоянной праздности, эти лѣтнія праздничныя утра въ нашихъ усадьбахъ всегда были необыкновенно привлекательны. Когда зеленый садъ, еще влажный отъ росы, весь сіяетъ отъ солнца и кажется счастливымъ, когда около дома пахнетъ резедой и олеандромъ, молодежь только-что вернулась изъ церкви и пьетъ чай въ саду, и когда всѣ такъ мило одѣты и веселы, и когда знаешь, что всѣ эти здоровые, сытые, красивые люди весь длинный день ничего не будутъ дѣлать, то хочется, чтобы вся жизнь была такою. И теперь я думалъ то же самое и ходилъ по саду, готовый ходить такъ безъ дѣла и безъ цѣли весь день, все лѣто.

Пришла Женя ся корзиной; у нея было такое выраженіе, какъ будто она знала или предчувствовала, что найдетъ меня въ саду. Мы подбирали грибы и говорили, и когда она спрашивала о чемъ-нибудь, то заходила впередъ, чтобы видѣть мое лицо.

— Вчера у насъ въ деревнѣ произошло чудо, — сказала она. — Хромая Пелагея была больна цѣлый годъ, никакіе доктора и лѣкарства не помогали, а вчера старуха пошептала и прошло.

— Это не важно, — сказалъ я. — Не слѣдуетъ искать чудесъ только около больныхъ и старухъ. Развѣ здоровье не чудо? А сама жизнь? Что не понятно, то и есть чудо.

— А вамъ не страшно то, что не понятно?

— Нѣтъ. Къ явленіямъ, которыхъ я не понимаю, я подхожу бодро и не подчиняюсь имъ. Я выше ихъ. Человѣкъ долженъ сознавать себя выше львовъ, тигровъ, звѣздъ, выше всего въ природѣ, даже выше того, что непонятно и кажется чудеснымъ, иначе онъ не человѣкъ, а мышь, которая всего боится.

Женя думала, что я, какъ художникъ, знаю очень многое и могу вѣрно угадывать то, чего не знаю. Ей хотѣлось, чтобы я ввелъ ее въ область вѣчнаго и прекраснаго, въ этотъ высшій свѣтъ, въ которомъ, по ея мнѣнію, я былъ своимъ человѣкомъ, и она говорила со мной о Богѣ, о вѣчной жизни, о чудесномъ. И я, не допускавшій, что я и мое воображеніе послѣ смерти погибнемъ навѣки, отвѣчалъ: «да, люди безсмертны», «да, насъ ожидаетъ вѣчная жизнь». А она слушала, вѣрила и не требовала доказательствъ.

Когда мы шли къ дому, она вдругъ остановилась и сказала:

— Наша Лида замѣчательный человѣкъ. Не правда ли? Я ее горячо люблю и могла бы каждую минуту пожертвовать для нея жизнью. Но скажите, — Женя дотронулась до моего рукава пальцемъ: — скажите, почему вы съ ней все спорите? Почему вы раздражены?

— Потому что она неправа.

Женя отрицательно покачала головой, и слезы показались у нея на глазахъ.

— Какъ это непонятно! — проговорила она.

Въ это время Лида только-что вернулась откуда-то и, стоя около крыльца съ хлыстомъ въ рукахъ, стройная, красивая, освѣщенная солнцемъ, приказывала что-то работнику. Торопясь и громко разговаривая, она приняла двухъ-трехъ больныхъ, потомъ съ дѣловымъ, озабоченнымъ видомъ ходила по комнатамъ, отворяя то одинъ шкапъ то другой, уходила въ мезонинъ; ее долго искали и звали обѣдать, и пришла она, когда мы уже съѣли супъ. Всѣ эти мелкія подробности я почему-то помню и люблю, и весь этотъ день живо помню, хотя не произошло ничего особеннаго. Послѣ обѣда Женя читала, лежа въ глубокомъ креслѣ, а я сидѣлъ на нижней ступени террасы. Мы молчали. Все небо заволокло облаками, и сталъ накрапывать рѣдкій, мелкій дождь. Было жарко, вѣтеръ давно уже стихъ, и казалось, что этотъ день никогда не кончится. Къ намъ на террасу вышла Екатерина Павловна, заспанная, съ вѣеромъ.

— О, мама, — сказала Женя, цѣлуя у нея руку: — тебѣ вредно спать днемъ.

Онѣ обожали другъ друга. Когда одна уходила въ садъ, то другая уже стояла на террасѣ и, глядя на деревья, окликала: «ау, Женя!» или: «мамочка, гдѣ ты?» Онѣ всегда вмѣстѣ молились и обѣ одинаково вѣрили, и хорошо понимали другъ друга, даже когда молчали. И къ людямъ онѣ относились одинаково. Екатерина Павловна также скоро привыкла и привязалась ко мнѣ, и когда я не появлялся два-три дня, присылала

узнать, здоровъ ли я. На мои этюды она смотрѣла тоже съ восхищеніемъ, и съ такою же болтливостью и такъ же откровенно, какъ Мисюсь, разсказывала мнѣ, что случилось, и часто повѣряла мнѣ свои домашнія тайны.

Она благоговѣла передъ своей старшей дочерью. Лида никогда не ласкалась, говорила только о серьезномъ; она жила своею особенною жизнью, и для матери и для сестры была такою же священной, немного загадочной особой, какъ для матросовъ адмиралъ, который все сидитъ у себя въ каютѣ.

— Наша Лида замѣчательный человѣкъ, — говорила часто мать. — Не правда ли?

И теперь, пока накрапывалъ дождь, мы говорили о Лидѣ.

— Она замѣчательный человѣкъ, — сказала мать и прибавила вполголоса тономъ заговорщицы, испуганно оглядываясь: — Такихъ днемъ съ огнемъ поискать, хотя, знаете ли, я начинаю немножко безпокоиться. Школа, аптечки, книжки — все это хорошо, но зачѣмъ крайности? Вѣдь, ей уже двадцать четвертый годъ, пора о себѣ серьезно подумать. Этакъ за книжками и аптечками и не увидишь, какъ жизнь пройдетъ... Замужъ нужно.

Женя, блѣдная отъ чтенія, съ помятою прической, приподняла голову и сказала какъ бы про себя, глядя на мать:

— Мамочка, все зависитъ отъ воли Божіей!

И опять погрузилась въ чтеніе.

Пришелъ Бѣлокуровъ въ поддевкѣ и въ вышитой сорочкѣ. Мы играли въ крокетъ и lawn-tennis, потомъ, когда потемнѣло, долго ужинали,

и Лида опять говорила о школахъ и о Балагинѣ, который забралъ въ свои руки весь уѣздъ. Уходя въ этотъ вечеръ отъ Волчаниновыхъ, я уносилъ впечатлѣніе длиннаго-длиннаго, празднаго дня, съ грустнымъ сознаніемъ, что все кончается на этомъ свѣтѣ, какъ бы ни было длинно. Насъ до воротъ провожала Женя, и оттого, быть можетъ, что она провела со мной весь день отъ утра до вечера, я почувствовалъ, что безъ нея мнѣ какъ будто скучно и что вся эта милая семья близка мнѣ; и въ первый разъ за все лѣто мнѣ захотѣлось писать.

— Скажите, отчего вы живете такъ скучно, такъ не колоритно? — спросилъ я у Бѣлокурова, идя съ нимъ домой. — Моя жизнь скучна, тяжела, однообразна, потому что я художникъ, я странный человѣкъ, я издерганъ съ юныхъ дней завистью, недовольствомъ собой, невѣріемъ въ свое дѣло, я всегда бѣденъ, я бродяга, но вы-то, вы, здоровый, нормальный человѣкъ, помѣщикъ, баринъ, — отчего вы живете такъ неинтересно, такъ мало берете отъ жизни? Отчего, напримѣръ, вы до сихъ поръ не влюбились въ Лиду или Женю?

— Вы забываете, что я люблю другую женщину, — отвѣтилъ Бѣлокуровъ.

Это онъ говорилъ про свою подругу, Любовь Ивановну, жившую съ нимъ вмѣстѣ во флигелѣ. Я каждый день видѣлъ, какъ эта дама, очень полная, пухлая, важная, похожая на откормленную гусыню, гуляла по саду, въ русскомъ костюмѣ съ бусами, всегда подъ зонтикомъ, и прислуга то-и-дѣло звала ее то кушать, то чай пить. Года три назадъ она наняла одинъ

изъ флигелей подъ дачу, да такъ и осталась жить у Бѣлокурова, повидимому, навсегда. Она была старше его лѣтъ на десять и управляла имъ строго, такъ что, отлучаясь изъ дому, онъ долженъ былъ спрашивать у нея позволенія. Она часто рыдала мужскимъ голосомъ, и тогда я посылалъ сказать ей, что если она не перестанетъ, то я съѣду съ квартиры; и она переставала.

Когда мы пришли домой, Бѣлокуровъ сѣлъ на диванъ и нахмурился въ раздумьи, а я сталъ ходить по залѣ, испытывая тихое волненіе, точно влюбленный. Мнѣ хотѣлось говорить про Волчаниновыхъ.

— Лида можетъ полюбить только земца, увлеченнаго такъ же, какъ она, больницами и школами, — сказалъ я. — О, ради такой дѣвушки можно не только стать земцемъ, но даже истаскать, какъ въ сказкѣ, желѣзные башмаки. А Мисюсь? Какая прелесть эта Мисюсь!

Бѣлокуровъ длинно, растягивая «э-э-э-э...», заговорилъ о болѣзни вѣка — пессимизмѣ. Говорилъ онъ увѣренно и такимъ тономъ, какъ будто я спорилъ съ нимъ. Сотни верстъ пустынной, однообразной, выгорѣвшей степи не могутъ нагнать такого унынія, какъ одинъ человѣкъ, когда онъ сидитъ, говоритъ и неизвѣстно, когда онъ уйдетъ.

— Дѣло не въ пессимизмѣ и не въ оптимизмѣ, — сказалъ я раздраженно: — а въ томъ, что у девяносто девяти изъ ста нѣтъ ума.

Бѣлокуровъ принялъ это на свой счетъ, обидѣлся и ушелъ.

III

— Въ Малозёмовѣ гоститъ князь, тебѣ кланяется, — говорила Лида матери, вернувшись откуда-то и снимая перчатки. — Разсказывалъ много интереснаго... Обѣщалъ опять поднять въ губернскомъ собраніи вопросъ о медицинскомъ пунктѣ въ Малозёмовѣ, но говоритъ: мало надежды. — И обратясь ко мнѣ, она сказала: — Извините, я все забываю, что для васъ это не можетъ быть интересно.

Я почувствовалъ раздраженіе.

— Почему же не интересно? — спросилъ я и пожалъ плечами. — Вамъ не угодно знать мое мнѣніе, но увѣряю васъ, этотъ вопросъ меня живо интересуетъ.

— Да?

— Да. По моему мнѣнію, медицинскій пунктъ въ Малозёмовѣ вовсе не нуженъ.

Мое раздраженіе передалось и ей; она посмотрѣла на меня, прищуривъ глаза, и спросила:

— Что же нужно? Пейзажи?

— И пейзажи не нужны. Ничего тамъ не нужно.

Она кончила снимать перчатки и развернула газету, которую только-что привезли съ почты; черезъ минуту она сказала тихо, очевидно, сдерживая себя:

— На прошлой недѣлѣ умерла отъ родовъ Анна, а если бы поблизости былъ медицинскій пунктъ, то она осталась бы жива. И господа пейзажисты, мнѣ кажется, должны бы имѣть какія-нибудь убѣжденія на этотъ счетъ.

— Я имѣю на этотъ счетъ очень опредѣлен-

ное убѣжденіе, увѣряю васъ, — отвѣтилъ я, а она закрылась отъ меня газетой, какъ бы не желая слушать. — По-моему, медицинскіе пункты, школы, библіотечки, аптечки, при существующихъ условіхъ, служатъ только порабощенію. Народъ опутанъ цѣпью великой, и вы не рубите этой цѣпи, а лишь прибавляете новыя звенья — вотъ вамъ мое убѣжденіе.

Она подняла на меня глаза и насмѣшливо улыбнулась, а я продолжалъ, стараясь уловить свою главную мысль:

— Не то важно, что Анна умерла отъ родовъ, а то, что всѣ эти Анны, Мавры, Пелагеи съ ранняго утра до потемокъ гнутъ спины, болѣютъ отъ непосильнаго труда, всю жизнь дрожатъ за голодныхъ и больныхъ дѣтей, всю жизнь боятся смерти и болѣзней, всю жизнь лѣчатся, рано блекнутъ, рано старятся и умираютъ въ грязи и въ вони; ихъ дѣти, подрастая, начинаютъ ту же музыку, и такъ проходятъ сотни лѣтъ, и милліарды людей живутъ хуже животныхъ — только ради куска хлѣба, испытывая постоянный страхъ. Весь ужасъ ихъ положенія въ томъ, что имъ некогда о душѣ подумать, некогда вспомнить о своемъ образѣ и подобіи; голодъ, холодъ, животный страхъ, масса труда, точно снѣговые обвалы, загородили имъ всѣ пути къ духовной дѣятельности, именно къ тому самому, что отличаетъ человѣка отъ животнаго и составляетъ единственное, ради чего стóитъ жить. Вы приходите къ нимъ на помощь съ больницами и школами, но этимъ не освобождаете ихъ отъ путъ, а, напротивъ, еще больше порабощаете, такъ какъ, внося въ ихъ жизнь новые предразсудки,

вы увеличиваете число ихъ потребностей, не говоря уже о томъ, что за мушки и за книжки они должны платить земству и, значитъ, сильнѣе гнуть спину.

— Я спорить съ вами не стану, — сказала Лида, опуская газету. — Я уже это слышала. Скажу вамъ только одно: нельзя сидѣть сложа руки. Правда, мы не спасаемъ человѣчества и, быть можетъ, во многомъ ошибаемся, но мы дѣлаемъ то, что можемъ, и мы — правы. Самая высокая и святая задача культурнаго человѣка — это служить ближнимъ, и мы пытаемся служить, какъ умѣемъ. Вамъ не нравится, но, вѣдь, на всѣхъ не угодишь.

— Правда, Лида, правда, — сказала мать.

Въ присутствіи Лиды она всегда робѣла и, разговаривая, тревожно поглядывала на нее, боясь сказать что-нибудь лишнее или неумѣстное; и никогда она не противорѣчила ей, а всегда соглашалась: правда, Лида, правда.

— Мужицкая грамотность, книжки съ жалкими наставленіями и прибаутками и медицинскіе пункты не могутъ уменьшить ни невѣжества, ни смертности, такъ же, какъ свѣтъ изъ вашихъ оконъ не можетъ освѣтить этого громаднаго сада, — сказалъ я. — Вы не даете ничего, вы своимъ вмѣшательствомъ въ жизнь этихъ людей создаете лишь новыя потребности, новый поводъ къ труду.

— Ахъ, Боже мой, но вѣдь нужно же дѣлать что-нибудь! — сказала Лида съ досадой, и по ея тону было замѣтно, что мои разсужденія она считаетъ ничтожными и презираетъ ихъ.

— Нужно освободить людей отъ тяжкаго

физическаго труда, — сказалъ я. — Нужно облегчить ихъ ярмо, дать имъ передышку, чтобы они не всю свою жизнь проводили у печей, корытъ и въ полѣ, но имѣли бы также время подумать о душѣ, о Богѣ, могли бы пошире проявить свои духовныя способности. Призваніе всякаго человѣка въ духовной дѣятельности — въ постоянномъ исканіи правды и смысла жизни. Сдѣлайте же для нихъ ненужнымъ грубый животный трудъ, дайте имъ почувствовать себя на свободѣ, и тогда увидите, какая въ сущности насмѣшка эти книжки и аптечки. Разъ человѣкъ сознаетъ свое истинное призваніе, то удовлетворять его могутъ только религія, науки, искусства, а не эти пустяки.

— Освободить отъ труда! — усмѣхнулась Лида. — Развѣ это возможно?

— Да. Возьмите на себя долю ихъ труда. Если бы всѣ мы, городскіе и деревенскіе жители, всѣ безъ исключенія, согласились подѣлить между собою трудъ, который затрачивается вообще человѣчествомъ на удовлетвореніе физическихъ потребностей, то на каждаго изъ насъ, быть можетъ, пришлось бы не болѣе двухъ-трехъ часовъ въ день. Представьте, что всѣ мы, богатые и бѣдные, работаемъ только три часа въ день, а остальное время у насъ свободно. Представьте еще, что мы, чтобы еще менѣе зависѣть отъ своего тѣла и менѣе трудиться, изобрѣтаемъ машины, замѣняющія трудъ, мы стараемся сократить число нашихъ потребностей до минимума. Мы закаляемъ себя, нашихъ дѣтей, чтобы они не боялись голода, холода, и мы не дрожали бы постоянно за ихъ здоровье, какъ дрожатъ Анна,

Мавра и Пелагея. Представьте, что мы не лѣчимся, не держимъ аптекъ, табачныхъ фабрикъ, винокуренныхъ заводовъ, — сколько свободнаго времени у насъ остается въ концѣ концовъ! Всѣ мы сообща отдаемъ этотъ досугъ наукамъ и искусствамъ. Какъ иногда мужики міромъ починяютъ дорогу, такъ и всѣ мы сообща, міромъ, искали бы правды и смысла жизни, и — я увѣренъ въ этомъ — правда была бы открыта очень скоро, человѣкъ избавился бы отъ этого постояннаго мучительнаго, угнетающаго страха смерти, и даже отъ самой смерти.

— Вы, однако, себѣ противорѣчите, — сказала Лида. — Вы говорите — наука, наука, а сами отрицаете грамотность.

— Грамотность, когда человѣкъ имѣетъ возможность читать только вывѣски на кабакахъ да изрѣдка книжки, которыхъ не понимаетъ, — такая грамотность держится у насъ со временъ Рюрика; гоголевскій Петрушка давно уже читаетъ, между тѣмъ деревня, какая была при Рюрикѣ, такая и осталась до сихъ поръ. Не грамотность нужна, а свобода для широкаго проявленія духовныхъ способностей. Нужны не школы, а университеты.

— Вы и медицину отрицаете.

— Да. Она была бы нужна только для изученія болѣзней, какъ явленій природы, а не для лѣченія ихъ. Если ужъ лѣчить, то не болѣзни, а причины ихъ. Устраните главную причину — физическій трудъ и тогда не будетъ болѣзней. Не признаю я науки, которая лѣчитъ, — продолжалъ я возбужденно. — Науки и искусства, когда они настоящія, стремятся не къ

временнымъ, не къ частнымъ цѣлямъ, а къ вѣчному и общему, — они ищутъ правды и смысла жизни, ищутъ Бога, душу, а когда ихъ пристегиваютъ къ нуждамъ и злобамъ дня, къ аптечкамъ и библіотечкамъ, то они только осложняютъ, загромождаютъ жизнь. У насъ много медиковъ, фармацевтовъ, юристовъ, стало много грамотныхъ, но совсѣмъ нѣтъ біологовъ, математиковъ, философовъ, поэтовъ. Весь умъ, вся душевная энергія ушли на удовлетвореніе временныхъ, преходящихъ нуждъ... У ученыхъ, писателей и художниковъ кипитъ работа, по ихъ милости удобства жизни растутъ съ каждымъ днемъ, потребности тѣла множатся, между тѣмъ до правды еще далеко, и человѣкъ попрежнему остается самымъ хищнымъ и самымъ нечистоплотнымъ животнымъ, и все клонится къ тому, чтобы человѣчество въ своемъ большинствѣ выродилось и утеряло навсегда всякую жизнеспособность. При такихъ условіяхъ жизнь художника не имѣетъ смысла, и чѣмъ онъ талантливѣе, тѣмъ страннѣе и непонятнѣе его роль, такъ какъ на повѣрку выходитъ, что работаетъ онъ для забавы хищнаго нечистоплотнаго животнаго, поддерживая существующій порядокъ. И я не хочу работать, и не буду... Ничего не нужно, пусть земля провалится въ тартарары!

— Мисюська, выйди, — сказала Лида сестрѣ, очевидно находя мои слова вредными для такой молодой дѣвушки.

Женя грустно посмотрѣла на сестру и на мать и вышла.

— Подобныя милыя вещи говорятъ обыкновенно, когда хотятъ оправдать свое равнодушіе,

— сказала Лида. — Отрицать больницы и школы легче, чѣмъ лѣчить и учить.

— Правда, Лида, правда, — согласилась мать.

— Вы угрожаете, что не станете работать, — продолжала Лида. — Очевидно, вы высоко цѣните ваши работы. Перестанемъ же спорить, мы никогда не споемся, такъ какъ самую несовершенную изъ всѣхъ библіотечекъ и аптечекъ, о которыхъ вы только-что отзывались такъ презрительно, я ставлю выше всѣхъ пейзажей въ свѣтѣ. — И тотчасъ же, обратясь къ матери, она заговорила совсѣмъ другимъ тономъ: — Князь очень похудѣлъ и сильно измѣнился съ тѣхъ поръ, какъ былъ у насъ. Его посылаютъ въ Виши.

Она разсказывала матери про князя, чтобы не говорить со мной. Лицо у нея горѣло, и, чтобы скрыть свое волненіе, она низко, точно близорукая, нагнулась къ столу и дѣлала видъ, что читаетъ газету. Мое присутствіе было непріятно. Я простился и пошелъ домой.

IV

На дворѣ было тихо; деревня по ту сторону пруда уже спала, не было видно ни одного огонька и только на прудѣ едва свѣтились блѣдныя отраженія звѣздъ. У воротъ со львами стояла Женя неподвижно, поджидая меня, чтобы проводить.

— Въ деревнѣ всѣ спятъ, — сказалъ я ей, стараясь разглядѣть въ темнотѣ ея лицо, и увидѣлъ устремленные на меня темные, печальные глаза. — И кабатчикъ, и конокрады покойно

спятъ, а мы, порядочные люди, раздражаемъ другъ друга и споримъ.

Была грустная августовская ночь, — грустная, потому, что уже пахло осенью; покрытая багровымъ облакомъ, восходила луна и еле-еле освѣщала дорогу и по сторонамъ ея темныя озимыя поля. Часто падали звѣзды. Женя шла со мной рядомъ по дорогѣ и старалась не глядѣть на небо, чтобы не видѣть падающихъ звѣздъ, которыя почему-то пугали ее.

— Мнѣ кажется, вы правы, — сказала она, дрожа отъ ночной сырости. — Если бы люди, всѣ сообща, могли отдаться духовной дѣятельности, то они скоро узнали бы все.

— Конечно. Мы высшія существа, и если бы въ самомъ дѣлѣ мы сознали всю силу человѣческаго генія и жили бы только для высшихъ цѣлей, то въ концѣ концовъ мы стали бы какъ боги. Но этого никогда не будетъ, — человѣчество выродится и отъ генія не останется и слѣда.

Когда не стало видно воротъ, Женя остановилась и торопливо пожала мнѣ руку.

— Спокойной ночи, — проговорила она, дрожа; плечи ея были покрыты только одною рубашечкой, и она сжалась отъ холода. — Приходите завтра.

Мнѣ стало жутко отъ мысли, что я останусь одинъ, раздраженный, недовольный собой и людьми; и я самъ уже старался не глядѣть на падающія звѣзды.

— Побудьте со мной еще минуту, — сказалъ я. — Прошу васъ.

Я любилъ Женю. Должно быть, я любилъ

ее за то, что она встрѣчала и провожала меня, за то, что смотрѣла на меня нѣжно и съ восхищеніемъ. Какъ трогательно прекрасны были ея блѣдное лицо, тонкая шея, тонкія руки, ея слабость, праздность, ея книги. А умъ? Я подозрѣвалъ у нея недюжинный умъ, меня восхищала широта ея воззрѣній, быть можетъ потому, что она мыслила иначе, чѣмъ строгая, красивая Лида, которая не любила меня. Я нравился Женѣ, какъ художникъ, я побѣдилъ ея сердце своимъ талантомъ, и мнѣ страстно хотѣлось писать только для нея, и я мечталъ о ней, какъ о своей маленькой королевѣ, которая вмѣстѣ со мною будетъ владѣть этими деревьями, полями, туманомъ, зарею, этою природой, чудесной, очаровательной, но среди которой я, до сихъ поръ, чувствовалъ себя безнадежно одинокимъ и ненужнымъ.

— Останьтесь еще минуту, — попросилъ я. — Умоляю васъ.

Я снялъ съ себя пальто и прикрылъ ея озябшія плечи; она, боясь показаться въ мужскомъ пальто смѣшной и некрасивой, засмѣялась и сбросила его, и въ это время я обнялъ ее и сталъ осыпать поцѣлуями ея лицо, плечи, руки.

— До завтра! — прошептала она и осторожно, точно боясь нарушить ночную тишину, обняла меня. — Мы не имѣемъ тайнъ другъ отъ друга, я должна сейчасъ разсказать все мамѣ и сестрѣ... Это такъ страшно? Мама ничего, мама любитъ васъ, но Лида!

Она побѣжала къ воротамъ.

— Прощайте! — крикнула она.

И потомъ минуты двѣ я слышалъ, какъ она бѣжала. Мнѣ не хотѣлось домой, да и не-зачѣмъ

было идти туда. Я постоялъ немного въ раздумьи и тихо поплелся назадъ, чтобы еще взглянуть на домъ, въ которомъ она жила, милый, наивный, старый домъ, который, казалось, окнами своего мезонина глядѣлъ на меня, какъ глазами, и понималъ все. Я прошелъ мимо террасы, сѣлъ на скамьѣ около площадки для lawn-tennis, въ темнотѣ подъ старымъ вязомъ, и отсюда смотрѣлъ на домъ. Въ окнахъ мезоница, въ которомъ жила Мисюсь, блеснулъ яркій свѣтъ, потомъ покойный зеленый — это лампу накрыли абажуромъ. Задвигались тѣни... Я былъ полонъ нѣжности, тишины и довольства собою, довольства, что сумѣлъ увлечься и полюбить, и въ то же время я чувствовалъ неудобство отъ мысли, что въ это же самое время, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня, въ одной изъ комнатъ этого дома живетъ Лида, которая не любитъ, быть можетъ, ненавидитъ меня. Я сидѣлъ и все ждалъ, не выйдетъ ли Женя, прислушивался и мнѣ казалось, будто въ мезонинѣ говорятъ.

Прошло около часа. Зеленый огонь погасъ и не стало видно тѣней. Луна уже стояла высоко надъ домомъ и освѣщала спящій садъ, дорожки: георгины и розы въ цвѣтникѣ передъ домомъ были отчетливо видны и казались всѣ одного цвѣта. Становилось очень холодно. Я вышелъ изъ сада, подобралъ на дорогѣ свое пальто и не спѣша побрелъ домой.

Когда на другой день, послѣ обѣда, я пришелъ къ Волчаниновымъ, стеклянная дверь въ садъ была открыта настежь. Я посидѣлъ на террасѣ, поджидая, что вотъ-вотъ за цвѣтникомъ на площадкѣ, или на одной изъ аллей покажется

Женя, или донесется ея голосъ изъ комнатъ; потомъ я прошелъ въ гостиную, въ столовую. Не было ни души. Изъ столовой я прошелъ длиннымъ коридоромъ въ переднюю, потомъ назадъ. Тутъ въ коридорѣ было нѣсколько дверей и за одной изъ нихъ раздавался голосъ Лиды.

— Воронѣ гдѣ-то... Богъ... — говорила она громко и протяжно, вѣроятно, диктуя. — Богъ послалъ кусочекъ сыру... Воронѣ... гдѣ-то... Кто тамъ? — окликнула она вдругъ, услышавъ мои шаги.

— Это я.

— А! Простите, я не могу сейчасъ выйти къ вамъ, я занимаюсь съ Дашей.

— Екатерина Павловна въ саду?

— Нѣтъ, она съ сестрой уѣхала сегодня утромъ къ тетѣ, въ Пензенскую губернію. А зимой, вѣроятно, онѣ поѣдутъ за границу... — добавила она, помолчавъ. — Воронѣ гдѣ-то... Богъ послалъ ку-усочекъ сыру... Написала?

Я вышелъ въ переднюю и, ни о чемъ не думая, стоялъ и смотрѣлъ оттуда на прудъ и на деревню, а до меня доносилось:

— Кусочекъ сыру... Воронѣ гдѣ-то Богъ послалъ кусочекъ сыру...

И я ушелъ изъ усадьбы тою же дорогой, какой пришелъ сюда въ первый разъ, только въ обратномъ порядкѣ; сначала со двора въ садъ, мимо дома, потомъ по липовой аллеѣ... Тутъ догналъ меня мальчишка и подалъ записку. «Я разсказала все сестрѣ, и она требуетъ, чтобы я разсталась съ вами, — прочелъ я. — Я была не въ силахъ огорчить ее своимъ неповиновеніемъ. Богъ дастъ вамъ счастья, простите меня.

Если бы вы знали, какъ я и мама горько плачемъ!».

Потомъ темная еловая аллея, обвалившаяся изгородь... На томъ полѣ, гдѣ тогда цвѣла рожь и кричали перепела, теперь бродили коровы и спутанныя лошади. Кое-гдѣ на холмахъ ярко зеленѣла озимь. Трезвое, будничное настроеніе овладѣло мной, и мнѣ стало стыдно всего, что я говорилъ у Волчаниновыхъ, и попрежнему стало скучно жить. Придя домой, я уложился и вечеромъ уѣхалъ въ Петербургъ.

Больше я уже не видѣлъ Волчаниновыхъ. Какъ-то недавно, ѣдучи въ Крымъ, я встрѣтилъ въ вагонѣ Бѣлокурова. Онъ попрежнему былъ въ поддевкѣ и въ вышитой сорочкѣ и, когда я спросилъ его о здоровьи, отвѣтилъ: «Вашими молитвами». Мы разговорились. Имѣніе свое онъ продалъ и купилъ другое, поменьше, на имя Любови Ивановны. Про Волчаниновыхъ сообщилъ онъ немного. Лида, по его словамъ, жила попрежнему въ Шелковкѣ и учила въ школѣ дѣтей; мало-по-малу ей удалось собрать около себя кружокъ симпатичныхъ ей людей, которые составили изъ себя сильную партію и на послѣднихъ земскихъ выборахъ «прокатили» Балагина, державшаго до того времени въ своихъ рукахъ весь уѣздъ. Про Женю же Бѣлокуровъ сообщилъ только, что она не жила дома и была, неизвѣстно гдѣ.

Я уже начинаю забывать про домъ съ мезониномъ и лишь изрѣдка, когда пишу или читаю, вдругъ ни съ того, ни съ сего припомнится мнѣ то зеленый огонь въ окнѣ, то звукъ моихъ ша-

говъ, раздававшихся въ полѣ ночью, когда я, влюбленный, возвращался домой и потиралъ руки отъ холода. А еще рѣже, въ минуты, когда меня томитъ одиночество и мнѣ грустно, я вспоминаю смутно и мало-по-малу мнѣ почему-то начинаетъ казаться, что обо мнѣ тоже вспоминаютъ, меня ждутъ и что мы встрѣтимся...

Мисюсь, гдѣ ты?

1896.

Моя жизнь

Разсказъ провинціала

I

Управляющій сказалъ мнѣ: «Держу васъ только изъ уваженія къ вашему почтенному батюшкѣ, а то бы вы у меня давно полетѣли». Я ему отвѣтилъ: «Вы слишкомъ льстите мнѣ, ваше превосходительство, полагая что я умѣю летать». И потомъ я слышалъ, какъ онъ сказалъ: «Уберите этого господина, онъ портитъ мнѣ нервы».

Дня черезъ два меня уволили. Итакъ, за все время, пока я считаюсь взрослымъ, къ великому огорченію моего отца, городского архитектора, я перемѣнилъ девять должностей. Я служилъ по различнымъ вѣдомствамъ, но всѣ эти девять должностей были похожи одна на другую, какъ капли воды: я долженъ былъ сидѣть, писать, выслушивать глупыя или грубыя замѣчанія и ждать, когда меня уволятъ.

Отецъ, когда я пришелъ къ нему, сидѣлъ глубоко въ креслѣ, съ закрытыми глазами.. Его лицо, тощее, сухое, съ сизымъ отливомъ на бритыхъ мѣстахъ (лицомъ онъ походилъ на стараго католическаго органиста), выражало смиреніе и покорность. Не отвѣчая на мое привѣтствіе и не открывая глазъ, онъ сказалъ:

— Если бы моя дорогая жена, а твоя мать была жива, то твоя жизнь была бы для нея источникомъ постоянной скорби. Въ ея преждевременной смерти я усматриваю промыслъ Божій.

Прошу тебя, несчастный, — продолжалъ онъ, открывая глаза, — научи: что мнѣ съ тобою дѣлать?

Прежде, когда я былъ помоложе, мои родные и знакомые знали, что со мною дѣлать: одни совѣтовали мнѣ поступить въ вольноопредѣляющіеся, другіе — въ аптеку, третьи — въ телеграфъ; теперь же, когда мнѣ уже минуло двадцать пять и показалась даже сѣдина въ вискахъ, и когда я побывалъ уже и въ вольноопредѣляющихся, и въ фармацевтахъ, и на телеграфѣ, все земное для меня, казалось, было уже исчерпано, и уже мнѣ не совѣтовали, а лишь вздыхали, или покачивали головами.

— Что ты о себѣ думаешь? — продолжалъ отецъ. — Въ твои годы молодые люди имѣютъ уже прочное общественное положеніе, а ты взгляни на себя: пролетарій, нищій, живешь на шеѣ отца!

И, по обыкновенію, онъ сталъ говорить о томъ, что теперешніе молодые люди гибнутъ, гибнутъ отъ невѣрія, матеріализма и излишняго самомнѣнія, и что надо запретить любительскіе спектакли, такъ какъ они отвлекаютъ молодыхъ людей отъ религіи и обязанностей.

— Завтра мы пойдемъ вмѣстѣ, и ты извинишься передъ управляющимъ и пообѣщаешь ему служить добросовѣстно, — заключилъ онъ. — Ни одного дня ты не долженъ оставаться безъ общественнаго положенія.

— Я прошу васъ выслушать меня, — сказалъ я угрюмо, не ожидая ничего хорошаго отъ этого разговора. — То, что вы называете общественнымъ положеніемъ, составляетъ приви-

легію капитала и образованія. Небогатые же и необразованные люди добываютъ себѣ кусокъ хлѣба физическимъ трудомъ, и я не вижу основанія, почему я долженъ быть исключеніемъ.

— Когда ты начинаешь говорить о физическомъ трудѣ, то это выходитъ глупо и пошло! — сказалъ отецъ съ раздраженіемъ. — Пойми ты, тупой человѣкъ, пойми, безмозглая голова, что у тебя, кромѣ грубой физической силы, есть еще духъ Божій, святой огонь, который въ высочайшей степени отличаетъ тебя отъ осла или отъ гада и приближаетъ къ божеству! Этотъ огонь добывался тысячи лѣтъ лучшими изъ людей. Твой прадѣдъ Полозневъ, генералъ, сражался при Бородинѣ, дѣдъ твой былъ поэтъ, ораторъ и предводитель дворянства, дядя — педагогъ, наконецъ, я, твой отецъ, — архитекторъ! Всѣ Полозневы хранили святой огонь для того, чтобы ты погасилъ его!

— Надо быть справедливымъ, — сказалъ я. — Физическій трудъ несутъ милліоны людей.

— И пускай несутъ! Другого они ничего не умѣютъ дѣлать! Физическимъ трудомъ можетъ заниматься всякій, даже набитый дуракъ и преступникъ, этотъ трудъ есть отличительное свойство раба и варвара, между тѣмъ какъ огонь данъ въ удѣлъ лишь немногимъ!

Продолжать этотъ разговоръ было безполезно. Отецъ обожалъ себя, и для него было убѣдительно только то, что говорилъ онъ самъ. Къ тому же я зналъ очень хорошо, что это высокомѣріе, съ какимъ онъ отзывался о черномъ трудѣ, имѣло въ своемъ основаніи не столько соображенія насчетъ святого огня, сколько тайный

страхъ, что я поступлю въ рабочіе и заставлю говорить о себѣ весь городъ; главное же, всѣ мои сверстники давно уже окончили въ университетѣ и были на хорошей дорогѣ, и сынъ управляющаго конторой Государственнаго банка былъ уже коллежскимъ ассесоромъ, я же, единственный сынъ, былъ ничѣмъ! Продолжать разговоръ было безполезно и непріятно, но я все сидѣлъ и слабо возражалъ, надѣясь, что меня, наконецъ, поймутъ. Вѣдь весь вопросъ стоялъ просто и ясно, и только касался способа, какъ мнѣ добыть кусокъ хлѣба, но простоты не видѣли, а говорили мнѣ, слащаво округляя фразы, о Бородинѣ, о святомъ огнѣ, о дядѣ, забытомъ поэтѣ, который когда-то писалъ плохіе и фальшивые стихи, грубо обзывали меня безмозглою головой и тупымъ человѣкомъ. А какъ мнѣ хотѣлось, чтобы меня поняли! Несмотря ни на что, отца и сестру я люблю, и во мнѣ съ дѣтства засѣла привычка спрашиваться у нихъ, засѣла такъ крѣпко, что я едва ли отдѣлаюсь отъ нея когда-нибудь; бываю я правъ или виноватъ, но я постоянно боюсь огорчить ихъ, боюсь, что вотъ у отца отъ волненія покраснѣла его тощая шея, и какъ бы съ нимъ не сдѣлался ударъ.

— Сидѣть въ душной комнатѣ, — проговорилъ я: — переписывать, соперничать съ пишущею машиной для человѣка моихъ лѣтъ стыдно и оскорбительно. Можетъ ли тутъ быть рѣчь о святомъ огнѣ!

— Все-таки это умственный трудъ, — сказалъ отецъ. — Но довольно, прекратимъ этотъ разговоръ, и во всякомъ случаѣ, я предупреждаю: если ты не поступишь опять на службу и послѣ-

дуешь своимъ презрѣннымъ наклонностямъ, то я и моя дочь лишимъ тебя нашей любви.. Я лишу тебя наслѣдства — клянусь истиннымъ Богомъ!

Совершенно искренно, чтобы показать всю чистоту побужденій, какими я хотѣлъ руководиться во всей своей жизни, я сказалъ:

— Вопросъ о наслѣдствѣ для меня не представляется важнымъ. Я заранѣе отказываюсь отъ всего.

Почему-то, совершенно неожиданно для меня, эти слова сильно оскорбили отца. Онъ весь побагровѣлъ.

— Не смѣй такъ разговаривать со мною, глупецъ! — крикнулъ онъ тонкимъ, визгливымъ голосомъ: — Негодяй! — И быстро и ловко, привычнымъ движеніемъ ударилъ меня по щекѣ разъ и другой. — Ты сталъ забываться!

Въ дѣтствѣ, когда меня билъ отецъ, я долженъ былъ стоять прямо, руки по швамъ, и глядѣть ему въ лицо. И теперь, когда онъ билъ меня, я совершенно терялся и, точно мое дѣтство все еще продолжалось, вытягивался и старался смотрѣть прямо въ глаза. Отецъ мой былъ старъ и очень худъ, но, должно быть, тонкія мышцы его были крѣпки, какъ ремни, потому что дрался онъ очень больно.

Я попятился назадъ въ переднюю, и тутъ онъ схватилъ свой зонтикъ и нѣсколько разъ ударилъ меня по головѣ и по плечамъ; въ это время сестра отворила изъ гостиной дверь, чтобы узнать, что за шумъ, но тотчасъ же съ выраженіемъ ужаса и жалости отвернулась, не сказавъ въ мою защиту ни одного слова.

Намѣреніе мое не возвращаться въ канцеля-

рію, а начать новую рабочую жизнь, было во мнѣ непоколебимо. Оставалось только выбрать родъ занятія — и это не представлялось особенно труднымъ, такъ какъ мнѣ казалось, что я былъ очень силенъ, выносливъ, способенъ на самый тяжкій трудъ. Мнѣ предстояла однообразная, рабочая жизнь съ проголодью, вонью и грубостью обстановки, съ постоянною мыслью о заработкѣ и кускѣ хлѣба. И — кто знаетъ? — возвращаясь съ работы по Большой Дворянской, я, быть можетъ, не разъ еще позавидую инженеру Должикову, живущему умственнымъ трудомъ, но теперь думать обо всѣхъ этихъ будущихъ моихъ невзгодахъ мнѣ было весело. Когда-то я мечталъ о духовной дѣятельности, воображая себя то учителемъ, то врачомъ, то писателемъ, но мечты такъ и остались мечтами. Наклонность къ умственнымъ наслажденіямъ, — напримѣръ, къ театру и чтенію, — у меня была развита до страсти, но была ли способность къ умственному труду, — не знаю. Въ гимназіи у меня было непобѣдимое отвращеніе къ греческому языку, такъ что меня должны были взять изъ четвертаго класса. Долго ходили репетиторы и приготовляли меня въ пятый классъ, потомъ я служилъ по различнымъ вѣдомствамъ, проводя большую часть дня совершенно праздно, и мнѣ говорили, что это — умственный трудъ; моя дѣятельность въ сферѣ учебной и служебной не требовала ни напряженія ума, ни таланта, ни личныхъ способностей, ни творческаго подъема духа: она была машинной; а такой умственный трудъ я ставлю ниже физическаго, презираю его и не думаю, чтобы онъ хотя одну мину-

ту могъ служить оправданіемъ праздной, беззаботной жизни, такъ какъ самъ онъ не что иное, какъ обманъ, одинъ изъ видовъ той же праздности. По всей вѣроятности, настоящаго умственнаго труда я не зналъ никогда.

Наступилъ вечеръ. Мы жили на Большой Дворянской — это была главная улица въ городѣ, и на ней по вечерамъ, за неимѣніемъ порядочнаго городскаго сада, гулялъ нашъ beau monde. Эта прелестная улица отчасти замѣняла садъ, такъ какъ по обѣ стороны ея росли тополи, которые благоухали, особенно послѣ дождя, и изъза заборовъ и палисадниковъ, нависали акаціи, высокіе кусты сирени, черемуха, яблони. Майскія сумерки, нѣжная молодая зелень съ тѣнями, запахъ сирени, гудѣнье жуковъ, тишина, тепло — какъ все это ново и какъ необыкновенно, хотя весна повторяется каждый годъ! Я стоялъ у калитки и смотрѣлъ на гуляющихъ. Съ большинствомъ изъ нихъ я росъ и когда-то шалилъ вмѣстѣ, теперь же близость моя могла бы смутить ихъ, потому что одѣтъ я былъ бѣдно, не по модѣ, и про мои очень узкія брюки и большіе, неуклюжіе сапоги говорили, что это у меня макароны на корабляхъ. Къ тому же въ городѣ у меня была дурная репутація оттого, что я не имѣлъ общественнаго положенія и часто игралъ въ дешевыхъ трактирахъ на бильярдѣ, и еще оттого, быть можетъ, что меня два раза, безъ всякаго съ моей стороны повода, водили къ жандармскому офицеру.

Въ большомъ домѣ напротивъ, у инженера Должикова играли на роялѣ. Начинало темнѣть, и на небѣ замигали звѣзды. Вотъ, медленно, отвѣ-

чая на поклоны, прошелъ отецъ въ старомъ цилиндрѣ съ широкими загнутыми вверхъ полями, подъ руку съ сестрой.

— Взгляни! — говорилъ онъ сестрѣ, указывая на небо тѣмъ самымъ зонтикомъ, которымъ давеча билъ меня. — Взгляни на небо! Звѣзды, даже самыя маленькія, — все это міры! Какъ ничтоженъ человѣкъ въ сравненіи со вселенной!

И говорилъ онъ это такимъ тономъ, какъ будто ему было чрезвычайно лестно и пріятно, что онъ такъ ничтоженъ. Что это за бездарный человѣкъ! Къ сожалѣнію, онъ былъ у насъ единственнымъ архитекторомъ, и за послѣднія 15—20 лѣтъ, на моей памяти, въ городѣ не было построено ни одного порядочнаго дома. Когда ему заказывали планъ, то онъ обыкновенно чертилъ сначала залъ и гостиную; какъ въ былое время институтки могли танцовать только отъ печки, такъ и его художественная идея могла исходить и развиваться только отъ зала и гостиной. Къ нимъ онъ пририсовывалъ столовую, дѣтскую, кабинетъ, соединяя комнаты дверями, и потомъ всѣ онѣ неизбѣжно оказывались проходными, и въ каждой было по двѣ, даже по три лишнихъ двери. Должно быть, идея у него была неясная, крайне спутанная, куцая; всякій разъ, точно чувствуя, что чего-то не хватаетъ, онъ прибѣгалъ къ разнаго рода пристройкамъ, присаживая ихъ одну къ другой, и я какъ сейчасъ вижу узкія сѣнцы, узкіе коридорчики, кривыя лѣстнички, ведущія въ антресоли, гдѣ можно стоять только согнувшись и гдѣ вмѣсто пола — три громадныхъ ступени въ родѣ банныхъ полокъ; а кухня непремѣнно подъ

домомъ, со сводами и съ кирпичнымъ поломъ. У фасада упрямое, черствое выраженіе, линіи сухія, робкія, крыша низкая, приплюснутая, а на толстыхъ, точно сдобныхъ трубахъ непремѣнно проволочные колпаки съ черными визгливыми флюгерами. И почему-то всѣ эти, выстроенные отцомъ, дома, похожіе другъ на друга, смутно напоминали мнѣ его цилиндръ, его затылокъ, сухой и упрямый. Съ теченіемъ времени въ городѣ къ бездарности отца приглядѣлись, она укоренилась и стала нашимъ стилемъ.

Этотъ стиль отецъ внесъ и въ жизнь моей сестры. Начать съ того, что онъ назвалъ ее Клеопатрой (какъ меня назвалъ Мисаиломъ). Когда она была еще дѣвочкой, онъ пугалъ ее напоминаніемъ о звѣздахъ, о древнихъ мудрецахъ, о нашихъ предкахъ, подолгу объяснялъ ей, что такое жизнь, что такое долгъ; и теперь, когда ей было уже 26 лѣтъ, продолжалъ то же самое, позволяя ей ходить подъ руку только съ нимъ однимъ и воображая почему-то, что рано или поздно долженъ явиться приличный молодой человѣкъ, который пожелаетъ вступить съ нею въ бракъ изъ уваженія къ его личнымъ качествамъ. А она обожала отца, боялась и вѣрила въ его необыкновенный умъ.

Стало совсѣмъ темно, и улица мало-по-малу опустѣла. Въ домѣ, что напротивъ, затихла музыка; отворились настежь ворота, и по нашей улицѣ, балуясь, мягко играя бубенчиками, покатила тройка. Это инженеръ съ дочерью поѣхалъ кататься. Пора спать!

Въ домѣ у меня была своя комната, но жилъ я на дворѣ въ хибаркѣ, подъ одною крышей съ

кирпичнымъ сараемъ, которую построили когда-то, вѣроятно, для храненія сбруи, — въ стѣны были вбиты большіе костыли, — теперь же она была лишней, и отецъ вотъ уже тридцать лѣтъ складывалъ въ ней свою газету, которую для чего-то переплеталъ по полугодіямъ и не позволялъ никому трогать. Живя здѣсь, я рѣже попадался на глаза отцу и его гостямъ, и мнѣ казалось, что если я живу не въ настоящей комнатѣ и не каждый день хожу въ домъ обѣдать, то слова отца, что я живу у него на шеѣ, звучатъ уже какъ будто не такъ обидно.

Меня поджидала сестра. Она тайно отъ отца принесла мнѣ ужинъ: небольшой кусочекъ холодной телятины и ломтикъ хлѣба. У насъ въ домѣ часто повторяли: «деньги счетъ любятъ», «копейка рубль бережетъ» и тому подобное, и сестра, подавленная этими пошлостями, старалась только о томъ, какъ бы сократить расходы, и оттого питались мы дурно. Поставивъ тарелку на столъ, она сѣла на мою постель и заплакала.

— Мисаилъ, — сказала она: — что ты съ нами дѣлаешь?

Она не закрывала лица, слезы у нея капали на грудь и на руки, и выраженіе было скорбное. Она упала на подушку и дала волю слезамъ, вздрагивая всѣмъ тѣломъ и всхлипывая.

— Ты опять оставилъ службу... — проговорила она. — О, какъ это ужасно!

— Но пойми, сестра, пойми... — сказалъ я, и оттого, что она плакала, мною овладѣло отчаяніе.

Какъ нарочно, въ лампочкѣ моей выгорѣлъ уже весь керосинъ, она коптила, собираясь по-

гаснуть, и старые костыли на стѣнахъ глядѣли сурово, и тѣни ихъ мигали.

— Пощади насъ! — сказала сестра, поднимаясь. — Отецъ въ страшномъ горѣ, а я больна, схожу съ ума. Что съ тобою будетъ? — спрашивала она, рыдая и протягивая ко мнѣ руки. — Прошу тебя, умоляю, именемъ нашей покойной мамы прошу: иди опять на службу!

— Не могу, Клеопатра! — сказалъ я, чувствуя, что еще немного — и я сдамся. — Не могу!

— Почему? — продолжала сестра. — Почему? Ну, если не поладилъ съ начальникомъ, ищи себѣ другое мѣсто. Напримѣръ, отчего бы тебѣ не пойти служить на желѣзную дорогу? Я сейчасъ говорила съ Анютой Благово, она увѣряетъ, что тебя примутъ на желѣзную дорогу, и даже обѣщала похлопотать за тебя. Бога ради, Мисаилъ, подумай! Подумай, умоляю тебя!

Мы поговорили еще немного, и я сдался. Я сказалъ, что мысль о службѣ на строящейся желѣзной дорогѣ мнѣ еще ни разу не приходила въ голову и что, пожалуй, я готовъ попробовать.

Она радостно улыбнулась сквозь слезы и пожала мнѣ руку и потомъ все еще продолжала плакать, такъ какъ не могла остановиться, а я пошелъ въ кухню за керосиномъ.

II

Среди охотниковъ до любительскихъ спектаклей, концертовъ и живыхъ картинъ съ благотворительной цѣлью первое мѣсто въ городѣ при-

надлежало Ажогинымъ, жившимъ въ собственномъ домѣ на Большой Дворянской; они всякій разъ давали помѣщеніе и они же принимали на себя всѣ хлопоты и расходы. Эта богатая помѣщичья семья имѣла въ уѣздѣ тысячъ около трехъ десятинъ съ роскошною усадьбой, но деревни не любила и жила зиму и лѣто въ городѣ. Состояла она изъ матери, высокой, худощавой, деликатной дамы, носившей короткіе волосы, короткую кофточку и плоскую юбку на англійскій манеръ, — и трехъ дочерей, которыхъ, когда говорили о нихъ, называли не по именамъ, а просто: старшая, средняя и младшая. Всѣ онѣ были съ некрасивыми, острыми подбородками, близоруки, сутулы, одѣты такъ же, какъ мать, непріятно шепелявили и все-таки, несмотря на это, обязательно участвовали въ каждомъ представленіи и постоянно дѣлали что-нибудь съ благотворительною цѣлью — играли, читали, пѣли. Онѣ были очень серьезны и никогда не улыбались, и даже въ водевиляхъ съ пѣніемъ играли безъ малѣйшей веселости, съ дѣловымъ видомъ, точно занимались бухгалтеріей.

Я любилъ наши спектакли, а особенно репетиціи, частыя, немножко безтолковыя, шумныя, послѣ которыхъ намъ всегда давали ужинать. Въ выборѣ пьесъ и въ распредѣленіи ролей я не принималъ никакого участія. На мнѣ лежала закулисная часть. Я писалъ декораціи, переписывалъ роли, суфлировалъ, гримировалъ и на меня было возложено также устройство разныхъ эффектовъ въ родѣ грома, пѣнія соловья и т. п. Такъ какъ у меня не было общественнаго положенія и порядочнаго платья, то на репетиціяхъ

я держался особнякомъ, въ тѣни кулисъ, и застѣнчиво молчалъ.

Декораціи писалъ я у Ажогиныхъ въ сараѣ или на дворѣ. Мнѣ помогалъ маляръ, или, какъ онъ самъ называлъ себя, подрядчикъ малярныхъ работъ, Андрей Ивановъ, человѣкъ лѣтъ пятидесяти, высокій, очень худой и блѣдный, съ впалою грудью, съ впалыми висками и съ синевой подъ глазами, немножко даже страшный на видъ. Онъ былъ боленъ какою-то изнурительною болѣзнью, и каждую осень и весну говорили про него, что онъ отходитъ, но онъ, полежавши, вставалъ и потомъ говорилъ съ удивленіемъ: «А я опять не померъ!»

Въ городѣ его звали Рѣдькой и говорили, что это его настоящая фамилія. Онъ любилъ театръ такъ же, какъ я, и едва до него доходили слухи, что у насъ затѣвается спекталь, какъ онъ бросалъ всѣ свои работы и шелъ къ Ажогинымъ писать декораціи.

На другой день послѣ объясненія съ сестрой, я съ утра до вечера работалъ у Ажогиныхъ. Репетиція была назначена въ семь часовъ вечера, и за часъ до начала въ залѣ уже были въ сборѣ всѣ любители, и по сценѣ ходили старшая, средняя и младшая и читали по тетрадкамъ. Рѣдька въ длинномъ рыжемъ пальто и въ шарфѣ, намотанномъ на шею, уже стоялъ, прислонившись вискомъ къ стѣнѣ, и смотрѣлъ на сцену съ набожнымъ выраженіемъ. Ажогина-мать подходила то къ одному, то къ другому гостю и говорила каждому что-нибудь пріятное. У нея была манера пристально смотрѣть въ лицо и говорить тихо, какъ по секрету.

— Должно быть, трудно писать декораціи, — сказала она тихо, подходя ко мнѣ. — А мы только-что съ мадамъ Муфке говорили о предразсудкахъ, и я видѣла, какъ вы вошли. Богъ мой, я всю, всю мою жизнь боролась съ предразсудками! Чтобы убѣдить прислугу, какіе пустяки всѣ эти ихъ страхи, я у себя всегда зажигаю три свѣчи и всѣ свои важныя дѣла начинаю тринадцатаго числа.

Пришла дочь инженера Должикова, красивая, полная блондинка, одѣтая, какъ говорили у насъ, во все парижское. Она не играла, но на репетиціяхъ для нея ставили стулъ на сценѣ, и спектаклей не начинали раньше, пока она не появлялась въ первомъ ряду, сіяя и изумляя всѣхъ своимъ нарядомъ. Ей, какъ столичной штучкѣ, разрѣшалось во время репетицій дѣлать замѣчанія, и дѣлала она ихъ съ милою, снисходительною улыбкой, и видно было, что на наши представленія она смотрѣла, какъ на дѣтскую забаву. Про нее говорили, что она училась пѣть въ петербургской консерваторіи и будто даже цѣлую зиму пѣла въ частной оперѣ. Она мнѣ очень нравилась, и обыкновенно на репетиціяхъ и во время спектакля я не спускалъ съ нея глазъ.

Я уже взялъ тетрадку, чтобы начать суфлировать, какъ неожиданно появилась сестра. Не снимая манто и шляпы, она подошла ко мнѣ и сказала:

— Прошу тебя, пойдемъ!

Я пошелъ. За сценой, въ дверяхъ стояла Анюта Благово, тоже въ шляпкѣ, съ темною вуалькой. Это была дочь товарища предсѣда-

теля суда, служившаго въ нашемъ городѣ давно, чуть ли не съ самаго основанія окружного суда. Такъ какъ она была высока ростомъ и хорошо сложена, то участіе ея въ живыхъ картинахъ считалось обязательнымъ, и когда она изображала какую-нибудь фею или Славу, то лицо ея горѣло отъ стыда; но въ спектакляхъ она не участвовала, а заходила на репетицію только на минутку, по какому-нибудь дѣлу, и не шла въ залъ. И теперь видно было, что она зашла только на минутку.

— Мой отецъ говорилъ о васъ, — сказала она сухо, не глядя на меня и краснѣя. — Должиковъ обѣщалъ вамъ мѣсто на желѣзной дорогѣ. Отправляйтесь къ нему завтра, онъ будетъ дома.

Я поклонился и поблагодарилъ за хлопоты.

— А это вы можете оставить, — сказала она, указавъ на тетрадку.

Она и сестра подошли къ Ажогиной и минуты двѣ шептались съ нею, поглядывая на меня. Онѣ совѣтовались о чемъ-то.

— Въ самомъ дѣлѣ, — сказала Ажогина тихо, подходя ко мнѣ и пристально глядя въ лицо: — въ самомъ дѣлѣ, если это отвлекаетъ васъ отъ серьезныхъ занятій, — она потянула изъ моихъ рукъ тетрадь: — то вы можете передать кому-нибудь другому. Не безпокойтесь, мой другъ, идите себѣ съ Богомъ.

Я простился съ нею и вышелъ сконфуженный. Спускаясь внизъ по лѣстницѣ, я видѣлъ, какъ уходили сестра и Анюта Благово; онѣ оживленно говорили о чемъ-то, должно быть, о моемъ поступленіи на желѣзную дорогу, и спѣшили.

Сестра раньше никогда не была на репетиціяхъ, и теперь, вѣроятно, ее мучила совѣсть, и она боялась, какъ бы отецъ не узналъ, что она безъ его позволенія была у Ажогиныхъ.

Я отправился къ Должикову на другой день, въ первомъ часу. Лакей проводилъ меня въ очень красивую комнату, которая была у инженера гостиной и, въ то же время, рабочимъ кабинетомъ. Тутъ было все мягко, изящно и для такого непривычнаго человѣка, какъ я, даже странно. Дорогіе ковры, громадныя кресла, бронза, картины, золотыя и плюшевыя рамы; на фотографіяхъ, разбросанныхъ по стѣнамъ, очень красивыя женщины, умныя, прекрасныя лица, свободныя позы; изъ гостиной дверь ведетъ прямо въ садъ, на балконъ, видна сирень, виденъ столъ, накрытый для завтрака, много бутылокъ, букетъ изъ розъ, пахнетъ весной и дорогою сигарой, пахнетъ счастьемъ — и все, кажется, такъ и хочетъ сказать, что вотъ-де пожилъ человѣкъ, потрудился и достигъ, наконецъ, счастья, возможнаго на землѣ. За письменнымъ столомъ сидѣла дочь инженера и читала газету.

— Вы къ отцу? — спросила она. — Онъ принимаетъ душъ, сейчасъ придетъ. Посидите пока, прошу васъ.

Я сѣлъ.

— Вы вѣдь, кажется, противъ насъ живете? — спросила она, опять, послѣ нѣкотораго молчанія.

— Да.

— Я отъ скуки каждый день наблюдаю изъ окна, ужъ вы извините, — продолжала она, глядя въ газету: — и часто вижу васъ и вашу сестру.

У нея всегда такое доброе сосредоточенное выраженіе.

Вошелъ Должиковъ. Онъ вытиралъ полотенцемъ шею.

— Папа, monsieur Полозневъ, — сказала дочь.

— Да, да, мнѣ говорилъ Благово, — живо обратился онъ ко мнѣ, не подавая руки. — Но послушайте, что же я могу вамъ дать? Какія у меня мѣста? Странные вы люди, господа! — продолжалъ онъ громко и такимъ тономъ, какъ будто дѣлалъ мнѣ выговоръ. — Ходитъ васъ ко мнѣ по двадцать человѣкъ въ день, вообразили, что у меня департаментъ! У меня линія, господа, у меня каторжныя работы, мнѣ нужны механики, слесаря, землекопы, столяры, колодезники, а вѣдь всѣ вы можете только сидѣть и писать, больше ничего! Всѣ вы писатели!

И отъ него пахнуло на меня тѣмъ же счастьемъ, что и отъ его ковровъ и креселъ. Полный, здоровый, съ красными щеками, съ широкою грудью, вымытый, въ ситцевой рубахѣ и шароварахъ, точно фарфоровый, игрушечный, ямщикъ. У него была круглая, курчавая бородка — и ни одного сѣдого волоска, носъ съ горбинкой, а глаза темные, ясные, невинные.

— Что вы умѣете дѣлать? — продолжалъ онъ. — Ничего вы не умѣете! Я инженеръ-съ, я обезпеченный человѣкъ-съ, но, прежде чѣмъ мнѣ дали дорогу, я долго теръ лямку, я ходилъ машинистомъ, два года работалъ въ Бельгіи, какъ простой смазчикъ. Посудите сами, любезнѣйшій, какую работу я могу вамъ предложить?

— Конечно, это такъ... — пробормоталъ

я въ сильномъ смущеніи, не вынося его ясныхъ, невинныхъ глазъ.

— По крайней мѣрѣ, умѣете ли вы управляться съ аппаратомъ? — спросилъ онъ, подумавъ.

— Да, я служилъ на телеграфѣ.

— Гм... Ну, тамъ посмотримъ. Отправляйтесь пока въ Дубечню. Тамъ у меня уже сидитъ одинъ, но дрянь ужасная.

— А въ чемъ будутъ закгючаться мои обязанности? — спросилъ я.

— Тамъ увидимъ. Отправляйтесь пока, я распоряжусь. Только, пожалуйста, у меня не пьянствовать и не безпокоить меня никакими просьбами. Выгоню.

Онъ отошелъ отъ меня и даже головой не кивнулъ. Я поклонился ему и его дочери, читавшей газету, и вышелъ. На душѣ у меня было тяжело до такой степени, что когда сестра стала спрашивать, какъ принялъ меня инженеръ, то я не могъ выговорить ни одного слова.

Чтобы идти въ Дубечню, я всталъ рано утромъ, съ восходомъ солнца. На нашей Большой Дворянской не было ни души, всѣ еще спали, и шаги мои раздавались одиноко и глухо. Тополи, покрытые росой, наполняли воздухъ нѣжнымъ ароматомъ. Мнѣ было грустно и не хотѣлось уходить изъ города. Я любилъ свой родной городъ. Онъ казался мнѣ такимъ красивымъ и теплымъ! Я любилъ эту зелень, тихія солнечныя утра, звонъ нашихъ колоколовъ; но люди, съ которыми я жилъ въ этомъ городѣ, были мнѣ скучны, чужды и порой даже гадки. Я не любилъ и не понималъ ихъ.

Я не понималъ, для чего и чѣмъ живутъ всѣ эти шестьдесятъ пять тысячъ людей. Я зналъ, что Кимры добываютъ себѣ пропитаніе сапогами, что Тула дѣлаетъ самовары и ружья, что Одесса портовый городъ, но что такое нашъ городъ и что онъ дѣлаетъ — я не зналъ. Большая Дворянская и еще двѣ улицы почище жили на готовые капиталы и на жалованье, получаемое чиновниками изъ казны; но чѣмъ жили остальныя восемь улицъ, которыя тянулись параллельно версты на три и исчезали за холмомъ, — это для меня было всегда непостижимою загадкой. И какъ жили эти люди, стыдно сказать! Ни сада, ни театра, ни порядочнаго оркестра; городская и клубная библіотеки посѣщались только евреями-подростками, такъ что журналы и новыя книги по мѣсяцамъ лежали неразрѣзанными; богатые и интеллигентные спали въ душныхъ, тѣсныхъ спальняхъ, на деревянныхъ кроватяхъ съ клопами, дѣтей держали въ отвратительно грязныхъ помѣщеніяхъ, называемыхъ дѣтскими, а слуги, даже старые и почтенные, спали въ кухнѣ на полу и укрывались лохмотьями. Въ скоромные дни въ домахъ пахло борщомъ, а въ постные — осетриной, жареной на подсолнечномъ маслѣ. Ѣли не вкусно, пили нездоровую воду. Въ думѣ, у губернатора, у архіерея, всюду въ домахъ много лѣтъ говорили о томъ, что у насъ въ городѣ нѣтъ хорошей и дешевой воды и что необходимо занять у казны двѣсти тысячъ на водопроводъ; очень богатые люди, которыхъ у насъ въ городѣ можно было насчитать десятка три, и которые, случалось, проигрывали въ карты цѣлый имѣнія,

тоже пили дурную воду и всю жизнь говорили съ азартомъ о займѣ — и я не понималъ этого; мнѣ казалось, было бы проще взять и выложить эти двѣсти тысячъ изъ своего кармана.

Во всемъ городѣ я не зналъ ни одного честнаго человѣка. Мой отецъ бралъ взятки и воображалъ, что это даютъ ему изъ уваженія къ его душевнымъ качествамъ; гимназисты, чтобы переходить изъ класса въ классъ, поступали на хлѣба къ своимъ учителямъ, и эти брали съ нихъ большія деньги; жена воинскаго начальника во время набора брала съ рекрутовъ и даже позволяла угощать себя и разъ въ церкви никакъ не могла подняться съ колѣнъ, такъ какъ была пьяна; во время набора брали и врачи, а городовой врачъ и ветеринаръ обложили налогомъ мясныя лавки и трактиры; въ уѣздномъ училищѣ торговали свидѣтельствами, дававшими льготу по третьему разряду; благочинные брали съ подчиненныхъ причтовъ и церковныхъ старостъ; въ городской, мѣщанской, во врачебной и во всѣхъ прочихъ управахъ каждому просителю кричали вослѣдъ: — «Благодарить надо!» — и проситель возвращался, чтобы дать 30—40 копеекъ. А тѣ, которые взятокъ не брали, какъ, напримѣръ, чины судебнаго вѣдомства, были надменны, подавали два пальца, отличались холодностью и узостью сужденій, играли много въ карты, много пили, женились на богатыхъ и, несомнѣнно, имѣли на среду вредное, развращающее вліяніе. Лишь отъ однѣхъ дѣвушекъ вѣяло нравственною чистотой; у большинства изъ нихъ были высокія стремленія, честныя, чистыя души; но онѣ не понимали жизни и вѣрили, что взятки даются изъ

уваженія къ душевнымъ качествамъ, и, выйдя замужъ, скоро старились, опускались и безнадежно тонули въ тинѣ пошлаго, мѣщанскаго существованія.

III

Въ нашей мѣстности строилась желѣзная дорога. Наканунѣ праздниковъ по городу толпами ходили оборванцы, которыхъ звали «чугункой» и которыхъ боялись. Нерѣдко приходилось мнѣ видѣть, какъ оборванца съ окровавленною физіономіей, безъ шапки, вели въ полицію, а сзади, въ видѣ вещественнаго доказательства, несли самоваръ или недавно вымытое, еще мокрое бѣлье. «Чугунка» обыкновенно толпилась около кабаковъ и на базарахъ; она пила, ѣла, нехорошо бранилась и каждую мимо проходящую женщину легкаго поведенія провожала пронзительнымъ свистомъ. Наши лавочники, чтобы позабавить эту голодную рвань, поили собакъ и кошекъ водкой, или привязывали собакѣ къ хвосту жестянку изъ-подъ керосина, поднимали свистъ, и собака мчалась по улицѣ, гремя жестянкой, визжа отъ ужаса; ей казалось, что ее преслѣдуетъ по пятамъ какое-то чудовище, она бѣжала далеко за городъ, въ поле и тамъ выбивалась изъ силъ; и у насъ въ городѣ было нѣсколько собакъ, постоянно дрожавшихъ, съ поджатыми хвостами, про которыхъ говорили, что онѣ не перенесли такой забавы, сошли съ ума.

Вокзалъ строился въ пяти верстахъ отъ города. Говорили, что инженеры за то, чтобы дорога подходила къ самому городу, просили взят-

ку въ пятьдесятъ тысячъ, а городское управленіе соглашалось дать только сорокъ, разошлись въ десяти тысячахъ, и теперь горожане раскаивались, такъ какъ предстояло проводить до вокзала шоссе, которое по смѣтѣ обходилось дороже. По всей линіи были уже положены шпалы и рельсы, и ходили служебные поѣзда, возившіе строительный матеріалъ и рабочихъ, и задержка была только за мостами, которые строилъ Должиковъ, да кое-гдѣ не были еще готовы станціи.

Дубечня — такъ называлась наша первая станція — находилась въ семнадцати верстахъ отъ города. Я шелъ пѣшкомъ. Ярко зеленѣли озимь и яровыя, охваченныя утреннимъ солнцемъ. Мѣсто было ровное, веселое, и вдали ясно вырисовывались вокзалъ, курганы, далекія усадьбы... Какъ хорошо было тутъ на волѣ! И какъ я хотѣлъ проникнуться сознаніемъ свободы, хотя бы на одно это утро, чтобы не думать о томъ, что дѣлалось въ городѣ, не думать о своихъ нуждахъ, не хотѣть ѣсть! Ничто такъ не мѣшало мнѣ жить, какъ острое чувство голода, когда мои лучшія мысли странно мѣшались съ мыслями о гречневой кашѣ, о котлетахъ, о жареной рыбѣ. Вотъ я стою одинъ въ полѣ и смотрю вверхъ на жаворонка, который повисъ въ воздухѣ на одномъ мѣстѣ и залился, точно въ истерикѣ, а самъ думаю: «Хорошо бы теперь поѣсть хлѣба съ масломъ!» Или вотъ сажусь у дороги и закрываю глаза, чтобы отдохнуть, прислушаться къ этому чудесному майскому шуму, и мнѣ припоминается, какъ пахнетъ горячій картофель. При моемъ большомъ ростѣ и крѣпкомъ сложеніи мнѣ приходилось ѣсть вообще мало, и по-

тому главнымъ чувствомъ моимъ въ теченіе дня былъ голодъ и потому, быть можетъ, я отлично понималъ, почему такое множество людей работаетъ только для куска хлѣба и можетъ говорить только о харъахъ.

Въ Дубечнѣ штукатурили внутри станцію и строили верхній деревянный этажъ у водокачки. Было жарко, пахло известкой, и рабочіе вяло бродили по кучамъ щепы и мусора; около своей будки спалъ стрѣлочникъ, и солнце жгло ему прямо въ лицо. Ни одного дерева. Слабо гудѣла телеграфная проволока, и на ней кое-гдѣ отдыхали ястреба. Бродя тоже по кучамъ, не зная, что дѣлать, я вспоминалъ, какъ инженеръ на мой вопросъ, въ чемъ будутъ заключаться мои обязанности, отвѣтилъ мнѣ: «Тамъ увидимъ». Но что можно было увидѣть въ этой пустынѣ? Штукатуры говорили про десятника и про какого-то Ѳедота Васильева, я не понималъ, и мною мало-по-малу овладѣла тоска, — тоска физическая, когда чувствуешь свои руки, ноги и все свое большое тѣло и не знаешь, что дѣлать съ ними, куда дѣваться.

Походивъ, по крайней мѣрѣ, съ два часа, я замѣтилъ, что отъ станціи куда-то вправо отъ линіи шли телеграфные столбы и черезъ полторы-двѣ версты оканчивались у бѣлаго каменнаго забора; рабочіе сказали, что тамъ контора, и, наконецъ, я сообразилъ, что мнѣ нужно именно туда.

Это была очень старая, давно заброшенная усадьба. Заборъ изъ бѣлаго ноздреватаго камня уже вывѣтрился и обвалился мѣстами, и на флигелѣ, который своею глухою стѣной выходилъ

въ поле, крыша была ржавая, и на ней кое-гдѣ блестѣли латки изъ жести. Въ ворота былъ виденъ просторный дворъ, поросшій бурьяномъ, и старый барскій домъ съ жалюзи на окнахъ и съ высокою крышей, рыжею отъ ржавчины. По сторонамъ дома, направо и налѣво, стояли два одинаковыхъ флигеля; у одного окна были забиты досками, около другого, съ открытыми окнами, висѣло на веревкѣ бѣлье и ходили телята. Послѣдній телеграфный столбъ стоялъ во дворѣ, и проволока отъ него шла къ окну того флигеля, который своею глухою стѣной выходилъ въ поле. Дверь была отворена, я вошелъ. За столомъ у телеграфнаго станка сидѣлъ какой-то господинъ съ темною, кудрявою головой, въ пиджакѣ изъ парусины; онъ сурово, исподлобья поглядѣлъ на меня, но тотчасъ же улыбнулся и сказалъ:

— Здравствуй, маленькая польза!

Это былъ Иванъ Чепраковъ, мой товарищъ по гимназіи, котораго исключили изъ второго класса за куреніе табаку. Мы вмѣстѣ когда-то, въ осеннее время, ловили щегловъ, чижей и дубоносовъ и продавали ихъ на базарѣ рано утромъ, когда еще наши родители спали. Мы подстерегали стайки перелетныхъ скворцовъ и стрѣляли въ нихъ мелкою дробью, потомъ подбирали раненыхъ, и одни у насъ умирали въ страшныхъ мученіяхъ (я до сихъ поръ еще помню, какъ они ночью стонали у меня въ клѣткѣ), другихъ, которые выздоравливали, мы продавали и нагло божились при этомъ, что все это одни самцы. Какъ-то разъ на базарѣ у меня остался одинъ только скворецъ, котораго я долго предлагалъ покупателямъ и, наконецъ, сбылъ за копейку.

«Все-таки маленькая польза!» — сказалъ я себѣ въ утѣшеніе, пряча эту копейку, и съ того времени уличные мальчишки и гимназисты прозвали меня маленькою пользой; да и теперь еще мальчишки и лавочники, случалось, дразнили меня такъ, хотя, кромѣ меня, уже никто не помнилъ, откуда произошло это прозвище.

Чепраковъ былъ не крѣпкаго сложенія: узкогрудый, сутулый, длинноногій. Галстукъ веревочкой, жилетки не было вовсе, а сапоги хуже моихъ — съ кривыми каблуками. Онъ рѣдко мигалъ глазами и имѣлъ стремительное выраженіе, будто собирался что-то схватить, и все суетился.

— Да ты постой, — говорилъ онъ, суетясь. — Да ты послушай!.. О чемъ бишь я только-что говорилъ? пу

Мы разговорились. Я узналъ, что ро кніе, въ которомъ я теперь находился, еще н ъ, и при- надлежало Чепраковымъ и тольк ска фиилою осенью перешло къ инженеру Долж ноги кото- рый полагалъ, что держать деньги въ дѣлаѣ выгоднѣе, чѣмъ въ бумагахъ, и уже і ъ въ нашихъ краяхъ три порядочныхъ имѣва съ переводомъ долга; мать Чепракова при продажѣ выговорила себѣ право жить въ одномъ изъ боковыхъ флигелей еще два года и выпросила для сына мѣсто при конторѣ.

— Еще бы ему не покупать! — сказалъ Чепраковъ про инженера. — Съ однихъ подрядчиковъ деретъ сколько! Со всѣхъ деретъ!

Потомъ онъ повелъ меня обѣдать, рѣшивъ суетливо, что жить я буду съ нимъ вдвоемъ во флигелѣ, а столоваться у его матери.

— Она у меня скряга, — сказалъ онъ: — но дорого съ тебя не возьметъ.

Въ маленькихъ комнатахъ, гдѣ жила его мать, было очень тѣсно; всѣ онѣ, даже сѣни и передняя, были загромождены мебелью, которую послѣ продажи имѣнія перенесли сюда изъ большого дома; и мебель была все старинная, изъ краснаго дерева. Госпожа Чепракова, очень полная, пожилая дама, съ косыми китайскими глазами, сидѣла у окна въ большомъ креслѣ и вязала чулокъ. Приняла она меня церемонно.

— Это, мамаша, Полозневъ, — представилъ меня Чепраковъ. — Онъ будетъ служить тутъ.

— Вы дворянинъ? — спросила она страннымъ, непріятнымъ голосомъ; мнѣ показалось, будто у нея въ горлѣ клокочетъ жиръ.

— Да, — отвѣтилъ я.

— Садитесь.

Обѣдъ былъ плохой. Подавали только пирогъ съ горькимъ творогомъ и молочный супъ. Елена Никифоровна, хозяйка, все время какъ-то странно подмигивала то однимъ глазомъ, то другимъ. Она говорила, ѣла, но во всей ея фигурѣ было уже что-то мертвенное и даже какъ будто чувствовался запахъ трупа. Жизнь въ ней едва теплилась, теплилось и сознаніе, что она — барыня-помѣщица, имѣвшая когда-то своихъ крѣпостныхъ, что она — генеральша, которую прислуга обязана величать превосходительствомъ; и когда эти жалкіе остатки жизни вспыхивали въ ней на мгновеніе, то она говорила сыну:

— Жанъ, ты не такъ держишь ножъ!

Или же говорила мнѣ, тяжело переводя духъ, съ жеманствомъ хозяйки, желающей занять гостя:

— А мы, знаете, продали наше имѣніе. Конечно, жаль, привыкли мы тутъ, но Должиковъ обѣщалъ сдѣлать Жана начальникомъ станціи Дубечни, такъ-что мы не уѣдемъ отсюда, будемъ жить тутъ на станціи, а это все равно, что въ имѣніи. Инженеръ такой добрый! Не находите ли вы, что онъ очень красивъ?

Еще недавно Чепраковы жили богато, но послѣ смерти генерала все измѣнилось. Елена Никифоровна стала ссориться съ сосѣдями, стала судиться, не доплачивать приказчикамъ и рабочимъ; все боялась, какъ бы ея не ограбили — и въ какія-нибудь десять лѣтъ Дубечня стала неузнаваемою.

Позади большого дома былъ старый садъ, уже одичавшій, заглушенный бурьяномъ и кустарникомъ. Я прошелся по террасѣ, еще крѣпкой и красивой; сквозь стеклянную дверь видна была комната съ паркетнымъ поломъ, должно быть, гостиная; старинное фортепіано, да на стѣнахъ гравюры въ широкихъ рамахъ изъ краснаго дерева — и больше ничего. Отъ прежнихъ цвѣтниковъ уцѣлѣли одни піоны и маки, которые поднимали изъ травы свои бѣлыя и ярко красныя головы; по дорожкамъ, вытягиваясь, мѣшая другъ другу, росли молодые клены и вязы, уже ощипанные коровами. Было густо, и садъ казался непроходимымъ, но это только вблизи дома, гдѣ еще стояли тополи, сосны и старыя липы-сверстницы, уцѣлѣвшія отъ прежнихъ аллей, а дальше за ними садъ расчищали для сѣнокоса, и тутъ уже не парило, паутина не лѣзла въ ротъ и въ глаза, подувалъ вѣтерокъ; чѣмъ дальше въ глубь, тѣмъ просторнѣе, и уже росли на про-

сторѣ вишни, сливы, раскидистыя яблони, обезображенныя подпорками и гангреной, и груши такія высокія, что даже не вѣрилось, что это груши. Эту часть сада арендовали наши городскія торговки, а сторожилъ ее отъ воровъ и скворцовъ мужикъ-дурачокъ, жившій въ шалашѣ.

Садъ, все больше рѣдѣя, переходя въ настоящій лугъ, спускался къ рѣкѣ, поросшей зеленымъ камышомъ и ивнякомъ; около мельничной плотины былъ плёсъ, глубокій и рыбный, сердито шумѣла небольшая мельница съ соломенною крышей, неистово квакали лягушки. На водѣ, гладкой, какъ зеркало, изрѣдка ходили круги, да вздрагивали рѣчныя лиліи, потревоженныя веселою рыбой. По ту сторону рѣчки находилась деревушка Дубечня. Тихій, голубой плёсъ манилъ къ себѣ, обѣщая прохладу и покой. И теперь все это — и плёсъ, и мельница, и уютные берега принадлежали инженеру!

И вотъ началась моя новая служба. Я получалъ телеграммы и отправлялъ ихъ дальше, писалъ разныя вѣдомости и переписывалъ начисто требовательныя записи, претензіи и рапорты, которые присылались къ намъ въ контору безграмотными десятниками и мастерами. Но бо̀льшую часть дня я ничего не дѣлалъ, а ходилъ по комнатѣ, ожидая телеграммъ, или сажалъ во флигелѣ мальчика, а самъ уходилъ въ садъ и гулялъ, пока мальчикъ не прибѣгалъ сказать, что стучитъ аппаратъ. Обѣдалъ я у госпожи Чепраковой. Мясо подавали очень рѣдко, блюда все были молочныя, а въ среды и въ пятницы — постныя, и въ эти дни подавались къ столу розовыя тарелки, которыя назывались постными.

Чепракова постоянно подмигивала — это была у нея такая привычка, и въ ея присутствіи мнѣ всякій разъ становилось не по-себѣ.

Такъ какъ работы во флигелѣ не хватало и на одного, то Чепраковъ ничего не дѣлалъ, а только спалъ или уходилъ съ ружьемъ на плёсъ стрѣлять утокъ. По вечерамъ онъ напивался въ деревнѣ или на станціи, и передъ тѣмъ, какъ спать, смотрѣлся въ зеркальце и кричалъ:

— Здравствуй, Иванъ Чепраковъ!

Пьяный онъ былъ очень блѣденъ и все потиралъ руки и смѣялся, точно ржалъ: ги-ги-ги! Изъ озорства онъ раздѣвался до-нага и бѣгалъ по полю голый. Ѣлъ мухъ и говорилъ, что онѣ кисленькія.

IV.

Какъ-то послѣ обѣда онъ прибѣжалъ во флигель, запыхавшись, и сказалъ:

— Ступай, тамъ сестра твоя пріѣхала.

Я вышелъ. Въ самомъ дѣлѣ, у крыльца большого дома стояла городская извозчичья линейка. Пріѣхала моя сестра, а съ нею Анюта Благово и еще какой-то господинъ въ военномъ кителѣ. Подойдя ближе, я узналъ военнаго: это былъ братъ Анюты, докторъ.

— Мы къ вамъ на пикникъ пріѣхали, — сказалъ онъ. — Ничего?

Сестра и Анюта хотѣли спросить, какъ мнѣ тутъ живется, но обѣ молчали и только смотрѣли на меня. Я тоже молчалъ. Онѣ поняли, что мнѣ тутъ не нравится, и у сестры навернулись слезы, а Анюта Благово стала красной. Пошли

въ садъ. Докторъ шелъ впереди всѣхъ и говорилъ восторженно:

— Вотъ такъ воздухъ! Мать честная, вотъ такъ воздухъ.

По наружному виду это былъ еще совсѣмъ студентъ. И говорилъ, и ходилъ онъ, какъ студентъ, и взглядъ его сѣрыхъ глазъ былъ такой же живой, простой и открытый, какъ у хорошаго студента. Рядомъ со своею высокою и красивою сестрой онъ казался слабымъ, жидкимъ; и бородка у него была жидкая, и голосъ тоже — жиденькій, тенорокъ, довольно, впрочемъ, пріятный. Онъ служилъ гдѣ-то въ полку и теперь пріѣхалъ въ отпускъ къ своимъ, и говорилъ, что осенью поѣдетъ въ Петербургъ держать экзаменъ на доктора медицины. У него уже была своя семья — жена и трое дѣтей; женился онъ рано, когда еще былъ на второмъ курсѣ, и теперь въ городѣ разсказывали про него, что онъ несчастливъ въ семейной жизни и уже не живетъ съ женой.

— Который теперь часъ? — безпокоилась сестра. — Намъ бы пораньше вернуться, папа отпустилъ меня къ брату только до шести часовъ.

— Охъ, ужъ вашъ папа! — вздохнулъ докторъ.

Я поставилъ самоваръ. На коврѣ передъ террасой большого дома мы пили чай, и докторъ, стоя на колѣняхъ, пилъ изъ блюдечка и говорилъ, что онъ испытываетъ блаженство. Потомъ Чепраковъ сходилъ за ключомъ и отперъ стеклянную дверь, и всѣ мы вошли въ домъ. Было здѣсь сумрачно, таинственно, пахло грибами, и шаги

наши издавали гулкій шумъ, точно подъ поломъ былъ подвалъ. Докторъ, стоя, тронулъ клавиши фортепіано, и оно отвѣтило ему слабо, дрожащимъ, сиплымъ, но еще стройнымъ аккордомъ; онъ попробовалъ голосъ и запѣлъ какой-то романсъ, морщась и нетерпѣливо стуча ногой, когда какой-нибудь клавишъ оказывался нѣмымъ. Моя сестра уже не собиралась домой, а въ волненіи ходила по комнатѣ и говорила:

— Мнѣ весело! Мнѣ очень, очень весело!

Въ ея голосѣ слышалось удивленіе, точно ей казалось невѣроятнымъ, что у нея тоже можетъ быть хорошо на душѣ. Это первый разъ въ жизни я видѣлъ ее такою веселою. Она даже похорошѣла. Въ профиль она была некрасива, у нея носъ и ротъ какъ-то выдавались впередъ и было такое выраженіе, точно она дула, но у нея были прекрасные темные глаза, блѣдный, очень нѣжный цвѣтъ лица и трогательное выраженіе доброты и печали, и когда она говорила, то казалась миловидною и даже красивою. Мы оба, я и она, уродились въ нашу мать, широкіе въ плечахъ, сильные, выносливые, но блѣдность у нея была болѣзненная, она часто кашляла, и въ глазахъ у нея я иногда подмѣчалъ выраженіе, какое бываетъ у людей, которые серьезно больны, но почему-то скрываютъ это. Въ ея теперешней веселости было что-то дѣтское, наивное, точно та радость, которую во время нашего дѣтства пригнетали и заглушали суровымъ воспитаніемъ, вдругъ проснулась теперь въ душѣ и вырвалась на свободу.

Но когда наступилъ вечеръ, и подали лошадей, сестра притихла, осунулась и сѣла на ли-

нейку съ такимъ видомъ, какъ будто это была скамья подсудимыхъ.

Вотъ они всѣ уѣхали, шумъ затихъ... Я вспомнилъ, что Анюта Благово за все время не сказала со мною ни одного слова.

«Удивительная дѣвушка! — подумалъ я. — Удивительная дѣвушка!»

Наступилъ Петровскій постъ, и насъ уже каждый день кормили постнымъ. Онъ праздности и неопредѣленности положенія, меня тяготила физическая тоска, и я, недовольный собою, вялый, голодный, слонялся по усадьбѣ и только ждалъ подходящаго настроенія, чтобы уйти.

Какъ-то передъ вечеромъ, когда у насъ во флигелѣ сидѣлъ Рѣдька, неожиданно вошелъ Должиковъ, сильно загорѣвшій и сѣрый отъ пыли. Онъ три дня пробылъ на своемъ участкѣ и теперь пріѣхалъ въ Дубечню на паровозѣ, а къ намъ со станціи пришелъ пѣшкомъ. Въ ожиданіи экипажа, который долженъ былъ придти изъ города, онъ со своимъ приказчикомъ обошелъ усадьбу, громкимъ голосомъ давая приказанія, потомъ цѣлый часъ сидѣлъ у насъ во флигелѣ и писалъ какія-то письма; при немъ на его имя приходили телеграммы, и онъ самъ выстукивалъ отвѣты. Мы трое стояли молча, на вытяжку.

— Какіе безпорядки! — сказалъ онъ, брезгливо заглянувъ въ вѣдомость. — Черезъ двѣ недѣли я перевожу контору на станцію и ужъ не знаю, что мнѣ съ вами дѣлать, господа.

— Я стараюсь, ваше высокородіе, — проговорилъ Чепраковъ.

— То-то, вижу, какъ вы стараетесь. Только жалованье умѣете получать, — продолжалъ ин-

женеръ, глядя на меня. — Все надѣетесь на протекцію, какъ бы поскорѣе и полегче faire la carrière. Ну, я не посмотрю на протекцію. За меня никто не хлопоталъ-съ. Прежде чѣмъ мнѣ дали дорогу, я ходилъ машинистомъ, работалъ въ Бельгіи, какъ простой смазчикъ-съ. А ты, Пантелей, что здѣсь дѣлаешь? — спросилъ онъ, повернувшись къ Рѣдькѣ. — Пьянствуешь съ ними?

Онъ всѣхъ простыхъ людей почему-то называлъ Пантелеями, а такихъ, какъ я и Чепраковъ, презиралъ и за глаза обзывалъ пьяницами, скотами, сволочью. Вообще къ мелкимъ служащимъ онъ былъ жестокъ и штрафовалъ, и гонялъ ихъ со службы холодно, безъ объясненій.

Наконецъ, пріѣхали за нимъ лошади. Онъ на прощанье пообѣщалъ уволить всѣхъ насъ черезъ двѣ недѣли, обозвалъ приказчика болваномъ и затѣмъ, развалившись въ коляскѣ, покатилъ въ городъ.

— Андрей Иванычъ, — сказалъ я Рѣдькѣ: — возьмите меня къ себѣ въ рабочіе.

— Ну, что жъ!

И мы пошли вмѣстѣ по направленію къ городу. Когда станція и усадьба остались далеко за нами, я спросилъ:

— Андрей Иванычъ, зачѣмъ вы давеча приходили въ Дубечню?

— Первое, ребята мои работаютъ на линіи, а второе — приходилъ къ генеральшѣ проценты платить. Лѣтошній годъ я у нея полсотню взялъ и плачу теперь ей по рублю въ мѣсяцъ.

Маляръ остановился и взялъ меня за пуговицу.

— Мисаилъ Алексѣичъ, ангелъ вы нашъ, — продолжалъ онъ: — я такъ понимаю, ежели какой простой человѣкъ или господинъ беретъ даже самый малый процентъ, тотъ уже есть злодѣй. Въ такомъ человѣкѣ не можетъ правда существовать.

Тощій, блѣдный, страшный Рѣдька закрылъ глаза, покачалъ головой и изрекъ тономъ философа:

— Тля ѣстъ траву, ржа — желѣзо, а лжа — душу. Господи, спаси насъ грѣшныхъ!

V.

Рѣдька былъ не практиченъ и плохо умѣлъ соображать; набиралъ онъ работы больше, чѣмъ могъ исполнить, и при расчетѣ тревожился, терялся и потому почти всегда бывалъ въ убыткѣ. Онъ красилъ, вставлялъ стекла, оклеивалъ обоями и даже принималъ на себя кровельныя работы, и я помню, какъ онъ, бывало, изъ-за ничтожнаго заказа бѣгалъ дня по три, отыскивая кровельщиковъ. Это былъ превосходный мастеръ, случалось ему иногда зарабатывать до десяти рублей въ день, и если бы не это желаніе — во что бы то ни стало, быть главнымъ и называться подрядчикомъ, то у него, вѣроятно, водились бы хорошія деньги.

Самъ онъ получалъ издѣльно, а мнѣ и другимъ ребятамъ платилъ поденно, отъ семидесяти копеекъ до рубля въ день. Пока стояла жаркая и сухая погода, мы исполняли разныя наружныя работы, главнымъ образомъ красили крыши. Съ непривычки моимъ ногамъ было горячо, точно я хо-

дилъ по раскаленной плитѣ, а когда надѣвалъ валенки, то ногамъ было душно. Но это только на первыхъ порахъ, потомъ же я привыкъ и все пошло, какъ по маслу. Я жилъ теперь среди людей, для которыхъ трудъ былъ обязателенъ и неизбѣженъ и которые работали, какъ ломовыя лошади, часто не сознавая нравственнаго значенія труда и даже никогда не употребляя въ разговорѣ самаго слова «трудъ»; около нихъ и я тоже чувствовалъ себя ломовикомъ, все болѣе проникаясь обязательностью и неизбѣжностью того, что я дѣлалъ, и это облегчало мнѣ жизнь, избавляя отъ всякихъ сомнѣній.

Въ первое время все занимало меня, все было ново, точно я вновь родился. Я могъ спать на землѣ, могъ ходить босикомъ, — а это чрезвычайно пріятно; могъ стоять въ толпѣ простого народа, никого не стѣсняя, и когда на улицѣ падала извозчичья лошадь, то я бѣжалъ и помогалъ поднять ее, не боясь запачкать свое платье. А, главное, я жилъ на свой собственный счетъ и никому не былъ въ тягость!

Окраска крышъ, особенно съ нашею олифой и краской, считалась очень выгоднымъ дѣломъ, и потому этою грубой, скучной работою не брезговали даже такіе хорошіе мастера, какъ Рѣдька. Въ короткихъ брючкахъ, съ тощими лиловыми ногами, онъ ходилъ по крышѣ, похожій на аиста, и я слышалъ, какъ, работая кистью, онъ тяжело вздыхалъ и говорилъ:

— Горе, горе намъ, грѣшнымъ!

По крышѣ онъ ходилъ такъ же свободно, какъ по полу. Несмотря на то, что онъ былъ боленъ и блѣденъ, какъ мертвецъ, прыткость у

него была необыкновенная; онъ такъ же, какъ молодые, красилъ куполъ и главы церкви безъ подмостковъ, только при помощи лѣстницъ и веревки, и было немножко страшно, когда онъ тутъ, стоя на высотѣ, далеко отъ земли, выпрямлялся во весь свой ростъ и изрекалъ неизвѣстно для кого:

— Тля ѣстъ траву, ржа — желѣзо, а лжа — душу!

Или же, думая о чемъ-нибудь, отвѣчалъ вслухъ своимъ мыслямъ:

— Все можетъ быть! Все можетъ быть!

Когда я возвращался съ работы домой, то всѣ эти, которые сидѣли у воротъ на лавочкахъ, всѣ приказчики, мальчишки и ихъ хозяева пускали мнѣ вслѣдъ разныя замѣчанія, насмѣшливыя и злобныя, и это на первыхъ порахъ волновало меня и казалось просто чудовищнымъ.

— Маленькая польза! — слышалось со всѣхъ сторонъ. — Маляръ! Охра!

И никто не относился ко мнѣ такъ немилостиво, какъ именно тѣ, которые еще такъ недавно сами были простыми людьми и добывали себѣ кусокъ хлѣба черным ъ трудомъ. Въ торговыхъ рядахъ, когда я проходилъ мимо желѣзной лавки, меня, какъ бы нечаянно, обливали водой, и разъ даже швырнули въ меня палкой. А одинъ купецъ-рыбникъ, сѣдой старикъ, загородилъ мнѣ дорогу и сказалъ, глядя на меня со злобой:

— Не тебя, дурака, жалко! Отца твоего жалко!

А мои знакомые при встрѣчахъ со мною почему-то конфузились. Одни смотрѣли на меня, какъ на чудака и шута, другимъ было жаль

меня, третьи же не знали, какъ относиться ко мнѣ, и понять ихъ было трудно. Какъ-то днемъ, въ одномъ изъ переулковъ около нашей Большой Дворянской, я встрѣтилъ Анюту Благово. Я шелъ на работу и несъ двѣ длинныхъ кисти и ведро съ краской. Узнавъ меня, Анюта вспыхнула.

— Прошу васъ не кланяться мнѣ на улицѣ... — проговорила она нервно, сурово, дрожащимъ голосомъ, не подавая мнѣ руки, и на глазахъ у нея вдругъ заблестѣли слезы. — Если, по-вашему, все это такъ нужно, то пусть... пусть, но прошу васъ, не встрѣчайтесь со мною!

Я уже жилъ не на Большой Дворянской, а въ предмѣстьѣ Макарихѣ, у своей няни Карповны, доброй, но мрачной старушки, которая всегда предчувствовала что-нибудь дурное, боялась всѣхъ сновъ вообще и даже въ пчелахъ и въ осахъ, которыя залетали къ ней въ комнату, видѣла дурныя примѣты. И то, что я сдѣлался рабочимъ, по ея мнѣнію, не предвѣщало ничего хорошаго.

— Пропала твоя головушка! — говорила она печально, покачивая головой. — Пропала!

Съ нею въ домикѣ жилъ ея пріемышъ Прокофій, мясникъ, громадный, неуклюжій малый лѣтъ тридцати, рыжій, съ жесткими усами. Встрѣчаясь со мною въ сѣняхъ, онъ молча и почтительно уступалъ мнѣ дорогу, и, если былъ пьянъ, то всей пятерней дѣлалъ мнѣ подъ козырекъ. По вечерамъ онъ ужиналъ и сквозь дощатую перегородку мнѣ слышно было, какъ онъ крякалъ и вздыхалъ, выпивая рюмку за рюмкой.

— Мамаша! — звалъ онъ вполголоса.

— Ну? — отзывалась Карповна, любившая безъ памяти своего пріемыша. — Что, сынокъ?

— Я вамъ, мамаша, могу снисхожденіе сдѣлать. Въ сей земной жизни буду васъ питать на старости лѣтъ въ юдоли, а когда помрете, на свой счетъ похороню. Сказалъ — и вѣрно.

Вставалъ я каждый день до восхода солнца, ложился рано. Ѣли мы, маляры, очень много и спали крѣпко, и только почему-то по ночамъ сильно билось сердце. Съ товарищами я не ссорился. Брань, отчаянныя клятвы и пожеланія въ родѣ того, напримѣръ, чтобы лопнули глаза или схватила холера, не прекращались весь день, но, тѣмъ не менѣе, все-таки жили мы между собою дружно. Ребята подозрѣвали во мнѣ религіознаго сектанта и добродушно подшучивали надо мною, говоря, что отъ меня даже родной отецъ отказался, и тутъ же разсказывали, что сами они рѣдко заглядываютъ въ храмъ Божій и что многіе изъ нихъ по десяти лѣтъ на духу не бывали, и такое свое безпутство оправдывали тѣмъ, что маляръ среди людей все равно, что галка среди птицъ.

Ребята уважали меня и относились ко мнѣ съ почтеніемъ; имъ, очевидно, нравилось, что я не пью, не курю и веду тихую, степенную жизнь. Ихъ только непріятно шокировало, что я не участвую въ кражѣ олифы и вмѣстѣ съ ними не хожу къ заказчикамъ просить на чай. Кража хозяйской олифы и краски была у маляровъ въ обычаѣ и не считалась кражей, и замѣчательно, что даже такой справедливый человѣкъ, какъ Рѣдька, уходя съ работы, всякій разъ уносилъ съ собою немножко бѣлилъ и олифы.

А просить на чай не стыдились даже почтенные старики, имѣвшіе въ Макарихѣ собственные дома, и было досадно и стыдно, когда ребята гурьбой поздравляли какое-нибудь ничтожество съ первоначатіемъ или окончаніемъ и, получивъ отъ него гривенникъ, униженно благодарили.

Съ заказчиками они держали себя, какъ лукавые царедворцы, и мнѣ почти каждый день вспоминался шекспировскій Полоній.

— А, должно быть, дождь будетъ, — говорилъ заказчикъ, глядя на небо.

— Будетъ, безпремѣнно будетъ! — соглашались маляры.

— Впрочемъ, облака не дождевыя. Пожалуй, не будетъ дождя.

— Не будетъ, ваше высокородіе. Вѣрно, не будетъ.

Заглазно они относились къ заказчикамъ вообще иронически, и, когда, напримѣръ, видѣли барина, сидящаго на балконѣ съ газетой, то замѣчали:

— Газету читаетъ, а ѣсть небось нечего.

Дома у своихъ я не бывалъ. Возвращаясь съ работы, я часто находилъ у себя записки, короткія и тревожныя, въ которыхъ сестра писала мнѣ объ отцѣ: то онъ былъ за обѣдомъ какъ-то особенно задумчивъ и ничего не ѣлъ, то пошатнулся, то заперся у себя и долго не выходилъ. Такія извѣстія волновали меня, я не могъ спать и, случалось даже, ходилъ ночью по Большой Дворянской мимо нашего дома, вглядываясь въ темныя окна и стараясь угадать, все ли дома благополучно. По воскресеньямъ приходила ко мнѣ сестра, но украдкой, будто не ко мнѣ, а къ нянькѣ.

И если входила ко мнѣ, то очень блѣдная, съ заплаканными глазами, и тотчасъ же начинала плакать:

— Нашъ отецъ не перенесетъ этого! — говорила она. — Если, не дай Богъ, съ нимъ случится что-нибудь, то тебя всю жизнь будетъ мучить совѣсть. Это ужасно, Мисаилъ! Именемъ нашей матери умоляю тебя: исправься!

— Сестра, дорогая моя, — говорилъ я: — какъ исправляться, если я убѣжденъ, что поступаю по совѣсти? Пойми!

— Я знаю, что по совѣсти, но, можетъ быть, это можно какъ-нибудь иначе, чтобы никого не огорчать.

— Охъ, батюшки! — вздыхала за дверью старуха. — Пропала твоя головушка! — Быть бѣдѣ, родимые мои, быть бѣдѣ!

VI

Въ одно изъ воскресеній ко мнѣ неожиданно явился докторъ Благово. Онъ былъ въ кителѣ поверхъ шелковой рубахи и въ высокихъ лакированныхъ сапогахъ.

— А я къ вамъ! — началъ онъ, крѣпко, по-студенчески пожимая мнѣ руку. — Каждый день слышу про васъ и все собираюсь къ вамъ потолковать, какъ говорится, по душамъ. Въ городѣ страшная скука, нѣтъ ни одной живой души, не съ кѣмъ слово сказать. Жарко, Мать Пречистая! — продолжалъ онъ, снимая китель и оставаясь въ одной шелковой рубахѣ. — Голубчикъ, позвольте съ вами поговорить!

Мнѣ самому было скучно и давно уже хотѣ-

лось побыть въ обществѣ не маляровъ. Я искренно обрадовался ему.

— Начну съ того, — сказалъ онъ, садясь на мою постель: — что я вамъ сочувствую отъ всей души и глубоко уважаю эту вашу жизнь. Здѣсь въ городѣ васъ не понимаютъ, да и некому понимать, такъ какъ, сами знаете, здѣсь, за весьма малыми исключеніями, все гоголевскія свиныя рыла. Но я тогда же на пикникѣ сразу угадалъ васъ. Вы — благородная душа, честный, возвышенный человѣкъ! Уважаю васъ и считаю за великую честь пожать вашу руку! — продолжалъ онъ восторженно. — Чтобы измѣнить такъ рѣзко и круто свою жизнь, какъ сдѣлали это вы, нужно было пережить сложный душевный процессъ, и, чтобы продолжать теперь эту жизнь и постоянно находиться на высотѣ своихъ убѣжденій, вы должны изо дня въ день напряженно работать и умомъ, и сердцемъ. Теперь, для начала нашей бесѣды, скажите, не находите ли вы, что если бы силу воли, это напряженіе, всю эту потенцію, вы затратили на что-нибудь другое, напримѣръ, на то, чтобы сдѣлаться со временемъ великимъ ученымъ или художникомъ, то ваша жизнь захватывала бы шире и глубже и была бы продуктивнѣе во всѣхъ отношеніяхъ?

Мы разговорились, и когда у насъ зашла рѣчь о физическомъ трудѣ, то я выразилъ такую мысль: нужно, чтобы сильные не порабощали слабыхъ, чтобы меньшинство не было для большинства паразитомъ или насосомъ, высасывающимъ изъ него хронически лучшіе соки, то-есть, нужно, чтобы всѣ безъ исключенія — и сильные и слабые, богатые и бѣдные, равномѣрно участво-

вали въ борьбѣ за существованіе, каждый самъ за себя, а въ этомъ отношеніи нѣтъ лучшаго нивелирующаго средства, какъ физическій трудъ, въ качествѣ общей для всѣхъ обязательной повинности.

—Стало быть, по-вашему, физическимъ трудомъ должны заниматься всѣ безъ исключенія? — спросилъ докторъ.

— Да.

— А не находите ли вы, что если всѣ, въ томъ числѣ и лучшіе люди, мыслители и великіе ученые, участвуя въ борьбѣ за существованіе каждый самъ за себя, станутъ тратить время на битье щебня и окраску крышъ, то это можетъ угрожать прогрессу серьезною опасностью?

— Въ чемъ же опасность? — спросилъ я. — Вѣдь прогрессъ — въ дѣлахъ любви, въ исполненіи нравственнаго закона. Если вы никого не порабощаете, никому не въ тягость, то какого вамъ нужно еще прогресса?

— Но, позвольте! — вдругъ вспылилъ Благово, вставая. — Но, позвольте! Если улитка въ своей раковинѣ занимается личнымъ самосовершенствованіемъ и ковыряется въ нравственномъ законѣ, то вы это называете прогрессомъ?

— Почему же — ковыряется? — обидѣлся я. — Если вы не заставляете своихъ ближнихъ кормить васъ, одѣвать, возить, защищать васъ отъ враговъ, то въ жизни, которая вся построена на рабствѣ, развѣ это не прогрессъ? По-моему, это прогрессъ самый настоящій и, пожалуй, единственно возможный и нужный для человѣка.

— Предѣлы общечеловѣческаго, мірового прогресса въ безконечности, и говорить о какомъ-то «возможномъ» прогрессѣ, ограниченномъ нашими нуждами или временными воззрѣніями, это, извините, даже странно.

— Если предѣлы прогресса въ безконечности, какъ вы говорите, то, значитъ, цѣли его неопредѣленны, — сказалъ я. — Жить и не знать опредѣленно, для чего живешь!

— Пусть! Но это «не знать» не такъ скучно, какъ ваше «знать». Я иду по лѣстницѣ, которая называется прогрессомъ, цивилизаціей, культурой, иду и иду, не зная опредѣленно, куда иду, но, право, ради одной этой чудесной лѣстницы стóитъ жить; а вы знаете, ради чего живете, — ради того, чтобы одни не порабощали другихъ, чтобы художникъ и тотъ, кто растираетъ для него краски, обѣдали одинаково. Но вѣдь это мѣщанская, кухонная, сѣрая сторона жизни, и для нея одной жить — неужели не противно? Если одни насѣкомыя порабощаютъ другихъ, то и чортъ съ ними, пусть съѣдаютъ другъ друга! Не о нихъ намъ надо думать, — вѣдь они все равно помрутъ и сгніютъ, какъ ни спасайте ихъ отъ рабства, — надо думать о томъ великомъ иксѣ, который ожидаетъ все человѣчество въ отдаленномъ будущемъ.

Благово спорилъ со мною горячо, но въ то же время было замѣтно, что его волнуетъ какая-то посторонняя мысль.

— Должно быть, ваша сестра не придетъ, — сказалъ онъ, посмотрѣвъ на часы. — Вчера она была у нашихъ и говорила, что будетъ у васъ. Вы все толкуете — рабство, рабство... — про-

должалъ онъ. — Но вѣдь это вопросъ частный, и всѣ такіе вопросы рѣшаются человѣчествомъ постепенно, само собой.

Заговорили о постепенности. Я сказалъ, что вопросъ — дѣлать добро или зло, каждый рѣшаетъ самъ за себя, не дожидаясь, когда человѣчество подойдетъ къ рѣшенію этого вопроса путемъ постепеннаго развитія. Къ тому же постепенность — палка о двухъ концахъ. Рядомъ съ процессомъ постепеннаго развитія идей гуманныхъ наблюдается и постепенный ростъ идей иного рода. Крѣпостного права нѣтъ, зато растетъ капитализмъ. И въ самый разгаръ освободительныхъ идей, такъ же, какъ во времена Батыя, большинство кормитъ, одѣваетъ и защищаетъ меньшинство, оставаясь само голоднымъ, раздѣтымъ и беззащитнымъ. Такой порядокъ прекрасно уживается съ какими угодно вѣяніями и теченіями, потому что искусство порабощенія тоже культивируется постепенно. Мы уже не деремъ на конюшнѣ нашихъ лакеевъ, но мы придаемъ рабству утонченныя формы, по крайней мѣрѣ, умѣемъ находить для него оправданіе въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. У насъ идеи — идеями, но если бы теперь, въ концѣ XIX вѣка, можно было взвалить на рабочихъ еще также наши самыя непріятныя физіологическія отправленія, то мы взвалили бы, и потомъ, конечно, говорили бы въ свое оправданіе, что если, молъ, лучшіе люди, мыслители и великіе ученые станутъ тратить свое золотое время на эти отправленія, то прогрессу можетъ угрожать серьезная опасность.

Но вотъ пришла и сестра. Увидѣвъ доктора,

она засуетилась, встревожилась и тотчасъ же заговорила о томъ, что ей пора домой, къ отцу.

— Клеопатра Алексѣевна, — сказалъ Благово убѣдительно, прижимая обѣ руки къ сердцу: — что станется съ вашимъ батюшкой, если вы проведете со мною и братомъ какихъ-нибудь полчаса?

Онъ былъ простосердеченъ и умѣлъ сообщать свое оживленіе другимъ. Моя сестра, подумавъ минуту, разсмѣялась и повеселѣла вдругъ, внезапно, какъ тогда на пикникѣ. Мы пошли въ поле и, расположившись на травѣ, продолжали нашъ разговоръ и смотрѣли на городъ, гдѣ всѣ окна, обращенныя на западъ, казались ярко золотыми отъ того, что заходило солнце.

Послѣ этого, всякій разъ, когда приходила ко мнѣ сестра, являлся и Благово, и оба здоровались съ такимъ видомъ, какъ будто встрѣча ихъ у меня была нечаянной. Сестра слушала, какъ я и докторъ спорили, и въ это время выраженіе у нея было радостно восторженное, умиленное и пытливое, и мнѣ казалось, что передъ ея глазами открывался мало-по-малу иной міръ, какого она раньше не видала даже во снѣ и какой старалась угадать теперь. Безъ доктора она была тиха и грустна, и если теперь иногда плакала, сидя на моей постели, то уже по причинамъ, о которыхъ не говорила.

Въ августѣ Рѣдька приказалъ намъ собиратъся на линію. Дня за два передъ тѣмъ, какъ насъ «погнали» за городъ, ко мнѣ пришелъ отецъ. Онъ сѣлъ и, не спѣша, не глядя на меня, вытеръ свое красное лицо, потомъ досталъ изъ кармана нашъ городской «Вѣстникъ» и медленно,

съ удареніемъ на каждомъ словѣ, прочелъ о томъ, что мой сверстникъ, сынъ управляющаго конторою Государственнаго банка, назначенъ начальникомъ отдѣленія въ казенной палатѣ.

— А теперь взгляни на себя, — сказалъ онъ, складывая газету: — нищій, оборванецъ, негодяй! Даже мѣщане и крестьяне получаютъ образованіе, чтобы стать людьми, а ты, Полозневъ, имѣющій знатныхъ, благородныхъ предковъ, стремишься въ грязь! Но я пришелъ сюда не для того, чтобы разговаривать съ тобою; на тебя я уже махнулъ рукой, — продолжалъ онъ придушеннымъ голосомъ, вставая. — Я пришелъ затѣмъ, чтобы узнать: гдѣ твоя сестра, негодяй? Она ушла изъ дому послѣ обѣда, и вотъ уже восьмой часъ, а ея нѣтъ. Она стала часто уходить, не говоря мнѣ, она уже менѣе почтительна, — и я вижу тутъ твое злое, подлое вліяніе. Гдѣ она?

Въ рукахъ у него былъ знакомый мнѣ зонтикъ, и я уже растерялся и вытянулся, какъ школьникъ, ожидая, что отецъ начнетъ бить меня, но онъ замѣтилъ взглядъ мой, брошенный на зонтикъ, и, вѣроятно, это сдержало его.

— Живи, какъ хочешь! — сказалъ онъ. — Я лишаю тебя моего благословенія!

— Батюшки-свѣты! — бормотала за дверью нянька. — Бѣдная, несчастная твоя головушка! Охъ, чуетъ мое сердце, чуетъ!

Я работалъ на линіи. Весь августъ непрерывно шли дожди, было сыро и холодно; съ полей не свозили хлѣба, и въ большихъ хозяйствахъ, гдѣ косили машинами, пшеница лежала не въ копнахъ, а въ кучахъ, и я помню, какъ

эти печальныя кучи съ каждымъ днемъ становились все темнѣе, и зерно прорастало въ нихъ. Работать было трудно; ливень портилъ все, что мы успѣвали сдѣлать. Жить и спать въ станціонныхъ зданіяхъ намъ не позволялось, и ютились мы въ грязныхъ, сырыхъ землянкахъ, гдѣ лѣтомъ жила «чугунка», и по ночамъ я не могъ спать отъ холода и отъ того, что по лицу и по рукамъ ползали мокрицы. А когда работали около мостовъ, то по вечерамъ приходила къ намъ гурьбой «чугунка» только затѣмъ, чтобы бить маляровъ, — для нея это былъ родъ спорта. Насъ били, выкрадывали у насъ кисти и, чтобы раздразнить насъ и вызвать на драку, портили нашу работу, напримѣръ, вымазывали будки зеленою краской. Въ довершеніе всѣхъ нашихъ бѣдъ, Рѣдька сталъ платить крайне неисправно. Всѣ малярныя работы на участкѣ были сданы подрядчику, этотъ сдалъ другому, и уже этотъ сдалъ Рѣдькѣ, выговоривъ себѣ процентовъ двадцать. Работа сама по себѣ была невыгодна, а тутъ еще дожди; время пропадало даромъ, мы не работали, а Рѣдька былъ обязанъ платить ребятамъ поденно. Голодные маляры едва не били его, обзывали жуликомъ, кровопійцей, Іудой-христопродавцемъ, а онъ, бѣдняга, вздыхалъ, въ отчаяніи воздѣвалъ къ небу руки и то-и-дѣло ходилъ къ госпожѣ Чепраковой за деньгами.

VII

Наступила дождливая, грязная, темная осень. Наступила безработица, и я дня по три сидѣлъ дома безъ дѣла, или же исполнялъ разныя не

малярныя работы, напримѣръ, таскалъ землю для чернаго наката, получая за это по двугривенному въ день. Докторъ Благово уѣхалъ въ Петербургъ. Сестра не приходила ко мнѣ. Рѣдька лежалъ у себя дома больной, со дня на день ожидая смерти.

И настроеніе было осеннее. Быть можетъ, отъ того, что, ставши рабочимъ, я уже видѣлъ нашу городскую жизнь только съ ея изнанки, почти каждый день мнѣ приходилось дѣлать открытія, приводившія меня просто въ отчаяніе. Тѣ мои сограждане, о которыхъ раньше я не былъ никакого мнѣнія, или которые съ внѣшней стороны представлялись вполнѣ порядочными, теперь оказывались людьми низкими, жестокими, способными на всякую гадость. Насъ, простыхъ людей, обманывали, обсчитывали, заставляли по цѣлымъ часамъ дожидаться въ холодныхъ сѣняхъ или въ кухнѣ, насъ оскорбляли и обращались съ нами крайне грубо. Осенью въ нашемъ клубѣ я оклеивалъ обоями читальню и двѣ комнаты; мнѣ заплатили по семи копеекъ за кусокъ, но приказали расписаться — по двѣнадцати, и когда я отказался исполнить это, то благообразный господинъ въ золотыхъ очкахъ, должно быть, одинъ изъ старшинъ клуба, сказалъ мнѣ:

— Если ты, мерзавецъ, будешь еще много разговаривать, то я тебѣ всю морду побью.

И когда лакей шепнулъ ему, что я сынъ архитектора Полознева, то онъ сконфузился, покраснѣлъ, но тотчасъ же оправился и сказалъ:

— А чортъ съ нимъ!

Въ лавкахъ намъ, рабочимъ, сбывали тухлое мясо, леглую муку и спитой чай; въ церкви

насъ толкала полиція, въ больницахъ насъ обирали фельдшера и сидѣлки, и если мы по бѣдности не давали имъ взятокъ, то насъ въ отместку кормили изъ грязной посуды; на почтѣ самый маленькій чиновникъ считалъ себя въ правѣ обращаться съ нами, какъ съ животными, и кричать грубо и нагло: «Обожди! Куда лѣзешь?» Даже дворовыя собаки — и тѣ относились къ намъ недружелюбно и бросались на насъ съ какою-то особенною злобой. Но главное, что больше всего поражало меня въ моемъ новомъ положеніи, это совершенное отсутствіе справедливости, именно то самое, что у народа опредѣляется словами: «Бога забыли». Рѣдкій день обходился безъ мошенничества. Мошенничали и купцы, продававшіе намъ олифу, и подрядчики, и ребята, и сами заказчики. Само собою, ни о какихъ нашихъ правахъ не могло быть и рѣчи, и свои заработанныя деньги мы должны были всякій разъ выпрашивать какъ милостыню, стоя у чернаго крыльца безъ шапокъ.

Я оклеивалъ въ клубѣ одну изъ комнатъ, смежныхъ съ читальней; вечеромъ, когда я уже собирался уходить, въ эту комнату вошла дочь инженера Должикова, съ пачкой книгъ въ рукахъ.

Я поклонился ей.

— А, здравствуйте! — сказала она, тотчасъ же узнавъ меня и протягивая руку. — Очень рада васъ видѣть.

Она улыбалась и осматривала съ любопытствомъ и съ недоумѣніемъ мою блузу, ведро съ клейстеромъ, обои, растянутые на полу; я смутился, и ей тоже стало неловко.

— Вы извините, что я на васъ смотрю такъ,

— сказала она. — Мнѣ много говорили о васъ. Особенно докторъ Благово, — онъ просто влюбленъ въ васъ. И съ сестрой вашей я уже познакомилась; милая, симпатичная дѣвушка, но я никакъ не могла убѣдить ее, что въ вашемъ опрощенiи нѣтъ ничего ужаснаго. Напротивъ, вы теперь самый интересный человѣкъ въ городѣ.

Она опять поглядѣла на ведро съ клейстеромъ, на обои и продолжала:

— Я просила доктора Благово познакомить меня съ вами поближе, но, очевидно, онъ забылъ или не успѣлъ. Какъ бы ни было, мы все-таки знакомы, и если бы вы пожаловали ко мнѣ какъ-нибудь запросто, то я была бы вамъ чрезвычайно обязана. Мнѣ такъ хочется поговорить! Я простой человѣкъ, — сказала она, протягивая мнѣ руку: — и надѣюсь, у меня вы будете безъ стѣсненiя. Отца нѣтъ, онъ въ Петербургѣ.

Она ушла въ читальню, шурша платьемъ, а я, придя домой, долго не могъ уснуть.

Въ эту же невеселую осень какая-то добрая душа, очевидно, желая хотя немного облегчить мое существованiе, изрѣдка присылала мнѣ то чаю и лимоновъ, то печенiй, то жареныхъ рябчиковъ. Карповна говорила, что приносилъ это всякiй разъ солдатъ, а отъ кого — неизвѣстно; и солдатъ разспрашивалъ, здоровъ ли я, каждый ли день я обѣдаю и есть ли у меня теплое платье. Когда наступили морозы, мнѣ такимъ же образомъ, въ мое отсутствiе, съ солдатомъ прислали мягкiй вязаный шарфъ, отъ котораго шелъ нѣжный, едва уловимый запахъ духовъ, и я угадалъ, кто была моя добрая фея. Отъ шарфа пахло ландышами, любимыми духами Анюты Благово.

Къ зимѣ набралось больше работы, стало веселѣй. Рѣдька опять ожилъ, и мы вмѣстѣ работали въ кладбищенской церкви, гдѣ шпатлевали иконостасъ для позолоты. Это была работа чистая, покойная и, какъ говорили наши, спорая. Въ одинъ день можно было много сработать, и притомъ время бѣжало быстро, незамѣтно. Ни брани, ни смѣха, ни громкихъ разговоровъ. Само мѣсто обязывало къ тишинѣ и благочинію и располагало къ тихимъ, серьезнымъ мыслямъ. Погруженные въ работу, мы стояли или сидѣли неподвижно, какъ статуи; была тишина мертвая, какая подобаетъ кладбищу, такъ что если падалъ инструментъ или трещалъ огонь въ лампадкѣ, то звуки эти раздавались гулко и рѣзко — и мы оглядывались. Послѣ долгой тишины слышалось гудѣнье, точно летѣли пчелы: это у притвора, не торопясь, вполголоса, отпѣвали младенца; или живописецъ, писавшій на куполѣ голубя и вокругъ него звѣзды, начиналъ тихо посвистывать и, спохватившись, тотчасъ же умолкалъ; или Рѣдька, отвѣчая своимъ мыслямъ, говорилъ со вздохомъ: «Все можетъ быть! Все можетъ быть!»; или надъ нашими головами раздавался медленный заунывный звонъ, и маляры замѣчали, что это, должно быть, богатаго покойника несутъ...

Дни проводилъ я въ этой тишинѣ, въ церковныхъ сумеркахъ, а въ длинные вечера игралъ на бильярдѣ или ходилъ въ театръ на галлерею, въ своей новой триковой парѣ, которую я купилъ себѣ на заработанныя деньги. У Ажогиныхъ уже начались спектакли и концерты; декораціи писалъ теперь одинъ Рѣдька. Онъ раз-

сказывалъ мнѣ содержанiе пьесъ и живыхъ картинъ, какiя ему приходилось видѣть у Ажогиныхъ, и я слущалъ его съ завистью. Меня сильно тянуло на репетицiи, но идти къ Ажогинымъ я не рѣшался.

За недѣлю до Рождества прiѣхалъ докторъ Благово. И опять мы спорили, и по вечерамъ играли на бильярдѣ. Играя, онъ снималъ сюртукъ и разстегивалъ на груди рубаху, и вообще старался почему-то придать себѣ видъ отчаяннаго кутилы. Пилъ онъ немного, но шумно, и ухитрялся оставлять въ такомъ плохомъ, дешевомъ трактирѣ, какъ «Волга», по двадцати рублей въ вечеръ.

Опять у меня стала бывать сестра; оба они, увидѣвъ другъ друга, всякiй разъ удивлялись, но по радостному, виноватому лицу ея видно было, что встрѣчи эти были не случайныя. Какъ-то вечеромъ, когда мы играли на бильярдѣ, докторъ сказалъ мнѣ:

— Послушайте, отчего вы не бываете у Должиковой? Вы не знаете Марiи Викторовны, это умница, прелесть, простая, добрая душа.

Я разсказалъ ему, какъ весною принялъ меня инженеръ.

— Пустое! — разсмѣялся докторъ. — Инженеръ — самъ по себѣ, а она — сама по себѣ. Право, голубчикъ, не обижайте ея, сходите къ ней какъ-нибудь. Напримѣръ, давайте сходимъ къ ней завтра вечеромъ. Хотите?

Онъ уговорилъ меня. На другой день вечеромъ, надѣвши свою новую триковую пару и волнуясь, я отправился къ Должиковой. Лакей

уже не показался мнѣ такимъ надменнымъ и страшнымъ и мебель такою роскошною, какъ въ то утро, когда я являлся сюда просителемъ. Марія Викторовна ожидала меня и встрѣтила, какъ стараго знакомаго, и пожала руку крѣпко, дружески. Она была въ сѣромъ суконномъ платьѣ съ широкими рукавами и въ прическѣ, которую у насъ въ городѣ, годъ спустя, когда она вошла въ моду, называли «собачьими ушами». Волосы съ висковъ были зачесаны на уши, и отъ этого лицо у Маріи Викторовны стало какъ будто шире и она показалась мнѣ въ этотъ разъ очень похожей на своего отца, у котораго лицо было широкое, румяное и въ выраженіи было что-то ямщицкое. Она была красива и изящна, но не молода, лѣтъ тридцати на видъ, хотя на самомъ дѣлѣ ей было двадцать пять, не больше.

— Милый докторъ, какъ я ему благодарна! — говорила она, сажая меня. — Если бы не онъ, то вы не пришли бы ко мнѣ. Мнѣ скучно до смерти! Отецъ уѣхалъ и оставилъ меня одну, и я не знаю, что мнѣ дѣлать въ этомъ городѣ.

Затѣмъ она стала разспрашивать меня, гдѣ я теперь работаю, сколько получаю, гдѣ живу.

— Вы тратите на себя только то, что зарабатываете? — спросила она.

— Да.

— Счастливый человѣкъ! — вздохнула она. — Въ жизни все зло, мнѣ кажется, отъ праздности, отъ скуки, отъ душевной пустоты, а все это неизбѣжно, когда привыкаешь жить на счетъ другихъ. Не подумайте, что я рисуюсь, искренно вамъ говорю: неинтересно и непріятно быть богатымъ. Пріобрѣтайте друзей богатствомъ непра-

веднымъ — такъ сказано, потому что вообще нѣтъ и не можетъ быть богатства праведнаго.

Она съ серьезнымъ, холоднымъ выраженіемъ оглядѣла мебель, точно хотѣла сосчитать ее, и продолжала:

— Комфортъ и удобства обладаютъ волшебною силой; они мало-по-малу затягиваютъ людей даже съ сильною волей. Когда-то отецъ и я жили небогато и просто, а теперь видите какъ. Слыханное ли дѣло, — сказала она, пожавъ плечами: — мы проживаемъ до двадцати тысячъ въ годъ! Въ провинціи!

— На комфортъ и удобства приходится смотрѣть, какъ на неизбѣжную привилегію капитала и образованія, — сказалъ я: — и мнѣ кажется, что удобства жизни можно сочетать съ какимъ угодно, даже съ самымъ тяжелымъ и грязнымъ трудомъ. Вашъ отецъ богатъ, однакоже, какъ онъ говоритъ, ему пришлось побывать и въ машинистахъ, и въ простыхъ смазчикахъ.

Она улыбнулась и съ сомнѣніемъ покачала головой.

— Папа иногда ѣстъ и тюрю съ квасомъ, — сказала она. — Забава, прихоть!

Въ это время послышался звонокъ и она встала.

— Образованные и богатые должны работать, какъ всѣ, — продолжала она: — а если комфортъ, то одинаково для всѣхъ. Никакихъ привилегій не должно быть. Ну, Богъ съ нею, съ философіей. Разскажите мнѣ что-нибудь веселенькое. Разскажите мнѣ про маляровъ. Какіе они? Смѣшные?

Пришелъ докторъ. Я сталъ разсказывать про маляровъ, но съ непривычки стѣснялся и разсказывалъ, какъ этнографъ, серьезно и вяло. Докторъ тоже разсказалъ нѣсколько анекдотовъ изъ жизни мастеровыхъ. Онъ пошатывался, плакалъ, становился на колѣни и даже, изображая пьянаго, ложился на полъ. Это была настоящая актерская игра, и Марія Викторовна, глядя на него, хохотала до слезъ. Потомъ онъ игралъ на роялѣ и пѣлъ своимъ пріятнымъ жиденькимъ теноромъ, а Марія Викторовна стояла возлѣ и выбирала для него, что пѣть, и поправляла, когда онъ ошибался.

— Я слышалъ, вы тоже поете? — спросилъ я.

— Тоже! — ужаснулся докторъ. — Она — чудная пѣвица, артистка, а вы — тоже! Эка хватилъ!

— Я когда-то занималась серьезно, — отвѣтила она на мой вопросъ: — но теперь бросила.

Сидя на низкой скамеечкѣ, она разсказывала намъ про свою жизнь въ Петербургѣ и изображала въ лицахъ извѣстныхъ пѣвцовъ, передразнивая ихъ голоса и манеру пѣть; рисовала въ альбомѣ доктора, потомъ меня, рисовала плохо, но оба мы вышли похожи. Она смѣялась, шалила, мило гримасничала, и это больше шло къ ней, чѣмъ разговоры о богатствѣ неправедномъ, и мнѣ казалось, что говорила она со мною давеча о богатствѣ и комфортѣ не серьезно, а подражая кому-то. Это была превосходная комическая актриса. Я мысленно ставилъ ее рядомъ съ нашими барышнями, и даже красивая, солидная Анюта Благово не выдерживала срав-

ненія съ нею; разница была громадная, какъ между хорошей культурной розой и дикимъ шиповникомъ.

Мы втроемъ ужинали. Докторъ и Марія Викторовна пили красное вино, шампанское и кофе съ коньякомъ; они чокались и пили за дружбу, за умъ, за прогрессъ, за свободу и не пьянѣли, а только раскраснѣлись и часто хохотали безъ причины, до слезъ. Чтобы не показаться скучнымъ, и я тоже пилъ красное вино.

— Талантливыя, богато одаренныя натуры, — сказала Должикова: — знаютъ, какъ имъ жить, и идутъ своею дорогой; средніе же люди, какъ я, напримѣръ, ничего не знаютъ и ничего сами не могутъ; имъ ничего больше не остается, какъ подмѣтить какое-нибудь глубокое общественное теченіе и плыть, куда оно понесетъ.

— Развѣ можно подмѣтить то, чего нѣтъ? — спросилъ докторъ.

— Нѣтъ, потому что мы не видимъ.

— Такъ ли? Общественныя теченія — это новая литература выдумала. Ихъ нѣтъ у насъ.

Начался споръ.

— Никакихъ глубокихъ общественныхъ теченій у насъ нѣтъ и не было, — говорилъ докторъ громко. — Мало ли чего не выдумала новая литература! Она выдумала еще какихъ-то интеллигентныхъ тружениковъ въ деревнѣ, а у насъ обыщите всѣ деревни и найдете развѣ только Неуважай-Корыто въ пиджакѣ или въ черномъ сюртукѣ, дѣлающаго въ словѣ «еще» четыре ошибки. Культурная жизнь у насъ еще не начиналась. Та же дикость, то же сплошное хамство, то же ничтожество, что и пятьсотъ лѣтъ

назадъ. Теченія, вѣянія, но вѣдь все это мелко, мизерабельно, притянуто къ пошлымъ, грошовымъ интересикамъ — и неужели въ нихъ можно видѣть что-нибудь серьезное? Если вамъ покажется, что вы подмѣтили глубокое общественное теченіе и, слѣдуя за нимъ, вы посвятите вашу жизнь такимъ задачамъ въ современномъ вкусѣ, какъ освобожденіе насѣкомыхъ отъ рабства или воздержаніе отъ говяжьихъ котлетъ, то — поздравляю васъ, сударыня. Учиться намъ нужно, учиться и учиться, а съ глубокими общественными теченіями погодимъ: мы еще не доросли до нихъ и, по совѣсти, ничего въ нихъ не понимаемъ.

— Вы не понимаете, а я понимаю, — сказала Марія Викторовна. — Вы сегодня Богъ знаетъ какой скучный!

— Наше дѣло — учиться и учиться, стараться накоплять возможно больше знаній, потому что серьезныя общественныя теченія тамъ, гдѣ знанія, и счастье будущаго человѣчества только въ знаніи. Пью за науку!

— Одно несомнѣнно: надо устраивать себѣ жизнь какъ-нибудь по-иному, — сказала Марія Викторовна, помолчавъ и подумавъ: — а та жизнь, какая была до сихъ поръ, ничего не стòитъ. Не будемъ говорить о ней.

Когда мы вышли отъ нея, то въ соборѣ било уже два часа.

— Понравилась? — спросилъ докторъ. — Не правда ли, славная?

Въ первый день Рождества мы обѣдали у Маріи Викторовны, и потомъ, въ продолженіе всѣхъ праздниковъ, ходили къ ней почти каждый

день. У нея никто не бывалъ, кромѣ насъ, и она была права, когда говорила, что, кромѣ меня и доктора, у нея въ городѣ нѣтъ никого знакомыхъ. Время мы проводили бо́льшею частью въ разговорахъ; иногда докторъ приносилъ съ собою какую-нибудь книгу или журналъ и читалъ намъ вслухъ. Въ сущности, это былъ первый образованный человѣкъ, какого я встрѣтилъ въ жизни. Не могу судить, много ли онъ зналъ, но онъ постоянно обнаруживалъ свои знанія, такъ какъ хотѣлъ, чтобы и другіе также знали. Когда онъ говорилъ о чемъ-нибудь относящемся къ медицинѣ, то не походилъ ни на одного изъ нашихъ городскихъ докторовъ, а производилъ какое-то новое, особенное впечатлѣніе, и мнѣ казалось, что если бы онъ захотѣлъ, то могъ бы стать настоящимъ ученымъ. И это, пожалуй, былъ единственный человѣкъ, который въ то время имѣлъ серьезное вліяніе на меня. Видаясь съ нимъ и прочитывая книги, какія онъ давалъ мнѣ, я сталъ мало-по-малу чувствовать потребность въ знаніяхъ, которыя одухотворяли бы мой невеселый трудъ. Мнѣ уже казалось страннымъ, что раньше я не зналъ, напримѣръ, что весь міръ состоитъ изъ шестидесяти простыхъ тѣлъ, не зналъ, что такое олифа, что такое краски, и какъ-то могъ обходиться безъ этихъ знаній. Знакомство съ докторомъ подняло меня и нравственно. Я часто спорилъ съ нимъ, и хотя обыкновенно оставался при своемъ мнѣніи, но все же, благодаря ему, я мало-по-малу сталъ замѣчать, что для самого меня не все было ясно, и я уже старался выработать въ себѣ возможно опредѣленныя убѣжденія, чтобы указанія совѣсти были

опредѣленны и не имѣли бы въ себѣ ничего смутнаго. Тѣмъ не менѣе все-таки этотъ самый образованный и лучшій человѣкъ въ городѣ далеко еще не былъ совершенствомъ. Въ его манерахъ, въ прывычкѣ всякій разговоръ сводить на споръ, въ его пріятномъ тенорѣ и даже въ его ласковости было что-то грубоватое, семинарское, и когда онъ снималъ сюртукъ и оставался въ одной шелковой рубахѣ или бросалъ въ трактирѣ лакею на чай, то мнѣ казалось всякій разъ, что культура — культурой, а татаринъ все еще бродитъ въ немъ.

На Крещеніе онъ опять уѣхалъ въ Петербургъ. Онъ уѣхалъ утромъ, а послѣ обѣда пришла ко мнѣ сестра. Не снимая шубы и шапки, она сидѣла молча, очень блѣдная, и смотрѣла въ одну точку. Ее познабливало, и видно было, что она перемогалась.

— Ты, должно быть, простудилась, — сказалъ я.

Глаза у нея наполнились слезами, она встала и пошла къ Карповнѣ, не сказавъ мнѣ ни слова, точно я обидѣлъ ее. И немного погодя я слышалъ, какъ она говорила тономъ горькаго упрека:

— Нянька, для чего я жила до сихъ поръ? Для чего? Ты скажи: развѣ я не погубила своей молодости? Въ лучшіе годы своей жизни только и знать, что записывать расходы, разливать чай, считать копейки, занимать гостей и думать, что выше этого ничего нѣтъ на свѣтѣ! Нянька, пойми, вѣдь и у меня есть человѣческіе запросы, и я хочу жить, а изъ меня сдѣлали какую-ту ключницу. Вѣдь это ужасно, ужасно!

Она швырнула ключи въ дверь, и они со

звономъ упали въ моей комнатѣ. Это были ключи отъ буфета, отъ кухоннаго шкапа, отъ погреба и отъ чайной шкатулки, — тѣ самые ключи, которые когда-то еще носила моя мать.

— Ахъ, охъ, батюшки! — ужасалась старуха. — Святители-угодники!

Уходя домой, сестра зашла ко мнѣ, чтобы подобрать ключи, и сказала:

— Ты извини меня. Со мною въ послѣднее время дѣлается что-то странное.

VIII

Какъ-то, вернувшись отъ Маріи Викторовны поздно вечеромъ, я засталъ у себя въ комнатѣ молодого околоточнаго въ новомъ мундирѣ; онъ сидѣлъ за моимъ столомъ и перелистывалъ книгу.

— Наконецъ-то! — сказалъ онъ, вставая и потягиваясь. — Я къ вамъ уже въ третій разъ прихожу. Губернаторъ приказалъ, чтобы вы пришли къ нему завтра ровно въ девять часовъ утра. Непремѣнно.

Онъ взялъ съ меня подписку, что я въ точности исполню приказъ его превосходительства, и ушелъ. Это позднее посѣщеніе околоточнаго и неожиданное приглашеніе къ губернатору подѣйствовали на меня самымъ угнетающимъ образомъ. У меня съ ранняго дѣтства остался страхъ передъ жандармами, полицейскими, судейскими, и теперь меня томило безпокойство, будто я въ самомъ дѣлѣ былъ виноватъ въ чемъ-то. И я никакъ не могъ уснуть. Нянька и Прокофій тоже были взволнованы и не спали. Къ тому же еще

у няньки болѣло ухо, она стонала и нѣсколько разъ принималась плакать отъ боли. Услышавъ, что я не сплю, Прокофій осторожно вошелъ ко мнѣ съ лампочкой и сѣлъ у стола.

— Вамъ бы перцовки выпить... — сказалъ онъ, подумавъ. — Въ сей юдоли какъ выпьешь, оно и ничего. И ежели бы мамашѣ влить въ ухо перцовки, то большая польза.

Въ третьемъ часу онъ собрался въ бойню за мясомъ. Я зналъ, что мнѣ ужъ не уснуть до утра, и, чтобы какъ-нибудь скоротать время до девяти часовъ, я отправился вмѣстѣ съ нимъ. Мы шли съ фонаремъ, а его мальчикъ Николка, лѣтъ тринадцати, съ синими пятнами на лицѣ отъ ознобовъ, по выраженію — совершенный разбойникъ, ѣхалъ за нами въ саняхъ, хриплымъ голосомъ понукая лошадь.

— Васъ у губернатора, должно, наказывать будутъ, — говорилъ мнѣ дорогой Прокофій. — Есть губернаторская наука, есть архимандритская наука, есть офицерская наука, есть докторская наука, и для каждаго званія есть своя наука. А вы не держитесь своей науки, и этого вамъ нельзя дозволить.

Бойня находилась за кладбищемъ, и раньше я видѣлъ ее только издали. Это были три мрачныхъ сарая, окруженные сѣрымъ заборомъ, отъ которыхъ, когда дулъ съ ихъ стороны вѣтеръ, лѣтомъ въ жаркіе дни несло удушливою вонью. Теперь, войдя во дворъ, впотемкахъ я не видѣлъ сараевъ; мнѣ все попадались лошади и сани, пустыя и уже нагруженныя мясомъ; ходили люди съ фонарями и отвратительно бранились. Бранились и Прокофій, и Николка, такъ же гадко, и

въ воздухѣ стоялъ непрерывный гулъ отъ брани, кашля и лошадинаго ржанья.

Пахло трупами и навозомъ. Таяло, снѣгъ уже перемѣшался съ грязью, и мнѣ впотемкахъ казалось, что я хожу по лужамъ крови.

Набравши полныя сани мяса, мы отправились на рынокъ въ мясную лавку. Стало свѣтать. Пошли одна за другою кухарки съ корзинами и пожилыя дамы въ салопахъ. Прокофій съ топоромъ въ рукѣ, въ бѣломъ, обрызганномъ кровью, фартукѣ, страшно клялся, крестился на церковь, кричалъ громко на весь рынокъ, увѣряя, что онъ отдаетъ мясо по своей цѣнѣ и даже себѣ въ убытокъ. Онъ обвѣшивалъ, обсчитывалъ, кухарки видѣли это, но, оглушенныя его крикомъ, не протестовали, а только обзывали его кàтомъ. Поднимая и опуская свой страшный топоръ, онъ принималъ картинныя позы и всякій разъ со свирѣпымъ выраженіемъ издавалъ звукъ «гекъ!», и я боялся, какъ бы въ самомъ дѣлѣ онъ не отрубилъ кому-нибудь голову или руку.

Я пробылъ въ мясной лавкѣ все утро, и когда, наконецъ, пошелъ къ губернатору, то отъ моей шубы пахло мясомъ и кровью. Душевное состояніе у меня было такое, будто я, по чьему-то приказанію, шелъ съ рогатиной на медвѣдя. Я помню высокую лѣстницу съ полосатымъ ковромъ и молодого чиновника во фракѣ со свѣтлыми пуговицами, который, молча, двумя руками, указалъ мнѣ на дверь и побѣжалъ доложить. Я вошелъ въ залъ, въ которомъ обстановка была роскошна, но холодна и безвкусна, и особенно непріятно рѣзали глаза высокія и узкія зеркала въ простѣнкахъ и ярко-желтыя портьеры на ок-

нахъ; видно было, что губернаторы мѣнялись, а обстановка оставалась все та же. Молодой чиновникъ опять указалъ мнѣ двумя руками на дверь, и я направился къ большому зеленому столу, за которымъ стоялъ военный генералъ съ Владиміромъ на шеѣ.

— Господинъ Полозневъ, я просилъ васъ явиться, — началъ онъ, держа въ рукѣ какое-то письмо и раскрывая ротъ широко и кругло, какъ буква *о*: — я просилъ васъ явиться, чтобы объявить вамъ слѣдующее. Вашъ уважаемый батюшка письменно и устно обращался къ губернскому предводителю дворянства, прося его вызвать васъ и поставить вамъ на видъ все несоотвѣтствіе поведенія вашего со званіемъ дворянина, которое вы имѣете честь носить. Его превосходительство Александръ Павловичъ, справедливо полагая, что поведеніе ваше можетъ служить соблазномъ, и находя, что тутъ одного убѣжденія съ его стороны было бы недостаточно, а необходимо серьезное административное вмѣшательство, представилъ мнѣ вотъ въ этомъ письмѣ свои соображенія относительно васъ, которыя я раздѣляю.

Онъ говорилъ это тихо, почтительно, стоя прямо, точно я былъ его начальникомъ, и глядя на меня совсѣмъ не строго. Лицо у него было дряблое, поношенное, все въ морщинахъ, подъ глазами отвисали мѣшки, волоса онъ красилъ, и вообще по наружности нельзя было опредѣлить сколько ему лѣтъ — сорокъ или шестьдесятъ.

— Надѣюсь, — продолжалъ онъ: — что вы оцѣните деликатность почтеннаго Александра Павловича, который обратился ко мнѣ не офи-

ціально, а частнымъ образомъ. Я также пригласилъ васъ не оффиціально, и говорю съ вами не какъ губернаторъ, а какъ искренній почитатель вашего родителя. Итакъ, прошу васъ — или измѣнить ваше поведеніе и вернуться къ обязанностямъ, приличнымъ вашему званію, или же, во избѣжаніе соблазна, переселиться въ другое мѣсто, гдѣ васъ не знаютъ и гдѣ вы можете заниматься, чѣмъ вамъ угодно. Въ противномъ же случаѣ я долженъ буду принять крайнія мѣры.

Онъ съ полминуты простоялъ молча, съ открытымъ ртомъ, глядя на меня.

— Вы вегетаріанецъ? — спросилъ онъ.

— Нѣтъ, ваше превосходительство, я ѣмъ мясо.

Онъ сѣлъ и потянулъ къ себѣ какую-то бумагу; я поклонился и вышелъ.

До обѣда уже не стоило идти на работу. Я отправился домой спать, но не могъ уснуть отъ непріятнаго, болѣзненнаго чувства, навѣяннаго на меня бойней и разговоромъ съ губернаторомъ, и дождавшись вечера, разстроенный, мрачный, пошелъ къ Маріи Викторовнѣ. Я разсказывалъ ей о томъ, какъ я былъ у губернатора, а она смотрѣла на меня съ недоумѣніемъ, точно не вѣрила, и вдругъ захохотала весело, громко, задорно, какъ умѣютъ хохотать только добродушные, смѣшливые люди.

— Если бы это разсказать въ Петербургѣ! — проговорила она, едва не падая отъ смѣха и склоняясь къ своему столу. — Если бы это разсказать въ Петербургѣ!

IX

Теперь мы видѣлись уже часто, раза по два въ день. Она почти каждый день послѣ обѣда пріѣзжала на кладбище и, поджидая меня, читала надписи на крестахъ и памятникахъ; иногда входила въ церковь и, стоя возлѣ меня, смотрѣла, какъ я работаю. Тишина, наивная работа живописцевъ и позолотчиковъ, разсудительность Рѣдьки, и то, что я наружно ничѣмъ не отличался отъ другихъ мастеровыхъ и работалъ, какъ они, въ одной жилеткѣ и въ опоркахъ, и что мнѣ говорили *ты* — это было ново для нея и трогало ее. Однажды при ней живописецъ, писавшій наверху голубя, крикнулъ мнѣ:

— Мисаилъ, дай-ка мнѣ бѣлилъ!

Я отнесъ ему бѣлилъ, и когда потомъ спускался внизъ по жидкимъ подмосткамъ, она смотрѣла на меня, растроганная до слезъ, и улыбалась.

— Какой вы милый! — сказала она.

У меня съ дѣтства осталось въ памяти, какъ у одного изъ нашихъ богачей вылетѣлъ изъ клѣтки зеленый попугай, и какъ потомъ эта красивая птица цѣлый мѣсяцъ бродила по городу, лѣниво перелетая изъ сада въ садъ, одинокая, безпріютная. И Марія Викторовна напоминала мнѣ эту птицу.

— Кромѣ кладбища, мнѣ теперь положительно негдѣ бывать, — говорила она мнѣ со смѣхомъ. — Городъ прискучилъ до отвращенія. У Ажогиныхъ читаютъ, поютъ, сюсюкаютъ, я не переношу ихъ въ послѣднее время; ваша сестра — нелюдимка, m-lle Благово за что-то ненави-

дитъ меня, театра я не люблю. Куда прикажете дѣваться.

Когда я бывалъ у нея, отъ меня пахло краской и скипидаромъ, руки мои были темны — и ей это нравилось; она хотѣла также, чтобы я приходилъ къ ней не иначе, какъ въ своемъ обыкновенномъ рабочемъ платьѣ; но въ гостиной это платье стѣсняло меня, я конфузился, точно былъ въ мундирѣ, и потому, собираясь къ ней, всякій разъ надѣвалъ свою новую триковую пару. И это ей не нравилось.

— А вы, сознайтесь, не вполнѣ еще освоились съ вашею новою ролью, — сказала она мнѣ однажды. — Рабочій костюмъ стѣсняетъ васъ, вамъ неловко въ немъ. Скажите, не отъ того ли это, что въ васъ нѣтъ увѣренности и что вы не удовлетворены? Самый родъ труда, который вы избрали, эта ваша малярія — неужели она удовлетворяетъ васъ? — спросила она, смѣясь. — Я знаю, окраска дѣлаетъ предметы красивѣе и прочнѣе, но вѣдь эти предметы принадлежатъ горожанамъ, богачамъ, и, въ концѣ концовъ, составляютъ роскошь. Къ тому же вы сами не разъ говорили, что каждый долженъ добывать себѣ хлѣбъ собственными руками, между тѣмъ вы добываете деньги, а не хлѣбъ. Почему бы не держаться буквальнаго смысла вашихъ словъ? Нужно добывать именно хлѣбъ, то-есть нужно пахать, сѣять, косить, молотить или дѣлать что-нибудь такое, что имѣетъ непосредственное отношеніе къ сельскому хозяйству, напримѣръ, пасти коровъ, копать землю, рубить избы...

Она открыла хорошенькій шкапъ, стоявшій около ея письменнаго стола, и сказала:

— Все это я вамъ къ тому говорю, что мнѣ хочется посвятить васъ въ свою тайну. Voilà! Это моя сельско-хозяйственная библіотека. Тутъ и поле, и огородъ, и садъ, и скотный дворъ, и пасѣка. Я читаю съ жадностью и уже изучила въ теоріи все до капельки. Моя мечта, моя сладкая грёза: какъ только наступитъ мартъ, уѣду въ нашу Дубечню. Дивно тамъ, изумительно! Не правда ли? Въ первый годъ я буду приглядываться къ дѣлу и привыкать, а на другой годъ уже сама стану работать по-настоящему, не щадя, какъ говорится, живота. Отецъ обѣщалъ подарить мнѣ Дубечню, и я буду дѣлать въ ней все, что захочу.

Раскраснѣвшись, волнуясь до слезъ и смѣясь, она мечтала вслухъ о томъ, какъ она будетъ жить въ Дубечнѣ, и какая это будетъ интересная жизнь. А я завидовалъ ей. Мартъ былъ уже близко, дни становились все больше и больше, и въ яркіе солнечные полдни капало съ крышъ и пахло весной; мнѣ самому хотѣлось въ деревню.

И когда она сказала, что переѣдетъ жить въ Дубечню, мнѣ живо представилось, какъ я останусь въ городѣ одинъ, и я почувствовалъ, что ревную ее къ шкапу съ книгами и къ сельскому хозяйству. Я не зналъ и не любилъ сельскаго хозяйства и хотѣлъ было сказать ей, что сельское хозяйство есть рабское занятіе, но вспомнилъ, что нѣчто подобное было уже не разъ говорено моимъ отцомъ, и промолчалъ.

Наступилъ Великій постъ. Пріѣхалъ изъ Петербурга инженеръ Викторъ Иванычъ, о существованіи котораго я уже сталъ забывать. Пріѣхалъ онъ неожиданно, не предупредивъ даже те-

леграммой. Когда я пришелъ, по обыкновенію, вечеромъ, онъ умытый, подстриженный, помолодѣвшій лѣтъ на десять, ходилъ по гостиной и что-то разсказывалъ; дочь его, стоя на колѣняхъ, вынимала изъ чемодановъ коробки, флаконы, книги и подавала все это лакею Павлу. Увидавъ инженера, я невольно сдѣлалъ шагъ назадъ, а онъ протянулъ ко мнѣ обѣ руки и сказалъ, улыбаясь, показывая свои бѣлые, крѣпкіе, ямщицкіе зубы:

— Вотъ и онъ, вотъ и онъ! Очень радъ видѣть васъ, господинъ маляръ! Маша все разсказала, она тутъ спѣла вамъ цѣлый панегирикъ. Вполнѣ васъ понимаю и одобряю! — продолжалъ онъ, беря меня подъ руку. — Быть порядочнымъ рабочимъ куда умнѣе и честнѣе, чѣмъ изводить казенную бумагу и носить на лбу кокарду. Я самъ работалъ въ Бельгіи, вотъ этими руками, потомъ ходилъ два года машинистомъ...

Онъ былъ въ короткомъ пиджакѣ и по-домашнему въ туфляхъ, ходилъ, какъ подагрикъ, слегка переваливаясь и потирая руки. Что-то напѣвая, онъ тихо мурлыкалъ и все пожимался отъ удовольствія, что, наконецъ вернулся домой и принялъ свой любимый душъ.

— Спора нѣтъ, — говорилъ онъ мнѣ за ужиномъ: — спора нѣтъ, всѣ вы милые, симпатичные люди, но почему-то, господа, какъ только вы беретесь за физическій трудъ или начинаете спасать мужика, то все это у васъ въ концѣ концовъ сводится къ сектантству. Развѣ вы не сектантъ? Вотъ вы не пьете водки. Что же это, какъ не сектантство?

Чтобы доставить ему удовольствіе, я выпилъ

водки. Выпилъ и вина. Мы пробовали сыры, колбасы, паштеты, пикули и всевозможныя закуски, которыя привезъ съ собою инженеръ, и вина, полученныя въ его отсутствіе изъ-за границы. Вина были превосходны. Почему-то вина и сигары инженеръ получалъ изъ-за границы безпошлинно; икру и балыки кто-то присылалъ ему даромъ, за квартиру онъ не платилъ, такъ какъ хозяинъ дома поставлялъ на линію керосинъ; и вообще на меня онъ и его дочь производили такое впечатлѣніе, будто все лучшее въ мірѣ было къ ихъ услугамъ и получалось ими совершенно даромъ.

Я продолжалъ бывать у нихъ, но уже не такъ охотно. Инженеръ стѣснялъ меня, и въ его присутствіи я чувствовалъ себя связаннымъ. Я не выносилъ его ясныхъ, невинныхъ глазъ, разсужденія его томили меня, были мнѣ противны; томило и воспоминаніе о томъ, что еще такъ недавно я былъ подчиненъ этому сытому, румяному человѣку, и что онъ былъ со мною немилосердно грубъ. Правда, онъ бралъ меня за талію, ласково хлопалъ по плечу, одобрялъ мою жизнь, но я чувствовалъ, что онъ попрежнему презираетъ мое ничтожество и терпитъ меня только въ угоду своей дочери; и я уже не могъ смѣяться и говорить, что хочу, и держался нелюдимомъ, и все ждалъ, что, того и гляди, онъ обзоветъ меня Пантелеемъ, какъ своего лакея Павла. Какъ возмущалась моя провинціальная, мѣщанская гордость! Я, пролетарій, маляръ, каждый день хожу къ людямъ богатымъ, чуждымъ мнѣ, на которыхъ весь городъ смотритъ, какъ на иностранцевъ, и каждый день пью у нихъ дорогія

вина и ѣмъ необыкновенное — съ этимъ не хотѣла мириться моя совѣсть! Идя къ нимъ, я угрюмо избѣгалъ встрѣчныхъ и глядѣлъ исподлобья, точно въ самомъ дѣлѣ былъ сектантомъ, а когда уходилъ отъ инженера домой, то стыдился своей сытости.

А главное, я боялся увлечься. Шелъ ли я по улицѣ, работалъ ли, говорилъ ли съ ребятами, я все время думалъ только о томъ, какъ вечеромъ пойду къ Маріи Викторовнѣ, и воображалъ себѣ ея голосъ, смѣхъ, походку. Собираясь къ ней, я всякій разъ долго стоялъ у няньки передъ кривымъ зеркаломъ, завязывая себѣ галстукъ, моя триковая пара казалась мнѣ отвратительною, и я страдалъ, и въ то же время презиралъ себя за то, что я такъ мелоченъ. Когда она кричала мнѣ изъ другой комнаты, что она не одѣта, и просила подождать, я слышалъ, какъ она одѣвалась; это волновало меня, я чувствовалъ, будто подо мною опускается полъ. А когда я видѣлъ на улицѣ, хотя бы издали, женскую фигуру, то непремѣнно сравнивалъ; мнѣ казалось тогда, что всѣ наши женщины и дѣвушки вульгарны, нелѣпо одѣты, не умѣютъ держать себя; и эти сравненія возбуждали во мнѣ чувство гордости: Марія Викторовна лучше всѣхъ! А по ночамъ я видѣлъ ее и себя во снѣ.

Какъ-то за ужиномъ мы вмѣстѣ съ инженеромъ съѣли цѣлаго омара. Возвращаясь потомъ домой, я вспомнилъ, что инженеръ за ужиномъ два раза сказалъ мнѣ «любезнѣйшій», и я разсудилъ, что въ этомъ домѣ ласкаютъ меня, какъ большого несчастнаго пса, отбившагося отъ своего хозяина, что мною забавляются и, когда я

надоѣмъ, меня прогонятъ, какъ пса. Мнѣ стало стыдно и больно, больно до слезъ, точно меня оскорбили, и я, глядя на небо, далъ клятву положить всему этому конецъ.

На другой день я не пошелъ къ Должиковымъ. Поздно вечеромъ, когда было совсѣмъ темно и лилъ дождь, я прошелся по Большой Дворянской, глядя на окна. У Ажогиныхъ уже спали, и только въ одномъ изъ крайныхъ оконъ свѣтился огонь; это у себя въ комнатѣ старуха Ажогина вышивала при трехъ свѣчахъ, воображая, что борется съ предразсудками. У нашихъ было темно, а въ домѣ напротивъ, у Должиковыхъ, окна свѣтились, но ничего нельзя было разглядѣть сквозь цвѣты и занавѣски. Я все ходилъ по улицѣ; холодный мартовскій дождь поливалъ меня. Я слышалъ, какъ мой отецъ вернулся изъ клуба; онъ постучалъ въ ворота, черезъ минуту въ окнѣ показался огонь, и я увидѣлъ сестру, которая шла торопливо съ лампой и на ходу одною рукой поправляла свои густые волосы. Потомъ отецъ ходилъ въ гостиной изъ угла въ уголъ и говорилъ о чемъ-то, потирая руки, а сестра сидѣла въ креслѣ неподвижно, о чемъ-то думая, не слушая его.

Но вотъ они ушли, огонь погасъ... Я оглянулся на домъ инженера — и тутъ уже было темно. Въ темнотѣ, подъ дождемъ, я почувствовалъ себя безнадежно одинокимъ, брошеннымъ на произволъ судьбы, почувствовалъ, какъ въ сравненіи съ этимъ моимъ одиночествомъ, въ сравненіи со страданіемъ, настоящимъ и съ тѣмъ, которое мнѣ еще предстояло въ жизни, мелки всѣ мои дѣла, желанія и все то, что я до сихъ

поръ думалъ, говорилъ. Увы, дѣла и мысли живыхъ существъ далеко не такъ значительны, какъ ихъ скорби! И не отдавая себѣ ясно отчета въ томъ, что я дѣлаю, я изо всей силы дернулъ за звонокъ у воротъ Должикова, порвалъ его и побѣжалъ по улицѣ, какъ мальчишка, испытывая страхъ и думая, что сейчасъ непремѣнно выйдутъ и узнаютъ меня. Когда я остановился въ концѣ улицы, чтобы перевести духъ, слышно было только, какъ шумѣлъ дождь, да какъ гдѣ-то далеко по чугунной доскѣ стучалъ сторожъ.

Я цѣлую недѣлю не ходилъ къ Должиковымъ. Триковая пара была продана. Малярной работы не было, я опять жилъ впроголодь, добывая себѣ по 10—20 копеекъ въ день, гдѣ придется, тяжелою непріятною работой. Болтаясь по колѣна въ холодной грязи, надсаживая грудь, я хотѣлъ заглушить воспоминанія и точно мстилъ себѣ за всѣ тѣ сыры и консервы, которыми меня угощали у инженера; но все же, едва я ложился въ постель, голодный и мокрый, какъ мое грѣшное воображеніе тотчасъ же начинало рисовать мнѣ чудныя, обольстительныя картины, и я съ изумленіемъ сознавался себѣ, что я люблю, страстно люблю, и засыпалъ крѣпко и здорово, чувствуя, что отъ этой каторжной жизни мое тѣло становится только сильнѣе и моложе.

Въ одинъ изъ вечеровъ некстати пошелъ снѣгъ и подуло съ сѣвера, точно опять наступала зима. Вернувшись съ работы въ этотъ вечеръ, я засталъ въ своей комнатѣ Марію Викторовну. Она сидѣла въ шубкѣ, держа обѣ руки въ муфтѣ.

— Отчего вы не бываете у меня? — спросила она, поднимая свои умные, ясные глаза, а я

сильно смутился отъ радости и стоялъ передъ ней на вытяжку, какъ передъ отцомъ, когда тотъ собирался бить меня; она смотрѣла мнѣ въ лицо и по глазамъ ея было видно, что она понимаетъ, почему я смущенъ.

— Отчего вы не бываете у меня? — повторила она. — Если вы не хотите бывать, то вотъ я сама пришла.

Она встала и близко подошла ко мнѣ.

— Не покидайте меня, — сказала она, и глаза ея наполнились слезами. — Я одна, я совершенно одна.

Она заплакала и проговорила, закрывая лицо муфтой:

— Одна! Мнѣ тяжело жить, очень тяжело, и на всемъ свѣтѣ нѣтъ у меня никого, кромѣ васъ. Не покидайте меня!

Ища платка, чтобы утереть слезы, она улыбнулась; мы молчали нѣкоторое время, потомъ я обнялъ ее и поцѣловалъ, при этомъ оцарапалъ себѣ щеку до крови булавкой, которою была приколота ея шапка.

И мы стали говорить такъ, какъ будто были близки другъ другу уже давно-давно...

X

Дня черезъ два она послала меня въ Дубечню, и я былъ несказанно радъ этому. Когда я шелъ на вокзалъ и потомъ сидѣлъ въ вагонѣ, то смѣялся безъ причины, и на меня смотрѣли, какъ на пьянаго. Шелъ снѣгъ и былъ морозъ по утрамъ, но дороги уже потемнѣли, и надъ ними, каркая, носились грачи.

Сначала я предполагалъ устроить помѣщеніе для насъ обоихъ, для меня и Маши, въ боковомъ флигелѣ, противъ флигеля госпожи Чепраковой, но въ немъ, какъ оказалось, издавна жили голуби и утки и очистить его было невозможно безъ того, чтобы не разрушить множества гнѣздъ. Пришлось волей-неволей отправляться въ неуютныя комнаты большого дома съ жалюзи. Мужики называли этотъ домъ палатами; въ немъ было больше двадцати комнатъ, а мебели только одно фортепіано да дѣтское креслице, лежавшее на чердакѣ, и если бы Маша привезла изъ города всю свою мебель, то и тогда все-таки намъ не удалось бы устранить этого впечатлѣнія угрюмой пустоты и холода. Я выбралъ три небольшихъ комнаты съ окнами въ садъ и съ ранняго утра до ночи убиралъ ихъ, вставляя новыя стекла, оклеивая обоями, задѣлывая въ полу щели и дыры. Это былъ легкій, пріятный трудъ. То-и-дѣло я бѣгалъ къ рѣкѣ взглянуть, не идетъ ли ледъ; все мнѣ чудилось, что прилетѣли скворцы. А ночью, думая о Машѣ, я съ невыразимо сладкимъ чувствомъ, съ захватывающею радостью прислушивался къ тому, какъ шумѣли крысы и какъ надъ потолкомъ гудѣлъ и стучалъ вѣтеръ; казалось, что на чердакѣ кашлялъ старый домовой.

Снѣгъ былъ глубокій; его много еще подвалило въ концѣ марта, но онъ растаялъ быстро, какъ по волшебству, вешнія воды прошли буйно, такъ что въ началѣ апрѣля уже шумѣли скворцы и летали въ саду желтыя бабочки. Была чудесная погода. Я каждый день передъ вечеромъ ходилъ къ городу встрѣчать Машу, и что это было за наслажденіе ступать босыми ногами по

просыхающей, еще мягкой дорогѣ! На полпути я садился и смотрѣлъ на городъ, не рѣшаясь подойти къ нему близко. Видъ его смущалъ меня. Я все думалъ: какъ отнесутся ко мнѣ мои знакомые, узнавъ о моей любви? Что скажетъ отецъ? Особенно же смущала меня мысль, что жизнь моя осложнилась, и что я совсѣмъ потерялъ способность управлять ею, и она, точно воздушный шаръ, уносила меня Богъ знаетъ куда. Я уже не думалъ о томъ, какъ мнѣ добыть себѣ пропитаніе, какъ жить, а думалъ — право, не помню о чемъ.

Маша пріѣзжала въ коляскѣ; я садился къ ней, и мы ѣхали вмѣстѣ въ Дубечню, веселые, свободные. Или, дождавшись захода солнца, я возвращался домой недовольный, скучный, недоумѣвая, отчего не пріѣхала Маша, а у воротъ усадьбы или въ саду меня встрѣчало неожиданно милое привидѣніе — она! Оказывалось, что она пріѣхала по желѣзной дорогѣ и со станціи пришла пѣшкомъ. Какое это было торжество! Въ простенькомъ шерстяномъ платьѣ, въ косыночкѣ, со скромнымъ зонтикомъ, но затянутая, стройная, въ дорогихъ заграничныхъ ботинкахъ — это была таланливая актриса, игравшая мѣщаночку. Мы осматривали наше хозяйство и рѣшали, гдѣ будетъ чья комната, гдѣ у насъ будутъ аллеи, огородъ, пасѣка. У насъ уже были куры, утки и гуси, которыхъ мы любили за то, что они были наши. У насъ уже были приготовлены для посѣва овесъ, клеверъ, тимошка, греча и огородныя сѣмена, и мы всякій разъ осматривали все это и обсуждали подолгу, какой можетъ быть урожай, и все, что говорила мнѣ Маша, казалось мнѣ

необыкновенно умнымъ и прекраснымъ. Это было самое счастливое время моей жизни.

Вскорѣ послѣ Ѳоминой недѣли мы вѣнчались въ нашей приходской церкви, въ селѣ Куриловкѣ, въ трехъ верстахъ отъ Дубечни. Маша хотѣла, чтобы все устроилось скромно; по ея желанію, шаферами у насъ были крестьянскіе парни, пѣлъ одинъ дьячокъ, и возвращались мы изъ церкви на небольшомъ тряскомъ тарантасѣ, и она сама правила. Изъ городскихъ гостей у насъ была только моя сестра Клеопатра, которой дня за три до свадьбы Маша послала записку. Сестра была въ бѣломъ платьѣ и въ перчаткахъ. Во время вѣнчанія она тихо плакала отъ умиленія и радости, выраженіе лица у нея было материнское, безконечно доброе. Она опьянѣла отъ нашего счастья и улыбалась, будто вдыхала въ себя сладкій чадъ, и, глядя на нее во время нашего вѣнчанія, я понялъ, что для нея на свѣтѣ нѣтъ ничего выше любви, земной любви, и что она мечтаетъ о ней тайно, робко, но постоянно и страстно. Она обнимала и цѣловала Машу и, не зная, какъ выразить свой восторгъ, говорила ей про меня:

— Онъ добрый! Онъ очень добрый!

Передъ тѣмъ, какъ уѣхать отъ насъ, она переодѣлась въ свое обыкновенное платье и повела меня въ садъ, чтобы поговорить со мною наединѣ.

— Отецъ очень огорченъ, что ты ничего не написалъ ему, — сказала она: — нужно было попросить у него благословенія. Но, въ сущности, онъ очень доволенъ. Онъ говоритъ, что эта женитьба подниметъ тебя въ глазахъ всего

общества, и что подъ вліяніемъ Маріи Викторовны ты станешь серьезнѣе относиться къ жизни. Мы по вечерамъ теперь говоримъ только о тебѣ, и вчера онъ даже выразился такъ: «нашъ Мисаилъ». Это меня порадовало. Повидимому, онъ что-то задумалъ, и мнѣ кажется, онъ хочетъ показать тебѣ примѣръ великодушія и первый заговоритъ о примиреніи. Очень возможно, что на-дняхъ онъ пріѣдетъ сюда къ вамъ.

Она нѣсколько разъ торопливо перекрестила меня и сказала:

— Ну, Богъ съ тобою, будь счастливъ. Анюта Благово очень умная дѣвушка, она говоритъ про твою женитьбу, что это Богъ посылаетъ тебѣ новое испытаніе. Что жъ? Въ семейной жизни не однѣ радости, но и страданія. Безъ этого нельзя.

Провожая ее, я и Маша прошли пѣшкомъ версты три; потомъ, возвращаясь, мы шли тихо и молча, точно отдыхали. Маша держала меня за руку, на душѣ было легко и уже не хотѣлось говорить о любви; послѣ вѣнчанія мы стали другъ другу еще ближе и роднѣй, и намъ казалось, что уже ничто не можетъ разлучить насъ.

— Твоя сестра — симпатичное существо, — сказала Маша: — но похоже, будто ее долго мучили. Должно быть, твой отецъ ужасный человѣкъ.

Я сталъ разсказывать ей какъ воспитывали меня и сестру, и какъ, въ самомъ дѣлѣ, было мучительно и безтолково наше дѣтство. Узнавъ, что еще такъ недавно меня билъ отецъ, она вздрогнула и прижалась ко мнѣ.

— Не разсказывай больше, — проговорила она. — Это страшно.

Теперь уже она не разставалась со мною. Мы жили въ большомъ домѣ, въ трехъ комнатахъ, и по вечерамъ крѣпко запирали дверь, которая вела въ пустую часть дома, точно тамъ жилъ кто-то, кого мы не знали и боялись. Я вставалъ рано, съ разсвѣтомъ, и тотчасъ же принимался за какую-нибудь работу. Я починялъ телѣги, проводилъ въ саду дорожки, копалъ гряды, красилъ крышу на домѣ. Когда пришло время сѣять овесъ, я пробовалъ двоить, скородить, сѣять, и дѣлалъ все это добросовѣстно, не отставая отъ работника; я утомлялся, отъ дождя и отъ рѣзкаго холоднаго вѣтра у меня подолгу горѣли лицо и ноги, по ночамъ снилась мнѣ вспаханная земля. Но полевыя работы не привлекали меня. Я не зналъ сельскаго хозяйства и не любилъ его; это, быть можетъ, оттого, что предки мои не были земледѣльцами и въ жилахъ моихъ текла чисто городская кровь. Природу я любилъ нѣжно, любилъ и поле, и луга, и огороды, но мужикъ, поднимающій сохою землю, понукающій свою жалкую лошадь, оборванный, мокрый, съ вытянутою шеей, былъ для меня выраженіемъ грубой, дикой, некрасивой силы, и, глядя на его неуклюжія движенія, я всякій разъ невольно начиналъ думать о давно прошедшей, легендарной жизни, когда люди не знали еще употребленія огня. Суровый быкъ, ходившій съ крестьянскимъ стадомъ, и лошади, когда онѣ, стуча копытами, носились по деревнѣ, наводили на меня страхъ, и все мало-мальски крупное, сильное и сердитое, былъ ли то баранъ съ рогами, гусакъ или цѣпная со-

бака, представлялось мнѣ выраженіемъ все той же грубой, дикой силы. Это предубѣжденіе особенно сильно говорило во мнѣ въ дурную погоду, когда надъ чернымъ вспаханнымъ полемъ нависали тяжелыя облака. Главное же, когда я пахалъ или сѣялъ, а двое-трое стояли и смотрѣли, какъ я это дѣлаю, то у меня не было сознанія неизбѣжности и обязательности этого труда, и мнѣ казалось, что я забавляюсь. И я предпочиталъ дѣлать что-нибудь во дворѣ, и ничто мнѣ такъ не нравилось, какъ красить крышу.

Я ходилъ черезъ садъ и черезъ лугъ на нашу мельницу. Ее арендовалъ Степанъ, куриловскій мужикъ, красивый, смуглый, съ густою черною бородой, на видъ — силачъ. Мельничнаго дѣла онъ не любилъ и считалъ его скучнымъ и невыгоднымъ, а жилъ на мельницѣ только для того, чтобы не жить дома. Онъ былъ шорникъ, и около него всегда пріятно пахло смолой и кожей. Разговаривать онъ не любилъ, былъ вялъ, неподвиженъ и все напѣвалъ «у-лю-лю-лю», сидя на берегу или на порогѣ. Къ нему приходили иногда изъ Куриловки его жена и теща, обѣ бѣлолицыя, томныя, кроткія; онѣ низко кланялись ему и называли его «вы, Степанъ Петровичъ». А онъ, не отвѣтивъ на ихъ поклонъ ни движеніемъ, ни словомъ, садился въ сторонѣ на берегу и напѣвалъ тихо: «у-лю-лю-лю». Проходилъ въ молчаніи часъ-другой. Теща и жена, пошептавшись, вставали и нѣкоторое время глядѣли на него, ожидая, что онъ оглянется, потомъ низко кланялись и говорили сладкими, пѣвучими голосами:

— Прощайте, Степанъ Петровичъ!

И уходили. Послѣ того, убирая оставленный ими узелъ съ баранками или рубаху, Степанъ вздыхалъ и говорилъ, мигнувъ въ ихъ сторону:

— Женскій полъ!

Мельница въ два постава работала днемъ и ночью. Я помогалъ Степану, это мнѣ нравилось, и когда онъ уходилъ куда-нибудь, я охотно оставался вмѣсто него.

XI

Послѣ теплой, ясной погоды наступила распутица; весь май шли дожди, было холодно. Шумъ мельничныхъ колесъ и дождя располагалъ къ лѣни и ко сну. Дрожалъ полъ, пахло мукой и это тоже нагоняло дремоту. Жена въ короткомъ полушубкѣ, въ высокихъ, мужскихъ калошахъ, показывалась раза два въ день и говорила всегда одно и то же:

— И это называется лѣтомъ! Хуже, чѣмъ въ октябрѣ!

Вмѣстѣ мы пили чай, варили кашу, или по цѣлымъ часамъ сидѣли молча, ожидая, не утихнетъ ли дождь. Разъ, когда Степанъ ушелъ куда-то на ярмарку, Маша пробыла на мельницѣ всю ночь. Когда мы встали, то нельзя было понять, который часъ, такъ какъ дождевыя облака заволокли все небо; только пѣли сонные пѣтухи въ Дубечнѣ и кричали дергачи на лугу; было еще очень, очень рано... Мы съ женой спустились къ плесу и вытащили вершу, которую наканунѣ при насъ забросилъ Степанъ. Въ ней бился одинъ большой окунь и, задирая вверхъ клешню, топорщился ракъ.

— Выпусти ихъ, — сказала Маша. — Пусть и они будутъ счастливы.

Оттого, что мы встали очень рано и потомъ ничего не дѣлали, этотъ день казался очень длиннымъ, самымъ длиннымъ въ моей жизни. Передъ вечеромъ вернулся Степанъ, и я пошелъ домой, въ усадьбу.

— Сегодня пріѣзжалъ твой отецъ, — сказала Маша.

— Гдѣ же онъ? — спросилъ я.

— Уѣхалъ. Я его не приняла.

Видя, что я стою и молчу, что мнѣ жаль моего отца, она сказала:

— Надо быть послѣдовательнымъ. Я не приняла и велѣла передать ему, чтобы онъ уже больше не безпокоился и не пріѣзжалъ къ намъ.

Черезъ минуту я уже былъ за воротами и шелъ въ городъ, чтобы объясниться съ отцомъ. Было грязно, скользко, холодно. Въ первый разъ послѣ свадьбы мнѣ стало вдругъ грустно, и въ мозгу моемъ, утомленномъ этимъ длиннымъ сѣрымъ днемъ, промелькнула мысль, что, быть можетъ, я живу не такъ, какъ надо. Я утомился, мало-по-малу мною овладѣли слабодушіе, лѣнь, не хотѣлось двигаться, соображать, и, пройдя немного, я махнулъ рукой и вернулся назадъ.

Среди двора стоялъ инженеръ въ кожаномъ пальто съ капюшономъ и говорилъ громко:

— Гдѣ мебель? Была прекрасная мебель въ стилѣ empire, были картины, были вазы, а теперь хоть шаромъ покати! Я покупалъ имѣніе съ мебелью, чортъ бы ее дралъ!

Около него стоялъ и мялъ въ рукахъ свою шапку генеральшинъ работникъ Моисей, парень

лѣтъ 25-ти, худой, рябоватый, съ маленькими наглыми глазами; одна щека у него была больше другой, точно онъ отлежалъ ее.

— Вы, ваше высокоблагородіе, изволили покупать безъ мебели, — нерѣшительно проговорилъ онъ. — Я помню-съ.

— Замолчать! — крикнулъ инженеръ, побагровѣлъ, затрясся, и эхо въ саду громко повторило его крикъ.

XII

Когда я дѣлалъ что-нибудь въ саду или на дворѣ, то Моисей стоялъ возлѣ и, заложивъ руки назадъ, лѣниво и нагло глядѣлъ на меня своими маленькими глазками. И это до такой степени раздражало меня, что я бросалъ работу и уходилъ.

Отъ Степана мы узнали, что этотъ Моисей былъ любовникомъ у генеральши. Я замѣтилъ, что когда къ ней приходили за деньгами, то сначала обращались къ Моисею, и разъ я видѣлъ, какъ какой-то мужикъ, весь черный, должно быть, угольщикъ, кланялся ему въ ноги; иногда, пошептавшись, онъ выдавалъ деньги самъ, не докладывая баринѣ, изъ чего я заключилъ, что при случаѣ онъ оперировалъ самостоятельно, за свой счетъ.

Онъ стрѣлялъ у насъ въ саду подъ окнами, таскалъ изъ нашего погреба съѣстное, бралъ, не спросясь, лошадей, а мы возмущались, переставали вѣрить, что Дубечня наша, и Маша говорила блѣднѣя:

— Неужели мы должны жить съ этими гадами еще полтора года?

Сынъ генеральши, Иванъ Чепраковъ, служилъ кондукторомъ на нашей дорогѣ. За зиму онъ сильно похудѣлъ и ослабѣлъ, такъ что уже пьянѣлъ съ одной рюмки и зябнулъ въ тѣни. Кондукторское платье онъ носилъ съ отвращеніемъ и стыдился его, но свое мѣсто считалъ выгоднымъ, такъ какъ могъ красть свѣчи и продавать ихъ. Мое новое положеніе возбуждало въ немъ смѣшанное чувство удивленія, зависти и смутной надежды, что и съ нимъ можетъ случиться что-нибудь подобное. Онъ провожалъ Машу восхищенными глазами, спрашивалъ, что я теперь ѣмъ за обѣдомъ, и на его тощемъ, некрасивомъ лицѣ появлялось грустное и сладкое выраженіе, и онъ шевелилъ пальцами, точно осязалъ мое счастье.

— Послушай, маленькая польза, — говорилъ онъ суетливо, каждую минуту закуривая; тамъ, гдѣ онъ стоялъ, было всегда насорено, такъ какъ на одну папиросу онъ тратилъ десятки спичекъ. — Послушай, жизнь у меня теперь подлѣйшая. Главное, всякій прапорщикъ можетъ кричать: «ты, кондукторъ! ты!» Понаслушался я, братъ, въ вагонахъ всякой всячины и, знаешь, понялъ: скверная жизнь! Погубила меня мать! Мнѣ въ вагонѣ одинъ докторъ сказалъ: если родители развратные, то дѣти у нихъ выходятъ пьяницы или преступники. Вотъ оно что!

Разъ онъ пришелъ во дворъ, шатаясь. Глаза у него безсмысленно блуждали, дыханіе было тяжелое; онъ смѣялся, плакалъ и говорилъ что-то, какъ въ горячечномъ бреду, и въ его спутан-

ной рѣчи были понятны для меня только слова: «Моя мать! Гдѣ моя мать?», которыя произносилъ онъ съ плачемъ, какъ ребенокъ, потерявшій въ толпѣ свою мать. Я увелъ его къ себѣ въ садъ и уложилъ тамъ подъ деревомъ, и потомъ весь день и всю ночь я и Маша поочереди сидѣли возлѣ него. Ему было не хорошо, а Маша съ омерзѣніемъ глядѣла въ его блѣдное, мокрое лицо и говорила:

— Неужели эти гады проживутъ въ нашемъ дворѣ еще полтора года? Это ужасно! Это ужасно!

А сколько огорченій причиняли намъ крестьяне! Сколько тяжелыхъ разочарованій на первыхъ же порахъ, въ весенніе мѣсяцы, когда такъ хотѣлось быть счастливымъ! Моя жена строила школу. Я начертилъ планъ школы на шестьдесятъ мальчиковъ, и земская управа одобрила его, но посовѣтовала строить школу въ Куриловкѣ, въ большомъ селѣ, которое было всего въ трехъ верстахъ отъ насъ; кстати же куриловская школа, въ которой учились дѣти изъ четырехъ деревень, въ томъ числѣ изъ нашей Дубечни, была стара и тѣсна, и по гнилому полу уже ходили съ опаской. Въ концѣ марта Машу, по ея желанію, назначили попечительницей куриловской школы, а въ началѣ апрѣля мы три раза собирали сходъ и убѣждали крестьянъ, что ихъ школа тѣсна и стара, и что необходимо строить новую. Пріѣзжали членъ земской управы и инспекторъ народныхъ училищъ и тоже убѣждали. Послѣ каждаго схода, насъ окружали и просили на ведро водки; намъ было жарко въ толпѣ, мы скоро утомлялись и возвращались домой недо-

вольные и немного сконфуженные. Въ концѣ концовъ, мужики отвели подъ школу землю и обязались доставить изъ города на своихъ лошадяхъ весь строительный матеріалъ. И какъ только управились съ яровыми, въ первое же воскресенье изъ Куриловки и Дубечни пошли подводы за кирпичомъ для фундамента. Выѣхали чуть свѣтъ на зарѣ, а возвратились поздно вечеромъ; мужики были пьяны и говорили, что замучились.

Какъ нарочно, дожди и холодъ продолжались весь май. Дорога испортилась, стало грязно. Подводы, возвращаясь изъ города, заѣзжали обыкновенно къ намъ во дворъ — и какой это былъ ужасъ! Вотъ въ воротахъ показывается лошадь, разставивъ переднія ноги, пузатая; она, прежде чѣмъ въѣхать во дворъ, кланяется; вползаетъ на роспускахъ двѣнадцати-аршинное бревно, мокрое, осклизлое на видъ; возлѣ него, запахнувшись отъ дождя, не глядя подъ ноги, не обходя лужъ, шагаетъ мужикъ съ полой, заткнутою за поясъ. Показывается другая подвода — съ тёсомъ, потомъ третья — съ бревномъ, четвертая... и мѣсто передъ домомъ мало-по-малу запруживается лошадьми, бревнами, досками. Мужики и бабы съ окутанными головами и съ подтыканными платьями, озлобленно глядя на наши окна, шумятъ, требуютъ, чтобы къ нимъ вышла барыня; слышны грубыя ругательства. А въ сторонѣ стоитъ Моисей, и намъ кажется, что онъ наслаждается нашимъ позоромъ.

— Не станемъ больше возить! — кричатъ мужики. — Замучились! Пошла бы сама и возила!

Маша, блѣдная, оторопѣвъ, думая, что сейчасъ къ ней ворвутся въ домъ, высылаетъ на полведра; послѣ этого шумъ стихаетъ, и длинныя бревна одно за другимъ ползутъ обратно со двора.

Когда я собирался на постройку, жена волновалась и говорила:

— Мужики злятся. Какъ бы они тебѣ не сдѣлали чего-нибудь. Нѣтъ, погоди, и я съ тобой поѣду.

Мы уѣзжали въ Куриловку вмѣстѣ, и тамъ плотники просили у насъ на чай. Срубъ уже былъ готовъ, пора уже было класть фундаментъ, но не приходили каменщики; происходила задержка, и плотники роптали. А когда наконецъ пришли каменщики, то оказалось, что нѣтъ песку: какъ-то упустили изъ виду, что онъ нуженъ. Пользуясь нашимъ безвыходнымъ положеніемъ, мужики запросили по тридцати копеекъ за возъ, хотя отъ постройки до рѣки, гдѣ брали песокъ, не было и четверти версты, а всѣхъ возовъ понадобилось болѣе пятисотъ. Конца не было недоразумѣніямъ, брани и попрошайству, жена возмущалась, а подрядчикъ-каменщикъ, Титъ Петровъ, семидесятилѣтній старикъ, бралъ ее за руку и говорилъ:

— Гляди ты сюда! Гляди ты сюда! Привези ты мнѣ только песку, пригоню тебѣ сразу десять человѣкъ, и въ два дня будетъ готово! Гляди ты сюда!

Но привезли песокъ, прошло и два, и четыре дня, и недѣля, а на мѣстѣ будущаго фундамента все еще зіяла канава.

— Этакъ съ ума сойдешь! — волновалась жена. — Что за народъ! Что за народъ!

Во время этихъ неурядицъ къ намъ пріѣзжалъ инженеръ Викторъ Иванычъ. Онъ привозилъ съ собою кульки съ винами и закусками, долго ѣлъ, и потомъ ложился спать на террасѣ и храпѣлъ, такъ что работники покачивали головами и говорили:

— Одначе!

Маша бывала не рада его пріѣзду, не вѣрила ему и въ то же время совѣтовалась съ нимъ; когда онъ, выспавшись послѣ обѣда и вставши не въ духѣ, дурно отзывался о нашемъ хозяйствѣ или выражалъ сожалѣніе, что купилъ Дубечню, которая принесла ему уже столько убытковъ, то на лицѣ у бѣдной Маши выражалась тоска; она жаловалась ему, онъ зѣвалъ и говорилъ, что мужиковъ надо драть.

Нашу женитьбу и нашу жизнь онъ называлъ комедіей, говорилъ, что это капризъ, баловство.

— Съ нею уже бывало нѣчто подобное, — разсказывалъ онъ мнѣ про Машу. — Она разъ вообразила себя оперною пѣвицей и ушла отъ меня; я искалъ ее два мѣсяца и, любезнѣйшій, на однѣ телеграммы истратилъ тысячу рублей.

Онъ уже не называлъ меня ни сектантомъ, ни господиномъ маляромъ, и не относился съ одобреніемъ къ моей рабочей жизни, какъ раньше, а говорилъ:

— Вы — странный человѣкъ! Вы — ненормальный человѣкъ! Не смѣю предсказывать, но вы дурно кончите-съ!

А Маша плохо спала по ночамъ и все думала о чемъ-то, сидя у окна нашей спальни. Не было

уже смѣха за ужиномъ, ни милыхъ гримасъ. Я страдалъ, и когда шелъ дождь, то каждая капля его врѣзывалась въ мое сердце, какъ дробь, и я готовъ былъ пасть передъ Машей на колѣни и извиняться за погоду. Когда во дворѣ шумѣли мужики, то я тоже чувствовалъ себя виноватымъ. По цѣлымъ часамъ я просиживалъ на одномъ мѣстѣ, думая только о томъ, какой великолѣпный человѣкъ Маша, какой это чудесный человѣкъ. Я страстно любилъ ее, и меня восхищало все, что она дѣлала, все, что говорила. У нея была склонность къ тихимъ кабинетнымъ занятіямъ, она любила читать подолгу, изучать что-нибудь; она, знавшая хозяйство только по книгамъ, удивляла всѣхъ насъ своими познаніями, и совѣты, какіе она давала, всѣ пригодились, и ни одинъ изъ нихъ не пропалъ въ хозяйствѣ даромъ. И при всемъ томъ, сколько благородства, вкуса и благодушія, того самаго благодушія, какое бываетъ только у прекрасно воспитанныхъ людей!

Для этой женщины со здоровымъ, положительнымъ умомъ безпорядочная обстановка съ мелкими заботами и дрязгами, въ которой мы теперь жили, была мучительна; я это видѣлъ и самъ не могъ спать по ночамъ, голова моя работала и слезы подступали къ горлу. Я метался, не зная, что дѣлать.

Я скакалъ въ городъ и привозилъ Машѣ книги, газеты, конфекты, цвѣты, я вмѣстѣ со Степаномъ ловилъ рыбу, по цѣлымъ часамъ бродя по шею въ холодной водѣ подъ дождемъ, чтобы поймать налима и разнообразить нашъ столъ; я униженно просилъ мужиковъ не шумѣть, поилъ

ихъ водкой, подкупалъ, давалъ имъ разныя обѣщанія. И сколько я еще дѣлалъ глупостей!

Дожди, наконецъ, перестали, земля высохла. Встанешь утромъ, часа въ четыре, выйдешь въ садъ, — роса блеститъ на цвѣтахъ, шумятъ птицы и насѣкомыя, на небѣ ни одного облачка; и садъ, и лугъ, и рѣка такъ прекрасны, но воспоминанія о мужикахъ, о подводахъ, объ инженерѣ! Я и Маша вмѣстѣ уѣзжали на бѣговыхъ дрожкахъ въ поле, взглянуть на овесъ. Она правила, я сидѣлъ сзади; плечи у нея были приподняты и вѣтеръ игралъ ея волосами.

— Права держи! — кричала она встрѣчнымъ.

— Ты похожа на ямщика, — сказалъ я ей какъ-то.

— А можетъ быть! Вѣдь мой дѣдъ, отецъ инженера, былъ ямщикъ. Ты не зналъ этого? — спросила она, обернувшись ко мнѣ, и тотчасъ же представила, какъ кричатъ и какъ поютъ ямщики.

«И слава Богу! — думалъ я, слушая ее. — Слава Богу!»

И опять воспоминанія о мужикахъ, о подводахъ, объ инженерѣ...

XIII

Пріѣхалъ на велосипедѣ докторъ Благово. Стала часто бывать сестра. Опять разговоры о физическомъ трудѣ, о прогрессѣ, о таинственномъ иксѣ, ожидающемъ человѣчество въ отдаленномъ будущемъ. Докторъ не любилъ нашего хозяйства, потому что оно мѣшало намъ

спорить, и говорилъ, что пахать, косить, пасти телятъ недостойно свободнаго человѣка, и что всѣ эти грубые виды борьбы за существованіе люди со временемъ возложатъ на животныхъ и на машины, а сами будутъ заниматься исключительно научными изслѣдованіями. А сестра все просила отпустить ее пораньше домой, и если оставалась до поздняго вечера или ночевать, то волненіямъ не было конца.

— Боже мой, какой вы еще ребенокъ! — говорила съ упрекомъ Маша. — Это даже смѣшно, наконецъ.

— Да, смѣшно, — соглашалась сестра: — я сознаю, что это смѣшно; но что дѣлать, если я не въ силахъ побороть себя? Мнѣ все кажется, что я поступаю дурно.

Во время сѣнокоса у меня съ непривычки болѣло все тѣло; сидя вечеромъ на террасѣ со своими и разговаривая, я вдругъ засыпалъ, и надо мною громко смѣялись. Меня будили и усаживали за столъ ужинать, меня одолѣвала дремота, и я, какъ въ забытьи, видѣлъ огни, лица, тарелки, слышалъ голоса и не понималъ ихъ. А вставши рано утромъ, тотчасъ же брался за косу или уходилъ на постройку и работалъ весь день.

Оставаясь въ праздники дома, я замѣчалъ, что жена и сестра скрываютъ отъ меня что-то и даже какъ будто избѣгаютъ меня. Жена была нѣжна со мною попрежнему, но были у нея какія-то свои мысли, которыхъ она не сообщала мнѣ. Было несомнѣнно, что раздраженіе ея противъ крестьянъ росло, жизнь для нея становилась все тяжелѣе, а между тѣмъ она уже не жаловалась мнѣ. Съ докторомъ теперь она гово-

рила охотнѣе, чѣмъ со мною, и я не понималъ, отчего это такъ.

Въ нашей губерніи былъ обычай: во время сѣнокоса и уборки хлѣба по вечерамъ на барскій дворъ приходили рабочіе и ихъ угощали водкой, даже молодыя дѣвушки выпивали по стакану. Мы не держались этого; косари и бабы стояли у насъ на дворѣ до поздняго вечера, ожидая водки, и потомъ уходили съ бранью. А Маша въ это время сурово хмурилась и молчала, или же говорила доктору съ раздраженіемъ, вполголоса:

— Дикари! Печенѣги!

Въ деревнѣ новичковъ встрѣчаютъ непривѣтливо, почти враждебно, какъ въ школѣ. Такъ встрѣтили и насъ. Въ первое время на насъ смотрѣли, какъ на людей глупыхъ и простоватыхъ, которые купили себѣ имѣніе только потому, что некуда дѣвать денегъ. Надъ нами смѣялись. Въ нашемъ лѣсу и даже въ саду мужики пасли свой скотъ, угоняли къ себѣ въ деревню нашихъ коровъ и лошадей и потомъ приходили требовать за потраву. Приходили цѣлыми обществами къ намъ во дворъ и шумно заявляли, будто мы, когда косили, захватили край какой-нибудь не принадлежащей намъ Бышеевки или Семенихи; а такъ какъ мы еще не знали точно границъ нашей земли, то вѣрили наслово и платили штрафъ; потомъ же оказывалось, что косили мы правильно. Въ нашемъ лѣсу драли липки. Одинъ дубеченскій мужикъ, кулакъ, торговавшій водкой безъ патента, подкупалъ нашихъ работниковъ и вмѣстѣ съ ними обманывалъ насъ самымъ предательскимъ образомъ: новыя

колеса на телѣгахъ замѣнялъ старыми, бралъ наши пахотные хомуты и продавалъ ихъ намъ же и т. п. Но обиднѣе всего было то, что происходило въ Куриловкѣ на постройкѣ; тамъ бабы по ночамъ крали тесъ, кирпичъ, изразцы, желѣзо; староста съ понятыми дѣлалъ у нихъ обыскъ, сходъ штрафовалъ каждую на два рубля, и потомъ эти штрафныя деньги пропивались всѣмъ міромъ.

Когда Маша узнавала объ этомъ, то съ негодованіемъ говорила доктору или моей сестрѣ:

— Какія животныя! Это ужасъ! ужасъ!

И я слышалъ не разъ, какъ она выражала сожалѣніе, что затѣяла строить школу.

— Поймите, — убѣждалъ ее докторъ: — поймите, что если вы строите эту школу и вообще дѣлаете добро, то не для мужиковъ, а во имя культуры, во имя будущаго. И чѣмъ эти мужики хуже, тѣмъ больше поводовъ строить школу. Поймите!

Въ голосѣ его, однако, слышалась неувѣренность, и мнѣ казалось, что онъ вмѣстѣ съ Машей ненавидѣлъ мужиковъ.

Маша часто уходила на мельницу и брала съ собою сестру, и обѣ, смѣясь, говорили, что онѣ идутъ посмотрѣть на Степана, какой онъ красивый. Степанъ, какъ оказалось, былъ медлителенъ и не разговорчивъ только съ мужчинами, въ женскомъ же обществѣ держалъ себя развязно и говорилъ безъ-умолку. Разъ, придя на рѣку купаться, я невольно подслушалъ разговоръ. Маша и Клеопатра, обѣ въ бѣлыхъ платьяхъ, сидѣли на берегу подъ ивой, въ широкой

тѣни, а Степанъ стоялъ возлѣ, заложивъ руки назадъ, и говорилъ:

— Нешто мужики — люди? Не люди, а, извините, звѣрье, шарлатаны. Какая у мужика жизнь? Только ѣсть да пить, харчи бы подешевле, да въ трактирѣ горло драть безъ ума; и ни тебѣ разговоровъ хорошихъ, ни обращенія, ни формальности, а такъ — невѣжа! И самъ въ грязи, и жена въ грязи, и дѣти въ грязи, въ чемъ былъ, въ томъ и легъ, картошку изъ щей тащитъ прямо пальцами, квасъ пьетъ съ таракономъ, — хоть бы подулъ!

— Бѣдность вѣдь! — вступилась сестра.

— Какая бѣдность! Оно точно, нужда, да вѣдь нужда нуждѣ рознь, сударыня. Вотъ ежели человѣкъ въ острогѣ сидитъ, или скажемъ, слѣпой, или безъ ногъ, то это, дѣйствительно, не дай Богъ никому, а ежели онъ на волѣ, при своемъ умѣ, глаза и руки у него есть, сила есть, Богъ есть, то чего ему еще? Баловство, сударыня, невѣжество, а не бѣдность. Ежели вотъ вы, положимъ, хорошіе господа, по образованію вашему, изъ милости пожелаете оказать ему способіе, то онъ ваши деньги пропьетъ по своей подлости, или, того хуже, самъ откроетъ питейное заведеніе и на ваши деньги начнетъ народъ грабить. Вы изволите говорить — бѣдность. А развѣ богатый мужикъ живетъ лучше? Тоже, извините, какъ свинья. Грубіянъ, горланъ, дубина, идетъ поперекъ себя толще, морда пухлая, красная — такъ бы, кажется, размахнулся и ляпнулъ его, подлеца. Вотъ Ларіонъ дубеченскій тоже богатый, а, небось, лубки въ вашемъ лѣсу деретъ не хуже бѣднаго; и самъ ругатель,

и дѣти ругатели, а какъ выпьетъ лишнее, чкнется носомъ въ лужу и спитъ. Всѣ они, сударыня, не стоющіе. Поживешь съ ними въ деревнѣ, такъ словно въ аду. Навязла она у меня въ зубахъ, деревня-то эта, и благодарю Господа, Царя Небеснаго, и сытъ я, и одѣтъ, отслужилъ въ драгунахъ свой срокъ, отходилъ старостой три года, и вольный я казакъ теперь: гдѣ хочу, тамъ и живу. Въ деревнѣ жить не желаю, и никто не имѣетъ права меня заставить. Говорятъ, жена. Ты, говорятъ, обязанъ въ избѣ съ женой жить. А почему такое? Я къ ней не нанимался.

— Скажите, Степанъ, вы женились по любви? — спросила Маша.

— Какая у насъ въ деревнѣ любовь? — отвѣтилъ Степанъ и усмѣхнулся. — Собственно, сударыня, ежели вамъ угодно знать, я женатъ во второй разъ. Я самъ не куриловскій, а изъ Залегоща, а въ Куриловку меня потомъ въ зятья взяли. Значитъ, родитель не пожелалъ дѣлить насъ промежду себѣ — насъ всѣхъ пять братьевъ, я поклонился и былъ таковъ, пошелъ въ чужую деревню, въ зятья. А первая моя жена померла въ молодыхъ лѣтахъ.

— Отчего?

— Отъ глупости. Плачетъ, бывало, все плачетъ и плачетъ безъ-толку, да такъ и зачахла. Какія-то все травки пила, чтобы покрасивѣть, да, должно, повредила внутренность. А вторая моя жена, куриловская — что въ ней? Деревенская баба, мужичка, и больше ничего. Когда ее за меня сватали, мнѣ поманилось; думаю, молодая, бѣлая изъ себя, чисто живутъ. Мать у ней словно бы хлыстовка и кофей пьетъ, а глав-

ное, значитъ, чисто живутъ. Стало быть, женился, а на другой день сѣли обѣдать, приказалъ я тещѣ ложку подать, а она подаетъ ложку и, гляжу, пальцемъ ее вытерла. Вотъ тебѣ на̀, думаю, хороша у васъ чистота. Пожилъ съ ними годъ и ушелъ. Мнѣ, можетъ, на городской бы жениться, — продолжалъ онъ, помолчавъ. — Говорятъ, жена мужу помощница. Для чего мнѣ помощница, я и самъ себѣ помогу, а ты лучше со мной поговори, да не такъ, чтобъ все те-те-те-те, а обстоятельно, чувствительно. Безъ хорошаго разговора — что за жизнь!

Степанъ вдругъ замолчалъ, и тотчасъ же послышалось его скучное, монотонное «у-лю-лю-лю». Это значило, что онъ увидѣлъ меня.

Маша бывала часто на мельницѣ и въ бесѣдахъ со Степаномъ, очевидно, находила удовольствіе; Степанъ такъ искренно и убѣжденно бранилъ мужиковъ — и ее тянуло къ нему. Когда она возвращалась съ мельницы, то всякій разъ мужикъ-дурачокъ, который стерегъ садъ, кричалъ на нее:

— Дѣвка Палашка! Здорово, дѣвка Палашка! — И лаялъ на нее по-собачьи: — Гавъ! гавъ!

А она останавливалась и смотрѣла на него со вниманіемъ, точно въ лаѣ этого дурачка находила отвѣтъ на свои мысли, и, вѣроятно, онъ притягивалъ ее такъ же, какъ брань Степана. А дома ожидало ее какое-нибудь извѣстіе, въ родѣ того, напримѣръ, что деревенскіе гуси потолкли у насъ на огородѣ капусту, или что Ларіонъ вожжи укралъ, и она говорила, пожавъ плечами, съ усмѣшкой:

— Что же вы хотите отъ этихъ людей!

Она негодовала, на душѣ у нея собиралась накипь, а я, между тѣмъ, привыкалъ къ мужикамъ и меня все больше тянуло къ нимъ. Въ большинствѣ это были нервные, раздраженные, оскорбленные люди; это были люди съ подавленнымъ воображеніемъ, невѣжественные, съ бѣднымъ, тусклымъ кругозоромъ, все съ однѣми и тѣми же мыслями о сѣрой землѣ, о сѣрыхъ дняхъ, о черномъ хлѣбѣ, люди, которые хитрили, но, какъ птицы, прятали за дерево только одну голову, — которые не умѣли считать. Они не шли къ вамъ на сѣнокосъ за двадцать рублей, но шли за полведра водки, хотя за двадцать рублей могли бы купить четыре ведра. Въ самомъ дѣлѣ, были и грязь, и пьянство, и глупость, и обманы, но при всемъ томъ, однако, чувствовалось, что жизнь мужицкая, въ общемъ, держится на какомъ-то крѣпкомъ, здоровомъ стержнѣ. Какимъ бы неуклюжимъ звѣремъ ни казался мужикъ, идя за своею сохой, и какъ бы онъ ни дурманилъ себя водкой, все же, приглядываясь къ нему поближе, чувствуешь, что въ немъ есть то нужное и очень важное, чего нѣтъ, напримѣръ, въ Машѣ и въ докторѣ, а именно, онъ вѣритъ, что главное на землѣ — правда, и что спасеніе его и всего народа въ одной лишь правдѣ, и потому больше всего на свѣтѣ онъ любитъ справедливость. Я говорилъ женѣ, что она видитъ пятна на стеклѣ, но не видитъ самаго стекла; въ отвѣтъ она молчала, или же напѣвала, какъ Степанъ: «у-лю-лю-лю»... Когда эта добрая, умная женщина блѣднѣла отъ негодованія и съ дрожью въ голосѣ говорила съ докторомъ о пьянствѣ и обманахъ,

то меня приводила въ недоумѣніе и поражала ея забывчивость. Какъ могла она забыть, что ея отецъ, инженеръ, тоже пилъ, много пилъ, и что деньги, на которыя была куплена Дубечня, были пріобрѣтены путемъ цѣлаго ряда наглыхъ, безсовѣстныхъ обмановъ? Какъ могла она забыть?

XIV

И сестра тоже жила своею особою жизнью, которую тщательно скрывала отъ меня. Она часто шепталась съ Машей. Когда я подходилъ къ ней, она вся сжималась, и взглядъ ея становился виноватымъ, умоляющимъ; очевидно, въ ея душѣ происходило что-то такое, чего она боялась или стыдилась. Чтобы какъ-нибудь не встрѣтиться въ саду или не остаться со мною вдвоемъ, она все время держалась около Маши, и мнѣ приходилось говорить съ нею рѣдко, только за обѣдомъ.

Какъ-то вечеромъ я тихо шелъ садомъ, возвращаясь съ постройки. Уже начинало темнѣть. Не замѣчая меня, не слыша моихъ шаговъ, сестра ходила около старой, широкой яблони, совершенно безшумно, точно привидѣніе. Она была въ черномъ и ходила быстро, все по одной линіи, взадъ и впередъ, глядя въ землю. Упало съ дерева яблоко, она вздрогнула отъ шума, остановилась и прижала руки къ вискамъ. Въ это самое время я подошелъ къ ней.

Въ порывѣ нѣжной любви, которая вдругъ прилила къ моему сердцу, со слезами, вспоминая почему-то нашу мать, наше дѣтство, я обнялъ ее за плечи и поцѣловалъ.

— Что съ тобою? — спросилъ я. — Ты страдаешь, я давно это вижу. Скажи, что съ тобою?

— Мнѣ страшно... — проговорила она, дрожа.

— Что же съ тобой? — допытывался я. — Ради Бога, будь откровенна!

— Я буду, буду откровенна, я скажу тебѣ всю правду. Скрывать отъ тебя — это такъ тяжело, такъ мучительно! Мисаилъ, я люблю... — продолжала она шопотомъ. — Я люблю, я люблю... Я счастлива, но почему мнѣ такъ страшно!

Послышались шаги, показался между деревьями докторъ Благово въ шелковой рубахѣ, въ высокихъ сапогахъ. Очевидно, здѣсь около яблони у нихъ было назначено свиданіе. Увидѣвъ его, она бросилась къ нему порывисто, съ болѣзненнымъ крикомъ, точно его отнимали у нея:

— Владиміръ! Владиміръ!

Она прижималась къ нему и съ жадностью глядѣла ему въ лицо, и только теперь я замѣтилъ, какъ похудѣла и поблѣднѣла она въ послѣднее время. Особенно это было замѣтно по ея кружевному воротничку, который я давно зналъ и который теперь свободнѣе, чѣмъ когда-либо, облегалъ ея шею, тонкую и длинную. Докторъ смутился, но тотчасъ же оправился и сказалъ, приглаживая ея волосы:

— Ну, полно, полно... Зачѣмъ такъ нервничать? Видишь, я пріѣхалъ.

Мы молчали, застѣнчиво поглядывая другъ на друга. Потомъ мы шли втроемъ, и я слышалъ, какъ докторъ говорилъ мнѣ:

— Культурная жизнь у насъ еще не начиналась. Старики утѣшаютъ себя, что если теперь нѣтъ ничего, то было что-то въ сороковыхъ

или шестидесятыхъ годахъ; это — старики, мы же съ вами молоды, нашихъ мозговъ еще не тронулъ marasmus senilis, мы не можемъ утѣшать себя такими иллюзіями. Начало Руси было въ 862 году, а начала культурной Руси, я такъ понимаю, еще не было.

Но я не вникалъ въ эти соображенія. Какъ-то было странно, не хотѣлось вѣрить, что сестра влюблена, что она вотъ идетъ, и держитъ за руку чужого и нѣжно смотритъ на него. Моя сестра, это нервное, запуганное, забитое, не свободное существо, любитъ человѣка, который уже женатъ и имѣетъ дѣтей! Чего-то мнѣ стало жаль, а чего именно, — не знаю; присутствіе доктора почему-то было уже непріятно, и я никакъ не могъ понять, что можетъ выйти изъ этой ихъ любви.

XV

Я и Маша ѣхали въ Куриловку на освященіе школы.

— Осень, осень, осень... — тихо говорила Маша, глядя по сторонамъ. — Прошло лѣто. Птицъ нѣтъ, и зелены однѣ только вербы.

Да, уже прошло лѣто. Стоятъ ясные, теплые дни, но по утрамъ свѣжо, пастухи выходятъ уже въ тулупахъ, а въ нашемъ саду на астрахъ роса не высыхаетъ въ теченіе всего дня. Все слышатся жалобные звуки, и не разберешь, ставня ли это ноетъ на своихъ ржавыхъ петляхъ, или летятъ журавли — и становится хорошо на душѣ и такъ хочется жить!

— Прошло лѣто... — говорила Маша. —

Теперь мы съ тобою можемъ подвести итоги. Мы много работали, много думали, мы стали лучше отъ этого, — честь намъ и слава, — мы преуспѣли въ личномъ совершенствѣ; но эти наши успѣхи имѣли ли замѣтное вліяніе на окружающую жизнь, принесли ли пользу, хотя кому-нибудь? Нѣтъ. Невѣжество, физическая грязь, пьянство, поразительно высокая дѣтская смертность, — все осталось, какъ и было, и оттого, что ты пахалъ и сѣялъ, а я тратила деньги и читала книжки, никому не стало лучше. Очевидно, мы работали только для себя и широко мыслили только для себя.

Подобныя разсужденія сбивали меня, и я не зналъ, что думать.

— Мы отъ начала до конца были искренни, — сказалъ я: — а кто искрененъ, тотъ и правъ.

— Кто споритъ? Мы были правы, но мы неправильно осуществляли то, въ чемъ мы правы. Прежде всего, самые наши внѣшніе пріемы — развѣ они не ошибочны? Ты хочешь быть полезенъ людямъ, но ужъ однимъ тѣмъ, что ты покупаешь имѣніе, ты съ самаго начала преграждаешь себѣ всякую возможность сдѣлать для нихъ что-нибудь полезное. Затѣмъ, если ты работаешь, одѣваешься и ѣшь, какъ мужикъ, то ты своимъ авторитетомъ какъ бы узаконяешь эту ихъ тяжелую, неуклюжую одежду, ужасныя избы, эти ихъ глупыя бороды... Съ другой стороны, допустимъ, что ты работаешь долго, очень долго, всю жизнь, что, въ концѣ концовъ, получаются кое-какіе практическіе результаты, но что они, эти твои результаты, что они могутъ противъ такихъ стихійныхъ силъ, какъ гуртовое невѣ-

жество, голодъ, холодъ, вырожденіе? Капля въ морѣ! Тутъ нужны другіе способы борьбы, сильные, смѣлые, скорые! Если въ самомъ дѣлѣ хочешь быть полезенъ, то выходи изъ тѣснаго круга обычной дѣятельности и старайся дѣйствовать сразу на массу! Нужна прежде всего шумная, энергическая проповѣдь. Почему искусство, напримѣръ, музыка, такъ живуче, такъ популярно и такъ сильно на самомъ дѣлѣ? А потому, что музыкантъ или пѣвецъ дѣйствуетъ сразу на тысячи. Милое, милое искусство! — продолжала она, мечтательно глядя на небо. — Искусство даетъ крылья и уноситъ далеко-далеко! Кому надоѣла грязь, мелкіе грошовые интересы, кто возмущенъ, оскорбленъ и негодуетъ, тотъ можетъ найти покой и удовлетвореніе только въ прекрасномъ.

Когда мы подъѣзжали къ Куриловкѣ, погода была ясная, радостная. Кое-гдѣ во дворахъ молотили, пахло ржаною соломой. За плетнями ярко краснѣла рябина, и деревья кругомъ, куда ни взглянешь, были все золотыя или красныя. На колокольнѣ звонили, несли къ школѣ образа, и было слышно, какъ пѣли: «Заступница усердная». А какой прозрачный воздухъ, какъ высоко летали голуби!

Служили въ классной молебенъ. Потомъ куриловскіе крестьяне поднесли Машѣ икону, а дубечанскіе — большой крендель и позолоченную солонку. И Маша разрыдалась.

— А ежели что было сказано лишнее или какія неудовольствія, то простите, — сказалъ одинъ старикъ и поклонился ей и мнѣ.

Когда мы ѣхали домой, Маша оглядывалась

на школу; зеленая крыша, выкрашенная мною и теперь блестѣвшая на солнцѣ, долго была видна намъ. И я чувствовалъ, что взгляды, которые бросала теперь Маша, были прощальные.

XVI

Вечеромъ она собралась въ городъ.

Въ послѣднее время она часто уѣзжала въ городъ и тамъ ночевала. Въ ея отсутствіе я не могъ работать, руки у меня опускались и слабѣли; нашъ большой дворъ казался скучнымъ, отвратительнымъ пустыремъ, садъ шумѣлъ сердито, и безъ нея домъ, деревья, лошади для меня уже не были «наши».

Я никуда не выходилъ изъ дому, а все сидѣлъ за ея столомъ, около ея шкапа съ сельско-хозяйственными книгами, этими бывшими фаворитами, теперь уже ненужными, смотрѣвшими на меня такъ сконфуженно. По цѣлымъ часамъ, пока било семь, восемь, девять, пока за окнами наступала осенняя ночь, черная, какъ сажа, я осматривалъ ея старую перчатку, или перо, которымъ она всегда писала, или ея маленькія ножницы; я ничего не дѣлалъ и ясно сознавалъ, что если раньше дѣлалъ что-нибудь, если пахалъ, косилъ, рубилъ, то потому только, что этого хотѣла она. И если бы она послала меня чистить глубокій колодецъ, гдѣ бы я стоялъ по поясъ въ водѣ, то я полѣзъ бы и въ колодецъ, не разбирая, нужно это или нѣтъ. А теперь, когда ея не было возлѣ, Дубечня съ ея развалинами, неубранствомъ, съ хлопающими ставнями, съ ворами, ночными и дневными, представлялась мнѣ уже хаосомъ, въ

которомъ всякая работа была бы безполезна. Да и для чего мнѣ было тутъ работать, для чего заботы и мысли о будущемъ, если я чувствовалъ, что изъ-подъ меня уходитъ почва, что роль моя здѣсь, въ Дубечнѣ, уже сыграна, что меня, однимъ словомъ, ожидаетъ та же участь, которая постигла книги по сельскому хозяйству? О, какая это была тоска ночью, въ часы одиночества, когда я каждую минуту прислушивался съ тревогой, точно ждалъ, что вотъ-вотъ кто-нибудь крикнетъ, что мнѣ пора уходить. Мнѣ не было жаль Дубечни, мнѣ было жаль своей любви, для которой, очевидно, тоже наступила уже своя осень. Какое это огромное счастье любить и быть любимымъ, и какой ужасъ чувствовать, что начинаешь сваливаться съ этой высокой башни!

Маша вернулась изъ города на другой день къ вечеру. Она была недовольна чѣмъ-то, но скрывала это и только сказала, зачѣмъ это вставлены всѣ зимнія рамы, — этакъ задохнуться можно. Я выставилъ двѣ рамы. Намъ ѣсть не хотѣлось, но мы сѣли и поужинали.

— Поди, вымой руки, — сказала жена. — Отъ тебя пахнетъ замазкой.

Она привезла изъ города новые иллюстрированные журналы, и мы вмѣстѣ разсматривали ихъ послѣ ужина. Попадались приложенія съ модными картинками и выкройками. Маша оглядывала ихъ мелькомъ и откладывала въ сторону, чтобы потомъ разсмотрѣть особо, какъ слѣдуетъ; но одно платье съ широкою, какъ колоколъ, гладкою юбкой и съ большими рукавами заинтересовало ее, и она минуту смотрѣла на него серьезно и внимательно.

— Это не дурно, — сказала она.

— Да, это платье тебѣ очень пойдетъ, — сказалъ я. — Очень!

И глядя съ умиленіемъ на платье, любуясь этимъ сѣрымъ пятномъ только потому, что оно ей понравилось, я продолжалъ нѣжно:

— Чудное, прелестное платье! Прекрасная, великолѣпная Маша! Дорогая моя Маша!

И слезы закапали на картинку.

— Великолѣпная Маша... — бормоталъ я. — Милая, дорогая Маша...

Она пошла и легла, а я еще съ часъ сидѣлъ и разсматривалъ иллюстраціи.

— Напрасно ты выставилъ рамы, — сказала она изъ спальни. — Боюсь, какъ бы не было холодно. Ишь вѣдь, какъ задуваетъ!

Я прочелъ кое-что изъ «смѣси» — о приготовленіи дешевыхъ чернилъ и о самомъ большомъ брильянтѣ на свѣтѣ. Мнѣ опять попалась модная картинка съ платьемъ, которое ей понравилось, и я вообразилъ себѣ ее на балу съ вѣеромъ, съ голыми плечами, блестящую, роскошную, знающую толкъ и въ музыкѣ, и въ живописи, и въ литературѣ, и какою маленькою, короткою показалась мнѣ моя роль!

Наша встрѣча, это наше супружество были лишь эпизодомъ, какихъ будетъ еще не мало въ жизни этой живой, богато-одаренной женщины. Все лучшее въ мірѣ, какъ я уже сказалъ, было къ ея услугамъ и получалось ею совершенно даромъ, и даже идеи и модное умственное движеніе служили ей для наслажденія, разнообразя ей жизнь, и я былъ лишь извозчикомъ, который довезъ ее отъ одного увлеченія

къ другому. Теперь ужъ я ненуженъ ей, она выпорхнетъ, и я останусь одинъ.

И какъ бы въ отвѣтъ на мои мысли на дворѣ раздался отчаянный крикъ:

«Ка-ра-у-лъ!»

Это былъ тонкій бабій голосъ, и точно желая передразнить его, въ трубѣ загудѣлъ вѣтеръ тоже тонкимъ голосомъ. Прошло съ полминуты, и опять послышалось сквозь шумъ вѣтра, но уже какъ будто съ другого конца двора:

«Ка-ра-у-лъ!»

— Мисаилъ, ты слышишь? — спросила тихо жена. — Ты слышишь?

Она вышла ко мнѣ изъ спальни въ одной сорочкѣ, съ распущенными волосами, и прислушалась, глядя на темное окно.

— Кого-то душатъ! — проговорила она. — Этого еще не доставало.

Я взялъ ружье и вышелъ. На дворѣ было очень темно, дулъ сильный вѣтеръ, такъ что трудно было стоять. Я прошелся къ воротамъ, прислушался: шумятъ деревья, свиститъ вѣтеръ и въ саду, должно быть, у мужика-дурачка лѣниво подвываетъ собака. За воротами тьма кромѣшная, на линіи ни одного огонька. И около того флигеля, гдѣ въ прошломъ году была контора, вдругъ раздался придушенный крикъ:

«Ка-ра-у-лъ!»

— Кто тамъ? — окликнулъ я.

Боролись два человѣка. Одинъ выталкивалъ, а другой упирался, и оба тяжело дышали.

— Пусти! — говорилъ одинъ, и я узналъ Ивана Чепракова; онъ-то и кричалъ тонкимъ

бабьимъ голосомъ. — Пусти, проклятый, а то я тебѣ всѣ руки искусаю!

Въ другомъ я узналъ Моисея. Я рознялъ ихъ и при этомъ не удержался и ударилъ Моисея по лицу два раза. Онъ упалъ, потомъ поднялся, и я ударилъ его еще разъ.

— Они хотѣли меня убить, — бормоталъ онъ. — Къ мамашиному комоду подбирались... Ихъ я желаю запереть во флигелѣ для безопасности-съ.

А Чепраковъ былъ пьянъ, не узнавалъ меня и все глубоко вздыхалъ, какъ бы набирая воздуху, чтобы опять крикнуть караулъ.

Я оставилъ ихъ и вернулся въ домъ; жена лежала въ постели, уже одѣтая. Я разсказалъ ей о томъ, что происходило на дворѣ, и не скрылъ даже, что билъ Моисея.

— Страшно жить въ деревнѣ, — проговорила она. — И какая это длинная ночь, Богъ съ ней.

«Ка-ра-у-лъ!» — послышалось опять, немного погодя.

— Я пойду уйму ихъ, — сказалъ я.

— Нѣтъ, пусть они себѣ тамъ перегрызутъ горла, — проговорила она съ брезгливымъ выраженіемъ.

Она глядѣла въ потолокъ и прислушивалась, а я сидѣлъ возлѣ, не смѣя заговорить съ нею, съ такимъ чувствомъ, какъ будто я былъ виноватъ, что на дворѣ кричали «караулъ» и что ночь была такая длинная.

Мы молчали, и я съ нетерпѣніемъ ждалъ, когда въ окнахъ забрезжитъ свѣтъ. А Маша все время глядѣла такъ, будто очнулась отъ забытья и теперь удивлялась, какъ это она, такая умная,

воспитанная, такая опрятная, могла попасть въ этотъ жалкій провинціальный пустырь, въ шайку мелкихъ ничтожныхъ людей, и какъ это она могла забыться до такой степени, что даже увлеклась однимъ изъ этихъ людей и больше полугода была его женой. Мнѣ казалось, что для нея было уже все равно, что я, что Моисей, что Чепраковъ; все для нея слилось въ этомъ пьяномъ, дикомъ «караулѣ» — и я, и нашъ бракъ, и наше хозяйство, и осенняя распутица; и когда она вздыхала или двигалась, чтобы лечь поудобнѣе, то я читалъ на ея лицѣ: «О, поскорѣе бы утро!»

Утромъ она уѣхала.

Я прожилъ въ Дубечнѣ еще три дня, поджидая ее, потомъ сложилъ всѣ наши вещи въ одну комнату, заперъ и пошелъ въ городъ. Когда я позвонился къ инженеру, то былъ уже вечеръ, и на нашей Большой Дворянской горѣли фонари. Павелъ сказалъ мнѣ, что никого нѣтъ дома: Викторъ Иванычъ уѣхалъ въ Петербургъ, а Марія Викторовна, должно быть, у Ажогиныхъ на репетиціи. Помню, съ какимъ волненіемъ я шелъ потомъ къ Ажогинымъ, какъ стучало и замирало мое сердце, когда я поднимался по лѣстницѣ и долго стоялъ вверху на площадкѣ, не смѣя войти въ этотъ храмъ музъ! Въ залѣ на столикѣ, на роялѣ, на сценѣ горѣли свѣчи, вездѣ по три, и первый спектакль былъ назначенъ на тринадцатое число, и теперь первая репетиція была въ понедѣльникъ — тяжелый день. Борьба съ предразсудками! Всѣ любители сценическаго искусства были уже въ сборѣ; старшая, средняя и младшая ходили по сценѣ, читая свои роли по

тетрадкамъ. Въ сторонѣ ото всѣхъ неподвижно стоялъ Рѣдька, прислонившись вискомъ къ стѣнѣ, и съ обожаніемъ смотрѣлъ на сцену, ожидая начала репетиціи. Все какъ было!

Я направился къ хозяйкѣ, — надо было поздороваться, но вдругъ всѣ зашикали, замахали мнѣ, чтобы я не стучалъ ногами. Стало тихо. Подняли крышку у рояля, сѣла какая-то дама, щуря свои близорукіе глаза на ноты, и къ роялю подошла моя Маша, разодѣтая, красивая, но красивая какъ-то особенно, по-новому, совсѣмъ не похожая на Машу, которая весной приходила ко мнѣ на мельницу; она запѣла:

Отчего я люблю тебя, свѣтлая ночь?

За все время нашего знакомства это въ первый разъ я слышалъ, какъ она пѣла. У нея былъ хорошій, сочный, сильный голосъ, и, пока она пѣла, мнѣ казалось, что я ѣмъ спѣлую, сладкую, душистую дыню. Вотъ она кончила, ей аплодировали, и она улыбалась, очень довольная, играя глазами, перелистывая ноты, поправляя на себѣ платье, точно птица, которая вырвалась, наконецъ, изъ клѣтки и на свободѣ оправляетъ свои крылья. Волосы у нея были зачесаны на уши, и на лицѣ было нехорошее, задорное выраженіе, точно она хотѣла сдѣлать всѣмъ намъ вызовъ, или крикнуть на насъ, какъ на лошадей: «Эй, вы, милые!»

И, должно быть, въ это время она была очень похожа на своего дѣда ямщика.

— И ты здѣсь? — спросила она, подавая мнѣ руку. — Ты слышалъ, какъ я пѣла? Ну, какъ ты находишь? — и не дожидаясь моего отвѣта, она продолжала: — Очень кстати, что ты здѣсь.

Сегодня ночью я уѣзжаю ненадолго въ Петербургъ. Ты меня отпустишь?

Въ полночь я провожалъ ее на вокзалъ. Она нѣжно обняла меня, вѣроятно, въ благодарность за то, что я не задавалъ ненужныхъ вопросовъ, и обѣщала писать мнѣ, а я долго сжималъ ея руки и цѣловалъ ихъ, едва сдерживая слезы, не говоря ей ни слова.

А когда она уѣхала, я стоялъ, смотрѣлъ на удалявшіеся огни, ласкалъ ее въ своемъ воображеніи и тихо говорилъ:

— Милая моя Маша, великолѣпная Маша...

Ночевалъ я въ Макарихѣ у Карповны, а утромъ уже вмѣстѣ съ Рѣдькой обивалъ мебель у одного богатаго купца, выдававшаго свою дочь за доктора.

XVII

Въ воскресенье послѣ обѣда приходила ко мнѣ сестра и пила со мною чай.

— Теперь я очень много читаю, — говорила она, показывая мнѣ книги, которыя она, идя ко мнѣ, взяла изъ городской библіотеки. — Спасибо твоей женѣ и Владиміру, они возбудили во мнѣ самосознаніе. Они спасли меня, сдѣлали то, что я теперь чувствую себя человѣкомъ. Прежде, бывало, я не спала по ночамъ отъ разныхъ заботъ: «ахъ, за недѣлю у насъ сошло много сахару! ахъ, какъ бы не пересолить огурцы!» И теперь я тоже не сплю, но у меня уже другія мысли. Я мучаюсь, что такъ глупо, малодушно прошла у меня половина жизни. Свое прошлое я презираю, стыжусь его, а на отца я смотрю

теперь, какъ на своего врага. О, какъ я благодарна твоей женѣ! А Владиміръ? Это такой чудный человѣкъ! Они открыли мнѣ глаза.

— Это не хорошо, что ты не спишь по ночамъ, — сказалъ я.

— Ты думаешь, — я больна? Нисколько. Владиміръ выслушалъ меня и говорилъ, что я совершенно здорова. Но дѣло не въ здоровьѣ, оно не такъ важно... Ты мнѣ скажи: я права?

Она нуждалась въ нравственной поддержкѣ — это было очевидно. Маша уѣхала, докторъ Благово былъ въ Петербургѣ, и въ городѣ не оставалось никого, кромѣ меня, кто бы могъ сказать ей, что она права. Она пристально вглядывалась мнѣ въ лицо, стараясь прочесть мои тайныя мысли, и если я при ней задумывался и молчалъ, то она это принимала на свой счетъ и становилась печальна. Приходилось все время быть насторожѣ, и когда она спрашивала меня, права ли она, то я спѣшилъ отвѣтить ей, что она права и что я глубоко ее уважаю.

— Ты знаешь? Мнѣ у Ажогиныхъ дали роль, — продолжала она. — Хочу играть на сценѣ. Хочу жить, однимъ словомъ, хочу пить изъ полной чаши. Таланта у меня нѣтъ никакого, и роль всего въ десять строкъ, но все же это неизмѣримо выше и благороднѣе, чѣмъ разливать чай по пяти разъ на день и подглядывать, не съѣла ли кухарка лишняго куска. А главное, пусть наконецъ отецъ увидитъ, что и я способна на протестъ.

Послѣ чаю она легла на мою постель и полежала нѣкоторое время съ закрытыми глазами, очень блѣдная.

— Какая слабость! — проговорила она, поднимаясь. — Владиміръ говорилъ, что всѣ городскія женщины и дѣвушки малокровны отъ бездѣлья. Какой умный человѣкъ Владиміръ! Онъ правъ, безконечно правъ. Надо работать!

Черезъ два дня она пришла къ Ажогинымъ на репетицію, съ тетрадкой. Она была въ черномъ платьѣ, съ коралловою ниткой на шеѣ, съ брошью, похожею издали на слоеный пирожокъ, и въ ушахъ были большія серьги, въ которыхъ блестѣло по брильянту. Когда я взглянулъ на нее, то мнѣ стало неловко: меня поразила безвкусица. Что она некстати надѣла серьги и брильянты и была странно одѣта, замѣтили и другіе; я видѣлъ на лицахъ улыбки и слышалъ, какъ кто-то проговорилъ, смѣясь:

— Клеопатра Египетская.

Она старалась быть свѣтскою, непринужденной, покойной и оттого казалась манерною и странной. Простота и миловидность покинули ее.

— Сейчасъ я объявила отцу, что ухожу на репетицію, — начала она, подходя ко мнѣ: — и онъ крикнулъ, что лишаетъ меня благословенія, и даже едва не ударилъ меня. Представь, я не знаю своей роли, — сказала она, заглядывая въ тетрадку. — Я непремѣнно собьюсь. Итакъ, жребій брошенъ, — продолжала она въ сильномъ волненіи. — Жребій брошенъ...

Ей казалось, что всѣ смотрятъ на нее и всѣ изумлены тѣмъ важнымъ шагомъ, на который она рѣшилась, что всѣ ждутъ отъ нея чего-то особеннаго, и убѣдить ее, что на такихъ малень-

кихъ и неинтересныхъ людей, какъ я и она, никто не обращаетъ вниманія, было невозможно.

До третьяго акта ей нечего было дѣлать, и ея роль гостьи, провинціальной кумушки, заключалась лишь въ томъ, что она должна была постоять у двери, какъ бы подслушивая, и потомъ сказать короткій монологъ. До своего выхода, по крайней мѣрѣ, часа полтора, пока на сценѣ ходили, читали, пили чай, спорили, она не отходила отъ меня и все время бормотала свою роль и нервно мяла тетрадку; и воображая, что всѣ смотрятъ на нее и ждутъ ея выхода, она дрожащею рукой поправляла волосы и говорила мнѣ:

— Я непремѣнно собьюсь... Какъ тяжело у меня на душѣ, если бъ ты зналъ! У меня такой страхъ, будто меня поведутъ сейчасъ на смертную казнь.

Наконецъ, настала ея очередь.

— Клеопатра Алексѣевна, — вамъ! — сказалъ режиссеръ.

Она вышла на середину сцены съ выраженіемъ ужаса на лицѣ, некрасивая, угловатая, и съ полминуты простояла, какъ въ столбнякѣ, совершенно неподвижно, и только однѣ большія сережки качались подъ ушами.

— Въ первый разъ можно по тетрадкѣ, — сказалъ кто-то.

Мнѣ было ясно, что она дрожитъ и отъ дрожи не можетъ говорить и развернуть тетрадку, и что ей вовсе не до роли, и я уже хотѣлъ пойти къ ней и сказать ей что-нибудь, какъ она вдругъ опустилась на колѣни среди сцены и громко зарыдала.

Все двигалось, все шумѣло вокругъ, одинъ я стоялъ, прислонившись къ кулисѣ, пораженный тѣмъ, что произошло, не понимая, не зная, что мнѣ дѣлать. Я видѣлъ, какъ ее подняли и увели. Я видѣлъ, какъ ко мнѣ подошла Анюта Благово; раньше я не видѣлъ ея въ залѣ, и теперь она точно изъ земли выросла. Она была въ шляпѣ, подъ вуалью, и, какъ всегда, имѣла такой видъ, будто зашла только на минуту.

— Я говорила ей, чтобы она не играла, — сказала она сердито, отрывисто выговаривая каждое слово и краснѣя. — Это — безуміе! Вы должны были удержать ее!

Быстро подошла Ажогина-мать въ короткой кофточкѣ съ короткими рукавами, съ табачнымъ пепломъ на груди, худая и плоская.

— Другъ мой, это ужасно, — проговорила она, ломая руки и, по обыкновенію, пристально всматриваясь мнѣ въ лицо. — Это ужасно! Ваша сестра въ положеніи... она беременна! Уведите ее, прошу васъ...

Она тяжело дышала отъ волненія. А въ сторонѣ стояли три дочери, такія же, какъ она, худыя и плоскія, и пугливо жались другъ къ другу. Онѣ были встревожены, ошеломлены, точно въ ихъ домѣ только-что поймали каторжника. Какой позоръ, какъ страшно! А вѣдь это почтенное семейство всю свою жизнь боролось съ предразсудками; очевидно, оно полагало, что всѣ предразсудки и заблужденія человѣчества только въ трехъ свѣчахъ, въ тринадцатомъ числѣ, въ тяжеломъ днѣ — понедѣльникѣ!

— Прошу васъ... прошу... — повторяла

госпожа Ажогина, складывая губы сердечкомъ на слогѣ «шу» и выговаривая его, какъ «шю». — Прошю, уведите ее домой.

XVIII

Немного погодя, я и сестра шли по улицѣ. Я прикрывалъ ее полой своего пальто; мы торопились, выбирая переулки, гдѣ не было фонарей, прячась отъ встрѣчныхъ, и это было похоже на бѣгство. Она уже не плакала, а глядѣла на меня сухими глазами. До Макарихи, куда я велъ ее, было ходьбы всего минутъ двадцать, и, странное дѣло, за такое короткое время мы успѣли припомнить всю нашу жизнь, мы обо всемъ переговорили, обдумали наше положеніе, сообразили...

Мы рѣшили, что намъ уже нельзя больше оставаться въ этомъ городѣ, и что когда я добуду немного денегъ, то мы переѣдемъ куда-нибудь въ другое мѣсто. Въ однихъ домахъ уже спали, въ другихъ играли въ карты; мы ненавидѣли эти дома, боялись ихъ и говорили объ изувѣрствѣ, сердечной грубости, ничтожествѣ этихъ почтенныхъ семействъ, этихъ любителей драматическаго искусства, которыхъ мы такъ испугали, и я спрашивалъ, чѣмъ же эти глупые, жестокіе, лѣнивые, нечестные люди лучше пьяныхъ и суевѣрныхъ куриловскихъ мужиковъ, или чѣмъ лучше они животныхъ, которыя тоже приходятъ въ смятеніе, когда какая-нибудь случайность нарушаетъ однообразіе ихъ жизни, ограниченной инстинктами. Что было бы теперь съ сестрой, если бы она осталась жить дома? Ка-

кія нравственныя мученія испытывала бы она, разговаривая съ отцомъ, встрѣчаясь каждый день со знакомыми? Я воображалъ себѣ это, и тутъ же мнѣ приходили на память люди, все знакомые люди, которыхъ медленно сживали со свѣта ихъ близкіе и родные, припомнились замученныя собаки, сходившія съ ума, живые воробьи, ощипанные мальчишками догола и брошенные въ воду — и длинный, длинный рядъ глухихъ медлительныхъ страданій, которыя я наблюдалъ въ этомъ городѣ непрерывно съ самаго дѣтства; и мнѣ было непонятно, чѣмъ живутъ эти шестьдесятъ тысячъ жителей, для чего они читаютъ Евангеліе, для чего молятся, для чего читаютъ книги и журналы. Какую пользу принесло имъ все то, что до сихъ поръ писалось и говорилось, если у нихъ все та же душевная темнота и то же отвращеніе къ свободѣ, что было и сто, и триста лѣтъ назадъ? Подрядчикъ-плотникъ всю свою жизнь строитъ въ городѣ дома и все же до самой смерти вмѣсто «галлерея» говоритъ «галдарея», такъ и эти шестьдесятъ тысячъ жителей поколѣніями читаютъ и слышатъ о правдѣ, о милосердіи и свободѣ, и все же до самой смерти лгутъ отъ утра до вечера, мучаютъ другъ друга, а свободы боятся и ненавидятъ ее, какъ врага.

— Итакъ, судьба моя рѣшена, — сказала сестра, когда мы пришли домой. — Послѣ того, что случилось, я уже не могу возвратиться *туда*. Господи, какъ это хорошо! У меня стало легко на душѣ.

Она тотчасъ легла въ постель. На рѣсницахъ у нея блестѣли слезы, но выраженіе было счастливое, спала она крѣпко и сладко, и видно

было, что, въ самомъ дѣлѣ, у нея легко на душѣ и что она отдыхаетъ. Давно-давно уже она не спала такъ!

И вотъ мы начали жить вмѣстѣ. Она все пѣла и говорила, что ей очень хорошо, и книги, которыя мы брали въ библіотекѣ, я уносилъ обратно не читанными, такъ какъ она уже не могла читать; ей хотѣлось только мечтать и говорить о будущемъ. Починяя мое бѣлье или помогая Карповнѣ около печки, она то напѣвала, то говорила о своемъ Владимірѣ, объ его умѣ, прекрасныхъ манерахъ, добротѣ, объ его необыкновенной учености, и я соглашался съ нею, хотя уже не любилъ ея доктора. Ей хотѣлось работать, жить самостоятельно, на свой счетъ, и она говорила, что пойдетъ въ учительницы или въ фельдшерицы, какъ только позволитъ здоровье, и будетъ сама мыть полы, стирать бѣлье. Она уже страстно любила своего маленькаго; его еще не было на свѣтѣ, но она уже знала, какіе у него глаза, какія руки и какъ онъ смѣется. Она любила поговорить о воспитаніи, а такъ какъ лучшимъ человѣкомъ на свѣтѣ былъ Владиміръ, то и всѣ разсужденія ея о воспитаніи сводились къ тому только, чтобы мальчикъ былъ такъ же очарователенъ, какъ его отецъ. Конца не было разговорамъ, и все, что она говорила, возбуждало въ ней живую радость. Иногда радовался и я, самъ не зная чему.

Должно быть, она заразила меня своею мечтательностью. Я тоже ничего не читалъ и только мечталъ; по вечерамъ, несмотря на утомленіе, я ходилъ по комнатѣ изъ угла въ уголъ, заложивъ руки въ карманы, и говорилъ о Машѣ.

— Какъ ты думаешь, — спрашивалъ я сестру: — когда она вернется? Мнѣ кажется, она вернется къ Рождеству, не позже. Что ей тамъ дѣлать?

— Если она тебѣ не пишетъ, то, очевидно, вернется очень скоро.

— Это правда, — соглашался я, хотя отлично зналъ, что Машѣ уже не-зачѣмъ возвращаться въ нашъ городъ.

Я сильно соскучился по ней и уже не могъ не обманывать себя и старался, чтобы меня обманывали другіе. Сестра ожидала своего доктора, а я — Машу, и оба мы непрерывно говорили, смѣялись и не замѣчали, что мѣшаемъ спать Карповнѣ, которая лежала у себя на печкѣ и все бормотала:

— Самоваръ-то гудѣлъ поутру, гудѣ-ѣлъ! Охъ, не къ добру, сердечные, не къ добру.

У насъ никто не бывалъ, кромѣ почтальона, приносившаго сестрѣ письма отъ доктора, да Прокофія, который иногда вечеромъ заходилъ къ намъ и, молча поглядѣвъ на сестру, уходилъ и ужъ у себя въ кухнѣ говорилъ:

— Всякое званіе должно свою науку помнить, а кто не желаетъ этого понимать по своей гордости, тому юдоль.

Онъ любилъ слово «юдоль». Какъ-то — это было уже на святкахъ, — когда я проходилъ базаромъ, онъ зазвалъ меня къ себѣ въ мясную лавку и, не подавая мнѣ руки, заявилъ, что ему нужно поговорить со мною о какомъ-то очень важномъ дѣлѣ. Онъ былъ красенъ отъ мороза и отъ водки; возлѣ него за прилавкомъ стоялъ

Николка съ разбойничьимъ лицомъ, держа въ рукѣ окровавленный ножъ.

— Я желаю выразить вамъ мои слова, — началъ Прокофій. — Это событіе не можетъ существовать, потому что сами понимаете, за такую юдоль люди не похвалятъ ни насъ, ни васъ. Мамаша, конечно, изъ жалости не можетъ говорить вамъ непріятности, чтобы ваша сестрица перебралась на другую квартиру по причинѣ своего положенія, а я больше не желаю, потому что ихняго поведенія не могу одобрить.

Я понялъ его и вышелъ изъ лавки. Въ тотъ же день я и сестра перебрались къ Рѣдькѣ. У насъ не было денегъ на извозчика, и мы шли пѣшкомъ; я несъ на спинѣ узелъ съ нашими вещами, у сестры же ничего не было въ рукахъ, но она задыхалась, кашляла и все спрашивала, скоро ли мы дойдемъ.

XIX

Наконецъ, пришло письмо отъ Маши.

«Милый, хорошій М. А., — писала она: — добрый, кроткій «ангелъ вы нашъ», какъ называетъ васъ старый маляръ, прощайте, я уѣзжаю съ отцомъ въ Америку на выставку. Черезъ нѣсколько дней я увижу океанъ — такъ далеко отъ Дубечни, страшно подумать! Это далеко и необъятно, какъ небо, и мнѣ хочется туда, на волю, я торжествую, я безумствую, и вы видите, какъ нескладно мое письмо. Милый, добрый, дайте мнѣ свободу, скорѣе порвите нить, которая еще держится, связывая меня и васъ. То, что я встрѣтила и узнала васъ, было небеснымъ

лучомъ, озарившимъ мое существованіе; но то, что я стала вашею женой, было ошибкой, вы понимаете это, и меня теперь тяготитъ сознаніе ошибки, и я на колѣняхъ умоляю васъ, мой великодушный другъ, скорѣе-скорѣе до отъѣзда моего въ океанъ, телеграфируйте, что вы согласны исправить нашу общую ошибку, снять этотъ единственный камень съ моихъ крыльевъ, и мой отецъ, который приметъ на себя всѣ хлопоты, обѣщаетъ мнѣ не слишкомъ отягощать васъ формальностями. Итакъ, вольная на всѣ четыре стороны? Да?

«Будьте счастливы, да благословитъ васъ Богъ, простите меня грѣшную.

«Жива, здорова. Сорю деньгами, дѣлаю много глупостей и каждую минуту благодарю Бога, что у такой дурной женщины, какъ я, нѣтъ дѣтей. Я пою и имѣю успѣхъ, но это не увлеченіе, нѣтъ, это — моя пристань, моя келія, куда я теперь ухожу на покой. У царя Давида было кольцо съ надписью: «все проходитъ». Когда грустно, то отъ этихъ словъ становится весело, а когда весело, то становится грустно. И я завела себѣ такое кольцо съ еврейскими буквами, и этотъ талисманъ удержитъ меня отъ увлеченій. Все проходитъ, пройдетъ и жизнь, значитъ ничего не нужно. Или нужно одно лишь сознаніе свободы, потому что, когда человѣкъ свободенъ, то ему ничего, ничего, ничего не нужно. Порвите же нитку. Васъ и сестру крѣпко обнимаю. Простите и забудьте вашу М.»

Сестра лежала въ одной комнатѣ, Рѣдька, который опять былъ боленъ и уже выздоравливалъ, — въ другой. Какъ разъ въ то время, ко-

гда я получилъ это письмо, сестра тихо прошла къ маляру, сѣла возлѣ и стала читать. Она каждый день читала ему Островскаго или Гоголя, и онъ слушалъ, глядя въ одну точку, не смѣясь, покачивая головой, и изрѣдка бормоталъ про себя:

«Все можетъ быть! Все можетъ быть!»

Если въ пьесѣ изображалось что-нибудь некрасивое, безобразное, то онъ говорилъ какъ бы съ злорадствомъ, тыча въ книгу пальцемъ:

— Вотъ она, лжа-то! Вотъ она что дѣлаетъ, лжа-то!

Пьесы привлекали его и содержанiемъ, и моралью, и своею сложною искусною постройкой, и онъ удивлялся *ему*, никогда не называя *его* по фамилiи:

— Какъ это *онъ* ловко все пригналъ къ мѣсту!

Теперь сестра тихо прочла только одну страницу и не могла больше: не хватало голоса. Рѣдька взялъ ее за руку и, пошевеливъ высохшими губами, сказалъ едва слышно, сиплымъ голосомъ:

— Душа у праведнаго бѣлая и гладкая, какъ мѣлъ, а у грѣшнаго, какъ пемза. Душа у праведнаго — олифа свѣтлая, а у грѣшнаго — смола газовая. Трудиться надо, скорбѣть надо, болѣзновать надо, — продолжалъ онъ: — а который человѣкъ не трудится и не скорбитъ, тому не будетъ царства небеснаго. Горе, горе сытымъ, горе сильнымъ, горе богатымъ, горе заимодавцамъ! Не видать имъ царствiя небеснаго. Тля ѣстъ траву, ржа — желѣзо...

— А лжа — душу, — продолжила сестра и разсмѣялась.

Я еще разъ прочелъ письмо. Въ это время въ кухню пришелъ солдатъ, приносившій намъ раза два въ недѣлю, неизвѣстно отъ кого, чай, французскія булки и рябчиковъ, отъ которыхъ пахло духами. Работы у меня не было, приходилось сидѣть дома по цѣлымъ днямъ, и, вѣроятно, тотъ, кто присылалъ намъ эти булки, зналъ, что мы нуждаемся.

Я слышалъ, какъ сестра разговаривала съ солдатомъ и весело смѣялась. Потомъ она, лежа, ѣла булку и говорила мнѣ:

— Когда ты не захотѣлъ служить и ушелъ въ маляры, я и Анюта Благово съ самаго начала знали, что ты правъ, но намъ было страшно высказать это вслухъ. Скажи, какая это сила мѣшаетъ сознаваться въ томъ, что думаешь? Взять вотъ хотя бы Анюту Благово. Она тебя любитъ, обожаетъ, она знаетъ, что ты правъ; она и меня любитъ, какъ сестру, и знаетъ, что я права, и небось въ душѣ завидуетъ мнѣ, но какая-то сила мѣшаетъ ей придти къ намъ, она избѣгаетъ насъ, боится.

Сестра сложила на груди руки и сказала съ увлеченіемъ:

— Какъ она тебя любитъ, если бъ ты зналъ! Въ этой любви она признавалась только мнѣ одной, и то потихоньку, впотемкахъ. Бывало, въ саду заведетъ въ темную аллею и начнетъ шептать, какъ ты ей дорогъ. Увидишь, она никогда не пойдетъ замужъ, потому что любитъ тебя. Тебѣ жаль ее?

— Да.

— Это она прислала булки. Смѣшная, право, къ чему скрываться? Я тоже была смѣшной и глупой, а вотъ ушла оттуда и уже никого не боюсь, думаю и говорю вслухъ, что хочу — и стала счастливой. Когда жила дома, и понятія не имѣла о счастьѣ, а теперь я не помѣнялась бы съ королевой.

Пришелъ докторъ Благово. Онъ получилъ докторскую степень и теперь жилъ въ нашемъ городѣ, у отца, отдыхалъ и говорилъ, что скоро опять уѣдетъ въ Петербургъ. Ему хотѣлось заняться прививками тифа и, кажется, холеры; хотѣлось поѣхать за границу, чтобы усовершенствоваться и потомъ занять каѳедру. Онъ уже оставилъ военную службу и носилъ просторные шевіотовые пиджаки, очень широкія брюки и превосходные галстуки. Сестра была въ восторгѣ отъ его булавокъ, запонокъ и отъ краснаго шелковаго платочка, который онъ, вѣроятно, изъ кокетства держалъ въ переднемъ карманѣ пиджака. Однажды, отъ нечего дѣлать, мы съ нею принялись считать на память всѣ его костюмы и рѣшили, что у него ихъ, по крайней мѣрѣ, штукъ десять. Было ясно, что онъ попрежнему любитъ мою сестру, но онъ ни разу даже въ шутку не сказалъ, что возьметъ ее съ собою въ Петербургъ или за границу, и я не могъ себѣ ясно представить, что будетъ съ нею, если она останется жива, что будетъ съ ея ребенкомъ. А она только безъ конца мечтала и не думала серьезно о будущемъ, она говорила, что пусть онъ ѣдетъ, куда хочетъ, и пусть даже броситъ ее, лишь бы самъ былъ счастливъ, а съ нея довольно и того, что было.

Обыкновенно, придя къ намъ, онъ выслушивалъ ее очень внимательно и требовалъ, чтобы она при немъ пила молоко съ каплями. И въ этотъ разъ было то же самое. Онъ выслушалъ ее и заставилъ выпить стаканъ молока, и послѣ этого въ нашихъ комнатахъ запахло креозотомъ.

— Вотъ умница, — сказалъ онъ, принимая отъ нея стаканъ. — Тебѣ нельзя много говорить, а въ послѣднее время ты болтаешь, какъ сорока. Пожалуйста, молчи.

Она засмѣялась. Потомъ онъ вошелъ въ комнату Рѣдьки, гдѣ я сидѣлъ, и ласково похлопалъ меня по плечу.

— Ну, что, старикъ? — спросилъ онъ, наклоняясь къ больному.

— Ваше высокоблагородіе... — проговорилъ Рѣдька, тихо пошевеливъ губами: — ваше высокоблагородіе, осмѣлюсь доложить... всѣ подъ Богомъ ходимъ, всѣмъ помирать надо... Дозвольте правду сказать... Ваше высокоблагородіе, не будетъ вамъ царства небеснаго!

— Что же дѣлать, — пошутилъ докторъ: — надо быть кому-нибудь и въ аду.

И вдругъ что-то сдѣлалось съ моимъ сознаніемъ; точно мнѣ приснилось, будто зимой, ночью, я стою въ бойнѣ на дворѣ, а рядомъ со мною Прокофій, отъ котораго пахнетъ перцовкой; я сдѣлалъ надъ собой усиліе и протеръ глаза, и тотчасъ же мнѣ представилось, будто я иду къ губернатору для объясненій. Ничего подобнаго не было со мной ни раньше, ни потомъ, и эти странныя воспоминанія, похожія на сонъ, я объясняю переутомленіемъ нервовъ. Я переживалъ и бойню, и объясненіе съ губернаторомъ и въ

то же время смутно сознавалъ, что этого нѣтъ на самомъ дѣлѣ.

Когда я очнулся, то увидѣлъ, что я уже не дома, а на улицѣ, и вмѣстѣ съ докторомъ стою около фонаря.

— Грустно, грустно, — говорилъ онъ, и слезы текли у него по щекамъ. — Она весела, постоянно смѣется, надѣется, а положеніе ея безнадежно, голубчикъ. Вашъ Рѣдька ненавидитъ меня и все хочетъ дать понять, что я поступилъ съ нею дурно. Онъ по-своему правъ, но у меня тоже своя точка зрѣнія, и я нисколько не раскаиваюсь въ томъ, что произошло. Надо любить, мы всѣ должны любить — не правда ли? — безъ любви не было бы жизни; кто боится и избѣгаетъ любви, тотъ не свободенъ.

Мало-по-малу онъ перешелъ на другія темы, заговорилъ о наукѣ, о своей диссертаціи, которая понравилась въ Петербургѣ; онъ говорилъ съ увлеченіемъ и уже не помнилъ ни о моей сестрѣ, ни о своемъ горѣ, ни обо мнѣ. Жизнь увлекала его. У той — Америка и кольцо съ надписью, думалъ я, а у этого — докторская степень и ученая карьера, и только я и сестра остались при старомъ.

Простившись съ нимъ, я подошелъ къ фонарю и еще разъ прочелъ письмо. И я вспомнилъ, живо вспомнилъ, какъ весной, утромъ, она пришла ко мнѣ на мельницу, легла и укрылась полушубочкомъ — ей хотѣлось походить на простую бабу. А когда, въ другой разъ, — это было тоже утромъ, — мы доставали изъ воды вершу, то на насъ съ прибрежныхъ ивъ сыпались крупныя капли дождя, и мы смѣялись...

Въ нашемъ домѣ на Большой Дворянской было темно. Я перелѣзъ черезъ заборъ и, какъ дѣлалъ это въ прежнее время, прошелъ чернымъ ходомъ въ кухню, чтобы взять тамъ лампочку. Въ кухнѣ никого не было; около печи шипѣлъ самоваръ, поджидая моего отца. «Кто-то теперь, — подумалъ я: — разливаетъ отцу чай?» Взявши лампочку, я пошелъ въ хибарку и тутъ примостилъ себѣ постель изъ старыхъ газетъ и легъ. Костыли на стѣнахъ сурово глядѣли попрежнему, и тѣни ихъ мигали. Было холодно. Мнѣ представилось, что сейчасъ должна придти сестра и принести мнѣ ужинъ, но тотчасъ же я вспомнилъ, что она больна и лежитъ въ домѣ Рѣдьки, и мнѣ показалось страннымъ, что я перелѣзъ черезъ заборъ и лежу въ нетопленой хибаркѣ. Сознанье мое путалось, и я видѣлъ всякій вздоръ.

Звонокъ. Съ дѣтства знакомые звуки: сначала проволока шуршитъ по стѣнѣ, потомъ въ кухнѣ раздается короткій, жалобный звонъ. Это изъ клуба вернулся отецъ. Я всталъ и отправился въ кухню. Кухарка Аксинья, увидѣвъ меня, всплеснула руками и почему-то заплакала.

— Родной мой! — заговорила она тихо. — Дорогой! О, Господи!

И отъ волненія стала мять въ рукахъ свой фартукъ. На окнѣ стояли четвертныя бутыли съ ягодами и водкой. Я налилъ себѣ чайную чашку и съ жадностью выпилъ, потому что мнѣ сильно хотѣлось пить. Аксинья только недавно вымыла столъ и скамьи, и въ кухнѣ былъ запахъ, какой бываетъ въ свѣтлыхъ, уютныхъ кухняхъ у опрятныхъ кухарокъ. И этотъ запахъ, и крикъ сверчка когда-то въ дѣтствѣ манили

насъ, дѣтей, сюда въ кухню и располагали къ сказкамъ, къ игрѣ въ короли...

— А Клеопатра гдѣ? — спрашивала Аксинья тихо, торопясь, сдерживая дыханіе. — А шапка твоя гдѣ, батюшка? А жена, сказываютъ, въ Питеръ уѣхала?

Она служила еще при нашей матери и купала когда-то меня и Клеопатру въ корытѣ, и теперь для нея мы все еще были дѣти, которыхъ нужно было наставлять. Въ какія-нибудь четверть часа она выложила передо мною всѣ свои соображенія, какія съ разсудительностью старой слуги скапливала въ тиши этой кухни все время, пока мы не видѣлись. Она сказала, что доктора можно заставить жениться на Клеопатрѣ, — стóитъ только припугнуть его, и если хорошо написать прошеніе, то архіерей расторгнетъ его первый бракъ; что хорошо бы потихоньку отъ жены Дубечню продать, а деньги положить въ банкъ на мое имя; что если бы я и сестра поклонились отцу въ ноги и попросили хорошенько, то, быть можетъ, онъ простилъ бы насъ; что надо бы отслужить молебенъ Царицѣ Небесной...

— Ну, иди, батюшка, поговори съ нимъ, — сказала она, когда послышался кашель отца. — Ступай, поговори, поклонись, голова не отвалится.

Я пошелъ. Отецъ уже сидѣлъ за столомъ и чертилъ планъ дачи съ готическими окнами и съ толстою башней, похожею на пожарную каланчу — нѣчто необыкновенно упрямое и бездарное. Я, войдя въ кабинетъ, остановился такъ, что мнѣ былъ виденъ этотъ чертежъ. Я не зналъ, зачѣмъ я пришелъ къ отцу, но помню, когда

я увидѣлъ его тощее лицо, красную шею, его тѣнь на стѣнѣ, то мнѣ захотѣлось броситься къ нему на шею и, какъ учила Аксинья, поклониться ему въ ноги; но видъ дачи съ готическими окнами и съ толстою башней удержалъ меня.

— Добрый вечеръ, — сказалъ я.

Онъ взглянулъ на меня и тотчасъ же опустилъ глаза на свой чертежъ.

— Что тебѣ нужно? — спросилъ онъ, немного погодя.

— Я пришелъ вамъ сказалъ, — сестра очень больна. Она скоро умретъ, — добавилъ я глухо.

— Что жъ? — вздохнулъ отецъ, снимая очки и кладя ихъ на столъ. — Что посѣешь, то и пожнешь. Что посѣешь, — повторилъ онъ, вставая изъ-за стола: — то и пожнешь. Я прошу тебя вспомнить, какъ два года назадъ ты пришелъ ко мнѣ, и вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ я просилъ тебя, умолялъ оставить свои заблужденія, напоминалъ тебѣ о долгѣ, чести и о твоихъ обязанностяхъ по отношенію къ предкамъ, традиціи которыхъ мы должны свято хранить. Послушалъ ли ты меня? Ты пренебрегъ моими совѣтами и съ упорствомъ продолжалъ держаться своихъ ложныхъ взглядовъ; мало того, въ свои заблужденія ты вовлекъ также сестру и заставилъ ее потерять нравственность и стыдъ. Теперь вамъ обоимъ приходится нехорошо. Что жъ? Что посѣешь, то и пожнешь!

Онъ говорилъ это и ходилъ по кабинету. Вѣроятно, онъ думалъ, что я пришелъ къ нему съ повинною, и, вѣроятно, онъ ждалъ, что я начну просить за себя и сестру. Мнѣ было хо-

лодно, я дрожалъ, какъ въ лихорадкѣ, и говорилъ съ трудомъ, хриплымъ голосомъ.

— И я тоже прошу вспомнить, — сказалъ я: — на этомъ самомъ мѣстѣ я умолялъ васъ понять меня, вдуматься, вмѣстѣ рѣшить, какъ и для чего намъ жить, а вы въ отвѣтъ заговорили о предкахъ, о дѣдушкѣ, который писалъ стихи. Вамъ говорятъ теперь о томъ, что ваша единственная дочь безнадежна, а вы опять о предкахъ, о традиціяхъ!.. И такое легкомысліе въ старости, когда смерть не за горами, когда осталось жить какихъ-нибудь пять, десять лѣтъ!

— Ты зачѣмъ пришелъ сюда? — строго спросилъ отецъ, очевидно оскорбленный тѣмъ, что я попрекнулъ его легкомысліемъ.

— Не знаю. Я люблю васъ, мнѣ невыразимо жаль, что мы такъ далеки другъ отъ друга, — вотъ я и пришелъ. Я еще люблю васъ, но сестра уже окончательно порвала съ вами. Она не прощаетъ и уже никогда не проститъ. Ваше одно имя возбуждаетъ въ ней отвращеніе къ прошлому, къ жизни.

— А кто виноватъ? — крикнулъ отецъ. — Ты же и виноватъ, негодяй!

— Да, пусть я виноватъ, — сказалъ я. — Сознаю, я виноватъ во многомъ, но зачѣмъ же эта ваша жизнь, которую вы считаете обязательною и для насъ, — зачѣмъ она такъ скучна, такъ бездарна, зачѣмъ ни въ одномъ изъ этихъ домовъ, которые вы строите вотъ уже тридцать лѣтъ, нѣтъ людей, у которыхъ я могъ бы поучиться, какъ жить, чтобы не быть виноватымъ? Во всемъ городѣ ни одного честнаго человѣка! Эти

ваши дома — проклятыя гнѣзда, въ которыхъ сживаютъ со свѣта матерей, дочерей, мучаютъ дѣтей... Бѣдная моя мать! — продолжалъ я въ отчаяніи. — Бѣдная сестра! Нужно одурять себя водкой, картами, сплетнями, надо подличать, ханжить, или десятки лѣтъ чертить и чертить, чтобы не замѣчать всего ужаса, который прячется въ этихъ домахъ. Городъ нашъ существуетъ уже сотни лѣтъ и за все время онъ не далъ родинѣ ни одного полезнаго человѣка — ни одного! Вы душили въ зародышѣ все маломальски живое и яркое! Городъ лавочниковъ, трактирщиковъ, канцеляристовъ, ханжей, ненужный, безполезный городъ, о которомъ не пожалѣла бы ни одна душа, если бы онъ вдругъ провалился сквозь землю.

— Я не желаю слушать тебя, негодяй! — сказалъ отецъ и взялъ со стола линейку. — Ты пьянъ! Ты не смѣешь являться въ такомъ видѣ къ отцу! Говорю тебѣ въ послѣдній разъ, и передай это своей безнравственной сестрѣ, что вы отъ меня ничего не получите. Непокорныхъ дѣтей я вырвалъ изъ своего сердца, и если они страдаютъ отъ непокорности и упорства, то я не жалѣю ихъ. Можешь уходить, откуда пришелъ! Богу угодно было наказать меня вами, но я со смиреніемъ переношу это испытаніе, и, какъ Іовъ, нахожу утѣшеніе въ страданіяхъ и постоянномъ трудѣ. Ты не долженъ переступать моего порога, пока не исправишься. Я справедливъ, все, что я говорю, это полезно, и если ты хочешь себѣ добра, то ты долженъ всю свою жизнь помнить то, что я говорилъ тебѣ и говорю.

Я махнулъ рукой и вышелъ. Затѣмъ не помню, что было ночью и на другой день.

Говорятъ, что я ходилъ по улицамъ безъ шапки, шатаясь, и громко пѣлъ, а за мною толпами ходили мальчишки и кричали:

— Маленькая польза! Маленькая польза!

XX

Если бы у меня была охота заказать себѣ кольцо, то я выбралъ бы такую надпись: «ничто не проходитъ». Я вѣрю, что ничто не проходитъ безслѣдно, и что каждый малѣйшій шагъ нашъ имѣетъ значеніе для настоящей и будущей жизни.

То, что я пережилъ, не прошло даромъ. Мои большія несчастья, мое терпѣніе тронули сердца обывателей, и теперь меня уже не зовутъ маленькой пользой, не смѣются надо мною, и, когда я прохожу торговыми рядами, меня уже не обливаютъ водой. Къ тому, что я сталъ рабочимъ, уже привыкли и не видятъ ничего страннаго въ томъ, что я, дворянинъ, ношу ведра съ краской и вставляю стекла; напротивъ, мнѣ охотно даютъ заказы, и я считаюсь уже хорошимъ мастеромъ и лучшимъ подрядчикомъ, послѣ Рѣдьки, который хотя и выздоровѣлъ и хотя попрежнему краситъ безъ подмостковъ купола на колокольняхъ, но уже не въ силахъ управляться съ ребятами; вмѣсто него я теперь бѣгаю по городу и ищу заказовъ, я нанимаю и разсчитываю ребятъ, я беру деньги взаймы подъ большіе проценты. И теперь, ставши подрядчикомъ, я понимаю, какъ это изъ-за грошоваго заказа можно дня по три бѣгать

по городу и искать кровельщиковъ. Со мною вѣжливы, говорятъ мнѣ *вы*, и въ домахъ, гдѣ я работаю, меня угощаютъ чаемъ и присылаютъ спросить, не хочу ли я обѣдать. Дѣти и дѣвушки часто приходятъ и съ любопытствомъ и съ грустью смотрятъ на меня.

Какъ-то я работалъ въ губернаторскомъ саду, красилъ тамъ бесѣдку подъ мраморъ. Губернаторъ, гуляя, зашелъ въ бесѣдку и, отъ нечего дѣлать, заговорилъ со мною, и я напомнилъ ему, какъ онъ когда-то приглашалъ меня къ себѣ для объясненій. Онъ минуту вглядывался мнѣ въ лицо, потомъ сдѣлалъ ротъ, какъ *о*, развелъ руками и сказалъ:

— Не помню!

Я постарѣлъ, сталъ молчаливъ, суровъ, строгъ, рѣдко смѣюсь, и говорятъ, что я сталъ похожъ на Рѣдьку и, какъ онъ, нагоняю на ребятъ скуку своими безполезными наставленіями.

Марія Викторовна, бывшая жена моя, живетъ теперь за границей, а ея отецъ, инженеръ, гдѣ-то въ восточныхъ губерніяхъ строитъ дорогу и покупаетъ тамъ имѣнія. Докторъ Благово тоже за границей. Дубечня перешла опять къ госпожѣ Чепраковой, которая купила ее, выторговавъ у инженера двадцать процентовъ уступки. Моисей ходитъ уже въ шляпѣ котелкомъ; онъ часто пріѣзжаетъ въ городъ на бѣговыхъ дрожкахъ по какимъ-то дѣламъ и останавливается около банка. Говорятъ, что онъ уже купилъ себѣ имѣніе съ переводомъ долга и постоянно справляется въ банкѣ насчетъ Дубечни, которую тоже собирается купить. Бѣдный Иванъ Чепраковъ долго шатался по городу, ничего не

дѣлая и пьянствуя. Я попытался было пристроить его къ нашему дѣлу, и одно время онъ вмѣстѣ съ нами красилъ крыши и вставлялъ стекла, и даже вошелъ во вкусъ, и, какъ настоящій маляръ, кралъ олифу, просилъ на чай, пьянствовалъ. Но скоро дѣло надоѣло ему, онъ заскучалъ и вернулся въ Дубечню, и потомъ ребята признавались мнѣ, что онъ подговаривалъ ихъ какъ-нибудь ночью вмѣстѣ съ нимъ убить Моисея и ограбить генеральшу.

Отецъ сильно постарѣлъ, сгорбился и по вечерамъ гуляетъ около своего дома. Я у него не бываю.

Прокофій во время холеры лѣчилъ лавочниковъ перцовкой и дегтемъ и бралъ за это деньги, и, какъ я узналъ изъ нашей газеты, его наказывали розгами за то, что онъ, сидя въ своей мясной лавкѣ, дурно отзывался о докторахъ. Его приказчикъ Николка умеръ отъ холеры. Карповна еще жива и попрежнему любитъ и боится своего Прокофія. Увидѣвъ меня, она всякій разъ печально качаетъ головой и говоритъ со вздохомъ:

— Пропала твоя головушка!

Въ будни я бываю занятъ съ ранняго утра до вечера. А по праздникамъ, въ хорошую погоду, я беру на руки свою крошечную племянницу (сестра ожидала мальчика, но родилась у нея дѣвочка) и иду, не спѣша, на кладбище. Тамъ я стою или сижу, и подолгу смотрю на дорогую мнѣ могилу и говорю дѣвочкѣ, что тутъ лежитъ ея мама.

Иногда у могилы я застаю Анюту Благово. Мы здороваемся и стоимъ молча, или говоримъ

о Клеопатрѣ, объ ея дѣвочкѣ, о томъ, какъ грустно жить на этомъ свѣтѣ. Потомъ, выйдя изъ кладбища, мы идемъ молча, и она замедляетъ шагъ — нарочно, чтобы подольше идти со мной рядомъ. Дѣвочка, радостная, счастливая, жмурясь отъ яркаго дневного свѣта, смѣясь, протягиваетъ къ ней ручки, и мы останавливаемся и вмѣстѣ ласкаемъ эту милую дѣвочку.

А когда входимъ въ городъ, Анюта Благово, волнуясь и краснѣя, прощается со мною и продолжаетъ идти одна, солидная, суровая... И уже, никто изъ встрѣчныхъ, глядя на нее, не могъ бы подумать, что она только-что шла рядомъ со мною и даже ласкала ребенка.

1896.

Въ родномъ углу

I

Донецкая дорога. Невеселая станція, одиноко бѣлѣющая въ степи, тихая, со стѣнами, горячими отъ зноя, безъ одной тѣни и, похоже, безъ людей. Поѣздъ уже ушелъ, покинувъ васъ здѣсь, и шумъ его слышится чуть-чуть и замираетъ наконецъ... Около станціи пустынно и нѣтъ другихъ лошадей, кромѣ вашихъ. Вы садитесь въ коляску, — это такъ пріятно послѣ вагона, — и катите по степной дорогѣ, и передъ вами мало-по-малу открываются картины, какихъ нѣтъ подъ Москвой, громадныя, безконечныя, очаровательныя своимъ однообразіемъ. Степь, степь — и больше ничего; вдали старый курганъ, или вѣтрякъ; везутъ на волахъ каменный уголь... Птицы, въ одиночку, низко носятся надъ равниной, и мѣрныя движенія ихъ крыльевъ нагоняютъ дремоту. Жарко. Прошелъ часъ-другой, а все степь, степь, и все курганъ вдали. Вашъ кучеръ разсказываетъ что-то, часто указывая кнутомъ въ сторону, что-то длинное и ненужное, и душой овладѣваетъ спокойствіе, о прошломъ не хочется думать ...

За Вѣрой Ивановной Кардиной выѣхали на тройкѣ. Кучеръ уложилъ вещи и сталъ поправлять сбрую.

— Все, какъ было, — сказала Вѣра, оглядываясь. — Въ послѣдній разъ я была здѣсь еще дѣвочкой, лѣтъ десять назадъ. Помню, выѣзжалъ за мной тогда старикъ Борисъ. Что, онъ живъ еще?

Кучеръ ничего не отвѣтилъ и только сердито, по-хохлацки поглядѣлъ на нее и полѣзъ на козла.

Нужно было проѣхать отъ станціи верстъ тридцать, и Вѣра тоже поддалась обаянію степи, забыла о прошломъ и думала только о томъ, какъ здѣсь просторно, какъ свободно; ей, здоровой, умной, красивой, молодой — ей было только 23 года — недоставало до сихъ поръ въ жизни именно только этого простора и свободы.

Степь, степь... Лошади бѣгутъ, солнце все выше, и кажется, что тогда, въ дѣтствѣ, степь не бывала въ іюнѣ такой богатой, такой пышной; травы въ цвѣту — зеленыя, желтыя, лиловыя, бѣлыя, и отъ нихъ, и отъ нагрѣтой земли идетъ ароматъ; и какія-то странныя синія птицы по дорогѣ... Вѣра давно уже отвыкла молиться, но теперь шепчетъ, превозмогая дремоту:

«Господи, дай, чтобы мнѣ было здѣсь хорошо».

А на душѣ покойно, сладко, и, кажется, согласилась бы всю жизнь ѣхать такъ и смотрѣть на степь. Вдругъ неожиданно глубокій оврагъ, поросшій молодымъ дубомъ и ольхой; потянуло влагой, — должно быть, ручей внизу. На этой сторонѣ, у самаго края оврага, вспорхнула съ шумомъ стая куропатокъ. Вѣра вспомнила, что когда-то къ этому оврагу ходили по вечерамъ гулять; значитъ, уже усадьба близко! И вотъ въ самомъ дѣлѣ виднѣются вдали тополи, клуня; въ сторонѣ черный дымъ: это жгутъ старую солому. Вотъ тетя Даша идетъ навстрѣчу и машетъ платкомъ; дѣдушка на террасѣ. Боже, какая радость!

— Милая! милая! — говорила тетя, вскрикивая, какъ въ истерикѣ. — Пріѣхала наша настоящая хозяйка! Пойми, вѣдь ты наша хозяйка, наша королева! Тутъ все твое! Милая, красавица, я не тетка, а твоя послушная раба!

У Вѣры никого не было родныхъ, кромѣ дѣдушки и тети; мать умерла уже давно, отецъ, инженеръ, умеръ три мѣсяца назадъ въ Казани, проѣздомъ изъ Сибири. Дѣдушка былъ съ большой сѣдой бородой, толстый, красный, съ одышкой, и ходилъ, выпятивъ впередъ животъ и опираясь на палку. Тетя, дама лѣтъ сорока двухъ, одѣтая въ модное платье съ высокими рукавами, сильно стянутая въ таліи, очевидно, молодилась и еще хотѣла нравиться; ходила она мелкими шагами, и у нея при этомъ вздрагивала спина.

— Ты будешь насъ любить? — говорила она, обнимая Вѣру. — Ты не гордая?

По желанію дѣдушки отслужили благодарственный молебенъ, потомъ долго обѣдали — и для Вѣры началась ея новая жизнь. Ей отвели лучшую комнату, снесли туда всѣ ковры, какіе только были въ домѣ, поставили много цвѣтовъ; и когда она вечеромъ легла въ свою уютную, широкую, очень мягкую постель и укрылась шелковымъ одѣяломъ, отъ котораго пахло старымъ лежалымъ платьемъ, то засмѣялась отъ удовольствія. Тетя Даша пришла на минутку, чтобы пожелать ей спокойной ночи.

— Вотъ ты и пріѣхала, слава Богу, — сказала она, садясь на постель. — Какъ видишь, живемъ хорошо, лучше и не нужно. Только вотъ одно: дѣдушка твой плохъ! Бѣда, какъ плохъ! Задыхается и ужъ забываться сталъ. А вѣдь —

помнишь? — какое здоровье, какая сила! Неукротимый былъ человѣкъ... Прежде, бывало, чуть прислуга не угодитъ или что, какъ вскочитъ и — «Двадцать пять горячихъ! Розогъ!» А теперь присмирѣлъ и не слыхать его. И то сказать, не тѣ времена теперь, душечка — бить нельзя. Оно, конечно, зачѣмъ бить, но и распускать тоже не слѣдуетъ.

— Тетя, а ихъ теперь бьютъ? — спросила Вѣра.

— Приказчикъ, случается, бьетъ, а я нѣтъ. Богъ съ ними! И дѣдушка твой, по старой памяти, иной разъ замахнется палкой, но бить не бьетъ.

Тетя Даша зѣвнула и перекрестила ротъ, потомъ правое ухо.

— Здѣсь не скучно жить? — спросила Вѣра.

— Какъ тебѣ сказать? Помѣщики теперь перевелись, не живутъ тутъ; но зато понастроили кругомъ заводовъ, душечка, и тутъ этихъ инженеровъ, докторовъ, штейгеровъ — сила! Конечно, спектакли, концерты, но больше все карты. И къ намъ ѣздятъ. Бываетъ у насъ докторъ Нещаповъ, изъ завода, такой красивый, интересный! Въ твою фотографію влюбился. Я ужъ и рѣшила: ну, думаю, это Вѣрочкина судьба. Молодой, красивый, со средствами — партія, однимъ словомъ. Ну, да вѣдь и ты у меня невѣста хоть куда. Фамиліи хорошей, имѣніе наше заложено, но — что жъ? — зато устроено, не запущено; моя тутъ есть часть, но все тебѣ останется; я твоя послушная раба. И покойный мой братъ, папочка твой, пятнадцать тысячъ оставилъ... Ну, однако, я вижу, у тебя глазки слипаются. Спи, дѣточка.

На другой день Вѣра долго гуляла около дома. Садъ старый, некрасивый, безъ дорожекъ, расположенный неудобно, по скату, былъ совершенно заброшенъ: должно быть, считался лишнимъ въ хозяйствѣ. Много ужей. Удоды летали подъ деревьями и кричали — «у-ту-тутъ!» такимъ тономъ, какъ будто хотѣли о чемъ-то напомнить. Внизу была рѣка, поросшая выкокимъ камышомъ, а за рѣкой, въ полуверстѣ отъ берега, — деревня. Изъ сада Вѣра пошла въ поле; глядя въ даль, думая о своей новой жизни въ родномъ гнѣздѣ, она все хотѣла понять, что̀ ждетъ ее. Этотъ просторъ, это красивое спокойствіе степи говорили ей, что счастье близко и уже пожалуй есть; въ сущности тысячи людей сказали бы: какое счастье быть молодой, здоровой, образованной, жить въ собственной усадьбѣ! И въ то же время нескончаемая равнина, однообразная, безъ одной живой души, пугала ее, и минутами было ясно, что это спокойное зеленое чудовище поглотитъ ея жизнь, обратитъ въ ничто. Она молода, изящна, любитъ жизнь; она кончила въ институтѣ, выучилась говорить на трехъ языкахъ, много читала, путешествовала съ отцомъ, — но неужели все это только для того, чтобы въ концѣ концовъ поселиться въ глухой степной усадьбѣ и изо дня въ день, отъ нечего дѣлать, ходить изъ сада въ поле, изъ поля въ садъ и потомъ сидѣть дома и слушать, какъ дышитъ дѣдушка? Но что же дѣлать? Куда дѣваться? И никакъ она не могла дать себѣ отвѣта и, когда возвращалась домой, то думала, что едва ли здѣсь она будетъ счастлива и что ѣхать со станціи сюда гораздо интереснѣе, чѣмъ жить здѣсь.

Пріѣхалъ изъ завода докторъ Нещаповъ. Онъ былъ врачомъ, но года три назадъ взялъ на заводѣ пай и сталъ однимъ изъ хозяевъ и теперь не считалъ медицину своимъ главнымъ дѣломъ, хотя и занимался практикой. Наружно это былъ блѣдный, стройный брюнетъ въ бѣломъ жилетѣ; понять же, что у него въ душѣ и въ головѣ, было трудно. Здороваясь, онъ поцѣловалъ у тети Даши руку и потомъ то-и-дѣло вскакивалъ, чтобы подать стулъ или уступить мѣсто, все время былъ очень серьезенъ и молчалъ, и если начиналъ говорить, то почему-то первую фразу его нельзя было разслышать и понять, хотя говорилъ онъ правильно и не тихо.

— Вы изволите играть на роялѣ? — спросилъ онъ у Вѣры и вдругъ вскочилъ, такъ какъ она уронила платокъ.

Просидѣлъ онъ съ полудня до 12-ти часовъ ночи, молча, и очень не понравился Вѣрѣ; ей казалось, что бѣлый жилетъ въ деревнѣ, это — дурной тонъ, а изысканная вѣжливость, манеры и блѣдное, серьезное лицо съ темными бровями были приторны; и ей казалось, что постоянно молчалъ онъ потому, вѣроятно, что былъ недалекъ. Тетя же, когда онъ уѣхалъ, сказала радостно:

— Ну, что? Не правда ли, прелесть?

II

Тетя Даша занималась хозяйствомъ. Сильно затянутая, звеня браслетами на обѣихъ рукахъ, она ходила то въ кухню, то въ амбаръ, то на скотный, мелкими шагами, и спина у нея вздра-

гивала; и когда она говорила съ приказчикомъ или съ мужиками, то почему-то всякій разъ надѣвала pince-nez. Дѣдушка сидѣлъ все на одномъ мѣстѣ и раскладывалъ пасьянсъ или дремалъ. За обѣдомъ и за ужиномъ онъ ѣлъ ужасно много; ему подавали и сегодняшнее, и вчерашнее, и холодный пирогъ, оставшійся съ воскресенья, и людскую солонину, и онъ все съѣдалъ съ жадностью, и отъ каждаго обѣда у Вѣры оставалось такое впечатлѣніе, что когда потомъ она видѣла, какъ гнали овецъ или везли съ мельницы муку, то думала: «Это дѣдушка съѣстъ». Бо̀льшею частью онъ молчалъ, погруженный въ ѣду или пасьянсъ; но, случалось, за обѣдомъ, при взглядѣ на Вѣру, онъ умилялся и говорилъ нѣжно:

— Внучка моя единственная! Вѣрочка!

И слезы блестѣли у него на глазахъ. Или вдругъ лицо у него багровѣло, шея надувалась, онъ со злобой глядѣлъ на прислугу и спрашивалъ, стуча палкой:

— Почему хрѣну не подали?

Зимою онъ велъ совершенно неподвижную жизнь, лѣтомъ же иногда ѣздилъ въ поле, чтобы взглянуть на овсы и на травы, и, вернувшись, говорилъ, что безъ него вездѣ безпорядки, и замахивался палкой.

— Не въ духѣ твой дѣдушка, — шептала тетя Даша. — Ну, да теперь ничего, а прежде не дай Богъ: «Двадцать пять горячихъ! Розогъ!»

Тетя жаловалась, что всѣ облѣнились, никто ничего не дѣлаетъ и что имѣніе не приноситъ никакого дохода. Въ самомъ дѣлѣ, никакого сельскаго хозяйства не было; пахали и сѣяли немного, только по привычкѣ, и въ сущности ни-

чего не дѣлали, жили праздно. Между тѣмъ весь день ходили, считали, хлопотали; бѣготня въ домѣ начиналась съ пяти часовъ утра и постоянно слышалось «подай», «принеси», «сбѣгай», и прислуга обыкновенно къ вечеру уже выбивалась изъ силъ. У тети каждую недѣлю мѣнялись кухарки и горничныя; то она разсчитывала ихъ за безнравственность, то онѣ сами уходили, говоря, что замучились. Изъ своихъ деревенскихъ никто не шелъ служить, и приходилось нанимать дальнихъ. Изъ своихъ жила одна только дѣвушка Алена и не уходила потому, что на ея жалованье кормилась дома вся семья — старухи и дѣти. Эта Алена, маленькая, блѣдная, глуповатая, весь день убирала комнаты, служила за столомъ, топила печи, шила, стирала, но все казалось, что она возится, стучитъ сапогами и только мѣшаетъ въ домѣ; изъ страха, какъ бы ее не разсчитали и не услали домой, она роняла и часто била посуду, и у нея вычитали изъ жалованья, а потомъ ея мать и бабушка приходили и кланялись тетѣ Дашѣ въ ноги.

Разъ въ недѣлю, а иногда и чаще пріѣзжали гости. Тетя входила къ Вѣрѣ и говорила:

— Ты бы посидѣла съ гостями, а то подумаютъ, что ты гордая.

Вѣра шла къ гостямъ и играла съ ними подолгу въ винтъ или играла на роялѣ, а гости танцовали; тетя, веселая, тяжело дыша отъ танцевъ, подходила къ ней и шептала:

— Будь поласковѣй съ Марьей Никифоровной.

6-го декабря, въ Николинъ день, пріѣхало сразу много гостей, человѣкъ тридцать; играли

въ винтъ до поздней ночи и многіе остались ночевать. Съ утра опять засѣли за карты, потомъ обѣдали, и когда послѣ обѣда Вѣра пошла къ себѣ въ комнату, чтобы отдохнуть отъ разговоровъ и отъ табачнаго дыма, то и тамъ были гости, и она едва не заплакала съ отчаянія. И когда вечеромъ всѣ они стали собираться домой, то отъ радости, что они, наконецъ, уѣзжаютъ, она сказала:

— Вы бы еще посидѣли!

Гости утомляли ее и стѣсняли; и въ то же время, — это бывало почти каждый день, — едва начинало темнѣть, какъ ее уже тянуло изъ дому, и она уѣзжала въ гости куда-нибудь на заводъ или къ сосѣдямъ-помѣщикамъ; и тамъ игра въ карты, танцы, фанты, ужины... Молодые люди, служащіе на заводахъ и шахтахъ, иногда пѣли малороссійскія пѣсни и очень недурно. Становилось грустно, когда они пѣли. Или сходились всѣ въ одну комнату и тутъ въ сумеркахъ говорили о шахтахъ, о кладахъ, зарытыхъ когда-то въ степи, о Сауръ-Могилѣ... Во время разговора въ позднее время, случалось, вдругъ доносилось «ка-ра-у-лъ!» Это пьяный шелъ, или грабили кого-нибудь по сосѣдству въ шахтахъ. Или же въ печахъ завывалъ вѣтеръ, хлопали ставни, потомъ, немного погодя, слышался тревожный звонъ въ церкви; это начиналась метель.

На всѣхъ вечерахъ, пикникахъ и обѣдахъ неизмѣнно самой интересной женщиной была тетя Даша и самымъ интереснымъ мужчиной докторъ Нещаповъ. На заводахъ и въ усадьбахъ читали очень мало, играли только марши и польки, и моледежь всегда горячо спорила о томъ,

чего не понимала, и это выходило грубо. Спорили горячо и громко, но, странно, нигдѣ въ другомъ мѣстѣ Вѣра не встрѣчала такихъ равнодушныхъ и беззаботныхъ людей, какъ здѣсь. Казалось, что у нихъ нѣтъ ни родины, ни религіи, ни общественныхъ интересовъ. Когда говорили о литературѣ или рѣшали какой-нибудь отвлеченный вопросъ, то по лицу Нещапова видно было, что это его нисколько не интересуетъ и что уже давно, очень давно онъ не читалъ ничего и читать не хочетъ. Онъ, серьезный, безъ выраженія, точно дурно написанный портретъ, постоянно въ бѣломъ жилетѣ, попрежнему все молчалъ и былъ непонятенъ; но дамы и барышни находили его интереснымъ и были въ восторгѣ отъ его манеръ и завидовали Вѣрѣ, которая ему, повидимому, очень нравилась. И Вѣра всякій разъ уѣзжала изъ гостей съ досадой и давала себѣ слово сидѣть дома; но проходилъ день, наступалъ вечеръ, и она снова спѣшила на заводъ, и такъ почти всю зиму.

Она выписывала книги и журналы и читала у себя въ комнатѣ. И по ночамъ читала, лежа въ постели. Когда часы въ коридорѣ били два или три и когда уже отъ чтенія начинали болѣть виски, она садилась въ постели и думала. Что дѣлать? Куда дѣваться? Проклятый, назойливый вопросъ, на который давно уже готово много отвѣтовъ и въ сущности нѣтъ ни одного.

О, какъ это, должно, быть, благородно, свято, картинно — служить народу, облегчать его муки, просвѣщать его. Но она, Вѣра, не знаетъ народа. И какъ подойти къ нему? Онъ чуждъ ей, неинтересенъ; она не выноситъ тяжелаго запаха

избъ, кабацкой брани, немытыхъ дѣтей, бабьихъ разговоровъ о болѣзняхъ. Идти по сугробамъ, зябнуть, потомъ сидѣть въ душной избѣ, учить дѣтей, которыхъ не любишь, — нѣтъ, лучше умереть! И учить мужицкихъ дѣтей въ то время, какъ тетя Даша получаетъ доходъ съ трактировъ и штрафуетъ мужиковъ — какая это была бы комедія! Сколько разговоровъ про школы, сельскія библіотеки, про всеобщее обученіе, но вѣдь если бы всѣ эти знакомые инженеры, заводчики, дамы не лицемѣрили, а въ самомъ дѣлѣ вѣрили, что просвѣщеніе нужно, то они не платили бы учителямъ по 15 рублей въ мѣсяцъ, какъ теперь, и не морили бы ихъ голодомъ. И школы, и разговоры о невѣжествѣ — это для того только, чтобы заглушать совѣсть, такъ какъ стыдно имѣть пять или десять тысячъ десятинъ земли и быть равнодушнымъ къ народу. Вотъ про доктора Нещапова говорятъ дамы, что онъ добрый, устроилъ при заводѣ школу. Да, школу построилъ изъ стараго заводскаго камня, рублей за восемьсотъ, и «многая лѣта» пѣли ему на освященіи школы, а вотъ небось пая своего не отдастъ, и небось въ голову ему не приходитъ, что мужики такіе же люди, какъ онъ, и что ихъ тоже нужно учить въ университетахъ, а не только въ этихъ жалкихъ заводскихъ школахъ.

И Вѣра чувствуетъ злобу на себя и на всѣхъ. Она берется опять за книгу и хочетъ читать, но, немного погодя, опять садится и думаетъ. Сдѣлаться врачомъ? Но для этого нужно держать экзаменъ по латинскому языку, и къ тому же еще у нея непобѣдимое отвращеніе къ трупамъ и болѣзнямъ. Хорошо бы стать механикомъ,

судьей, командиромъ парохода, ученымъ, дѣлать бы что-нибудь такое, на что уходили бы всѣ силы, физическія и душевныя, и чтобы утомляться и потомъ крѣпко спать ночью; отдать бы свою жизнь чему-нибудь такому, чтобы быть интереснымъ человѣкомъ, нравиться интереснымъ людямъ, любить, имѣть свою настоящую семью... Но что дѣлать? Съ чего начать?

Какъ-то, въ одно изъ воскресеній въ Великомъ посту, тетя зашла къ ней рано утромъ, чтобы взять зонтикъ. Вѣра сидѣла въ постели, охвативъ голову руками, и думала.

— Ты бы, душечка, поѣхала въ церковь, — сказала тетя: — а то подумаютъ, что ты невѣрующая.

Вѣра ничего не отвѣтила.

— Я вижу, ты скучаешь, бѣдняжечка, — сказала тетя, опускаясь на колѣни передъ постелью; она обожала Вѣру. — Признайся: скучаешь?

— Очень.

— Красавица, королева моя, я твоя послушная раба, я желаю тебѣ только добра и счастья... Скажи, отчего ты не хочешь идти за Нещапова? Кого же тебѣ еще нужно, дѣточка? Извини, милая, перебирать такъ нельзя, мы не князья... Время уходитъ, тебѣ не 17 лѣтъ... И не понимаю! Онъ тебя любитъ, боготворитъ!

— Ахъ, Господи, — сказала Вѣра съ досадой: — но почемъ я знаю? Самъ онъ молчитъ, никогда не говоритъ ни слова.

— Онъ стѣсняется, душечка... А вдругъ ты ему откажешь!

И когда потомъ тетя вышла, Вѣра стояла среди своей комнаты, не зная, одѣваться ей или опять лечь. Противная постель, глянешь въ окно — тамъ голыя деревья, сѣрый снѣгъ, противныя галки, свиньи, которыхъ съѣстъ дѣдушка...

«Въ самомъ дѣлѣ, — подумала она: — замужъ, что ли!»

III

Два дня тетя ходила съ заплаканнымъ, сильно напудреннымъ лицомъ и за обѣдомъ все вздыхала и посматривала на образъ. И нельзя было понять, въ чемъ ея горе. Но вотъ она рѣшилась, вошла къ Вѣрѣ и сказала развязно:

— Это самое, дѣточка, надо проценты въ банкъ взносить, а арендаторъ не платитъ. Позволь заплатить изъ пятнадцати тысячъ, что тебѣ оставилъ папочка.

Потомъ цѣлый день тетя въ саду варила вишневое варенье. Алена съ красными отъ жара щеками бѣгала то въ садъ, то въ домъ, то на погребъ. Когда тетя варила варенье, съ очень серьезнымъ лицомъ, точно священнодѣйствовала, и короткія рукава позволяли видѣть ея маленькія, крѣпкія, деспотическія руки, и когда, не переставая, бѣгала прислуга, хлопоча около этого варенья, которое будетъ ѣсть не она, то всякій разъ чувствовалось мучительство...

Въ саду пахло горячими вишнями. Уже зашло солнце, жаровню унесли, но все еще въ воздухѣ держался этотъ пріятный, сладковатый запахъ. Вѣра сидѣла на скамьѣ и смотрѣла, какъ новый работникъ, молодой прохожій солдатъ, дѣ-

лалъ, по ея приказанію, дорожки. Онъ рѣзалъ лопатой дернъ и бросалъ его въ тачку.

— Ты гдѣ былъ на службѣ? — спросила у него Вѣра.

— Въ Бердянскѣ.

— А куда идешь теперь? Домой?

— Никакъ нѣтъ, — отвѣтилъ работникъ. — У меня нѣтъ дома.

— Но ты гдѣ родился и выросъ?

— Въ Орловской губерніи. До службы я жилъ у матери, въ домѣ вотчима; мать — хозяйка, ее уважали, и я при ней кормился. А на службѣ получилъ письмо: померла мать... Идти мнѣ теперь домой какъ будто ужъ и не охота. Не родной отецъ, стало быть, и домъ чужой.

— А твой родной отецъ умеръ?

— Не могу знать. Я незаконнорожденный.

Въ это время въ окнѣ показалась тетя и сказала:

— Иль не фо па парлѐ о жансъ... Иди, любезный, въ кухню, — обратилась она къ солдату. — Тамъ разскажешь.

А потомъ, какъ вчера и всегда, ужинъ, чтеніе, безсонная ночь и безконечныя мысли все объ одномъ. Въ три часа восходило солнце, Алена уже возилась въ коридорѣ, а Вѣра все еще не спала и старалась читать. Послышался скрипъ тачки: это новый работникъ пришелъ въ садъ. Вѣра сѣла у открытаго окна съ книгой, дремала и смотрѣла, какъ солдатъ дѣлалъ для нея дорожки, и это занимало ее. Дорожки ровныя, какъ ремень, гладкія, и весело воображать, какія онѣ будутъ, когда ихъ посыплютъ желтымъ пескомъ.

Видно было, какъ въ началѣ шестого часа изъ дома вышла тетя въ розовомъ капотѣ, въ папильоткахъ. Она постояла на крыльцѣ, молча, минуты три, и потомъ сказала солдату:

— Возьми свой паспортъ, уходи съ Богомъ. Я не могу у себя въ домѣ держать незаконнорожденныхъ.

Въ груди у Вѣры камнемъ повернулось тяжелое, злое чувство. Она негодовала, ненавидѣла тетю; тетя надоѣла ей до тоски, до отвращенія... Но что дѣлать? Оборвать ее на словѣ? Нагрубить ей? Но какая польза? Положимъ, бороться съ ней, устранить ее, сдѣлать безвредной, сдѣлать такъ, чтобы дѣдушка не замахивался палкой, но — какая польза? Это все равно, что въ степи, которой конца не видно, убить одну мышь или одну змѣю. Громадныя пространства, длинныя зимы, однообразіе и скука жизни вселяютъ сознаніе безпомощности, положеніе кажется безнадежнымъ, и ничего не хочется дѣлать, — все безполезно.

Вошла Алена и, низко поклонившись Вѣрѣ, начала выносить кресла, чтобы выбить изъ нихъ пыль.

— Нашла время убирать, — сказала съ досадой Вѣра. — Уйди отсюда!

Алена растерялась и отъ страха не могла понять, что хотятъ отъ нея, и стала быстро убирать на комодѣ.

— Уйди отсюда, тебѣ говорятъ! — крикнула Вѣра, холодѣя; никогда раньше она не испытывала такого тяжелаго чувства. — Уйди!

Алена издала какой-то стонъ, словно птичій, и уронила на коверъ золотые часы.

— Вонъ отсюда! — крикнула Вѣра не своимъ голосомъ, вскакивая и дрожа всѣмъ тѣломъ. — Гоните ее вонъ, она меня замучила! — продолжала она, быстро идя за Аленой по коридору и топоча ногами. — Вонъ! Розогъ! Бейте ее!

И потомъ вдругъ опомнилась и опрометью, какъ была, непричесанная, немытая, въ халатѣ и туфляхъ, бросилась вонъ изъ дому. Она добѣжала до знакомаго оврага и спряталась тамъ въ терновникѣ, чтобы никого не видѣть и ея бы не видѣли. Лежа тутъ на травѣ неподвижно, она не плакала, не ужасалась, а, глядя на небо, не мигая, разсуждала холодно и ясно, что случилось то, чего нельзя забыть и простить себѣ въ теченіе всей жизни.

«Нѣтъ, довольно, довольно! — думала она. — Пора прибрать себя къ рукамъ, а то конца не будетъ... Довольно!»

Въ полдень проѣзжалъ черезъ оврагъ въ усадьбу докторъ Нещаповъ. Она видѣла его и быстро рѣшила, что начнетъ новую жизнь, заставитъ себя начать, и это рѣшеніе успокоило ее. И провожая глазами стройную фигуру доктора, она сказала, какъ бы желая смягчить суровость своего рѣшенія:

«Онъ славный... Проживемъ какъ-нибудь».

Она вернулась домой. Когда она одѣвалась, въ комнату вошла тетя Даша и сказала:

— Алена тебя встревожила, душечка, я услала ее домой въ деревню. Мать ее избила всю и приходила сюда, плакала...

— Тетя, — быстро проговорила Вѣра: —

я выхожу за доктора Нещапова. Только поговорите съ нимъ сами... я не могу...

И опять ушла въ поле. И идя, куда глаза глядятъ, она рѣшила, что, выйдя замужъ, она будетъ заниматься хозяйствомъ, лѣчить, учить, будетъ дѣлать все, что дѣлаютъ другія женщины ея круга; а это постоянное недовольство и собой, и людьми, этотъ рядъ грубыхъ ошибокъ, которыя горой выростаютъ передъ тобою, едва оглянешься на свое прошлое, она будетъ считать своею настоящею жизнью, которая суждена ей, и не будетъ лучшей... Вѣдь лучшей и не бываетъ! Прекрасная природа грезы, музыка говорятъ одно, а дѣйствительная жизнь другое. Очевидно, счастье и правда существуютъ гдѣ-то внѣ жизни... Надо не жить, надо слиться въ одно съ этой роскошной степью, безграничной и равнодушной, какъ вѣчность, съ ея цвѣтами, курганами и далью, и тогда будетъ хорошо...

Черезъ мѣсяцъ Вѣра жила уже на заводѣ.

1897.

а

Печенѣгъ

Жмухинъ, Иванъ Абрамычъ, отставной казачій офицеръ, служившій когда-то на Кавказѣ, а теперь проживающій у себя на хуторѣ, бывшій когда-то молодымъ, здоровымъ, сильнымъ, а теперь старый, сухой и сутулый, съ мохнатыми бровями и съ сѣдыми, зеленоватыми усами, — какъ-то въ жаркій лѣтній день возвращался изъ города къ себѣ на хуторъ. Въ городѣ онъ говѣлъ и писалъ у нотаріуса завѣщаніе (недѣли двѣ назадъ съ нимъ приключился легкій ударъ), и теперь въ вагонѣ все время, пока онъ ѣхалъ, его не покидали грустныя, серьезныя мысли о близкой смерти, о суетѣ-суетъ, о бренности всего земного. На станціи Провалье, — а такая есть на Донецкой дорогѣ, — въ его вагонъ вошелъ бѣлокурый господинъ, среднихъ лѣтъ, пухлый, съ поношеннымъ портфелемъ, и сѣлъ противъ. Разговорились.

— Да-съ, — говорилъ Иванъ Абрамычъ, задумчиво глядя въ окно. — Жениться никогда не поздно. Я самъ женился, когда мнѣ было сорокъ восемь лѣтъ, говорили — поздно, а вышло не поздно и не рано, а такъ, лучше бы вовсе не жениться. Жена скоро прискучаетъ всякому, да не всякій правду скажетъ, потому что, знаете ли, несчастной семейной жизни стыдятся и скрываютъ ее. Иной около жены — «Маня, Маня», а если бы его воля, то онъ бы эту Маню въ мѣшокъ да въ воду. Съ женой скука, одна глу-

пость. Да и съ дѣтьми не лучше, смѣю васъ увѣрить. У меня ихъ двое, подлецовъ. Учить ихъ тутъ въ степи негдѣ, отдать въ Новочеркасскъ въ ученье — денегъ нѣтъ, и живутъ они тутъ, какъ волчата. Того и гляди, зарѣжутъ кого на дорогѣ.

Бѣлокурый господинъ слушалъ внимательно, отвѣчалъ на вопросы негромко и кратко и, повидимому, былъ тихаго, скромнаго нрава. Онъ назвался частнымъ повѣреннымъ и сказалъ, что ѣдетъ въ деревню Дюевку по дѣлу.

— Да вѣдь это въ девяти верстахъ отъ меня, Господи ты Боже мой! — сказалъ Жмухинъ такимъ тономъ, какъ будто съ нимъ спорили. — Но позвольте, на станціи вы теперь не найдете лошадей. По-моему для васъ самое лучшее, знаете ли, сейчасъ поѣхать ко мнѣ, у меня переночуете, знаете ли, а утромъ и поѣдете на моихъ лошадяхъ, съ Богомъ.

Частный повѣренный подумалъ и согласился.

Когда пріѣхали на станцію, солнце уже стояло низко надъ степью. Всю дорогу отъ станціи до хутора молчали: говорить мѣшала тряская ѣзда. Тарантасъ прыгалъ, визжалъ и, казалось, рыдалъ, точно его прыжки причиняли ему сильную боль, и частный повѣренный, которому было очень неудобно сидѣть, съ тоской посматривалъ впередъ: не видать ли хутора. Проѣхали верстъ восемь, и вдали показался невысокій домъ и дворъ, обнесенный заборомъ изъ темнаго плитняка; крыша на домѣ зеленая, штукатурка облупилась, а окна маленькія, узенькія, точно прищуренные глаза. Хуторъ стоялъ на припекѣ, и нигдѣ кругомъ не было видно ни воды, ни де-

ревьевъ. Назывался онъ у сосѣдей-помѣщиковъ и у мужиковъ «Печенѣговъ хуторъ». Много лѣтъ назадъ какой-то проѣзжій землемѣръ, ночевавшій на хуторѣ, проговорилъ всю ночь съ Иваномъ Абрамычемъ, остался недоволенъ и утромъ, уѣзжая, сказалъ ему сурово: «Вы, сударь мой, печенѣгъ!» Отсюда и пошло «Печенѣговъ хуторъ», и это прозвище еще болѣе укрѣпилось, когда дѣти Жмухина подросли и стали совершать набѣги на сосѣдніе сады и бахчи. А самого Ивана Абрамыча звали «знаете ли», такъ какъ онъ говорилъ обыкновенно очень много и часто употреблялъ это «знаете ли».

Во дворѣ около сарая стояли сыновья Жмухина: одинъ лѣтъ 19-ти, другой — подростокъ, оба босые, безъ шапокъ; и какъ разъ въ то время, когда тарантасъ въѣзжалъ во дворъ, младшій высоко подбросилъ курицу, которая закудахтала и полетѣла, описывая въ воздухѣ дугу; старшій выстрѣлилъ изъ ружья, и курица, убитая, ударилась о землю.

— Это мои учатся стрѣлять въ летъ, — сказалъ Жмухинъ.

Въ сѣняхъ пріѣхавшихъ встрѣтила женщина, маленькая, худенькая, съ блѣднымъ лицомъ, еще молодая и красивая; по платью ее можно было принять за прислугу.

— А это, позвольте представить, — сказалъ Жмухинъ: — мать моихъ сукиныхъ сыновъ. Ну, Любовь Осиповна, — обратился онъ къ ней, — поворачивайся, мать, угощай гостя. Ужинать давай! Живо!

Домъ состоялъ изъ двухъ половинъ; въ одной была «зала» и рядомъ съ ней спальня ста-

рика Жмухина — комнаты душныя, съ низкими потолками и со множествомъ мухъ и осъ, а въ другой была кухня, въ которой стряпали, стирали, кормили работниковъ; здѣсь же подъ скамьями сидѣли на яйцахъ гусыни и индѣйки, и здѣсь же находились постели Любови Осиповны и ея обоихъ сыновей. Мебель въ залѣ была некрашенная, срубленная, очевидно, плотникомъ; на стѣнахъ висѣли ружья, ягдташи, нагайки, и вся эта старая дрянь давно уже заржавѣла и казалась сѣрой отъ пыли. Ни одной картины, въ углу темная доска, которая когда-то была иконой.

Молодая баба, хохлушка, накрыла на столъ и подала ветчину, потомъ борщъ. Гость отказался отъ водки и сталъ ѣсть только хлѣбъ и огурцы.

— А ветчинки что жъ? — спросилъ Жмухинъ.

— Благодарю, не ѣмъ, — отвѣтилъ гость. — Я вообще не ѣмъ мяса.

— Почему такъ?

— Я вегетаріанецъ. Убивать животныхъ, это — противно моимъ убѣжденіямъ.

Жмухинъ подумалъ минуту и потомъ сказалъ медленно, со вздохомъ:

— Да... Такъ... Въ городѣ я тоже видѣлъ одного, который не ѣстъ мяса. Это теперь такая вѣра пошла. Что жъ? Это хорошо. Не все же рѣзать и стрѣлять, знаете ли, надо когда-нибудь и угомониться, дать покой и тварямъ. Грѣхъ убивать, грѣхъ, — что̀ и говорить. Иной разъ подстрѣлишь зайца, ранишь его въ ногу, а онъ кричитъ, словно ребенокъ. Значитъ, больно!

— Конечно, больно. Животныя такъ же страдаютъ, какъ и люди.

— Это вѣрно, — согласился Жмухинъ. — Я все это понимаю очень хорошо, — продолжалъ онъ, думая: — только вотъ, признаться, одного не могу понять: если, положимъ, знаете ли, всѣ люди перестанутъ ѣсть мясо, то куда дѣнутся тогда домашнія животныя, напримѣръ, куры и гуси?

— Куры и гуси будутъ жить на волѣ, какъ дикія.

— Теперь понимаю. Въ самомъ дѣлѣ, живутъ вороны и галки и обходятся же безъ насъ. Да... И куры, и гуси, и зайчики, и овечки, всѣ будутъ жить на волѣ, радоваться, знаете ли, и Бога прославлять, и не будутъ они насъ бояться. Настанетъ миръ и тишина. Только вотъ, знаете ли, одного не могу понять, — продолжалъ Жмухинъ, взглянувъ на ветчину. — Со свиньями какъ быть? Куда ихъ?

— И онѣ такъ же, какъ всѣ, то-есть и онѣ на волѣ.

— Такъ. Да. Но позвольте, вѣдь если ихъ не рѣзать, то онѣ размножатся, знаете ли, тогда прощайся съ лугами и съ огородами. Вѣдь свинья, ежели пустить ее на волю и не присмотрѣть за ней, все вамъ попортитъ въ одинъ день. Свинья и есть свинья, и не даромъ ее свиньей прозвали...

Поужинали. Жмухинъ всталъ изъ-за стола и долго ходилъ по комнатѣ и все говорилъ, говорилъ... Онъ любилъ поговорить о чемъ-нибудь важномъ и серьезномъ и любилъ подумать; да и хотѣлось на старости лѣтъ остановиться на

чемъ-нибудь, успокоиться, чтобы не такъ страшно было умирать. Хотѣлось кротости, душевной тишины и увѣренности въ себѣ, какъ у этого гостя, который вотъ наѣлся огурцовъ и хлѣба и думаетъ, что отъ этого сталъ совершеннѣе; сидитъ онъ на сундукѣ, здоровый, пухлый, молчитъ и терпѣливо скучаетъ, и въ сумеркахъ, когда взглянешь на него изъ сѣней, похожъ на большой булыжникъ, который не сдвинешь съ мѣста. Имѣетъ человѣкъ въ жизни зацѣпку — и хорошо ему.

Жмухинъ черезъ сѣни вышелъ на крыльцо, и потомъ слышно было, какъ онъ вздыхалъ и въ раздумьѣ говорилъ самому себѣ: «Да... такъ». Уже темнѣло, и на небѣ показывались тамъ и сямъ звѣзды. Въ комнатахъ еще не зажигали огня. Кто-то безшумно, какъ тѣнь, вошелъ въ залу и остановился около двери. Это была Любовь Осиповна, жена Жмухина.

— Вы изъ города? — спросила она робко, не глядя на гостя.

— Да, я живу въ городѣ.

— Можетъ, вы по ученой части, господинъ, поучите насъ, будьте такіе добрые. Намъ надо бы прошеніе подать.

— Куда? — спросилъ гость.

— У насъ два сына, господинъ хорошій, и давно пора отдавать ихъ въ ученье, а у насъ никто не бываетъ и не съ кѣмъ посовѣтоваться. А сама я ничего не знаю. Потому, если не учить, то ихъ возьмутъ на службу простыми казаками. Не хорошо, господинъ! Не грамотные, хуже мужиковъ, и сами же Иванъ Абрамычъ брезгаютъ,

не пускаютъ ихъ въ комнаты. А развѣ они виноваты? Хоть бы младшенькаго отдать въ ученье, право, а то такъ жалко! — сказала она протяжно, и голосъ у нея дрогнулъ; и казалось невѣроятнымъ, что у такой маленькой и молодой женщины есть уже взрослыя дѣти. — Ахъ, такъ жалко!

— Ничего ты, мать, не понимаешь, и не твое это дѣло, — сказалъ Жмухинъ, показываясь въ дверяхъ. — Не приставай къ гостю со своими разговорами дикими. Уходи, мать!

Любовь Осиповна вышла и въ сѣняхъ повторила еще разъ тонкимъ голоскомъ:

— Ахъ, такъ жалко!

Гостю постлали въ залѣ на диванѣ и, чтобы ему не было темно, зажгли лампадку. Жмухинъ легъ у себя въ спальнѣ. И, лежа, онъ думалъ о своей душѣ, о старости, о недавнемъ ударѣ, который такъ напугалъ и живо напомнилъ о смерти. Онъ любилъ пофилософствовать, оставаясь съ самимъ собой, въ тишинѣ, и тогда ему казалось, что онъ очень серьезный, глубокій человѣкъ и что на этомъ свѣтѣ его занимаютъ одни только важные вопросы. И теперь онъ все думалъ, и ему хотѣлось остановиться на какой-нибудь одной мысли, непохожей на другія, значительной, которая была бы руководствомъ въ жизни, и хотѣлось придумать для себя какія-нибудь правила, чтобы и жизнь свою сдѣлать такою же серьезной и глубокой, какъ онъ самъ. Вотъ хорошо бы и ему, старику, совсѣмъ отказаться отъ мяса, отъ разныхъ излишествъ. Время, когда люди не будутъ убивать другъ друга и животныхъ, рано или поздно настанетъ, иначе

и быть не можетъ, и онъ воображалъ себѣ это время и ясно представлялъ самого себя, живущаго въ мирѣ со всѣми животными, и вдругъ опять вспомнилъ про свиней, и у него въ головѣ все перепуталось.

«Исторія, Господи помилуй», — пробормоталъ онъ, тяжело вздыхая. — Вы спите? — спросилъ онъ.

— Нѣтъ.

Жмухинъ всталъ съ постели и остановился въ дверяхъ на порогѣ, въ одной сорочкѣ, показывая гостю свои ноги, жилистыя и сухія, какъ палки.

— Вотъ теперь, знаете ли, — началъ онъ: — пошли разные телеграфы, телефоны и разныя тамъ чудеса, однимъ словомъ, но люди не стали лучше. Говорятъ, что въ наше время, лѣтъ 30—40 назадъ, люди были грубые, жестокіе; но теперь развѣ не то же самое? Дѣйствительно, въ мое время жили безъ церемоній. Помню, на Кавказѣ, когда мы цѣлыхъ четыре мѣсяца стояли на одной рѣчкѣ безъ всякаго дѣла, — я тогда еще урядникомъ былъ, — произошла исторія, въ родѣ какъ бы романъ. Какъ разъ на берегу той рѣчки, знаете ли, гдѣ стояла наша сотня, былъ похороненъ одинъ князекъ, котораго мы же убили незадолго. И по ночамъ, знаете ли, ходила вдова-княгиня на могилку и плакала. Ужъ она голоситъ-голоситъ, ужъ она стонетъ-стонетъ, и такую на насъ тоску нагоняла, что не спимъ да и все. Одну ночь не спимъ, другую не спимъ; ну, надоѣло. И, разсуждая по здравому смыслу, нельзя же въ самомъ дѣлѣ не спать чортъ знаетъ изъ-за чего, извините за выраженіе. Взяли мы эту кня-

гиню, высѣкли ее — и перестала ходить. Вотъ вамъ. Теперь, конечно, ужъ не та категорія людей, и не сѣкутъ, и живутъ чище, и наукъ стало больше, но, знаете ли, душа все та же, никакой перемѣны. Вотъ, изволите ли видѣть, живетъ здѣсь у насъ помѣщикъ одинъ. У него шахты, знаете ли. Работаютъ у него безпаспортные, разные бродяги, которымъ дѣваться некуда. По субботамъ надо расчетъ давать рабочимъ, а платить-то не хочется, знаете ли, денегъ жалко. Вотъ онъ и нашелъ себѣ такого приказчика, тоже изъ бродягъ, хотя и въ шляпѣ ходитъ. «Ты, говоритъ, имъ ничего не плати, ни копейки; они тебя будутъ бить и пускай, говоритъ, бьютъ, а ты терпи, я за это каждую субботу буду тебѣ по десяти рублей платить». Вотъ вечеромъ въ субботу, порядкомъ, какъ водится, рабочіе приходятъ за расчетомъ; приказчикъ имъ: «Нѣту!» Ну, слово за слово, начинается брань, потасовка... Бьютъ, бьютъ его, и руками и ногами, — знаете ли, народъ озвѣрѣлый съ голоду-то, — бьютъ до безчувствія, а потомъ и уходятъ кто куда. Хозяинъ велитъ отливать приказчика водой, потомъ ему десять рублей въ зубы, а тотъ и беретъ, да еще радъ, потому въ сущности не то, что за десять, онъ и за трешницу согласится хоть въ петлю. Да... А въ понедѣльникъ приходитъ новая партія рабочихъ; приходитъ, дѣваться некуда... Въ субботу опять та же исторія...

Гость повернулся на другой бокъ, лицомъ къ спинкѣ дивана, и пробормоталъ что-то.

— А вотъ другой примѣръ, — продолжалъ Жмухинъ. — Какъ-то была тутъ сибирская язва,

знаете ли; скотина дохла, я вамъ скажу, какъ мухи, и ветеринары тутъ ѣздили, и строго было приказано, чтобы палый скотъ зарывать подальше, глубоко въ землю, заливать известкой и прочее, знаете ли, на основанiи науки. Издохла и у меня лошадь. Я со всякими предосторожностями зарылъ ее и одной извести вылилъ на нее пудовъ десять. И что жъ вы думаете? Мои молодцы, знаете ли, сыночки мои милые, ночью вырыли лошадь, содрали съ нея шкуру и продали за три рубля. Вотъ вамъ. Значитъ, люди не стали лучше и, значитъ, какъ волка ни корми, а онъ все въ лѣсъ смотритъ. Вотъ вамъ. Подумать-то есть о чемъ! А? Какъ вы полагаете?

На одной сторонѣ въ окнахъ, въ щеляхъ ставенъ, вспыхивала молнiя. Было душно передъ грозой, кусались комары, и Жмухинъ, лежа у себя и размышляя, охалъ, стоналъ и говорилъ самому себѣ: «Да... такъ» — и уснуть было невозможно. Гдѣ-то очень-очень далеко ворчалъ громъ.

— Вы спите?

— Нѣтъ, — отвѣтилъ гость.

Жмухинъ всталъ и черезъ залу и сѣни, стуча своими пятками, прошелъ въ кухню — воды напиться.

— Хуже всего на свѣтѣ, знаете ли, глупость, — говорилъ онъ, немного погодя, возвращаясь съ ковшомъ. — Моя Любовь Осиповна стоитъ на колѣняхъ и Богу молится. Молится каждую ночь, знаете ли, и поклоны бухаетъ, первое, чтобъ дѣтей въ ученье отдать; боится, что дѣти пойдутъ на службу простыми казаками, и ихъ будутъ тамъ поперекъ спины шашками лупить. Но что-

бы учить, надо деньги, а гдѣ ихъ взять? Хоть лбомъ полъ прошиби, а коли нѣтъ, такъ и нѣтъ. Второе, молится, потому что, знаете ли, всякая женщина думаетъ, что несчастнѣе ея нѣтъ на свѣтѣ. Я человѣкъ откровенный и скрывать отъ васъ ничего не желаю. Она изъ бѣднаго семейства, поповна, колокольнаго званія, такъ сказать; женился я на ней, когда ей было 17 лѣтъ, и ее выдали за меня больше изъ-за того, что было ѣсть нечего, нужда, злыдни, а у меня все-таки, видите, земля, хозяйство, ну, какъ ни какъ, все-таки офицеръ; лестно ей было за меня идти, знаете ли. Въ первый день, какъ поженились, она плакала и потомъ всѣ двадцать лѣтъ плакала — глаза на мокромъ мѣстѣ. И все она сидитъ и думаетъ, думаетъ. А о чемъ думаетъ, спрашивается? О чемъ женщина можетъ думать? Ни о чемъ. Я женщину, признаться, не считаю за человѣка.

Частный повѣренный поднялся порывисто и сѣлъ.

— Извините, мнѣ что-то душно стало, — сказалъ онъ. — Я выйду.

Жмухинъ, продолжая говорить о женщинахъ, въ сѣняхъ вынулъ засовъ, и оба вышли наружу. Какъ разъ надъ дворомъ плыла по небу полная луна, и при лунномъ свѣтѣ домъ и сараи казались бѣлѣе, чѣмъ днемъ; и по травѣ между черными тѣнями протянулись яркія полосы свѣта, тоже бѣлыя. Направо далеко видна степь, надъ нею тихо горятъ звѣзды — и все таинственно, безконечно далеко, точно смотришь въ глубокую пропасть; а налѣво надъ степью навалились одна на другую тяжелыя грозовыя тучи, черныя, какъ

сажа; края ихъ освѣщены луной, и кажется, что тамъ горы съ бѣлымъ снѣгомъ на вершинахъ, темные лѣса, море; вспыхиваетъ молнія, доносится тихій громъ, и кажется, что въ горахъ идетъ сраженіе...

Около самой усадьбы маленькая ночная сова кричитъ монотонно: «сплю! сплю!»

— Который теперь часъ? — спросилъ гость.

— Второй вначалѣ.

— Какъ еще далеко до разсвѣта, однако!

Вернулись въ домъ и опять легли. Надо было спать, и обыкновенно передъ дождемъ такъ славно спится, но старику захотѣлось важныхъ, серьезныхъ мыслей; хотѣлось ему не просто думать, а размышлять. И онъ размышлялъ о томъ, что хорошо бы, въ виду близкой смерти, ради души, прекратить эту праздность, которая такъ незамѣтно и безслѣдно поглощаетъ дни за днями, годы за годами; придумать бы для себя какой-нибудь подвигъ, напримѣръ, пойти бы пѣшкомъ куда-нибудь далеко-далеко, отказаться бы отъ мяса, какъ этотъ молодой человѣкъ. И онъ опять воображалъ себѣ то время, когда не будутъ убивать животныхъ, воображалъ ясно, отчетливо, точно самъ переживалъ это время; но вдругъ въ головѣ опять все перепуталось и все стало неясно.

Гроза прошла мимо, но тучи захватили краемъ, дождь шелъ и тихо стучалъ по крышѣ. Жмухинъ всталъ и, охая отъ старости, потягиваясь, посмотрѣлъ въ залу. Замѣтивъ, что гость не спитъ, онъ сказалъ:

— У насъ на Кавказѣ, знаете ли, одинъ

полковникъ тоже былъ вегетаріанцемъ. Не ѣлъ мяса, никогда не охотился и не позволялъ своимъ людямъ рыбу ловить. Конечно, я понимаю. Всякое животное должно жить на свободѣ, пользоваться жизнью; только не понимаю, какъ можетъ свинья ходить, гдѣ ей угодно, безъ присмотра...

Гость поднялся и сѣлъ. Его блѣдное, помятое лицо выражало досаду и усталость; видно было, что онъ замучился, и только кротость и деликатность души мѣшали ему высказать на словахъ свою досаду.

— Уже разсвѣтъ, — сказалъ онъ кротко. — Велите, пожалуйста, дать мнѣ лошадь.

— Что̀ такъ? Погодите, дождь пройдетъ.

— Нѣтъ, прошу васъ, — проговорилъ гость умоляюще, съ испугомъ. — Мнѣ необходимо сейчасъ же.

И онъ сталъ торопливо одѣваться.

Когда подали лошадь, уже восходило солнце. Дождь только-что пересталъ, облака быстро бѣжали, голубыхъ просвѣтовъ становилось все больше и больше на небѣ. Внизу въ лужицахъ робко отсвѣчивали первые лучи. Частный повѣренный проходилъ со своимъ портфелемъ черезъ сѣни, чтобы сѣсть въ тарантасъ, и въ это время жена Жмухина, блѣдная и, казалось, блѣднѣе, чѣмъ вчера, заплаканная, смотрѣла на него внимательно, не мигая, съ наивнымъ выраженіемъ, какъ у дѣвочки, и было видно по ея скорбному лицу, что она завидуетъ его свободѣ, — ахъ, съ какимъ бы наслажденіемъ она сама уѣхала отсюда! — и что ей нужно сказать ему что-то, должно быть, спросить совѣта насчетъ дѣтей. И какая жалкая! Это не жена, не хозяйка, даже

не прислуга, а скорѣе приживалка, бѣдная, никому не нужная родственница, ничтожество... Ея мужъ, суетясь, не переставая разговаривать и все забѣгая впередъ, провожалъ гостя, а она пугливо и виновато жалась къ стѣнѣ и все ждала удобной минуты, чтобы заговорить.

— Милости просимъ въ другой разъ! — повторялъ старикъ безъ-умолку. — Чѣмъ богаты, тѣмъ и рады, знаете ли!

Гость сѣлъ въ тарантасъ торопливо, видимо, съ большимъ удовольствіемъ и точно боясь, что вотъ-вотъ его задержатъ. Тарантасъ по-вчерашнему запрыгалъ, завизжалъ, застучало неистово ведро, привязанное къ задку. Частный повѣренный оглянулся на Жмухина съ какимъ-то особеннымъ выраженіемъ; было похоже, что ему, какъ когда-то землемѣру, захотѣлось обозвать его печенѣгомъ или какъ-нибудь иначе, но кротость пересилила, онъ удержался и ничего не сказалъ. Но въ воротахъ вдругъ не вытерпѣлъ, приподнялся и крикнулъ громко и сердито:

— Вы мнѣ надоѣли!

И скрылся за воротами.

Около сарая стояли сыновья Жмухина: старшій держалъ ружье, у младшаго былъ въ рукахъ сѣрый пѣтушокъ съ яркимъ красивымъ гребнемъ. Младшій изо всей силы подбросилъ пѣтушка, тотъ взлетѣлъ выше дома и перевернулся въ воздухѣ, какъ голубь; старшій выстрѣлилъ, и пѣтушокъ упалъ, какъ камень.

Старикъ, смущенный, не зная, какъ и чѣмъ объяснить этотъ странный, неожиданный окрикъ гостя, не спѣша, пошелъ въ домъ. И сидя тутъ за столомъ, онъ размышлялъ долго о тепереш-

немъ направленіи умовъ, о всебщей безнравственности, о телеграфѣ, о телефонѣ, о велосипедахъ, о томъ, какъ все это не нужно, успокоился мало-по-малу, потомъ закусилъ, не спѣша, выпилъ пять стакановъ чаю и легъ спать.

1897.

На подводѣ

Въ половинѣ девятаго утра выѣхали изъ города.

Шоссе было сухо, прекрасное апрѣльское солнце сильно грѣло, но въ канавахъ и въ лѣсу лежалъ еще снѣгъ. Зима злая, темная, длинная, была еще такъ недавно, весна пришла вдругъ, но для Марьи Васильевны, которая сидѣла теперь въ телѣгѣ, не представляли ничего новаго и интереснаго ни тепло, ни томные, согрѣтые дыханіемъ весны прозрачные лѣса, ни черныя стаи, летавшія въ полѣ надъ громадными лужами, похожими на озера, ни это небо, чудное, бездонное, куда, кажется, ушелъ бы съ такою радостью. Вотъ ужъ тринадцать лѣтъ, какъ она учительницей, и не сочтешь, сколько разъ за всѣ эти годы она ѣздила въ городъ за жалованьемъ; и была ли весна, какъ теперь, или осенній вечеръ съ дождемъ, или зима, — для нея было все равно, и всегда неизмѣнно хотѣлось одного: поскорѣе бы доѣхать.

У нея было такое чувство, какъ будто она жила въ этихъ краяхъ уже давно-давно, лѣтъ сто, и казалось ей, что на всемъ пути отъ города до своей школы она знала каждый камень, каждое дерево. Тутъ было ея прошлое, ея настоящее; и другого будущаго она не могла представить себѣ, какъ только школа, дорога въ городъ и обратно, и опять школа, и опять дорога...

О томъ прошломъ, какое было до ея поступленія въ учительницы, она уже отвыкла вспо-

минать — и почти все забыла. Когда-то были у нея отецъ и мать; жили въ Москвѣ около Красныхъ воротъ, въ большой квартирѣ, но отъ всей этой жизни осталось въ памяти что-то смутное и расплывчатое, точно сонъ. Отецъ умеръ, когда ей было десять лѣтъ, потомъ скоро умерла мать... Былъ братъ офицеръ, сначала переписывались, потомъ братъ пересталъ отвѣчать на письма, отвыкъ. Отъ прежнихъ вещей сохранилась только фотографія матери, но отъ сырости въ школѣ она потускнѣла, и теперь ничего не видно, кромѣ волосъ и бровей.

Когда отъѣхали версты три, старикъ Семенъ, который правилъ лошадью, обернулся и сказалъ:

— А въ городѣ чиновника одного забрали. Отправили. Будто, идетъ слухъ, въ Москвѣ съ нѣмцами городского голову Алексѣева убивалъ.

— Кто это тебѣ сказалъ?

— Въ трактирѣ Ивана Іонова въ газетахъ читали.

И опять замолчали надолго. Марья Васильевна думала о своей школѣ, о томъ, что скоро экзаменъ и она представитъ четырехъ мальчиковъ и одну дѣвочку. И какъ разъ, пока она думала объ экзаменахъ, ее обогналъ помѣщикъ Хановъ, въ коляскѣ четверкой, тотъ самый, который въ прошломъ году экзаменовалъ у нея школу. Поровнявшись, онъ узналъ ее и поклонился.

— Здравствуйте! — сказалъ онъ. — Домой изволите ѣхать?

Этотъ Хановъ, мужчина лѣтъ сорока, съ поношеннымъ лицомъ и съ вялымъ выраженіемъ, уже начиналъ замѣтно старѣть, но все еще былъ красивъ и нравился женщинамъ. Онъ жилъ въ

своей большой усадьбѣ, одинъ, нигдѣ не служилъ, и про него говорили, что дома онъ ничего не дѣлалъ, а только ходилъ изъ угла въ уголъ и посвистывалъ, или игралъ въ шахматы со своимъ старымъ лакеемъ. Говорили про него также, что онъ много пилъ. Въ самомъ дѣлѣ, въ прошломъ году на экзаменѣ даже отъ бумагъ, которыя онъ привезъ съ собой, пахло духами и виномъ. Тогда на немъ все было новенькое, и Марьѣ Васильевнѣ онъ очень нравился, и, сидя рядомъ съ нимъ, она все конфузилась. Она привыкла видѣть у себя экзаменаторовъ холодныхъ, разсудительныхъ, а этотъ не помнилъ ни одной молитвы и не зналъ, о чемъ спрашивать, и былъ чрезвычайно вѣжливъ и деликатенъ, и ставилъ однѣ пятерки.

— А я къ Баквисту ѣду, — продолжалъ онъ, обращаясь къ Марьѣ Васильевнѣ: — но, говорятъ, его нѣтъ дома?

Съ шоссе свернули на проселочную дорогу: Хановъ впереди, Семенъ за нимъ. Четверка ѣхала по дорогѣ, шагомъ, съ напряженіемъ вытаскивая изъ грязи тяжелый экипажъ. Семенъ лавировалъ, объѣзжая дорогу то по бугру, то по лугу, часто спрыгивая съ телѣги и помогая лошади. Марья Васильевна думала все о школѣ, о томъ, какая будетъ задача на экзаменѣ — трудная или легкая. И ей было досадно на земскую управу, въ которой она вчера никого не застала. Какіе безпорядки! Вотъ уже два года, какъ она проситъ, чтобы уволили сторожа, который ничего не дѣлаетъ, грубитъ ей и бьетъ учениковъ, но ея никто не слушаетъ. Предсѣдателя трудно застать въ управѣ, а если застанешь, то онъ говоритъ со слезами на глазахъ, что ему некогда;

инспекторъ бываетъ въ школѣ разъ въ три года и ничего не смыслитъ въ дѣлѣ, такъ какъ раньше служилъ по акцизу и мѣсто инспектора получилъ по протекціи; училищный совѣтъ собирается очень рѣдко и неизвѣстно, гдѣ собирается; попечитель — малограмотный мужикъ, хозяинъ кожевеннаго заведенія, неуменъ, грубъ и въ большой дружбѣ со сторожемъ, — и Богъ знаетъ, къ кому обращаться съ жалобами и за справками...

«Онъ въ самомъ дѣлѣ красивъ», — подумала она, взглянувъ на Ханова.

А дорога все хуже и хуже... Въѣхали въ лѣсъ. Тутъ ужъ сворачивать негдѣ, колеи глубокія, и въ нихъ льется и журчитъ вода. И колючія вѣтви бьютъ по лицу.

— Какова дорога? — спросилъ Хановъ и засмѣялся.

Учительница смотрѣла на него и не понимала: зачѣмъ этотъ чудакъ живетъ здѣсь? Что̀ могутъ дать ему въ этой глуши, въ грязи, въ скукѣ его деньги, интересная наружность, тонкая воспитанность? Онъ не получаетъ никакихъ преимуществъ отъ жизни и вотъ такъ же, какъ Семенъ, ѣдетъ шагомъ, по отвратительной дорогѣ, и терпитъ такія же неудобства. Зачѣмъ жить здѣсь, если есть возможность жить въ Петербургѣ, за границей? И казалось бы, что стоитъ ему, богатому человѣку, изъ этой дурной дороги сдѣлать хорошую, чтобы не мучиться такъ и не видѣть этого отчаянія, какое написано на лицахъ у кучера и Семена; но онъ только смѣется, и, повидимому, для него все равно и лучшей жизни ему не нужно. Онъ добръ, мягокъ, наивенъ, не понимаетъ этой грубой жизни, не знаетъ ея такъ

же, какъ на экзаменѣ не зналъ молитвъ. Жертвуетъ онъ въ школы одни только глобусы и искренно считаетъ себя полезнымъ человѣкомъ и виднымъ дѣятелемъ по народному образованію. А кому нужны тутъ его глобусы!

— Держись, Васильевна! — сказалъ Семенъ.

Телѣга сильно накренилась — сейчасъ упадетъ; на ноги Марьи Васильевны навалилось что-то тяжелое — это ея покупки. Крутой подъемъ на гору, по глинѣ; тутъ въ извилистыхъ канавахъ текутъ съ шумомъ ручьи, вода точно изгрызла дорогу — и ужъ какъ тутъ ѣхать! Лошади храпятъ. Хановъ вылѣзъ изъ коляски и идетъ по краю дороги въ своемъ длинномъ пальто. Ему жарко.

— Какова дорога? — сказалъ онъ опять и засмѣялся. — Этакъ экипажъ сломать недолго.

— А кто жъ вамъ велитъ въ такую погоду ѣздить! — проговорилъ Семенъ сурово. — И сидѣли бы дома.

— Дома, дѣдъ, скучно. Я не люблю дома сидѣть.

Около стараго Семена онъ казался стройнымъ, бодрымъ, но въ походкѣ его было что-то такое, едва замѣтное, что̀ выдавало въ немъ существо уже отравленное, слабое, близкое къ гибели. И точно въ лѣсу вдругъ запахло виномъ. Марьѣ Васильевнѣ стало страшно и стало жаль этого человѣка, погибающаго неизвѣстно для чего и почему, и ей пришло на мысль, что если бы она была его женой или сестрой, то всю свою жизнь, кажется, отдала бы за то, чтобы спасти его отъ гибели. Быть женой? Жизнь устроена такъ, что вотъ онъ живетъ у себя въ большой усадьбѣ

одинъ, она живетъ въ глухой деревнѣ одна, но почему-то даже мысль о томъ, что онъ и она могли бы быть близки и равны, кажется невозможной, нелѣпой. Въ сущности вся жизнь устроена и человѣческія отношенія осложнились до такой степени непонятно, что, какъ подумаешь, дѣлается жутко и замираетъ сердце.

«И непонятно, — думала она: — зачѣмъ красоту, эту привѣтливость, грустные, милые глаза Богъ даетъ слабымъ, несчастнымъ, безполезнымъ людямъ, зачѣмъ они такъ нравятся».

— Здѣсь намъ поворачивать вправо, — сказалъ Хановъ, садясь въ коляску. — Прощайте! Всего хорошаго!

И опять она думала о своихъ ученикахъ, объ экзаменѣ, о сторожѣ, объ училищномъ совѣтѣ; и когда вѣтеръ доносилъ справа шумъ удалявшейся коляски, то эти мысли мѣшались съ другими. Хотѣлось думать о красивыхъ глазахъ, о любви, о томъ счастьи, какого никогда не будетъ...

Быть женой? Утромъ холодно, топить печи некому, сторожъ ушелъ куда-то; ученики поприходили чуть свѣтъ, нанесли снѣгу и грязи, шумятъ; все такъ неудобно, неуютно. Квартира изъ одной комнатки, тутъ же и кухня. Послѣ занятій каждый день болитъ голова, послѣ обѣда жжетъ подъ сердцемъ. Нужно собирать съ учениковъ деньги на дрова, на сторожа и отдавать ихъ попечителю, и потомъ умолять его, этого сытаго, наглаго мужика, чтобы онъ, ради Бога, прислалъ дровъ. А ночью снятся экзамены, мужики, сугробы. И отъ такой жизни она постарѣла, огрубѣла, стала некрасивой, угловатой, неловкой,

точно ее налили свинцомъ, и всего она боится, и въ присутствіи члена управы или попечителя школы она встаетъ, не осмѣливается сѣсть и, когда говоритъ про кого-нибудь изъ нихъ, то выражается почтительно: «они». И никому она не нравится, и жизнь проходитъ скучно, безъ ласки, безъ дружескаго участія, безъ интересныхъ знакомыхъ. Въ ея положеніи какой бы это былъ ужасъ, если бы она влюбилась!

— Держись, Васильевна!

Опять крутой подъемъ на гору...

Въ учительницы она пошла изъ нужды, не чувствуя никакого призванія; и никогда она не думала о призваніи, о пользѣ просвѣщенія, и всегда ей казалось, что самое главное въ ея дѣлѣ не ученики и не просвѣщеніе, а экзамены. И когда тутъ думать о призваніи, о пользѣ просвѣщенія? Учителя, небогатые врачи, фельдшера при громадномъ трудѣ не имѣютъ даже утѣшенія думать, что они служатъ идеѣ, народу, такъ какъ все время голова бываетъ набита мыслями о кускѣ хлѣба, о дровахъ, плохихъ дорогахъ, болѣзняхъ. Жизнь трудная, неинтересная, и выносили ее подолгу только молчаливые ломовые кони, въ родѣ этой Марьи Васильевны; тѣ же живые, нервные, впечатлительные, которые говорили о своемъ призваніи, объ идейномъ служеніи, скоро утомлялись и бросали дѣло.

Семенъ выбиралъ, какъ бы проѣхать посуше и поближе, гдѣ лугомъ, гдѣ задàми; но тамъ, гляди, мужики не пускаютъ, тамъ попова земля, нѣтъ проѣзда, тамъ Иванъ Іоновъ купилъ у барина участокъ и окопалъ его канавой. То-и-дѣло поворачивали назадъ.

Пріѣхали въ Нижнее Городище. Около трактира, на унавоженной землѣ, подъ которой былъ еще снѣгъ, стояли подводы: везли большія бутылки съ купороснымъ масломъ. Въ трактирѣ было много народа, все извозчики, и пахло тутъ водкой, табакомъ и овчиной. Шелъ громкій разговоръ, хлопали дверью на блокѣ. За стѣной въ лавочкѣ, не умолкая ни на минуту, играли на гармоникѣ. Марья Васильевна сидѣла и пила чай, а за сосѣднимъ столомъ мужики, распаренные чаемъ и трактирной духотой, пили водку и пиво.

— Слышь, Кузьма! — раздавались безпорядочно голоса. — Чего тамъ! Господи благослови! Иванъ Дементьичъ, я это тебѣ могу! Сватъ, гляди!

Мужикъ маленькаго роста, съ черной бородкой, рябой, уже давно пьяный, вдругъ удивился чему-то и нехорошо выбранился.

— Чего ругаешься тамъ? Ты! — отозвался сердито Семенъ, сидѣвшій далеко въ сторонѣ. — Нешто не видишь: барышня!

— Барышня... — передразнилъ кто-то въ другомъ углу.

— Ворона свинячая!

— Мы ничего... — сконфузился маленькій мужикъ. — Извините. Мы, стало быть, за свои деньги, а барышня за свои... Здравствуйте!

— Здравствуй, — отвѣтила учительница.

— И чувствительно васъ благодаримъ.

Марья Васильевна пила чай съ удовольствіемъ и сама становилась красной, какъ мужики, и думала опять о дровахъ, о сторожѣ...

— Сватъ, погоди! — доносилось съ сосѣдняго

стола. — Учительша изъ Вязовья . . . знаемъ! Барышня хорошая.

— Порядочная!

Дверь на блокѣ все хлопала, одни входили, другіе выходили. Марья Васильевна сидѣла и думала все про то же, а гармоника за стѣной все играла и играла. Солнечныя пятна были на полу, потомъ перешли на прилавокъ, на стѣну и совсѣмъ исчезли; значитъ, солнце уже склонилось за полдень. Мужики за сосѣднимъ столомъ стали собираться въ путь. Маленькій мужикъ, слегка пошатываясь, подошелъ къ Марьѣ Васильевнѣ и подалъ ей руку; глядя на него, и другіе тоже подали руку на прощанье и вышли одинъ за другимъ, и дверь на блокѣ провизжала и хлопнула девять разъ.

— Васильевна, собирайся! — окликнулъ Семенъ.

Поѣхали. И опять все шагомъ.

— Недавнушко школу строили тутъ, въ ихнемъ Нижнемъ Городищѣ, — сказалъ Семенъ, оборачиваясь. — Грѣха-то что было!

— А что?

— Будто предсѣдатель себѣ въ карманъ тысячу, и попечитель тоже тысячу, и учитель пятьсотъ.

— Вся-то школа стоитъ тысячу. Нехорошо на людей клеветать, дѣдъ. Это все вздоръ.

— Я не знаю... Что̀ народъ, то и я.

Но было ясно, что Семенъ не вѣрилъ учительницѣ. Ей крестьяне не вѣрили; они всегда такъ думали, что она получаетъ слишкомъ большое жалованье — двадцать одинъ рубль въ мѣсяцъ (было бы довольно и пяти), и что изъ тѣхъ

денегъ, которыя она собирала съ учениковъ на дрова и на сторожа, бо̀льшую часть она оставляла себѣ. Попечитель думалъ такъ же, какъ всѣ мужики, и самъ кое-что наживалъ съ дровъ и за свое попечительство получалъ съ мужиковъ жалованье, тайно отъ начальства.

Лѣсъ, слава Богу, кончился, и теперь до самаго Вязовья будетъ ровное поле. И осталось уже немного: переѣхать рѣку, потомъ желѣзнодорожную линію, а тамъ и Вязовье.

— Куда же ты ѣдешь? — спросила Марья Васильевна у Семена. — Поѣзжай правой дорогой на мостъ.

— Чего? И тутъ проѣдемъ. Глыбина, не очень чтобъ.

— Смотри, какъ бы намъ лошадь не утопить.

— Чего?

— Вотъ и Хановъ поѣхалъ на мостъ, — сказала Марья Васильевна, увидѣвъ далеко вправо четверку. — Это, кажется, онъ ѣдетъ?

— О-онъ. Должно не засталъ Баквиста. Экой дуроломъ, Господи помилуй, туда поѣхалъ, и зачѣмъ, тутъ на цѣльныхъ три версты ближе.

Подъѣхали къ рѣкѣ. Лѣтомъ это была мелкая рѣчушка, которую легко переходили въ бродъ и которая обыкновенно пересыхала къ августу, теперь же, послѣ половодья, это была рѣка саженей въ шесть ширины, быстрая, мутная, холодная; на берегу и у самой воды видны были свѣжія колеи, — значитъ, здѣсь проѣзжали.

— Впередъ! — крикнулъ Семенъ сердито и съ тревогой, сильно дергая за вожжи и взмахивая локтями, какъ птица крыльями. — Впередъ.

Лошадь вошла въ воду по брюхо и остановилась, но тотчасъ же опять пошла, напрягая силы, и Марья Васильевна почувствовала въ ногахъ рѣзкій холодъ.

— Впередъ! — закричала и она, поднимаясь. — Впередъ!

Выѣхали на берегъ.

— И что оно такое, это самое, Господи, — бормоталъ Семенъ, поправляя сбрую. — Чистое наказаніе съ эстимъ земствомъ...

Калоши и башмаки были полны воды, низъ платья и шубки и одинъ рукавъ были мокры, и текло съ нихъ; сахаръ и мука оказались подмоченными — и это было обиднѣе всего, и съ отчаянія Марья Васильевна только всплескивала руками и говорила:

— Ахъ, Семенъ, Семенъ!... Какой же ты, право!...

На желѣзнодорожномъ переѣздѣ былъ опущенъ шлагбаумъ: со станціи шелъ курьерскій поѣздъ. Марья Васильевна стояла у переѣзда и ждала, когда онъ пройдетъ, и дрожала всѣмъ тѣломъ отъ холода. Было уже видно Вязовье — и школу съ зеленой крышей, и церковь, у которой горѣли кресты, отражая вечернее солнце; и окна на станціи тоже горѣли, и изъ локомотива шелъ розовый дымъ... И ей казалось, что все дрожитъ отъ холода.

Вотъ онъ — поѣздъ; окна отливали яркимъ свѣтомъ, какъ кресты на церкви, больно было смотрѣть. На площадкѣ одного изъ вагоновъ перваго класса стояла дама, и Марья Васильевна взглянула на нее мелькомъ: мать! Какое сходство! У матери были такіе же пышные волосы,

такой же точно лобъ, наклонъ головы. И она живо, съ поразительной ясностью, въ первый разъ за всѣ эти триддать лѣтъ, представила себѣ мать, отца, брата, квартиру въ Москвѣ, аквaріумъ съ рыбками и все до послѣдней мелочи, услышала вдругъ игру на роялѣ, голосъ отца, почувствовала себя, какъ тогда, молодой, красивой, нарядной, въ свѣтлой, теплой комнатѣ, въ кругу родныхъ; чувство радости и счастья вдругъ охватило ее, отъ восторга она сжала себѣ виски ладонями и окликнула нѣжно, съ мольбой:

«Мама!»

И заплакала, неизвѣстно отчего. Въ это время какъ разъ подъѣзжалъ на четверкѣ Хановъ, и она, видя его, вообразила счастье, какого никогда не было, и улыбалась, кивала ему головой, какъ равная и близкая, и казалось ей, что и на небѣ, и всюду въ окнахъ, и на деревьяхъ свѣтится ея счастье, ея торжество. Да, никогда не умирали ея отецъ и мать, никогда она не была учительницей, то былъ длинный, тяжелый, странный сонъ, а теперь она проснулась...

— Васильевна, садись!

И вдругъ все исчезло. Шлагбаумъ медленно поднимался. Марья Васильевна, дрожа, коченѣя отъ холода, сѣла въ телѣгу. Четверка переѣхала линію, за ней Семенъ. Сторожъ на переѣздѣ снялъ шапку.

— А вотъ и Вязовье. Пріѣхали.

1897.

Мужъ

И—скій кавалерійскій полкъ, маневрируя, остановился на ночевку въ уѣздномъ городишкѣ К. Такое событіе, какъ ночевка г-дъ офицеровъ, дѣйствуетъ всегда на обывателей самымъ возбуждающимъ и вдохновляющимъ образомъ. Лавочники, мечтающіе о сбытѣ лежалой заржавленной колбасы и «самыхъ лучшихъ» сардинокъ, которыя лежатъ на полкѣ уже десять лѣтъ, трактирщики и прочіе промышленники не закрываютъ своихъ заведеній въ теченіе всей ночи; воинскій начальникъ, его дѣлопроизводитель и мѣстная гарниза надѣваютъ лучшіе мундиры; полиція снуетъ, какъ угорѣлая, а съ дамами дѣлается чортъ знаетъ что!

К—скія дамы, заслышавъ приближеніе полка, бросили горячіе тазы съ вареньемъ и выбѣжали на улицу. Забывъ про свое дезабилье и растрепанный видъ, тяжело дыша и замирая, онѣ стремились навстрѣчу полку и жадно вслушивались въ звуки марша. Глядя на ихъ блѣдныя вдохновенныя лица, можно было подумать, что эти звуки неслись не изъ солдатскихъ трубъ, а съ неба.

— Полкъ! — говорили онѣ радостно. — Полкъ идетъ!

А на что понадобился имъ этотъ незнакомый, случайно зашедшій полкъ, который уйдетъ завтра же на разсвѣтѣ? Когда потомъ г-да офицеры стояли среди площади и, заложивъ руки назадъ, рѣшали квартирный вопросъ, всѣ онѣ сидѣли въ

квартирѣ слѣдовательши и взапуски критиковали полкъ. Имъ было уже, Богъ вѣсть откуда, извѣстно, что командиръ женатъ, но не живетъ съ женой, что у старшаго офицера родятся ежегодно мертвыя дѣти, что адъютантъ безнадежно влюбленъ въ какую-то графиню и даже разъ покушался на самоубійство. Извѣстно имъ было все. Когда подъ окнами мелькнулъ рябой солдатъ въ красной рубахѣ, онѣ отлично знали, что это денщикъ подпоручика Рымзова бѣгаетъ по городу и ищетъ для своего барина въ долгъ англійской горькой. Офицеровъ видѣли онѣ только мелькомъ и въ спины, но уже рѣшили, что между ними нѣтъ ни одного хорошенькаго и интереснаго... Наговорившись, онѣ вытребовали къ себѣ воинскаго начальника и старшинъ клуба и приказали имъ устроить во что бы то ни стало танцовальный вечеръ.

Желаніе ихъ было исполнено. Въ девятомъ часу вечера на улицѣ передъ клубомъ гремѣлъ военный оркестръ, а въ самомъ клубѣ г-да офицеры танцовали съ к—скими дамами. Дамы чувствобали себя на крыльяхъ. Упоенныя танцами, музыкой и звономъ шпоръ, онѣ всей душой отдались мимолетному знакомству и совсѣмъ забыли про своихъ штатскихъ. Ихъ отцы и мужья, отошедшіе на самый задній планъ, толпились въ передней около тощаго буфета. Всѣ эти казначеи, секретари и надзиратели, испитые, геморроидальные и мѣшковатые, отлично сознавали свою убогость и не входили въ залу, а только издали поглядывали, какъ ихъ жены и дочери танцовали съ ловкими и стройными поручиками.

Между мужьями находился акцизный Ки-

риллъ Петровичъ Шаликовъ, существо пьяное, узкое и злое, съ большой стриженой головой и съ жирными, отвислыми губами. Когда-то онъ былъ въ университетѣ, читалъ Писарева и Добролюбова, пѣлъ пѣсни, а теперь онъ говорилъ про себя, что онъ коллежскій асессоръ и больше ничего. Онъ стоялъ, прислонившись къ косяку, и не отрывалъ глазъ отъ своей жены. Его жена, Анна Павловна, маленькая брюнетка лѣтъ тридцати, длинноносая, съ острымъ подбородкомъ, напудренная и затянутая, танцовала безъ передышки, до упада. Танцы утомили ее, но изнемогала она тѣломъ, а не душой... Вся ея фигура выражала восторгъ и наслажденіе. Грудь ея волновалась, на щекахъ играли красныя пятнышки, всѣ движенія были томны, плавны; видно было, что, танцуя, она вспоминала свое прошлое, то давнее прошлое, когда она танцовала въ институтѣ и мечтала о роскошной, веселой жизни и когда была увѣрена, что у нея будетъ мужемъ непремѣнно баронъ или князь.

Акцизный глядѣлъ на нее и морщился отъ злости... Ревности онъ не чувствовалъ, но ему непріятно было, во-первыхъ, что благодаря танцамъ, негдѣ было играть въ карты; во-вторыхъ, онъ терпѣть не могъ духовой музыки; въ-третьихъ, ему казалось, что г-да офицеры слишкомъ небрежно и свысока обращаются со штатскими, а самое главное, въ-четвертыхъ, его возмущало и приводило въ негодованіе выраженіе блаженства на жениномъ лицѣ...

— Глядѣть противно! — бормоталъ онъ. — Скоро уже сорокъ лѣтъ, ни кожи, ни рожи, а тоже поди ты, напудрилась, завилась, корсетъ

надѣла! Кокетничаетъ, жеманничаетъ и воображаетъ, что это у нея хорошо выходитъ... Ахъ, скажите, какъ вы прекрасны!

Анна Павловна такъ ушла въ танцы, что ни разу не взглянула на своего мужа.

— Конечно, гдѣ намъ, мужикамъ! — злорадствовалъ акцизный. — Теперь мы за штатомъ... Мы тюлени, уѣздные медвѣди! А она царица бала; она вѣдь настолько еще сохранилась, что даже офицеры ею интересоваться могутъ. Пожалуй, и влюбиться не прочь.

Во время мазурки лицо акцизнаго перекосило отъ злости. Съ Анной Павловной танцовалъ мазурку черный офицеръ съ выпученными глазами и съ татарскими скулами. Онъ работалъ ногами серьезно и съ чувствомъ, дѣлая строгое лицо, и такъ выворачивалъ колѣни, что походилъ на игрушечнаго паяца, котораго дергаютъ за ниточку. А Анна Павловна, блѣдная, трепещущая, согнувъ томно станъ и закатывая глаза, старалась дѣлать видъ, что она едва касается земли, и, повидимому, ей самой казалось, что она не на землѣ, не въ уѣздномъ клубѣ, а гдѣ-то далеко-далеко — на облакахъ! Не одно только лицо, но уже все тѣло выражало блаженство... Акцизному стало невыносимо; ему захотѣлось насмѣяться надъ этимъ блаженствомъ, дать почувствовать Аннѣ Павловнѣ, что она забылась, что жизнь вовсе не такъ прекрасна, какъ ей теперь кажется въ упоеніи...

— Погоди, я покажу тебѣ, какъ блаженно улыбаться! — бормоталъ онъ. — Ты не институтка, не дѣвочка. Старая рожа должна понимать, что она рожа!

Мелкія чувства зависти, досады, оскорбленнаго самолюбія, маленькаго, уѣзднаго человѣконенавистничества, того самаго, которое заводится въ маленькихъ чиновникахъ отъ водки и отъ сидячей жизни, закопошились въ немъ, какъ мыши... Дождавшись конца мазурки, онъ вошелъ въ залу и направился къ женѣ. Анна Павловна сидѣла въ это время съ кавалеромъ и, обмахиваясь вѣеромъ, кокетливо щурила глаза и разсказывала, какъ она когда-то танцовала въ Петербургѣ. (Губы у нея были сложены сердечкомъ и произносила она такъ: — «У насъ въ Пютюрбюргѣ»).

— Анюта, пойдемъ домой! — прохрипѣлъ акцизный.

Увидѣвъ передъ собой мужа, Анна Павловна сначала вздрогнула, какъ бы вспомнивъ, что у нея есть мужъ, потомъ вся вспыхнула: ей стало стыдно, что у нея такой испитой, угрюмый, обыкновенный мужъ...

— Пойдемъ домой! — повторилъ акцизный.

— Зачѣмъ? Вѣдь еще рано!

— Я прошу тебя идти домой! — сказалъ акцизный съ разстановкой, дѣлая злое лицо.

— Зачѣмъ? Развѣ что случилось? — встревожилась Анна Павловна.

— Ничего не случилось, но я желаю, чтобъ ты сію минуту шла домой... Желаю, вотъ и все, и пожалуйста, безъ разговоровъ.

Анна Павловна не боялась мужа, но ей было стыдно кавалера, который удивленно и насмѣшливо поглядывалъ на акцизнаго. Она поднялась и отошла съ мужемъ въ сторону.

— Что ты выдумалъ? — начала она. —

Зачѣмъ мнѣ домой? Вѣдь еще и одиннадцати часовъ нѣтъ!

— Я желаю, и баста! Изволь идти — и все тутъ.

— Перестань выдумывать глупости! Ступай самъ, если хочешь.

— Ну, такъ я скандалъ сдѣлаю!

Акцизный видѣлъ, какъ выраженіе блаженства постепенно сползало съ лица его жены, какъ ей было стыдно и какъ она страдала — и у него стало какъ будто легче на душѣ.

— Зачѣмъ я тебѣ сейчасъ понадобилась? — спросила жена.

— Ты не нужна мнѣ, но я желаю, чтобъ ты сидѣла дома. Желаю, вотъ и все.

Анна Павловна не хотѣла и слушать, потомъ начала умолять, чтобы мужъ позволилъ ей остаться еще хоть полчаса; потомъ, сама не зная зачѣмъ, извинялась, клялась — и все это шопотомъ, съ улыбкой, чтобы публика не подумала, что у нея съ мужемъ недоразумѣніе. Она стала увѣрять, что останется еще недолго, только десять минутъ, только пять минутъ; но акцизный упрямо стоялъ на своемъ.

— Какъ хочешь, оставайся! Только я скандалъ сдѣлаю.

И, разговаривая теперь съ мужемъ, Анна Павловна осунулась, похудѣла и постарѣла. Блѣдная, кусая губы и чуть не плача, она пошла въ переднюю и стала одѣваться...

— Куда же вы? — удивлялись к—скія дамы. — Анна Павловна, куда же вы это, милочка?

— Голова заболѣла, — говорилъ за жену акцизный.

Выйдя изъ клуба, супруги до самаго дома шли молча. Акцизный шелъ сзади жены и, глядя на ея согнувшуюся, убитую горемъ и униженную фигурку, припоминалъ блаженство, которое такъ раздражало его въ клубѣ, и сознаніе, что блаженства уже нѣтъ, наполняло его душу побѣднымъ чувствомъ. Онъ былъ радъ и доволенъ, и въ то же время ему недоставало чего-то и хотѣлось вернуться въ клубъ и сдѣлать такъ, чтобы всѣмъ стало скучно и горько, и чтобы всѣ почувствовали, какъ ничтожна, плоска эта жизнь, когда вотъ идешь въ потемкахъ по улицѣ и слышишь, какъ всхлипываетъ подъ ногами грязь, и когда знаешь, что проснешься завтра утромъ—и опять ничего, кромѣ водки и кромѣ картъ! О, какъ это ужасно!

А Анна Павловна едва шла... Она была все еще подъ впечатлѣніемъ танцевъ, музыки, разговоровъ, блеска, шума; она шла и спрашивала себя: за что ее покаралъ такъ Господь Богъ? Было ей горько, обидно и душно отъ ненависти, съ которой она прислушивалась къ тяжелымъ шагамъ мужа. Она молчала и старалась придумать какое-нибудь самое бранное, ѣдкое и ядовитое слово, чтобы пустить его мужу, и въ то же время сознавала, что ея акцизнаго не проймешь никакими словами. Что ему слова? Безпомощнѣе состоянія не могъ бы придумать и злѣйшій врагъ.

А музыка между тѣмъ гремѣла, и потемки были полны самыхъ плясовыхъ, зажигательныхъ звуковъ.

1898.

Необыкновенный

Первый часъ ночи. Передъ дверью Марьи Петровны Кошкиной, старой дѣвы-акушерки, останавливается высокій господинъ въ цилиндрѣ и въ шинели съ капюшономъ. Въ осеннихъ потемкахъ не отличишь ни лица, ни рукъ, но уже въ манерѣ покашливать и дергать за звонокъ слышится солидность, положительность и нѣкоторая внушительность. Послѣ третьяго звонка отворяется дверь, и показывается сама Марья Петровна. На ней, поверхъ бѣлой юбки, наброшено мужское пальто. Маленькая лампочка съ зеленымъ колпакомъ, которую она держитъ въ рукахъ, краситъ въ зелень ея заспанное, весноватое лицо, жилистую шею и жидкіе, рыжеватые волосики, выбивающіеся изъ-подъ чепца.

— Могу ли я видѣть акушерку? — спрашиваетъ господинъ.

— Я-съ акушерка. Что вамъ угодно?

Господинъ входитъ въ сѣни, и Марья Петровна видитъ передъ собой высокаго, стройнаго мужчину, уже не молодого, но съ красивымъ, строгимъ лицомъ и съ пушистыми бакенами.

— Я коллежскій асессоръ Кирьяковъ, — говоритъ онъ. — Пришелъ я просить васъ къ своей женѣ. Только, пожалуйста, поскорѣе.

— Хорошо-съ... — соглашается акушерка. — Я сейчасъ одѣнусь, а вы потрудитесь подождать меня въ залѣ.

Кирьяковъ снимаетъ шинель и входитъ въ

залу. Зеленый свѣтъ лампочки скудно ложится на дешевую мебель въ бѣлыхъ заплатанныхъ чехлахъ, на жалкіе цвѣты, на косяки, по которымъ вьется плющъ... Пахнетъ геранью и карболкой. Стѣнные часики тикаютъ робко, точно конфузясь передъ постороннимъ мужчиной.

— Я готова-съ! — говоритъ Марья Петровна, входя минутъ черезъ пять въ залу, уже одѣтая, умытая и бодрая. — Поѣдемте-съ!

— Да, надо спѣшить... — говоритъ Кирьяковъ. — Между прочимъ, не лишній вопросъ: сколько вы возьмете за труды?

— Я, право, не знаю... — конфузливо улыбается Марья Петровна. — Сколько дадите...

—Нѣтъ, я этого не люблю, — говоритъ Кирьяковъ, холодно и неподвижно глядя на акушерку. — Договоръ лучше денегъ. Мнѣ не нужно вашего, вамъ не нужно моего. Во избѣжаніе недоразумѣній, намъ разумнѣе уговориться заранѣе.

— Я, право, не знаю... Опредѣленной цѣны нѣтъ.

— Я самъ тружусь и привыкъ цѣнить чужой трудъ. Несправедливости я не люблю. Для меня одинаково будетъ непріятно, если я вамъ не доплачу, или если вы съ меня потребуете лишнее, а потому я настаиваю на томъ, чтобы вы назвали вашу цѣну.

— Вѣдь цѣны разныя бываютъ!

— Гм!... Въ виду вашихъ колебаній, которыя мнѣ непонятны, я самъ долженъ назначить цѣну. Дать вамъ я могу два рубля.

— Что вы, помилуйте! — говоритъ Марья Петровна, краснѣя и пятясь назадъ. — Мнѣ даже

совѣстно... Чѣмъ два рубля брать, такъ я ужъ лучше даромъ. Извольте, за пять рублей...

— Два рубля, ни копейки больше. Вашего мнѣ не нужно, но и лишнее платить я не намѣренъ.

— Какъ вамъ угодно-съ, но за два рубля я не поѣду...

— Но по закону вы не имѣете права отказываться.

— Извольте, я задаромъ поѣду.

— Даромъ я не хочу. Каждый трудъ долженъ быть вознаграждаемъ. Я самъ тружусь и понимаю.

— За два рубля не поѣду-съ... — кротко заявляетъ Марья Петровна. — Извольте, задаромъ...

— Въ такомъ случаѣ, очень жалѣю, что напрасно обезпокоилъ... Честь имѣю кланяться.

— Какіе вы, право... — говоритъ акушерка, провожая Кирьякова въ переднюю. — Если ужъ вамъ такъ угодно, то извольте, я за три рубля поѣду.

Кирьяковъ хмурится и думаетъ цѣлыхъ двѣ минуты, сосредоточенно глядя на полъ, потомъ говоритъ рѣшительно «нѣтъ!» и выходитъ на улицу. Удивленная и сконфуженная акушерка запираетъ за нимъ дверь и идетъ къ себѣ въ спальню.

«Красивый, солидный, но какой странный, Богъ съ нимъ», — думаетъ она, ложась.

Но не проходитъ и получаса, какъ опять звонокъ; она поднимается и видитъ въ передней того же Кирьякова.

— Удивительные безпорядки! — говоритъ

онъ. — Ни въ аптекѣ, ни городовые, ни дворники, никто не знаетъ адресовъ акушерокъ, и такимъ образомъ я поставленъ въ необходимость согласиться на ваши условія. Я дамъ вамъ три рубля, но... предупреждаю, что, нанимая прислугу и вообще пользуясь чьими-либо услугами, я заранѣе условливаюсь, чтобы при расплатѣ не было разговоровъ о прибавкахъ, на чай и пр. Каждый долженъ получать свое.

Марья Петровна не долго слушала Кирьякова, но уже чувствуетъ, что онъ надоѣлъ ей, опротивѣлъ, что его ровная, мѣрная рѣчь тяжестью ложится ей на душу. Она одѣвается и выходитъ съ нимъ на улицу. Въ воздухѣ тихо, но холодно и такъ пасмурно, что даже фонарные огни еле видны. Подъ ногами всхлипываетъ слякоть. Акушерка всматривается и не видитъ извозчика...

— Вѣроятно, недалеко? — спрашиваетъ она.

— Недалеко, — угрюмо отвѣчаетъ Кирьяковъ.

Проходятъ одинъ переулокъ, другой, третій... Кирьяковъ шагаетъ, и даже въ походкѣ его сказывается солидность и положительность.

— Какая ужасная погода! — заговариваетъ съ нимъ акушерка.

Но онъ солидно молчитъ и замѣтно старается идти по гладкимъ камнямъ, чтобы не портить калошъ. Наконецъ, послѣ долгой ходьбы, акушерка входитъ въ переднюю; оттуда видна большая, прилично убранная зала. Въ комнатахъ, даже въ спальнѣ, гдѣ лежитъ роженица, ни души... Родственниковъ и старухъ, которыми на всякихъ родинахъ хоть прудъ пруди, тутъ не

видно. Мечется, какъ угорѣлая, одна только кухарка съ тупымъ, испуганнымъ лицомъ. Слышны громкіе стоны.

Проходитъ три часа. Марья Петровна сидитъ у кровати роженицы и шепчетъ о чемъ-то. Обѣ женщины уже успѣли познакомиться, узнали другъ друга, посудачили, поахали...

— Вамъ нельзя говорить! — тревожится акушерка, а сама такъ и сыплетъ вопросами.

Но вотъ открывается дверь, и тихо, солидно входитъ въ спальню самъ Кирьяковъ. Онъ садится на стулъ и поглаживаетъ бакены. Наступаетъ молчаніе... Марья Петровна робко поглядываетъ на его красивое, но безстрастное, деревянное лицо и ждетъ, когда онъ начнетъ говорить. Но онъ упорно молчитъ и о чемъ-то думаетъ. Не дождавшись, акушерка рѣшается сама начать разговоръ и произноситъ фразу, какую обыкновенно говорятъ на родинахъ:

— Ну, вотъ и слава Богу, однимъ человѣкомъ на этомъ свѣтѣ больше!

— Да, пріятно, — говоритъ Кирьяковъ, сохраняя деревянное выраженіе лица: — хотя, впрочемъ, съ другой стороны, чтобы имѣть лишнихъ дѣтей, нужно имѣть лишнія деньги. Ребенокъ не родится сытымъ и одѣтымъ.

На лицѣ у роженицы показывается виноватое выраженіе, точно она произвела на свѣтъ живое существо безъ позволенія, или изъ пустой прихоти. Кирьяковъ со вздохомъ поднимается и солидно выходитъ.

— Какой онъ у васъ, Богъ съ нимъ... — говоритъ акушерка роженицѣ. — Строгій такой и не улыбнется...

Роженица разсказываетъ, что *онъ* у нея всегда такой... Онъ честенъ, справедливъ, разсудителенъ, разумно экономенъ, но все это въ такихъ необыкновенныхъ размѣрахъ, что простымъ смертнымъ дѣлается душно. Родня разошлась съ нимъ, прислуга не живетъ больше мѣсяца, знакомыхъ нѣтъ, жена и дѣти вѣчно напряжены отъ страха за каждый свой шагъ. Онъ не дерется, не кричитъ, добродѣтелей у него гораздо больше, чѣмъ недостатковъ, но когда онъ уходитъ изъ дому, всѣ чувствуютъ себя здоровѣе и легче. Отчего это такъ, роженица и сама не можетъ понять.

— Нужно тазы вычиститъ хорошенько и поставить ихъ въ кладовую, — говоритъ Кирьяковъ, опять входя въ спальню. — Эти флаконы тоже нужно спрятать: пригодятся.

То, что̀ онъ говоритъ, очень просто и обыкновенно, но акушерка почему-то чувствуетъ оторопь. Она начинаетъ бояться этого человѣка и вздрагиваетъ всякій разъ, когда слышитъ его шаги. Утромъ, собираясь уходить, она видитъ, какъ въ столовой маленькій сынъ Кирьякова, блѣдный, стриженый гимназистъ, пьетъ чай... Противъ него стоитъ Кирьяковъ и говоритъ своимъ мѣрнымъ, ровнымъ, голосомъ:

— Ты умѣешь ѣсть, умѣй же и работать. Ты вотъ сейчасъ глотнулъ, но не подумалъ, вѣроятно, что этотъ глотокъ сто̀итъ денегъ, а деньги добываются трудомъ. Ты ѣшь и думай...

Акушерка глядитъ на тупое лицо мальчика, и ей кажется, что даже воздуху тяжело, что еще немного — и стѣны упадутъ, не вынося давящаго присутствія необыкновеннаго человѣ-

ка. Не помня себя отъ страха и уже чувствуя сильную ненависть къ этому человѣку, Марья Петровна беретъ свои узелки и торопливо уходитъ.

На полдорогѣ она вспоминаетъ, что забыла получить свои три рубля, но постоявъ немного и подумавъ, машетъ рукой и идетъ дальше.

1898.

Случай изъ практики

Профессоръ получилъ телеграмму изъ фабрики Ляликовыхъ: его просили поскорѣе пріѣхать. Была больна дочь какой-то госпожи Ляликовой, повидимому, владѣлицы фабрики, и больше ничего нельзя было понять изъ этой длинной, безтолково составленной телеграммы. И профессоръ самъ не поѣхалъ, а вмѣсто себя послалъ своего ординатора Королева.

Нужно было проѣхать отъ Москвы двѣ станціи и потомъ на лошадяхъ версты четыре. За Королевымъ выслали на станцію тройку; кучеръ былъ въ шляпѣ съ павлиньимъ перомъ и на всѣ вопросы отвѣчалъ громко, по-солдатски: «Никакъ нѣтъ!» — «Точно такъ!» Былъ субботній вечеръ, заходило солнце. Отъ фабрики къ станціи толпами шли рабочіе и кланялись лошадямъ, на которыхъ ѣхалъ Королевъ. И его плѣнялъ вечеръ, и усадьбы, и дачи по сторонамъ, и березы, и это тихое настроеніе кругомъ, когда, казалось, вмѣстѣ съ рабочими теперь, наканунѣ праздника, собирались отдыхать и поле, и лѣсъ, и солнце, — отдыхать, быть можетъ, молиться...

Онъ родился и выросъ въ Москвѣ, деревни не зналъ и фабриками никогда не интересовался и не бывалъ на нихъ. Но ему случалось читать про фабрики и бывать въ гостяхъ у фабрикантовъ и разговаривать съ ними; и когда онъ видѣлъ какую-нибудь фабрику издали, или вблизи, то всякій разъ думалъ о томъ, что вотъ снаружи

все тихо и смирно, а внутри, должно быть, непроходимое невѣжество и тупой эгоизмъ хозяевъ, скучный, нездоровый трудъ рабочихъ, дрязги, водка, насѣкомыя. И теперь, когда рабочіе почтительно и пугливо сторонились коляски, онъ въ ихъ лицахъ, картузахъ, въ походкѣ угадывалъ физическую нечистоту, пьянство, нервность, растерянность.

Въѣхали въ фабричныя ворота. По обѣ стороны мелькали домики рабочихъ, лица женщинъ, бѣлье и одѣяла на крыльцахъ. «Берегись!» — кричалъ кучеръ, не сдерживая лошадей. Вотъ широкій дворъ безъ травы, на немъ пять громадныхъ корпусовъ съ трубами, другъ отъ друга поодаль, товарные склады, бараки, и на всемъ какой-то сѣрый налетъ, точно отъ пыли. Тамъ и сямъ, какъ оазисы въ пустынѣ, жалкіе садики и зеленыя или красныя крыши домовъ, въ которыхъ живетъ администрація. Кучеръ вдругъ осадилъ лошадей, и коляска остановилась у дома, выкрашеннаго заново въ сѣрый цвѣтъ; тутъ былъ палисадникъ съ сиренью, покрытой пылью, и на желтомъ крыльцѣ сильно пахло краской.

— Пожалуйте, господинъ докторъ, — говорили женскіе голоса въ сѣняхъ и въ передней; и при этомъ слышались вздохи и шопотъ. — Пожалуйте, заждались... чистое горе. Вотъ сюда пожалуйте.

Госпожа Ляликова, полная, пожилая дама, въ черномъ шелковомъ платьѣ съ модными рукавами, но, судя по лицу, простая, малограмотная, смотрѣла на доктора съ тревогой и не рѣшалась подать ему руку, не смѣла. Рядомъ съ ней стояла особа съ короткими волосами, въ pince-nez, въ пестрой цвѣтной кофточкѣ, тощая и уже не моло-

дая. Прислуга называла ее Христиной Дмитріевной, и Королевъ догадался, что это гувернантка. Вѣроятно, ей, какъ самой образованной въ домѣ, было поручено встрѣтить и принять доктора, потому что она тотчасъ же, торопясь, стала излагать причины болѣзни, съ мелкими, назойливыми подробностями, но не говоря, кто боленъ и въ чемъ дѣло.

Докторъ и гувернантка сидѣли и говорили, а хозяйка стояла неподвижно у двери, ожидая. Изъ разговора Королевъ понялъ, что больна Лиза, дѣвушка двадцати лѣтъ, единственная дочь госпожи Ляликовой, наслѣдница; она давно уже болѣла и лѣчилась у разныхъ докторовъ, а въ послѣднюю ночь, съ вечера до утра, у нея было такое сердцебіеніе, что всѣ въ домѣ не спали; боялись, какъ бы не умерла.

— Она у насъ, можно сказать, съ малолѣтства была хворенькая, — разсказывала Христина Дмитріевна пѣвучимъ голосомъ, то-и-дѣло вытирая губы рукой. — Доктора говорятъ — нервы, но когда она была маленькой, доктора ей золотуху внутрь вогнали, такъ вотъ, думаю, можетъ отъ этого.

Пошли къ больной. Совсѣмъ уже взрослая, большая, хорошаго роста, но некрасивая, похожая на мать, съ такими же маленькими глазами и съ широкой, неумѣренно развитой нижней частью лица, не причесанная, укрытая до подбородка, она въ первую минуту произвела на Королева впечатлѣніе существа несчастнаго, убогаго, которое изъ жалости пригрѣли здѣсь и укрыли, и не вѣрилось, что это была наслѣдница пяти громадныхъ корпусовъ.

— А мы къ вамъ, — началъ Королевъ: — пришли васъ лѣчить. Здравствуйте.

Онъ назвалъ себя и пожалъ ей руку, — большую, холодную, некрасивую руку. Она сѣла и, очевидно, давно уже привыкшая къ докторамъ, равнодушная къ тому, что у нея были открыты плечи и грудь, дала себя выслушать.

— У меня сердцебіеніе, — сказала она. — Всю ночь былъ такой ужасъ... я едва не умерла отъ ужаса! Дайте мнѣ чего-нибудь.

— Дамъ, дамъ! Успокойтесь.

Королевъ осмотрѣлъ ее и пожалъ плечами.

— Сердце, какъ слѣдуетъ, — сказалъ онъ: — все обстоитъ благополучно, все въ порядкѣ. Нервы, должно быть, подгуляли немножко, но это такъ обыкновенно. Припадокъ, надо думать, уже кончился, ложитесь себѣ спать.

Въ это время принесли въ спальню лампу. Больная прищурилась на свѣтъ и вдругъ охватила голову руками и зарыдала. И впечатлѣніе существа убогаго и некрасиваго вдругъ исчезло, и Королевъ уже не замѣчалъ ни маленькихъ глазъ, ни грубо развитой нижней части лица; онъ видѣлъ мягкое страдальческое выраженіе, которое было такъ разумно и трогательно, и вся она казалась ему стройной, женственной, простой, и хотѣлось уже успокоить ее не лѣкарствами, не совѣтомъ, а простымъ ласковымъ словомъ. Мать обняла ея голову и прижала къ себѣ. Сколько отчаянія, сколько скорби на лицѣ у старухи! Она, мать, вскормила, вырастила дочь, не жалѣла ничего, всю жизнь отдала на то, чтобъ обучить ее французскому языку, танцамъ, музыкѣ, приглашала для нея десятокъ учи-

телей, самыхъ лучшихъ докторовъ, держала гувернантку, и теперь не понимала, откуда эти слезы, зачѣмъ столько мукъ, не понимала и терялась, и у нея было виноватое, тревожное, отчаянное выраженіе, точно она упустила что-то еще очень важное, чего-то еще не сдѣлала, кого-то еще не пригласила, а кого — неизвѣстно.

— Лизанька, ты опять... ты опять, — говорила она, прижимая къ себѣ дочь. — Родная моя, голубушка, дѣточка моя, скажи, что съ тобой? Пожалѣй меня, скажи.

Обѣ горько плакали. Королевъ сѣлъ на край постели и взялъ Лизу за руку.

— Полноте, стóитъ ли плакать? — сказалъ онъ ласково. — Вѣдь на свѣтѣ нѣтъ ничего такого, что заслуживало бы этихъ слезъ. Ну, не будемъ плакать, не нужно это...

А самъ подумалъ:

«Замужъ бы ее пора»...

— Нашъ фабричный докторъ давалъ ей калибромáти, — сказала гувернантка: — но ей отъ этого, я замѣчаю, только хуже. По-моему, ужъ если давать отъ сердца, то капли... забыла, какъ онѣ называются... Ландышевыя, что ли.

И опять пошли всякія подробности. Она перебивала доктора, мѣшала ему говорить и на лицѣ у нея было написано страданіе, точно она полагала, что, какъ самая образованная женщина въ домѣ, она была обязана вести съ докторомъ непрерывный разговоръ и непремѣнно о медицинѣ.

Королеву стало скучно.

— Я не нахожу ничего особеннаго, — сказалъ онъ, выходя изъ спальни и обращаясь къ матери.

— Если вашу дочь лѣчилъ фабричный врачъ, то пусть и продолжаетъ лѣчить. Лѣченіе до сихъ поръ было правильное, и я не вижу необходимости мѣнять врача. Для чего мѣнять? Болѣзнь такая обыкновенная, ничего серьезнаго...

Онъ говорилъ не спѣша, надѣвая перчатки, а госпожа Лялпкова стояла неподвижно и смотрѣла на него заплаканными глазами.

— До десятичасового поѣзда осталось полчаса, — сказалъ онъ: — надѣюсь, я не опоздаю.

— А вы не можете у насъ остаться? — спросила она, и опять слезы потекли у нея по щекамъ. — Совѣстно васъ безпокоить, но будьте такъ добры... ради Бога, — продолжала она вполголоса, оглядываясь на дверь, — переночуйте у насъ. Она у меня одна... единственная дочь... Напугала прошлую ночь, опомниться не могу... Не уѣзжайте, Бога ради...

Онъ хотѣлъ сказать ей, что у него въ Москвѣ много работы, что дома его ждетъ семья; ему было тяжело провести въ чужомъ домѣ безъ надобности весь вечеръ и всю ночь, но онъ поглядѣлъ на ея лицо, вздохнулъ и сталъ молча снимать перчатки.

Въ залѣ и гостиной для него зажгли всѣ лампы и свѣчи. Онъ сидѣлъ у рояля и перелистывалъ ноты, потомъ осматривалъ картины на стѣнахъ, портреты. На картинахъ, написанныхъ масляными красками, въ золотыхъ рамахъ, были виды Крыма, бурное море съ корабликомъ, католическій монахъ съ рюмкой, и все это сухо, зализано, бездарно... На портретахъ ни одного красиваго, интереснаго лица, все широкія скулы, удивленные глаза; у Лялпкова, отца Лизы, ма-

ленькій лобъ и самодовольное лицо, мундиръ мѣшкомъ сидитъ на его большомъ, не породистомъ тѣлѣ, на груди медаль и знакъ Краснаго Креста. Культура бѣдная, роскошь случайная, не осмысленная, не удобная, какъ этотъ мундиръ; полы раздражаютъ своимъ блескомъ, раздражаетъ люстра, и вспоминается почему-то разсказъ про купца, ходившаго въ баню съ медалью на шеѣ...

Изъ передней доносился шопотъ, кто-то тихо храпѣлъ. И вдругъ со двора послышались рѣзкіе, отрывистые, металлическіе звуки, какихъ Королевъ раньше никогда не слышалъ и какихъ не понялъ теперь; они отозвались въ его душѣ странно и непріятно.

«Кажется, ни за что не остался бы тутъ жить»... — подумалъ онъ и опять принялся за ноты.

— Докторъ, пожалуйте закусить! — позвала вполголоса гувернантка.

Онъ пошелъ ужинать. Столъ былъ большой, со множествомъ закусокъ и винъ, но ужинали только двое: онъ да Христина Дмитріевна. Она пила мадеру, быстро кушала и говорила, поглядывая на него черезъ pince-nez:

— Рабочіе нами очень довольны. На фабрикѣ у насъ каждую зиму спектакли, сами рабочіе играютъ, ну чтенія съ волшебнымъ фонаремъ, великолѣпная чайная и, кажется, чего ужъ. Они намъ очень приверженные, и когда узнали, что Лизанькѣ хуже стало, заказали молебенъ. Необразованные, а вѣдь тоже чувствуютъ.

— Похоже, у васъ въ домѣ нѣтъ ни одного мужчины, — сказалъ Королевъ.

— Ни одного. Петръ Никанорычъ померъ полтора года назадъ, и мы однѣ остались. Такъ и живемъ втроемъ. Лѣтомъ здѣсь, а зимой въ Москвѣ на Полянкѣ. Я у нихъ уже одиннадцать лѣтъ живу. Какъ своя.

Къ ужину подавали стерлядь, куриныя котлеты и компотъ; вина были дорогія, французскія.

— Вы, докторъ, пожалуйста, безъ церемоніи, — говорила Христина Дмитріевна, кушая, утирая ротъ кулачкомъ, и видно было, что она жила здѣсь въ свое полное удовольствіе. — Пожалуйста кушайте.

Послѣ ужина доктора отвели въ комнату, гдѣ для него была приготовлена постель. Но ему не хотѣлось спать, было душно и въ комнатѣ пахло краской; онъ надѣлъ пальто и вышелъ.

На дворѣ было прохладно; уже брезжилъ разсвѣтъ и въ сыромъ воздухѣ ясно обозначались всѣ пять корпусовъ съ ихъ длинными трубами, бараки и склады. По случаю праздника не работали, было въ окнахъ темно, и только въ одномъ изъ корпусовъ горѣла еще печь, два окна были багровы и изъ трубы вмѣстѣ съ дымомъ изрѣдка выходилъ огонь. Далеко за дворомъ кричали лягушки и пѣлъ соловей.

Глядя на корпуса и бараки, гдѣ спали рабочіе, онъ опять думалъ о томъ, о чемъ думалъ всегда, когда видѣлъ фабрики. Пусть спектакли для рабочихъ, волшебные фонари, фабричные доктора, разныя улучшенія, но все же рабочіе, которыхъ онъ встрѣтилъ сегодня по дорогѣ со станціи, ничѣмъ не отличаются по виду отъ тѣхъ рабочихъ, которыхъ онъ видѣлъ давно въ дѣтствѣ, когда еще не было фабричныхъ спектаклей и

улучшеній. Онъ, какъ медикъ, правильно судившій о хроническихъ страданіяхъ, коренная причина которыхъ была непонятна и неизлѣчима, и на фабрики смотрѣлъ, какъ на недоразумѣніе, причина котораго была тоже неясна и неустранима, и всѣ улучшенія въ жизни фабричныхъ онъ не считалъ лишними, но приравнивалъ ихъ къ лѣченію неизлѣчимыхъ болѣзней.

«Тутъ недоразумѣніе, конечно... — думалъ онъ, глядя на багровыя окна. — Тысячи полторы-двѣ фабричныхъ работаютъ безъ отдыха, въ нездоровой обстановкѣ, дѣлая плохой ситецъ, живутъ впроголодь и только изрѣдка въ кабакѣ отрезвляются отъ этого кошмара; сотня людей надзираетъ за работой и вся жизнь этой сотни уходитъ на записываніе штрафовъ, на брань, несправедливости, и только двое-трое, такъ-называемые хозяева, пользуются выгодами, хотя совсѣмъ не работаютъ и презираютъ плохой ситецъ. Но какія выгоды, какъ пользуются ими? Лялпкова и ея дочь несчастны, на нихъ жалко смотрѣть, живетъ въ свое удовольствіе только одна Христина Дмитріевна, пожилая, глуповатая дѣвица въ pince-nez. И выходитъ такъ, значитъ, что работаютъ всѣ эти пять корпусовъ и на восточныхъ рынкахъ продается плохой ситецъ для того только, чтобы Христина Дмитріевна могла кушать стерлядь и пить мадеру.

Вдругъ раздались странные звуки, тѣ самые, которые Королевъ слышалъ до ужина. Около одного изъ корпусовъ кто-то билъ въ металлическую доску, билъ и тотчасъ же задерживалъ звукъ, такъ что получились короткіе, рѣзкіе, нечистые звуки, похожіе на «дер... дер... дер...»

Затѣмъ полминуты тишины, и у другого корпуса раздались звуки, такіе же отрывистые и непріятные, уже болѣе низкіе, басовые — «дрын... дрын... дрын...» Одиннадцать разъ. Очевидно, это сторожа били одиннадцать часовъ.

Послышалось около третьяго корпуса: «жак... жак... жак...» И такъ около всѣхъ корпусовъ и потомъ за бараками и за воротами. И похоже было, какъ будто среди ночной тишины издавало эти звуки само чудовище съ багровыми глазами, самъ дьяволъ, который владѣлъ тутъ и хозяевами, и рабочими, и обманывалъ и тѣхъ и другихъ.

Королевъ вышелъ со двора въ поле.

— Кто идетъ? — окликнули его у воротъ грубымъ голосомъ.

«Точно въ острогѣ»... — подумалъ онъ и ничего не отвѣтилъ.

Здѣсь соловьи и лягушки были слышнѣе, чувствовалась майская ночь. Со станціи доносился шумъ поѣзда; кричали гдѣ-то сонные пѣтухи, но все же ночь была тиха, міръ покойно спалъ. Въ полѣ, недалеко отъ фабрики, стоялъ срубъ, тутъ былъ сложенъ матеріалъ для постройки. Королевъ сѣлъ на доски и продолжалъ думать:

«Хорошо чувствуетъ себя здѣсь только одна гувернантка, и фабрика работаетъ для ея удовольствія. Но это такъ кажется, она здѣсь только подставное лицо. Главный же, для кого здѣсь все дѣлается, — это дьяволъ».

И онъ думалъ о дьяволѣ, въ котораго не вѣрилъ, и огядывался на два окна, въ которыхъ свѣтился огонь. Ему казалось, что этими багровыми глазами смотрѣлъ на него самъ дьяволъ,

та невѣдомая сила, которая создала отношенія между сильными и слабыми, эту грубую ошибку, которую теперь ничѣмъ не исправишь. Нужно, чтобы сильный мѣшалъ жить слабому, таковъ законъ природы, но это понятно и легко укладывается въ мысль только въ газетной статьѣ или въ учебникѣ, въ той же кашѣ, какую представляетъ изъ себя обыденная жизнь, въ путаницѣ всѣхъ мелочей, изъ которыхъ сотканы человѣческія отношенія, это уже не законъ, а логическая несообразность, когда и сильный, и слабый одинаково падаютъ жертвой своихъ взаимныхъ отношеній, невольно покоряясь какой-то направляющей силѣ, неизвѣстной, стоящей внѣ жизни, посторонней человѣку. Такъ думалъ Королевъ, сидя на доскахъ, и мало-по-малу имъ овладѣло настроеніе, какъ будто эта неизвѣстная, таинственная сила въ самомъ дѣлѣ была близко и смотрѣла. Между тѣмъ, востокъ становился все блѣднѣе, время шло быстро. Пять корпусовъ и трубы на сѣромъ фонѣ разсвѣта, когда кругомъ не было ни души, точно вымерло все, имѣли особенный видъ, не такой, какъ днемъ; совсѣмъ вышло изъ памяти, что тутъ внутри паровые двигатели, электричество, телефоны, но какъ-то все думалось о свайныхъ постройкахъ, о каменномъ вѣкѣ, чувствовалось присутствіе грубой, безсознательной силы...

И опять послышалось:

— Дер... дер... дер... дер...

Двѣнадцать разъ. Потомъ тихо, тихо полминуты и — раздается въ другомъ концѣ двора:

— Дрын... дрын... дрын...

«Ужасно непріятно!» — подумалъ Королевъ.

— Жак... жак... — раздалось въ третьемъ мѣстѣ отрывисто, рѣзко, точно съ досадой: — жак... жак...

И чтобы пробить двѣнадцать часовъ, понадобилось минуты четыре. Потомъ затихло; и опять такое впечатлѣніе, будто вымерло все кругомъ.

Королевъ посидѣлъ еще немного и вернулся въ домъ, но еще долго не ложился. Въ сосѣднихъ комнатахъ шептались, слышалось шлепанье туфель и босыхъ ногъ.

«Ужъ не опять ли съ ней припадокъ?» — подумалъ Королевъ.

Онъ вышелъ, чтобы взглянуть на больную. Въ комнатахъ было уже совсѣмъ свѣтло и въ залѣ на стѣнѣ и на полу дрожалъ слабый солнечный свѣтъ, проникшій сюда сквозь утренній туманъ. Дверь въ комнату Лизы была отворена, и сама она сидѣла въ креслѣ около постели, въ капотѣ, окутанная въ шаль, непричесанная. Шторы на окнахъ были опущены.

— Какъ вы себя чувствуете? — спросилъ Королевъ.

— Благодарю васъ.

Онъ потрогалъ пульсъ, потомъ поправилъ ей волосы, упавшіе на лобъ.

— Вы не спите, — сказалъ онъ. — На дворѣ прекрасная погода, весна, поютъ соловьи, а вы сидите въ потемкахъ и о чемъ-то думаете.

Она слушала и глядѣла ему въ лицо; глаза у нея были грустные, умные и было видно, что она хочетъ что-то сказать ему.

— Часто это съ вами бываетъ? — спросилъ онъ.

Она пошевелила губами и отвѣтила:

— Часто. Мнѣ почти каждую ночь тяжело.

Въ это время на дворѣ сторожа начали бить два часа. Послышалось — «дер... дер...», и она вздрогнула.

— Васъ безпокоятъ эти стуки? — спросилъ онъ.

— Не знаю. Меня тутъ все безпокоитъ, — отвѣтила она и задумалась. — Все безпокоитъ. Въ вашемъ голосѣ мнѣ слышится участіе, мнѣ съ перваго взгляда на васъ почему-то показалось, что съ вами можно говорить обо всемъ.

— Говорите, прошу васъ.

— Я хочу сказать вамъ свое мнѣніе. Мнѣ кажется, что у меня не болѣзнь, а безпокоюсь я и мнѣ страшно, потому что такъ должно и иначе быть не можетъ. Даже самый здоровый человѣкъ не можетъ не безпокоиться, если у него, напримѣръ, подъ окномъ ходитъ разбойникъ. Меня часто лѣчатъ, — продолжала она, глядя себѣ въ колѣни, и улыбнулась застѣнчиво: — я, конечно, очень благодарна и не отрицаю пользы лѣченія, но мнѣ хотѣлось бы поговорить не съ докторомъ, а съ близкимъ человѣкомъ, съ другомъ, который бы понялъ меня, убѣдилъ бы меня, что я права или неправа.

— Развѣ у васъ нѣтъ друзей? — спросилъ Королевъ.

— Я одинока. У меня есть мать, я люблю ее, но все же я одинока. Такъ жизнь сложилась... Одинокіе много читаютъ, но мало говорятъ и мало слышатъ, жизнь для нихъ таинственна; они мистики и часто видятъ дьявола

тамъ, гдѣ его нѣтъ. Тамара у Лермонтова была одинока и видѣла дьявола.

— А вы много читаете?

— Много. Вѣдь у меня все время свободно, отъ утра до вечера. Днемъ читаю, а по ночамъ — пустая голова, вмѣсто мыслей какія-то тѣни.

— Вы что-нибудь видите по ночамъ? — спросилъ Королевъ.

— Нѣтъ, но я чувствую...

Она опять улыбнулась и подняла глаза на доктора и смотрѣла такъ грустно, такъ умно; и ему казалось, что она вѣритъ ему, хочетъ говорить съ нимъ искренно и что она думаетъ такъ же, какъ онъ. Но она молчала и, быть можетъ, ждала, не заговоритъ ли онъ.

И онъ зналъ, что сказать ей; для него было ясно, что ей нужно поскорѣе оставить пять корпусовъ, и миллiонъ, если онъ у нея есть, оставить этого дьявола, который по ночамъ смотритъ; для него было ясно также, что такъ думала и она сама, и только ждала, чтобы кто-нибудь, кому она вѣритъ, подтвердилъ это.

Но онъ не зналъ, какъ это сказать. Какъ? У приговоренныхъ людей стѣсняются спрашивать, за что они приговорены; такъ и у очень богатыхъ людей неловко бываетъ спрашивать, для чего имъ такъ много денегъ, отчего они такъ дурно распоряжаются своимъ богатствомъ, отчего не бросаютъ его, даже когда видятъ въ немъ свое несчастье; и если начинаютъ разговоръ объ этомъ, то выходитъ онъ обыкновенно стыдливый, неловкiй, длинный.

«Какъ сказать? — раздумывалъ Королевъ. — Да и нужно ли говорить?»

И онъ сказалъ то, что хотѣлъ, не прямо, а окольнымъ путемъ:

— Вы въ положеніи владѣлицы фабрики и богатой наслѣдницы недовольны, не вѣрите въ свое право и теперь вотъ не спите, это, конечно, лучше, чѣмъ если бы вы были довольны, крѣпко спали и думали, что все обстоитъ благополучно. У васъ почтенная безсонница; какъ бы ни было, она хорошій признакъ. Въ самомъ дѣлѣ, у родителей нашихъ былъ бы не мыслимъ такой разговоръ, какъ вотъ у насъ теперь; по ночамъ они не разговаривали, а крѣпко спали, мы же, наше поколѣніе, дурно спимъ, томимся, много говоримъ и все рѣшаемъ, правы мы или нѣтъ. А для нашихъ дѣтей или внуковъ вопросъ этотъ, — правы они, или нѣтъ, — будетъ уже рѣшенъ. Имъ будетъ виднѣе, чѣмъ намъ. Хорошая будетъ жизнь лѣтъ черезъ пятьдесятъ, жаль только, что мы не дотянемъ. Интересно было бы взглянуть.

— Что же будутъ дѣлать дѣти и внуки? — спросила Лиза.

— Не знаю... Должно быть, побросаютъ все и уйдутъ.

— Куда уйдутъ?

— Куда?.. Да куда угодно, — сказалъ Королевъ и засмѣялся. — Мало ли куда можно уйти хорошему, умному человѣку.

Онъ взглянулъ на часы.

— Уже солнце взошло, однако, — сказалъ онъ. — Вамъ пора спать. Раздѣвайтесь и спите себѣ во здравіе. Очень радъ, что познакомился съ вами, — продолжалъ онъ, пожимая ей руку. — Вы славный, интересный человѣкъ. Спокойной ночи!

Онъ пошелъ къ себѣ и легъ спать.

На другой день утромъ, когда подали экипажъ, всѣ вышли на крыльцо проводить его. Лиза была по-праздничному въ бѣломъ платьѣ, съ цвѣткомъ въ волосахъ, блѣдная, томная; она смотрѣла на него, какъ вчера, грустно и умно, улыбалась, говорила и все съ такимъ выраженіемъ, какъ будто хотѣла сказать ему что-то особенное, важное, — только ему одному. Было слышно, какъ пѣли жаворонки, какъ звонили въ церкви. Окна въ фабричныхъ корпусахъ весело сіяли и, проѣзжая черезъ дворъ и потомъ по дорогѣ къ станціи, Королевъ уже не помнилъ ни о рабочихъ, ни о свайныхъ постройкахъ, ни о дьяволѣ, а думалъ о томъ времени, быть можетъ, уже близкомъ, когда жизнь будетъ такою же свѣтлою и радостной, какъ это тихое, воскресное утро; и думалъ о томъ, какъ это пріятно въ такое утро, весной, ѣхать на тройкѣ, въ хорошей коляскѣ и грѣться на солнышкѣ.

1898.

Іонычъ

I

Когда въ губернскомъ городѣ С. пріѣзжіе жаловались на скуку и однообразіе жизни, то мѣстные жители, какъ бы оправдываясь, говорили, что, напротивъ, въ С. очень хорошо, что въ С. есть библіотека, театръ, клубъ, бываютъ балы, что, наконецъ, есть умныя, интересныя, пріятныя семьи, съ которыми можно завести знакомства. И указывали на семью Туркиныхъ, какъ на самую образованную и талантливую.

Эта семья жила на главной улицѣ, возлѣ губернатора, въ собственномъ домѣ. Самъ Туркинъ, Иванъ Петровичъ, полный, красивый брюнетъ съ бакенами, устраивалъ любительскіе спектакли съ благотворительною цѣлью, самъ игралъ старыхъ генераловъ и при этомъ кашлялъ очень смѣшно. Онъ зналъ много анекдотовъ, шарадъ, поговорокъ, любилъ шутить и острить, и всегда у него было такое выраженіе, что нельзя было понять, шутитъ онъ, или говоритъ серьезно. Жена его Вѣра Іосифовна, худощавая, миловидная дама въ pince-nez, писала повѣсти и романы, и охотно читала ихъ вслухъ своимъ гостямъ. Дочь Екатерина Ивановна, молодая дѣвушка, играла на роялѣ. Однимъ словомъ, у каждаго члена семьи былъ какой-нибудь свой талантъ. Туркины принимали гостей радушно и показывали имъ свои таланты весело, съ сердечной простотой. Въ ихъ большомъ каменномъ домѣ

было просторно и лѣтомъ прохладно, половина оконъ выходила въ старый тѣнистый садъ, гдѣ весной пѣли соловьи; когда въ домѣ сидѣли гости, то въ кухнѣ стучали ножами, во дворѣ пахло жаренымъ лукомъ — и это всякій разъ предвѣщало обильный и вкусный ужинъ.

И доктору Старцеву, Дмитрію Іонычу, когда онъ былъ только-что назначенъ земскимъ врачомъ и поселился въ Дялижѣ, въ девяти верстахъ отъ С., тоже говорили, что ему, какъ интеллигентному человѣку, необходимо познакомиться съ Туркиными. Какъ-то зимой на улицѣ его представили Ивану Петровичу; поговорили о погодѣ, о театрѣ, о холерѣ, послѣдовало приглашеніе. Весной, въ праздникъ — это было Вознесеніе, — послѣ пріема больныхъ, Старцевъ отправился въ городъ, чтобы развлечься немножко и кстати купить себѣ кое-что. Онъ шелъ пѣшкомъ не спѣша (своихъ лошадей у него еще не было), и все время напѣвалъ:

Когда еще я не пилъ слезъ изъ чаши бытія . . .

Въ городѣ онъ пообѣдалъ, погулялъ въ саду, потомъ какъ-то само собой пришло ему на память приглашеніе Ивана Потровича, и онъ рѣшилъ сходить къ Туркинымъ, посмотрѣть, что это за люди.

— Здравствуйте пожалуйста, — сказалъ Иванъ Петровичъ, встрѣчая его на крыльцѣ. — Очень, очень радъ видѣть такого пріятнаго гостя. Пойдемте, я представлю васъ своей благовѣрной. Я говорю ему, Вѣрочка, — продолжалъ онъ, представляя доктора женѣ: — я ему говорю, что онъ не имѣетъ никакого римскаго права

сидѣть у себя въ больницѣ, онъ долженъ отдавать свой досугъ обществу. Не правда ли, душенька?

— Садитесь здѣсь, — говорила Вѣра Іосифовна, сажая гостя возлѣ себя. — Вы можете ухаживать за мной. Мой мужъ ревнивъ, это Отелло, но вѣдь мы постараемся вести себя такъ, что онъ ничего не замѣтитъ.

— Ахъ, ты, цыпка, баловница... — нѣжно пробормоталъ Иванъ Петровичъ и поцѣловалъ ее въ лобъ. — Вы очень кстати пожаловали, — обратился онъ опять къ гостю: — моя благовѣрная написала большинскій романъ и сегодня будетъ читать его вслухъ.

— Жанчикъ, — сказала Вѣра Іосифовна мужу: — dites que l'on nous donne du thé.

Старцеву представили Екатерину Ивановну, восемнадцатилѣтнюю дѣвушку, очень похожую на мать, такую же худощавую и миловидную. Выраженіе у нея было еще дѣтское и талія тонкая, нѣжная; и дѣвственная, уже развитая грудь, красивая, здоровая, говорила о веснѣ, настоящей веснѣ. Потомъ пили чай съ вареньемъ, съ медомъ, съ конфетами и съ очень вкусными печеньями, которыя таяли во рту. Съ наступленіемъ вечера, мало-по-малу, сходились гости, и къ каждому изъ нихъ Иванъ Петровичъ обращалъ свои смѣющіяся глаза и говорилъ:

— Здравствуйте пожалуйста.

Потомъ всѣ сидѣли въ гостиной, съ очень серьезными лицами, и Вѣра Іосифовна читала свой романъ. Она начала такъ: «Морозъ крѣпчалъ...» Окна были отворены настежь, слышно было, какъ на кухнѣ стучали ножами, и до-

носился запахъ жаренаго лука... Въ мягкихъ, глубокихъ креслахъ было покойно, огни мигали такъ ласково въ сумеркахъ гостиной; и теперь, въ лѣтній вечеръ, когда долетали съ улицы голоса, смѣхъ и потягивало со двора сиренью, трудно было понять, какъ это крѣпчалъ морозъ и какъ заходившее солнце освѣщало своими холодными лучами снѣжную равнину и путника, одиноко шедшаго по дорогѣ; Вѣра Іосифовна читала о томъ, какъ молодая, красивая графиня устраивала у себя въ деревнѣ школы, больницы, библіотеки и какъ она полюбила странствующаго художника, — читала о томъ, чего никогда не бываетъ въ жизни, и все-таки слушать было пріятно, удобно, и въ голову шли все такія хорошія, покойныя мысли, — не хотѣлось вставать.

— Не дурственно... — тихо проговорилъ Иванъ Петробичъ.

А одинъ изъ гостей, слушая и уносясь мыслями куда-то очень, очень далеко, сказалъ едва слышно:

— Да... дѣйствительно...

Прошелъ часъ, другой. Въ городскомъ саду по сосѣдству игралъ оркестръ и пѣлъ хоръ пѣсенниковъ. Когда Вѣра Іосифовна закрыла свою тетрадь, то минутъ пять молчали и слушали «Лучинушку», которую пѣлъ хоръ, и эта пѣсня передавала то, чего не было въ романѣ и что бываетъ въ жизни.

— Вы печатаете свои произведенія въ журналахъ? — спросилъ у Вѣры Іосифовны Старцевъ.

— Нѣтъ, — отвѣчала она: — я нигдѣ не печатаю. Напишу и спрячу у себя въ шкапу.

Для чего печатать? — пояснила она. — Вѣдь мы имѣемъ средства.

И всѣ почему-то вздохнули.

— А теперь ты, Котикъ, сыграй что-нибудь, — сказалъ Иванъ Петровичъ дочери.

Подняли у рояля крышку, раскрыли ноты, лежавшія уже наготовѣ. Екатерина Ивановна сѣла и обѣими руками ударила по клавишамъ; и потомъ тотчасъ же опять ударила изо всей силы, и опять, и опять; плечи и грудь у нея содрогались, она упрямо ударяла все по одному мѣсту и, казалось, что она не перестанетъ, пока не вобьетъ клавишей внутрь рояля. Гостиная наполнилась громомъ; гремѣло все: и полъ, и и потолокъ, и мебель . . . Екатерина Ивановна играла трудный пассажъ, интересный именно своею трудностью, длинный и однообразный, и Старцевъ, слушая, рисовалъ себѣ, какъ съ высокой горы сыплются камни, сыплются и все сыплются, и ему хотѣлось, чтобы они поскорѣе перестали сыпаться, и въ то же время Екатерина Ивановна, розовая отъ напряженія, сильная, энергичная, съ локономъ, упавшимъ на лобъ, очень нравилась ему. Послѣ зимы, проведенной въ Дялижѣ, среди больныхъ и мужиковъ, сидѣть въ гостиной, смотрѣть на это молодое, изящное и, вѣроятно, чистое существо и слушать эти шумные, надоѣдливые, но все же культурные звуки, — было такъ пріятно, такъ ново...

— Ну, Котикъ, сегодня ты играла, какъ никогда, — сказалъ Иванъ Петровичъ со слезами на глазахъ, когда его дочь кончила и встала. — Умри, Денисъ, лучше не напишешь.

Всѣ окружили ее, поздравляли, изумлялись,

увѣряли, что давно уже не слыхали такой музыки, а она слушала, молча, чуть улыбаясь, и на всей ея фигурѣ было написано торжество.

— Прекрасно! превосходно!

— Прекрасно! — сказалъ и Старцевъ, поддаваясь общему увлеченію. — Вы гдѣ учились музыкѣ? — спросилъ онъ у Екатерины Ивановны. — Въ консерваторіи?

— Нѣтъ, въ консерваторію я еще только собираюсь, а пока училась здѣсь, у мадамъ Завловской.

— Вы кончили курсъ въ здѣшней гимназіи?

— О, нѣтъ! — отвѣтила за нее Вѣра Іосифовна. — Мы приглашали учителей на домъ, въ гимназіи же или въ институтѣ, согласитесь, могли быть дурныя вліянія; пока дѣвушка растетъ, она должна находиться подъ вліяніемъ одной только матери.

— А все-таки въ консерваторію я поѣду, — сказала Екатерина Ивановна.

— Нѣтъ, Котикъ любитъ свою маму. Котикъ не станетъ огорчать папу и маму.

— Нѣтъ, поѣду! Поѣду! — сказала Екатерина Ивановна, шутя и капризничая, и топнула ножкой.

А за ужиномъ уже Иванъ Петровичъ показывалъ свои таланты. Онъ, смѣясь одними только глазами, разсказывалъ анекдоты, острилъ, предлагалъ смѣшныя задачи и самъ же рѣшалъ ихъ, и все время говорилъ на своемъ необыкновенномъ языкѣ, выработанномъ долгими упражненіями въ остроуміи и, очевидно, давно уже вошедшемъ у него въ привычку: большинскій, не дурственно, покорчило васъ благодарю...

Но это было не все. Когда гости, сытые и довольные, толпились въ передней, разбирая свои пальто и трости, около нихъ суетился лакей Павлуша, или, какъ его звали здѣсь, Пава, мальчикъ лѣтъ четырнадцати, стриженый, съ полными щеками.

— А ну-ка, Пава, изобрази! — сказалъ ему Иванъ Петровичъ.

Пава сталъ въ позу, поднялъ вверхъ руку и проговорилъ трагическимъ тономъ:

— Умри, несчастная!

И всѣ захохотали.

«Занятно», — подумалъ Старцевъ, выходя на улицу.

Онъ зашелъ еще въ ресторанъ и выпилъ пива, потомъ отправился пѣшкомъ къ себѣ въ Дялижъ. Шелъ онъ и всю дорогу напѣвалъ:

Твой голосъ для меня и ласковый, и томный...

Пройдя девять верстъ и потомъ ложась спать, онъ не чувствовалъ ни малѣйшей усталости, а напротивъ, ему казалось, что онъ съ удовольствіемъ прошелъ бы еще верстъ двадцать.

«Не дурственно...» — вспомнилъ онъ, засыпая, и засмѣялся.

II

Старцевъ все собирался къ Туркинымъ, но въ больницѣ было очень много работы, и онъ никакъ не могъ выбрать свободнаго часа. Прошло больше года такимъ образомъ въ трудахъ и одиночествѣ; но вотъ изъ города принесли письмо въ голубомъ конвертѣ...

Вѣра Іосифовна давно уже страдала мигре-

нью, но въ послѣднее время, когда Котикъ каждый день пугала, что уѣдетъ въ консерваторію, припадки стали повторяться все чаще. У Туркиныхъ перебывали всѣ городскіе врачи; дошла, наконецъ, очередь и до земскаго. Вѣра Іосифовна написала ему трогательное письмо, въ которомъ просила его пріѣхать и облегчить ея страданія. Старцевъ пріѣхалъ, и послѣ этого сталъ бывать у Туркиныхъ часто, очень часто... Онъ, въ самомъ дѣлѣ, немножко помогъ Вѣрѣ Іосифовнѣ, и она всѣмъ гостямъ уже говорила, что это необыкновенный, удивительный докторъ. Но ѣздилъ онъ къ Туркинымъ уже не ради ея мигрени...

Праздничный день. Екатерина Ивановна кончила свои длинные, томительные экзерсисы на роялѣ. Потомъ долго сидѣли въ столовой и пили чай, и Иванъ Петровичъ разсказывалъ что-то смѣшное. Но вотъ звонокъ; нужно было идти въ переднюю встрѣчать какого-то гостя; Старцевъ воспользовался минутой замѣшательства и сказалъ Екатеринѣ Ивановнѣ шопотомъ, сильно волнуясь:

— Ради Бога, умоляю васъ, не мучайте меня, пойдемте въ садъ!

Она пожала плечами, какъ бы недоумѣвая и не понимая, что ему нужно отъ нея, но встала и пошла.

— Вы по три, по четыре часа играете на роялѣ, — говорилъ онъ, идя за ней: — потомъ сидите съ мамой, и нѣтъ никакой возможности поговорить съ вами. Дайте мнѣ хоть четверть часа, умоляю васъ.

Приближалась осень, и въ старомъ саду было

тихо, грустно, и на аллеяхъ лежали темные листья. Уже рано смеркалось.

— Я не видѣлъ васъ цѣлую недѣлю, — продолжалъ Старцевъ: — а если бы вы знали, какое это страданіе! Сядемте. Выслушайте меня.

У обоихъ было любимое мѣсто въ саду: скамья подъ старымъ широкимъ кленомъ. И теперь сѣли на эту скамью.

— Что вамъ угодно? — спросила Екатерина Ивановна сухо, дѣловымъ тономъ.

— Я не видѣлъ васъ цѣлую недѣлю, я не слышалъ васъ такъ долго. Я страстно хочу, я жажду вашего голоса. Говорите.

Она восхищала его своею свѣжестью, наивнымъ выраженіемъ глазъ и щекъ. Даже въ томъ, какъ сидѣло на ней платье, онъ видѣлъ что-то необыкновенно милое, трогательное своей простотой и наивной граціей. И въ то же время, несмотря на эту наивность, она казалась ему очень умной и развитой не по лѣтамъ. Съ ней онъ могъ говорить о литературѣ, объ искусствѣ, о чемъ угодно, могъ жаловаться ей на жизнь, на людей, хотя во время серьезнаго разговора, случалось, она вдругъ некстати начинала смѣяться, или убѣгала въ домъ. Она, какъ почти всѣ с—ія дѣвушки, много читала (вообще же въ С. читали очень мало, и въ здѣшней библіотекѣ такъ и говорили, что если бы не дѣвушки и не молодые евреи, то хоть закрывай библіотеку); это безконечно нравилось Старцеву, онъ съ волненіемъ спрашивалъ у нея всякій разъ, о чемъ она читала въ послѣдніе дни, и, очарованный, слушалъ, когда она разсказывала.

— Что вы читали на этой недѣлѣ, пока мы

не видѣлись? — спросилъ онъ теперь: — говорите, прошу васъ.

— Я читала Писемскаго.

— Что именно?

— «Тысяча душъ», — отвѣтила Котикъ. — А какъ смѣшно звали Писемскаго: Алексѣй Ѳеофилактычъ!

— Куда же вы? — ужаснулся Старцевъ, когда она вдругъ встала и пошла къ дому. — Мнѣ необходимо поговорить съ вами, я долженъ объясниться... Побудьте со мной хоть пять минутъ! Заклинаю васъ!

Она остановилась, какъ бы желая что-то сказать, потомъ неловко сунула ему въ руку записку и побѣжала въ домъ, и тамъ опять сѣла за рояль.

«Сегодня, въ одиннадцать часовъ вечера, — прочелъ Старцевъ: — будьте на кладбищѣ возлѣ памятника Деметти».

«Ну, ужъ это совсѣмъ не умно, — подумалъ онъ, придя въ себя. — При чемъ тутъ кладбище? Для чего?»

Было ясно: Котикъ дурачилась. Кому, въ самомъ дѣлѣ, придетъ серьезно въ голову назначить свиданіе ночью, далеко за городомъ, на кладбищѣ, когда это легко можно устроить на улицѣ, въ городскомъ саду? И къ лицу ли ему, земскому доктору, умному, солидному человѣку, вздыхать, получать записочки, таскаться по кладбищамъ, дѣлать глупости, надъ которыми смѣются теперь даже гимназисты? Къ чему поведетъ этотъ романъ? Что̀ скажутъ товарищи, когда узнаютъ? Такъ думалъ Старцевъ, бродя въ клубѣ около столовъ, а въ половинѣ один-

надцатаго вдругъ взялъ и поѣхалъ на кладбище.

У него уже была своя пара лошадей и кучеръ Пантелеймонъ въ бархатной жилеткѣ. Свѣтила луна. Было тихо, тепло, но тепло по-осеннему. Въ предмѣстьи, около боенъ, выли собаки. Старцевъ оставилъ лошадей на краю города, въ одномъ изъ переулковъ, а самъ пошелъ на кладбище пѣшкомъ. «У всякаго свои странности, — думалъ онъ: — Котикъ тоже странная и—кто знаетъ? — быть можетъ, она не шутитъ, придетъ», — и онъ отдался этой слабой, пустой надеждѣ, и она опьянила его.

Съ полверсты онъ прошелъ полемъ. Кладбище обозначалось вдали темной полосой, какъ лѣсъ или большой садъ. Показалась ограда изъ бѣлаго камня, ворота... При лунномъ свѣтѣ на воротахъ можно было прочесть: «Грядетъ часъ въ онь же...» Старцевъ вошелъ въ калитку, и первое, что онъ увидѣлъ, это бѣлые кресты и памятники по обѣ стороны широкой аллеи и черныя тѣни отъ нихъ и отъ тополей; и кругомъ далеко было видно бѣлое и черное, и сонныя деревья склоняли свои вѣтви надъ бѣлымъ. Казалось, что здѣсь было свѣтлѣй, чѣмъ въ полѣ; листья кленовъ, похожіе на лапы, рѣзко выдѣлялись на желтомъ пескѣ аллей и на плитахъ, и надписи на памятникахъ были ясны. На первыхъ порахъ Старцева поразило то, что онъ видѣлъ теперь первый разъ въ жизни и чего, вѣроятно, больше уже не случится видѣть: міръ, не похожій ни на что другое, — міръ, гдѣ такъ хорошъ и мягокъ лунный свѣтъ, точно здѣсь его колыбель, гдѣ нѣтъ жизни, нѣтъ и нѣтъ, но въ каждомъ

темномъ тополѣ, въ каждой могилѣ чувствуется присутствіе тайны, обѣщающей жизнь тихую, прекрасную, вѣчную. Отъ плитъ и увядшихъ цвѣтовъ, вмѣстѣ съ осеннимъ запахомъ листьевъ, вѣетъ прощеніемъ, печалью и покоемъ.

Кругомъ безмолвіе; въ глубокомъ смиреніи съ неба смотрѣли звѣзды, и шаги Старцева раздавались такъ рѣзко и некстати. И только когда въ церкви стали бить часы, и онъ вообразилъ самого себя мертвымъ, зарытымъ здѣсь навѣки, то ему показалось, что кто-то смотритъ на него, и онъ на минуту подумалъ, что это не покой и не тишина, а глухая тоска небытія, подавленное отчаяніе...

Памятникъ Деметти въ видѣ часовни, съ ангеломъ наверху; когда-то въ С. была проѣздомъ итальянская опера, одна изъ пѣвицъ умерла, ее похоронили и поставили этотъ памятникъ. Въ городѣ уже никто не помнилъ о ней, но лампадка надъ входомъ отражала лунный свѣтъ и, казалось, горѣла.

Никого не было. Да и кто пойдетъ сюда въ полночь? Но Старцевъ ждалъ, и точно лунный свѣтъ подогрѣвалъ въ немъ страсть, ждалъ страстно и рисовалъ въ воображеніи поцѣлуи, объятія. Онъ посидѣлъ около памятника съ полчаса, потомъ прошелся по боковымъ аллеямъ, со шляпой въ рукѣ, поджидая и думая о томъ, сколько здѣсь, въ этихъ могилахъ, зарыто женщинъ и дѣвушекъ, которыя были красивы, очаровательны, которыя любили, сгорали по ночамъ страстью, отдаваясь ласкѣ. Какъ въ сущности не хорошо шутитъ надъ человѣкомъ мать-природа, какъ обидно сознавать это! Старцевъ думалъ

такъ, и въ то же время ему хотѣлось закричать, что онъ не хочетъ, что онъ ждетъ любви во что бы то ни стало; передъ нимъ бѣлѣли уже не куски мрамора, а прекрасныя тѣла, онъ видѣлъ формы, которыя стыдливо прятались въ тѣни деревьевъ, ощущалъ тепло, и это томленіе становилось тягостнымъ...

И точно опустился занавѣсъ, луна ушла подъ облака, и вдругъ все потемнѣло кругомъ. Старцевъ едва нашелъ ворота, — уже было темно, какъ въ осеннюю ночь, — потомъ часа полтора бродилъ, отыскивая переулокъ, гдѣ оставилъ своихъ лошадей.

— Я усталъ, едва держусь на ногахъ, — сказалъ онъ Пантелеймону.

И, садясь съ наслажденіемъ въ коляску, онъ подумалъ:

«Охъ, не надо бы полнѣть!»

III

На другой день вечеромъ онъ поѣхалъ къ Туркинымъ дѣлать предложеніе. Но это оказалось неудобнымъ, такъ какъ Екатерину Ивановну въ ея комнатѣ причесывалъ парикмахеръ. Она собиралась въ клубъ на танцовальный вечеръ.

Пришлось опять долго сидѣть въ столовой и пить чай. Иванъ Петровичъ, видя, что гость задумчивъ и скучаетъ, вынулъ изъ жилетнаго кармана записочки, прочелъ смѣшное письмо нѣмца-управляющаго о томъ, какъ въ имѣніи испортились всѣ запирательства и обвалилась застѣнчивость.

«А приданаго они дадутъ, должно быть, не мало», — думалъ Старцевъ, разсѣянно слушая.

Послѣ безсонной ночи онъ находился въ состояніи ошеломленія, точно его опоили чѣмъ-то сладкимъ и усыпляющимъ; на душѣ было туманно, но радостно, тепло, и въ то же время въ головѣ какой-то холодный, тяжелый кусочекъ разсуждалъ:

«Остановись, пока не поздно! Пара ли она тебѣ? Она избалована, капризна, спитъ до двухъ часовъ, а ты дьячковскій сынъ, земскій врачъ...»

«Ну, что жъ? — думалъ онъ. — И пусть».

«Къ тому же, если ты женишься на ней, — продолжалъ кусочекъ: — то ея родня заставитъ тебя бросить земскую службу и жить въ городѣ».

«Ну, что жъ? — думалъ онъ. — Въ городѣ, такъ въ городѣ. Дадутъ приданое, заведемъ обстановку...»

Наконецъ, вошла Екатерина Ивановна въ бальномъ платьѣ, декольте, хорошенькая, чистенькая, и Старцевъ залюбовался и пришелъ въ такой восторгъ, что не могъ выговорить ни одного слова, а только смотрѣлъ на нее и смѣялся.

Она стала прощаться, и онъ — оставаться тутъ ему было уже не-зачѣмъ — поднялся, говоря, что ему пора домой: ждутъ больные.

— Дѣлать нечего, — сказалъ Иванъ Петровичъ: — поѣзжайте, кстати же подвезете Котика въ клубъ.

На дворѣ накрапывалъ дождь, было очень темно, и только по хриплому кашлю Пантелей-

мона можно было угадать, гдѣ лошади. Подняли у коляски верхъ.

— Я иду по ковру, ты идешь, пока врешь, — говорилъ Иванъ Петровичъ, усаживая дочь въ коляску: — онъ идетъ, пока третъ... Трогай! Прощайте пожалуйста!

Поѣхали.

— А я вчера былъ на кладбищѣ, — началъ Старцевъ. — Какъ это не великодушно и немилосердно съ вашей стороны...

— Вы были на кладбищѣ?

— Да, я былъ тамъ и ждалъ васъ почти до двухъ часовъ. Я страдалъ...

— И страдайте, если вы не понимаете шутокъ.

Екатерина Ивановна, довольная, что такъ хитро подшутила надъ влюбленнымъ и что ее такъ сильно любятъ, захохотала и вдругъ вскрикнула отъ испуга, такъ какъ въ это самое время лошади круто поворачивали въ ворота клуба и коляска накренилась. Старцевъ обнялъ Екатерину Ивановну за талію; она, испуганная, прижалась къ нему, и онъ не удержался и страстно поцѣловалъ ее въ губы, въ подбородокъ и сильнѣе обнялъ.

— Довольно, — сказала она сухо.

И черезъ мгновеніе ея уже не было въ коляскѣ, и городовой около освѣщеннаго подъѣзда клуба кричалъ отвратительнымъ голосомъ на Пантелеймона:

— Чего сталъ, ворона? Проѣзжай дальше!

Старцевъ поѣхалъ домой, но скоро вернулся. Одѣтый въ чужой фракъ и бѣлый жесткій галстукъ, который какъ-то все топорщился и хотѣлъ

сползти съ воротничка, онъ въ полночь сидѣлъ въ клубѣ въ гостиной и говорилъ Екатеринѣ Ивановнѣ съ увлеченіемъ:

— О, какъ мало знаютъ тѣ, которые никогда не любили! Мнѣ кажется, никто еще не описалъ вѣрно любви, и едва ли можно описать это нѣжное, радостное, мучительное чувство, и кто испыталъ его хоть разъ, тотъ не станетъ передавать его на словахъ. Къ чему предисловія, описанія? Къ чему ненужное краснорѣчіе? Любовь моя безгранична... Прошу, умоляю васъ, — выговорилъ, наконецъ, Старцевъ: — будьте моей женой!

— Дмитрій Іонычъ, — сказала Екатерина Ивановна съ очень серьезнымъ выраженіемъ, подумавъ: — Дмитрій Іонычъ, я очень вамъ благодарна за честь, я васъ уважаю, но... — она встала и продолжала, стоя: — но, извините, быть вашей женой я не могу. Будемъ говорить серьезно. Дмитрій Іонычъ, вы знаете, больше всего въ жизни я люблю искусство, я безумно люблю, обожаю музыку, ей я посвятила всю свою жизнь. Я хочу быть артисткой, я хочу славы, успѣховъ, свободы, а вы хотите, чтобы я продолжала жить въ этомъ городѣ, продолжала эту пустую, безполезную жизнь, которая стала для меня невыносима. Сдѣлаться женой — о, нѣтъ, простите! Человѣкъ долженъ стремиться къ высшей, блестящей цѣли, а семейная жизнь связала бы меня навѣки. Дмитрій Іонычъ (она чуть-чуть улыбнулась, такъ какъ, прознеся «Дмитрій Іонычъ», вспомнила «Алексѣй Ѳеофилактычъ»), Дмитрій Іонычъ, вы добрый, благородный, умный человѣкъ, вы лучше всѣхъ... — у нея слезы

навернулись на глазахъ: — я сочувствую вамъ всей душой, но... но вы поймете...

И, чтобы не заплакать, она отвернулась и вышла изъ гостиной.

У Старцева перестало безпокойно биться сердце. Выйдя изъ клуба на улицу, онъ, прежде всего, сорвалъ съ себя жесткій галстукъ и вздохнулъ всей грудью. Ему было немножко стыдно и самолюбіе его было оскорблено, — онъ не ожидалъ отказа, — и не вѣрилось, что всѣ его мечты, томленія и надежды привели его къ такому глупенькому концу, точно въ маленькой пьесѣ на любительскомъ спектаклѣ. И жаль было своего чувства, этой своей любви, такъ жаль, что, кажется, взялъ бы и зарыдалъ или изо всей силы хватилъ бы зонтикомъ по широкой спинѣ Пантелеймона.

Дня три у него дѣло валилось изъ рукъ, онъ не ѣлъ, не спалъ, но когда до него дошелъ слухъ, что Екатерина Ивановна уѣхала въ Москву поступать въ консерваторію, онъ успокоился и зажилъ попрежнему.

Потомъ, иногда вспоминая, какъ онъ бродилъ по кладбищу, или какъ ѣздилъ по всему городу и отыскивалъ фракъ, онъ лѣниво потягивался и говорилъ:

«Сколько хлопотъ, однако!»

IV

Прошло четыре года. Въ городѣ у Старцева была уже большая практика. Каждое утро онъ спѣшно принималъ больныхъ у себя въ Дялижѣ, потомъ уѣзжалъ къ городскимъ больнымъ, уѣз-

жалъ уже не на парѣ, а на тройкѣ съ бубенчиками, и возвращался домой поздно ночью. Онъ пополнѣлъ, раздобрѣлъ и неохотно ходилъ пѣшкомъ, такъ какъ страдалъ одышкой. И Пантелеймонъ тоже пополнѣлъ, и чѣмъ онъ больше росъ въ ширину, тѣмъ печальнѣе вздыхалъ и жаловался на свою горькую участь: ѣзда одолѣла!

Старцевъ бывалъ въ разныхъ домахъ и встрѣчалъ много людей, но ни съ кѣмъ не сходился близко. Обыватели своими разговорами, взглядами на жизнь и даже своимъ видомъ раздражали его. Опытъ научилъ его мало-по-малу, что пока съ обывателемъ играешь въ карты или закусываешь съ нимъ, то это мирный, благодушный и даже неглупый человѣкъ, но стòитъ только заговорить съ нимъ о чемъ-нибудь несъѣдобномъ, напримѣръ, о политикѣ или наукѣ, какъ онъ становится втупикъ или заводитъ такую философію, тупую и злую, что остается только рукой махнуть и отойти. Когда Старцевъ пробовалъ заговорить даже съ либеральнымъ обывателемъ, напримѣръ, о томъ, что человѣчество, слава Богу, идетъ впередъ и что со временемъ оно будетъ обходиться безъ паспортовъ и безъ смертной казни, то обыватель глядѣлъ на него искоса и недовѣрчиво и спрашивалъ: «Значитъ, тогда всякій можетъ рѣзать на улицѣ кого угодно?» А когда Старцевъ въ обществѣ, за ужиномъ или чаемъ, говорилъ о томъ, что нужно трудиться, что безъ труда жить нельзя, то всякій принималъ это за упрекъ и начиналъ сердиться и назойливо спорить. При всемъ томъ обыватели не дѣлали ничего, рѣшительно ничего, и не интересовались ничѣмъ, и никакъ нельзя было придумать, о

чемъ говорить съ ними. И Старцевъ избѣгалъ разговоровъ, а только закусывалъ и игралъ въ винтъ, и когда заставалъ въ какомъ-нибудь домѣ семейный праздникъ и его приглашали откушать, то онъ садился и ѣлъ молча, глядя въ тарелку; и все, что въ это время говорили, было не интересно, несправедливо, глупо, онъ чувствовалъ раздраженіе, волновался, но молчалъ, и за то, что онъ всегда сурово молчалъ и глядѣлъ въ тарелку, его прозвали въ городѣ «полякъ надутый», хотя онъ никогда полякомъ не былъ.

Отъ такихъ развлеченій, какъ театръ и концерты, онъ уклонялся, но зато въ винтъ игралъ каждый вечеръ, часа по три съ наслажденіемъ. Было у него еще одно развлеченіе, въ которое онъ втянулся незамѣтно, мало-по-малу, это — по вечерамъ вынимать изъ кармановъ бумажки, добытыя практикой, и, случалось, бумажекъ — желтыхъ и зеленыхъ, отъ которыхъ пахло духами, и уксусомъ, и ладаномъ, и ворванью, — было понапихано во всѣ карманы рублей на семьдесятъ; и когда собиралось нѣсколько сотъ, онъ отвозилъ въ «Общество взаимнаго кредита» и клалъ тамъ на текущій счетъ.

За всѣ четыре года послѣ отъѣзда Екатерины Ивановны онъ былъ у Туркиныхъ только два раза, по приглашенію Вѣры Іосифовны, которая все еще лѣчилась отъ мигрени. Каждое лѣто Екатерина Ивановна пріѣзжала къ родителямъ погостить, но онъ не видѣлъ ея ни разу; какъ-то не случалось.

Но вотъ прошло четыре года. Въ одно тихое, теплое утро въ больницу принесли письмо. Вѣра Іосифовна писала Дмитрію Іонычу, что очень

соскучилась по немъ, и просила его непремѣнно пожаловать къ ней и облегчить ея страданія, и кстати же сегодня день ея рожденія. Внизу была приписка: «Къ просьбѣ мамы присоединяюсь и я. К.»

Старцевъ подумалъ и вечеромъ поѣхалъ къ Туркинымъ.

— А, здравствуйте пожалуйста! — встрѣтилъ его Иванъ Петровичъ, улыбаясь одними глазами. — Бонжурте.

Вѣра Іосифовна, уже сильно постарѣвшая, съ бѣлыми волосами, пожала Старцеву руку, манерно вздохнула и сказала:

— Вы, докторъ, не хотите ухаживать за мной, никогда у насъ не бываете, я уже стара для васъ. Но вотъ пріѣхала молодая, быть можетъ, она будетъ счастливѣе.

А Котикъ? Она похудѣла, поблѣднѣла, стала красивѣе и стройнѣе; но уже это была Екатерина Ивановна, а не Котикъ; уже не было прежней свѣжести и выраженія дѣтской наивности. И во взглядѣ, и въ манерахъ было что-то новое — несмѣлое и виноватое, точно здѣсь, въ домѣ Туркиныхъ, она уже не чувствовала себя дома.

— Сколько лѣтъ, сколько зимъ! — сказала она, подавая Старцеву руку, и было видно, что у нея тревожно билось сердце; и пристально, съ любопытствомъ глядя ему въ лицо, она продолжала: — Какъ вы пополнѣли! Вы загорѣли, возмужали, но въ общемъ вы мало измѣнились.

И теперь она ему нравилась, очень нравилась, но чего-то уже недоставало въ ней, или что-то было лишнее — онъ и самъ не могъ бы сказать, что̀ именно, но что-то уже мѣшало ему

чувствовать, какъ прежде. Ему не нравилась ея блѣдность, новое выраженіе, слабая улыбка, голосъ, а немного погодя уже не нравилось платье, кресло, въ которомъ она сидѣла, не нравилось что-то въ прошломъ, когда онъ едва не женился на ней. Онъ вспомнилъ о своей любви, о мечтахъ и надеждахъ, которыя волновали его четыре года назадъ, — и ему стало неловко.

Пили чай со сладкимъ пирогомъ. Потомъ Вѣра Іосифовна читала вслухъ романъ, читала о томъ, что никогда не бываетъ въ жизни, а Старцевъ слушалъ, глядѣлъ на ея сѣдую, красивую голову и ждалъ, когда она кончитъ.

«Бездаренъ, — думалъ онъ: — не тотъ, кто не умѣетъ писать повѣстей, а тотъ, кто ихъ пишетъ и не умѣетъ скрыть этого».

— Не дурственно, — сказалъ Иванъ Петровичъ.

Потомъ Екатерина Ивановна играла на роялѣ шумно и долго, и, когда кончила, ее долго благодарили и восхищались ею.

«А хорошо, что я на ней не женился», — подумалъ Старцевъ.

Она смотрѣла на него и, повидимому, ждала, что онъ предложитъ ей пойти въ садъ, но онъ молчалъ.

— Давайте же поговоримъ, — сказала она, подходя къ нему. — Какъ вы живете? Что у васъ? Какъ? Я всѣ эти дни думала о васъ, — продолжала она нервно: — я хотѣла послать вамъ письмо, хотѣла сама поѣхать къ вамъ въ Дялижъ, и я уже рѣшила поѣхать, но потомъ раздумала — Богъ знаетъ, какъ вы теперь ко

мнѣ относитесь. Я съ такимъ волненіемъ ожидала васъ сегодня. Ради Бога, пойдемте въ садъ.

Они пошли въ садъ и сѣли тамъ на скамью подъ старымъ кленомъ, какъ четыре года назадъ. Было темно.

— Какъ же вы поживаете? — спросила Екатерина Ивановна.

— Ничего, живемъ понемножку, — отвѣтилъ Старцевъ.

И ничего не могъ больше придумать. Помолчали.

— Я волнуюсь, — сказала Екатерина Ивановна и закрыла руками лицо: — но вы не обращайте вниманія. Мнѣ такъ хорошо дома, я такъ рада видѣть всѣхъ и не могу привыкнуть. Сколько воспоминаній! Мнѣ казалось, что мы будемъ говорить съ вами безъ-умолку, до утра.

Теперь онъ видѣлъ близко ея лицо, блестящіе глаза, и здѣсь, въ темнотѣ, она казалась моложе, чѣмъ въ комнатѣ, и даже какъ будто вернулось къ ней ея прежнее дѣтское выраженіе. И въ самомъ дѣлѣ, она съ наивнымъ любопытствомъ смотрѣла на него, точно хотѣла поближе разглядѣть и понять человѣка, который когда-то любилъ ее такъ пламенно, съ такой нѣжностью и такъ несчастливо; ея глаза благодарили его за эту любовь. И онъ вспомнилъ все, что было, всѣ малѣйшія подробности, какъ онъ бродилъ по кладбищу, какъ потомъ подъ утро, утомленный, возвращался къ себѣ домой, и ему вдругъ стало грустно и жаль прошлаго. Въ душѣ затеплился огонекъ.

— А помните, какъ я провожалъ васъ на

вечеръ въ клубъ? — сказалъ онъ. — Тогда шелъ дождь, было темно...

Огонекъ все разгорался въ душѣ, и уже хотѣлось говорить, жаловаться на жизнь...

— Эхъ! — сказалъ онъ со вздохомъ. — Вы вотъ спрашиваете, какъ я поживаю. Какъ мы поживаемъ тутъ? Да никакъ. Старимся, полнѣемъ, опускаемся. День да ночь, — сутки прочь, жизнь проходитъ тускло, безъ впечатлѣній, безъ мыслей... Днемъ нажива, а вечеромъ клубъ, общество картежниковъ, алкоголиковъ, хрипуновъ, которыхъ я терпѣть не могу. Что хорошаго?

— Но у васъ работа, благородная цѣль въ жизни. Вы такъ любили говорить о своей больницѣ. Я тогда была какая-то странная, воображала себя великой піанисткой. Теперь всѣ барышни играютъ на роялѣ и я тоже играла, какъ всѣ, и ничего во мнѣ не было особеннаго; я такая же піанистка, какъ мама писательница. И конечно, я васъ не понимала тогда, но потомъ, въ Москвѣ, я часто думала о васъ. Я только о васъ и думала. Какое это счастье быть земскимъ врачомъ, помогать страдальцамъ, служить народу. Какое счастье! — повторила Екатерина Ивановна съ увлеченіемъ. — Когда я думала о васъ въ Москвѣ, вы представлялись мнѣ такимъ идеальнымъ, возвышеннымъ...

Старцевъ вспомнилъ про бумажки, которыя онъ по вечерамъ вынималъ изъ кармановъ съ такимъ удовольствіемъ, и огонекъ въ душѣ погасъ.

Онъ всталъ, чтобы идти къ дому. Она взяла его подъ руку.

— Вы лучшій изъ людей, которыхъ я знала въ своей жизни, — продолжала она. — Мы будемъ видѣться, говорить, не правда ли? Обѣщайте мнѣ. Я не піанистка, на свой счетъ я уже не заблуждаюсь и не буду при васъ ни играть, ни говорить о музыкѣ.

Когда вошли въ домъ и Старцевъ увидѣлъ при вечернемъ освѣщеніи ея лицо и грустные, благодарные, испытующіе глаза, обращенные на него, то почувствовалъ безпокойство и подумалъ опять:

«А хорошо, что я тогда не женился».

Онъ сталъ прощаться.

— Вы не имѣете никакого римскаго права уѣзжать безъ ужина, — говорилъ Иванъ Петровичъ, провожая его. — Это съ вашей стороны весьма перпендикулярно. А ну-ка, изобрази! — сказалъ онъ, обращаясь въ передней къ Павѣ.

Пава, уже не мальчикъ, а молодой человѣкъ съ усами, сталъ въ позу, поднялъ вверхъ руку и сказалъ трагическимъ голосомъ:

— Умри, несчастная!

Все это раздражало Старцева. Садясь въ коляску и глядя на темный домъ и садъ, которые были ему такъ милы и дороги когда-то, онъ вспомнилъ все сразу — и романы Вѣры Іосифовны, и шумную игру Котика, и остроуміе Ивана Петровича, и трагическую позу Павы, и подумалъ, что если самые талантливые люди во всемъ городѣ такъ бездарны, то каковъ же долженъ быть городъ.

Черезъ три дня Пава принесъ письмо отъ Екатерины Ивановны.

«Вы не ѣдете къ намъ. Почему? — писала

она. — Я боюсь, что вы измѣнились къ намъ, я боюсь, и мнѣ страшно отъ одной мысли объ этомъ. Успокойте же меня, пріѣзжайте и скажите, что все хорошо.

«Мнѣ необходимо поговорить съ вами. Ваша Е. Т.»

Онъ прочелъ это письмо, подумалъ и сказалъ Павѣ:

— Скажи, любезный, что сегодня я не могу пріѣхать, я очень занятъ. Пріѣду, скажи, такъ, дня черезъ три.

Но прошло три дня, прошла недѣля, а онъ все не ѣхалъ. Какъ-то, проѣзжая мимо дома Туркиныхъ, онъ вспомнилъ, что надо бы заѣхать хоть на минутку, но подумалъ и... не заѣхалъ.

И больше ужъ онъ никогда не бывалъ у Туркиныхъ.

V

Прошло еще нѣсколько лѣтъ. Старцевъ еще больше пополнѣлъ, ожирѣлъ, тяжело дышитъ и уже ходитъ, откинувъ назадъ голову. Когда онъ, пухлый, красный, ѣдетъ на тройкѣ съ бубенчиками, и Пантелеймонъ, тоже пухлый и красный, съ мясистымъ затылкомъ сидитъ на козлахъ, протянувъ впередъ прямыя, точно деревянныя, руки, и кричитъ встрѣчнымъ «Прррава держи!», то картина бываетъ внушительная, и кажется, что ѣдетъ не человѣкъ, а языческій богъ. У него въ городѣ громадная практика, некогда вздохнуть, и уже есть имѣніе и два дома въ городѣ, и онъ облюбовываетъ себѣ еще третій, повыгоднѣе, и когда ему въ «Обществѣ

взаимнаго кредита» говорятъ про какой-нибудь домъ, назначенный къ торгамъ, то онъ безъ церемоніи идетъ въ этотъ домъ и, проходя чрезъ всѣ комнаты, не обращая вниманія на неодѣтыхъ женщинъ и дѣтей, которыя глядятъ на него съ изумленіемъ и страхомъ, тычетъ во всѣ двери палкой и говоритъ:

— Это кабинетъ? Это спальня? А тутъ что?

И при этомъ тяжело дышитъ и вытираетъ со лба потъ.

У него много хлопотъ, но все же онъ не бросаетъ земскаго мѣста; жадность одолѣла, хочется поспѣть и здѣсь, и тамъ. Въ Дялижѣ и въ городѣ его зовутъ уже просто Іонычемъ. — «Куда это Іонычъ ѣдетъ?» или: «Не пригласить ли на консиліумъ Іоныча?»

Вѣроятно оттого, что горло заплыло жиромъ, голосъ у него измѣнился, сталъ тонкимъ и рѣзкимъ. Характеръ у него тоже измѣнился: сталъ тяжелымъ, раздражительнымъ. Принимая больныхъ, онъ обыкновенно сердится, нетерпѣливо стучитъ палкой о-полъ и кричитъ своимъ непріятнымъ голосомъ:

— Извольте отвѣчать только на вопросы! Не разговаривать!

Онъ одинокъ. Живется ему скучно, ничто его не интересуетъ.

За все время, пока онъ живетъ въ Дялижѣ, любовь къ Котику была его единственной радостью и, вѣроятно, послѣдней. По вечерамъ онъ играетъ въ клубѣ въ винтъ и потомъ сидитъ одинъ за большимъ столомъ и ужинаетъ. Ему прислуживаетъ лакей Иванъ, самый старый и

почтенный, подаютъ ему лафитъ № 17, и уже всѣ — и старшины клуба, и поваръ, и лакей — знаютъ, что̀ онъ любитъ и чего не любитъ, стараются изо всѣхъ силъ угодить ему, а то, чего добраго, разсердится вдругъ и станетъ стучать палкой о̀-полъ.

Ужиная, онъ изрѣдка оборачивается и вмѣшивается въ какой-нибудь разговоръ:

— Это вы про что? А? Кого?

И когда, случается, по сосѣдству за какимъ-нибудь столомъ заходитъ рѣчь о Туркиныхъ, то̀ онъ спрашиваетъ:

— Это вы про какихъ Туркиныхъ? Это про тѣхъ, что дочка играетъ на фортепьянахъ?

Вотъ и все, что можно сказать про него.

А Туркины? Иванъ Петровичъ не постарѣлъ, нисколько не измѣнился и попрежнему все остритъ и разсказываетъ анекдоты; Вѣра Іосифовна читаетъ гостямъ свои романы попрежнему охотно, съ сердечной простотой. А Котикъ играетъ на роялѣ каждый день, часа по четыре. Она замѣтно постарѣла, похварываетъ и каждую осень уѣзжаетъ съ матерью въ Крымъ. Провожая ихъ на вокзалѣ, Иванъ Петровичъ, когда трогается поѣздъ, утираетъ слезы и кричитъ:

— Прощайте пожалуйста!

И машетъ платкомъ.

1898.

Человѣкъ въ футлярѣ

На самомъ краю села Мироносицкаго, въ сараѣ старосты Прокофія расположились на ночлегъ запоздавшіе охотники. Ихъ было только двое: ветеринарный врачъ Иванъ Иванычъ и учитель гимназіи Буркинъ. У Ивана Иваныча была довольно странная, двойная фамилія — Чимша-Гималайскій, которая совсѣмъ не шла ему и его во всей губерніи звали просто по имени и отчеству; онъ жилъ около города на конскомъ заводѣ и пріѣхалъ теперь на охоту, чтобы подышать чистымъ воздухомъ. Учитель же гимназіи Буркинъ каждое лѣто гостилъ у графовъ П. и въ этой мѣстности давно уже былъ своимъ человѣкомъ.

Не спали. Иванъ Иванычъ, высокій, худощавый старикъ съ длинными усами, сидѣлъ снаружи у входа и курилъ трубку; его освѣщала луна. Буркинъ лежалъ внутри на сѣнѣ и его не было видно въ потемкахъ.

Разсказывали разныя исторіи. Между прочимъ говорили о томъ, что жена старосты, Мавра, женщина здоровая и не глупая, во всю свою жизнь нигдѣ не была дальше своего родного села, никогда не видѣла ни города, ни желѣзной дороги, а въ послѣднія десять лѣтъ все сидѣла за печью и только по ночамъ выходила на улицу.

— Что же тутъ удивительнаго! — сказалъ Буркинъ. — Людей одинокихъ по натурѣ, ко-

торые, какъ ракъ-отшельникъ или улитка, стараются уйти въ свою скорлупу, на этомъ свѣтѣ не мало. Быть можетъ, тутъ явленіе атавизма, возвращеніе къ тому времени, когда предокъ человѣка не былъ еще общественнымъ животнымъ и жилъ одиноко въ свой берлогѣ, а можетъ быть это просто одна изъ разновидностей человѣческаго характера, — кто знаетъ? Я не естественникъ и не мое дѣло касаться подобныхъ вопросовъ; я только хочу сказать, что такіе люди, какъ Мавра, явленіе не рѣдкое. Да вотъ, не далеко искать, мѣсяца два назадъ умеръ у насъ въ городѣ нѣкій Бѣликовъ, учитель греческаго языка, мой товарищъ. Вы о немъ слышали, конечно. Онъ былъ замѣчателенъ тѣмъ, что всегда, даже въ очень хорошую погоду, выходилъ въ калошахъ и съ зонтикомъ и непремѣнно въ тепломъ пальто на ватѣ. И зонтикъ у него былъ въ чехлѣ, и часы въ чехлѣ изъ сѣрой замши и, когда вынималъ перочинный ножъ, чтобы очинить карандашъ, то и ножъ у него былъ въ чехольчикѣ; и лицо, казалось, тоже было въ чехлѣ, такъ какъ онъ все время пряталъ его въ поднятый воротникъ. Онъ носилъ темныя очки, фуфайку, уши закладывалъ ватой и, когда садился на извозчика, то приказывалъ поднимать верхъ. Однимъ словомъ, у этого человѣка наблюдалось постоянное и непреодолимое стремленіе окружить себя оболочкой, создать себѣ, такъ сказать, футляръ, который уединилъ бы его, защитилъ бы отъ внѣшнихъ вліяній. Дѣйствительность раздражала его, пугала, держала въ постоянной тревогѣ и, быть можетъ, для того, чтобы оправдать эту свою робость, свое отвра-

щеніе къ настоящему, онъ всегда хвалилъ прошлое и то, чего никогда не было; и древніе языки, которые онъ преподавалъ, были для него въ сущности тѣ же калоши и зонтикъ, куда онъ прятался отъ дѣйствительной жизни.

— О, какъ звученъ, какъ прекрасенъ греческій языкъ! — говорилъ онъ со сладкимъ выраженіемъ; и, какъ бы въ доказательство своихъ словъ, прищуривъ глазъ и поднявъ палецъ, произносилъ: — Антропосъ!

И мысль свою Бѣликовъ также старался запрятать въ футляръ. Для него были ясны только циркуляры и газетныя статьи, въ которыхъ запрещалось что-нибудь. Когда въ циркулярѣ запрещалось ученикамъ выходить на улицу послѣ девяти часовъ вечера, или въ какой-нибудь статьѣ запрещалось плотская любовь, то это было для него ясно, опредѣленно; запрещено — и баста. Въ разрѣшеніи же и позволеніи скрывался для него всегда элементъ сомнительный, что-то недосказанное и смутное. Когда въ городѣ разрѣшали драматическій кружокъ, или читальню, или чайную, то онъ покачивалъ головой и говорилъ тихо:

— Оно, конечно, такъ-то такъ, все это прекрасно, да какъ бы чего не вышло.

Всякаго рода нарушенія, уклоненія, отступленія отъ правилъ приводили его въ уныніе, хотя, казалось бы, какое ему дѣло? Если кто изъ товарищей опаздывалъ на молебенъ, или доходили слухи о какой-нибудь проказѣ гимназистовъ, или видѣли классную даму поздно вечеромъ съ офицеромъ, то онъ очень волновался и все говорилъ, какъ бы чего не вышло. А на

педагогическихъ совѣтахъ онъ просто угнеталъ насъ своею осторожностью, мнительностью и своими чисто-футлярными соображеніями насчетъ того, что вотъ-де въ мужской и женской гимназіяхъ молодежь ведетъ себя дурно, очень шумитъ въ классахъ, — ахъ, какъ бы не дошло до начальства, ахъ, какъ бы чего не вышло, — и что если бъ изъ второго класса исключить Петрова, а изъ четвертаго — Егорова, то было бы очень хорошо. И что же? Своими вздохами, нытьемъ, своими темными очками на блѣдномъ, маленькомъ лицѣ, — знаете, маленькомъ лицѣ, какъ у хорька, — онъ давилъ насъ всѣхъ, и мы уступали, сбавляли Петрову и Егорову баллъ по поведенію, сажали ихъ подъ арестъ и въ концѣ концовъ исключали и Петрова, и Егорова. Было у него странное обыкновеніе — ходить по нашимъ квартирамъ. Придетъ къ учителю, сядетъ и молчитъ, и какъ будто что-то высматриваетъ. Посидитъ, этакъ, молча, часъ-другой, и уйдетъ. Это называлось у него «поддерживать добрыя отношенія съ товарищами» и, очевидно, ходить къ намъ и сидѣть было для него тяжело и ходилъ онъ къ намъ только потому, что считалъ это своею товарищескою обязанностью. Мы, учителя, боялись его. И даже директоръ боялся. Вотъ подите же, наши учителя народъ все мыслящій, глубоко порядочный, воспитанный на Тургеневѣ и Щедринѣ, однако же этотъ человѣчекъ, ходившій всегда въ калошахъ и съ зонтикомъ, держалъ въ рукахъ всю гимназію цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ! Да что гимназію? Весь городъ! Наши дамы по субботамъ домашнихъ спектаклей не устраивали, боялись, какъ бы онъ

не узналъ; и духовенство стѣснялось при немъ кушать скоромное и играть въ карты. Подъ вліяніемъ такихъ людей, какъ Бѣликовъ, за послѣднія десять-пятнадцать лѣтъ въ нашемъ городѣ стали бояться всего. Боятся громко говорить, посылать письма, знакомиться, читать книги, боятся помогать бѣднымъ, учить грамотѣ...

Иванъ Иванычъ, желая что-то сказать, кашлянулъ, но сначала закурилъ трубку, поглядѣлъ на луну и потомъ уже сказалъ съ разстановкой:

— Да. Мыслящіе, порядочные, читаютъ и Щедрина, и Тургенева, разныхъ тамъ Боклей и прочее, а вотъ подчинились же, терпѣли... То-то вотъ оно и есть.

— Бѣликовъ жилъ въ томъ же домѣ, гдѣ и я, — продолжалъ Буркинъ: — въ томъ же этажѣ, дверь противъ двери, мы часто видѣлись, и я зналъ его домашнюю жизнь. И дома та же исторія: халатъ, колпакъ, ставни, задвижки, цѣлый рядъ всякихъ запрещеній, ограниченій, и — ахъ, какъ бы чего не вышло! Постное ѣсть вредно, а скоромное нельзя, такъ какъ, пожалуй, скажутъ, что Бѣликовъ не исполняетъ постовъ, и онъ ѣлъ судака на коровьемъ маслѣ, — пища не постная, но и нельзя сказать, чтобы скоромная. Женской прислуги онъ не держалъ изъ страха, чтобы о немъ не думали дурно, а держалъ повара Аѳанасія, старика лѣтъ шестидесяти, нетрезваго и полоумнаго, который когда-то служилъ въ денщикахъ и умѣлъ кое-какъ стряпать. Этотъ Аѳанасій стоялъ обыкновенно у двери, скрестивъ руки, и всегда бормоталъ одно и то же, съ глубокимъ вздохомъ:

«Много ужъ *ихъ* нынче развелось!»

Спальня у Бѣликова была маленькая, точно ящикъ, кровать была съ пологомъ. Ложась спать, онъ укрывался съ головой; было жарко, душно, въ закрытыя двери стучался вѣтеръ, въ печкѣ гудѣло; слышались вздохи изъ кухни, вздохи зловѣщіе...

И ему было страшно подъ одѣяломъ. Онъ боялся, какъ бы чего не вышло, какъ бы его не зарѣзалъ Аѳанасій, какъ бы не забрались воры, и потомъ всю ночь видѣлъ тревожные сны, а утромъ, когда мы вмѣстѣ шли въ гимназію, былъ скученъ, блѣденъ и было видно, что многолюдная гимназія, въ которую онъ шелъ, была страшна, противна всему существу его, и что идти рядомъ со мной ему, человѣку по натурѣ одинокому, было тяжко.

— Очень ужъ шумятъ у насъ въ классахъ, — говорилъ онъ, какъ бы стараясь отыскать объясненія своему тяжелому чувству. — Ни на что не похоже.

И этотъ учитель греческаго языка, этотъ человѣкъ въ футлярѣ, можете себѣ представить, едва не женился.

Иванъ Иванычъ быстро оглянулся въ сарай и сказалъ:

— Шутите!

— Да, едва не женился, какъ это ни странно. Назначили къ намъ новаго учителя исторіи и географіи, нѣкоего Коваленко, Михаила Саввича, изъ хохловъ. Пріѣхалъ онъ не одинъ, а съ сестрой Варинькой. Онъ молодой, высокій, смуглый, съ громадными руками, и по лицу видно, что говоритъ басомъ, и въ самомъ дѣлѣ, голосъ

какъ изъ бочки: бу-бу-бу... А она уже не молодая, лѣтъ тридцати, но тоже высокая, стройная, чернобровая, краснощекая, — однимъ словомъ, не дѣвица, а мармеладъ, и такая разбитная, шумная, все поетъ малороссійскіе романсы и хохочетъ. Чуть что, такъ и зальется голосистымъ смѣхомъ: ха-ха-ха! Первое, основательное знакомство съ Коваленками у насъ, помню, произошло на именинахъ у директора. Среди суровыхъ, напряженно скучныхъ педагоговъ, которые и на именины-то ходятъ по обязанности, вдругъ видимъ, новая Афродита возродилась изъ пѣны: ходитъ подбоченясь, хохочетъ, поетъ, пляшетъ... Она спѣла съ чувствомъ «Віють витры», потомъ еще романсъ, и еще, и всѣхъ насъ очаровала, — всѣхъ, даже Бѣликова. Онъ подсѣлъ къ ней и сказалъ, сладко улыбаясь:

— Малороссійскій языкъ своею нѣжностью и пріятною звучностью напоминаетъ древне-греческій.

Это польстило ей, и она стала разсказывать ему съ чувствомъ и убѣдительно, что въ Гадячскомъ уѣздѣ у нея есть хуторъ, а на хуторѣ живетъ мамочка, и тамъ такія груши, такія дыни, такіе кабаки! У хохловъ тыквы называются кабаками, а кабаки шинками, и варятъ у нихъ борщъ съ красненькими и съ синенькими «такой вкусный, такой вкусный, что просто — ужасъ!»

Слушали мы, слушали, и вдругъ всѣхъ насъ осѣнила одна и та же мысль.

— А хорошо бы ихъ поженить, — тихо сказала мнѣ директорша.

Мы всѣ почему-то вспомнили, что нашъ Бѣликовъ не женатъ, и намъ теперь казалось стран-

нымъ, что мы до сихъ поръ какъ-то не замѣчали, совершенно упускали изъ виду такую важную подробность въ его жизни. Какъ вообще онъ относится къ женщинѣ, какъ онъ рѣшаетъ для себя этотъ насущный вопросъ? Раньше это не интересовало насъ вовсе; быть можетъ, мы не допускали даже и мысли, что человѣкъ, который во всякую погоду ходитъ въ калошахъ и спитъ подъ пологомъ, можетъ любить.

— Ему давно уже за сорокъ, а ей тридцать... — пояснила свою мысль директорша. — Мнѣ кажется, она бы за него пошла.

Чего только не дѣлается у насъ въ провинціи отъ скуки, сколько ненужнаго, вздорнаго! И это потому, что совсѣмъ не дѣлается то, что нужно. Ну, вотъ къ чему намъ вдругъ понадобилось женить этого Бѣликова, котораго даже и вообразить нельзя было женатымъ? Директорша, инспекторша и всѣ наши гимназическія дамы ожили, даже похорошѣли, точно вдругъ увидѣли цѣль жизни. Директорша беретъ въ театрѣ ложу, и смотримъ — въ ея ложѣ сидитъ Варинька съ этакимъ вѣеромъ, сіяющая, счастливая, и рядомъ съ ней Бѣликовъ, маленькій, скрюченный, точно его изъ дому клещами вытащили. Я даю вечеринку, и дамы требуютъ, чтобы я непремѣнно пригласилъ и Бѣликова, и Вариньку. Однимъ словомъ, заработала машина. Оказалось, что Варинька не прочь была замужъ. Жить ей у брата было не очень-то весело, только и знали, что по цѣлымъ днямъ спорили и ругались. Вотъ вамъ сцена: идетъ Коваленко по улицѣ, высокій, здоровый верзила, въ вышитой сорочкѣ, чубъ изъ-подъ фуражки падаетъ на лобъ; въ одной рукѣ пачка

книгъ, въ другой толстая суковатая палка. За нимъ идетъ сестра, тоже съ книгами.

— Да ты же, Михайликъ, этого не читалъ! — споритъ она громко. — Я же тебѣ говорю, клянусь, ты не читалъ же этого вовсе!

— А я тебѣ говорю, что читалъ! — кричитъ Коваленко, гремя палкой по тротуару.

— Ахъ же, Боже жъ мой, Минчикъ! Чего же ты сердишься, вѣдь у насъ же разговоръ принципіальный.

— А я тебѣ говорю, что я читалъ! — кричитъ еще громче Коваленко.

А дома, какъ кто посторонній, такъ и перепалка. Такая жизнь, вѣроятно, наскучила, хотѣлось своего угла, да и возрастъ принять во вниманіе; тутъ ужъ перебирать некогда, выйдешь, за кого угодно, даже за учителя греческаго языка. И то сказать, для большинства нашихъ барышенъ за кого ни выйти, лишь бы выйти. Какъ бы ни было, Варинька стала оказывать нашему Бѣликову явную благосклонность.

А Бѣликовъ? Онъ и къ Коваленку ходилъ такъ же, какъ къ намъ. Придетъ къ нему, сядетъ и молчитъ. Онъ молчитъ, а Варинька поетъ ему «Віють витры» или глядитъ на него задумчиво своими темными глазами, или вдругъ зальется:

— Ха-ха-ха!

Въ любовныхъ дѣлахъ, а особенно въ женитьбѣ, внушеніе играетъ большую роль. Всѣ — и товарищи и дамы — стали увѣрять Бѣликова, что онъ долженъ жениться, что ему ничего больше не остается въ жизни, какъ женится; всѣ мы поздравляли его, говорили съ важными

лицами разныя пошлости, въ родѣ того-де, что бракъ есть шагъ серьезный; къ тому же Варинька была не дурна собой, интересна, она была дочь статскаго совѣтника и имѣла хуторъ, а главное, это была первая женщина, которая отнеслась къ нему ласково, сердечно, — голова у него закружилась, и онъ рѣшилъ, что ему въ самомъ дѣлѣ нужно жениться.

— Вотъ тутъ бы и отобрать у него калоши и зонтикъ, — проговорилъ Иванъ Иванычъ.

— Представьте, это оказалось невозможнымъ. Онъ поставилъ у себя на столѣ портретъ Вариньки и все ходилъ ко мнѣ и говорилъ о Варинькѣ, о семейной жизни, о томъ, что бракъ есть шагъ серьезный, часто бывалъ у Коваленковъ, но образа жизни не измѣнилъ нисколько. Даже наоборотъ, рѣшеніе жениться подѣйствовало на него какъ-то болѣзненно, онъ похудѣлъ, поблѣднѣлъ и, казалось, еще глубже ушелъ въ свой футляръ.

— Варвара Саввишна мнѣ нравится, — говорилъ онъ мнѣ со слабой кривой улыбочкой: — и я знаю, жениться необходимо каждому человѣку, но... все это, знаете ли, произошло какъ-то вдругъ... Надо подумать.

— Что же тутъ думать? — говорю ему. — Женитесь, вотъ и все.

— Нѣтъ, женитьба — шагъ серьезный, надо сначала взвѣсить предстоящія обязанности, отвѣтственность..., чтобы потомъ чего не вышло. Это меня такъ безпокоитъ, я теперь всѣ ночи не сплю. И признаться, я боюсь: у нея съ братомъ какой-то странный образъ мыслей, разсуждаютъ

они какъ-то, знаете ли, странно и характеръ очень бойкій. Женишься, а потомъ чего добраго попадешь въ какую-нибудь исторію.

И онъ не дѣлалъ предложенія, все откладывалъ, къ великой досадѣ директорши и всѣхъ нашихъ дамъ; все взвѣшивалъ предстоящія обязанности и отвѣтственность, и между тѣмъ почти каждый день гулялъ съ Варинькой, быть можетъ, думалъ, что это такъ нужно въ его положеніи, и приходилъ ко мнѣ, чтобы поговорить о семейной жизни. И по всей вѣроятности, въ концѣ концовъ онъ сдѣлалъ бы предложеніе и совершился бы одинъ изъ тѣхъ ненужныхъ, глупыхъ браковъ, какихъ у насъ отъ скуки и отъ нечего дѣлать совершаются тысячи, если бы вдругъ не произошелъ kolossalische Skandal. Нужно сказать, что братъ Вариньки, Коваленко, возненавидѣлъ Бѣликова съ перваго же дня знакомства и терпѣть его не могъ.

— Не понимаю, — говорилъ онъ намъ, пожимая плечами: — не понимаю, какъ вы перевариваете этого фискала, эту мерзкую рожу. Эхъ, господа, какъ вы можете тутъ жить! Атмосфера у васъ удушающая, поганая. Развѣ вы педагоги, учителя? Вы чинодралы, у васъ не храмъ науки, а управа благочинія, и кислятиной воняетъ, какъ въ полицейской будкѣ. Нѣтъ, братцы, поживу съ вами еще немного и уѣду къ себѣ на хуторъ и буду тамъ раковъ ловить и хохлятъ учить. Уѣду, а вы оставайтесь тутъ со своимъ іудой, нехай винъ лопне.

Или онъ хохоталъ, хохоталъ до слезъ то басомъ, то тонкимъ пискливымъ голосомъ и спрашивалъ меня, разводя руками:

— Шо онъ у меня сидить? Шо ему надо? Сидить и смотрить.

Онъ даже названіе далъ Бѣликову «глитай абожъ паукъ». И, понятно, мы избѣгали говорить съ нимъ о томъ, что сестра его Варинька собирается за «абожъ паука». И когда однажды директорша намекнула ему, что хорошо бы пристроить его сестру за такого солиднаго, всѣми уважаемаго человѣка, какъ Бѣликовъ, то онъ нахмурился и проворчалъ:

— Не мое это дѣло. Пускай она выходитъ хоть за гадюку, а я не люблю въ чужія дѣла мѣшаться.

Теперь слушайте, что дальше. Какой-то проказникъ нарисовалъ каррикатуру: идетъ Бѣликовъ въ калошахъ, въ подсученныхъ брюкахъ, подъ зонтомъ, и съ нимъ подъ руку Варинька; внизу подпись: «влюбленный антропосъ». Выраженіе схвачено, понимаете ли, удивительно. Художникъ, должно быть, проработалъ не одну ночь, такъ какъ всѣ учителя мужской и женской гимназій, учителя семинаріи, чиновники, — всѣ получили по экземпляру. Получилъ и Бѣликовъ. Каррикатура произвела на него самое тяжелое впечатлѣніе.

Выходимъ мы вмѣстѣ изъ дому, — это было какъ разъ первое мая, воскресенье, и мы всѣ, учителя и гимназисты, условились сойтись у гимназіи и потомъ вмѣстѣ идти пѣшкомъ за городъ въ рощу, — выходимъ мы, а онъ зеленый, мрачнѣе тучи.

— Какіе есть нехорошіе, злые люди! — проговорилъ онъ, и губы у него задрожали.

Мнѣ даже жалко его стало. Идемъ и вдругъ,

можете себѣ представить, катитъ на велосипедѣ Коваленко, а за нимъ Варинька, тоже на велосипедѣ, красная, заморенная, но веселая, радостная.

— А мы, — кричитъ она, — впередъ ѣдемъ! Уже жъ такая хорошая погода, такая хорошая, что просто ужасъ!

И скрылись оба. Мой Бѣликовъ изъ зеленаго сталъ бѣлымъ и точно оцѣпенѣлъ. Остановился и смотритъ на меня...

— Позвольте, что же это такое? — спросилъ онъ. — Или, быть можетъ, меня обманываетъ зрѣніе? Развѣ преподавателямъ гимназіи и женщинамъ прилично ѣздить на велосипедѣ?

— Что же тутъ неприличнаго? — сказалъ я. — И пусть катаются себѣ на здоровье.

— Да какъ же можно? — крикнулъ онъ, изумляясь моему спокойствію. — Что вы говорите?!

И онъ былъ такъ пораженъ, что не захотѣлъ идти дальше и вернулся домой.

На другой день онъ все время нервно потиралъ руки и вздрагивалъ, и было видно по лицу, что ему нехорошо. И съ занятій ушелъ, что случилось съ нимъ первый разъ въ жизни. И не обѣдалъ. А подъ вечеръ одѣлся потеплѣе, хотя на дворѣ стояла совсѣмъ лѣтняя погода, и поплелся къ Коваленкамъ. Вариньки не было дома, засталъ онъ только брата.

— Садитесь, покорнѣйше прошу, — проговорилъ Коваленко холодно и нахмурилъ брови; лицо у него было заспанное, онъ только-что отдыхалъ послѣ обѣда и былъ сильно не въ духѣ. Бѣликовъ посидѣлъ молча минутъ десять и началъ:

— Я къ вамъ пришелъ, чтобъ облегчить душу.

Мнѣ очень, очень тяжело. Какой-то пасквилянтъ нарисовалъ въ смѣшномъ видѣ меня и еще одну особу, намъ обоимъ близкую. Считаю долгомъ увѣрить васъ, что я тутъ ни при чемъ... Я не подавалъ никакого повода къ такой насмѣшкѣ, — напротивъ же, все время велъ себя какъ вполнѣ порядочный человѣкъ.

Коваленко сидѣлъ, надувшись, и молчалъ. Бѣликовъ подождалъ немного и продолжалъ тихо, печальнымъ голосомъ:

— И еще я имѣю кое-что сказатъ вамъ. Я давно служу, вы же только еще начинаете службу, и я считаю долгомъ, какъ старшій товарищъ, предостеречь васъ. Вы катаетесь на велосипедѣ, а эта забава совершенно неприлична для воспитателя юношества.

— Почему же? — спросилъ Коваленко басомъ.

— Да развѣ тутъ надо еще объяснять, Михаилъ Саввичъ, развѣ это не понятно? Если учителъ ѣдетъ на велосипедѣ, то что же остается ученикамъ? Имъ остается только ходить на головахъ! И разъ это не разрѣшено циркулярно, то и нельзя. Я вчера ужаснулся! Когда я увидѣлъ вашу сестрицу, то у меня помутилось въ глазахъ. Женщина или дѣвушка на велосипедѣ — это ужасно!

— Что же собственно вамъ угодно?

— Мнѣ угодно только одно — предостеречь васъ, Михаилъ Саввичъ. Вы — человѣкъ молодой, у васъ впереди будущее, надо вести себя очень, очень осторожно, вы же такъ манкируете, охъ, какъ манкируете! Вы ходите въ вышитой сорочкѣ, постоянно на улицѣ съ какими-то кни-

гами, а теперь вотъ еще велосипедъ. О томъ, что вы и ваша сестрица катаетесь на велосипедѣ, узнаетъ директоръ, потомъ дойдетъ до попечителя... Что же хорошаго?

— Что я и сестра катаемся на велосипедѣ, никому нѣтъ до этого дѣла! — сказалъ Коваленко и побагровѣлъ. — А кто будетъ вмѣшиваться въ мои домашнія и семейныя дѣла, того я пошлю къ чертямъ собачьимъ.

Бѣликовъ поблѣднѣлъ и всталъ.

— Если вы говорите со мной такимъ тономъ, то я не могу продолжать, — сказалъ онъ. — И прошу васъ никогда такъ не выражаться въ моемъ присутствіи о начальникахъ. Вы должны съ уваженіемъ относиться къ властямъ.

— А развѣ я говорилъ что дурное про властей? — спросилъ Коваленко, глядя на него со злобой. — Пожалуйста, оставьте меня въ покоѣ. Я честный человѣкъ и съ такимъ господиномъ, какъ вы, не желаю разговаривать. Я не люблю фискаловъ.

Бѣликовъ нервно засуетился и сталъ одѣваться быстро, съ выраженіемъ ужаса на лицѣ. Вѣдь это первый разъ въ жизни онъ слышалъ такія грубости.

— Можете говорить, что вамъ угодно, — сказалъ онъ, выходя изъ передней на площадку лѣстницы. — Я долженъ только предупредить васъ: быть можетъ, насъ слышалъ кто-нибудь, и чтобы не перетолковали нашего разговора и чего-нибудь не вышло, я долженъ буду доложить господину директору содержаніе нашего разговора... въ главныхъ чертахъ. Я обязанъ это сдѣлать.

— Доложить? Ступай, докладывай!

Коваленко схватилъ его сзади за воротникъ и пихнулъ, и Бѣликовъ покатился внизъ по лѣстницѣ, гремя своими калошами. Лѣстница была высокая, крутая, но онъ докатился до низу благополучно; всталъ и потрогалъ себя за носъ: цѣлы ли очки? Но какъ разъ въ то время, когда онъ катился по лѣстницѣ, вошла Варинька и съ нею двѣ дамы; онѣ стояли внизу и глядѣли — и для Бѣликова это было ужаснѣе всего. Лучше бы, кажется, сломать себѣ шею, обѣ ноги, чѣмъ стать посмѣшищемъ; вѣдь теперь узнаетъ весь городъ, дойдетъ до директора, попечителя, — ахъ, какъ бы чего не вышло! — нарисуютъ новую каррикатуру и кончится все это тѣмъ, что прикажутъ подать въ отставку...

Когда онъ поднялся, Варинька узнала его и, глядя на его смѣшное лицо, помятое пальто, калоши, не понимая, въ чемъ дѣло, полагая, что это онъ упалъ самъ нечаянно, не удержалась и захохотала на весь домъ:

— Ха-ха-ха!

И этимъ раскатистымъ, заливчатымъ «ха-ха-ха» завершилось все: и сватовство, и земное существованіе Бѣликова. Уже онъ не слышалъ, что говорила Варинька, и ничего не видѣлъ. Вернувшись къ себѣ домой, онъ прежде всего убралъ со стола портретъ, а потомъ легъ и уже больше не вставалъ.

Дня черезъ три пришелъ ко мнѣ Аѳанасій и спросилъ, не надо ли послать за докторомъ, такъ какъ-де съ бариномъ что-то дѣлается. Я пошелъ къ Бѣликову. Онъ лежалъ подъ пологомъ, укрытый одѣяломъ, и молчалъ; спросишь его, а онъ

только да или нѣтъ — и больше ни звука. Онъ лежитъ, а возлѣ бродитъ Аѳанасій, мрачный, нахмуренный, и вздыхаетъ глубоко; а отъ него водкой, какъ изъ кабака.

Черезъ мѣсяцъ Бѣликовъ умеръ. Хоронили мы его всѣ, то-есть обѣ гимназіи и семинарія. Теперь, когда онъ лежалъ въ гробу, выраженіе у него было кроткое, пріятное, даже веселое, точно онъ былъ радъ, что, наконецъ, его положили въ футляръ, изъ котораго онъ уже никогда не выйдетъ. Да, онъ достигъ своего идеала! И какъ бы въ честь его, во время похоронъ, была пасмурная, дождливая погода, и всѣ мы были въ калошахъ и съ зонтами. Варинька тоже была на похоронахъ и, когда гробъ опускали въ могилу, всплакнула. Я замѣтилъ, что хохлушки только плачутъ или хохочутъ, средняго же настроенія у нихъ не бываетъ.

Признаюсь, хоронить такихъ людей, какъ Бѣликовъ, это большое удовольствіе. Когда мы возвращались съ кладбища, то у насъ были скромныя постныя физіономіи; никому не хотѣлось обнаружить этого чувства удовольствія, — чувства, похожаго на то, какое мы испытывали давно-давно, еще въ дѣтствѣ, когда старшіе уѣзжали изъ дому и мы бѣгали по саду часъ-другой, наслаждаясь полною свободой. Ахъ, свобода, свобода! Даже намекъ, даже слабая надежда на ея возможность даетъ душѣ крылья, не правда ли?

Вернулись мы съ кладбища въ добромъ расположеніи. Но прошло не больше недѣли, и жизнь потекла попрежнему, такая же суровая, утомительная, безтолковая, жизнь не запрещенная циркулярно, но и не разрѣшенная вполнѣ; не стало

лучше. И въ самомъ дѣлѣ, Бѣликова похоронили, а сколько еще такихъ человѣковъ въ футлярѣ осталось, сколько ихъ еще будетъ!

— То-то вотъ оно и есть, — сказалъ Иванъ Иванычъ и закурилъ трубку.

— Сколько ихъ еще будетъ! — повторилъ Буркинъ.

Учитель гимназіи вышелъ изъ сарая. Это былъ человѣкъ небольшого роста, толстый, совершенно лысый, съ черной бородой чуть не по поясъ; и съ нимъ вышли двѣ собаки.

— Луна-то, луна! — сказалъ онъ, глядя вверхъ.

Была уже полночь. Направо видно было все село, длинная улица тянулась далеко, верстъ на пять. Все было погружено въ тихій, глубокій сонъ; ни движенія, ни звука, даже не вѣрится, что въ природѣ можетъ быть такъ тихо. Когда въ лунную ночь видишь широкую сельскую улицу съ ея избами, стогами, уснувшими ивами, то на душѣ становится тихо; въ этомъ своемъ покоѣ, укрывшись въ ночныхъ тѣняхъ отъ трудовъ, заботъ и горя, она кротка, печальна, прекрасна, и кажется, что и звѣзды смотрятъ на нее ласково и съ умиленіемъ, и что зла уже нѣтъ на землѣ и все благополучно. Налѣво съ края села начиналось поле; оно было видно далеко, до горизонта, и во всю ширь этого поля, залитаго луннымъ свѣтомъ, тоже ни движенія, ни звука.

— То-то вотъ оно и есть, — повторилъ Иванъ Иванычъ. — А развѣ то, что мы живемъ въ городѣ въ духотѣ, въ тѣснотѣ, пишемъ ненужныя бумаги, играемъ въ винтъ — развѣ это не футляръ? А то, что мы проводимъ всю жизнь

среди бездѣльниковъ, глупыхъ, праздныхъ женщинъ, говоримъ и слушаемъ разный вздоръ — развѣ это не футляръ? Вотъ если желаете, то я разскажу вамъ одну очень поучительную исторію.

— Нѣтъ, ужъ пора спать, — сказалъ Буркинъ. — До завтра!

Оба пошли въ сарай и легли на сѣнѣ. И уже оба укрылись и задремали, какъ вдругъ послышались легкіе шаги: тупъ, тупъ... Кто-то ходилъ не далеко отъ сарая; пройдетъ немного и остановится, а черезъ минуту опять: тупъ, тупъ... Собаки заворчали.

— Это Мавра ходитъ, — сказалъ Буркинъ.

Шаги затихли.

— Видѣть и слышать, какъ лгутъ, — проговорилъ Иванъ Иванычъ, поворачиваясь на другой бокъ: — и тебя же называютъ дуракомъ за то, что ты терпишь эту ложь, сносить обиды, униженія, не смѣть открыто заявить, что ты на сторонѣ честныхъ, свободныхъ людей, и самому лгать, улыбаться, и все это изъ-за куска хлѣба, изъ-за теплаго угла, изъ-за какого-нибудь чинишка, которому грошъ цѣна, — нѣтъ, больше жить такъ невозможно!

— Ну, ужъ это вы изъ другой оперы, Иванъ Иванычъ, — сказалъ учитель. — Давайте спать.

И минутъ черезъ десять Буркинъ уже спалъ. А Иванъ Иванычъ все ворочался съ боку на бокъ и вздыхалъ, а потомъ всталъ, опять вышелъ наружу и, сѣвши у дверей, закурилъ трубочку.

1898.

Крыжовникъ

Еще съ ранняго утра все небо обложили дождевыя тучи: было тихо, не жарко и скучно, какъ бываетъ въ сѣрые пасмурные дни, когда надъ полемъ давно уже нависли тучи, ждешь дождя, а его нѣтъ. Ветеринарный врачъ Иванъ Иванычъ и учитель гимназіи Буркинъ уже утомились идти и поле представлялось имъ безконечнымъ. Далеко впереди еле были видны вѣтряныя мельницы села Мироносицкаго, справа тянулся и потомъ исчезалъ далеко за селомъ рядъ холмовъ, и оба они знали, что это берегъ рѣки, тамъ луга, зеленыя ивы, усадьбы и, если стать на одинъ изъ холмовъ, то оттуда видно такое же громадное поле, телеграфъ и поѣздъ, который издали похожъ на ползущую гусеницу, а въ ясную погоду оттуда бываетъ виденъ даже городъ. Теперь, въ тихую погоду, когда вся природа казалась кроткой и задумчивой, Иванъ Иванычъ и Буркинъ были проникнуты любовью къ этому полю и оба думали о томъ, какъ велика, какъ прекрасна эта страна.

— Въ прошлый разъ, когда мы были въ сараѣ у старосты Прокофія, — сказалъ Буркинъ: — вы собирались разсказать какую-то исторію.

— Да, я хотѣлъ тогда разсказать про своего брата.

Иванъ Иванычъ протяжно вздохнулъ и закурилъ трубочку, чтобы начать разсказывать, но какъ разъ въ это время пошелъ дождь. И минутъ

черезъ пять лилъ уже сильный дождь, обложной, и трудно было предвидѣть, когда онъ кончится. Иванъ Иванычъ и Буркинъ остановились въ раздумьи; собаки, уже мокрыя, стояли, поджавъ хвосты, и смотрѣли на нихъ съ умиленіемъ.

— Намъ нужно укрыться куда-нибудь, — сказалъ Буркинъ. — Пойдемте къ Алехину. Тутъ близко.

— Пойдемте.

Они свернули въ сторону и шли все по скошенному полю, то прямо, то забирая направо, пока не вышли на дорогу. Скоро показались тополи, садъ, потомъ красныя крыши амбаровъ; заблестѣла рѣка и открылся видъ на широкій плесъ съ мельницей и бѣлою купальней. Это было Софьино, гдѣ жилъ Алехинъ.

Мельница работала, заглушая шумъ дождя; плотина дрожала. Тутъ около телѣгъ стояли мокрыя лошади, понуривъ головы, и ходили люди, накрывшись мѣшками. Было сыро, грязно, неуютно, и видъ у плеса былъ холодный, злой. Иванъ Иванычъ и Буркинъ испытывали уже чувство мокроты, нечистоты, неудобства во всемъ тѣлѣ, ноги отяжелѣли отъ грязи и, когда, пройдя плотину, они поднимались къ господскимъ амбарамъ, то молчали, точно сердились другъ на друга.

Въ одномъ изъ амбаровъ шумѣла вѣялка; дверь была открыта и изъ нея валила пыль. На порогѣ стоялъ самъ Алехинъ, мужчина лѣтъ сорока, высокій, полный, съ длинными волосами, похожій больше на профессора или художника, чѣмъ на помѣщика. На немъ была бѣлая, давно не мытая рубаха съ веревочнымъ пояскомъ, вмѣсто брюкъ кальсоны, и на сапогахъ тоже на-

липли грязь и солома. Носъ и глаза были черны отъ пыли. Онъ узналъ Ивана Иваныча и Буркина и, повидимому, очень обрадовался.

— Пожалуйте, господа, въ домъ, — сказалъ онъ, улыбаясь. — Я сейчасъ, сію минуту.

Домъ былъ большой, двухъэтажный. Алехинъ жилъ внизу въ двухъ комнатахъ со сводами и съ маленькими окнами, гдѣ когда-то жили приказчики; тутъ была обстановка простая и пахло ржанымъ хлѣбомъ, дешевою водкой и сбруей. Наверху же, въ парадныхъ комнатахъ, онъ бывалъ рѣдко, только когда пріѣзжали гости. Ивана Иваныча и Буркина встрѣтила въ домѣ горничная, молодая женщина, такая красивая, что они оба разомъ остановились и поглядѣли другъ на друга.

— Вы не можете себѣ представить, какъ я радъ видѣть васъ, господа, — говорилъ Алехинъ, входя за ними въ переднюю. — Вотъ не ожидалъ! Пелагея, — обратился онъ къ горничной: — дайте гостямъ переодѣться во что-нибудь. Да кстати и я переодѣнусь. Только надо сначала пойти помыться, а то я, кажется, съ весны не мылся. Не хотите ли, господа, пойти въ купальню, а тутъ пока приготовятъ.

Красивая Пелагея, такая деликатная и на видъ такая мягкая, принесла простыни и мыло, и Алехинъ съ гостями пошелъ въ купальню.

— Да, давно я уже не мылся, — говорилъ онъ, раздѣваясь. — Купальня у меня, какъ видите, хорошая, отецъ еще строилъ, но мыться какъ-то все некогда.

Онъ сѣлъ на ступенькѣ и намылилъ свои

длинные волосы и шею, и вода около него стала коричневой.

— Да, признаюсь... — проговорилъ Иванъ Иванычъ значительно, глядя на его голову.

— Давно я уже не мылся... — повторилъ Алехинъ конфузливо и еще разъ намылился, и вода около него стала темно-синей, какъ чернила.

Иванъ Иванычъ вышелъ наружу, бросился въ воду съ шумомъ и поплылъ подъ дождемъ, широко взмахивая руками, и отъ него шли волны и на волнахъ качались бѣлыя лиліи; онъ доплылъ до самой середины плеса и нырнулъ и черезъ минуту показался на другомъ мѣстѣ и поплылъ дальше, и все нырялъ, стараясь достать дна. «Ахъ, Боже мой..., — повторялъ онъ, наслаждаясь. — Ахъ, Боже мой...» Доплылъ до мельницы, о чемъ-то поговорилъ тамъ съ мужиками и повернулъ назадъ, и на серединѣ плеса легъ, подставляя свое лицо подъ дождь. Буркинъ и Алехинъ уже одѣлись и собрались уходить, а онъ все плавалъ и нырялъ.

— Ахъ, Боже мой... — говорилъ онъ. — Ахъ, Господи помилуй.

— Будетъ вамъ! — крикнулъ ему Буркинъ.

Вернулись въ домъ. И только когда въ большой гостиной наверху зажгли лампу, и Буркинъ и Иванъ Иванычъ, одѣтые въ шелковые халаты и теплыя туфли, сидѣли въ креслахъ, а самъ Алехинъ, умытый, причесанный, въ новомъ сюртукѣ, ходилъ по гостиной, видимо, съ наслажденіемъ ощущая тепло, чистоту, сухое платье, легкую обувь, и когда красивая Пелагея, безшумно ступая по ковру и мягко улыбаясь, подавала на подносѣ чай съ вареньемъ, только тогда

Иванъ Иванычъ приступилъ къ разсказу, и казалось, что его слушали не одни только Буркинъ и Алехинъ, но также старыя и молодыя дамы и военные, спокойно и строго глядѣвшіе изъ золотыхъ рамъ.

— Насъ два брата, — началъ онъ: — я, Иванъ Иванычъ, и другой — Николай Иванычъ, года на два помоложе. Я пошелъ по ученой части, сталъ ветеринаромъ, а Николай уже съ девятнадцати лѣтъ сидѣлъ въ казенной палатѣ. Нашъ отецъ Чимша-Гималайскій былъ изъ кантонистовъ, но, выслуживъ офицерскій чинъ, оставилъ намъ потомственное дворянство и имѣньишко. Послѣ его смерти имѣньишко у насъ оттягали за долги, но, какъ бы ни было, дѣтство мы провели въ деревнѣ на волѣ. Мы все равно, какъ крестьянскія дѣти, дни и ночи проводили въ полѣ, въ лѣсу, стерегли лошадей, драли лыко, ловили рыбу и прочее тому подобное... А вы знаете, кто хоть разъ въ жизни поймалъ ерша, или видѣлъ осенью перелетныхъ дроздовъ, какъ они въ ясные, прохладные дни носятся стаями надъ деревней, тотъ уже не городской житель и его до самой смерти будетъ потягивать на волю. Мой братъ тосковалъ въ казенной палатѣ. Годы проходили, а онъ все сидѣлъ на одномъ мѣстѣ, писалъ все тѣ же бумаги и думалъ все объ одномъ и томъ же, какъ бы въ деревню. И эта тоска у него мало-по-малу вылилась въ опредѣленное желаніе, въ мечту купить себѣ маленькую усадебку гдѣ-нибудь на берегу рѣки или озера.

Онъ былъ добрый, кроткій человѣкъ, я любилъ его, но этому желанію запереть себя на всю

жизнь въ собственную усадьбу я никогда не сочувствовалъ. Принято говорить, что человѣку нужно только три аршина земли. Но вѣдь три аршина нужны трупу, а не человѣку. И говорятъ также теперь, что если наша интеллигенція имѣетъ тяготѣніе къ землѣ и стремится въ усадьбы, то это хорошо. Но вѣдь эти усадьбы тѣ же три аршина земли. Уходить изъ города, отъ борьбы, отъ житейскаго шума, уходитъ и прятаться у себя въ усадьбѣ — это не жизнь, это эгоизмъ, лѣнь, это своего рода монашество, но монашество безъ подвига. Человѣку нужно не три аршина земли, не усадьба, а весь земной шаръ, вся природа, гдѣ на просторѣ онъ могъ бы проявить всѣ свойства и особенности своего свободнаго духа.

Братъ мой Николай, сидя у себя въ канцеляріи, мечталъ о томъ, какъ онъ будетъ ѣсть свои собственныя щи, отъ которыхъ идетъ такой вкусный запахъ по всему двору, ѣсть на зеленой травкѣ, спать на солнышкѣ, сидѣть по цѣлымъ часамъ за воротами на лавочкѣ и глядѣть на поле и лѣсъ. Сельско-хозяйственныя книжки и всякіе эти совѣты въ календаряхъ составляли его радость, любимую духовную пищу; онъ любилъ читать и газеты, но читалъ въ нихъ одни только объявленія о томъ, что продаются столько-то десятинъ пашни и луга съ усадьбой, рѣкой, садомъ, мельницей, съ проточными прудами. И рисовались у него въ головѣ дорожки въ саду, цвѣты, фрукты, скворешни, караси въ прудахъ и, знаете, всякая эта штука. Эти воображаемыя картины были различны, смотря по объявленіямъ, которыя попадались ему, но почему-то въ каждой

изъ нихъ непремѣнно былъ крыжовникъ. Ни одной усадьбы, ни одного поэтическаго угла онъ не могъ себѣ представить безъ того, чтобы тамъ не было крыжовника.

— Деревенская жизнь имѣетъ свои удобства, — говорилъ онъ бывало. — Сидишь на балконѣ, пьешь чай, а на прудѣ твои уточки плаваютъ, пахнетъ такъ хорошо и... и крыжовникъ растетъ.

Онъ чертилъ планъ своего имѣнія и всякій разъ у него на планѣ выходило одно и то же: a) барскій домъ, b) людская, c) огородъ, d) крыжовникъ. Жилъ онъ скупо: не доѣдалъ, не допивалъ, одѣвался Богъ знаетъ какъ, словно нищій, и все копилъ въ банкъ. Страшно жадничалъ. Мнѣ было больно глядѣть на него, и я коечто давалъ ему и посылалъ на праздникахъ, но онъ и это пряталъ. Ужъ коли задался человѣкъ идеей, то ничего не подѣлаешь.

Годы шли, перевели его въ другую губернію, минуло ему уже сорокъ лѣтъ, а онъ все читалъ объявленія въ газетахъ и копилъ. Потомъ, слышу, женился. Все съ тою же цѣлью, чтобы купить себѣ усадьбу съ крыжовникомъ, онъ женился на старой, некрасивой вдовѣ, безъ всякаго чувства, а только потому, что у нея водились деньжонки. Онъ и съ ней тоже жилъ скупо, держалъ ее впроголодь, а деньги ея положилъ въ банкъ на свое имя. Раньше она была за почтмейстеромъ и привыкла у него къ пирогамъ и къ наливкамъ, а у второго мужа и хлѣба чернаго не видала вдоволь; стала чахнуть отъ такой жизни, да года черезъ три взяла и отдала Богу душу. И конечно, братъ мой ни одной минуты не подумалъ, что

онъ виноватъ въ ея смерти. Деньги, какъ водка, дѣлаютъ человѣка чудакомъ. У насъ въ городѣ умиралъ купецъ. Передъ смертью приказалъ подать себѣ тарелку меду и съѣлъ всѣ свои деньги и выигрышные билеты вмѣстѣ съ медомъ, чтобы никому не досталось. Какъ-то на вокзалѣ я осматривалъ гурты, и въ это время одинъ барышникъ попалъ подъ локомотивъ и ему отрѣзало ногу. Несемъ мы его въ пріемный покой, кровь льетъ — страшное дѣло, а онъ все проситъ, чтобы ногу его отыскали, и все безпокоится: въ сапогѣ на отрѣзанной ногѣ двадцать рублей, какъ бы не пропали.

— Это вы ужъ изъ другой оперы, — сказалъ Буркинъ.

— Послѣ смерти жены, — продолжалъ Иванъ Иванычъ, подумавъ полминуты: — братъ мой сталъ высматривать себѣ имѣніе. Конечно, хоть пять лѣтъ высматривай, но все же въ концѣ концовъ ошибешься, и купишь совсѣмъ не то, о чемъ мечталъ. Братъ Николай черезъ комиссіонера, съ переводомъ долга, купилъ сто двѣнадцать десятинъ съ барскимъ домомъ, съ людской, съ паркомъ, но ни фруктоваго сада, ни крыжовника, ни прудовъ съ уточками; была рѣка, но вода въ ней цвѣтомъ какъ кофе, потому что по одну сторону имѣнія кирпичный заводъ, а по другую — костопальный. Но мой Николай Иванычъ мало печалился; онъ выписалъ себѣ двадцать кустовъ крыжовника, посадилъ и зажилъ помѣщикомъ.

Въ прошломъ году я поѣхалъ къ нему провѣдать. Поѣду, думаю, посмотрю, какъ и что тамъ. Въ письмахъ своихъ братъ называлъ свое имѣніе

такъ: Чумбароклова Пустошь, Гималайское тожъ. Пріѣхалъ я въ «Гималайское тожъ» послѣ полудня. Было жарко. Вездѣ канавы, заборы, изгороди, понасажены рядами елки, — и не знаешь, какъ проѣхать во дворъ, куда поставить лошадь. Иду къ дому, а навстрѣчу мнѣ рыжая собака, толстая, похожая на свинью. Хочется ей лаять, да лѣнь. Вышла ихъ кухни кухарка, голоногая, толстая, тоже похожая на свинью, и сказала, что баринъ отдыхаетъ послѣ обѣда. Вхожу къ брату, онъ сидитъ въ постели, колѣни покрыты одѣяломъ; постарѣлъ, располнѣлъ, обрюзгъ; щеки, носъ и губы тянутся впередъ, — того и гляди, хрюкнетъ въ одѣяло.

Мы обнялись и всплакнули отъ радости и отъ грустной мысли, что когда-то были молоды, а теперь оба сѣды и умирать пора. Онъ одѣлся и повелъ меня показывать свое имѣніе.

— Ну, какъ ты тутъ поживаешь? — спросилъ я.

— Да ничего, слава Богу, живу хорошо.

Это ужъ былъ не прежній робкій бѣдняга-чиновникъ, а настоящій помѣщикъ, баринъ. Онъ ужъ обжился тутъ, привыкъ и вошелъ во вкусъ; кушалъ много, въ банѣ мылся, полнѣлъ, уже судился съ обществомъ и съ обоими заводами, и очень обижался, когда мужики не называли его «ваше высокоблагородіе». И о душѣ своей заботился солидно, по-барски, и добрыя дѣла творилъ не просто, а съ важностью. А какія добрыя дѣла? Лѣчилъ мужиковъ отъ всѣхъ болѣзней содой и касторкой, и въ день своихъ именинъ служилъ среди деревни благодарственный молебенъ, а потомъ ставилъ полведра, думалъ, что

такъ нужно. Ахъ, эти ужасныя полведра! Сегодня толстый помѣщикъ тащитъ мужиковъ къ земскому начальнику за потраву, а завтра, въ торжественный день, ставитъ имъ полведра, а они пьютъ и кричатъ ура, и пьяные кланяются ему въ ноги. Перемѣна жизни къ лучшему, сытость, праздность, развиваютъ въ русскомъ человѣкѣ самомнѣніе, самое наглое. Николай Иванычъ, который когда-то въ казенной палатѣ боялся даже для себя лично имѣть собственные взгляды, теперь говорилъ однѣ только истины, и такимъ тономъ, точно министръ. «Образованіе необходимо, но для народа оно преждевременно», «тѣлесныя наказанія вообще вредны, но въ нѣкоторыхъ случаяхъ они полезны и незамѣнимы».

— Я знаю народъ и умѣю съ нимъ обращаться, — говорилъ онъ. — Меня народъ любитъ. Стóитъ мнѣ только пальцемъ шевельнуть, и для меня народъ сдѣлаетъ все, что захочу.

И все это, замѣтьте, говорилось съ умной, доброю улыбкой. Онъ разъ двадцать повторилъ: «мы дворяне», «я, какъ дворянинъ»; очевидно, уже не помнилъ, что дѣдъ нашъ былъ мужикъ, а отецъ — солдатъ. Даже наша фамилія Чимша-Гималайскій, въ сущности несообразная, казалась ему теперь звучной, знатной и очень пріятной.

Но дѣло не въ немъ, а во мнѣ самомъ. Я хочу вамъ разсказать, какая перемѣна произошла во мнѣ въ эти немногіе часы, пока я былъ въ его усадьбѣ. Вечеромъ, когда мы пили чай, кухарка подала къ столу полную тарелку крыжовнику. Это былъ не купленый, а свой собственный крыжовникъ, собранный въ первый

разъ съ тѣхъ поръ, какъ были посажены кусты. Николай Иванычъ засмѣялся и минуту глядѣлъ на крыжовникъ, молча, со слезами, — онъ не могъ говорить отъ волненія, потомъ положилъ въ ротъ одну ягоду, поглядѣлъ на меня съ торжествомъ ребенка, который, наконецъ, получилъ свою любимую игрушку, и сказалъ:

— Какъ вкусно!

И онъ съ жадностью ѣлъ и все повторялъ:

— Ахъ, какъ вкусно! Ты попробуй!

Было жестко и кисло, но, какъ сказалъ Пушкинъ, «тьмы истинъ намъ дороже насъ возвышающій обманъ». Я видѣлъ счастливаго человѣка, завѣтная мечта котораго осуществилась такъ очевидно, который достигъ цѣли въ жизни, получилъ то, что хотѣлъ, который былъ доволенъ своею судьбой, самимъ собой. Къ моимъ мыслямъ о человѣческомъ счастьи всегда почему-то примѣшивалось что-то грустное, теперь же, при видѣ счастливаго человѣка, мною овладѣло тяжелое чувство, близкое къ отчаянію. Особенно тяжело было ночью. Мнѣ постлали постель въ комнатѣ рядомъ съ спальней брата, и мнѣ было слышно, какъ онъ не спалъ и какъ вставалъ и подходилъ къ тарелкѣ съ крыжовникомъ и бралъ по ягодкѣ. Я соображалъ: какъ въ сущности много довольныхъ, счастливыхъ людей! Какая это подавляющая сила! Вы взгляните на эту жизнь: наглость и праздность сильныхъ, невѣжество и скотоподобіе слабыхъ, кругомъ бѣдность невозможная, тѣснота, вырожденіе, пьянство, лицемѣріе, вранье... Между тѣмъ во всѣхъ домахъ и на улицахъ тишина, спокойствіе; изъ пятидесяти тысячъ живущихъ въ городѣ ни одного, который

бы вскрикнулъ, громко возмутился. Мы видимъ тѣхъ, которые ходятъ на рынокъ за провизіей, днемъ ѣдятъ, ночью спятъ, которые говорятъ свою чепуху, женятся, старятся, благодушно тащатъ на кладбище своихъ покойниковъ; но мы не видимъ и не слышимъ тѣхъ, которые страдаютъ, и то, что страшно въ жизни, происходитъ гдѣ-то за кулисами. Все тихо, спокойно, и протестуетъ одна только нѣмая статистика: столько-то съ ума сошло, столько-то ведеръ выпито, столько-то дѣтей погибло отъ недоѣданія... И такой порядокъ, очевидно, нуженъ; очевидно, счастливый чувствуетъ себя хорошо только потому, что несчастные несутъ свое бремя молча, и безъ этого молчанія счастье было бы невозможно. Это общій гипнозъ. Надо, чтобы за дверью каждаго довольнаго счастливаго человѣка, стоялъ кто-нибудь съ молоточкомъ и постоянно напоминалъ бы стукомъ, что есть несчастные, что какъ бы онъ ни былъ счастливъ, жизнь рано или поздно покажетъ ему свои когти, стрясется бѣда — болѣзнь, бѣдность, потери, и его никто не увидитъ и не услышитъ, какъ теперь онъ не видитъ и не слышитъ другихъ. Но человѣка съ молоточкомъ нѣтъ, счастливый живетъ себѣ, и мелкія житейскія заботы волнуютъ его слегка, какъ вѣтеръ осину — и все обстоитъ благополучно.

— Въ ту ночь мнѣ стало понятно, какъ я тоже былъ доволенъ и счастливъ, — продолжалъ Иванъ Иванычъ, вставая. — Я тоже за обѣдомъ и на охотѣ поучалъ, какъ жить, какъ вѣровать, какъ управлять народомъ. Я тоже говорилъ, что ученье свѣтъ, что образованіе необходимо, но

для простыхъ людей пока довольно одной грамоты. Свобода есть благо, говорилъ я, безъ нея нельзя, какъ безъ воздуха, но надо подождать. Да, я говорилъ такъ, а теперь спрашиваю: во имя чего ждать? — спросилъ Иванъ Иванычъ, сердито глядя на Буркина. — Во имя чего ждать, я васъ спрашиваю? Во имя какихъ соображенiй? Мнѣ говорятъ, что не все сразу, всякая идея осуществляется въ жизни постепенно, въ свое время. Но кто это говоритъ? Гдѣ доказательства, что это справедливо? Вы ссылаетесь на естественный порядокъ вещей, на законность явленiй, но есть ли порядокъ и законность въ томъ, что я, живой, мыслящiй человѣкъ, стою надо рвомъ и жду, когда онъ зарастетъ самъ, или затянетъ его иломъ, въ то время какъ, быть можетъ, я могъ бы перескочить черезъ него или построить черезъ него мостъ? И опять-таки, во имя чего ждать? Ждать, когда нѣтъ силъ жить, а между тѣмъ жить нужно и хочется жить!

Я уѣхалъ тогда отъ брата рано утромъ, и съ тѣхъ поръ для меня стало невыносимо бывать въ городѣ. Меня угнетаютъ тишина и спокойствiе, я боюсь смотрѣть на окна, такъ какъ для меня теперь нѣтъ болѣе тяжелаго зрѣлища, какъ счастливое семейство, сидящее вокругъ стола и пьющее чай. Я уже старъ и не гожусь для борьбы, я неспособенъ даже ненавидѣть. Я только скорблю душевно, раздражаюсь, досадую, по ночамъ у меня горитъ голова отъ наплыва мыслей, и я не могу спать... Ахъ, если бъ я былъ молодъ!

Иванъ Иванычъ прошелся въ волненiи изъ угла въ уголъ и повторилъ:

— Если бъ я былъ молодъ!

Онъ вдругъ подошелъ къ Алехину и сталъ пожимать ему то одну руку, то другую.

— Павелъ Константинычъ, — проговорилъ онъ умоляющимъ голосомъ: — не успокаивайтесь, не давайте усыплять себя! Пока молоды, сильны, бодры, не уставайте дѣлать добро! Счастья нѣтъ и не должно его быть, а если въ жизни есть смыслъ и цѣль, то смыслъ этотъ и цѣль вовсе не въ нашемъ счастьѣ, а въ чемъ-то болѣе разумномъ и великомъ. Дѣлайте добро!

И все это Иванъ Иванычъ проговорилъ съ жалкой, просящею улыбкой, какъ будто просилъ лично для себя.

Потомъ всѣ трое сидѣли въ креслахъ, въ разныхъ концахъ гостиной, и молчали. Разсказъ Ивана Иваныча не удовлетворилъ ни Буркина, ни Алехина. Когда изъ золотыхъ рамъ глядѣли генералы и дамы, которые въ сумеркахъ казались живыми, слушать разсказъ про бѣднягу-чиновника, который ѣлъ крыжовникъ, было скучно. Хотѣлось почему-то говорить и слушать про изящныхъ людей, про женщинъ. И то, что они сидѣли въ гостиной, гдѣ все — и люстра въ чехлѣ, и кресла, и ковры подъ ногами, говорили, что здѣсь когда-то ходили, сидѣли, пили чай вотъ эти самые люди, которые глядѣли теперь изъ рамъ, и то, что здѣсь теперь безшумно ходила красивая Пелагея, — это было лучше всякихъ разсказовъ.

Алехину сильно хотѣлось спать; онъ всталъ по хозяйству рано, въ третьемъ часу утра, и теперь у него слипались глаза, но онъ боялся, какъ бы гости не стали безъ него разсказывать что-нибудь интересное, и не уходилъ. Умно ли,

справедливо ли было то, что только-что говорилъ Иванъ Иванычъ, онъ не вникалъ; гости говорили не о крупѣ, не о сѣнѣ, не о дегтѣ, а о чемъ-то, что не имѣло прямого отношенія къ его жизни, и онъ былъ радъ и хотѣлъ, чтобы они продолжали...

— Однако, пора спать, — сказалъ Буркинъ, подимаясь. — Позвольте пожелать вамъ спокойной ночи.

Алехинъ простился и ушелъ къ себѣ внизъ, а гости остались наверху. Имъ обоимъ отвели на ночь большую комнату, гдѣ стояли двѣ старыя деревянныя кровати съ рѣзными украшеніями и въ углу было распятіе изъ слоновой кости; отъ ихъ постелей, широкихъ, прохладныхъ, которыя постилала красивая Пелагея, пріятно пахло свѣжимъ бѣльемъ.

Иванъ Иванычъ молча раздѣлся и легъ.

— Господи, прости насъ грѣшныхъ! — проговорилъ онъ и укрылся съ головой.

Отъ его трубочки, лежавшей на столѣ, сильно пахло табачнымъ перегаромъ, и Буркинъ долго не спалъ и все никакъ не могъ понять, откуда этотъ тяжелый запахъ.

Дождь стучалъ въ окна всю ночь.

1898.

О любви

На другой день къ завтраку подавали очень вкусные пирожки, раковъ и бараньи котлеты; и пока ѣли, приходилъ наверхъ поваръ Никаноръ справиться, что̀ гости желаютъ къ обѣду. Это былъ человѣкъ средняго роста, съ пухлымъ лицомъ и маленькими глазами, бритый, и, казалось, что усы у него были не бриты, а выщипаны.

Алехинъ разсказалъ, что красивая Пелагея была влюблена въ этого повара. Такъ какъ онъ былъ пьяница и буйнаго нрава, то она не хотѣла за него замужъ, но соглашалась жить такъ. Онъ же былъ очень набоженъ, и религіозныя убѣжденія не позволяли ему жить такъ; онъ требовалъ, чтобы она шла за него, и иначе не хотѣлъ, и бранилъ ее, когда бывалъ пьянъ, и даже билъ. Когда онъ бывалъ пьянъ, она пряталась наверху и рыдала, и тогда Алехинъ и прислуга не уходили изъ дому, чтобы защитить ее въ случаѣ надобности.

Стали говорить о любви.

— Какъ зарождается любовь, — сказалъ Алехинъ, — почему Пелагея не полюбила кого-нибудь другого, болѣе подходящаго къ ней по ея душевнымъ и внѣшнимъ качествамъ, а полюбила именно Никанора, этого мурло̀, — тутъ у насъ всѣ зовутъ его мурло̀мъ, — поскольку въ любви важны вопросы личнаго счастья — все это неизвѣстно и обо всемъ этомъ можно трактовать какъ угодно. До сихъ поръ о любви была

сказана только одна неоспоримая правда, а именно, что «тайна сія велика есть», все же остальное, что писали и говорили о любви, было не рѣшеніемъ, а только постановкой вопросовъ, которые такъ и оставались неразрѣшенными. То объясненіе, которое, казалось бы, годится для одного случая, уже не годится для десяти другихъ, и самое лучшее, по-моему, — это объяснять каждый случай въ отдѣльности, не пытаясь обобщать. Надо, какъ говорятъ доктора, индивидуализировать каждый отдѣльный случай.

— Совершенно вѣрно, — согласился Буркинъ.

— Мы, русскіе, порядочные люди, питаемъ пристрастіе къ этимъ вопросамъ, остающимся безъ разрѣшенія. Обыкновенно любовь поэтизируютъ, украшаютъ ее розами, соловьями, мы же, русскіе, украшаемъ нашу любовь этими роковыми вопросами, и притомъ выбираемъ изъ нихъ самые неинтересные. Въ Москвѣ, когда я еще былъ студентомъ, у меня была подруга жизни, милая дама, которая всякій разъ, когда я держалъ ее въ объятіяхъ, думала о томъ, сколько я буду выдавать ей въ мѣсяцъ и почемъ теперь говядина за фунтъ. Такъ и мы, когда любимъ, то не перестаемъ задавать себѣ вопросы: честно это, или не честно, умно, или глупо, къ чему поведетъ эта любовь и такъ далѣе. Хорошо это, или нѣтъ, я не знаю, но что это мѣшаетъ, не удовлетворяетъ, раздражаетъ — это я знаю.

Было похоже, что онъ хочетъ что-то разсказать. У людей, живущихъ одиноко, всегда бываетъ на душѣ что-нибудь такое, что они охотно бы разсказали. Въ городѣ холостяки нарочно

ходятъ въ баню и въ рестораны, чтобы только поговорить, и иногда разсказываютъ банщикамъ, или офиціантамъ очень интересныя исторіи, въ деревнѣ же обыкновенно они изливаютъ душу передъ своими гостями. Теперь въ окна было видно сѣрое небо и деревья, мокрыя отъ дождя, въ такую погоду некуда было дѣваться и ничего больше не оставалось, какъ только разсказывать и слушать.

— Я живу въ Софьинѣ и занимаюсь хозяйствомъ уже давно, — началъ Алехинъ, — съ тѣхъ поръ, какъ кончилъ въ университетѣ. По воспитанію я бѣлоручка, по наклонностямъ — кабинетный человѣкъ, но на имѣніи, когда я пріѣхалъ сюда, былъ большой долгъ, а такъ какъ отецъ мой задолжалъ отчасти потому, что много тратилъ на мое образованіе, то я рѣшилъ, что не уѣду отсюда и буду работать, пока не уплачу этого долга. Я рѣшилъ такъ и началъ тутъ работать, признаюсь, не безъ нѣкотораго отвращенія. Здѣшняя земля даетъ немного и, чтобы сельское хозяйство было не въ убытокъ, нужно пользоваться трудомъ крѣпостныхъ, или наемныхъ батраковъ, что почти одно и то же, или же вести свое хозяйство на крестьянскій ладъ, то-есть работать въ полѣ самому, со своей семьей. Середины тутъ нѣтъ. Но я тогда не вдавался въ такія тонкости. Я не оставлялъ въ покоѣ ни одного клочка земли, я сгонялъ всѣхъ мужиковъ и бабъ изъ сосѣднихъ деревень, работа у меня тутъ кипѣла неистовая; я самъ тоже пахалъ, сѣялъ, косилъ и при этомъ скучалъ и брезгливо морщился, какъ деревенская кошка, которая съ голоду ѣстъ на огородѣ огурцы; тѣло

мое болѣло, и я спалъ на ходу. Въ первое время мнѣ казалось, что эту рабочую жизнь я могу легко помирить со своими культурными привычками; для этого стоитъ только, думалъ я, держаться въ жизни извѣстнаго внѣшняго порядка. Я поселился тутъ наверху, въ парадныхъ комнатахъ, и завелъ такъ, что послѣ завтрака и обѣда мнѣ подавали кофе съ ликерами и, ложась спать, я читалъ на ночь «Вѣстникъ Европы». Но какъ-то пришелъ нашъ батюшка, отецъ Иванъ, и въ одинъ присѣстъ выпилъ всѣ мои ликеры; и «Вѣстникъ Европы» пошелъ тоже къ поповнамъ, такъ какъ лѣтомъ, особенно во время покоса, я не успѣвалъ добраться до своей постели и засыпалъ въ сараѣ въ саняхъ, или гдѣ-нибудь въ лѣсной сторожкѣ, — какое ужъ тутъ чтеніе? Я мало-по-малу перебрался внизъ, сталъ обѣдать въ людской кухнѣ, и изъ прежней роскоши у меня осталась только вся эта прислуга, которая еще служила моему отцу и которую уволить мнѣ было бы больно.

Въ первые же годы меня здѣсь выбрали въ почетные мировые судьи. Кое-когда приходилось наѣзжать въ городъ и принимать участіе въ засѣданіяхъ съѣзда и окружного суда, и это меня развлекало. Когда поживешь здѣсь безвыѣздно мѣсяца два-три, особенно зимой, то въ концѣ концовъ начинаешь тосковать по черномъ сюртукѣ. А въ окружномъ судѣ были и сюртуки, и мундиры, и фраки, все юристы, люди, получившіе общее образованіе; было съ кѣмъ поговорить. Послѣ спанья въ саняхъ, послѣ людской кухни сидѣть въ креслѣ, въ чистомъ бѣльѣ, въ легкихъ ботинкахъ, съ цѣпью на груди — это такая роскошь!

Въ городѣ меня принимали радушно, я охотно знакомился. И изъ всѣхъ знакомствъ самымъ основательнымъ и, правду сказать, самымъ пріятнымъ для меня было знакомство съ Лугановичемъ, товарищемъ предсѣдателя окружного суда. Его вы знаете оба: милѣйшая личность. Это было какъ разъ послѣ знаменитаго дѣла поджигателей; разбирательство продолжалось два дня, мы были утомлены. Лугановичъ посмотрѣлъ на меня и сказалъ:

— Знаете что? Пойдемте ко мнѣ обѣдать.

Это было неожиданно, такъ какъ съ Лугановичемъ я былъ знакомъ мало, только офиціально, и ни разу у него не былъ. Я только на минутку зашелъ къ себѣ въ номеръ, чтобы переодѣться, и отправился на обѣдъ. И тутъ мнѣ представился случай познакомиться съ Анной Алексѣевной, женой Лугановича. Тогда она была еще очень молода, не старше двадцати двухъ лѣтъ, и за полгода до того у нея родился первый ребенокъ. Дѣло прошлое, и теперь бы я затруднился опредѣлить, что собственно въ ней было такого необыкновеннаго, что мнѣ такъ понравилось въ ней, тогда же за обѣдомъ для меня все было неотразимо ясно; я видѣлъ женщину молодую, прекрасную, добрую, интеллигентную, обаятельную, женщину, какой я раньше никогда не встрѣчалъ; и сразу я почувствовалъ въ ней существо близкое, уже знакомое, точно это лицо, эти привѣтливые, умные глаза я видѣлъ уже когда-то въ дѣтствѣ, въ альбомѣ, который лежалъ на комодѣ у моей матери.

Въ дѣлѣ поджигателей обвинили четырехъ евреевъ, признали шайку и, по-моему, совсѣмъ

неосновательно. За обѣдомъ я очень волновался, мнѣ было тяжело, и ужъ не помню, что я говорилъ, только Анна Алексѣевна все покачивала головой и говорила мужу:

— Дмитрій, какъ же это такъ?

Лугановичъ — это добрякъ, одинъ изъ тѣхъ простодушныхъ людей, которые крѣпко держатся мнѣнія, что разъ человѣкъ попалъ подъ судъ, то, значитъ, онъ виноватъ, и что выражать сомнѣніе въ правильности приговора можно не иначе, какъ въ законномъ порядкѣ, на бумагѣ, но никакъ не за обѣдомъ и не въ частномъ разговорѣ.

— Мы съ вами не поджигали, — говорилъ онъ мягко, — и вотъ насъ же не судятъ, не сажаютъ въ тюрьму.

И оба, мужъ и жена, старались, чтобы я побольше ѣлъ и пилъ; по нѣкоторымъ мелочамъ, по тому, напримѣръ, какъ оба они вмѣстѣ варили кофе, и по тому, какъ они понимали другъ друга съ полусловъ, я могъ заключить, что живутъ они мирно, благополучно и что они рады гостю. Послѣ обѣда играли на роялѣ въ четыре руки, потомъ стало темно, и я уѣхалъ къ себѣ. Это было въ началѣ весны. Затѣмъ все лѣто провелъ я въ Софьинѣ безвыѣздно, и было мнѣ некогда даже подумать о городѣ, но воспоминаніе о стройной бѣлокурой женщинѣ оставалось во мнѣ всѣ дни; я не думалъ о ней, но точно легкая тѣнь ея лежала на моей душѣ.

Позднею осенью въ городѣ былъ спектакль съ благотворительной цѣлью. Вхожу я въ губернаторскую ложу (меня пригласили туда въ антрактѣ), смотрю — рядомъ съ губернаторшей

Анна Алексѣевна, и опять то же самое неотразимое, бьющее впечатлѣніе красоты и милыхъ ласковыхъ глазъ, и опять то же чувство близости.

Мы сидѣли рядомъ, потомъ ходили въ фойэ.

— Вы похудѣли, — сказала она. — Вы были больны?

— Да. У меня простужено плечо и въ дождливую погоду я дурно сплю.

— У васъ вялый видъ. Тогда, весной, когда вы приходили обѣдать, вы были моложе, бодрѣе. Вы тогда были воодушевлены и много говорили, были очень интересны и, признаюсь, я даже увлеклась вами немножко. Почему-то часто въ теченіе лѣта вы приходили мнѣ на память и сегодня, когда я собиралась въ театръ, мнѣ казалось, что я васъ увижу.

И она засмѣялась.

— Но сегодня у васъ вялый видъ, — повторила она. — Это васъ старитъ.

На другой день я завтракалъ у Лугановичей; послѣ завтрака они поѣхали къ себѣ на дачу, чтобы распорядиться тамъ насчетъ зимы, и я съ ними. Съ ними же вернулся въ городъ и въ полночь пилъ у нихъ чай въ тихой, семейной обстановкѣ, когда горѣлъ каминъ и молодая мать все уходила взглянуть, спитъ ли ея дѣвочка. И послѣ этого въ каждый свой пріѣздъ я непремѣнно бывалъ у Лугановичей. Ко мнѣ привыкли, и я привыкъ. Обыкновенно входилъ я безъ доклада, какъ свой человѣкъ.

— Кто тамъ? — слышался изъ дальнихъ комнатъ протяжный голосъ, который казался мнѣ такимъ прекраснымъ.

— Это Павелъ Константинычъ, — отвѣчала горничная или няня.

Анна Алексѣевна выходила ко мнѣ съ озабоченнымъ лицомъ и всякій разъ спрашивала:

— Почему васъ такъ долго не было? Случилось что-нибудь?

Ея взглядъ, изящная, благородная рука, которую она подавала мнѣ, ея домашнее платье, прическа, голосъ, шаги всякій разъ производили на меня все то же впечатлѣніе чего-то новаго, необыкновеннаго въ моей жизни и важнаго. Мы бесѣдовали подолгу и подолгу молчали, думая каждый о своемъ, или же она играла мнѣ на роялѣ. Если же никого не было дома, то я оставался и ждалъ, разговаривалъ съ няней, игралъ съ ребенкомъ, или же въ кабинетѣ лежалъ на турецкомъ диванѣ и читалъ газету, а когда Анна Алексѣевна возвращалась, то я встрѣчалъ ее въ передней, бралъ отъ нея всѣ ея покупки, и почему-то всякій разъ эти покупки я несъ съ такою любовью, съ такимъ торжествомъ, точно мальчикъ.

Есть пословица: не было у бабы хлопотъ, такъ купила порося. Не было у Лугановичей хлопотъ, такъ подружились они со мной. Если я долго не пріѣзжалъ въ городъ, то, значитъ, я былъ боленъ, или что-нибудь случилось со мной, и они оба сильно безпокоились. Они безпокоились, что я, образованный человѣкъ, знающій языки, вмѣсто того, чтобы заниматься наукой или литературнымъ трудомъ, живу въ деревнѣ, верчусь, какъ бѣлка въ колесѣ, много работаю, но всегда безъ гроша. Имъ казалось, что я страдаю и, если я говорю, смѣюсь, ѣмъ, то только

для того, чтобы скрыть свои страданія, и даже въ веселыя минуты, когда мнѣ было хорошо, я чувствовалъ на себѣ ихъ пытливые взгляды. Они были особенно трогательны, когда мнѣ въ самомъ дѣлѣ приходилось тяжело, когда меня притѣснялъ какой-нибудь кредиторъ, или не хватало денегъ для срочнаго платежа; оба, мужъ и жена, шептались у окна, потомъ онъ подходилъ ко мнѣ и съ серьезнымъ лицомъ говорилъ:

— Если вы, Павелъ Константинычъ, въ настоящее время нуждаетесь въ деньгахъ, то я и жена просимъ васъ не стѣсняться и взять у насъ.

И уши краснѣли у него отъ волненія. А случалось, что, точно такъ же, пошептавшись у окна, онъ подходилъ ко мнѣ, съ красными ушами, и говорилъ:

— Я и жена убѣдительно просимъ васъ принять отъ насъ вотъ этотъ подарокъ.

И подавалъ запонки, портсигаръ или лампу; и я за это присылалъ имъ изъ деревни битую птицу, масло и цвѣты. Кстати сказать, оба они были состоятельные люди. Въ первое время я часто бралъ взаймы и былъ не особенно разборчивъ, бралъ, гдѣ только возможно, но никакія силы не заставили бы меня взять у Лугановичей. Да что говорить объ этомъ!

Я былъ несчастливъ. И дома, и въ полѣ, и въ сараѣ я думалъ о ней, я старался понять тайну молодой, красивой, умной женщины, которая выходитъ за неинтереснаго человѣка, почти за старика (мужу было больше сорока лѣтъ), имѣетъ отъ него дѣтей, — понять тайну этого неинтереснаго человѣка, добряка, простяка, который разсуждаетъ съ такимъ скучнымъ здра-

вомысліемъ, на балахъ и вечеринкахъ держится около солидныхъ людей, вялый, ненужный, съ покорнымъ безучастнымъ выраженіемъ, точно его привели сюда продавать, который вѣритъ, однако въ свое право быть счастливымъ, имѣть отъ нея дѣтей; и я все старался понять, почему она встрѣтилась именно ему, а не мнѣ, и для чего это нужно было, чтобы въ нашей жизни произошла такая ужасная ошибка.

А пріѣзжая въ городъ, я всякій разъ по ея глазамъ видѣлъ, что она ждала меня; и она сама признавалась мнѣ, что еще съ утра у нея было какое-то особенное чувство, она угадывала, что я пріѣду. Мы подолгу говорили, молчали, но мы не признавались другъ другу въ нашей любви и скрывали ее робко, ревниво. Мы боялись всего, что могло бы открыть нашу тайну намъ же самимъ. Я любилъ нѣжно, глубоко, но я разсуждалъ, я спрашивалъ себя, къ чему можетъ повести наша любовь, если у насъ не хватитъ силъ бороться съ нею; мнѣ казалось невѣроятнымъ, что эта моя тихая, грустная любовь вдругъ грубо оборветъ счастливое теченіе жизни ея мужа, дѣтей, всего этого дома, гдѣ меня такъ любили и гдѣ мнѣ такъ вѣрили. Честно ли это? Она пошла бы за мной, но куда? Куда бы я могъ увести ее? Другое дѣло, если бы у меня была красивая интересная жизнь, если бъ я, напримѣръ, боролся за освобожденіе родины, или былъ знаменитымъ ученымъ, артистомъ, художникомъ, а то вѣдь изъ одной обычной, будничной обстановки пришлось бы увлечь ее въ другую такую же, или еще болѣе будничную. И какъ бы долго продолжалось наше счастье? Что было бы съ ней въ

случаѣ моей болѣзни, смерти, или, просто, если бы мы разлюбили другъ друга?

И она, повидимому, разсуждала подобнымъ же образомъ. Она думала о мужѣ, о дѣтяхъ, о своей матери, которая любила ея мужа, какъ сына. Если бъ она отдалась своему чувству, то пришлось бы лгать, или говорить правду, а въ ея положеніи то и другое было бы одинаково страшно и неудобно. И ее мучилъ вопросъ: принесетъ ли мнѣ счастье ея любовь, не осложнитъ ли она моей жизни, и безъ того тяжелой, полной всякихъ несчастій? Ей казалось, что она уже недостаточно молода для меня, недостаточно трудолюбива и энергична, чтобы начать новую жизнь, и она часто говорила съ мужемъ о томъ, что мнѣ нужно жениться на умной, достойной дѣвушкѣ, которая была бы хорошей хозяйкой, помощницей, — и тотчасъ же добавляла, что во всемъ городѣ едва ли найдется такая дѣвушка.

Между тѣмъ годы шли. У Анны Алексѣевны было уже двое дѣтей. Когда я приходилъ къ Лугановичамъ, прислуга улыбалась привѣтливо, дѣти кричали, что пришелъ дядя Павелъ Костантинычъ, и вѣшались мнѣ на шею; всѣ радовались. Не понимали, что дѣлалось въ моей душѣ, и думали, что я тоже радуюсь. Всѣ видѣли во мнѣ благородное существо. И взрослые, и дѣти чувствовали, что по комнатѣ ходитъ благородное существо, и это вносило въ ихъ отношенія ко мнѣ какую-то особую прелесть, точно въ моемъ присутствіи и ихъ жизнь была чище и красивѣе. Я и Анна Алексѣевна ходили вмѣстѣ въ театръ, всякій разъ пѣшкомъ; мы сидѣли въ креслахъ

рядомъ, плечи наши касались, я молча бралъ изъ ея рукъ бинокль и въ это время чувствовалъ, что она близка мнѣ, что она моя, что намъ нельзя другъ безъ друга, но, по какому-то странному недоразумѣнію, выйдя изъ театра, мы всякій разъ прощались и расходились, какъ чужіе. Въ городѣ уже говорили о насъ Богъ знаетъ что, но изъ всего, что говорили, не было ни одного слова правды.

Въ послѣдніе годы Анна Алексѣевна стала чаще уѣзжать то къ матери, то къ сестрѣ; у нея уже бывало дурное настроеніе, являлось сознаніе неудовлетворенной, испорченной жизни, когда не хотѣлось видѣть ни мужа, ни дѣтей. Она уже лѣчилась отъ разстройства нервовъ.

Мы молчали и все молчали, а при постороннихъ она испытывала какое-то странное раздраженіе противъ меня; о чемъ бы я ни говорилъ, она не соглашалась со мной, и если я спорилъ, то она принимала сторону моего противника. Когда я ронялъ что-нибудь, то она говорила холодно:

— Поздравляю васъ.

Если, идя съ ней въ театръ, я забывалъ взять бинокль, то потомъ она говорила:

— Я такъ и знала, что вы забудете.

Къ счастью, или къ несчастью, въ нашей жизни не бываетъ ничего, что не кончалось бы рано или поздно. Наступило время разлуки, такъ какъ Лугановича назначили предсѣдателемъ въ одной изъ западныхъ губерній. Нужно было продавать мебель, лошадей, дачу. Когда ѣздили на дачу и потомъ возвращались и оглядывались, чтобы въ послѣдній разъ взглянуть на садъ, на

зеленую крышу, то было всѣмъ грустно, и я понималъ, что пришла пора прощаться не съ одной только дачей. Было рѣшено, что въ концѣ августа мы проводимъ Анну Алексѣевну въ Крымъ, куда посылали ее доктора, а немного погодя уѣдетъ Лугановичъ съ дѣтьми въ свою западную губернію.

Мы провожали Анну Алексѣевну большой толпой. Когда она уже простилась съ мужемъ и дѣтьми и до третьяго звонка оставалось одно мгновеніе, я вбѣжалъ къ ней въ купэ, чтобы положить на полку одну изъ ея корзинокъ, которую она едва не забыла; и нужно было проститься. Когда тутъ, въ купэ, взгляды наши встрѣтились, душевныя силы оставили насъ обоихъ, я обнялъ ее, она прижалась лицомъ къ моей груди, и слезы потекли изъ глазъ; цѣлуя ея лицо, плечи, руки, мокрыя отъ слезъ, — о, какъ мы были съ ней несчастны! — я признался ей въ своей любви, и со жгучей болью въ сердцѣ я понялъ, какъ ненужно, мелко и какъ обманчиво было все то, что намъ мѣшало любить. Я понялъ, что когда любишь, то въ своихъ разсужденіяхъ объ этой любви нужно исходить отъ высшаго, отъ болѣе важнаго, чѣмъ счастье или несчастье, грѣхъ или добродѣтель въ ихъ ходячемъ смыслѣ, или не нужно разсуждать вовсе.

Я поцѣловалъ въ послѣдній разъ, пожалъ руку, и мы разстались — навсегда. Поѣздъ уже шелъ. Я сѣлъ въ сосѣднемъ купэ, — оно было пусто, — и до первой станціи сидѣлъ тутъ и плакалъ. Потомъ пошелъ къ себѣ въ Софьино пѣшкомъ...

Пока Алехинъ разсказывалъ, дождь пере-

сталъ и выглянуло солнце. Буркинъ и Иванъ Иванычъ вышли на балконъ; отсюда былъ прекрасный видъ на садъ и на плесъ, который теперь на солнцѣ блестѣлъ, какъ зеркало. Они любовались и въ то же время жалѣли, что этотъ человѣкъ съ добрыми, умными глазами, который разсказывалъ имъ съ такимъ чистосердечіемъ, въ самомъ дѣлѣ вертѣлся здѣсь, въ этомъ громадномъ имѣніи, какъ бѣлка въ колесѣ, а не занимался наукой, или чѣмъ-нибудь другимъ, что дѣлало бы его жизнь болѣе пріятной; и они думали о томъ, какое, должно быть, скорбное лицо было молодой дамы, когда онъ прощался съ ней въ купэ и цѣловалъ ей лицо и плечи. Оба они встрѣчали ее въ городѣ, а Буркинъ былъ даже знакомъ съ ней и находилъ ее красивой.

1898.

Новая дача

I

Въ трехъ верстахъ отъ деревни Обручановой строился громадный мостъ. Изъ деревни, стоявшей высоко на крутомъ берегу, былъ виденъ его рѣшетчатый остовъ, и въ туманную погоду и въ тихіе зимніе дни, когда его тонкія желѣзныя стропила и всѣ лѣса кругомъ были покрыты инеемъ, онъ представлялъ живописную и даже фантастическую картину. Черезъ деревню проѣзжалъ иногда на бѣговыхъ дрожкахъ или въ коляскѣ инженеръ Кучеровъ, строитель моста, полный, плечистый, бородатый мужчина въ мягкой, помятой фуражкѣ; иногда въ праздники приходили босяки, работавшіе на мосту; они просили милостыню, смѣялись надъ бабами и, случалось, уносили что-нибудь. Но это бывало рѣдко; обыкновенно же дни проходили тихо и спокойно, какъ будто постройки не было вовсе, и только по вечерамъ, когда около моста свѣтились костры, вѣтеръ слабо доносилъ пѣсню босяковъ. И днемъ иногда слышался печальный металлическій звукъ: дон... дон... дон...

Какъ-то къ инженеру Кучерову пріѣхала его жена. Ей понравились берега рѣки и роскошный видъ на зеленую долину съ деревушками, церквами, стадами, и она стала просить мужа, чтобы онъ купилъ небольшой участокъ земли и выстроилъ здѣсь дачу. Мужъ послушался. Купили двадцать десятинъ земли, и на высокомъ берегу,

на полянкѣ, гдѣ раньше бродили обручановскія коровы, построили красивый двухъэтажный домъ съ террасой, съ балконами, съ башней и со шпилемъ, на которомъ по воскресеньямъ взвивался флагъ, — построили въ какіе-нибудь три мѣсяца и потомъ всю зиму сажали большія деревья, и когда наступила весна и все зазеленѣло кругомъ, въ новой усадьбѣ были уже аллеи, садовникъ и двое рабочихъ въ бѣлыхъ фартукахъ копались около дома, билъ фонтанчикъ и зеркальный шаръ горѣлъ такъ ярко, что было больно смотрѣть. И уже было названіе у этой усадьбы: Новая дача.

Въ ясное, теплое утро, въ концѣ мая, въ Обручаново къ здѣшнему кузнецу Родіону Петрову привели перековывать двухъ лошадей. Это изъ Новой дачи. Лошади были бѣлыя, какъ снѣгъ, стройныя, сытыя и поразительно похожія одна на другую.

— Чистые лебеди! — проговорилъ Родіонъ, глядя на нихъ съ благоговѣніемъ.

Его жена Степанида, дѣти и внуки вышли на улицу, чтобы посмотрѣть. Мало-по-малу собралась толпа. Подошли Лычковы, отецъ и сынъ, оба безбородые съ рожденія, съ опухшими лицами и безъ шапокъ. Подошелъ и Козовъ, высокій худой старикъ съ длинной узкой бородой, съ палкой крючкомъ; онъ все подмигивалъ своими хитрыми глазами и насмѣшливо улыбался, какъ будто зналъ что-то.

— Только-что бѣлыя, а что въ нихъ? — сказалъ онъ. — Поставь моихъ на овесъ, такія же будутъ гладкія. Въ соху бы ихъ да кнутомъ...

Кучеръ только посмотрѣлъ на него съ презрѣніемъ, но не сказалъ ни слова. И пока по-

томъ въ кузницѣ разводили огонь, кучеръ разсказывалъ, покуривая папиросы. Мужики узнали отъ него много подробностей: господа у него богатые; барыня Елена Ивановна раньше, до замужества, жила въ Москвѣ бѣдно, въ гувернанткахъ; она добрая, жалостливая и любитъ помогать бѣднымъ. Въ новомъ имѣніи, разсказывалъ онъ, не будутъ ни пахать, ни сѣять, а будутъ только жить въ свое удовольствіе, жить только для того, чтобы дышать чистымъ воздухомъ. Когда онъ кончилъ и повелъ лошадей назадъ, за нимъ шла толпа мальчишекъ, лаяли собаки, и Козовъ, глядя вслѣдъ, насмѣшливо подмигивалъ.

— То-оже помѣщики! — говорилъ онъ. — Домъ построили, лошадей завели, а самимъ небось ѣсть нечего. То-оже помѣщики!

Козовъ какъ-то сразу возненавидѣлъ и новую усадьбу, и бѣлыхъ лошадей, и сытаго красиваго кучера. Это былъ человѣкъ одинокій, вдовецъ; жилъ онъ скучно (работать ему мѣшала какая-то болѣзнь, которую онъ называлъ то грызью, то глистами), деньги на пропитаніе получалъ отъ сына, служившаго въ Харьковѣ въ кондитерской, и съ ранняго утра до вечера праздно бродилъ по берегу или по деревнѣ, и если видѣлъ, напримѣръ, что мужикъ везетъ бревно или удитъ рыбу, то говорилъ: «это бревно изъ сухостоя, трухлявое», или «въ такую погоду не будетъ клевать». Въ засуху онъ говорилъ, что дождей не будетъ до самыхъ морозовъ, а когда шли дожди, то говорилъ, что теперь все погніетъ въ полѣ, все пропало. И при этомъ все подмигивалъ, какъ будто зналъ что-то.

Въ усадьбѣ по вечерамъ жгли бенгальскіе огни и ракеты, и мимо Обручанова проходила на парусахъ лодка съ красными фонариками. Однажды утромъ пріѣхала на деревню жена инженера Елена Ивановна съ маленькой дочерью въ коляскѣ съ желтыми колесами, на парѣ темно-гнѣдыхъ пони; обѣ, мать и дочь, были въ соломенныхъ шляпахъ съ широкими полями, пригнутыми къ ушамъ.

Это было какъ разъ въ навозницу, и кузнецъ Родіонъ, высокій, тощій старикъ, безъ шапки, босой, съ вилами черезъ плечо, стоялъ около своей грязной, безобразной телѣги и, оторопѣвъ, смотрѣлъ на пони, и видно было по его лицу, что онъ раньше никогда не видѣлъ такихъ маленькихъ лошадей.

— Кучериха пріѣхала! — слышался кругомъ шопотъ. — Гляди, Кучериха пріѣхала!

Елена Ивановна посматривала на избы, какъ бы выбирая, потомъ остановила лошадей около самой бѣдной избы, гдѣ въ окнахъ было столько дѣтскихъ головъ — бѣлокурыхъ, темныхъ, рыжихъ. Степанида, жена Родіона, полная старуха, выбѣжала изъ избы, платокъ у нея сползъ съ сѣдой головы, она смотрѣла на коляску противъ солнца, и лицо у нея улыбалось и морщилось, точно она была слѣпая.

— Это твоимъ дѣтямъ, — сказала Елена Ивановна и подала ей три рубля.

Степанида вдругъ заплакала и поклонилась въ землю; Родіонъ тоже повалился, показывая свою широкую, коричневую лысину, и при этомъ едва не зацѣпилъ вилами свою жену за бокъ. Елена Ивановна сконфузилась и поѣхала назадъ.

II

Лычковы, отецъ и сынъ, захватили у себя на лугу двухъ рабочихъ лошадей, одного пони и мордатаго альгаузскаго бычка и вмѣстѣ съ рыжимъ Володькой, сыномъ кузнеца Родіона, пригнали въ деревню. Позвали старосту, набрали понятыхъ и пошли смотрѣть на потраву.

— Ладно, пускай! — говорилъ Козовъ, подмигивая. — Пуска-ай! Пускай теперь повертятся, инженеры-то. Суда нѣтъ, думаешь? Ладно! За урядникомъ послать, актъ составить!..

— Актъ составить! — повторилъ Володька.

— Этого такъ оставить я не желаю! — кричалъ Лычковъ-сынъ, кричалъ все громче и громче, и отъ этого, казалось, его безбородое лицо распухало все больше. — Моду какую взяли! Дай имъ волю, такъ они всѣ луга потравятъ! Не имѣете полнаго права обижать народъ! Крѣпостныхъ теперь нѣту!

— Крѣпостныхъ теперь нѣту! — повторилъ Володька.

— Жили мы безъ моста, — проговорилъ Лычковъ-отецъ мрачно: — не просили, зачѣмъ намъ мостъ? Не желаемъ!

— Братцы, православные! Этого такъ оставить нельзя!

— Ладно, пуска-ай! — подмигивалъ Козовъ. — Пускай теперь повертятся! То-оже помѣщики!

Повернули назадъ въ деревню и, пока шли, Лычковъ-сынъ все время билъ себя кулакомъ по груди и кричалъ, и Володька тоже кричалъ, повторяя его слова. А въ деревнѣ между тѣмъ около породистаго бычка и лошадей собралась цѣлая

толпа. Бычокъ былъ сконфуженъ и глядѣлъ исподлобья, но вдругъ опустилъ морду къ землѣ и побѣжалъ, выбрыкивая задними ногами; Козовъ испугался и замахалъ на него палкой, и всѣ захохотали. Потомъ скотину заперли и стали ждать.

Вечеромъ инженеръ прислалъ за потраву пять рублей, и обѣ лошади, пони и бычокъ, не кормленные и не поенные, возвращались домой, понуривъ головы, какъ виноватые, точно ихъ вели на казнь.

Получивъ пять рублей, Лычковы, отецъ и сынъ, староста и Володька переплыли на лодкѣ рѣку и отправились на ту сторону въ село Кряково, гдѣ былъ кабакъ, и долго тамъ гуляли. Было слышно, какъ они пѣли и какъ кричалъ молодой Лычковъ. Въ деревнѣ бабы не спали всю ночь и безпокоились. Родiонъ тоже не спалъ.

— Нехорошее дѣло, — говорилъ онъ, ворочаясь съ боку на бокъ и вздыхая. — Осерчаетъ баринъ, тягайся потомъ... Обидѣли барина... охъ, обидѣли, нехорошо...

Какъ-то мужики, и Родiонъ въ ихъ числѣ, ходили въ свой лѣсъ дѣлить покосъ, и когда возвращались домой, имъ встрѣтился инженеръ. Онъ былъ въ красной кумачовой рубахѣ и въ высокихъ сапогахъ; за нимъ слѣдомъ, высунувъ длинный языкъ, шла лягавая собака.

— Здравствуйте, братцы! — сказалъ онъ.

Мужики остановились и поснимали шапки.

— Я давно уже хочу поговорить съ вами, братцы, — продолжалъ онъ. — Дѣло вотъ въ чемъ. Съ самой ранней весны каждый день у меня въ саду и въ лѣсу бываетъ ваше стадо.

Все вытоптано, свиньи изрыли лугъ, портятъ въ огородѣ, а въ лѣсу пропалъ весь молоднякъ. Сладу нѣтъ съ вашими пастухами; ихъ просишь, а они грубятъ. Каждый день у меня потрава, и я ничего, я не штрафую васъ, не жалуюсь, между тѣмъ вы загнали моихъ лошадей и бычка, взяли пять рублей. Хорошо ли это? Развѣ это по-сосѣдски? — продолжалъ онъ, и голосъ у него былъ такой мягкій, убѣдительный и взглядъ не суровый. — Развѣ такъ поступаютъ порядочные люди? Недѣлю назадъ кто-то изъ вашихъ срубилъ у меня въ лѣсу два дубка. Вы перекопали дорогу въ Ересневo, и теперь мнѣ приходится дѣлать три версты кругу. За что же вы вредите мнѣ на каждомъ шагу? Что я сдѣлалъ вамъ дурного, скажите Бога ради? Я и жена изъ всѣхъ силъ стараемся жить съ вами въ мирѣ и согласіи, мы помогаемъ крестьянамъ, какъ можемъ. Жена моя добрая, сердечная женщина, она не отказываетъ въ помощи, это ея мечта быть полезной вамъ и вашимъ дѣтямъ. Вы же за добро платите намъ зломъ. Вы несправедливы, братцы. Подумайте объ этомъ. Убѣдительно прошу васъ, подумайте. Мы относимся къ вамъ по-человѣчески, платите и вы намъ тою же монетою.

Повернулся и ушелъ. Мужики постояли еще немного, надѣли шапки и пошли. Родіонъ, который понималъ то, что ему говорили, не такъ какъ нужно, а всегда какъ-то посвоему, вздохнулъ и сказалъ:

— Платитъ надо. Платите, говоритъ, братцы, монетой...

До деревни дошли молча. Придя домой, Ро-

діонъ помолился, разулся и сѣлъ на лавку рядомъ съ женой. Онъ и Степанида, когда были дома, всегда сидѣли рядомъ и по улицѣ всегда ходили рядомъ, ѣли, пили и спали всегда вмѣстѣ, и чѣмъ старше становились, тѣмъ сильнѣе любили другъ друга. Въ избѣ у нихъ было тѣсно, жарко, и вездѣ были дѣти — на полу, на окнахъ, на печкѣ... Степанида, несмотря на пожилые годы, еще рожала, и теперь, глядя на кучу дѣтей, трудно было разобрать, гдѣ Родіоновы и гдѣ Володькины. Жена Володьки — Лукерья, молодая, некрасивая баба съ глазами на выкатѣ и съ птичьимъ носомъ, мѣсила въ кадкѣ тѣсто; самъ Володька сидѣлъ на печи, свѣсивъ ноги.

— По дорогѣ, около Никитовой гречи, того... инженеръ съ собачкой... — началъ Родіонъ, отдохнувъ, почесывая себѣ бока и локти. — Платить, говоритъ, надо... Монетой, говоритъ... Монетой не монетой, а ужъ по гривеннику со двора надо бы. Ужъ очень обижаемъ барина. Жалко мнѣ...

— Жили мы безъ моста, — сказалъ Володька, ни на кого не глядя: — и не желаемъ.

— Чего тамъ! Мостъ казенный.

— Не желаемъ.

— Тебя и не спросятъ. Чего ты!

— «Не спросять»... — передразнилъ Володька. — Намъ ѣздить некуда, на что намъ мостъ? Нужно, такъ и на лодкѣ переплывемъ.

Кто-то со двора постучалъ въ окно такъ сильно, что, казалось, задрожала вся изба.

— Володька дома? — послышался голосъ Лычкова-сына. — Володька, выходи, пойдемъ!

Володька прыгнулъ съ печки и сталъ искать свою фуражку.

— Не ходи, Володя, — проговорилъ Родіонъ несмѣло. — Не ходи съ ними, сынокъ. Ты у насъ глупый, словно ребенокъ малый, а они тебя добру не научатъ. Не ходи!

— Не ходи, сынокъ! — попросила Степанида и заморгала глазами, собираясь заплакать. — Небось, въ кабакъ зовутъ.

— «Въ кабакъ»... — передразнилъ Володька.

— Опять пьяный вернешься, иродъ собачій! — сказала Лукерья, глядя на него со злобой. — Иди, иди и чтобъ ты сгорѣлъ отъ водки, сатана безхвостая!

— Ну, ты молчи! — крикнулъ Володька.

— Выдали меня за дурака, сгубили меня сироту несчастную, пьяница рыжій... — заголосила Лукерья, утирая лицо рукой, которая была вся въ тѣстѣ. — Глаза бы мои тебя не глядѣли!

Володька ударилъ ее по уху и вышелъ.

III

Елена Ивановна и ея маленькая дочь пришли въ деревню пѣшкомъ. Онѣ прогуливались. Какъ разъ было воскресенье, и на улицу повыходили бабы и дѣвушки въ своихъ яркихъ платьяхъ. Родіонъ и Степанида, сидѣвшіе на крыльцѣ рядышкомъ, кланялись и улыбались Еленѣ Ивановнѣ и ея дѣвочкѣ, уже какъ знакомымъ. И изъ оконъ смотрѣло на нихъ больше десятка дѣтей; лица выражали недоумѣніе и любопытство, слышался шопотъ:

— Кучериха пришла! Кучериха!

— Здравствуйте, — сказала Елена Ивановна и остановилась; она помолчала и спросила: — Ну какъ поживаете?

— Живемъ ничего, благодарить Бога, — отвѣтилъ Родіонъ скороговоркой. — Извѣстно, живемъ.

— Какая наша жизнь! — усмѣхнулась Степанида. — Сами видите, барыня, голубушка, бѣдность! Всего семейства четырнадцать душъ, а добытчиковъ двое. Одно званіе — кузнецы, а приведутъ лошадь ковать, угля нѣтъ, купить не на что. Замучилась, барыня, — продолжала она и засмѣялась: — и-ихъ какъ замучилась!

Елена Ивановна сѣла на крыльцѣ и, обнявъ свою дѣвочку, задумалась о чемъ-то, и у дѣвочки тоже, судя по ея лицу, бродили въ головѣ какія-то невеселыя мысли; въ раздумьѣ она играла нарядным зонтикомъ, который взяла изъ рукъ у матери.

— Бѣдность! — сказалъ Родіонъ. — Заботы много, работаемъ — конца краю не видать. Вотъ дождя Богъ не даетъ... Неладно живемъ, что говорить.

— Въ этой жизни вамъ тяжело, — сказала Елена Ивановна: — зато на томъ свѣтѣ вы будете счастливы.

Родіонъ не понялъ ея и въ отвѣтъ только кашлянулъ въ кулакъ. А Степанида сказала:

— Барыня, голубушка, богатому и на томъ свѣтѣ ладно. Богатый свѣчи ставитъ, молебны служитъ, богатый нищимъ подаетъ, а мужикъ что? Лба перекрестить некогда, самъ нищій-раз-

нищій, ужъ гдѣ тамъ спасаться. И грѣховъ много отъ бѣдности, да съ горя все какъ псы лаемся, хорошаго слова не скажемъ, и чего не бываетъ, барыня-голубушка, — не дай Богъ! Должно, нѣтъ намъ счастья ни на томъ, ни на этомъ свѣтѣ. Все счастье богатымъ досталось.

Она говорила весело; очевидно, давно уже привыкла говорить о своей тяжелой жизни. И Родіонъ тоже улыбался; ему было пріятно, что у него старуха такая умная, словоохотливая.

— Это только такъ кажется, что богатымъ легко, — сказала Елена Ивановна. — У каждаго человѣка свое горе. Вотъ мы, я и мой мужъ, живемъ не бѣдно, у насъ есть средства, но развѣ мы счастливы? Я еще молода, но у меня уже четверо дѣтей; дѣти все болѣютъ, я тоже больна, постоянно лѣчусь.

— А какая въ тебѣ болѣзнь? — спросилъ Родіонъ.

— Женская. У меня нѣтъ сна, не даютъ покою головныя боли. Я вотъ сижу, говорю, а въ головѣ нехорошо, слабость во всемъ тѣлѣ, и я согласна, пусть лучше самый тяжелый трудъ, чѣмъ такое состояніе. И душа тоже непокойна. Постоянно боишься за дѣтей, за мужа. У каждой семьи есть свое какое-нибудь горе, есть оно и у насъ. Я не дворянка. Дѣдъ мой былъ простой крестьянинъ, отецъ торговалъ въ Москвѣ и тоже былъ простой человѣкъ. А у моего мужа родители знатные и богатые. Они не хотѣли, чтобы онъ женился на мнѣ, но онъ ослушался, поссорился съ ними, и вотъ они до сихъ поръ не прощаютъ насъ. Это безпокоитъ мужа, волнуетъ, держитъ въ постоянной тревогѣ; онъ любитъ

свою мать, очень любитъ. Ну, я и безпокоюсь. Душа болитъ.

Около избы Родіона уже стояли мужики и бабы и слушали. Подошелъ и Козовъ и остановился, потряхивая своей длинной, узкой бородкой. Подошли Лычковы, отецъ и сынъ.

— И то сказать, нельзя быть счастливымъ и довольнымъ, если не чувствуешь себя на своемъ мѣстѣ, — продолжала Елена Ивановна. — Каждый изъ васъ имѣетъ свою полосу, каждый изъ васъ трудится и знаетъ, для чего трудится; мужъ мой строитъ мосты, однимъ словомъ, у каждаго свое мѣсто. А я? Я только хожу. Полосы у меня своей нѣтъ, я не тружусь и чувствую себя какъ чужая. Все это я говорю, чтобы вы не судили по наружному виду; если человѣкъ одѣтъ богато и имѣетъ средства, то это еще не значитъ, что онъ доволенъ своей жизнью.

Она встала, чтобы уходить и взяла за руку дочь.

— Мнѣ у васъ здѣсь очень нравится, — сказала она и улыбнулась, и по этой слабой, несмѣлой улыбкѣ можно было судить, какъ она въ самомъ дѣлѣ нездорова, какъ еще молода и какъ хороша собой; у нея было блѣдное, худощавое лицо съ темными бровями и бѣлокурые волосы. И дѣвочка была такая же, какъ мать, худощавая, бѣлокурая и тонкая. Пахло отъ нихъ духами.

— И рѣка нравится, и лѣсъ, и деревня... — продолжала Елена Ивановна. — Я могла бы прожить тутъ всю жизнь и мнѣ кажется, здѣсь бы я выздоровѣла и нашла свое мѣсто. Мнѣ хочется, страстно хочется помогать вамъ, быть вамъ по-

лезной, близкой. Я знаю вашу нужду, а то, чего не знаю, чувствую, угадываю сердцемъ. Я больна, слаба, и для меня, пожалуй, уже невозможно измѣнить свою жизнь, какъ я хотѣла бы. Но у меня есть дѣти, я постараюсь воспитать ихъ такъ, чтобы они привыкли къ вамъ, полюбили васъ. Я буду внушать имъ постоянно, что ихъ жизнь принадлежитъ не имъ самимъ, а вамъ. Только прошу васъ убѣдительно, умоляю, довѣряйте намъ, живите съ нами въ дружбѣ. Мой мужъ добрый, хорошій человѣкъ. Не волнуйте, не раздражайте его. Онъ чутокъ ко всякой мелочи, а вчера, напримѣръ, ваше стадо было у насъ въ огородѣ, и кто-то изъ вашихъ сломалъ плетень у насъ на пасѣкѣ, и такое отношеніе къ намъ приводитъ мужа въ отчаяніе. Прошу васъ, — продолжала она умоляющимъ голосомъ и сложила руки на груди: — прошу, относитесь къ намъ какъ добрые сосѣди, будемъ жить въ мирѣ! Сказано вѣдь, худой миръ лучше доброй ссоры, и не купи имѣніе, а купи сосѣда. Повторяю, мой мужъ добрый человѣкъ, хорошій; если все будетъ благополучно, то мы, обѣщаю вамъ, сдѣлаемъ все, что̀ въ нашихъ силахъ; мы починимъ дороги; мы построимъ вашимъ дѣтямъ школу. Обѣщаю вамъ.

— Оно, конечно, благодаримъ покорно, барыня, — сказалъ Лычковъ-отецъ, глядя въ землю: — вы образованные, вамъ лучше знать. А только вотъ въ Ересневѣ Вороновъ, богатый мужикъ, значитъ, обѣщалъ выстроить школу, тоже говорилъ — я вамъ да я вамъ, и поставилъ только срубъ да отказался, а мужиковъ потомъ заставили крышу класть и кончать, тысяча

рублей пошла. Воронову-то ничего, онъ только бороду гладитъ, а мужичкамъ оно какъ будто обидно.

— То былъ воронъ, а теперь грачъ налетѣлъ, — сказалъ Козовъ и подмигнулъ.

Послышался смѣхъ.

— Не надо намъ школы, — проговорилъ Володька угрюмо. — Наши ребята ходятъ въ Петровское и пускай. Не желаемъ.

Елена Ивановна какъ-то оробѣла вдругъ. Она поблѣднѣла, осунулась, вся сжалась, точно къ ней прикоснулись чѣмъ-то грубымъ, и пошла, не сказавъ больше ни слова. И шла все быстрѣй и быстрѣй, не оглядываясь.

— Барыня! — позвалъ Родіонъ, идя за ней. — Барыня, погоди-ка, что я тебѣ скажу.

Онъ шелъ за ней слѣдомъ, безъ шапки, и говорилъ тихо, какъ будто просилъ милостыню.

— Барыня! Погоди, что я тебѣ скажу.

Вышли изъ деревни, и Елена Ивановна остановилась въ тѣни старой рябины, около чьей-то телѣги.

— Не обижайся, барыня, — сказалъ Родіонъ. — Чего тамъ! Ты потерпи. Года два потерпи. Поживешь тутъ, потерпишь, и все обойдется. Народъ у насъ хорошій, смирный... народъ ничего, какъ передъ Истиннымъ тебѣ говорю. На Козова, да на Лычковыхъ не гляди, и на Володьку не гляди, онъ у меня дурачокъ: кто первый сказалъ, того и слушаетъ. Прочіе народъ смирный, молчатъ... Иной, знаешь, радъ бы слово сказать по совѣсти, вступиться, значитъ, да не можетъ. И душа есть, и совѣсть есть, да языка въ немъ нѣтъ. Не обижайся... потерпи... Чего тамъ!

Елена Ивановна смотрѣла на широкую спокойную рѣку, о чемъ-то думала, и слезы текли у нея по щекамъ. И Родіона смущали эти слезы, онъ самъ едва не плакалъ.

— Ты ничего... — бормоталъ онъ. — Потерпи годика два. И школу можно, и дороги можно, а только не сразу... Хочешь, скажемъ къ примѣру, посѣять на этомъ бугрѣ хлѣбъ, такъ сначала выкорчуй, выбери камни всѣ, да потомъ вспаши, ходи да ходи... И съ народомъ, значитъ, такъ... ходи да ходи, пока не осилишь.

Отъ избы Родіона отдѣлилась толпа и пошла по улицѣ въ эту сторону къ рябинѣ. Запѣли пѣсню, заиграла гармоника. И подходили все ближе и ближе...

— Мама, уѣдемъ отсюда! — сказала дѣвочка, блѣдная, прижимаясь къ матери и дрожа всѣмъ тѣломъ. — Уѣдемъ, мама!

— Куда?

— Въ Москву... Уѣдемъ, мама!

Дѣвочка заплакала. Родіонъ совсѣмъ смутился, лицо у него сильно вспотѣло. Онъ вынулъ изъ кармана огурецъ, маленькій, кривой, какъ полумѣсяцъ, весь въ ржаныхъ крошкахъ, и сталъ совать его дѣвочкѣ въ руки.

— Ну, ну... — забормоталъ онъ, хмурясь сурово. — Возь-ми-ка-сь огурчика, покушай... Плакать не годится, маменька прибьетъ... дома отцу пожалится... Ну, ну...

Онѣ пошли дальше, а онъ все шелъ позади нихъ, желая сказать имъ что-нибудь ласковое и убѣдительное. И видя, что обѣ онѣ заняты своими мыслями и своимъ горемъ и не замѣчаютъ

его, онъ остановился и, заслоняя глаза отъ солнца, смотрѣлъ имъ вслѣдъ долго, пока онѣ не скрылись въ своемъ лѣсу.

IV

Инженеръ, повидимому, сталъ раздражителенъ, мелоченъ и въ каждомъ пустякѣ уже видѣлъ кражу или покушеніе. Ворота у него были на запорѣ даже днемъ, а ночью въ саду ходили два сторожа и стучали въ доску, и уже изъ Обручанова никого не брали на поденную. Какъ нарочно кто-то (изъ мужиковъ или босяковъ — неизвѣстно) снялъ съ телѣги новыя колеса и обмѣнилъ ихъ на старыя, потомъ, немного погодя, унесли двѣ уздечки и клещи, и даже въ деревнѣ начался ропотъ. Стали говорить, что надо бы сдѣлать обыскъ у Лычковыхъ и у Володьки, и тогда клещи и уздечки нашлись у инженера въ саду подъ заборомъ: кто-то подбросилъ.

Какъ-то шли толпой изъ лѣса, и опять по дорогѣ встрѣтился инженеръ. Онъ остановился и, не поздоровавшись, глядя сердито то на одного, то на другого, началъ:

— Я просилъ не собирать грибовъ у меня въ паркѣ и около двора, оставлять моей женѣ и дѣтямъ, но ваши дѣвушки приходятъ чуть свѣтъ, и потомъ не остается ни одного гриба. Проси васъ или не проси, — это все равно. Просьба, и ласки, и убѣжденіе, вижу, все безполезно.

Онъ остановилъ свой негодующій взглядъ на Родіонѣ и продолжалъ:

— Я и жена относились къ вамъ, какъ къ людямъ, какъ къ равнымъ, а вы? Э, да что го-

ворить! Кончится, вѣроятно, тѣмъ, что мы будемъ васъ презирать. Больше ничего не остается!

И, сдѣлавъ надъ собой усиліе, сдерживая свой гнѣвъ, чтобы не сказать еще чего-нибудь лишняго, онъ повернулъ и пошелъ дальше.

Придя домой, Родіонъ помолился, разулся и сѣлъ на лавку рядомъ съ женой.

— Да... — началъ онъ, отдохнувъ. — Идемъ сейчасъ, а баринъ Кучеровъ навстрѣчу... Да... дѣвокъ чуть свѣтъ видѣлъ... Отчего, говоритъ, грибовъ не несутъ... женѣ, говоритъ, и дѣтямъ. А потомъ глядитъ на меня и говоритъ: я, говоритъ, съ женой тебя призирать буду. Хотѣлъ я ему въ ноги поклониться, да сробѣлъ... Дай Богъ здоровья... Пошли имъ, Господи...

Степанида перекрестилась и вздохнула.

— Господа добрые, простоватые... — продолжалъ Родіонъ. — «Призирать будемъ...» — при всѣхъ обѣщалъ. На старости лѣтъ и... оно бы ничего... Вѣчно бы за нихъ Бога молилъ... Пошли, Царица небесная...

На Воздвиженье, 14 сентября, былъ храмовой праздникъ. Лычковы, отецъ и сынъ, еще съ утра уѣзжали на ту сторону и вернулись къ обѣду пьяные; они ходили долго по деревнѣ, то пѣли, то бранились нехорошими словами, потомъ подрались и пошли въ усадьбу жаловаться. Сначала вошелъ во дворъ Лычковъ отецъ съ длинной осиновой палкой въ рукахъ; онъ нерѣшительно остановился и снялъ шапку. Какъ разъ въ это время на террасѣ сидѣлъ инженеръ съ семьей и пилъ чай.

— Что тебѣ? — крикнулъ инженеръ.

— Ваше высокоблагородіе, баринъ... — началъ Лычковъ и заплакалъ. — Явите Божескую милость, вступитесь... Житья нѣтъ отъ сына... Разорилъ сынъ, дерется... ваше высокоблагородіе...

Вошелъ и Лычковъ-сынъ, безъ шапки, тоже съ палкой; онъ остановился и вперилъ пьяный, безсмысленный взглядъ на террасу.

— Не мое дѣло разбирать васъ, — сказалъ инженеръ. — Ступай къ земскому или къ становому.

— Я вездѣ былъ... прошеніе подавалъ... — проговорилъ Лычковъ-отецъ и зарыдалъ. — Куда мнѣ теперь идти? Значитъ, онъ меня теперь убить можетъ? Онъ, значитъ, все можетъ? Это отца-то? Отца?

Онъ поднялъ палку и ударилъ ею сына по головѣ; тотъ поднялъ свою палку и ударилъ старика прямо по лысинѣ, такъ что палка даже подскочила. Лычковъ-отецъ даже не покачнулся и опять ударилъ сына, и опять по головѣ. И такъ стояли и все стукали другъ друга по головамъ, и это было похоже не на драку, а скорѣе на какую-то игру. А за воротами толпились мужики и бабы и молча смотрѣли во дворъ, и лица у всѣхъ были серьезныя. Это пришли мужики, чтобы поздравить съ праздникомъ, но, увидѣвъ Лычковыхъ, посовѣстились и не вошли во дворъ.

На другой день утромъ Елена Ивановна уѣхала съ дѣтьми въ Москву. И пошелъ слухъ, что инженеръ продаетъ свою усадьбу...

V

Къ мосту давно пригляделись, и уже трудно было представить себѣ рѣку на этомъ мѣстѣ безъ моста. Кучи мусора, оставшіяся съ постройки, уже давно поросли травой, про босяковъ забыли, и вмѣсто «дубинушки» слышится теперь почти каждый часъ шумъ проходящаго поѣзда.

Новая дача давно продана; теперь она принадлежитъ какому-то чиновнику, который въ праздники пріѣзжаетъ сюда изъ города съ семействомъ, пьетъ на террасѣ чай и потомъ уѣзжаетъ обратно въ городъ. У него на фуражкѣ кокарда, говоритъ и кашляетъ онъ, какъ очень важный чиновникъ, хотя состоитъ только въ чинѣ коллежскаго секретаря, и когда мужики ему кланяются, то онъ не отвѣчаетъ.

Въ Обручановѣ всѣ постарѣли; Козовъ уже умеръ, у Родіона въ избѣ стало дѣтей еще больше, у Володьки выросла длинная рыжая борода. Живутъ попрежнему бѣдно.

Ранней весной обручановскіе пилятъ дрова около станціи. Вотъ они послѣ работы идутъ домой, идутъ не спѣша, другъ за другомъ; широкія пилы гнутся на плечахъ, отсвѣчиваетъ въ нихъ солнце. Въ кустахъ по берегу поютъ соловьи, въ небѣ заливаются жаворонки. На Новой дачѣ тихо, нѣтъ ни души, и только золотые голуби, золотые оттого, что ихъ освѣщаетъ солнце, летаютъ надъ домомъ. Всѣмъ, — и Родіону, и обоимъ Лычковымъ, и Володькѣ, — вспоминаются бѣлыя лошади, маленькія пони, фейерверки, лодка съ фонарями, вспоминается, какъ жена инженера, красивая, нарядная, при-

ходила въ деревню и такъ ласково говорила. И всего этого точно не было. Все, какъ сонъ или сказка.

Они идутъ нога за ногу, утомленные, и думаютъ...

Въ ихъ деревнѣ, думаютъ они, народъ хорошій, смирный, разумный, Бога боится, и Елена Ивановна тоже смирная, добрая, кроткая, было такъ жалко глядѣть на нее, но почему же они не ужились и разошлись, какъ враги? Что это былъ за туманъ, который застилалъ отъ глазъ самое важное, и видны были только потравы, уздечки, клещи и всѣ эти мелочи, которыя теперь при воспоминаніи кажутся такимъ вздоромъ? Почему съ новымъ владѣльцемъ живутъ въ мирѣ, а съ инженеромъ не ладили?

И не зная, что отвѣтить себѣ на эти вопросы, всѣ молчатъ, и только Володька что-то бормочетъ.

— Что ты? — спрашиваетъ Родіонъ.

— Жили безъ моста... — говоритъ Володька мрачно. — Жили мы безъ моста и не просили... и не надо намъ.

Ему никто не отвѣчаетъ, и идутъ дальше молча, понуривъ головы.

1899.

Душечка

Оленька, дочь отставного коллежскаго ассесора Племянникова, сидѣла у себя во дворѣ на крылечкѣ, задумавшись. Было жарко, назойливо приставали мухи, и было такъ пріятно думать, что скоро уже вечеръ. Съ востока надвигались темныя дождевыя тучи, и оттуда изрѣдка потягивало влагой.

Среди двора стоялъ Кукинъ, антрепренеръ и содержатель увеселительнаго сада «Тиволи», квартировавшій тутъ же во дворѣ, во флигелѣ, и глядѣлъ на небо.

— Опять! — говорилъ онъ съ отчаяніемъ. — Опять будетъ дождь! Каждый день дожди, каждый день дожди — точно нарочно! Вѣдь это петля! Это разоренье! Каждый день страшные убытки!

Онъ всплеснулъ руками и продолжалъ, обращаясь къ Оленькѣ:

— Вотъ вамъ, Ольга Семеновна, наша жизнь. Хоть плачь! Работаешь, стараешься, мучишься, ночей не спишь, все думаешь, какъ бы лучше, — и что же? Съ одной стороны публика, невѣжественная, дикая. Даю ей самую лучшую оперетку, феерію, великолѣпныхъ куплетистовъ, но развѣ ей это нужно? Развѣ она въ этомъ понимаетъ что-нибудь? Ей нуженъ балаганъ! Ей подавай пошлость! Съ другой стороны, взгляните на погоду. Почти каждый вечеръ дождь. Какъ зарядило съ десятаго мая, такъ потомъ весь май

и іюнь, просто ужасъ! Публика не ходитъ, но вѣдь я за аренду плачу? Артистамъ плачу?

На другой день подъ вечеръ опять надвигались тучи, и Кукинъ говорилъ съ истерическимъ хохотомъ:

— Ну что жъ? И пускай! Пускай хоть весь садъ зальетъ, хоть меня самого! Чтобъ мнѣ не было счастья ни на этомъ, ни на томъ свѣтѣ! Пускай артисты подаютъ на меня въ судъ! Что судъ? Хоть на каторгу въ Сибирь! Хоть на эшафотъ! Ха-ха-ха!

И на третій день тоже...

Оленька слушала Кукина молча, серьезно, и, случалось, слезы выступали у нея на глазахъ. Въ концѣ концовъ несчастья Кукина тронули ее, она его полюбила. Онъ былъ малъ ростомъ, тощъ, съ желтымъ лицомъ, съ зачесанными височками, говорилъ жидкимъ теноркомъ и, когда говорилъ, то кривилъ ротъ; и на лицѣ у него всегда было написано отчаяніе, но все же онъ возбудилъ въ ней настоящее, глубокое чувство. Она постоянно любила кого-нибудь и не могла безъ этого. Раньше она любила своего папашу, который теперь сидѣлъ больной, въ темной комнатѣ, въ креслѣ, и тяжело дышалъ; любила свою тетю, которая иногда, разъ въ два года, пріѣзжала изъ Брянска; а еще раньше, когда училась въ прогимназіи, любила своего учителя французскаго языка. Это была тихая, добродушная, жалостливая барышня съ кроткимъ, мягкимъ взглядомъ, очень здоровая. Глядя на ея полныя розовыя щеки, на мягкую бѣлую шею съ темной родинкой, на добрую наивную улыбку, которая бывала на ея лицѣ, когда она слушала что-нибудь пріятное, мужчины думали: —

«Да, ничего себѣ»... и тоже улыбались, а гостьи-дамы не могли удержаться, чтобы вдругъ среди разговора не схватить ее за руку и не проговорить въ порывѣ удовольствія:

— Душечка!

Домъ, въ которомъ она жила со дня рожденія и который въ завѣщаніи былъ записанъ на ея имя, находился на окраинѣ города, въ Цыганской Слободкѣ, недалеко отъ сада «Тиволи»; по вечерамъ и по ночамъ ей слышно было, какъ въ саду играла музыка, какъ лопались съ трескомъ ракеты, и ей казалось, что это Кукинъ воюетъ со своей судьбой и беретъ приступомъ своего главнаго врага — равнодушную публику; сердце у нея сладко замирало, спать совсѣмъ не хотѣлось, и когда подъ утро онъ возвращался домой, она тихо стучала въ окошко изъ своей спальни и, показывая ему сквозь занавѣски только лицо и одно плечо, ласково улыбалась...

Онъ сдѣлалъ предложеніе, и они повѣнчались. И когда онъ увидалъ какъ слѣдуетъ ея шею и полныя здоровыя плечи, то всплеснулъ руками и проговорилъ:

— Душечка!

Онъ былъ счастливъ, но такъ какъ въ день свадьбы и потомъ ночью шелъ дождь, то съ его лица не сходило выраженіе отчаянія.

Послѣ свадьбы жили хорошо. Она сидѣла у него въ кассѣ, смотрѣла за порядками въ саду, записывала расходы, выдавала жалованье, и ея розовыя щеки, милая, наивная, похожая на сіяніе, улыбка мелькали то въ окошечкѣ кассы, то за кулисами, то въ буфетѣ. И она уже говорила

своимъ знакомымъ, что самое замѣчательное, самое важное и нужное на свѣтѣ — это театръ и что получить истинное наслажденіе и стать образованнымъ и гуманнымъ можно только въ театрѣ.

— Но развѣ публика понимаетъ это? — говорила она. — Ей нуженъ балаганъ! Вчера у насъ шелъ «Фаустъ на изнанку», и почти всѣ ложи были пустыя, а если бы мы съ Ваничкой поставили какую-нибудь пошлость, то, повѣрьте, театръ былъ бы биткомъ набитъ. Завтра мы съ Ваничкой ставимъ «Орфея въ аду», приходите.

И что говорилъ о театрѣ и объ актерахъ Кукинъ, то повторяла и она. Публику она такъ же, какъ и онъ, презирала за равнодушіе къ искусству и за невѣжество, на репетиціяхъ вмѣшивалась, поправляла актеровъ, смотрѣла за поведеніемъ музыкантовъ, и когда въ мѣстной газетѣ неодобрительно отзывались о театрѣ, то она плакала и потомъ ходила въ редакцію объясняться.

Актеры любили ее и называли «мы съ Ваничкой» и «душечкой»; она жалѣла ихъ и давала имъ понемножку взаймы, и если, случалось, ее обманывали, то она только потихоньку плакала, но мужу не жаловалась.

И зимой жили хорошо. Сняли городской театръ на всю зиму и сдавали его на короткіе сроки то малороссійской труппѣ, то фокуснику, то мѣстнымъ любителямъ. Оленька полнѣла и вся сіяла отъ удовольствія, а Кукинъ худѣлъ и желтѣлъ и жаловался на страшные убытки, хотя всю зиму дѣла шли недурно. По ночамъ онъ кашлялъ, а она поила его малиной и липо-

вымъ цвѣтомъ, натирала одеколономъ, кутала въ свои мягкія шали.

— Какой ты у меня славненькій! — говорила она совершенно искренно, приглаживая ему волосы. — Какой ты у меня хорошенькій!

Въ Великомъ посту онъ уѣхалъ въ Москву набирать труппу, а она безъ него не могла спать, все сидѣла у окна и смотрѣла на звѣзды. И въ это время она сравнивала себя съ курами, которыя тоже всю ночь не спятъ и испытываютъ безпокойство, когда въ курятникѣ нѣтъ пѣтуха. Кукинъ задержался въ Москвѣ и писалъ, что вернется къ Святой, и въ письмахъ уже дѣлалъ распоряженія насчетъ «Тиволи». Но подъ Страстной понедѣльникъ, поздно вечеромъ, вдругъ раздался зловѣщій стукъ въ ворота; кто-то билъ въ калитку, какъ въ бочку: — бумъ! бумъ! бумъ! Сонная кухарка, шлепая босыми ногами по лужамъ, побѣжала отворять.

— Отворите, сдѣлайте милость! — говорилъ кто-то за воротами глухимъ басомъ. — Вамъ телеграмма!

Оленька и раньше получала телеграммы отъ мужа, но теперь почему-то такъ и обомлѣла. Дрожащими руками она распечатала телеграмму и прочла слѣдующее:

«Иванъ Петровичъ скончался сегодня скоропостижно сючала ждемъ распоряженій хохороны вторникъ».

Такъ и было напечатано въ телеграммѣ «хохороны» и какое-то еще непонятное слово «сючала»; подпись была режиссера опереточной труппы.

— Голубчикъ мой! — зарыдала Оленька. —

Ваничка мой миленькій, голубчикъ мой! Зачѣмъ же я съ тобою повстрѣчалася? Зачѣмъ я тебя узнала и полюбила? На кого ты покинулъ свою бѣдную Оленьку, бѣдную, несчастную?...

Кукина похоронили во вторникъ, въ Москвѣ, на Ваганьковѣ; Оленька вернулась домой въ среду и, какъ только вошла къ себѣ, то повалилась на постель и зарыдала такъ громко, что слышно было на улицѣ и въ сосѣднихъ дворахъ.

— Душечка! — говорили сосѣдки, крестясь. — Душечка Ольга Семеновна, матушка, какъ убивается!

Три мѣсяца спустя, какъ-то Оленька возвращалась отъ обѣдни, печальная, въ глубокомъ траурѣ. Случилось, что съ нею шелъ рядомъ, тоже возвращавшійся изъ церкви, одинъ изъ ея сосѣдей, Василій Андреичъ Пустоваловъ, управляющій лѣснымъ складомъ купца Бабакаева. Онъ былъ въ соломенной шляпѣ и въ бѣломъ жилетѣ съ золотой цѣпочкой и походилъ больше на помѣщика, чѣмъ на торговца.

— Всякая вещь имѣетъ свой порядокъ, Ольга Семеновна, — говорилъ онъ степенно, съ сочувствіемъ въ голосѣ: — и если кто изъ нашихъ ближнихъ умираетъ, то, значитъ, такъ Богу угодно, и въ этомъ случаѣ мы должны себя помнить и переносить съ покорностью.

Доведя Оленьку до калитки, онъ простился и пошелъ далѣе. Послѣ этого весь день слышался ей его степенный голосъ и, едва она закрывала глаза, какъ мерещилась его темная борода. Онъ ей очень понравился. И, повидимому, она тоже произвела на него впечатлѣніе, потому что, немного погодя, къ ней пришла пить кофе одна

пожилая дама, мало ей знакомая, которая, какъ только сѣла за столъ, то немедля заговорила о Пустоваловѣ, о томъ, что онъ хорошій, солидный человѣкъ, и что за него съ удовольствіемъ пойдетъ всякая невѣста. Черезъ три дня пришелъ съ визитомъ и самъ Пустоваловъ; онъ сидѣлъ недолго, минутъ десять, и говорилъ мало, но Оленька его полюбила, такъ полюбила, что всю ночь не спала и горѣла, какъ въ лихорадкѣ, а утромъ послала за пожилой дамой. Скоро ее просватали, потомъ была свадьба.

Пустоваловъ и Оленька, поженившись, жили хорошо. Обыкновенно онъ сидѣлъ въ лѣсномъ складѣ до обѣда, потомъ уходилъ по дѣламъ, и его смѣняла Оленька, которая сидѣла въ конторѣ до вечера и писала тамъ счета и отпускала товаръ.

— Теперь лѣсъ съ каждымъ годомъ дорожаетъ на двадцать процентовъ, — говорила она покупателямъ и знакомымъ. — Помилуйте, прежде мы торговали мѣстнымъ лѣсомъ, теперь же Васичка долженъ каждый годъ ѣздить за лѣсомъ въ Могилевскую губернію. А какой тарифъ! — говорила она, въ ужасѣ закрывая обѣ щеки руками. — Какой тарифъ!

Ей казалось, что она торгуетъ лѣсомъ уже давно-давно, что въ жизни самое важное и нужное это лѣсъ, и что-то родное, трогательное слышалось ей въ словахъ: балка, круглякъ, тесъ, шелевка, безымянка, рѣшотникъ, лафетъ, горбыль... По ночамъ, когда она спала, ей снились цѣлыя горы досокъ и теса, длинныя, безконечныя вереницы подводъ, везущихъ лѣсъ куда-то далеко за городъ; снилось ей, какъ цѣлый

полкъ двѣнадцати-аршинныхъ, пяти-вершковыхъ бревенъ стоймя шелъ войной на лѣсной складъ, какъ бревна, балки и горобыли стукались, издавая гулкій звукъ сухого дерева, все падало и опять вставало, громоздясь другъ на друга; Оленька вскрикивала во снѣ, и Пустоваловъ говорилъ ей нѣжно:

— Оленька, что съ тобой, милая? Перекрестись!

Какія мысли были у мужа, такія и у нея. Если онъ думалъ, что въ комнатѣ жарко, или что дѣла теперь стали тихія, то такъ думала и она. Мужъ ея не любилъ никакихъ развлеченій и въ праздники сидѣлъ дома, и она тоже.

— И все вы дома, или въ конторѣ, — говорили знакомые. — Вы бы сходили въ театръ, душечка, или въ циркъ.

— Намъ съ Васичкой некогда по театрамъ ходить, — отвѣчала она степенно. — Мы люди труда, намъ не до пустяковъ. Въ театрахъ этихъ, что хорошаго?

По субботамъ Пустоваловъ и она ходили ко всенощной, въ праздники къ ранней обѣднѣ, и, возвращаясь изъ церкви, шли рядышкомъ, съ умиленными лицами, отъ обоихъ хорошо пахло, и ея шелковое платье пріятно шумѣло; а дома пили чай со сдобнымъ хлѣбомъ и съ разными вареньями, потомъ кушали пирогъ. Каждый день въ полдень во дворѣ и за воротами на улицѣ вкусно пахло борщомъ и жареной бараниной или уткой, а въ постные дни — рыбой, и мимо воротъ нельзя было пройти безъ того, чтобы не захотѣлось ѣсть. Въ конторѣ всегда кипѣлъ самоваръ, и покупателей угощали чаемъ съ бубликами. Разъ въ

недѣлю супруги ходили въ баню и возвращались оттуда рядышкомъ, оба красные.

— Ничего, живемъ хорошо, — говорила Оленька знакомымъ: — слава Богу. Дай Богъ всякому жить, какъ мы съ Васичкой.

Когда Пустоваловъ уѣзжалъ въ Могилевскую губернію за лѣсомъ, она сильно скучала и по ночамъ не спала, плакала. Иногда по вечерамъ приходилъ къ ней полковой ветеринарный врачъ Смирнинъ, молодой человѣкъ, квартировавшій у нея во флигелѣ. Онъ разсказывалъ ей что-нибудь или игралъ съ нею въ карты, и это ее развлекало. Особенно интересны были разсказы изъ его собственной семейной жизни; онъ былъ женатъ и имѣлъ сына, но съ женой разошелся, такъ какъ она ему измѣнила, и теперь онъ ее ненавидѣлъ и высылалъ ей ежемѣсячно по сорока рублей на содержаніе сына. И, слушая объ этомъ, Оленька вздыхала и покачивала головой, и ей было жаль его.

— Ну, спаси васъ Господи, — говорила она, прощаясь съ нимъ и провожая его со свѣчой до лѣстницы. — Спасибо, что поскучали со мной, дай Богъ вамъ здоровья, Царица Небесная...

И все она выражалась такъ степенно, такъ разсудительно, подражая мужу; ветеринаръ уже скрывался внизу за дверью, а она окликала его и говорила:

— Знаете, Владиміръ Платонычъ, вы бы помирились съ вашей женой. Простили бы ее хоть ради сына!.. Мальчишечка-то, небось, все понимаетъ.

А когда возвращался Пустоваловъ, она разсказывала ему вполголоса про ветеринара и его

несчастную семейную жизнь, и оба вздыхали и покачивали головами и говорили о мальчикѣ, который, вѣроятно, скучаетъ по отцѣ, потомъ, по какому-то странному теченiю мыслей, оба становились передъ образами, клали земные поклоны и молились, чтобы Богъ послалъ имъ дѣтей.

И такъ прожили Пустоваловы тихо и смирно, въ любви и полномъ согласiи шесть лѣтъ. Но вотъ какъ-то зимой Василiй Андреичъ въ складѣ, напившись горячаго чаю, вышелъ безъ шапки отпускать лѣсъ, простудился и занемогъ. Его лѣчили лучшiе доктора, но болѣзнь взяла свое, и онъ умеръ, проболѣвъ четыре мѣсяца. И Оленька опять овдовѣла.

— На кого же ты меня покинулъ, голубчикъ мой? — рыдала она, похоронивъ мужа. — Какъ же я теперь буду жить безъ тебя, горькая я и несчастная? Люди добрые, пожалѣйте меня, сироту круглую...

Она ходила въ черномъ платьѣ съ плерезами и уже отказалась навсегда отъ шляпки и перчатокъ, выходила изъ дому рѣдко, только въ церковь или на могилу мужа, и жила дома, какъ монашенка. И только когда прошло шесть мѣсяцевъ, она сняла плерезы и стала открывать на окнахъ ставни. Иногда уже видѣли по утрамъ, какъ она ходила за провизiей на базаръ со своей кухаркой, но о томъ, какъ она жила у себя теперь, и что дѣлалось у нея въ домѣ, можно было только догадываться. По тому, напримѣръ, догадывались, что видѣли, какъ она въ своемъ садикѣ пила чай съ ветеринаромъ, а онъ читалъ ей вслухъ газету, и еще по тому, что, встрѣтясь на почтѣ съ одной знакомой дамой, она сказала:

— У насъ въ городѣ нѣтъ правильнаго ветеринарнаго надзора и отъ этого много болѣзней. То-и-дѣло, слышишь, люди заболѣваютъ отъ молока и заражаются отъ лошадей и коровъ. О здоровьѣ домашнихъ животныхъ въ сущности надо заботиться такъ же, какъ о здоровьѣ людей.

Она повторяла мысли ветеринара и теперь была обо всемъ такого же мнѣнія, какъ онъ. Было ясно, что она не могла прожить безъ привязанности и одного года и нашла свое новое счастье у себя во флигелѣ. Другую бы осудили за это, но объ Оленькѣ никто не могъ подумать дурно, и все было такъ понятно въ ея жизни. Она и ветеринаръ никому не говорили о перемѣнѣ, какая произошла въ ихъ отношеніяхъ, и старались скрыть, но это имъ не удавалось, потому что у Оленьки не могло быть тайнъ. Когда къ нему приходили гости, его сослуживцы по полку, то она, наливая имъ чай или подавая ужинать, начинала говорить о чумѣ на рогатомъ скотѣ, о жемчужной болѣзни, о городскихъ бойняхъ, а онъ страшно конфузился и, когда уходили гости, хваталъ ее за руку и шипѣлъ сердито:

— Я вѣдь просилъ тебя не говорить о томъ, чего ты не понимаешь! Когда мы, ветеринары, говоримъ между собой, то, пожалуйста, не вмѣшивайся. Это, наконецъ, скучно!

А она смотрѣла на него съ изумленіемъ и съ тревогой, и спрашивала:

— Володичка, о чемъ же мнѣ говорить?!

И она со слезами на глазахъ обнимала его, умоляла не сердиться, и оба были счастливы.

Но, однако, это счастье продолжалось не-

долго. Ветеринаръ уѣхалъ вмѣстѣ съ полкомъ, уѣхалъ навсегда, такъ какъ полкъ перевели куда-то очень далеко, чуть ли не въ Сибирь. И Оленька осталась одна.

Теперь уже она была совершенно одна. Отецъ давно уже умеръ, и кресло его валялось на чердакѣ, запыленное, безъ одной ножки. Она похудѣла и подурнѣла, и на улицѣ встрѣчные уже не глядѣли на нее, какъ прежде, и не улыбались ей; очевидно, лучшіе годы уже прошли, остались позади, и теперь начиналась какая-то новая жизнь, неизвѣстная, о которой лучше не думать. По вечерамъ Оленька сидѣла на крылечкѣ, и ей слышно было, какъ въ «Тиволи» играла музыка, и лопались ракеты, но это уже не вызывало никакихъ мыслей. Глядѣла она безучастно на свой пустой дворъ, ни о чемъ не думала, ничего не хотѣла, а потомъ, когда наступала ночь, шла спать и видѣла во снѣ свой пустой дворъ. Ѣла и пила она, точно поневолѣ.

А главное, что хуже всего, у нея уже не было никакихъ мнѣній. Она видѣла кругомъ себя предметы и понимала все, что происходило кругомъ, но ни о чемъ не могла составить мнѣнія и не знала, о чемъ ей говорить. А какъ это ужасно не имѣть никакого мнѣнія! Видишь, напримѣръ, какъ стоитъ бутылка, или идетъ дождь, или ѣдетъ мужикъ на телѣгѣ; но для чего эта бутылка, или дождь, или мужикъ, какой въ нихъ смыслъ, сказать не можешь и даже за тысячу рублей ничего не сказалъ бы. При Кукинѣ и Пустоваловѣ, и потомъ при ветеринарѣ Оленька могла объяснить все и сказала бы свое мнѣніе о чемъ угодно, теперь же и среди мыслей и

въ сердцѣ у нея была такая же пустота, какъ на дворѣ. И такъ жутко, и такъ горько, какъ будто объѣлась полыни.

Городъ мало-по-малу расширялся во всѣ стороны; Цыганскую Слободку уже называли улицей, и тамъ, гдѣ были садъ «Тиволи» и лѣсные склады, выросли уже дома, и образовался рядъ переулковъ. Какъ быстро бѣжитъ время! Домъ у Оленьки потемнѣлъ, крыша заржавѣла, сарай покосился, и весь дворъ поросъ бурьяномъ и колючей крапивой. Сама Оленька постарѣла, подурнѣла; лѣтомъ она сидитъ на крылечкѣ, и на душѣ у нея попрежнему и пусто, и нудно, и отдаетъ полынью, а зимой сидитъ она у окна и глядитъ на снѣгъ. Повѣетъ ли весной, донесетъ ли вѣтеръ звонъ соборныхъ колоколовъ, и вдругъ нахлынутъ воспоминанія о прошломъ, сладко сожмется сердце, и изъ глазъ польются обильныя слезы, но это только на минуту, а тамъ опять пустота, и неизвѣстно, зачѣмъ живешь. Черная кошечка Брыска ласкается и мягко мурлычитъ, но не трогаютъ Оленьку эти кошачьи ласки. Это ли ей нужно? Ей бы такую любовь, которая захватила бы все ея существо, всю душу, разумъ, дала бы ей мысли, направленіе жизни, согрѣла бы ея старѣющую кровь. И она стряхиваетъ съ подола черную Брыску и говоритъ ей съ досадой:

— Поди, поди... Нечего тутъ!

И такъ день за днемъ, годъ за годомъ, — и ни одной радости, и нѣтъ никакого мнѣнія. Что сказала Мавра кухарка, то и хорошо.

Въ одинъ жаркій іюльскій день, подъ вечеръ, когда по улицѣ гнали городское стадо, и весь

дворъ наполнился облаками пыли, вдругъ кто-то постучалъ въ калитку. Оленька пошла сама отворять и, какъ взглянула, такъ и обомлѣла: за воротами стоялъ ветеринаръ Смирнинъ, уже сѣдой и въ штатскомъ платьѣ. Ей вдругъ вспомнилось все, она не удержалась, заплакала и положила ему голову на грудь, не сказавши ни одного слова, и въ сильномъ волненіи не замѣтила, какъ оба потомъ вошли въ домъ, какъ сѣли чай пить.

— Голубчикъ мой! — бормотала она, дрожа отъ радости. — Владиміръ Платонычъ! Откуда Богъ принесъ?

— Хочу здѣсь совсѣмъ поселиться; — разсказывалъ онъ. — Подалъ въ отставку и вотъ пріѣхалъ попробовать счастья на волѣ, пожить осѣдлой жизнью. Да, и сына пора ужъ отдавать въ гимназію. Выросъ. Я-то, знаете ли, помирился съ женой.

— А гдѣ же она? — спросила Оленька.

— Она съ сыномъ въ гостиницѣ, а я вотъ хожу и квартиру ищу.

— Господи, батюшка, да возьмите у меня домъ! Чѣмъ не квартира? Ахъ, Господи, да я съ васъ ничего и не возьму, — заволновалась Оленька и опять заплакала. — Живите тутъ, а съ меня и флигеля довольно. Радость-то, Господи!

На другой день уже красили на домѣ крышу и бѣлили стѣны, и Оленька, подбоченясь, ходила по двору и распоряжалась. На лицѣ ея засвѣтилась прежняя улыбка, и вся она ожила, посвѣжѣла, точно очнулась отъ долгаго сна. Пріѣхала

жена ветеринара, худая, некрасивая дама съ короткими волосами и съ капризнымъ выраженіемъ, и съ нею мальчикъ, Саша, маленькій не по лѣтамъ (ему шелъ уже десятый годъ), полный, съ ясными голубыми глазами и съ ямочками на щекахъ. И едва мальчикъ вошелъ во дворъ, какъ побѣжалъ за кошкой, и тотчасъ же послышался его веселый, радостный смѣхъ.

— Тетенька, это ваша кошка? — спросилъ онъ у Оленьки. — Когда она у васъ ощенится, то, пожалуйста подарите намъ одного котеночка. Мама очень боится мышей.

Оленька поговорила съ нимъ, попоила его чаемъ, и сердце у нея въ груди стало вдругъ теплымъ и сладко сжалось, точно этотъ мальчикъ былъ ея родной сынъ. И когда вечеромъ онъ, сидя въ столовой, повторялъ уроки, она смотрѣла на него съ умиленіемъ и съ жалостью и шептала:

— Голубчикъ мой, красавчикъ... Дѣточка моя, и уродился же ты такой умненькій, такой бѣленькій.

— Островомъ называется, — прочелъ онъ: — часть суши, со всѣхъ сторонъ окруженная водою.

— Островомъ называется часть суши... — повторила она, и это было ея первое мнѣніе, которое она высказала съ увѣренностью послѣ столькихъ лѣтъ молчанія и пустоты въ мысляхъ.

И она уже имѣла свои мнѣнія и за ужиномъ говорила съ родителями Саши о томъ, какъ теперь дѣтямъ трудно учиться въ гимназіяхъ, но что все-таки классическое образованіе лучше реальнаго, такъ какъ изъ гимназіи всюду открыта

дорога: хочешь — иди въ доктора, хочешь — въ инженеры.

Саша сталъ ходить въ гимназію. Его мать уѣхала въ Харьковъ къ сестрѣ и не возвращалась; отецъ его каждый день уѣзжалъ куда-то осматривать гурты и, случалось, не живалъ дома дня по три, и Оленькѣ казалось, что Сашу совсѣмъ забросили, что онъ лишній въ домѣ, что онъ умираетъ съ голоду; и она перевела его къ себѣ во флигель и устроила его тамъ въ маленькой комнатѣ.

И вотъ уже прошло полгода, какъ Саша живетъ у нея во флигелѣ. Каждое утро Оленька входитъ въ его комнату; онъ крѣпко спитъ, подложивъ руку подъ щеку, не дышитъ. Ей жаль будить его.

— Сашенька, — говоритъ она печально: — вставай, голубчикъ! Въ гимназію пора!

Онъ встаетъ, одѣвается, молится Богу, потомъ садится чай пить; выпиваетъ три стакана чаю и съѣдаетъ два большихъ бублика и полъ-французскаго хлѣба съ масломъ. Онъ еще не совсѣмъ очнулся отъ сна и потому не въ духѣ.

— А ты, Сашенька, не твердо выучилъ басню, — говоритъ Оленька и глядитъ на него такъ, будто провожаетъ его въ дальнюю дорогу. — Забота мнѣ съ тобой. Ужъ ты старайся, голубчикъ, учись... Слушайся учителей.

— Ахъ, оставьте, пожалуйста! — говоритъ Саша.

Затѣмъ онъ идетъ по улицѣ въ гимназію, самъ маленькій, но въ большомъ картузѣ съ ранцемъ на спинѣ. За нимъ безшумно идетъ Оленька.

— Сашенька-а! — окликаетъ она.

Онъ оглядывается, а она суетъ ему въ руку финикъ или карамельку. Когда поворачиваютъ въ тотъ переулокъ, гдѣ стоитъ гимназія, ему становится совѣстно, что за нимъ идетъ высокая, полная женщина; онъ оглядывается и говоритъ:

— Вы, тетя, идите домой, а теперь уже я самъ дойду.

Она останавливается и смотритъ ему вслѣдъ, не мигая, пока онъ не скрывается въ подъѣздѣ гимназіи. Ахъ, какъ она его любитъ! Изъ ея прежнихъ привязанностей ни одна не была такою глубокой, никогда еще раньше ея душа не покорялась такъ беззавѣтно, безкорыстно и съ такой отрадой, какъ теперь, когда въ ней все болѣе и болѣе разгоралось материнское чувство. За этого чужого ей мальчика, за его ямочки на щекахъ, за картузъ, она отдала бы всю свою жизнь, отдала бы съ радостью, со слезами умиленія. Почему? А кто жъ его знаетъ — почему?

Проводивъ Сашу въ гимназію, она возвращается домой тихо, такая довольная, покойная, любвеобильная; ея лицо, помолодѣвшее за послѣдніе полгода, улыбается, сіяетъ; встрѣчные, глядя на нее, испытываютъ удовольствіе и говорятъ ей:

— Здравствуйте, душечка Ольга Семеновна! Какъ поживаете, душечка?

— Трудно теперь стало въ гимназіи учиться, — разсказываетъ она на базарѣ. — Шутка ли, вчера въ первомъ классѣ задали басню наизусть, да переводъ латинскій, да задачу... Ну, гдѣ тутъ маленькому?

И она начинаетъ говорить объ учителяхъ, объ урокахъ, объ учебникахъ, — то же самое, что говоритъ о нихъ Саша.

Въ третьемъ часу вмѣстѣ обѣдаютъ, вечеромъ вмѣстѣ готовятъ уроки и плачутъ. Укладывая его въ постель, она долго креститъ его и шепчетъ молитву, потомъ, ложась спать, грезитъ о томъ будущемъ, далекомъ и туманномъ, когда Саша, кончивъ курсъ, станетъ докторомъ или инженеромъ, будетъ имѣть собственный большой домъ, лошадей, коляску, женится, у него родятся дѣти... Она засыпаетъ и все думаетъ о томъ же, и слезы текутъ у нея по щекамъ изъ закрытыхъ глазъ. И черная кошечка лежитъ у нея подъ бокомъ и мурлычитъ:

«Мур... мур... мур...»

Вдругъ сильный стукъ въ калитку. Оленька просыпается и не дышитъ отъ страха; сердце у нея сильно бьется. Проходитъ полминуты, и опять стукъ.

«Это телеграмма изъ Харькова, — думаетъ она, начиная дрожать всѣмъ тѣломъ. — Мать требуетъ Сашу къ себѣ въ Харьковъ... О, Господи!»

Она въ отчаяніи; у нея холодѣютъ голова, ноги, руки, и кажется, что несчастнѣе ея нѣтъ человѣка на всемъ свѣтѣ. Но проходитъ еще минута, слышатся голоса: это ветеринаръ вернулся домой изъ клуба.

«Ну, слава Богу», думаетъ она.

Отъ сердца мало-по-малу отстаетъ тяжесть, опять становится легко; она ложится и думаетъ о Сашѣ, который спитъ крѣпко въ сосѣдней комнатѣ и изрѣдка говоритъ въ бреду:

«Я ттебѣ! Пошелъ вонъ! Не дерись!»

1899.

По дѣламъ службы

Исправляющій должность судебнаго слѣдователя и уѣздный врачъ ѣхали на вскрытіе въ село Сырню. По дорогѣ ихъ захватила метель, они долго кружили и пріѣхали къ мѣсту не въ полдень, какъ хотѣли, а только къ вечеру, когда уже было темно. Остановились на ночлегъ въ земской избѣ. Тутъ же, въ земской избѣ, по случайности, находился и трупъ, трупъ земскаго страхового агента Лѣсницкаго, который три дня назадъ пріѣхалъ въ Сырню и, расположившись въ земской избѣ и потребовавъ себѣ самоваръ, застрѣлился совершенно неожиданно для всѣхъ; и то обстоятельство, что онъ покончилъ съ жизнью какъ-то странно, за самоваромъ, разложивъ на столѣ закуски, дало многимъ поводъ заподозрить тутъ убійство; понадобилось вскрытіе.

Докторъ и слѣдователь въ сѣняхъ стряхивали съ себя снѣгъ, стуча ногами, а возлѣ стоялъ сотскій Илья Лошадинъ, старикъ, и свѣтилъ имъ, держа въ рукахъ жестяную лампочку. Сильно пахло керосиномъ.

— Ты кто? — спросилъ докторъ.

— Цоцкай... — отвѣтилъ сотскій.

Онъ и на почтѣ такъ расписывался: цоцкай.

— А гдѣ же понятые?

— Должно, чай пить пошли, ваше высокоблагородіе.

Направо была чистая комната, «пріѣзжая»,

или господская, налѣво — черная, съ большой печью и полатями. Докторъ и слѣдователь, а за ними сотскій, держа лампочку выше головы, вошли въ чистую. Здѣсь на полу, у самыхъ ножекъ стола лежало неподвижно длинное тѣло, покрытое бѣлымъ. При слабомъ свѣтѣ лампочки, кромѣ бѣлаго покрывала, ясно были видны еще новыя резиновыя калоши, и все тутъ было нехорошо, жутко: и темныя стѣны, и тишина, и эти калоши, и неподвижность мертваго тѣла. На столѣ былъ самоваръ, давно уже холодный, и вокругъ него свертки, должно быть, съ закусками.

— Стрѣляться въ земской избѣ — какъ это безтактно! — проговорилъ докторъ. — Пришла охота пустить себѣ пулю въ лобъ, ну и стрѣлялся бы у себя дома, гдѣ-нибудь, въ сараѣ.

Онъ, какъ былъ, въ шапкѣ, въ шубѣ и въ валенкахъ, опустился на скамью; его спутникъ, слѣдователь, сѣлъ напротивъ.

— Эти истерики и неврастеники большіе эгоисты, — продолжалъ докторъ съ горечью. — Когда неврастеникъ спитъ съ вами въ одной комнатѣ, то шуршитъ газетой; когда онъ обѣдаетъ съ вами, то устраиваетъ сцену своей женѣ, не стѣсняясь вашимъ присутствіемъ; и когда ему приходитъ охота застрѣлиться, то вотъ онъ стрѣляется въ деревнѣ, въ земской избѣ, чтобы надѣлать всѣмъ побольше хлопотъ. Эти господа при всѣхъ обстоятельствахъ жизни думаютъ только о себѣ. Только о себѣ! Потому-то старики такъ и не любятъ этого нашего «нервнаго вѣка».

— Мало ли чего не любятъ старики, — сказалъ слѣдователь, зѣвая. — Вы вотъ укажите

старикамъ на то, какая разница между прежними и теперешними самоубійствами. Прежній, такъ называемый порядочный человѣкъ стрѣлялся оттого, что казенныя деньги растратилъ, а теперешній — жизнь надоѣла, тоска... Что лучше?

— Жизнь надоѣла, тоска, но, согласитесь, можно было бы застрѣлиться и не въ земской избѣ.

— Ужъ такое горе, — заговорилъ сотскій: — такое горе, чистое наказаніе. Народъ очень безпокоится, ваше высокоблагородіе, ужъ третью ночь не спятъ. Ребята плачутъ. Надо коровъ доить, а бабы въ хлѣвъ не идутъ, боятся... Какъ бы въ потемкахъ баринъ не примерещился. Извѣстно, глупыя женщины, но которые и мужики тоже боятся. Какъ вечеръ, мимо избы не ходятъ въ одиночку, а такъ, все табуномъ. И понятые тоже...

Докторъ Старченко, мужчина среднихъ лѣтъ, съ темной бородой, въ очкахъ, и слѣдователь Лыжинъ, бѣлокурый, еще молодой, кончившій только два года назадъ и похожій больше на студента, чѣмъ на чиновника, сидѣли молча, задумавшись. Имъ было досадно, что они опоздали. Нужно было теперь ждать до утра, оставаться здѣсь ночевать, а былъ еще только шестой часъ, и имъ представлялись длинный вечеръ, потомъ длинная, темная ночь, скука, неудобство ихъ постелей, тараканы, утренній холодъ; и прислушиваясь къ метели, которая выла въ трубѣ и на чердакѣ, они оба думали о томъ, какъ все это не похоже на жизнь, которой они хотѣли бы для себя и о которой когда-то мечтали, и какъ оба они далеки отъ своихъ сверстниковъ, которые

теперь въ городѣ ходятъ по освѣщеннымъ улицамъ, не замѣчая непогоды, или собираются теперь въ театръ, или сидятъ въ кабинетахъ за книгой. О, какъ дорого они дали бы теперь, чтобы только пройтись по Невскому или по Петровкѣ въ Москвѣ, послушать порядочнаго пѣнія, посидѣть часъ-другой въ ресторанѣ...

«У-у-у-у!» — пѣла метель на чердакѣ, и что-то снаружи хлопало злобно, должно быть, вывѣска на земской избѣ. — «У-у-у-у!»

— Какъ вамъ угодно, а я не желаю тутъ оставаться, — сказалъ Старченко, поднимаясь. — Еще шестой часъ, спать рано, я поѣду куда-нибудь. Тутъ недалеко живетъ фонъ-Тауницъ, всего три версты отъ Сырни. Поѣду къ нему, проведу тамъ вечеръ. Сотскій, ступай, скажи ямщику, чтобы не распрягалъ. А вы какъ? — спросилъ онъ у Лыжина.

— Не знаю. Должно быть, спать лягу.

Докторъ запахнулся въ шубу и вышелъ. Слышно было, какъ онъ разговаривалъ съ ямщикомъ, какъ на озябшихъ лошадяхъ вздрагивали бубенчики. Уѣхалъ.

— Тебѣ, баринъ, здѣсь ночевать не годится, — сказалъ сотскій: — иди въ ту половину. Тамъ не чисто, да ужъ одну ночь ничего. Я сейчасъ самоваръ возьму у мужика, заставлю, потомъ этого навалю тебѣ сѣна, спи, ваше высокоблагородіе, съ Богомъ.

Немного погодя слѣдователь сидѣлъ въ черной половинѣ за столомъ и пилъ чай, а сотскій Лошадинъ стоялъ у двери и говорилъ. Это былъ старикъ за шестьдесятъ лѣтъ, небольшого роста, очень худой, сгорбленный, бѣлый, на лицѣ наив-

ная улыбка, глаза слезились, и все онъ почмокивалъ, точно сосалъ леденецъ. Онъ былъ въ короткомъ полушубкѣ и въ валенкахъ, и не выпускалъ изъ рукъ палки. Молодость слѣдователя, повидимому, вызывала въ немъ жалость, и потому, вѣроятно, онъ говорилъ ему «ты».

— Старшина Ѳедоръ Макарычъ приказывалъ, какъ пріѣдетъ становой, или слѣдователь, чтобы ему доложить, — говорилъ онъ. — Значитъ, такое дѣло, надо идти теперь... До волости четыре версты, метель, снѣгу намело — страсть; пожалуй, придешь туда не раньше, какъ въ полночь. Ишь гудетъ какъ.

— Старшина мнѣ не нуженъ, — сказалъ Лыжинъ. — Ему тутъ нечего дѣлать.

Онъ съ любопытствомъ посматривалъ на старика и спросилъ:

— Скажи, дѣдъ, сколько лѣтъ ты ходишь сотскимъ?

— Сколько? Да ужъ лѣтъ тридцать. Послѣ воли черезъ пять лѣтъ сталъ ходить, вотъ и считай. Съ того время каждый день хожу. У людей праздникъ, а я все хожу. На дворѣ Святая, въ церквахъ звонъ, Христосъ воскресе, а я съ сумкой. Въ казначейство, на почту, къ становому на квартиру, къ земскому, къ податному, въ управу, къ господамъ, къ мужикамъ, ко всѣмъ православнымъ христіанамъ. Ношу пакеты, повѣстки, окладные листы, письма, бланки разные, вѣдомости, и значитъ, господинъ хорошій, ваше высокоблагородіе, нынче такіе бланки пошли, чтобы цифри записывать — желтые, бѣлые, красные, — и всякій баринъ, или батька, или богатый мужикъ безпремѣнно записать дол-

женъ разъ десять въ годъ, сколько у него посѣяно и убрано, сколько у него четвертей или пудовъ ржи, сколько овса, сѣна и какая, значитъ, погода и разныя тамъ насѣкомыя. Конечно, пиши что хочешь, тутъ одна форма, а ты ходи, раздавай листки, а потомъ опять ходи и собирай. Вотъ, къ примѣру сказать, барина потрошить не къ чему, самъ знаешь, пустое дѣло, только руки поганить, а ты вотъ потрудился, ваше высокоблагородіе, пріѣхалъ, потому форма; ничего тутъ не подѣлаешь. Тридцать лѣтъ хожу по формѣ. Лѣтомъ оно ничего, тепло, сухо, а зимой или осенью оно неудобно. Случалось, и утопалъ, и замерзалъ, — всего бывало. И въ лѣсу сумку отнимали недобрые люди, и въ шею били, и подъ судомъ былъ...

— За что подъ судомъ?

— За мошенничество.

— То-есть какъ за мошенничество?

— А такъ, значитъ, писарь Хрисанфъ Григорьевъ подрядчику чужія доски продалъ, обманулъ, значитъ. Я былъ при этомъ дѣлѣ, меня за водкой въ трактиръ посылали; ну, со мной писарь не дѣлился, даже стаканчика не поднесъ, но какъ я по нашей бѣдности, по видимости, значитъ, человѣкъ не надежный, не стоющій, то насъ обоихъ судили; его въ острогъ, а меня, далъ Богъ, оправдали по всѣмъ правамъ. Въ судѣ такую бумагу читали. И всѣ въ мундирахъ. На судѣ-то. Я такъ тебѣ скажу, ваше высокоблагородіе, наша служба для непривычнаго — не приведи Богъ, погибель сущая, а для насъ ничего. Когда не ходишь, такъ даже ноги болятъ. И дома для насъ хуже. Дома въ волости писарю

печь затопи, писарю воды принеси, писарю сапоги почисть.

— А сколько ты получаешь жалованья? — спросилъ Лыжинъ.

— Восемьдесятъ четыре рубля въ годъ.

— Небось вѣдь и доходишки есть. Не безъ того?

— Какіе наши доходишки! Нынѣшніе господа на чай даютъ рѣдко когда. Господа нынче строгіе, обижаются все. Ты ему бумагу принесъ — обижается, шапку передъ нимъ снялъ — обижается. Ты, говоритъ, не съ того крыльца зашелъ, ты, говоритъ, пьяница, отъ тебя лукомъ воняетъ, болванъ, говоритъ, сукинъ сынъ. Есть, конечно, и добрые, да что съ нихъ возьмешь, только насмѣхаются и разныя прозванія. Къ примѣру, баринъ Алтухинъ; и добрый, и, глядишь, чверезый, въ своемъ умѣ, а какъ увидитъ, такъ и кричитъ, самъ не понимаетъ что. Прозваніе мнѣ такое далъ. Ты, говоритъ...

Сотскій проговорилъ какое-то слово, но такъ тихо, что нельзя было разобрать.

— Какъ? — спросилъ Лыжинъ. — Ты повтори.

— Администрація! — громко повторилъ сотскій. — Давно ужъ такъ зоветъ, лѣтъ шесть. Здравствуй, администрація! Но я ничего, пускай, Богъ съ нимъ. Случается, какая барыня вышлетъ стаканчикъ водочки и кусокъ пирога, ну, выпьешь за ея здоровье. А больше мужики подаютъ; мужики — тѣ душевнѣй, Бога боятся: кто хлѣбца, кто щецъ дастъ похлебать, кто и поднесетъ. Старосты чайкомъ потчуютъ въ трактирѣ. Вотъ сейчасъ понятые пошли чай пить.

«Лошадинъ, говорятъ, побудь тутъ за насъ, постереги», — и по копейкѣ дали. Страшно имъ съ непривычки. А вчерась дали пятиалтынничекъ и стаканчикъ поднесли.

— А тебѣ развѣ не страшно?

— Страшно, баринъ, да вѣдь наше дѣло такое — служба, никуда отъ ней не уйдешь. Лѣтось веду арестанта въ городъ, а онъ меня — по шеѣ! по шеѣ! по шеѣ! А кругомъ поле, лѣсъ, — куда отъ него уйдешь? Такъ и тутъ вотъ. Барина, Лѣсницкаго, я еще эканького помню, и отца его зналъ, и мамашу. Я изъ деревни Недощотовой, а они, господа Лѣсницкіе, отъ насъ не больше, какъ въ верстѣ, и того меньше, межа съ межой. И была у господина Лѣсницкаго сестра, дѣвица богобоязливая и милосердная. Помяни Господи душу рабы твоей Юліи, вѣчная память. Замужъ не пошла, а когда помирала, то все свое добро подѣлила; на монастырь записала сто десятинъ, да намъ обществу крестьянъ деревни Недощотовой, на поминъ души, двѣсти, а братецъ ейный, баринъ-то, бумагу спряталъ, сказываютъ, въ печкѣ сжегъ и всю землю себѣ забралъ. Думалъ, значитъ, себѣ на пользу, анъ — нѣтъ, погоди, на свѣтѣ неправдой не проживешь, братъ. Баринъ потомъ на духу лѣтъ двадцать не былъ, его отъ церкви отшибало, значитъ, и безъ покаянія померъ, лопнулъ. Толстючій былъ. Такъ и лопнулъ вдоль. Потомъ у молодого барина, у Сережи-то, все за долги забрали, все какъ есть; ну, въ наукахъ далеко не пошелъ, ничего не можетъ, и предсѣдатель земской управы, дядя его, «возьму-ка, думаетъ, его, Сережу-то, къ себѣ въ агенты, пускай страхуетъ, дѣло не

мудрое». А баринъ молодой, гордый, тоже хочется, да пошире, да повиднѣй, да повольготнѣй, ну, обидно, значитъ, въ телѣжонкѣ трепаться по уѣзду, съ мужиками разговаривать; ходитъ и все въ землю глядитъ, глядитъ и молчитъ; окликнешь его у самаго уха: — «Сергѣй Сергѣичъ!» — а онъ оглянется этакъ: — «А?» — и опять глядитъ въ землю. А теперь, видишь, руки на себя наложилъ. Нескладно, ваше высокоблагородіе, неправильно это самое и не поймешь, что оно такое на свѣтѣ, Господи милостивый. Сказать, отецъ былъ богатый, а ты бѣдный, обидно, это конечно, ну, да что жъ, привыкать надо. Я тоже жилъ хорошо, у меня, ваше высокоблагородіе, были двѣ лошади, три коровы, овецъ штукъ двадцать держалъ, а пришло время, съ одной сумочкой остался, да и та не моя, а казенная, и теперь, въ нашей Недощотовой, ежели говорить, мой домъ что ни на есть хуже. У Мокея было четыре лакея, а теперь Мокей самъ лакей. У Петрака было четыре батрака, а теперь Петракъ самъ батракъ.

— Отчего же ты обѣднялъ? — спросилъ слѣдователь.

— Сыны мои водку пьютъ шибко. Такъ пьютъ, такъ пьютъ, что сказать нельзя, не повѣришь.

Лыжинъ слушалъ и думалъ о томъ, что вотъ онъ, Лыжинъ, уѣдетъ рано или поздно опять въ Москву, а этотъ старикъ останется здѣсь навсегда и будетъ все ходить и ходить; и сколько еще въ жизни придется встрѣчать такихъ истрепанныхъ, давно не чесанныхъ, «не стоющихъ» стариковъ, у которыхъ въ душѣ какимъ-то обра-

зомъ крѣпко сжились пятиалтынничекъ, стаканчикъ и глубокая вѣра въ то, что на этомъ свѣтѣ неправдой не проживешь. Потомъ наскучило слушать, и онъ приказалъ принести сѣна для постели. Въ пріѣзжей стояла желѣзная кроватъ съ подушкой и одѣяломъ, и ее можно было принести оттуда, но возлѣ нея почти три дня лежалъ покойникъ (который, быть можетъ, садился на нее передъ смертью), и теперь на ней было бы непріятно спать...

«Еще только половина восьмого, — подумалъ Лыжинъ, взглянувъ на часы. — Какъ это ужасно!»

Спать не хотѣлось, но отъ нечего дѣлать, чтобы какъ-нибудь скоротать время, онъ легъ и укрылся пледомъ. Лошадинъ, убирая посуду, выходилъ и входилъ нѣсколько разъ, почмокивая и вздыхая, все топтался у стола, наконецъ, взялъ свою лампочку и вышелъ; и глядя сзади на его длинные сѣдые волосы и согнутое тѣло, Лыжинъ подумалъ:

«Точно колдунъ въ оперѣ».

Стало темно. Должно быть, за облаками была луна, такъ какъ ясно были видны окна и снѣгъ на рамахъ.

«У-у-у-у! — пѣла метель. — У-у-у-у!»

— Ба-а-а-тюшки! — провыла баба на чердакѣ, или такъ только послышалось. — Ба-а-а-тюшки мои-и!

«Ббухъ! — ударилось что-то снаружи о стѣну. — Трахъ!»

Слѣдователь прислушался: никакой бабы не было, вылъ вѣтеръ. Было прохладно, и онъ сверхъ пледа накрылся еще шубой. Грѣясь, онъ

думалъ о томъ, какъ все это — и метель, и изба, и старикъ, и мертвое тѣло, лежавшее въ сосѣдней комнатѣ, — какъ все это было далеко отъ той жизни, какой онъ хотѣлъ для себя, и какъ все это было чуждо для него, мелко, неинтересно. Если бы этотъ человѣкъ убилъ себя въ Москвѣ, или гдѣ-нибудь подъ Москвой, и пришлось бы вести слѣдствіе, то тамъ это было бы интересно, важно и, пожалуй, даже было бы страшно спать по сосѣдству съ трупомъ; тутъ же за тысячу верстъ отъ Москвы, все это какъ будто иначе освѣщено, все это не жизнь, не люди, а что-то существующее только «по формѣ», какъ говоритъ Лошадинъ, все это не оставитъ въ памяти ни малѣйшаго слѣда и забудется, едва только онъ, Лыжинъ, выѣдетъ изъ Сырни. Родина, настоящая Россія — это Москва, Петербургъ, а здѣсь провинція, колонія; когда мечтаешь о томъ, чтобы играть роль, быть популярнымъ, быть, напримѣръ, слѣдователемъ по особо важнымъ дѣламъ, или прокуроромъ окружнаго суда, быть свѣтскимъ львомъ, то думаешь непремѣнно о Москвѣ. Если жить, то въ Москвѣ, здѣсь же ничего не хочется, легко миришься со своей незамѣтною ролью и только ждешь одного отъ жизни — скорѣе бы уйти, уйти. И Лыжинъ мысленно носился по московскимъ улицамъ, заходилъ въ знакомые дома, видѣлся съ родными, товарищами, и сердце у него сладко сжималось при мысли, что ему теперь двадцать шесть лѣтъ и что, если онъ вырвется отсюда и попадетъ въ Москву черезъ пять или десять лѣтъ, то и тогда еще будетъ не поздно и останется еще впереди цѣлая жизнь. И впадая въ забытье, когда уже

у него стали путатся мысли, онъ воображалъ длинные коридоры московскаго суда, себя, говорящаго рѣчь, своихъ сестеръ, оркестръ, который почему-то все гудитъ:

«У-у-у! У-у-у!»

«Ббухъ! Трахъ! — раздалось опять. — Бухъ!»

И онъ вдругъ вспомнилъ, какъ однажды въ земской управѣ, когда онъ разговаривалъ съ бухгалтеромъ, къ конторкѣ подошелъ какой-то господинъ съ темными глазами, черноволосый, худой, блѣдный; у него было непріятное выраженіе глазъ, какое бываетъ у людей, которые долго спали послѣ обѣда, и оно портило его тонкій, умный профиль; и высокіе сапоги, въ которыхъ онъ былъ, не шли къ нему, казались грубыми. Бухгалтеръ представилъ: — «Это нашъ земскій агентъ».

— Такъ это былъ Лѣсницкій... вотъ этотъ самый... — соображалъ теперь Лыжинъ.

Онъ вспомнилъ тихій голосъ Лѣсницкаго, вообразилъ его походку, и ему показалось, что возлѣ него ходитъ теперь кто-то, ходитъ точно такъ же, какъ Лѣсницкій.

Вдругъ стало страшно, похолодѣла голова.

— Кто здѣсь? — спросилъ онъ съ тревогой.

— Цоцкай.

— Что тебѣ тутъ нужно?

— Я, ваше высокоблагородіе, спроситься. Вы сказали давеча, старшина не нуженъ, да я боюсь, не осерчалъ бы. Приказывалъ прійтить. Сходить нешто?

— Ну тебя! Надоѣлъ... — проговорилъ съ досадой Лыжинъ и опять укрылся.

— Не осерчалъ бы... Пойду, ваше высокоблагородіе, счастливо оставаться.

И Лошадинъ вышелъ. Въ сѣняхъ покашливали и говорили вполголоса. Должно быть, понятые вернулись.

«Завтра отпустимъ этихъ бѣдняковъ пораньше... — думалъ слѣдователь. — Начнемъ вскрытіе какъ только разсвѣтетъ».

Онъ сталъ забываться, какъ вдругъ опять чьи-то шаги, но не робкіе, а быстрые, шумные. Хлопнула дверь, голоса, чирканье спичкой...

— Вы спите? Вы спите? — спрашивалъ торопливо и сердито докторъ Старченко, зажигая спичку за спичкой; онъ былъ весь покрытъ снѣгомъ и отъ него вѣяло холодомъ. — Вы спите? Вставайте, поѣдемъ къ фонъ-Тауницу. Онъ прислалъ за вами своихъ лошадей. Поѣдемте, тамъ по крайней мѣрѣ поужинаете, уснете по-человѣчески. Видите, я самъ за вами пріѣхалъ. Лошади прекрасныя, мы въ двадцать минутъ докатимъ.

— А который теперь часъ?

— Четверть одиннадцатаго.

Лыжинъ, сонный, недовольный, надѣлъ валенки, шубу, шапку и башлыкъ и вмѣстѣ съ докторомъ вышелъ наружу. Мороза большого не было, но дулъ сильный, пронзительный вѣтеръ и гналъ вдоль улицы облака снѣга, которыя, казалось, бѣжали въ ужасѣ; подъ заборами и у крылецъ уже навалило высокіе сугробы. Докторъ и слѣдователь сѣли въ сани и бѣлый кучеръ перегнулся къ нимъ, чтобы застегнуть полость. Обоимъ было жарко.

— Трогай!

Поѣхали по деревнѣ. «Бразды пушистыя

взрывая»... — думалъ вяло слѣдователь, глядя, какъ пристяжная работала ногами. Во всѣхъ избахъ свѣтились огни, точно былъ канунъ большого праздника: это крестьяне не спали, боялись покойника. Кучеръ молчалъ угрюмо; должно быть, соскучился, пока стоялъ около земской избы, и теперь тоже думалъ о покойникѣ.

— А у Тауница, — сказалъ Старченко: — когда узнали, что вы остались ночевать въ избѣ, то всѣ набросились на меня, почему я это васъ съ собой не взялъ.

На выѣздѣ изъ деревни, на поворотѣ, кучеръ вдругъ крикнулъ во все горло:

— Съ дороги!

Промелькнулъ какой-то человѣкъ; онъ стоялъ по колѣна въ снѣгу, сойдя съ дороги, и смотрѣлъ на тройку; слѣдователь видѣлъ палку крючкомъ и бороду и на боку сумку, и ему показалось, что это Лошадинъ, и даже показалось, что онъ улыбается. Мелькнулъ и исчезъ.

Дорога шла сначала по краю лѣса, потомъ по широкой лѣсной просѣкѣ; мелькали и старыя сосны, и молодой березнякъ, и высокіе молодые, корявые дубы, одиноко стоявшіе на полянахъ, гдѣ недавно срубили лѣсъ, но скоро все смѣшалось въ воздухѣ, въ облакахъ снѣга: кучеръ говорилъ, что онъ видитъ лѣсъ, слѣдователю же не было видно ничего, кромѣ пристяжной. Вѣтеръ дулъ въ спину.

Вдругъ лошади остановились.

— Ну, что еще? — сердито спросилъ Старченко.

Кучеръ молча слѣзъ съ козелъ и сталъ бѣгать вокругъ саней, наступая на пятки; дѣлалъ

онъ круги все больше и больше, все удаляясь отъ саней, и было похоже, что онъ танцуетъ; наконецъ вернулся и сталъ сворачивать вправо.

— Съ дороги сбился, что ли? — спросилъ Старченко.

— Ничего-о...

Вотъ какая-то деревушка, ни одного огонька въ ней. Опять лѣсъ, поле, опять сбились съ дороги и кучеръ слѣзалъ съ козелъ и танцовалъ. Тройка понесла по темной аллеѣ, понесла быстро, и горячая пристяжная била по передку саней. Здѣсь деревья шумѣли гулко, страшно и не было видно ни зги, точно неслись куда-то въ пропасть, и вдругъ — ударилъ въ глаза яркій свѣтъ подъѣзда и оконъ, раздался добродушный заливчатый лай, голоса... Пріѣхали.

Пока внизу въ передней снимали шубы и валенки, наверху играли на роялѣ «Un petit verre de Cliquot» и было слышно, какъ дѣти топали ногами. На пріѣзжихъ сразу пахнуло тепломъ, запахомъ старыхъ барскихъ покоевъ, гдѣ, какая бы ни была погода снаружи, живется такъ тепло, чисто, удобно.

— Вотъ и прекрасно, — говорилъ фонъ-Тауницъ, толстякъ съ невѣроятно широкой шеей и съ бакенами, пожимая слѣдователю руку. — Вотъ и прекрасно. Милости прошу, очень радъ познакомиться. Мы вѣдь съ вами немножко коллеги. Когда-то я былъ товарищемъ прокурора, но не долго, всего два года; пріѣхалъ сюда хозяйничать и здѣсь состарился. Старый хрѣнъ, однимъ словомъ. Милости прошу, — продолжалъ онъ, очевидно, сдерживая свой голосъ, чтобы не говорить громко; онъ и гости поднимались на-

верхъ. — Жены у меня нѣтъ, умерла, а это, рекомендую, мои дочери. — И, обернувшись, онъ крикнулъ внизъ громовымъ голосомъ: — Скажите тамъ Игнату, чтобы завтра подавалъ къ восьми часамъ!

Въ залѣ находились его четыре дочери, молодыя дѣвушки, хорошенькія, всѣ въ сѣрыхъ платьяхъ и одинаково причесанныя, и ихъ кузина съ дѣтьми, тоже молодая и интересная. Старченко, который былъ знакомъ съ ними, тотчасъ же сталъ просить спѣть что-нибудь, и двѣ барышни долго увѣряли, что онѣ не умѣютъ пѣть и что у нихъ нѣтъ нотъ, потомъ кузина сѣла за рояль, и онѣ спѣли дрожащими голосами дуэтъ изъ «Пиковой дамы». Опять заиграли «Un petit verre de Cliquot», и дѣти запрыгали, топая въ тактъ ногами. И Старченко запрыгалъ. Всѣ хохотали.

Потомъ дѣти прощались, уходя спать. Слѣдователь смѣялся, танцовалъ кадриль, ухаживалъ, а самъ думалъ: не сонъ ли все это? Черная половина земской избы, куча сѣна въ углу, шорохъ таракановъ, противная нищенская обстановка, голоса понятыхъ, вѣтеръ, метель, опасность сбиться съ дороги и вдругъ эти великолѣпныя свѣтлыя комнаты, звуки рояля, красивыя дѣвушки, кудрявыя дѣти, веселый, счастливый смѣхъ — такое превращеніе казалось ему сказочнымъ; и было невѣроятно, что такія превращенія возможны на протяженіи какихъ-нибудь трехъ верстъ, одного часа. И скучныя мысли мѣшали ему веселиться, и онъ все думалъ о томъ, что это кругомъ не жизнь, а клочки жизни, отрывки, что все здѣсь случайно, никакого вывода сдѣлать нельзя; и ему даже было жаль этихъ дѣвушекъ,

которыя живутъ и кончатъ свою жизнь здѣсь въ глуши, въ провинціи, вдали отъ культурной среды, гдѣ ничто не случайно, все осмысленно, законно и, напримѣръ, всякое самоубійство понятно, и можно объяснить, почему оно и какое оно имѣетъ значеніе въ общемъ круговоротѣ жизни. Онъ полагалъ, что если окружающая жизнь здѣсь, въ глуши, ему не понятна и если онъ не видитъ ея, то это значитъ, что ея здѣсь нѣтъ вовсе.

За ужиномъ шелъ разговоръ о Лѣсницкомъ.

— Онъ оставилъ жену и ребенка, — говорилъ Старченко. — Неврастеникамъ и вообще людямъ, у которыхъ нервная система не въ порядкѣ, я запретилъ бы вступать въ бракъ; я отнялъ бы у нихъ право и возможность размножать себѣ подобныхъ. Производить на свѣтъ нервно-больныхъ дѣтей — это преступленіе.

— Несчастный молодой человѣкъ, — говорилъ фонъ-Тауницъ, тихо вздыхая и покачивая головой. — Сколько надо прежде передумать, выстрадать, чтобы, наконецъ, рѣшиться отнять у себя жизнь... молодую жизнь. Въ каждой семьѣ можетъ случиться такое несчастье, и это ужасно. Трудно это переносить, нестерпимо...

И всѣ дѣвушки слушали молча, съ серьезными лицами, глядя на отца. Лыжинъ чувствовалъ, что ему тоже со своей стороны нужно сказать что-нибудь, но онъ ничего не могъ придумать и сказалъ только:

— Да, самоубійства — явленіе не желательное.

Онъ спалъ въ теплой комнатѣ, въ мягкой постели, укрытый одѣяломъ, подъ которымъ была тонкая свѣжая простыня, но почему-то не испы-

тывалъ удобства; быть можетъ, это оттого, что въ сосѣдней комнатѣ долго разговаривали докторъ и фонъ-Тауницъ, и вверху надъ потолкомъ и въ печкѣ метель шумѣла такъ же, какъ въ земской избѣ, и такъ же выла жалобно:

«У-у-у-у!»

У Тауница года два назадъ умерла жена, и онъ до сихъ поръ еще не помирился съ этимъ и, о чемъ бы ни говорилъ, всякій разъ вспоминалъ о женѣ; и въ немъ уже не осталось ничего прокурорскаго.

«Неужели и я когда-нибудь могу дойти до такого состоянія?» — думалъ Лыжинъ, засыпая и слушая сквозь стѣну его сдержанный, точно сиротскій голосъ.

Слѣдователь спалъ не покойно. Было жарко, неудобно, и ему казалось во снѣ, что онъ не въ домѣ Тауница, и не въ мягкой чистой постели, а все еще въ земской избѣ, на сѣнѣ, и слышитъ, какъ вполголоса говорятъ понятые; ему казалось, что Лѣсницкій близко, въ пятнадцати шагахъ. Ему опять вспомнилось во снѣ, какъ земскій агентъ, черноволосый, блѣдный, въ высокихъ запыленныхъ сапогахъ подходилъ къ конторкѣ бухгалтера. — «Это нашъ земскій агентъ...» Потомъ ему представилось, будто Лѣсницкій и сотскій Лошадинъ шли въ полѣ по снѣгу, бокъ о бокъ, поддерживая другъ друга; метель кружила надъ ними, вѣтеръ дулъ въ спины, а они шли и подпѣвали:

— Мы идемъ, мы идемъ, мы идемъ.

Старикъ былъ похожъ на колдуна въ оперѣ, и оба въ самомъ дѣлѣ пѣли точно въ театрѣ:

— Мы идемъ, мы идемъ, мы идемъ... Вы

въ теплѣ, вамъ свѣтло, вамъ мягко, а мы идемъ въ морозъ, въ метель, по глубокому снѣгу... Мы не знаемъ покоя, не знаемъ радостей... Мы несемъ на себѣ всю тяжесть этой жизни, и своей, и вашей... У-у-у! Мы идемъ, мы идемъ, мы идемъ...

Лыжинъ проснулся и сѣлъ въ постели. Какой смутный, нехорошій сонъ! И почему агентъ и сотскій приснились вмѣстѣ? Что за вздоръ! И теперь, когда у Лыжина сильно билось сердце и онъ сидѣлъ въ постели, охвативъ голову руками, ему казалось, что у этого страхового агента и у сотскаго въ самомъ дѣлѣ есть что-то общее въ жизни. Не идутъ ли они и въ жизни бокъ о бокъ, держась другъ за друга? Какая-то связь невидимая, но значительная и необходимая, существуетъ между обоими, даже между ними и Тауницемъ, и между всѣми, всѣми; въ этой жизни, даже въ самой пустынной глуши, ничто не случайно, все полно одной общей мысли, все имѣетъ одну душу, одну цѣль, и чтобы понимать это, мало думать, мало разсуждать, надо еще, вѣроятно, имѣть даръ проникновенія въ жизнь, даръ, который дается, очевидно, не всѣмъ. И несчастный, надорвавшійся, убившій себя «неврастеникъ», какъ называлъ его докторъ, и старикъ мужикъ, который всю свою жизнь каждый день ходитъ отъ человѣка къ человѣку, — это случайности, отрывки жизни для того, кто и свое существованіе считаетъ случайнымъ, и это части одного организма, чудеснаго и разумнаго, для того, кто и свою жизнь считаетъ частью этого общаго и понимаетъ это. Такъ думалъ Лыжинъ, и это было его давней затаенною мыслью и толь-

ко теперь она развернулась въ его сознанiи широко и ясно.

Онъ легъ и сталъ засыпать; и вдругъ опять они идутъ вмѣстѣ и поютъ:

— Мы идемъ, мы идемъ, мы идемъ... Мы беремъ отъ жизни то, что въ ней есть самаго тяжелаго и горькаго, а вамъ оставляемъ легкое и радостное, и вы можете, сидя за ужиномъ, холодно и здраво разсуждать, отчего мы страдаемъ и гибнемъ, и отчего мы не такъ здоровы и довольны, какъ вы.

То, что они пѣли, и раньше приходило ему въ голову, но эта мысль сидѣла у него какъ-то позади другихъ мыслей и мелькала робко, какъ далекiй огонекъ въ туманную погоду. И онъ чувствовалъ, что это самоубiйство и мужицкое горе лежатъ и на его совѣсти; мириться съ тѣмъ, что эти люди, покорные своему жребiю, взвалили на себя самое тяжелое и темное въ жизни — какъ это ужасно! Мириться съ этимъ, а для себя желать свѣтлой, шумной жизни среди счастливыхъ довольныхъ людей и постоянно мечтать о такой жизни — это значитъ мечтать о новыхъ самоубiйствахъ людей, задавленныхъ трудомъ и заботой, или людей слабыхъ, заброшенныхъ, о которыхъ только говорятъ иногда за ужиномъ, съ досадой или съ усмѣшкой, но къ которымъ не идутъ на помощь... И опять:

— Мы идемъ, мы идемъ, мы идемъ...

Точно кто стучитъ молоткомъ по вискамъ.

Утромъ проснулся онъ рано, съ головною болью, разбуженный шумомъ; въ сосѣдней комнатѣ фонъ-Тауницъ говорилъ громко доктору:

— Вамъ невозможно теперь ѣхать. По-

смотрите, что дѣлается на дворѣ! Вы не спорьте, а спросите лучше у кучера: онъ не повезетъ васъ въ такую погоду и за милліонъ.

— Но вѣдь только три версты, — говорилъ докторъ умоляющимъ голосомъ.

— Да хоть полверсты. Коли нельзя, такъ и нельзя. Выѣдете только за ворота, тамъ адъ кромѣшный, въ одну минуту собьетесь съ дороги. Ни за что не отпущу, какъ вамъ угодно.

— Надо быть, къ вечеру утихнетъ, — сказалъ мужикъ, топившій печь.

И докторъ въ сосѣдней комнатѣ сталъ говорить о суровой природѣ, вліяющей на характеръ русскаго человѣка, о длинныхъ зимахъ, которыя, стѣсняя свободу передвиженія, задерживаютъ умственный ростъ людей, а Лыжинъ съ досадой слушалъ эти разсужденія, смотрѣлъ въ окна на сугробы, которые намело на заборъ, смотрѣлъ на бѣлую пыль, заполнявшую все видимое пространство, на деревья, которыя отчаянно гнулись то вправо, то влѣво, слушалъ вой и стуки и думалъ мрачно:

«Ну, какую тутъ можно вывести мораль? Метель и больше ничего...»

Въ полдень завтракали, потомъ бродили по дому безъ цѣли, подходили къ окнамъ.

«А Лѣсницкій лежитъ, — думалъ Лыжинъ, глядя на вихри снѣга, которые кружились неистово на сугробахъ. — Лѣсницкій лежитъ, понятые ждутъ»...

Говорили о погодѣ, о томъ, что метель продолжается обыкновенно двое сутокъ, рѣдко болѣе. Въ шесть часовъ обѣдали, потомъ играли въ кар-

ты, пѣли, танцовали, наконецъ, ужинали. День прошелъ, легли спать.

Ночью подъ утро все успокоилось. Когда встали и поглядѣли въ окна, голыя ивы со своими слабо опущенными вѣтвями стояли совершенно неподвижно, было пасмурно, тихо, точно природѣ теперь было стыдно за свой разгулъ, за безумныя ночи и волю, какую она дала своимъ страстямъ. Лошади, запряженныя гусемъ, ожидали у крыльца съ пяти часовъ утра. Когда совсѣмъ разсвѣло, докторъ и слѣдователь надѣли свои шубы и валенки и, простившись съ хозяиномъ, вышли.

У крыльца рядомъ съ кучеромъ стоялъ знакомый цоцкай, Илья Лошадинъ, безъ шапки, со старой кожаной сумкой черезъ плечо, весь въ снѣгу; и лицо было красное, мокрое отъ пота. Лакей, вышедшій, чтобы посадить гостей въ сани и укрыть имъ ноги, посмотрѣлъ на него сурово и сказалъ:

— Что ты тутъ стоишь, старый чортъ? Пошелъ вонъ отсюда.

— Ваше высокоблагородіе, народъ безпокоится... — заговорилъ Лошадинъ, улыбаясь наивно, во все лицо, и видимо довольный, что, наконецъ, увидѣлъ тѣхъ, кого такъ долго ждалъ. — Народъ очень безпокоится, ребята плачутъ... Думали, ваше благородіе, что вы опять въ городъ уѣхали. Явите божескую милость, благодѣтели наши...

Докторъ и слѣдователь ничего не сказали, сѣли въ сани и поѣхали въ Сырню.

1899.

Дама съ собачкой

I

Говорили, что на набережной появилось новое лицо: дама съ собачкой. Дмитрій Дмитричъ Гуровъ, прожившій въ Ялтѣ уже двѣ недѣли и привыкшій тутъ, тоже сталъ интересоваться новыми лицами. Сидя въ павильонѣ у Верне, онъ видѣлъ, какъ по набережной прошла молодая дама, невысокаго роста блондинка, въ беретѣ; за нею бѣжалъ бѣлый шпицъ.

И потомъ онъ встрѣчалъ ее въ городскомъ саду и на скверѣ, по нѣскольку разъ въ день. Она гуляла одна, все въ томъ же беретѣ, съ бѣлымъ шпицемъ; никто не зналъ, кто она, и называли ее просто такъ: дама съ собачкой.

— Если она здѣсь безъ мужа и безъ знакомыхъ, — соображалъ Гуровъ: — то было бы не лишнее познакомиться съ ней.

Ему не было еще сорока, но у него была уже дочь двѣнадцати лѣтъ и два сына гимназиста. Его женили рано, когда онъ былъ еще студентомъ второго курса, и теперь жена казалась въ полтора раза старше его. Это была женщина высокая, съ темными бровями, прямая, важная, солидная и, какъ она сама себя называла, мыслящая. Она много читала, не писала въ письмахъ ъ, называла мужа не Дмитріемъ, а Димитріемъ, а онъ втайнѣ считалъ ее недалекой, узкой, неизящной, боялся ея и не любилъ бывать дома. Измѣнять ей онъ началъ уже давно, измѣнялъ

часто и, вѣроятно, поэтому о женщинахъ отзывался почти всегда дурно, и когда въ его присутствіи говорили о нихъ, то онъ называлъ ихъ такъ:

— Низшая раса!

Ему казалось, что онъ достаточно наученъ горькимъ опытомъ, чтобы называть ихъ, какъ угодно, но все же безъ «низшей расы» онъ не могъ бы прожить и двухъ дней. Въ обществѣ мужчинъ ему было скучно, не по себѣ, съ ними онъ былъ неразговорчивъ, холоденъ, но когда находился среди женщинъ, то чувствовалъ себя свободно и зналъ, о чемъ говорить съ ними и какъ держать себя; и даже молчать съ ними ему было легко. Въ его наружности, въ характерѣ, во всей его натурѣ было что-то привлекательное, неуловимое, что располагало къ нему женщинъ, манило ихъ; онъ зналъ объ этомъ, и самого его тоже какая-то сила влекла къ нимъ.

Опытъ многократный, въ самомъ дѣлѣ, горькій опытъ научилъ его давно, что всякое сближеніе, которое вначалѣ такъ пріятно разнообразитъ жизнь и представляется милымъ и легкимъ приключеніемъ, у порядочныхъ людей, особенно у москвичей, тяжелыхъ на подъемъ, нерѣшительныхъ, неизбѣжно выростаетъ въ цѣлую задачу, сложную чрезвычайно, и положеніе въ концѣ концовъ становится тягостнымъ. Но при всякой новой встрѣчѣ съ интересною женщиной этотъ опытъ какъ-то ускользалъ изъ памяти, и хотѣлось жить, и все казалось такъ просто и забавно.

И вотъ однажды подъ вечеръ онъ обѣдалъ въ саду, а дама въ беретѣ подходила не спѣша, чтобы занять сосѣдній столъ. Ея выраженіе, походка, платье, прическа говорили ему, что она

изъ порядочнаго общества, замужемъ, въ Ялтѣ въ первый разъ и одна, что ей скучно здѣсь... Въ разсказахъ о нечистотѣ мѣстныхъ нравовъ много неправды, онъ презиралъ ихъ и зналъ, что такіе разсказы въ большинствѣ сочиняются людьми, которые сами бы охотно грѣшили, если бъ умѣли, но когда дама сѣла за сосѣдній столъ въ трехъ шагахъ отъ него, ему вспомнились эти разсказы о легкихъ побѣдахъ, о поѣздкахъ въ горы, и соблазнительная мысль о скорой, мимолетной связи, о романѣ съ неизвѣстною женщиной, которой не знаешь по имени и фамиліи, вдругъ овладѣла имъ.

Онъ ласково поманилъ къ себѣ шпица и, когда тотъ подошелъ, погрозилъ ему пальцемъ. Шпицъ заворчалъ. Гуровъ опять погрозилъ.

Дама взглянула на него и тотчасъ же опустила глаза.

— Онъ не кусается, — сказала она и покраснѣла.

— Можно дать ему кость? — и когда она утвердительно кивнула головой, онъ спросилъ привѣтливо: — Вы давно изволили пріѣхать въ Ялту?

— Дней пять.

— А я уже дотягиваю здѣсь вторую недѣлю.

Помолчали немного.

— Время идетъ быстро, а между тѣмъ здѣсь такая скука! — сказала она, не глядя на него.

— Это только принято говорить, что здѣсь скучно. Обыватель живетъ у себя гдѣ-нибудь въ Бѣлевѣ или Жиздрѣ — и ему не скучно, а пріѣдетъ сюда: «Ахъ, скучно! ахъ, пыль!» Подумаешь, что онъ изъ Гренады пріѣхалъ.

Она засмѣялась. Потомъ оба продолжали ѣсть молча, какъ незнакомые; но послѣ обѣда пошли рядомъ — и начался шутливый, легкій разговоръ людей свободныхъ, довольныхъ, которымъ все равно, куда бы ни идти, о чемъ ни говорить. Они гуляли и говорили о томъ, какъ странно освѣщено море; вода была сиреневаго цвѣта, такого мягкаго и теплаго, и по ней отъ луны шла золотая полоса. Говорили о томъ, какъ душно послѣ жаркаго дня. Гуровъ разсказалъ, что онъ москвичъ, по образованію филологъ, но служитъ въ банкѣ; готовился когда-то пѣть въ частной оперѣ, но бросилъ, имѣетъ въ Москвѣ два дома... А отъ нея онъ узналъ, что она выросла въ Петербургѣ, но вышла замужъ въ С., гдѣ живетъ уже два года, что пробудетъ она въ Ялтѣ еще съ мѣсяцъ и за ней, быть можетъ, пріѣдетъ ея мужъ, которому тоже хочется отдохнуть. Она никакъ не могла объяснить, гдѣ служитъ ея мужъ, — въ губернскомъ правленіи, или въ губернской земской управѣ, и это ей самой было смѣшно. И узналъ еще Гуровъ, что ее зовутъ Анной Сергѣевной.

Потомъ у себя въ номерѣ онъ думалъ о ней, о томъ, что завтра она, навѣрное, встрѣтится съ нимъ. Такъ должно быть. Ложась спать, онъ вспомнилъ, что она еще такъ недавно была институткой, училась, все равно какъ теперь его дочь, вспомнилъ, сколько еще несмѣлости, угловатости было въ ея смѣхѣ, въ разговорѣ съ незнакомымъ, — должно быть, это первый разъ въ жизни она была одна, въ такой обстановкѣ, когда за ней ходятъ, и на нее смотрятъ, и говорятъ съ ней только съ одною тайною цѣлью, о кото-

рой она не можетъ не догадываться. Вспомнилъ онъ ея тонкую, слабую шею, красивые, сѣрые глаза.

«Что-то въ ней есть жалкое все-таки», подумалъ онъ и сталъ засыпать.

II

Прошла недѣля послѣ знакомства. Былъ праздничный день. Въ комнатахъ было душно, а на улицахъ вихремъ носилась пыль, срывало шляпы. Весь день хотѣлось пить, и Гуровъ часто заходилъ въ павильонъ и предлагалъ Аннѣ Сергѣевнѣ то воды съ сиропомъ, то мороженаго. Некуда было дѣваться.

Вечеромъ, когда немного утихло, они пошли на молъ, чтобы посмотрѣть, какъ придетъ пароходъ. На пристани было много гуляющихъ; собрались встрѣчать кого-то, держали букеты. И тутъ отчетливо бросались въ глаза двѣ особенности нарядной ялтинской толпы: пожилыя дамы были одѣты какъ молодыя, и было много генераловъ.

По случаю волненія на морѣ, пароходъ пришелъ поздно, когда уже сѣло солнце; и, прежде чѣмъ пристать къ молу, долго поворачивался. Анна Сергѣевна смотрѣла въ лорнетку на пароходъ и на пассажировъ, какъ бы отыскивая знакомыхъ, и когда обращалась къ Гурову, то глаза у нея блестѣли. Она много говорила, и вопросы у нея были отрывисты, и она сама тотчасъ же забывала, о чемъ спрашивала; потомъ потеряла въ толпѣ лорнетку.

Нарядная толпа расходилась, уже не было

видно лицъ, вѣтеръ стихъ совсѣмъ, а Гуровъ и Анна Сергѣевна стояли, точно ожидая, не сойдетъ ли еще кто съ парохода. Анна Сергѣевна уже молчала и нюхала цвѣты, не глядя на Гурова.

— Погода къ вечеру стала получше, — сказалъ онъ. — Куда же мы теперь пойдемъ? Не поѣхать ли намъ куда-нибудь?

Она ничего не отвѣтила.

Тогда онъ пристально поглядѣлъ на нее и вдругъ обнялъ ее и поцѣловалъ въ губы, и его обдало запахомъ и влагой цвѣтовъ, и тотчасъ же онъ пугливо оглядѣлся: не видѣлъ ли кто?

— Пойдемте къ вамъ... — проговорилъ онъ тихо.

И оба пошли быстро.

У нея въ номерѣ было душно, пахло духами, которые она купила въ японскомъ магазинѣ. Гуровъ, глядя на нее теперь, думалъ: какихъ только не бываетъ въ жизни встрѣчъ! Отъ прошлаго у него сохранилось воспоминаніе о беззаботныхъ, добродушныхъ женщинахъ, веселыхъ отъ любви, благодарныхъ ему за счастье, хотя бы очень короткое; и о такихъ, — какъ, напримѣръ, его жена, — которыя любили безъ искренности, съ излишними разговорами, манерно, съ истеріей, съ такимъ выраженіемъ, какъ будто то была не любовь, не страсть, а что-то болѣе значительное; и о такихъ двухъ-трехъ, очень красивыхъ, холодныхъ, у которыхъ вдругъ промелькало на лицѣ хищное выраженіе, упрямое желаніе взять, выхватить у жизни больше, чѣмъ она можетъ дать, и это были не первой молодости, капризныя, не разсуждающія, властныя, не умныя женщины, и когда Гуровъ охладѣвалъ

къ нимъ, то красота ихъ возбуждала въ немъ ненависть и кружева на ихъ бѣльѣ казались ему тогда похожими на чешую.

Но тутъ все та же несмѣлость, угловатость неопытной молодости, неловкое чувство; и было впечатлѣніе растерянности, какъ будто кто вдругъ постучалъ въ дверь. Анна Сергѣевна, эта «дама съ собачкой», къ тому, что произошло, отнеслась какъ-то особенно, очень серьезно, точно къ своему паденію, — такъ казалось, и это было странно и некстати. У нея опустились, завяли черты и по сторонамъ лица печально висѣли длинные волосы, она задумалась въ унылой позѣ, точно грѣшница на старинной картинѣ.

— Не хорошо, — сказала она. — Вы же первый меня не уважаете теперь.

На столѣ въ номерѣ былъ арбузъ. Гуровъ отрѣзалъ себѣ ломоть и сталъ ѣсть не спѣша. Прошло, по крайней мѣрѣ, полчаса въ молчаніи.

Анна Сергѣевна была трогательна, отъ нея вѣяло чистотой порядочной, наивной, мало жившей женщины; одинокая свѣча, горѣвшая на столѣ, едва освѣщала ея лицо, но было видно, что у нея нехорошо на душѣ.

— Отчего бы я могъ перестать уважать тебя? — спросилъ Гуровъ. — Ты сама не знаешь, что говоришь.

— Пусть Богъ меня проститъ! — сказала она, и глаза у нея наполнились слезами. — Это ужасно.

— Ты точно оправдываешься.

— Чѣмъ мнѣ оправдаться? Я дурная, низкая женщина, я себя презираю и объ оправданіи

не думаю. Я не мужа обманула, а самое себя. И не сейчасъ только, а уже давно обманываю. Мой мужъ, быть можетъ, честный, хорошій человѣкъ, но вѣдь онъ лакей! Я не знаю, что онъ дѣлаетъ тамъ, какъ служитъ, а знаю только, что онъ лакей. Мнѣ, когда я вышла за него, было двадцать лѣтъ, меня томило любопытство, мнѣ хотѣлось чего-нибудь получше; вѣдь есть же, — говорила я себѣ: — другая жизнь. Хотѣлось пожить! Пожить и пожить... Любопытство меня жгло... вы этого не понимаете, но, клянусь Богомъ, я уже не могла владѣть собой, со мной что-то дѣлалось, меня нельзя было удержать, я сказала мужу, что больна, и поѣхала сюда... И здѣсь все ходила, какъ въ угарѣ, какъ безумная... и вотъ я стала пошлой, дрянной женщиной, которую всякій можетъ презирать.

Гурову было уже скучно слушать, его раздражалъ наивный тонъ, это покаяніе, такое неожиданное и неумѣстное; если бы не слезы на глазахъ, то можно было бы подумать, что она шутитъ или играетъ роль.

— Я не понимаю, — сказалъ онъ тихо: — что же ты хочешь?

Она спрятала лицо у него на груди и прижалась къ нему.

— Вѣрьте, вѣрьте мнѣ, умоляю васъ... — говорила она. — Я люблю честную, чистую жизнь, а грѣхъ мнѣ гадокъ, я сама не знаю, что дѣлаю. Простые люди говорятъ: нечистый попуталъ. И я могу теперь про себя сказать, что меня попуталъ нечистый.

— Полно, полно... — бормоталъ онъ.

Онъ смотрѣлъ ей въ неподвижные, испуганные глаза, цѣловалъ ее, говорилъ тихо и ласково, и она понемногу успокоилась, и веселость вернулась къ ней; стали оба смѣяться.

Потомъ, когда они вышли, на набережной не было ни души, городъ со своими кипарисами имѣлъ совсѣмъ мертвый видъ, но море еще шумѣло и билось о берегъ; одинъ баркасъ качался на волнахъ, и на немъ сонно мерцалъ фонарикъ.

Нашли извозчика и поѣхали въ Ореанду.

— Я сейчасъ внизу въ передней узналъ твою фамилію: на доскѣ написано фонъ-Дидерицъ, — сказалъ Гуровъ. — Твой мужъ нѣмецъ?

— Нѣть, у него, кажется, дѣдъ былъ нѣмецъ, но самъ онъ православный.

Въ Ореандѣ сидѣли на скамьѣ, не далеко отъ церкви, смотрѣли внизъ на море и молчали. Ялта была едва видна сквозь утренній туманъ, на вершинахъ горъ неподвижно стояли бѣлыя облака. Листва не шевелилась на деревьяхъ, кричали цикады и однообразный, глухой шумъ моря, доносившійся снизу, говорилъ о покоѣ, о вѣчномъ снѣ, какой ожидаетъ насъ. Такъ шумѣло внизу, когда еще тутъ не было ни Ялты, ни Ореанды, теперь шумитъ и будетъ шумѣть такъ же равнодушно и глухо, когда насъ не будетъ. И въ этомъ постоянствѣ, въ полномъ равнодушіи къ жизни и смерти каждаго изъ насъ кроется, быть можетъ, залогъ нашего вѣчнаго спасенія, непрерывнаго движенія жизни на землѣ, непрерывнаго совершенства. Сидя рядомъ съ молодой женщиной, которая на разсвѣтѣ казалась такой красивой, успокоенный и очарованный въ виду

этой сказочной обстановки — моря, горъ, облаковъ, широкаго неба, Гуровъ думалъ о томъ, какъ въ сущности, если вдуматься, все прекрасно на этомъ свѣтѣ, все, кромѣ того, что мы сами мыслимъ и дѣлаемъ, когда забываемъ о высшихъ цѣляхъ бытія, о своемъ человѣческомъ достоинствѣ.

Подошелъ какой-то человѣкъ — должно быть, сторожъ, — посмотрѣлъ на нихъ и ушелъ. И эта подробность показалась такой таинственной и тоже красивой. Видно было, какъ пришелъ пароходъ изъ Ѳеодосіи, освѣщенный утренней зарей, уже безъ огней.

— Роса на травѣ, — сказала Анна Сергѣевна, послѣ молчанія.

— Да. Пора домой.

Они вернулись въ городъ.

Потомъ каждый полдень они встрѣчались на набережной, завтракали вмѣстѣ, обѣдали, гуляли, восхищались моремъ. Она жаловалась, что дурно спитъ и что у нея тревожно бьется сердце, задавала все одни и тѣ же вопросы, волнуемая то ревностью, то страхомъ, что онъ недостаточно ее уважаетъ. И часто на скверѣ, или въ саду, когда вблизи ихъ никого не было, онъ вдругъ привлекалъ ее къ себѣ и цѣловалъ страстно. Совершенная праздность, эти поцѣлуи среди бѣлаго дня, съ оглядкой и страхомъ, какъ бы кто не увидѣлъ, жара, запахъ моря и постоянное мельканіе передъ глазами праздныхъ, нарядныхъ, сытыхъ людей точно переродили его; онъ говорилъ Аннѣ Сергѣевнѣ о томъ, какъ она хороша, какъ соблазнительна, былъ нетерпѣливо страстенъ, не отходилъ отъ нея ни на шагъ, а она часто задумывалась и все просила его сознаться, что онъ

ея не уважаетъ, нисколько не любитъ, а только видитъ въ ней пошлую женщину. Почти каждый вечеръ попозже они уѣзжали куда-нибудь за городъ, въ Ореанду, или на водопадъ; и прогулка удавалась, впечатлѣнія неизмѣнно всякій разъ были прекрасны, величавы.

Ждали, что пріѣдетъ мужъ. Но пришло отъ него письмо, въ которомъ онъ извѣщалъ, что у него разболѣлись глаза, и умолялъ жену поскорѣе вернуться домой. Анна Сергѣевна заторопилась.

— Это хорошо, что я уѣзжаю, — говорила она Гурову. — Это сама судьба.

Она поѣхала на лошадяхъ, и онъ провожалъ ее. Ѣхали цѣлый день. Когда она садилась въ вагонъ курьерскаго поѣзда и когда пробилъ второй звонокъ, она говорила:

— Дайте, я погляжу на васъ еще... Погляжу еще разъ. Вотъ такъ.

Она не плакала, но была грустна, точно больна, и лицо у нея дрожало.

— Я буду о васъ думать... вспоминать, — говорила она. — Господь съ вами, оставайтесь. Не поминайте лихомъ. Мы навсегда прощаемся, это такъ нужно, потому что не слѣдовало бы вовсе встрѣчаться. Ну, Господь съ вами.

Поѣздъ ушелъ быстро, его огни скоро исчезли, и черезъ минуту уже не было слышно шума, точно все сговорилось нарочно, чтобы прекратить поскорѣе это сладкое забытье, это безуміе. И, оставшись одинъ на платформѣ и глядя въ темную даль, Гуровъ слушалъ крикъ кузнечиковъ и гудѣніе телеграфныхъ проволокъ съ такимъ чувствомъ, какъ будто только-что проснулся. И онъ думалъ о томъ, что вотъ въ его жизни

было еще одно похожденіе или приключеніе, и оно тоже уже кончилось, и осталось теперь воспоминаніе... Онъ былъ растроганъ, грустенъ и испытывалъ легкое раскаяніе; вѣдь эта молодая женщина, съ которой онъ больше уже никогда не увидится, не была съ нимъ счастлива; онъ былъ привѣтливъ съ ней и сердеченъ, но все же въ обращеніи съ ней, въ его тонѣ и ласкахъ сквозила тѣнью легкая насмѣшка, грубоватое высокомѣріе счастливаго мужчины, который къ тому же почти вдвое старше ея. Все время она называла его добрымъ, необыкновеннымъ, возвышеннымъ; очевидно, онъ казался ей не тѣмъ, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ, значитъ, невольно обманывалъ ее...

Здѣсь на станціи уже пахло осенью, вечеръ былъ прохладный.

«Пора и мнѣ на сѣверъ, — думалъ Гуровъ, уходя съ платформы. — Пора!»

III

Дома въ Москвѣ уже все было по-зимнему, топили печи, и по утрамъ, когда дѣти собирались въ гимназію и пили чай, было темно и няня ненадолго зажигала огонь. Уже начались морозы. Когда идетъ первый снѣгъ, въ первый день ѣзды на саняхъ, пріятно видѣть бѣлую землю, бѣлыя крыши, дышится мягко, славно, и въ это время вспоминаются юные годы. У старыхъ липъ и березъ, бѣлыхъ отъ инея, добродушное выраженіе, онѣ ближе къ сердцу, чѣмъ кипарисы и пальмы, и вблизи нихъ уже не хочется думать о горахъ и морѣ.

Гуровъ былъ москвичъ, вернулся онъ въ Москву въ хорошій, морозный день и, когда надѣлъ шубу и теплыя перчатки и прошелся по Петровкѣ, и когда въ субботу вечеромъ услышалъ звонъ колоколовъ, то недавняя поѣздка и мѣста, въ которыхъ онъ былъ, утеряли для него все очарованіе. Мало-по-малу онъ окунулся въ московскую жизнь, уже съ жадностью прочитывалъ по три газеты въ день и говорилъ, что не читаетъ московскихъ газетъ изъ принципа. Его уже тянуло въ рестораны, клубы, на званые обѣды, юбилеи, и уже ему было лестно, что у него бываютъ извѣстные адвокаты и артисты, и что въ докторскомъ клубѣ онъ играетъ въ карты съ профессоромъ. Уже онъ могъ съѣсть цѣлую порцію селянки на сковородкѣ...

Пройдетъ какой-нибудь мѣсяцъ, и Анна Сергѣевна, казалось ему, покроется въ памяти туманомъ и только изрѣдка будетъ сниться съ трогательной улыбкой, какъ снились другія. Но прошло больше мѣсяца, наступила глубокая зима, а въ памяти все было ясно, точно разстался онъ съ Анной Сергѣевной только вчера. И воспоминанія разгорались все сильнѣе. Доносились ли въ вечерней тишинѣ въ его кабинетъ голоса дѣтей, приготовлявшихъ уроки, слышалъ ли онъ романсъ, или органъ въ ресторанѣ, или завывала въ каминѣ метель, какъ вдругъ воскресало въ памяти все: и то, что было на молу, и раннее утро съ туманомъ на горахъ, и пароходъ изъ Ѳеодосіи, и поцѣлуи. Онъ долго ходилъ по комнатѣ и вспоминалъ, и улыбался, и потомъ воспоминанія переходили въ мечты, и прошедшее въ воображеніи мѣшалось съ тѣмъ, что будетъ. Анна

Сергѣевна не снилась ему, а шла за нимъ всюду, какъ тѣнь, и слѣдила за нимъ. Закрывши глаза, онъ видѣлъ ее, какъ живую, и она казалась красивѣе, моложе, нѣжнѣе, чѣмъ была; и самъ онъ казался себѣ лучше, чѣмъ былъ тогда, въ Ялтѣ. Она по вечерамъ глядѣла на него изъ книжнаго шкапа, изъ камина, изъ угла, онъ слышалъ ея дыханіе, ласковый шорохъ ея одежды. На улицѣ онъ провожалъ взглядомъ женщинъ, искалъ, нѣтъ ли похожей на нее...

И уже томило сильное желаніе подѣлиться съ кѣмъ-нибудь своими воспоминаніями. Но дома нельзя было говорить о своей любви, а внѣ дома — не съ кѣмъ. Не съ жильцами же и не въ банкѣ. И о чемъ говорить? Развѣ онъ любилъ тогда? Развѣ было что-нибудь красивое, поэтическое, или поучительное, или просто интересное въ его отношеніяхъ къ Аннѣ Сергѣевнѣ? И приходилось говорить неопредѣленно о любви, о женщинахъ, и никто не догадывался, въ чемъ дѣло, и только жена шевелила своими темными бровями и говорила:

— Тебѣ, Димитрій, совсѣмъ не идетъ роль фата.

Однажды ночью, выходя изъ докторскаго клуба со своимъ партнеромъ, чиновникомъ, онъ не удержался и сказалъ:

— Если бъ вы знали, съ какой очаровательной женщиной я познакомился въ Ялтѣ!

Чиновникъ сѣлъ въ сани и поѣхалъ, но вдругъ обернулся и окликнулъ:

— Дмитрій Дмитричъ!

— Что?

— А давеча вы были правы: осетрина-то съ душкомъ!

Эти слова, такія обычныя, почему-то вдругъ возмутили Гурова, показались ему унизительными, нечистыми. Какіе дикіе нравы, какія лица! Что за безтолковыя ночи, какіе неинтересные, незамѣтные дни! Неистовая игра въ карты, обжорство, пьянство, постоянные разговоры все объ одномъ. Ненужныя дѣла и разговоры все объ одномъ отхватываютъ на свою долю лучшую часть времени, лучшія силы, и въ концѣ концовъ остается какая-то куцая, безкрылая жизнь, какая-то чепуха, и уйти и бѣжать нельзя, точно сидишь въ сумасшедшемъ домѣ, или въ арестантскихъ ротахъ!

Гуровъ не спалъ всю ночь и возмущался, и затѣмъ весь день провелъ съ головной болью. И въ слѣдующія ночи онъ спалъ дурно, все сидѣлъ въ постели и думалъ, или ходилъ изъ угла въ уголъ. Дѣти ему надоѣли, банкъ надоѣлъ, не хотѣлось никуда идти, ни о чемъ говорить.

Въ декабрѣ на праздникахъ онъ собрался въ дорогу и сказалъ женѣ, что уѣзжаетъ въ Петербургъ, хлопотать за одного молодого человѣка — и уѣхалъ въ С. Зачѣмъ? Онъ и самъ не зналъ хорошо. Ему хотѣлось повидаться съ Анной Сергѣевной и поговорить, устроить свиданіе, если можно.

Пріѣхалъ онъ въ С. утромъ и занялъ въ гостиницѣ лучшій номеръ, гдѣ весь полъ обтянутъ сѣрымъ солдатскимъ сукномъ и была на столѣ чернильница, сѣрая отъ пыли, со всадникомъ на лошади, у котораго была поднята рука со шляпой, а голова отбита. Швейцаръ далъ

ему нужныя свѣдѣнія: фонъ-Дидерицъ живетъ на Старо-Гончарной улицѣ, въ собственномъ домѣ — это недалеко отъ гостиницы, живетъ хорошо, богато, имѣетъ своихъ лошадей, его всѣ знаютъ въ городѣ. Швейцаръ выговаривалъ такъ: Дрыдырицъ.

Гуровъ, не спѣша, пошелъ на Старо-Гончарную, отыскалъ домъ. Какъ разъ противъ дома тянулся заборъ, сѣрый, длинный, съ гвоздями.

«Отъ такого забора убѣжишь», — думалъ Гуровъ, поглядывая то на окна, то на заборъ.

Онъ соображалъ: сегодня день неприсутственный и мужъ, вѣроятно, дома. Да и все равно, было бы безтактно войти въ домъ и смутить. Если же послать записку, то она, пожалуй, попадетъ въ руки мужу и тогда все можно испортить. Лучше всего положиться на случай. И онъ все ходилъ по улицѣ и около забора и поджидалъ этого случая. Онъ видѣлъ, какъ въ ворота вошелъ нищій, и на него напали собаки, потомъ, часъ спустя, слышалъ игру на рояли, и звуки доносились слабые, неясные. Должно быть, Анна Сергѣевна играла. Парадная дверь вдругъ отворилась, и изъ нея вышла какая-то старушка, а за нею бѣжалъ знакомый бѣлый шпицъ. Гуровъ хотѣлъ позвать собаку, но у него вдругъ забилось сердце, и онъ отъ волненія не могъ вспомнить, какъ зовутъ шпица.

Онъ ходилъ и все больше и больше ненавидѣлъ сѣрый заборъ, и уже думалъ съ раздраженіемъ, что Анна Сергѣевна забыла о немъ и, быть можетъ, уже развлекается съ другимъ, и это такъ естественно въ положеніи молодой женщины, которая вынуждена съ утра до вечера

видѣть этотъ проклятый заборъ. Онъ вернулся къ себѣ въ номеръ и долго сидѣлъ на диванѣ, не зная, что дѣлать, потомъ обѣдалъ, потомъ долго спалъ.

«Какъ все это глупо и безпокойно, — думалъ онъ, проснувшись и глядя на темныя окна; былъ уже вечеръ. — Вотъ и выспался зачѣмъ-то. Что же я теперь ночью буду дѣлать?»

Онъ сидѣлъ на постели, покрытой дешевымъ сѣрымъ, точно больничнымъ одѣяломъ, и дразнилъ себя съ досадой:

«Вотъ тебѣ и дама съ собачкой... Вотъ тебѣ и приключеніе... Вотъ и сиди тутъ».

Еще утромъ, на вокзалѣ, ему бросилась въ глаза афиша съ очень крупными буквами: шла въ первый разъ «Гейша». Онъ вспомнилъ объ этомъ и поѣхалъ въ театръ.

«Очень возможно, что она бываетъ на первыхъ представленіяхъ», — думалъ онъ.

Театръ былъ полонъ. И тутъ, какъ вообще во всѣхъ губернскихъ театрахъ, былъ туманъ повыше люстры, шумно безпокоилась галерка; въ первомъ ряду передъ началомъ представленія стояли мѣстные франты, заложивъ руки назадъ; и тутъ, въ губернаторской ложѣ, на первомъ мѣстѣ сидѣла губернаторская дочь въ боа, а самъ губернаторъ скромно прятался за портьерой и видны были только его руки; качался занавѣсъ, оркестръ долго настраивался. Все время, пока публика входила и занимала мѣста, Гуровъ жадно искалъ глазами.

Вошла и Анна Сергѣевна. Она сѣла въ третьемъ ряду, и когда Гуровъ взглянулъ на нее, то сердце у него сжалось, и онъ понялъ ясно, что

для него теперь на всемъ свѣтѣ нѣтъ ближе, дороже и важнѣе человѣка; она, затерявшаяся въ провинціальной толпѣ, эта маленькая женщина, ничѣмъ не замѣчательная, съ вульгарною лорнеткой въ рукахъ, наполняла теперь всю его жизнь, была его горемъ, радостью, единственнымъ счастьемъ, какого онъ теперь желалъ для себя; и подъ звуки плохого оркестра, дрянныхъ обывательскихъ скрипокъ, онъ думалъ о томъ, какъ она хороша. Думалъ и мечталъ.

Вмѣстѣ съ Анной Сергѣевной вошелъ и сѣлъ рядомъ молодой человѣкъ съ небольшими бакенами, очень высокій, сутулый; онъ при каждомъ шагѣ покачивалъ головой и, казалось, постоянно кланялся. Вѣроятно, это былъ мужъ, котораго она тогда въ Ялтѣ, въ порывѣ горькаго чувства, обозвала лакеемъ. И въ самомъ дѣлѣ, въ его длинной фигурѣ, въ бакенахъ, въ небольшой лысинѣ было что-то лакейски-скромное, улыбался онъ сладко, и въ петлицѣ у него блестѣлъ какой-то ученый значокъ, точно лакейскій номеръ.

Въ первомъ антрактѣ мужъ ушелъ курить, она осталась въ креслѣ. Гуровъ, сидѣвшій тоже въ партерѣ, подошелъ къ ней и сказалъ дрожащимъ голосомъ, улыбаясь насильно:

— Здравствуйте.

Она взглянула на него и поблѣднѣла, потомъ еще разъ взглянула съ ужасомъ, не вѣря глазамъ, и крѣпко сжала въ рукахъ вмѣстѣ вѣеръ и лорнетку, очевидно, борясь съ собой, чтобы не упасть въ обморокъ. Оба молчали. Она сидѣла, онъ стоялъ, испуганный ея смущеніемъ, не рѣшаясь сѣсть рядомъ. Запѣли настраиваемыя скрипки и флейта, стало вдругъ страшно,

казалось, что изъ всѣхъ ложъ смотрятъ. Но вотъ она встала и быстро пошла къ выходу; онъ — за ней, и оба шли безтолково, по коридорамъ, по лѣстницамъ, то поднимаясь, то спускаясь, и мелькали у нихъ передъ глазами какіе-то люди въ судейскихъ, учительскихъ и удѣльныхъ мундирахъ, и все со значками; мелькали дамы, шубы на вѣшалкахъ, дулъ сквозной вѣтеръ, обдавая запахомъ табачныхъ окурковъ. И Гуровъ, у котораго сильно билось сердце, думалъ:

«О, Господи! И къ чему эти люди, этотъ оркестръ»...

И въ эту минуту онъ вдругъ вспомнилъ, какъ тогда вечеромъ на станціи, проводивъ Анну Сергѣевну, говорилъ себѣ, что все кончилось, и они уже никогда не увидятся. Но какъ еще далеко было до конца!

На узкой, мрачной лѣстницѣ, гдѣ было написано «ходъ въ амфитеатръ», она остановилась.

— Какъ вы меня испугали! — сказала она, тяжело дыша, все еще блѣдная, ошеломленная. — О, какъ вы меня испугали! Я едва жива. Зачѣмъ вы пріѣхали? Зачѣмъ?

— Но поймите, Анна, поймите... — проговорилъ онъ вполголоса, торопясь. — Умоляю васъ, поймите...

Она глядѣла на него со страхомъ, съ мольбой, съ любовью, глядѣла пристально, чтобы покрѣпче задержать въ памяти его черты.

— Я такъ страдаю! — продолжала она, не слушая его. — Я все время думала только о васъ, я жила мыслями о васъ. И мнѣ хотѣлось забыть, забыть, но зачѣмъ, зачѣмъ вы пріѣхали?

Повыше, на площадкѣ, два гимназиста ку-

рили и смотрѣли внизъ, но Гурову было все равно, онъ привлекъ къ себѣ Анну Сергѣевну и сталъ цѣловать ея лицо, щеки, руки.

— Что вы дѣлаете, что вы дѣлаете! — говорила она въ ужасѣ, отстраняя его отъ себя. — Мы съ вами обезумѣли. Уѣзжайте сегодня же, уѣзжайте сейчасъ... Заклинаю васъ всѣмъ святымъ, умоляю... Сюда идутъ!

По лѣстницѣ снизу вверхъ кто-то шелъ.

— Вы должны уѣхать... — продолжала Анна Сергѣевна шопотомъ. — Слышите, Дмитрій Дмитричъ? Я пріѣду къ вамъ въ Москву. Я никогда не была счастлива, я теперь несчастна и никогда, никогда не буду счастлива, никогда! Не заставляйте же меня страдать еще больше! Клянусь, я пріѣду въ Москву. А теперь разстанемся! Мой милый, добрый, дорогой мой, разстанемся!

Она пожала ему руку и стала быстро спускаться внизъ, все оглядываясь на него, и по глазамъ ея было видно, что она въ самомъ дѣлѣ не была счастлива. Гуровъ постоялъ немного, прислушался, потомъ, когда все утихло, отыскалъ свою вѣшалку и ушелъ изъ театра.

IV.

И Анна Сергѣевна стала пріѣзжать къ нему въ Москву. Разъ въ два-три мѣсяца она уѣзжала изъ С. и говорила мужу, что ѣдетъ посовѣтоваться съ профессоромъ насчетъ своей женской болѣзни, — и мужъ вѣрилъ и не вѣрилъ. Пріѣхавъ въ Москву, она останавливалась въ «Славянскомъ Базарѣ», и тотчасъ же посылала къ Гу-

рову человѣка въ красной шапкѣ. Гуровъ ходилъ къ ней, и никто въ Москвѣ не зналъ объ этомъ.

Однажды онъ шелъ къ ней такимъ образомъ въ зимнее утро (посыльный былъ у него наканунѣ вечеромъ и не засталъ). Съ нимъ шла его дочь, которую хотѣлось ему проводить въ гимназію, это было по дорогѣ. Валилъ крупный мокрый снѣгъ.

— Теперь три градуса тепла, а между тѣмъ идетъ снѣгъ, — говорилъ Гуровъ дочери. — Но вѣдь это тепло только на поверхности земли, въ верхнихъ же слояхъ атмосферы совсѣмъ другая температура.

— Папа, а почему зимой не бываетъ грома?

Онъ объяснилъ и это. Онъ говорилъ и думалъ о томъ, что вотъ онъ идетъ на свиданіе, и ни одна живая душа не знаетъ объ этомъ и, вѣроятно, никогда не будетъ знать. У него были двѣ жизни: одна явная, которую видѣли и знали всѣ, кому это нужно было, полная условной правды и условнаго обмана, похожая совершенно на жизнь его знакомыхъ и друзей, и другая — протекавшая тайно. И по какому-то странному стеченію обстоятельствъ, быть можетъ, случайному, все, что было для него важно, интересно, необходимо, въ чемъ онъ былъ искрененъ и не обманывалъ себя, что составляло зерно его жизни, происходило тайно отъ другихъ, все же, что было его ложью, его оболочкой, въ которую онъ прятался, чтобы скрыть правду, какъ, напримѣръ, его служба въ банкѣ, споры въ клубѣ, его «низшая раса», хожденіе съ женой на юбилеи, — все это было явно. И по себѣ онъ судилъ о другихъ,

не вѣрилъ тому, что видѣлъ, и всегда предполагалъ, что у каждаго человѣка подъ покровомъ тайны, какъ подъ покровомъ ночи, проходитъ его настоящая, самая интересная жизнь. Каждое личное существованіе держится на тайнѣ и, быть можетъ, отчасти поэтому культурный человѣкъ такъ нервно хлопочетъ о томъ, чтобы уважалась личная тайна.

Проводивъ дочь въ гимназію, Гуровъ отправился въ «Славянскій Базаръ». Онъ снялъ шубу внизу, поднялся наверхъ и тихо постучалъ въ дверь. Анна Сергѣевна, одѣтая въ его любимое сѣрое платье, утомленная дорогой и ожиданіемъ, поджидала его со вчерашняго вечера; она была блѣдна, глядѣла на него и не улыбалась, и едва онъ вошелъ, какъ она уже припала къ его груди. Точно они не видѣлись года два, поцѣлуй ихъ былъ долгій, длительный.

— Ну, какъ живешь тамъ? — спросилъ онъ. — Что новаго?

— Погоди, сейчасъ скажу... Не могу.

Она не могла говорить, такъ какъ плакала. Отвернулась отъ него и прижала платокъ къ глазамъ.

«Ну, пускай поплачетъ, а я пока посижу», — подумалъ онъ и сѣлъ въ кресло.

Потомъ онъ позвонилъ и сказалъ, чтобы ему принесли чаю; и потомъ, когда пилъ чай, она все стояла, отвернувшись къ окну... Она плакала отъ волненія, отъ скорбнаго сознанія, что ихъ жизнь такъ печально сложилась; они видятся только тайно, скрываются отъ людей, какъ воры! Развѣ жизнь ихъ не разбита?

— Ну, перестань! — сказалъ онъ.

Для него было очевидно, что эта ихъ любовь кончится еще не скоро, неизвѣстно когда. Анна Сергѣевна привязывалась къ нему все сильнѣе, обожала его, и было бы немыслимо сказать ей, что все это должно же имѣть когда-нибудь конецъ; да она бы и не повѣрила этому.

Онъ подошелъ къ ней и взялъ ее за плечи, чтобы приласкать, пошутить и въ это время увидѣлъ себя въ зеркалѣ.

Голова его уже начинала сѣдѣть. И ему показалось страннымъ, что онъ такъ постарѣлъ за послѣдніе годы, такъ подурнѣлъ. Плечи, на которыхъ лежали его руки, были теплы и вздрагивали. Онъ почувствовалъ состраданіе къ этой жизни, еще такой теплой и красивой, но вѣроятно, уже близкой къ тому, чтобы начать блекнуть и вянуть, какъ его жизнь. За что она его любитъ такъ? Онъ всегда казался женщинамъ не тѣмъ, кѣмъ былъ, и любили онѣ въ немъ не его самого, а человѣка, котораго создавало ихъ воображеніе и котораго онѣ въ своей жизни жадно искали; и потомъ, когда замѣчали свою ошибку, то все-таки любили. И ни одна изъ нихъ не была съ нимъ счастлива. Время шло, онъ знакомился, сходился, разставался, но ни разу не любилъ; было все, что угодно, но только не любовь.

И только теперь, когда у него голова стала сѣдой, онъ полюбилъ, какъ слѣдуетъ, по-настоящему — первый разъ въ жизни.

Анна Сергѣевна и онъ любили другъ друга, какъ очень близкіе, родные люди, какъ мужъ и жена, какъ нѣжные друзья; имъ казалось, что сама судьба предназначила ихъ другъ для друга, и было непонятно, для чего онъ женатъ, а она

замужемъ; и точно это были двѣ перелетныя птицы, самецъ и самка, которыхъ поймали и заставили жить въ отдѣльныхъ клѣткахъ. Они простили другъ другу то, чего стыдились въ своемъ прошломъ, прощали все въ настоящемъ и чувствовали, что эта ихъ любовь измѣнила ихъ обоихъ.

Прежде, въ грустныя минуты онъ успокаивалъ себя всякими разсужденіями, какія только приходили ему въ голову, теперь же ему было не до разсужденій, онъ чувствовалъ глубокое состраданіе, хотѣлось быть искреннимъ, нѣжнымъ...

— Перестань, моя хорошая, — говорилъ онъ. — Поплакала — и будетъ... Теперь давай поговоримъ, что-нибудь придумаемъ.

Потомъ они долго совѣтовались, говорили о томъ, какъ избавить себя отъ необходимости прятаться, обманывать, жить въ разныхъ городахъ, не видѣться подолгу. Какъ освободиться отъ этихъ невыносимыхъ путъ?

— Какъ? Какъ? — спрашивалъ онъ, хватая себя за голову. — Какъ?

И казалось, что еще немного — и рѣшеніе будетъ найдено, и тогда начнется новая, прекрасная жизнь; и обоимъ было ясно, что до конца еще далеко-далеко, и что самое сложное и трудное только еще начинается.

1899.

Въ оврагѣ

I

Село Уклеево лежало въ оврагѣ, такъ что съ шоссе и со станціи желѣзной дороги видны были только колокольня и трубы ситце-набивныхъ фабрикъ. Когда прохожіе спрашивали, какое это село, то имъ говорили:

— Это то самое, гдѣ дьячокъ на похоронахъ всю икру съѣлъ.

Какъ-то на поминкахъ у фабриканта Костюкова старикъ-дьячокъ увидѣлъ среди закусокъ зернистую икру и сталъ ѣсть ее съ жадностью; его толкали, дергали за рукавъ, но онъ словно окоченѣлъ отъ наслажденія: ничего не чувствовалъ и только ѣлъ. Съѣлъ всю икру, а въ банкѣ было фунта четыре. И прошло ужъ много времени съ тѣхъ поръ, дьячокъ давно умеръ, а про икру все помнили. Жизнь ли была такъ бѣдна здѣсь, или люди не умѣли подмѣтить ничего, кромѣ этого неважнаго событія, происшедшаго десять лѣтъ назадъ, а только про село Уклеево ничего другого не разсказывали.

Въ немъ не переводилась лихорадка и была топкая грязь даже лѣтомъ, особенно подъ заборами, надъ которыми сгибались старыя вербы, дававшія широкую тѣнь. Здѣсь всегда пахло фабричными отбросами и уксусной кислотой, которую употребляли при выдѣлкѣ ситцевъ. Фабрики, — три ситцевыхъ и одна кожевенная — находились не въ самомъ селѣ, а на краю и поодаль.

Это были небольшія фабрики, и на всѣхъ ихъ было занято около четырехсотъ рабочихъ, не больше. Отъ кожевенной фабрики вода въ рѣчкѣ часто становилась вонючей; отбросы заражали лугъ, крестьянскій скотъ страдалъ отъ сибирской язвы, и фабрику приказано было закрыть. Она считалась закрытой, но работала тайно съ вѣдома станового пристава и уѣзднаго врача, которымъ владѣлецъ платилъ по десяти рублей въ мѣсяцъ. Во всемъ селѣ было только два порядочныхъ дома, каменныхъ, крытыхъ желѣзомъ; въ одномъ помѣщалось волостное правленіе, въ другомъ, двухъэтажномъ, какъ разъ противъ церкви, жилъ Цыбукинъ, Григорій Петровъ, епифанскій мѣщанинъ.

Григорій держалъ бакалейную лавочку, но это только для вида, на самомъ же дѣлѣ торговалъ водкой, скотомъ, кожами, хлѣбомъ въ зернѣ, свиньями, торговалъ чѣмъ придется, и когда, напримѣръ, за границу требовались для дамскихъ шляпъ сороки, то онъ наживалъ на каждой парѣ по тридцати копеекъ; онъ скупалъ лѣсъ на срубъ, давалъ деньги въ ростъ, вообще былъ старикъ оборотливый.

У него было два сына. Старшій, Анисимъ, служилъ въ полиціи, въ сыскномъ отдѣленіи, и рѣдко бывалъ дома. Младшій, Степанъ, пошелъ по торговой части и помогалъ отцу, но настоящей помощи отъ него не ждали, такъ какъ онъ былъ слабъ здоровьемъ и глухъ; его жена Аксинья, красивая, стройная женщина, ходившая въ праздники въ шляпкѣ и съ зонтикомъ, рано вставала, поздно ложилась и весь день бѣгала, подобравъ свои юбки и гремя ключами, то въ амбаръ,

то въ погребъ, то въ лавку, и старикъ Цыбукинъ глядѣлъ на нее весело, глаза у него загорались и въ это время онъ жалѣлъ, что на ней женатъ не старшій сынъ, а младшій, глухой, который, очевидно, мало смыслилъ въ женской красотѣ.

У старика всегда была склонность къ семейной жизни, и онъ любилъ свое семейство больше всего на свѣтѣ, особенно старшаго сына-сыщика и невѣстку. - Аксинья, едва вышла за глухого, какъ обнаружила необыкновенную дѣловитость и уже знала, кому можно отпустить въ долгъ, кому нельзя, держала при себѣ ключи, не довѣряя ихъ даже мужу, щелкала на счетахъ, заглядывала лошадямъ въ зубы, какъ мужикъ, и все смѣялась, или покрикивала; и, что бы она ни дѣлала, ни говорила, старикъ только умилялся и бормоталъ:

— Ай-да невѣстушка! Ай-да красавица, матушка...

Онъ былъ вдовъ, но черезъ годъ послѣ свадьбы сына не выдержалъ и самъ женился. Ему нашли за тридцать верстъ отъ Уклеева дѣвушку Варвару Николаевну изъ хорошаго семейства, уже пожилую, но красивую, видную. Едва она поселилась въ комнаткѣ, въ верхнемъ этажѣ, какъ все просвѣтлѣло въ домѣ, точно во всѣ окна были вставлены новыя стекла. Засвѣтились лампадки, столы покрылись бѣлыми, какъ снѣгъ, скатертями, на окнахъ и въ палисадникѣ показались цвѣты съ красными глазками, и ужъ за обѣдомъ ѣли не изъ одной миски, а передъ каждымъ ставилась тарелка. Варвара Николаевна улыбалась пріятно и ласково, и казалось, что въ домѣ все улыбается. А во дворъ, чего

раньше никогда не было, стали заходить нищіе, странники, богомолки; послышались подъ окнами жалобные, пѣвучіе голоса уклеевскихъ бабъ и виноватый кашель слабыхъ, испитыхъ мужиковъ, уволенныхъ съ фабрики за пьянство. Варвара помогала деньгами, хлѣбомъ, старой одеждой, а потомъ, обжившись, стала потаскивать и изъ лавки. Разъ глухой видѣлъ, какъ она унесла двѣ осьмушки чаю, и это его смутило.

— Тутъ мамаша взяли двѣ осьмушки чаю, — сообщилъ онъ потомъ отцу. — Куда это записать?

Старикъ ничего не отвѣтилъ, а постоялъ, подумалъ, шевеля бровями, и пошелъ наверхъ къ женѣ.

— Варварушка, ежели тебѣ, матушка, — сказалъ онъ ласково: — понадобится что въ лавкѣ, то ты бери. Бери себѣ на здоровье, не сомнѣвайся.

И на другой день глухой, пробѣгая черезъ дворъ, крикнулъ ей:

— Вы, мамаша, ежели что нужно, — берите!

Въ томъ, что она подавала милостыню, было что-то новое, что-то веселое и легкое, какъ въ лампадкахъ и красныхъ цвѣточкахъ. Когда въ заговѣнье или въ престольный праздникъ, который продолжался три дня, сбывали мужикамъ протухлую солонину съ такимъ тяжкимъ запахомъ, что трудно было стоять около бочки, и принимали отъ пьяныхъ въ закладъ косы, шапки, женины платки, когда въ грязи валялись фабричные, одурманенные плохой водкой, и грѣхъ, казалось, сгустившись, уже туманомъ стоялъ въ воздухѣ, тогда становилось какъ-то легче при мысли,

что тамъ, въ домѣ, есть тихая, опрятная женщина, которой нѣтъ дѣла ни до солонины, ни до водки; милостыня ея дѣйствовала въ эти тягостные, туманные дни, какъ предохранительный клапанъ въ машинѣ.

Дни въ домѣ Цыбукина проходили въ заботахъ. Еще солнце не всходило, а Аксинья уже фыркала, умываясь въ сѣняхъ, самоваръ кипѣлъ въ кухнѣ и гудѣлъ, предсказывая что-то недоброе. Старикъ Григорій Петровъ, одѣтый въ длинный, черный сюртукъ и ситцевыя брюки, въ высокихъ, яркихъ сапогахъ, такой чистенькій, маленькій, похаживалъ по комнатамъ и постукивалъ каблучками, какъ свекоръ-батюшка въ извѣстной пѣснѣ. Отпирали лавку. Когда становилось свѣтло, подавали къ крыльцу бѣговыя дрожки и старикъ молодцовато садился на нихъ, надвигая свой большой картузъ до ушей, и, глядя на него, никто не сказалъ бы, что ему уже 56 лѣтъ. Его провожали жена и невѣстка, и въ это время, когда на немъ былъ хорошій, чистый сюртукъ и въ дрожки былъ запряженъ громадный вороной жеребецъ, стоившій триста рублей, старикъ не любилъ, чтобы къ нему подходили мужики со своими просьбами и жалобами; онъ ненавидѣлъ мужиковъ и брезговалъ ими, и если видѣлъ, что какой-нибудь мужикъ дожидается у воротъ, то кричалъ гнѣвно:

— Что сталъ тамъ? Проходи дальше!

Или кричалъ, если то былъ нищій:

— Богъ дасьть!

Онъ уѣзжалъ по дѣламъ; жена его, одѣтая въ темное, въ черномъ фартукѣ, убирала комнаты или помогала въ кухнѣ. Аксинья торго-

вала въ лавкѣ, и слышно было во дворѣ, какъ звенѣли бутылки и деньги, какъ она смѣялась или кричала, и какъ сердились покупатели, которыхъ она обижала; и въ то же время было замѣтно, что тамъ въ лавкѣ тайная торговля водкой уже идетъ. Глухой тоже сидѣлъ въ лавкѣ, или безъ шапки, заложивъ руки въ карманы, ходилъ по улицѣ и разсѣянно поглядывалъ то на избы, то вверхъ на небо. Разъ шесть въ день въ домѣ пили чай; раза четыре садились за столъ ѣсть. А вечеромъ считали выручку и записывали, потомъ спали крѣпко.

Въ Уклеевѣ всѣ три ситцевыя фабрики и квартиры фабрикантовъ Хрыминыхъ Старшихъ, Хрыминыхъ Младшихъ и Костюкова были соединены телефономъ. Провели телефонъ и въ волостное правленіе, но тамъ онъ скоро пересталъ дѣйствовать, такъ какъ въ немъ завелись клопы и прусаки. Волостной старшина былъ малограмотенъ и въ бумагахъ каждое слово писалъ съ большой буквы, но когда испортился телефонъ, то онъ сказалъ:

— Да, теперь намъ безъ телефона будетъ трудновато.

Хрымины Старшіе постоянно судились съ Младшими, иногда и Младшіе ссорились между собою и начинали судиться, и тогда ихъ фабрика не работала мѣсяцъ, два, пока они опять не мирились, и это развлекало жителей Уклеева, такъ какъ по поводу каждой ссоры было много разговоровъ и сплетенъ. Въ праздники Костюковъ и Хрымины Младшіе устраивали катанье, носились по Уклееву и давили телятъ. Аксинья, шурша накрахмаленными юбками, разодѣтая, про-

гуливалась на улицѣ, около своей лавки; Младшіе подхватывали ее и увозили какъ будто насильно. Тогда выѣзжалъ и старикъ Цыбукинъ, чтобы показать свою новую лошадь, и бралъ съ собой Варвару.

Вечеромъ, послѣ катанья, когда ложились спать, во дворѣ у Младшихъ играли на дорогой гармоникѣ и, если была луна, то отъ звуковъ этихъ становилось на душѣ тревожно и радостно, и Уклеево уже не казалось ямой.

II

Старшій сынъ Анисимъ пріѣзжалъ домой очень рѣдко, только въ большіе праздники, но зато часто присылалъ съ земляками гостинцы и письма, написанныя чьимъ-то чужимъ почеркомъ, очень красивымъ, всякій разъ на листѣ писчей бумаги, въ видѣ прошенія. Письма были полны выраженій, какихъ Анисимъ никогда не употреблялъ въ разговорѣ: «Любезные папаша и мамаша, посылаю вамъ фунтъ цвѣточнаго чаю для удовлетворенія вашей физической потребности».

Внизу каждаго письма было нацарапано, точно испорченнымъ перомъ: «Анисимъ Цыбукинъ», и подъ этимъ опять тѣмъ же превосходнымъ почеркомъ: «Агентъ».

Письма читались вслухъ по нѣскольку разъ, и старикъ растроганный, красный отъ волненія, говорилъ:

— Вотъ, не захотѣлъ дома жить, пошелъ по ученой части. Что жъ, пускай! Кто къ чему приставленъ.

Какъ-то передъ масленицей пошелъ сильный дождь съ крупой; старикъ и Варвара подошли къ окну, чтобы посмотрѣть, а глядь — Анисимъ ѣдетъ въ саняхъ со станціи. Его совсѣмъ не ждали. Онъ вошелъ въ комнату безпокойный и чѣмъ-то встревоженный, и такимъ оставался потомъ все время; и держалъ себя какъ-то развязно. Не спѣшилъ уѣзжать и похоже было, какъ будто его уволили со службы. Варвара была рада его пріѣзду; она поглядывала на него какъ-то лукаво, вздыхала и покачивала головой.

— Какъ же это такое, батюшки? — говорила она. — Этихъ тѣхъ, парню уже двадцать восьмой годочекъ пошелъ, а онъ все холостой разгуливаетъ, охъ-техъ-те...

Изъ другой комнаты ея тихая, ровная рѣчь слышалась такъ: «Охъ-техъ-те». Она стала шептаться со старикомъ и съ Аксиньей, и ихъ лица тоже приняли лукавое и таинственное выраженіе, какъ у заговорщиковъ.

Рѣшили женить Анисима.

— Охъ-техъ-те... Младшаго брата давно оженили, — говорила Варвара: — а ты все безъ пары, словно пѣтухъ на базарѣ. По-каковски это? Этихъ тѣхъ, оженишься, Богъ дастъ, тамъ какъ хочешь, поѣдешь на службу, а жена останется дома помощницей-те. Безъ порядку-те живешь, парень, и всѣ порядки, вижу, забылъ. Охъ-техъ-те, грѣхъ одинъ съ вами, съ городскими.

Когда Цыбукины женились, то для нихъ, какъ для богатыхъ, выбирали самыхъ красивыхъ невѣстъ. И для Анисима отыскали тоже красивую.

Самъ онъ имѣлъ неинтересную, незамѣтную наружность; при слабомъ, нездоровомъ сложенiи и при небольшомъ ростѣ у него были полныя, пухлыя щеки, точно онъ надувалъ ихъ; глаза не мигали и взглядъ былъ острый, бородка рыжая, жидкая и, задумавшись, онъ все совалъ ее въ ротъ и кусалъ; и къ тому же онъ часто выпивалъ, и это было замѣтно по его лицу и походкѣ. Но когда ему сообщили, что для него уже есть невѣста, очень красивая, то онъ сказалъ:

— Ну, да вѣдь и я тоже не кривой. Наше семейство Цыбукины, надо сказать, всѣ красивые.

Подъ самымъ городомъ было село Торгуево. Одна половина его была недавно присоединена къ городу, другая оставалась селомъ. Въ первой, въ своемъ домикѣ, проживала одна вдова; у нея была сестра, совсѣмъ бѣдная, ходившая на поденную работу, а у этой сестры была дочь Липа, дѣвушка, ходившая тоже на поденку. О красотѣ Липы уже говорили въ Торгуевѣ, и только смущала всѣхъ ея ужасная бѣдность; разсуждали такъ, что какой-нибудь пожилой или вдовецъ женится, не глядя на бѣдность, или возьметъ ее къ себѣ «такъ», а при ней и мать сыта будетъ. Варвара узнала о Липѣ отъ свахъ и съѣздила въ Торгуево.

Потомъ въ домѣ тетки были устроены смотрины, какъ слѣдуетъ, съ закуской и виномъ, и Липа была въ новомъ, розовомъ платьѣ, сшитомъ нарочно для смотринъ, и пунцовая ленточка, точно пламень, свѣтилась въ ея волосахъ. Она была худенькая, слабая, блѣдная, съ тонкими, нѣжными чертами, смуглая отъ работы на воздухѣ; грустная, робкая улыбка не сходила у

нея съ лица, и глаза смотрѣли по-дѣтски — довѣрчиво и съ любопытствомъ.

Она была молода, еще дѣвочка, съ едва замѣтной грудью, но вѣнчать было уже можно, такъ какъ года вышли. Въ самомъ дѣлѣ она была красива, и одно только могло въ ней не нравиться, это — ея большія мужскія руки, которыя теперь праздно висѣли, какъ двѣ большія клешни.

— Нѣтъ приданаго — и мы безъ вниманія, — говорилъ старикъ теткѣ; — для сына нашего Степана мы взяли тоже изъ бѣднаго семейства, а теперь не нахвалимся. Что въ домѣ, что въ дѣлѣ — золотыя руки.

Липа стояла у двери и какъ будто хотѣла сказать: «дѣлайте со мной, что хотите: я вамъ вѣрю», а ея мать Прасковья, поденщица, пряталась въ кухнѣ и замирала отъ робости. Когда-то еще въ молодости одинъ купецъ, у котораго она мыла полы, разсердившись, затопалъ на нее ногами, она сильно испугалась, обомлѣла, и на всю жизнь у нея въ душѣ остался страхъ. А отъ страха всегда дрожали руки и ноги, дрожали щеки. Сидя въ кухнѣ, она старалась подслушать, о чемъ говорятъ гости, и все крестилась, прижимая пальцы ко лбу и поглядывая на образъ. Анисимъ, слегка пьяный, отворялъ дверь въ кухню и говорилъ развязно:

— Что же это вы тутъ сидите, мамаша драгоцѣнная? Намъ безъ васъ скучно.

А Прасковья, оробѣвъ, прижимая руки къ своей тощей, исхудалой груди, отвѣчала:

— Что вы, помилуйте-съ... Много вами довольны-съ.

После смотринъ назначили день свадьбы. Потомъ у себя дома Анисимъ все ходилъ по комнатамъ и посвистывалъ или же, вдругъ вспомнивъ о чемъ то, задумывался и глядѣлъ въ полъ неподвижно, пронзительно, точно взглядомъ хотѣлъ проникнуть глубоко въ землю. Онъ не выражалъ ни удовольствія отъ того, что женится, женится скоро, на Красной Горкѣ, ни желанія повидаться съ невѣстой, а только посвистывалъ. И было очевидно, что женится онъ только потому, что этого хотятъ отецъ и мачеха, и потому, что въ деревнѣ такой ужъ обычай: сынъ женится, чтобы дома была помощница. Уѣзжая, онъ не торопился и держалъ себя вообще не такъ, какъ въ прошлые свои пріѣзды, — былъ какъ-то особенно развязенъ и говорилъ не то, что нужно.

III

Въ деревнѣ Шикаловой жили портнихи, двѣ сестры-хлыстовки. Имъ были заказаны къ свадьбѣ обновы, и онѣ часто приходили примѣривать и подолгу пили чай. Варварѣ сшили коричневое платье съ черными кружевами и со стеклярусомъ, а Аксиньѣ — свѣтло-зеленое, съ желтой грудью и со шлейфомъ. Когда портнихи кончили, то Цыбукинъ заплатилъ имъ не деньгами, а товаромъ изъ своей лавки, и онѣ ушли отъ него грустныя, держа въ рукахъ узелки со стеариновыми свѣчами и сардинами, которыя были имъ совсѣмъ не нужны, и, выйдя изъ села въ поле, сѣли на бугорокъ и стали плакать.

Анисимъ пріѣхалъ за три дня до свадьбы, во всемъ новомъ. На немъ были блестящія рези-

новыя калоши и вмѣсто галстука красный шнурокъ съ шариками, и на плечахъ висѣло пальто, не надѣтое въ рукава, тоже новое.

Степенно помолившись Богу, онъ поздоровался съ отцомъ и далъ ему десять серебряныхъ рублей и десять полтинниковъ; и Варварѣ далъ столько же, Аксиньѣ — двадцать четвертаковъ. Главная прелесть этого подарка была именно въ томъ, что всѣ монеты, какъ на подборъ, были новенькія и сверкали на солнцѣ. Стараясь казаться степеннымъ и серьезнымъ, Анисимъ напрягалъ лицо и надувалъ щеки, и отъ него пахло виномъ; вѣроятно, на каждой станціи выбѣгалъ къ буфету. И опять была какая-то развязность, что-то лишнее въ человѣкѣ. Потомъ Анисимъ и старикъ пили чай и закусывали, а Варвара перебирала въ рукахъ новенькіе рубли и разспрашивала про земляковъ, жившихъ въ городѣ.

— Ничего, благодарить Бога, живутъ хорошо, — говорилъ Анисимъ. — Только вотъ у Ивана Егорова происшествіе въ семейной жизни: померла его старуха Софья Никифоровна. Отъ чахотки. Поминальный обѣдъ за упокой души заказывали у кондитера, по два съ полтиной съ персоны. И виноградное вино было. Которые мужики, наши земляки — и за нихъ тоже по два съ полтиной. Ничего не ѣли. Нешто мужикъ понимаетъ соусъ!

— Два съ полтиной! — сказалъ старикъ и покачалъ головой.

— А что же? Тамъ не деревня. Зайдешь въ ресторанъ подзакусить, спросишь того-другого, компанія соберется, выпьешь — анъ глядишь, уже разсвѣтъ, и пожалуйте по три или по че-

тыре рубля съ каждаго. А когда съ Самородовымъ, такъ тотъ любитъ, чтобъ послѣ всего кофій съ коньякомъ, а коньякъ по шести гривенъ рюмочка-съ.

— И все вретъ, — проговорилъ старикъ въ восхищеніи. — И все вретъ!

— Я теперь всегда съ Самородовымъ. Это тотъ самый Самородовъ, что вамъ мои письма пишетъ. Великолѣпно пишетъ. И если бъ разсказать, мамаша, — весело продолжалъ Анисимъ, обращаясь къ Варварѣ: — какой человѣкъ есть этотъ самый Самородовъ, то вы не повѣрите. Мы его всѣ Мухтаромъ зовемъ, такъ какъ онъ въ родѣ армяшки — весь черный. Я его насквозь вижу, всѣ дѣла его знаю вотъ какъ свои пять пальцевъ, мамаша, и онъ это чувствуетъ и все за мной ходитъ, не отстаетъ, и насъ теперь водой не разольешь. Ему какъ будто жутковато, но и безъ меня жить не можетъ. Куда я, туда и онъ. У меня, мамаша, вѣрный, правильный глазъ. Глядишь на толкучкѣ: мужикъ рубаху продаетъ. — Стой, рубаха краденая! — И вѣрно, такъ и выходитъ: рубаха краденая.

— Откуда же ты знаешь? — спросила Варвара.

— Ниоткуда, глазъ у меня такой. Я не знаю, какая тамъ рубаха, а только почему-то такъ меня и тянетъ къ ней: краденая и все тутъ. У насъ въ сыскномъ такъ ужъ и говорятъ: «Ну, Анисимъ пошелъ вальдшнеповъ стрѣлять!» Это значитъ — искать краденое. Да... Украсть всякій можетъ, да вотъ какъ сберечь! Велика земля, а спрятать краденое негдѣ.

— А въ нашемъ селѣ у Гунторевыхъ на про-

шлой недѣлѣ угнали барана и двухъ ярокъ, — сказала Варвара и вздохнула. — И поискать некому... Охъ-техъ-те...

— Что жъ? Поискать можно. Это ничего, можно.

Подошелъ день свадьбы. Это былъ прохладный, но ясный, веселый апрѣльскій день. Уже съ ранняго утра по Уклееву разъѣзжали, звеня колоколами, тройки и пары съ разноцвѣтными лентами на дугахъ и въ гривахъ. Въ вербахъ шумѣли грачи, потревоженные этой ѣздой, и, надсаживаясь, не умолкая, пѣли скворцы, какъ будто радуясь, что у Цыбукиныхъ свадьба.

Въ домѣ на столахъ уже были длинныя рыбы, окорока и птицы съ начинкой, коробки со шпротами, разныя соленья и маринады, и множество бутылокъ съ водкой и винами, пахло копченой колбасой и прокисшими омарами. И около столовъ, постукивая каблучками и точа ножъ о ножъ, ходилъ старикъ. Варвару то-и-дѣло окликали, чего-нибудь требовали, и она съ растеряннымъ видомъ, тяжело дыша, бѣгала въ кухню, гдѣ съ разсвѣта работалъ поваръ отъ Костюкова и бѣлая кухарка отъ Хрыминыхъ Младшихъ. Аксинья, завитая, безъ платья, въ корсетѣ, въ новыхъ скрипучихъ ботинкахъ, носилась по двору какъ вихрь, и только мелькали ея голыя колѣни и грудь. Было шумно, слышалась брань, божба; прохожіе останавливались у настежь открытыхъ воротъ, и чувствовалось во всемъ, что готовится что-то необыкновенное.

— За невѣстой поѣхали!

Звонки заливались и замирали далеко за деревней... Въ третьемъ часу побѣжалъ народъ:

опять послышались звонки, везутъ невѣсту! Церковь была полна, горѣло паникадило, пѣвчіе, какъ пожелалъ того старикъ Цыбукинъ, пѣли по нотамъ. Блескъ огней и яркія платья ослѣпили Липу, ей казалось, что пѣвчіе своими громкими голосами стучатъ по ея головѣ, какъ молотками; корсетъ, который она надѣла первый разъ въ жизни, и ботинки давили ее, и выраженіе у нея было такое, какъ будто она только-что очнулась отъ обморока, — глядитъ и не понимаетъ. Анисимъ, въ черномъ сюртукѣ, съ красным шнуркомъ вмѣсто галстука, задумался, глядя въ одну точку, и когда пѣвчіе громко вскрикивали, быстро крестился. На душѣ у него было умиленіе, хотѣлось плакать. Эта церковь была знакома ему съ ранняго дѣтства; когда-то покойная мать приносила его сюда пріобщать, когда-то онъ пѣлъ на клиросѣ съ мальчиками; ему такъ памятны каждый уголокъ, каждая икона. Его вотъ вѣнчаютъ, его нужно женить для порядка, но онъ ужъ не думалъ объ этомъ, какъ-то не помнилъ, забылъ совсѣмъ о свадьбѣ. Слезы мѣшали глядѣть на иконы, давило подъ сердцемъ; онъ молился и просилъ у Бога, чтобы несчастья, неминуемыя, которыя готовы уже разразиться надъ нимъ не сегодня-завтра, обошли бы его какъ-нибудь, какъ грозовыя тучи въ засуху обходятъ деревню, не давъ ни одной капли дождя. И столько грѣховъ уже наворочено въ прошломъ, столько грѣховъ, такъ все невылазно, непоправимо, что какъ-то даже несообразно просить о прощеніи. Но онъ просилъ и о прощеніи и даже всхлипнулъ громко, но никто не обратилъ на это вниманія, такъ какъ подумали, что онъ выпивши.

Послышался тревожный дѣтскій плачъ:

— Милая мамка, унеси меня отсюда, касатка!

— Тише тамъ! — крикнулъ священникъ.

Когда возвращались изъ церкви, то бѣжалъ вслѣдъ народъ; около лавки, около воротъ и во дворѣ подъ окнами тоже была толпа. Пришли бабы величать. Едва молодые переступили порогъ, какъ громко, изо всей силы, вскрикнули пѣвчіе, которые уже стояли въ сѣняхъ со своими нотами; заиграла музыка, нарочно выписанная изъ города. Уже подносили донское шипучее въ высокихъ бокалахъ, и подрядчикъ-плотникъ Елизаровъ, высокій, худощавый старикъ съ такими густыми бровями, что глаза были едва видны, говорилъ, обращаясь къ молодымъ:

— Анисимъ и ты, дѣточка, любите другъ дружку, живите по-божески, дѣточки, и Царица Небесная васъ не оставитъ. — Онъ припалъ къ плечу старика и всхлипнулъ. — Григорій Петровъ, восплачемъ, восплачемъ отъ радости! — проговорилъ онъ тонкимъ голоскомъ и тотчасъ же вдругъ захохоталъ и продолжалъ громко, басомъ: — Хо-хо-хо! И эта хороша у тебя невѣстка! Все, значитъ, въ ней на мѣстѣ, все гладенько, не громыхнетъ, вся механизма въ исправности, винтовъ много.

Онъ былъ родомъ изъ Егорьевскаго уѣзда, но съ молодыхъ лѣтъ работалъ въ Уклеевѣ на фабрикахъ и въ уѣздѣ, и прижился тутъ. Его давно уже знали старымъ, такимъ же вотъ тощимъ и длиннымъ, и давно уже его звали Костылемъ. Быть можетъ оттого, что больше сорока лѣтъ ему приходилось заниматься на фабрикахъ только ремонтомъ, — онъ о каждомъ чело-

вѣкѣ или вещи судилъ только со стороны прочности: не нуженъ ли ремонтъ. И прежде чѣмъ сѣсть за столъ, онъ попробовалъ нѣсколько стульевъ, прочны ли, и сига тоже потрогалъ.

Послѣ шипучаго всѣ стали садиться за столъ. Гости говорили, двигая стульями. Пѣли въ сѣняхъ пѣвчіе, играла музыка, и въ это же время на дворѣ бабы величали, всѣ въ одинъ голосъ, — и была какая-то ужасная, дикая смѣсь звуковъ, отъ которой кружилась голова.

Костыль вертѣлся на стулѣ и толкалъ сосѣдей локтями, мѣшалъ говорить, и то плакалъ, то хохоталъ.

— Дѣточки, дѣточки, дѣточки... — бормоталъ онъ быстро: — Аксиньюшка матушка, Варварушка, будемъ жить всѣ въ мирѣ и согласіи, топорики мои любезные...

Онъ пилъ мало и теперь опьянѣлъ отъ одной рюмки англійской горькой. Эта отвратительная горькая, сдѣланная неизвѣстно изъ чего, одурманила всѣхъ, кто пилъ ее, точно ушибла. Стали заплетаться языки.

Тутъ было духовенство, приказчики съ фабрикъ съ женами, торговцы и трактирщики изъ другихъ деревень. Волостной старшина и волостной писарь, служившіе вмѣстѣ уже четырнадцать лѣтъ и за все это время не подписавшіе ни одной бумаги, не отпустившіе изъ волостного правленія ни одного человѣка безъ того, чтобы не обмануть и не обидѣть, сидѣли теперь рядомъ, оба толстые, сытые и казалось, что они уже до такой степени пропитались неправдой, что даже кожа на лицѣ у нихъ была какая-то особенная, мошенническая. Жена писаря, женщина исхуда-

лая, косая, привела съ собой всѣхъ своихъ дѣтей и, точно хищная птица, косилась на тарелки, и хватала все, что попадалось подъ руку, и прятала себѣ и дѣтямъ въ карманы.

Липа сидѣла окаменѣлая, все съ тѣмъ же выраженіемъ, какъ въ церкви. Анисимъ, съ тѣхъ поръ, какъ познакомился съ ней, не проговорилъ съ ней ни одного слова, такъ что до сихъ поръ не зналъ, какой у нея голосъ; и теперь, сидя рядомъ, онъ все молчалъ и пилъ англійскую горькую, а когда охмелѣлъ, то заговорилъ, обращаясь къ теткѣ, сидѣвшей напротивъ:

— У меня есть другъ, по фамиліи Самородовъ. Человѣкъ спеціальный. Личный почетный гражданинъ и можетъ разговаривать. Но я его, тетенька, насквозь вижу, и онъ это чувствуетъ. Позвольте съ вами выпить за здоровье Самородова, тетенька!

Варвара ходила вокругъ стола, угощая гостей, утомленная, растерянная, и видимо была довольна, что такъ много кушаній и все такъ богато, — никто не осудитъ теперь. Зашло солнце, а обѣдъ продолжался; уже не понимали, что ѣли, что пили, нельзя было разслышать, что говорятъ, и только изрѣдка, когда затихала музыка, ясно было слышно, какъ на дворѣ кричала какая-то баба:

— Насосались нашей крови, ироды, нѣтъ на васъ погибели!

Вечеромъ были танцы подъ музыку. Пріѣхали Хрымины Младшіе со своимъ виномъ, и одинъ изъ нихъ, когда танцовали кадриль, держалъ въ обѣихъ рукахъ по бутылкѣ, а во рту рюмку, и это всѣхъ смѣшило. Среди кадрили пускались вдругъ

въ присядку; зеленая Аксинья только мелькала, и отъ шлейфа ея дуло вѣтромъ. Кто-то оттопталъ ей внизу оборку, и Костыль крикнулъ:

— Эй, внизу плинтусъ оторвали! Дѣточки!

У Аксиньи были сѣрые, наивные глаза, которые рѣдко мигали, и на лицѣ постоянно играла наивная улыбка. И въ этихъ немигающихъ глазахъ, и въ маленькой головѣ на длинной шеѣ, и въ ея стройности было что-то змѣиное; зеленая, съ желтой грудью, съ улыбкой, она глядѣла, какъ весной изъ молодой ржи глядитъ на прохожаго гадюка, вытянувшись и поднявъ голову. Хрымины держались съ ней вольно, и замѣтно было очень, что со старшимъ изъ нихъ она давно уже находилась въ близкихъ отношеніяхъ. А глухой ничего не понималъ, не глядѣлъ на нее; онъ сидѣлъ, положивъ ногу на ногу, и ѣлъ орѣхи и раскусывалъ ихъ такъ громко, что, казалось, стрѣлялъ изъ пистолета.

Но вотъ и самъ старикъ Цыбукинъ вышелъ на средину и взмахнулъ платкомъ, подавая знакъ, что и онъ тоже хочетъ плясать русскую, и по всему дому и во дворѣ въ толпѣ пронесся гулъ одобренія:

— *Самъ* вышелъ! *Самъ!*

Плясала Варвара, а старикъ только помахивалъ платкомъ и перебиралъ каблучками, но тѣ, которые тамъ, во дворѣ, нависая другъ на другѣ, заглядывали въ окна, были въ восторгѣ и на минуту простили ему все — и его богатство, и обиды.

— Молодчина Григорій Петровъ! — слышалось въ толпѣ. — Такъ, старайся! Значитъ, еще можешь заниматься! Ха-ха!

Все это кончилось поздно, во второмъ часу ночи. Анисимъ, пошатываясь, обходилъ на прощанье пѣвчихъ и музыкантовъ и дарилъ каждому по новому полтиннику. И старикъ, не качаясь, а все какъ-то ступая на одну ногу, провожалъ гостей и говорилъ каждому:

— Свадьба двѣ тысячи стоила.

Когда расходились, у шикаловскаго трактирщика кто-то обмѣнилъ хорошую поддевку на старую, и Анисимъ вдругъ вспыхнулъ и сталъ кричать:

— Стой! Я сыщу сейчасъ! Я знаю, кто это укралъ! Стой!

Онъ выбѣжалъ на улицу, погнался за кѣмъ-то; его поймали, повели подъ руки домой и пихнули его, пьянаго, краснаго отъ гнѣва, мокраго, въ комнату, гдѣ тетка уже раздѣвала Липу, и заперли.

IV

Прошло пять дней. Анисимъ, собравшійся уѣзжать, пришелъ наверхъ къ Варварѣ, чтобы проститься. У нея горѣли всѣ лампадки, пахло ладаномъ, а сама она сидѣла у окна и вязала чулокъ изъ красной шерсти.

— Мало съ нами пожилъ, — сказала она. — Заскучалъ небось? Охъ-техъ-те... Живемъ мы хорошо, всего у насъ много, и свадьбу твою сыграли порядкомъ, правильно; старикъ сказывалъ: двѣ тысячи пошло. Одно слово, живемъ, какъ купцы, только вотъ скучно у насъ. Ужъ очень народъ обижаемъ. Сердце мое болитъ, дружокъ, обижаемъ какъ — и Боже мой! Лошадь ли мѣняемъ,

покупаемъ ли что, работника ли нанимаемъ — на всемъ обманъ. Обманъ и обманъ. Постное масло въ лавкѣ горькое, тухлое, у людей деготь лучше. Да нешто, скажи на милость, нельзя хорошимъ масломъ торговать?

— Кто къ чему приставленъ, мамаша.

— Да вѣдь умирать надо? Ой-ой, право, поговорилъ бы ты съ отцомъ!..

— А вы бы сами поговорили.

— Н-ну! Я ему свое, а онъ мнѣ, какъ ты, въ одно слово: кто къ чему приставленъ. На томъ свѣтѣ такъ тебѣ и станутъ разбирать, кто къ чему приставленъ. У Бога судъ праведный.

— Конечно, никто не станетъ разбирать, — сказалъ Анисимъ и вздохнулъ. — Бога-то вѣдь, все равно, нѣтъ, мамаша. Чего ужъ тамъ разбирать!

Варвара посмотрѣла на него съ удивленіемъ и засмѣялась, и всплеснула руками. Оттого, что она такъ искренно удивилась его словамъ и смотрѣла на него какъ на чудака, онъ смутился.

— Богъ, можетъ, и есть, а только вѣры нѣтъ, — сказалъ онъ. — Когда меня вѣнчали, мнѣ было не по себѣ. Какъ вотъ возьмешь изъ-подъ курицы яйцо, а въ немъ цыпленокъ пищитъ, такъ во мнѣ совѣсть вдругъ запищала, и, пока меня вѣнчали, я все думалъ: есть Богъ! А какъ вышелъ изъ церкви — и ничего. Да и откуда мнѣ знать, есть Богъ или нѣтъ? Насъ съ малолѣтства не тому учили, и младенецъ еще мать сосетъ, а его только одному и учатъ: кто къ чему приставленъ. Папаша вѣдь тоже въ Бога не вѣруетъ. Вы какъ-то сказывали, что у Гунторева барановъ угнали... Я нашелъ: это шика-

ловскій мужикъ укралъ; онъ укралъ, а шкурки-то у папаши... Вотъ вамъ и вѣра!

Анисимъ подмигнулъ глазомъ и покачалъ головой.

— И старшина тоже не вѣритъ въ Бога, — продолжалъ онъ: — и писарь тоже, и дьячокъ тоже. А ежели они ходятъ въ церковь и посты соблюдаютъ, такъ это для того, чтобы люди про нихъ худо не говорили, и на тотъ случай, что можетъ и въ самомъ дѣлѣ страшный судъ будетъ. Теперь такъ говорятъ, будто конецъ свѣта пришелъ оттого, что народъ ослабѣлъ, родителей не почитаютъ и прочее. Это пустяки. Я такъ, мамаша, понимаю, что все горе оттого, что совѣсти мало въ людяхъ. Я вижу насквозь, мамаша, и понимаю. Ежели у человѣка рубаха краденая, я вижу. Человѣкъ сидитъ въ трактирѣ, и вамъ такъ кажется, будто онъ чай пьетъ и больше ничего, а я, чай-то чаемъ, вижу еще, что въ немъ совѣсти нѣтъ. Такъ цѣлый день ходишь — и ни одного человѣка съ совѣстью. И вся причина, потому что не знаютъ, есть Богъ или нѣтъ... Ну-съ, мамаша, прощайте. Оставайтесь живы и здоровы, не поминайте лихомъ.

Анисимъ поклонился Варварѣ въ ноги.

— Благодаримъ васъ за все, мамаша, — сказалъ онъ. — Нашему семейству отъ васъ большая польза. Вы очень приличная женщина, и я вами много доволенъ.

Растроганный Анисимъ вышелъ, но опять вернулся и сказалъ:

— Меня Самородовъ впуталъ въ одно дѣло: богатъ буду или пропаду. Ежели что случится, ужъ вы тогда, мамаша, утѣшьте моего родителя.

— Ну вотъ, что тамъ! Охъ-техъ-те... Богъ милостивъ. А ты бы, Анисимъ, этихъ тѣхъ, жену бы свою приласкалъ, а то глядите другъ на дружку надутые оба; хотъ бы усмѣхнулись, право.

— Да, какая-то она чудная... — сказалъ Анисимъ и вздохнулъ. — Не понимаетъ ничего, молчитъ все. Молода очень, пускай подрастетъ...

У крыльца уже стоялъ высокій, сытый, бѣлый жеребецъ, запряженный въ шарабанъ.

Старикъ Цыбукинъ разбѣжался и сѣлъ молодцовато, и взялъ вожжи. Анисимъ поцѣловался съ Варварой, съ Аксиньей и съ братомъ. На крыльцѣ стояла также Липа, стояла неподвижно и смотрѣла въ сторону, какъ будто вышла не провожать, а такъ, неизвѣстно зачѣмъ. Анисимъ подошелъ къ ней и прикоснулся губами къ ея щекѣ слегка, чуть-чуть.

— Прощай, — сказалъ онъ.

И она, не поглядѣвъ на него, улыбнулась какъ-то странно; лицо у нея задрожало, и всѣмъ почему-то стало жаль ея. Анисимъ тоже сѣлъ съ подскокомъ и подбоченился, такъ какъ считалъ себя красивымъ.

Когда выѣзжали изъ оврага наверхъ, то Анисимъ все оглядывался назадъ, на село. Былъ теплый, ясный день. Въ первый разъ выгнали скотину, и около стада ходили дѣвушки и бабы, одѣтыя по-праздничному. Бурый быкъ ревѣлъ, радуясь свободѣ, и рылъ передними ногами землю. Всюду, и вверху, и внизу, пѣли жаворонки. Анисимъ оглядывался на церковь, стройную, бѣленькую — ее недавно побѣлили — и вспомнилъ, какъ, пять дней назадъ, молился въ ней; оглянулся на школу съ зеленой крышей, на рѣчку, въ которой

когда то купался и удилъ рыбу, и радость колыхнулась въ груди, и захотѣлось, чтобы вдругъ изъ земли выросла стѣна и не пустила бы его дальше, и онъ остался бы только съ однимъ прошлымъ.

На станціи подошли къ буфету и выпили по рюмкѣ хересу. Старикъ полѣзъ въ карманъ за кошелькомъ, чтобы заплатить.

— Я угощаю! — сказалъ Анисимъ.

Старикъ въ умиленіи похлопалъ его по плечу и подмигнулъ буфетчику: вотъ-де какой у меня сынъ.

— Остался бы ты, Анисимъ, дома, при дѣлѣ, — сказалъ онъ: — цѣны бы тебѣ не было! Я бы тебя, сынокъ, озолотилъ съ головы до ногъ.

— Никакъ нельзя, папаша.

Хересъ былъ кисловатый, пахло отъ него сургучомъ, но выпили еще по рюмкѣ.

Когда старикъ вернулся со станціи, то въ первую минуту не узналъ своей младшей невѣстки. Какъ только мужъ выѣхалъ со двора, Липа измѣнилась, вдругъ повеселѣла. Босая, въ старой, поношенной юбкѣ, засучивъ рукава до плечъ, она мыла въ сѣняхъ лѣстницу и пѣла тонкимъ серебристымъ голоскомъ, а когда выносила большую лохань съ помоями и глядѣла на солнце со своей дѣтской улыбкой, то было похоже, что это тоже жаворонокъ.

Старый работникъ, который проходилъ мимо крыльца, покачалъ головой и крякнулъ.

— Да и невѣстки же у тебя, Григорій Петровъ, Богъ тебѣ послалъ! — сказалъ онъ. — Не бабы, а чистый кладъ!

V

8 іюля, въ пятницу, Елизаровъ, по прозванію Костыль, и Липа возвращались изъ села Казанскаго, куда они ходили на богомолье, по случаю храмового праздника — Казанской Божіей Матери. Далеко позади шла мать Липы Прасковья, которая все отставала, такъ какъ была больна и задыхалась. Время было близко къ вечеру.

— А-аа!.. -- удивлялся Костыль, слушая Липу. — А-а!.. Ну-у?

— Я, Илья Макарычъ, до варенья очень охотница — говорила Липа. — Сяду себѣ въ уголочкѣ и все чай пью съ вареньемъ. Или съ Варварой Николаевной вмѣстѣ пьемъ, а онѣ что-нибудь разсказываютъ чувствительное. У нихъ варенья много — четыре банки. «Кушай, говорятъ, Липа, не сомнѣвайся».

— А-аа!.. Четыре банки!

— Богато живутъ. Чай съ бѣлой булкой; и говядины тоже сколько хочешь. Богато живутъ, только страшно у нихъ, Илья Макарычъ. И-и, какъ страшно!

— Чего жъ тебѣ страшно, дѣточка? — спросилъ Костыль и оглянулся, чтобы посмотрѣть, далеко ли отстала Прасковья.

— Первое, какъ свадьбу сыграли, Анисима Григорьича боялась. Они ничего, не обижали, а только, какъ подойдутъ ко мнѣ близко, такъ по всей по мнѣ морозъ, по всѣмъ косточкамъ. И ни одной ноченьки я не спала, все тряслась и Бога молила. А теперь Аксиньи боюсь, Илья Макарычъ. Она ничего, все усмѣхается, а только часомъ взглянетъ въ окошко, а глазы у ней

такіе сердитые и горятъ зеленые, словно въ хлѣву у овцы. Хрымины Младшіе ее сбиваютъ: «У вашего старика, говорятъ, есть землица Бутёкино, десятинъ сорокъ, землица, говорятъ, съ песочкомъ и вода есть, такъ ты, говорятъ, Аксюша, построй отъ себѣ кирпичный заводъ, и мы въ долю войдемъ». Кирпичъ теперь двадцать рублей тысяча. Дѣло спорое. Вчерась за обѣдомъ Аксинья и говоритъ старику: «Я, говоритъ, хочу въ Бутёкинѣ кирпичный заводъ ставить, буду сама себѣ купчиха». Говоритъ и усмѣхается. А Григорій Петровичъ съ лица потемнѣли; видно, не понравилось. «Пока, говорятъ, я живъ, нельзя врозь, надо всѣмъ вмѣстѣ». А она глазами метнула, зубами заскриготѣла... Подали оладьи — не ѣстъ!

— А-аа!.. — удивился Костыль. — Не ѣстъ!

— И скажи, сдѣлай милость, когда она спитъ! — продолжала Липа. — Съ полчасика поспитъ, а тамъ вскочитъ, ходитъ, все ходитъ, заглядываетъ: не сожгли бъ чего мужики, не украли бъ чего... Страшно съ ней, Илья Макарычъ! А Хрымины Младшіе послѣ свадьбы и спать не ложились, а поѣхали въ городъ судиться; и народъ болтаетъ, будто черезъ Аксинью все. Два брата пообѣщались ей заводъ построить, а третій обижается, а фабрика съ мѣсяцъ стояла, и мой дяденька Прохоръ безъ работы по дворамъ корочки сбиралъ. Ты бы, говорю, дяденька, пока что, пахать пошелъ или дрова пилить, что срамиться! «Отбился, говоритъ, я отъ хрестіанской работы, ничего, говоритъ, не умѣю, Липынька!..»

Около молодой осиновой рощицы остановились, чтобы отдохнуть, подождать Прасковью.

Елизаровъ давно уже былъ подрядчикомъ, но не держалъ лошади, а ходилъ по всему уѣзду пѣшкомъ, съ однимъ мѣшочкомъ, въ которомъ были хлѣбъ и лукъ, и шагалъ широко, размахивая руками. И идти съ нимъ рядомъ было трудно.

У входа въ рощу стоялъ межевой столбъ. Елизаровъ потрогалъ его: проченъ ли. Подошла Прасковья, задыхаясь. Ея сморщенное, всегда испуганное лицо сіяло счастьемъ: она была сегодня въ церкви, какъ люди, потомъ ходила по ярмаркѣ, пила тамъ грушевый квасъ! Съ ней это бывало рѣдко, и даже ей казалось теперь, будто она жила въ свое удовольствіе сегодня первый разъ въ жизни. Отдохнувши, всѣ трое пошли рядомъ. Солнце уже заходило, и его лучи проникали сквозь рощу, свѣтились на стволахъ. Впереди гулко раздавались голоса. Уклеевскія дѣвушки давно ушли впередъ, но задержались тутъ въ рощѣ: вѣроятно, подбирали грибы.

— Эй, дѣвки-и! — кричалъ Елизаровъ. — Эй, красотки!

Въ отвѣтъ слышался смѣхъ.

— Костыль идетъ! Костыль! Старый хрѣнъ!

И эхо тоже смѣялось. Вотъ и роща осталась позади. Видны уже были верхушки фабричныхъ трубъ, сверкнулъ крестъ на колокольнѣ: это было село, «то самое, гдѣ дьячокъ на похоронахъ всю икру съѣлъ». Вотъ почти уже и дома; оставалось только спуститься въ этотъ большой оврагъ. Липа и Прасковья, которыя шли босикомъ, сѣли на траву, чтобы обуться; съ ними сѣлъ и подрядчикъ. Если взглянуть сверху, то Уклеево со своими вербами, бѣлой церковью и рѣчкой казалось красивымъ, тихимъ, и мѣшали

только крыши фабричныя, выкрашенныя изъ экономіи въ мрачный, дикій цвѣтъ. Видна была на той сторонѣ по скату рожь — и копны, и снопы тамъ, сямъ, точно раскиданные бурей, и только-что скошенная, въ рядахъ; и овесъ уже поспѣлъ и теперь на солнцѣ отсвѣчивалъ, какъ перламутръ. Была страда. Сегодня праздникъ, завтра, въ субботу, убирать рожь, возить сѣно, а потомъ воскресенье, опять праздникъ; каждый день погромыхивалъ дальній громъ; парило, похоже было на дождь, и, глядя теперь на поле, каждый думалъ о томъ, далъ бы Богъ во-время убраться съ хлѣбомъ, и было весело и радостно, и непокойно на душѣ.

— Косари нынче дороги, — сказала Прасковья. — Рубль сорокъ въ день!

А съ ярмарки изъ Казанскаго народъ все шелъ и шелъ; бабы, фабричные въ новыхъ картузахъ, нищіе, ребята... То проѣзжала телѣга, поднимая пыль, и позади бѣжала непроданная лошадь, и точно была рада, что ея не продали, то вели за рога корову, которая упрямилась, то опять телѣга, а въ ней пьяные мужики, свѣсивъ ноги. Одна старуха вела мальчика въ большой шапкѣ и въ большихъ сапогахъ; мальчикъ изнемогъ отъ жары и тяжелыхъ сапогъ, которые не давали его ногамъ сгибаться въ колѣняхъ, но все же изо всей силы, не переставая, дулъ въ игрушечную трубу; уже спустились внизъ и повернули въ улицу, а трубу все еще было слышно.

— А наши фабриканты что-то не въ себѣ... — сказалъ Елизаровъ. — Бѣда! Костюковъ осерчалъ на меня. «Много, говоритъ, тесу пошло на

карнизы». — Какъ много? Сколько надо было, Василій Данилычъ, столько, говорю, и пошло. Я его не съ кашей ѣмъ, тесъ-то. «Какъ, говоритъ, ты можешь мнѣ такія слова? Болванъ, такой сякой! Не забывайся! Я, кричитъ, тебя подрядчикомъ сдѣлалъ!» — Эка, говорю, невидаль! Когда, говорю, не былъ въ подрядчикахъ, все равно каждый день чай пилъ. «Всѣ, говоритъ, вы жулики...» Я смолчалъ. Мы на этомъ свѣтѣ жулики, думаю, а вы на томъ свѣтѣ будете жулики. Хо-хо-хо! На другой день отмякъ. «Ты, говоритъ, на меня не гнѣвайся, Макарычъ, за мои слова. Ежели, говоритъ, я что лишнее, такъ вѣдь и то сказать, я купецъ первой гильдіи, старше тебя, — ты смолчать долженъ». — Вы, говорю, купецъ первой гильдіи, а я плотникъ, это правильно. И святой Іосифъ, говорю, былъ плотникъ. Дѣло наше праведное, богоугодное, а ежели, говорю, вамъ угодно быть старше, то сдѣлайте милость, Василій Данилычъ. А потомъ этого, послѣ, значитъ, разговору, я и думаю: кто же старше? Купецъ первой гильдіи или плотникъ? Стало быть, плотникъ, дѣточки!

Костыль подумалъ и добавилъ:

— Оно такъ, дѣточки. Кто трудится, кто терпитъ, тотъ и старше.

Солнце уже зашло, и надъ рѣкой, въ церковной оградѣ и на полянахъ около фабрикъ поднимался густой туманъ, бѣлый, какъ молоко. Теперь, когда быстро наступала темнота, мелькали внизу огни и когда казалось, что туманъ скрываетъ подъ собой бездонную пропасть, Липѣ и ея матери, которыя родились нищими и готовы были прожить такъ до конца, отдавая другимъ

все, кромѣ своихъ испуганныхъ, кроткихъ душъ, — быть можетъ, имъ примерещилось на минуту, что въ этомъ громадномъ, таинственномъ мірѣ, въ числѣ безконечнаго ряда жизней и онѣ сила, и онѣ старше кого-то; имъ было хорошо сидѣть здѣсь наверху, онѣ счастливо улыбались и забыли о томъ, что возвращаться внизъ все-таки надо.

Наконецъ вернулись домой. У воротъ и около лавки сидѣли на землѣ косари. Обыкновенно свои уклеевскіе не шли къ Цыбукину работать, и приходилось нанимать чужихъ, и теперь казалось въ потемкахъ, что сидятъ люди съ длинными, черными бородами. Лавка была отперта и видно было въ дверь, какъ глухой игралъ съ мальчикомъ въ шашки. Косари пѣли тихо, чуть слышно, или громко просили отдать имъ за вчерашній день, но имъ не платили, чтобы они не ушли до завтра. Старикъ Цыбукинъ безъ сюртука, въ жилеткѣ, и Аксинья у крыльца подъ березой пили чай; и горѣла на столѣ лампа.

— Дѣдушка-а! — говорилъ за воротами косарь, какъ бы дразня. — Заплати хоть половину! Дѣдушка-а!

И тотчасъ же слышался смѣхъ, а потомъ опять пѣли чуть слышно... Костыль сѣлъ тоже чай пить.

— Были мы, значитъ, на ярмаркѣ, — началъ онъ разсказывать. — Гуляли, дѣточки, очень хорошо гуляли, слава тебѣ Господи. И случай вышелъ, нехорошій: кузнецъ Сашка купилъ табаку и даетъ полтинникъ, значитъ, купцу. А полтинникъ фальшивый, — продолжалъ Костыль и оглянулся; ему хотѣлось говорить шопотомъ, но

говорилъ онъ придушеннымъ, сиплымъ голосомъ, и всѣмъ было слышно. — А полтинникъ выходитъ фальшивый. Спрашиваютъ: гдѣ взялъ? А это, говоритъ, мнѣ Анисимъ Цыбукинъ далъ. Когда, говоритъ, я у него на свадьбѣ гулялъ... Кликнули урядника, повели... Гляди, Петровичъ, какъ бы чего не вышло, какого разговору...

— Дѣдушка-а! — дразнилъ все тотъ же голосъ за воротами. — Дѣдушка-а!

Наступило молчаніе.

— Ахъ, дѣточки, дѣточки, дѣточки... быстро забормоталъ Костыль и всталъ; его одолѣвала дремота. — Ну, спасибо за чай, за сахаръ, дѣточки. Пора и спать. Сталъ ужъ я трухлявый, балки во мнѣ всѣ подгнили. Хо-хо-хо!

И уходя, онъ сказалъ:

— Умирать, должно, пора!

И всхлипнулъ. Старикъ Цыбукинъ не допилъ своего чаю, но еще посидѣлъ, подумалъ; и выраженіе у него было такое, будто онъ прислушивался къ шагамъ Костыля, бывшаго уже далеко на улицѣ.

— А Сашка кузнецъ, чай, навралъ, — сказала Аксинья, угадавъ его мысли.

Онъ пошелъ въ домъ и, немного погодя, вернулся со сверткомъ; развернулъ — и блеснули рубли, совершенно новые. Онъ взялъ одинъ, попробовалъ на зубъ, бросилъ на подносъ; потомъ бросилъ другой...

— Рубли-то взаправду фальшивые... проговорилъ онъ, глядя на Аксинью и точно недоумѣвая. — Это тѣ... Анисимъ тогда привезъ, его подарокъ. Ты, дочка, возьми, — зашепталъ онъ и сунулъ ей въ руки свертокъ: — возьми,

брось въ колодецъ... Ну ихъ! И гляди, чтобъ разговору не было. Чего бы не вышло... Убирай самоваръ, туши огонь...

Липа и Прасковья, сидѣвшія въ сараѣ, видѣли, какъ одинъ за другимъ погасли огни; только наверху у Варвары свѣтились синія и красныя лампадки, и оттуда вѣяло покоемъ, довольствомъ и невѣдѣніемъ. Прасковья никакъ не могла привыкнуть къ тому, что ея дочь выдана за богатаго, и когда приходила, то робко жалась въ сѣняхъ, улыбалась просительно, и ей высылали чаю и сахару. И Липа тоже не могла привыкнуть, и послѣ того, какъ уѣхалъ мужъ, спала не на своей кровати, а гдѣ придется — въ кухнѣ или сараѣ, и каждый день мыла полы или стирала, и ей казалось, что она на поденкѣ. И теперь, вернувшись съ богомолья, онѣ пили чай въ кухнѣ съ кухаркой, потомъ пошли въ сарай и легли на полу между санями и стѣнкой. Было тутъ темно, пахло хомутами. Около дома погасли огни, потомъ слышно было, какъ глухой запиралъ лавку, какъ косари располагались на дворѣ спать. Далеко, у Хрыминыхъ Младшихъ играли на дорогой гармоникѣ... Прасковья и Липа стали засыпать.

И когда ихъ разбудили чьи-то шаги, было уже свѣтло отъ луны; у входа въ сарай стояла Аксинья, держа въ рукахъ постель.

— Тутъ, пожалуй, прохладнѣй... — проговорила она, потомъ вошла и легла почти у самаго порога, и луна освѣщала ее всю.

Она не спала и тяжко вздыхала, разметавшись отъ жары, сбросивъ съ себя почти все — и при волшебномъ свѣтѣ луны какое это было красивое, какое гордое животное! Прошло не-

много времени и послышались опять шаги: въ дверяхъ показался старикъ, весь бѣлый.

— Аксинья! — позвалъ онъ. — Ты здѣсь, что ли?

— Ну! — отозвалась она сердито.

— Я тебѣ давеча сказалъ, чтобъ бросила деньги въ колодецъ. Ты бросила?

— Вотъ еще, добро въ воду бросать! Я косарямъ отдала...

— Ахъ, Боже мой! — проговорилъ старикъ въ изумленіи и въ испугѣ. — Озорная ты баба... Ахъ, Боже мой!

Онъ всплеснулъ руками и ушелъ, и, пока шелъ, все что-то приговаривалъ. А немного погодя, Аксинья сѣла и вздохнула тяжело, съ досадой, потомъ встала и, забравъ въ охапку свою постель, вышла.

— И зачѣмъ ты отдала меня сюда, маменька! — проговорила Липа.

— Замужъ идти нужно, дочка. Такъ ужъ не нами положено.

И чувство безутѣшной скорби готово было овладѣть ими. Но казалось имъ, кто-то смотритъ съ высоты неба, изъ синевы, оттуда, гдѣ звѣзды, видитъ все, что происходитъ въ Уклеевѣ, сторожитъ. И какъ ни велико зло, все же ночь тиха и прекрасна, и все же въ Божьемъ мірѣ правда есть и будетъ, такая же тихая и прекрасная, и все на землѣ только ждетъ, чтобы слиться съ правдой, какъ лунный свѣтъ сливается съ ночью.

И обѣ, успокоенныя, прижавшись другъ къ другу, уснули.

VI

Давно уже пришло извѣстіе, что Анисима посадили въ тюрьму за поддѣлку и сбытъ фальшивыхъ денегъ. Прошли мѣсяцы, прошло больше полугода, минула длинная зима, наступила весна, и къ тому, что Анисимъ сидитъ въ тюрьмѣ, привыкли и въ домѣ, и въ селѣ. И когда кто-нибудь проходилъ ночью мимо дома или лавки, то вспоминалъ, что Анисимъ сидитъ въ тюрьмѣ; и когда звонили на погостѣ, то почему-то тоже вспоминалось, что онъ сидитъ въ тюрьмѣ и ждетъ суда.

Казалось, будто тѣнь легла на дворъ. Домъ потемнѣлъ, крыша поржавѣла, дверь въ лавкѣ, обитая желѣзомъ, тяжелая, выкрашенная въ зеленый цвѣтъ, пожухла или, какъ говорилъ глухой, «зашкорубла»; и самъ старикъ Цыбукинъ потемнѣлъ какъ будто. Онъ давно уже не подстригалъ волосъ и бороды, оброcъ, уже садился въ тарантасъ безъ подскока и не кричалъ нищимъ: «Богъ дасьтъ!» Сила у него пошла на убыль, и это было замѣтно по всему. Уже и люди меньше боялись, и урядникъ составилъ въ лавкѣ протоколъ, хотя получалъ попрежнему что слѣдуетъ; и три раза вызывали въ городъ, чтобы судить за тайную торговлю виномъ, и дѣло все откладывалось за неявкой свидѣтелей, и старикъ замучился.

Онъ часто ѣздилъ къ сыну, нанималъ кого-то, подавалъ кому-то прошенія, пожертвовалъ куда-то хоругвь. Смотрителю тюрьмы, въ которой сидѣлъ Анисимъ, онъ поднесъ серебряный подстаканникъ съ надписью по эмали «душа мѣру знаетъ» и съ длинной ложечкой.

— Похлопотать-те, похлопотать-те путемъ некому, — говорила Варвара. — Охъ-техъ-те... Попросить бы кого изъ господъ, написали бы главнымъ начальникамъ... До суда бы хоть выпустили бы! Что парня томить-то!

Она тоже была огорчена, но пополнѣла, побѣлѣла, попрежнему зажигала у себя лампадки и смотрѣла, чтобы въ домѣ все было чисто, и угощала гостей вареньемъ и яблочной пастилой. Глухой и Аксинья торговали въ лавкѣ. Затѣяли новое дѣло — кирпичный заводъ въ Бутёкинѣ, и Аксинья ѣздила туда почти каждый день, въ тарантасѣ; она сама правила и при встрѣчѣ со знакомыми вытягивала шею, какъ змѣя изъ молодой ржи, и улыбалась наивно и загадочно. А Липа все играла со своимъ ребенкомъ, который родился у нея передъ постомъ. Это былъ маленькій ребеночекъ, тощенькій, жалкенькій, и было странно, что онъ кричитъ, смотритъ и что его считаютъ человѣкомъ, и даже называютъ Никифоромъ. Онъ лежалъ въ люлькѣ, а Липа отходила къ двери и говорила кланяясь:

— Здравствуйте, Никифоръ Анисимычъ!

И бѣжала къ нему опрометью, и цѣловала. Потомъ отходила къ двери, кланялась и опять:

— Здравствуйте, Никифоръ Анисимычъ!

А онъ задиралъ свои красныя ножки, и плачъ у него мѣшался со смѣхомъ, какъ у плотника Елизарова.

Наконецъ былъ назначенъ судъ. Старикъ выѣхалъ дней за пять. Потомъ, слышно было, изъ села погнали мужиковъ, вызванныхъ свидѣтелями; выѣхалъ и старый работникъ, получившій тоже повѣстку.

Судъ былъ въ четвергъ. Но прошло уже воскресенье, а старикъ все не возвращался, и не было никакихъ извѣстій. Во вторникъ передъ вечеромъ Варвара сидѣла у открытаго окна и прислушивалась: не пріѣдетъ ли старикъ. Въ сосѣдней комнатѣ Липа играла со своимъ ребенкомъ. Она подбрасывала его на рукахъ и говорила въ восхищеніи:

— Ты выростешь большо-ой, большой! Будешь ты мужикъ, вмѣстѣ на поденку пойдемъ! На поденку пойдемъ!

— Ну-у! — обидѣлась Варвара. — Какую тамъ еще поденку выдумала, глупенькая? Онъ у насъ купецъ будетъ!..

Липа запѣла тихо, но, немного погодя, забылась и опять:

— Выростешь большо-ой, большой, мужикъ будешь, вмѣстѣ на поденку пойдемъ!

— Ну-у! Заладила!

Липа съ Никифоромъ на рукахъ остановилась въ дверяхъ и спросила:

— Маменька, отчего я его такъ люблю? Отчего я его жалѣю такъ? — продолжала она дрогнувшимъ голосомъ, и глаза у нея заблестѣли отъ слезъ. — Кто онъ? Какой онъ изъ себя? Легкій, какъ перышко, какъ крошечка, а люблю его, люблю, какъ настоящаго человѣка. Вотъ онъ ничего не можетъ, не говоритъ, а я все понимаю, чего онъ своими глазочками желаетъ.

Варвара прислушалась: донесся шумъ вечерняго поѣзда, подходившаго къ станціи. Не пріѣхалъ ли старикъ? Она ужъ не слышала и не понимала, о чемъ говоритъ Липа, не помнила, какъ шло время, а только дрожала вся, и это

не отъ страха, а отъ сильнаго любопытства. Она видѣла, какъ прокатила телѣга быстро, съ грохотомъ, полная мужиковъ. Это ѣхали со станціи возвратившіеся свидѣтели. Съ телѣги, когда она катила мимо лавки, спрыгнулъ старый работникъ и пошелъ во дворъ. Слышно было, какъ съ нимъ во дворѣ поздоровались, спросили его о чемъ-то...

— Рѣшеніе правъ и всего состоянія, — громко сказалъ онъ: — и въ Сибирь, въ каторжную работу на шесть лѣтъ.

Видно было, какъ изъ лавочки чернымъ ходомъ вышла Аксинья; она только-что отпускала керосинъ, и въ одной рукѣ держала бутылку, въ другой — лейку, и во рту у нея были серебряныя деньги.

— А папаша гдѣ? — спросила она, шепелявя.

— На станціи, — отвѣтилъ работникъ. — «Ужо, говоритъ, будетъ потемнѣй, тогда пріѣду».

И когда во дворѣ стало извѣстно, что Анисимъ осужденъ въ каторжныя работы, кухарка въ кухнѣ вдругъ заголосила, какъ по покойникѣ, думая, что этого требуетъ приличіе:

— И на кого ты насъ покинулъ, Анисимъ Григорьичъ, соколикъ ясный...

Залаяли встревоженныя собаки. Варвара подбѣжала къ окошку и, заметавшись въ тоскѣ, стала кричать кухаркѣ, изо всей силы напрягая голосъ:

— Бу-удетъ тебѣ, Степанида, бу-удетъ! Не томи, Христа ради!

Забыли поставить самоваръ, уже не сообра-

жали ни о чемъ. Только одна Липа никакъ не могла понять, въ чемъ дѣло, и продолжала носиться съ ребенкомъ.

Когда пріѣхалъ старикъ со станціи, то его ужъ ни о чемъ не спрашивали. Онъ поздоровался, потомъ прошелся по всѣмъ комнатамъ молча; не ужиналъ.

— Похлопотать-те некому... начала Варвара, когда они остались вдвоемъ. — Говорила я, чтобъ господъ попросить, — не послушали тогда... Прошеніе бы...

— Хлопоталъ я! — сказалъ старикъ и махнулъ рукой. — Какъ Анисима осудили, я къ тому барину, что его защищалъ. «Ничего, говоритъ, теперь нельзя, поздно». И самъ Анисимъ такъ говоритъ: поздно. А все жъ я, какъ вышелъ изъ суда, одного адвоката договорилъ; задатокъ ему далъ... Погожу еще недѣльку, а тамъ опять поѣду. Что Богъ дастъ.

Старикъ опять молча прошелся по всѣмъ комнатамъ и, когда вернулся къ Варварѣ, то сказалъ:

— Должно, нездоровъ я. Въ головѣ того... туманится. Мысли мутятся.

Онъ затворилъ дверь, чтобы не услышала Липа, и продолжалъ тихо:

— Съ деньгами у меня нехорошо. Помнишь, Анисимъ передъ свадьбой на Ѳоминой привезъ мнѣ новыхъ рублей и полтинниковъ? Сверточекъ-то одинъ я тогда спряталъ, а прочіе какіе я смѣшалъ со своими... И когда-то, царствіе небесное, живъ былъ дядя мой, Дмитрій Филатычъ, все бывало за товаромъ ѣздилъ то въ Москву, то въ Крымъ. Была у него жена, и эта самая жена, пока онъ, значитъ, за товаромъ ѣздилъ,

съ другими гуляла. Шестеро дѣтей было. И вотъ, бывало, дяденька, какъ выпьетъ, то смѣется: «Никакъ, говоритъ, я не разберу, гдѣ тутъ мои дѣти, а гдѣ чужія». Легкій характеръ, значитъ. Такъ и я теперь не разберу, какія у меня деньги настоящія и какія фальшивыя. И кажется, что всѣ фальшивыя.

— Ну, вотъ, Богъ съ тобой!

— Покупаю на вокзалѣ билетъ, даю три рубля, и думается мнѣ, будто они фальшивые. И страшно мнѣ. Должно, нездоровъ.

— Что говорить, всѣ подъ Богомъ ходимъ... Охъ-техъ-те... — проговорила Варвара и покачала головой. — Надо бъ объ этомъ подумать бы, Петровичъ... Неровенъ часъ, что случится, человѣкъ ты не молодой. Помрешь, и гляди, безъ тебя бъ внучка не обидѣли. Ой, боюсь, обидятъ они Никифора, обидятъ! Отца, считай такъ, уже нѣтъ, мать молодая, глупая... Записалъ бы ты на него, на мальчишку-то, хоть землю, Бутёкино-то это, Петровичъ, право! Подумай! — продолжала убѣждать Варвара. — Мальчикъ-то хорошенькій, жалко! Вотъ завтра поѣзжай и напиши бумагу. Чего ждать?

— А я забылъ про внучка-то... — сказалъ Цыбукинъ. — Надо поздороваться. Такъ ты говоришь: мальчикъ ничего? Ну, что жъ, пускай растетъ. Дай Богъ!

Онъ отворилъ дверь и согнутымъ пальцемъ поманилъ къ себѣ Липу. Она подошла къ нему съ ребенкомъ на рукахъ.

— Ты, Липынька, если что нужно, спрашивай, — сказалъ онъ. — И что захочешь, кушай, мы не жалѣемъ, была бы здорова... — Онъ

перекрестилъ ребенка. — И внучка береги. Сына нѣтъ, такъ внучекъ остался.

Слезы потекли у него по щекамъ; онъ всхлипнулъ и отошелъ. Немного погодя онъ легъ спать и уснулъ крѣпко, послѣ семи безсонныхъ ночей.

VII

Старикъ уѣзжалъ не надолго въ городъ. Кто-то разсказалъ Аксиньѣ, что онъ ѣздилъ къ нотаріусу, чтобы писать завѣщаніе, и что Бутёкино, то самое, на которомъ она жгла кирпичъ, онъ завѣщалъ внуку Никифору. Объ этомъ ей сообщили утромъ, когда старикъ и Варвара сидѣли около крыльца подъ березой и пили чай. Она заперла лавку съ улицы и со двора, собрала всѣ ключи, какіе у нея были, и швырнула ихъ къ ногамъ старика.

— Не стану я больше работать на васъ! — крикнула она громко и вдругъ зарыдала. — Выходитъ, я у васъ не невѣстка, а работница! Весь народъ смѣется: «Гляди, говорятъ, Цыбукины какую себѣ работницу нашли!» Я у васъ не нанималась! Я не нищая, не хамка какая, есть у меня отецъ и мать.

Она, не утирая слезъ, устремила на старика глаза, залитые слезами, злобные, косые отъ гнѣва; лицо и шея у нея были красны и напряжены, такъ какъ кричала она изо всей силы.

— Не желаю я больше служить! — продолжала она. — Замучилась! Какъ работа, какъ въ лавкѣ сидѣть день-деньской, по ночамъ шмыгать за водкой — такъ это мнѣ, а какъ землю дарить,

— такъ это каторжанкѣ съ ея чертенкомъ! Она тутъ хозяйка, барыня, а я у ней прислуга! Все отдайте ей, арестанткѣ, пусть подавится, я уйду домой! Найдите себѣ другую дуру, ироды окаянные!

Старикъ ни разу въ жизни не бранилъ и не наказывалъ дѣтей и не допускалъ даже мысли, чтобы кто-нибудь изъ семейства могъ говорить ему грубыя слова или держать себя непочтительно; и теперь онъ очень испугался, побѣжалъ въ домъ и спрятался тамъ за шкафомъ. А Варвара такъ оторопѣла, что не могла подняться съ мѣста, а только отмахивалась обѣими руками, точно оборонялась отъ пчелы.

— Ой, что жъ это, батюшки? — бормотала она въ ужасѣ. — Что жъ это она кричитъ? Охъ-техъ-те... Народъ-то услышитъ! Потише бы... Ой, потише бы!

— Отдали каторжанкѣ Бутёкино, — продолжала Аксинья кричать: — отдайте ей теперь все, — мнѣ отъ васъ ничего не надо! Провались вы! Всѣ вы тутъ одна шайка! Наглядѣлась я, будетъ съ меня! Грабили и прохожихъ, и проѣзжихъ, разбойники, грабили стараго и малаго! А кто водку продавалъ безъ патента? А фальшивыя деньги? Понабили себѣ сундуки фальшивыми деньгами — и теперь ужъ я не нужна стала!

Около настежь открытыхъ воротъ уже собралась толпа и смотрѣла во дворъ.

— Пускай народъ глядитъ! — кричала Аксинья. — Я васъ осрамлю! Вы у меня сгорите со срама! Вы у меня въ ногахъ наваляетесь! Эй, Степанъ! — позвала она глухого. — Поѣдемъ

въ одну минуту домой! Къ моему отцу, къ матери поѣдемъ, съ арестантами я не хочу жить! Собирайся!

Во дворѣ на протянутыхъ веревкахъ висѣло бѣлье; она срывала свои юбки и кофточки, еще мокрыя, и бросала ихъ на руки глухому. Потомъ, разъяренная, она металась по двору около бѣлья, срывала все, и то, что было не ея, бросала на землю и топтала.

— Ой, батюшки, уймите ее! — стонала Варвара. — Что же она такое? Отдайте ей Бутёкино, отдайте ради Христа Небеснаго!

— Ну, ба-а-ба! — говорили у воротъ. — Вотъ такъ ба-а-ба! Расходилась — страсть!

Аксинья вбѣжала въ кухню, гдѣ въ это время была стирка. Стирала одна Липа, а кухарка пошла на рѣку полоскать бѣлье. Отъ корыта и котла около плиты шелъ паръ, и въ кухнѣ было душно и тускло отъ тумана. На полу была еще куча немытаго бѣлья, и около него на скамьѣ, задирая свои красныя ножки, лежалъ Никифоръ, такъ что, если бы онъ упалъ, то не ушибся бы. Какъ разъ, когда Аксинья вошла, Липа вынула изъ кучи ея сорочку и положила въ корыто, и уже протянула руку къ большому ковшу съ кипяткомъ, который стоялъ на столѣ...

— Отдай сюда! — проговорила Аксинья, глядя на нее съ ненавистью, и выхватила изъ корыта сорочку. — Не твое это дѣло мое бѣлье трогать! Ты арестантка и должна знать свое мѣсто, кто ты есть!

Липа глядѣла на нее, оторопѣвъ, и не понимала, но вдругъ уловила взглядъ, какой та бро-

сила на ребенка, и вдругъ поняла, и вся помертвѣла...

— Взяла мою землю, такъ вотъ же тебѣ!

Сказавши это, Аксинья схватила ковшъ съ кипяткомъ и плеснула на Никифора.

Послѣ этого послышался крикъ, какого еще никогда не слыхали въ Уклеевѣ, и не вѣрилось, что небольшое, слабое существо, какъ Липа, можетъ кричать такъ. И на дворѣ вдругъ стало тихо. Аксинья прошла въ домъ, молча, со своей прежней наивной улыбкой... Глухой все ходилъ по двору, держа въ охапкѣ бѣлье, потомъ сталъ развѣшивать его опять, молча, не спѣша. И пока не вернулась кухарка съ рѣки, никто не рѣшался войти въ кухню и взглянуть, что тамъ.

VIII

Никифора свезли въ земскую больницу и къ вечеру онъ умеръ тамъ. Липа не стала дожидаться, когда за ней пріѣдутъ, а завернула покойника въ одѣяльце и понесла домой.

Больница, новая, недавно построенная, съ большими окнами, стояла высоко на горѣ; она вся свѣтилась отъ заходившаго солнца, и, казалось, горѣла внутри. Внизу былъ поселокъ. Липа спустилась по дорогѣ и, не доходя до поселка, сѣла у маленькаго пруда. Какая-то женщина привела лошадь поить и лошадь не пила.

— Чего же тебѣ еще? — говорила женщина тихо, въ недоумѣніи. — Чего же тебѣ?

Мальчикъ въ красной рубахѣ, сидя у самой

воды, мылъ отцовскіе сапоги. И больше ни души не было видно ни въ поселкѣ, ни на горѣ.

— Не пьетъ... — сказала Липа, глядя на лошадь.

Но вотъ женщина и мальчикъ съ сапогами ушли, и уже никого не было видно. Солнце легло спать и укрылось багряной золотой парчой, и длинныя облака, красныя и лиловыя, сторожили его покой, протянувшись по небу. Гдѣ-то далеко, неизвѣстно гдѣ, кричала выпь, точно корова, запертая въ сараѣ, заунывно и глухо. Крикъ этой таинственной птицы слышали каждую весну, но не знали, какая она и гдѣ живетъ. Наверху въ больницѣ, у самаго пруда въ кустахъ, за поселкомъ и кругомъ въ полѣ заливались соловьи. Чьи-то года считала кукушка и все сбивалась со счета, и опять начинала. Въ прудѣ сердито, надрываясь, перекликались лягушки, и даже можно было разобрать слова: «И ты такова! И ты такова!» Какой былъ шумъ! Казалось, что всѣ эти твари кричали и пѣли нарочно, чтобы никто не спалъ въ этотъ весенній вечеръ, чтобы всѣ, даже сердитыя лягушки, дорожили и наслаждались каждой минутой: вѣдь жизнь дается только одинъ разъ!

На небѣ свѣтилъ серебряный полумѣсяцъ, было много звѣздъ. Липа не помнила, какъ долго она сидѣла у пруда, но когда встала и пошла, то въ поселкѣ всѣ уже спали и не было ни одного огня. До дома было, вѣроятно, верстъ двѣнадцать, но силъ не хватало, не было соображенія, какъ идти; мѣсяцъ блестѣлъ то спереди, то справа, и кричала все та же кукушка, уже осипшимъ голосомъ, со смѣхомъ, точно дразнила: ой, гля-

ди, собьешься съ дороги! Липа шла быстро, потеряла съ головы платокъ... Она глядѣла на небо и думала о томъ, гдѣ теперь душа ея мальчика: идетъ ли слѣдомъ за ней, или носится тамъ вверху, около звѣздъ, и уже не думаетъ о своей матери? О, какъ одиноко въ полѣ ночью, среди этого пѣнія, когда самъ не можешь пѣть, среди непрерывныхъ криковъ радости, когда самъ не можешь радоваться, когда съ неба смотритъ мѣсяцъ, тоже одинокій, которому все равно — весна теперь или зима, живы люди или мертвы... Когда на душѣ горе, то тяжело безъ людей. Если бы съ ней была мать, Прасковья, или Костыль, или кухарка, или какой-нибудь мужикъ!

«Бу-у! — кричала выпь. — Бу-у!»

И вдругъ ясно послышалась человѣческая рѣчь:

— Запрягай, Вавила!

Впереди, у самой дороги, горѣлъ костеръ; пламени уже не было, свѣтились одни красные уголья. Слышно было, какъ жевали лошади. Въ потемкахъ обозначились двѣ подводы, — одна съ бочкой, другая пониже, съ мѣшками, и два человѣка: одинъ велъ лошадь, чтобы запрягать, другой стоялъ около костра неподвижно, заложивъ назадъ руки. Заворчала около подводы собака. Тотъ, который велъ лошадь, остановился и сказалъ:

— Словно кто идетъ по дорогѣ.

— Шарикъ, молчи! — крикнулъ другой на собаку.

И по голосу можно было понять, что этотъ другой былъ старикъ. Липа остановилась и сказала:

— Богъ въ помощь!

Старикъ подошелъ къ ней и отвѣтилъ не сразу:

— Здравствуй!

— Ваша собачка не порветъ, дѣдушка?

— Ничего, иди. Не тронетъ.

— Я въ больницѣ была, — сказала Липа, помолчавъ. — Сыночекъ у меня тамъ померъ. Вотъ домой несу.

Должно быть, старику было непріятно слышать это, потому что онъ отошелъ и проговорилъ торопливо:

— Это ничего, милая. Божья воля. Копаешься, парень! — сказалъ онъ, обернувшись къ спутнику. — Ты бы поживѣй.

— Твоей дуги нѣту, — сказалъ парень. — Не видать.

— Прямой ты Вавила.

Старикъ поднялъ уголекъ, раздулъ — освѣтились только его глаза и носъ, потомъ, когда отыскали дугу, подошелъ съ огнемъ къ Липѣ и взглянулъ на нее; и взглядъ его выражалъ состраданіе и нѣжность.

— Ты мать, — сказалъ онъ. — Всякой матери свое дитё жалко.

И при этомъ вздохнулъ и покачалъ головой. Вавила бросилъ что-то на огонь, притопталъ — и тотчасъ же стало очень темно; видѣніе исчезло, и попрежнему было только поле, небо со звѣздами, да шумѣли птицы, мѣшая другъ другу спать. И коростель кричалъ, казалось, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ костеръ.

Но прошла минута, и опять были видны и

подводы, и старикъ, и длинный Вавила. Телѣги скрипѣли, выѣзжая на дорогу.

— Вы святые? — спросила Липа у старика.

— Нѣтъ. Мы изъ Фирсанова.

— Ты давеча взглянулъ на меня, а сердце мое помягчило. И парень тихій. Я и подумала: это, должно, святые.

— Тебѣ далече ли?

— Въ Уклеево.

— Садись, подвеземъ до Кузьменокъ. Тебѣ тамъ прямо, намъ влѣво.

Вавила сѣлъ на подводу съ бочкой, старикъ и Липа сѣли на другую. Поѣхали шагомъ, Вавила впереди.

— Мой сыночекъ весь день мучился, — сказала Липа. — Глядитъ своими глазочками и молчитъ, и хочетъ сказать и не можетъ. Господи батюшка, Царица Небесная! Я съ горя такъ все и падала на полъ. Стою и упаду возлѣ кровати. И скажи мнѣ, дѣдушка, зачѣмъ маленькому передъ смертью мучиться? Когда мучается большой человѣкъ, мужикъ или женщина, то грѣхи прощаются, а зачѣмъ маленькому, когда у него нѣтъ грѣховъ? Зачѣмъ?

— А кто жъ его знаетъ! — отвѣтилъ старикъ.

Проѣхали съ полчаса молча.

— Всего знать нельзя, зачѣмъ да какъ, — сказалъ старикъ. — Птицѣ положено не четыре крыла, а два, потому что и на двухъ летѣть способно; такъ и человѣку положено знать не все, а только половину или четверть. Сколько надо ему знать, чтобъ прожить, столько и знаетъ.

— Мнѣ, дѣдушка, идти пѣшкомъ легче. А теперь сердце трясется.

— Ничего. Сиди.

Старикъ зѣвнулъ и перекрестилъ ротъ.

— Ничего... — повторилъ онъ. — Твое горе сполгоря. Жизнь долгая, — будетъ еще и хорошаго, и дурного, всего будетъ. Велика матушка Россія! — сказалъ онъ и поглядѣлъ въ обѣ стороны. — Я во всей Россіи былъ и все въ ней видѣлъ, и ты моему слову вѣрь, милая. Будетъ и хорошее, будетъ и дурное. Я ходокомъ въ Сибирь ходилъ, и на Амурѣ былъ, и на Алтаѣ, и въ Сибирь переселился, землю тамъ пахалъ, соскучился потомъ по матушкѣ Россіи и назадъ вернулся въ родную деревню. Назадъ въ Россію пѣшкомъ шли; и помню, плывемъ мы на паромѣ, а я худой-худой, рваный весь, босой, озябъ, сосу корку, а проѣзжій господинъ тутъ какой-то на паромѣ, — если померъ, то царство ему небесное, — глядитъ на меня жалостно, слезы текутъ. «Эхъ, говоритъ, хлѣбъ твой черный, дни твои черные...» А домой пріѣхалъ, какъ говорится, ни кола, ни двора; баба была, да въ Сибири осталась, закопали. Такъ, въ батракахъ живу. А что жъ? Скажу тебѣ: потомъ было и дурное, было и хорошее. Вотъ и помирать не хочется, милая, еще бы годочковъ двадцать пожилъ; значитъ, хорошаго было больше. А велика матушка Россія! — сказалъ онъ и опять посмотрѣлъ въ стороны и оглянулся.

— Дѣдушка, — спросила Липа: — когда человѣкъ помретъ, то сколько дней его душа потомъ по землѣ ходитъ?

— А кто жъ его знаетъ! Вотъ спросимъ

Вавилу, — онъ въ школу ходилъ. Теперь всему учатъ. Вавила! — позвалъ старикъ.

— А!

— Вавила, какъ человѣкъ помретъ, сколько дней его душа по землѣ ходитъ?

Вавила остановилъ лошадь и тогда ужъ отвѣтилъ:

— Девять дёнъ. Мой дядя Кирилла померъ, такъ его душа въ избѣ нашей жила потомъ тринаддать дёнъ.

— Почему ты знаешь?

— Тринаддать дёнъ въ печкѣ стучало.

— Ну, ладно. Трогай, — сказалъ старикъ, и видно было, что ничему этому онъ не вѣрилъ.

Около Кузьменокъ подводы свернули на шоссе, а Липа пошла дальше. Уже свѣтало. Когда она спускалась въ оврагъ, то уклеевскія избы и церковь прятались въ туманѣ. Было холодно, и казалось ей, что кричитъ все та же кукушка.

Когда Липа вернулась домой, то скотины еще не выгоняли; всѣ спали. Она сидѣла на крыльцѣ и ждала. Первый вышелъ старикъ; онъ сразу, съ перваго взгляда понялъ, что произошло, и долго не могъ выговорить ни слова и только чмокалъ губами.

— Эхъ, Липа, — проговорилъ онъ: — не уберегла ты внучка...

Разбудили Варвару. Она всплеснула руками и зарыдала и тотчасъ же стала убирать ребенка.

— И мальчикъ-то былъ хорошенечкій... — приговаривала она. — Охъ-техъ-те... Одинъ былъ мальчикъ, и того не уберегла, глупенькая...

Служили панихиду утромъ и вечеромъ. На

другой день хоронили, и послѣ похоронъ гости и духовенство ѣли много и съ такою жадностью, какъ будто давно не ѣли. Липа прислуживала за столомъ, и батюшка, поднявъ вилку, на которой былъ соленый рыжикъ, сказалъ ей:

— Не горюйте о младенцѣ. Таковыхъ есть царствіе небесное.

И только, когда всѣ разошлись, Липа поняла, какъ слѣдуетъ, что Никифора уже нѣтъ и не будетъ, поняла и зарыдала. И она не знала, въ какую комнату идти ей, чтобы рыдать, такъ какъ чувствовала, что въ этомъ домѣ послѣ смерти мальчика ей уже нѣтъ мѣста, что она тутъ не при чемъ, лишняя; и другіе это тоже чувствовали.

— Ну, что голосишь тамъ? — крикнула вдругъ Аксинья, показываясь въ дверяхъ; по случаю похоронъ она была одѣта во все новое и напудрилась. — Замолчи!

Липа хотѣла перестать, но не могла, и зарыдала еще громче.

— Слышишь? — крикнула Аксинья и въ сильномъ гнѣвѣ топнула ногой. — Кому говорю? Пошла вонъ со двора, и чтобъ ноги твоей тутъ не было, каторжанка! Вонъ!

— Ну, ну, ну!.. — засуетился старикъ. — Аксюта, угомонись, матушка... Плачетъ, понятное дѣло... дитё померло...

— Понятное дѣло... — передразнила его Аксинья. — Пускай переночуетъ, а завтра чтобы и духу ея тутъ не было! Понятное дѣло!.. — передразнила она еще разъ и, засмѣявшись, направилась въ лавку.

На другой день рано утромъ Липа ушла въ Торгуево къ матери.

IX

Въ настоящее время крыша на лавкѣ и дверь выкрашены и блестятъ какъ новыя, на окнахъ попрежнему цвѣтетъ веселенькая герань, и то, что происходило три года назадъ въ домѣ и во дворѣ Цыбукина, уже почти забыто.

Хозяиномъ считается, какъ и тогда, старикъ Григорій Петровичъ, на самомъ же дѣлѣ все перешло въ руки Аксиньи; она и продаетъ, и покупаетъ, и безъ ея согласія ничего нельзя сдѣлать. Кирпичный заводъ работаетъ хорошо; оттого, что требуютъ кирпичъ на желѣзную дорогу, цѣна его дошла до двадцати четырехъ рублей за тысячу; бабы и дѣвки возятъ на станцію кирпичъ и нагружаютъ вагоны и получаютъ за это по четвертаку въ день.

Аксинья вошла въ долю съ Хрымиными, и ихъ фабрика теперь называется такъ: «Хрымины Младшіе и К⁰». Открыли около станціи трактиръ, и уже играютъ на дорогой гармоникѣ не на фабрикѣ, а въ этомъ трактирѣ, и сюда часто ходитъ начальникъ почтоваго отдѣленія, который тоже завелъ какую-то торговлю, и начальникъ станціи тоже. Глухому Степану Хрымины Младшіе подарили золотые часы, и онъ то-и-дѣло вынимаетъ ихъ изъ кармана и подноситъ къ уху.

Въ селѣ говорятъ про Аксинью, что она забрала большую силу; и правда, когда она утромъ ѣдетъ къ себѣ на заводъ, съ наивной улыбкой, красивая, счастливая, и когда потомъ распоряжается на заводѣ, то чувствуется въ ней большая сила. Ее всѣ боятся и дома, и въ селѣ, и на заводѣ. Когда она приходитъ на почту, то

начальникъ почтоваго отдѣленія вскакиваетъ и говоритъ ей:

— Покорнѣйше прошу садиться, Ксенія Абрамовна!

Одинъ помѣщикъ, щеголь, въ поддевкѣ изъ тонкаго сукна и въ высокихъ лакированныхъ сапогахъ, уже пожилой, какъ-то, продавая ей лошадь, такъ увлекся разговоромъ съ ней, что уступилъ ей, сколько она пожелала. Онъ долго держалъ ее за руку и, глядя ей въ ея веселые, лукавые, наивные глаза, говорилъ:

— Для такой женщины, какъ вы, Ксенія Абрамовна, я готовъ сдѣлать всякое удовольствіе. Только скажите, когда мы можемъ увидѣться, чтобы намъ никто не помѣшалъ?

— Да когда вамъ угодно!

И послѣ этого пожилой щеголь заѣзжаетъ въ лавочку почти каждый день, чтобы выпить пива. А пиво ужасное, горькое какъ полынь. Помѣщикъ мотаетъ головой, но пьетъ.

Старикъ Цыбукинъ уже не вмѣшивается въ дѣла. Онъ не держитъ при себѣ денегъ, потому что никакъ не можетъ отличить настоящихъ отъ фальшивыхъ, но молчитъ, никому не говоритъ объ этой своей слабости. Онъ сталъ какъ-то забывчивъ, и если не дать ему поѣсть, то самъ онъ не спроситъ; уже привыкли обѣдать безъ него и Варвара часто говоритъ:

— А нашъ вчерась опять легъ не ѣвши.

И говоритъ равнодушно, потому что привыкла. Почему-то и лѣтомъ, и зимой одинаково онъ ходитъ въ шубѣ и только въ очень жаркіе дни не выходитъ; сидитъ дома. Обыкновенно, надѣвши шубу и поднявъ воротникъ, запахнув-

шись, онъ гуляетъ по деревнѣ, по дорогѣ на станцію, или сидитъ съ утра до вечера на лавочкѣ около церковныхъ воротъ. Сидитъ и не пошевельнется. Прохожіе кланяются ему, но онъ не отвѣчаетъ, такъ какъ попрежнему не любитъ мужиковъ. Когда его спрашиваютъ о чемъ-нибудь, то онъ отвѣчаетъ вполнѣ разумно и вѣжливо, но кратко.

Въ селѣ идутъ разговоры, будто невѣстка выгнала его изъ собственнаго дома и не даетъ ему ѣсть, и будто онъ кормится подаяніями; одни рады, другіе жалѣютъ.

Варвара еще больше пополнѣла и побѣлѣла, и попрежнему творитъ добрыя дѣла, и Аксинья не мѣшаетъ ей. Варенья теперь такъ много, что его не успѣваютъ съѣдать до новыхъ ягодъ; оно засахаривается, и Варвара чуть не плачетъ, не зная, что съ нимъ дѣлать.

Объ Анисимѣ стали забывать. Какъ-то пришло отъ него письмо, написанное въ стихахъ, на большомъ листѣ бумаги въ видѣ прошенія, все тѣмъ же великолѣпнымъ почеркомъ. Очевидно, и его другъ Самородовъ отбывалъ съ нимъ вмѣстѣ наказаніе. Подъ стихами была написана некрасивымъ, едва разборчивымъ почеркомъ одна строчка: «Я все болѣю тутъ, мнѣ тяжко, помогите ради Христа».

Однажды — это было въ ясный осенній день, передъ вечеромъ — старикъ Цыбукинъ сидѣлъ около церковныхъ воротъ, поднявъ воротникъ своей шубы, и виденъ былъ только его носъ и козырекъ отъ фуражки. На другомъ концѣ длинной лавки сидѣлъ подрядчикъ Елизаровъ и рядомъ съ нимъ школьный сторожъ Яковъ, ста-

рикъ лѣтъ семидесяти, безъ зубовъ. Костыль и сторожъ разговаривали.

— Дѣти должны кормить стариковъ, поить... чти отца твоего и мать, — говорилъ Яковъ съ раздраженіемъ: — а она, невѣстка-то, выгнала свекра изъ цобственнаго дома. Старику ни поѣсть, ни попить — куда пойдетъ? Третій день не ѣвши.

— Третій день! — удивился Костыль.

— Вотъ такъ сидитъ, все молчитъ. Ослабъ. А чего молчать? Подать въ судъ, — ее бъ въ судѣ не похвалили.

— Кого въ судѣ хвалили? — спросилъ Костыль, не разслышавъ.

— Чего?

— Баба ничего, старательная. Въ ихнемъ дѣлѣ безъ этого нельзя... безъ грѣха то-есть...

— Изъ цобственнаго дома, — продолжалъ Яковъ съ раздраженіемъ. — Наживи свой домъ, тогда и гони. Эка, нашлась какая, подумаешь! Я-аз-ва!

Цыбукинъ слушалъ и не шевелился.

— Собственный домъ, или чужой, все равно, лишь бы тепло было, да бабы не ругались... — сказалъ Костыль и засмѣялся. — Когда въ молодыхъ лѣтахъ былъ, я очень свою Настасью жалѣлъ. Бабочка была тихая. И бывало все: «Купи, Макарычъ, домъ! Купи, Макарычъ, домъ! Купи, Макарычъ, лошадь!» Умирала, а все говорила: «Купи, Макарычъ, себѣ дрожки бѣгунцы, чтобъ пѣши не ходить». А я только пряники ей покупалъ, больше ничего.

— Мужъ-то глухой, глупый, — продолжалъ Яковъ, не слушая Костыля: — такъ дуракъ-дура-

комъ, все равно, что гусь. Нешто онъ можетъ понимать? Ударь гуся по головѣ палкой — и то не пойметъ.

Костыль всталъ, чтобы идти домой на фабрику. Яковъ тоже всталъ, и оба пошли вмѣстѣ, продолжая разговаривать. Когда они отошли шаговъ на пятьдесятъ, старикъ Цыбукинъ тоже всталъ и поплелся за ними, ступая нерѣшительно, точно по скользкому льду.

Село уже тонуло въ вечернихъ сумеркахъ и солнце блестѣло только вверху на дорогѣ, которая змѣей бѣжала по скату снизу вверхъ. Возвращались старухи изъ лѣса и съ ними ребята; несли корзины съ волнушками и груздями. Шли бабы и дѣвки толпой со станціи, гдѣ онѣ нагружали вагоны кирпичомъ, и носы и щеки подъ глазами у нихъ были покрыты красной кирпичной пылью. Онѣ пѣли. Впереди всѣхъ шла Липа и пѣла тонкимъ голосомъ, и заливалась, глядя вверхъ на небо, точно торжествуя и восхищаясь, что день, слава Богу, кончился и можно отдохнуть. Въ толпѣ была ея мать, поденщица Прасковья, которая шла съ узелкомъ въ рукѣ и, какъ всегда, тяжело дышала.

— Здравствуй, Макарычъ! — сказала Липа, увидѣвъ Костыля. — Здравствуй, голубчикъ!

— Здравствуй, Липынька! — обрадовался Костыль. — Бабочки, дѣвочки, полюбите богатаго плотника! Хо-хо! Дѣточки мои, дѣточки (Костыль всхлипнулъ). Топорики мои любезные.

Костыль и Яковъ прошли дальше, и было слышно, какъ они разговаривали. Вотъ послѣ нихъ встрѣтился толпѣ старикъ Цыбукинъ, и стало вдругъ тихо, тихо. Липа и Прасковья не-

множко отстали и, когда старикъ поровнялся съ ними, Липа поклонилась низко и сказала:

— Здравствуйте, Григорій Петровичъ!

И мать тоже поклонилась. Старикъ остановился и, ничего не говоря, смотрѣлъ на обѣихъ; губы у него дрожали и глаза были полны слезъ. Липа достала изъ узелка у матери кусокъ пирога съ кашей и подала ему. Онъ взялъ и сталъ ѣсть.

Солнце уже совсѣмъ зашло; блескъ его погасъ и вверху на дорогѣ. Становилось темно и прохладно. Липа и Прасковья пошли дальше и долго потомъ крестились.

1900.

На святкахъ

I

—Что писать? — спросилъ Егоръ и умокнулъ перо.

Василиса не видѣлась со своею дочерью уже четыре года. Дочь Ефимья послѣ свадьбы уѣхала съ мужемъ въ Петербургъ, прислала два письма и потомъ какъ въ воду канула; ни слуху, ни духу. И доила ли старуха корову на разсвѣтѣ, топила ли печку, дремала ли ночью — и все думала объ одномъ: какъ-то тамъ Ефимья, жива ли. Надо бы послать письмо, но старикъ писать не умѣлъ, а попросить было некого.

Но вотъ пришли святки и Василиса не вытерпѣла и пошла въ трактиръ къ Егору, хозяйкиному брату, который, какъ пришелъ со службы, такъ и сидѣлъ все дома, въ трактирѣ, и ничего не дѣлалъ; про него говорили, что онъ можетъ хорошо писать письма, ежели ему заплатить, какъ слѣдуетъ. Василиса поговорила въ трактирѣ съ кухаркой, потомъ съ хозяйкой, потомъ съ самимъ Егоромъ. Сошлись на пятиалтынномъ.

И теперь — это происходило на второй день праздника въ трактирѣ, въ кухнѣ — Егоръ сидѣлъ за столомъ и держалъ перо въ рукѣ. Василиса стояла передъ нимъ, задумавшись, съ выраженіемъ заботы и скорби на лицѣ. Съ нею пришелъ и Петръ, ея старикъ, очень худой, высокій, съ коричневой лысиной; онъ стоялъ и глядѣлъ неподвижно и прямо, какъ слѣпой. На

плитѣ въ кастрюлѣ жарилась свинина; она шипѣла и фыркала, и какъ будто даже говорила: «флю-флю-флю». Было душно.

— Что писать? — спросилъ опять Егоръ.

— Чего! — сказала Василиса, глядя на него сердито и подозрительно. — Не гони! Небось, не задаромъ пишешь, за деньги! Ну, пиши. Любезному нашему зятю Андрею Хрисанфычу и единственной нашей любимой дочери Ефимьѣ Петровнѣ съ любовью низкій поклонъ и благословеніе родительское навѣки нерушимо.

— Есть. Стрѣляй дальше.

— А еще поздравляемъ съ праздникомъ Рождества Христова, мы живы и здоровы, чего и вамъ желаемъ отъ Господа ... Царя Небеснаго.

Василиса подумала и переглянулась со старикомъ.

— Чего и вамъ желаемъ отъ Господа ... Царя Небеснаго ... — повторила она и заплакала.

Больше ничего она не могла сказать. А раньше, когда она по ночамъ думала, то ей казалось, что всего не помѣстить и въ десяти письмахъ. Съ того времени, какъ уѣхали дочь съ мужемъ, утекло въ море много воды, старики жили, какъ сироты, и тяжко вздыхали по ночамъ, точно похоронили дочь. А сколько за это время было въ деревнѣ всякихъ происшествій, сколько свадебъ, смертей. Какія были длинныя зимы! Какія длинныя ночи!

— Жарко! — проговорилъ Егоръ, разстегивая жилетъ. — Должно, градусовъ семьдесятъ будетъ. Что же еще? — спросилъ онъ.

Старики молчали.

— Чѣмъ твой зять тамъ занимается? — спросилъ Егоръ.

— Онъ изъ солдатъ, батюшка, тебѣ извѣстно, — отвѣтилъ слабымъ голосомъ старикъ. — Въ одно время съ тобой со службы пришелъ. Былъ солдатъ, а теперь, значитъ, въ Петербургѣ въ водолѣчебномъ заведеніи. Докторъ больныхъ водой пользуетъ. Такъ онъ, значитъ, у доктора въ швейцарахъ.

— Вотъ тутъ написано... — сказала старуха, вынимая изъ платочка письмо. — Отъ Ефимьи получили, еще Богъ знаетъ когда. Можетъ, ихъ ужъ и на свѣтѣ нѣтъ.

Егоръ подумалъ немного и сталъ быстро писать.

«Въ настоящее время, — писалъ онъ: — какъ судьба ваша черезъ себѣ определила на Военое Попрыще, то мы Вамъ советуемъ заглянуть въ Уставъ Дисцыплинарныхъ Взысканій и Уголовныхъ Законовъ Военаго Ведомства, и Вы усмотрите въ ономъ Законе цывилизацію Чиновъ Военаго Ведомства».

Онъ писалъ и прочитывалъ вслухъ написанное, а Василиса соображала о томъ, что надо бы написать, какая въ прошломъ году была нужда, не хватило хлѣба даже до святокъ, пришлось продать корову. Надо бы попросить денегъ, надо бы написать, что старикъ часто похварываетъ и скоро, должно быть, отдастъ Богу душу... Но какъ выразить это на словахъ? Что сказать прежде и что послѣ?

«Обратите внеманіе, — продолжалъ Егоръ писать: — въ 5 томѣ Военыхъ Постановленій. Солдатъ есть Имя обчшее, Знаменитое. Солда-

томъ называется Перьвейшый Генералъ и последней Рядовой...»

Старикъ пошевелилъ губами и сказалъ тихо:

— Внучатъ поглядѣть, оно бы ничего.

— Какихъ внучатъ? — спросила старуха и поглядѣла на него сердито. — Да можетъ ихъ и нѣту!

— Внучатъ-то? А можетъ, и есть. Кто ихъ знаетъ!

«И поетому Вы можете судить, — торопился Егоръ: — какой есть врагъ Иноземный и какой Внутреный. Перьвейшый нашъ Внутреный Врагъ есть: Бахусъ».

Перо скрипѣло, выдѣлывая на бумагѣ завитушки, похожія на рыболовные крючки. Егоръ спѣшилъ и прочитывалъ каждую строчку по нѣскольку разъ. Онъ сидѣлъ на табуретѣ, раскинувъ широко ноги подъ столомъ, сытый, здоровый, мордатый, съ краснымъ затылкомъ. Это была сама пошлость, грубая, надменная, непобѣдимая, гордая тѣмъ, что она родилась и выросла въ трактирѣ, и Василиса хорошо понимала, что тутъ пошлость, но не могла выразить на словахъ, а только глядѣла на Егора сердито и подозрительно. Отъ его голоса, непонятныхъ словъ, отъ жара и духоты у нея разболѣлась голова, запутались мысли, и она уже ничего не говорила, не думала и ждала только, когда онъ кончитъ скрипѣть. А старикъ глядѣлъ съ полнымъ довѣріемъ. Онъ вѣрилъ и старухѣ, которая его привела сюда, и Егору; и когда упомянулъ давеча о водолѣчебномъ заведеніи, то видно было по лицу, что онъ вѣрилъ и въ заведеніе, и въ цѣлебную силу воды.

Кончивъ писать, Егоръ всталъ и прочелъ все письмо сначала. Старикъ не понялъ, но довѣрчиво закивалъ головой.

— Ничего, гладко… — сказалъ онъ: — дай Богъ здоровья. Ничего…

Положили на столъ три пятака и вышли изъ трактира; старикъ глядѣлъ неподвижно и прямо, какъ слѣпой, и на лицѣ его было написано полное довѣріе, а Василиса, когда выходили изъ трактира, замахнулась на собаку и сказала сердито:

— У-у, язва!

Всю ночь старуха не спала, безпокоили ее мысли, а на разсвѣтѣ она встала, помолилась и пошла на станцію, чтобы послать письмо.

До станціи было одиннадцать верстъ.

II

Водолѣчебница доктора Б. О. Мозельвейзера работала и на Новый годъ такъ же, какъ въ обыкновенные дни, и только на швейцарѣ Андреѣ Хрисанфычѣ былъ мундиръ съ новыми галунами, блестѣли какъ-то особенно сапоги; и всѣхъ приходившихъ онъ поздравлялъ съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ.

Было утро. Андрей Хрисанфычъ стоялъ у двери и читалъ газету. Ровно въ десять часовъ вошелъ генералъ, знакомый, одинъ изъ обычныхъ посѣтителей, а вслѣдъ за нимъ — почтальонъ. Андрей Хрисанфычъ снялъ съ генерала шинель и сказалъ:

— Съ новымъ годомъ, съ новымъ счастьемъ, ваше превосходительство!

— Спасибо, любезный. И тебя также.

И идя вверхъ по лѣстницѣ, генералъ кивнулъ на дверь и спросилъ (онъ каждый день спрашивалъ и всякій разъ потомъ забывалъ):

— А въ этой комнатѣ что?

— Кабинетъ для массажа, ваше превосходительство!

Когда шаги генерала затихли, Андрей Хрисанфычъ осмотрѣлъ полученную почту и нашелъ одно письмо на свое имя. Онъ распечаталъ, прочелъ нѣсколько строкъ, потомъ, не спѣша, глядя въ газету, пошелъ къ себѣ въ свою комнату, которая была тутъ же внизу въ концѣ коридора. Жена его Ефимья сидѣла на кровати и кормила ребенка; другой ребенокъ, самый старшій, стоялъ возлѣ, положивъ кудрявую голову ей на колѣни, третій спалъ на кровати.

Войдя въ свою комнатку, Андрей подалъ женѣ письмо и сказалъ:

— Должно, изъ деревни.

Затѣмъ онъ вышелъ, не отрывая глазъ отъ газеты, и остановился въ коридорѣ, недалеко отъ своей двери. Ему было слышно, какъ Ефимья дрожащимъ голосомъ прочла первыя строки. Прочла и ужъ больше не могла; для нея было довольно и этихъ строкъ, она залилась слезами и, обнимая своего старшенькаго, цѣлуя его, стала говорить, и нельзя было понять, плачетъ она или смѣется.

— Это отъ бабушки, отъ дѣдушки... — говорила она. — Изъ деревни... Царица небесная, святители угодники. Тамъ теперь снѣгу навалило подъ крыши... деревья бѣлыя-бѣлыя. Ребятки на махонькихъ саночкахъ... И дѣдушка

лысенькій на печкѣ... и собачка желтенькая... Голубчики мои родные!

Андрей Хрисанфычъ, слушая это, вспомнилъ, что раза три или четыре жена давала ему письма, просила послать въ деревню, но мѣшали какія-то важныя дѣла: онъ не послалъ, письма гдѣ-то завалялись.

— А въ полѣ зайчики бѣгаютъ, — причитывала Ефимья, обливаясь слезами, цѣлуя своего мальчика. — Дѣдушка тихій, добрый, бабушка тоже добрая, жалосливая. Въ деревнѣ душевно живутъ, Бога боятся... И церковочка въ селѣ, мужички на клиросѣ поютъ. Унесла бы насъ отсюда Царица небесная, заступница Матушка!

Андрей Хрисанфычъ вернулся къ себѣ въ комнатку, чтобы покурить, пока кто не пришелъ, и Ефимья вдругъ замолчала, притихла и вытерла глаза, и только губы у нея дрожали. Она его очень боялась, ахъ какъ боялась! Трепетала, приходила въ ужасъ отъ его шаговъ, отъ его взгляда, не смѣла сказать при немъ ни одного слова.

Андрей Хрисанфычъ закурилъ, но какъ разъ въ это время наверху позвонили. Онъ потушилъ папиросу и, сдѣлавъ очень серьезное лицо, побѣжалъ къ своей парадной двери.

Сверху спускался генералъ, розовый, свѣжій отъ ванны.

— А въ этой комнатѣ что? — спросилъ онъ, указывая на дверь.

Андрей Хрисанфычъ вытянулся, руки по швамъ, и произнесъ громко:

— Душъ Шарко, ваше превосходительство!

Архіерей

I

Подъ вербное воскресеніе къ Старо-Петровскомъ монастырѣ шла всенощная. Когда стали раздавать вербы, то былъ уже десятый часъ на исходѣ, огни потускнѣли, фитили нагорѣли, было все, какъ въ туманѣ. Въ церковныхъ сумеркахъ толпа колыхалась, какъ море, и преосвященному Петру, который былъ нездоровъ уже дня три, казалось, что всѣ лица — и старыя, и молодыя, и мужскія, и женскія, походили одно на другое, у всѣхъ, кто подходилъ за вербой, одинаковое выраженіе глазъ. Въ туманѣ не было видно дверей, толпа все двигалась, и похоже было, что ей нѣтъ и не будетъ конца. Пѣлъ женскій хоръ, канонъ читала монашенка.

Какъ было душно, какъ жарко! Какъ долго шла всенощная! Преосвященный Петръ усталъ. Дыханіе у него было тяжелое, частое, сухое, плечи болѣли отъ усталости, ноги дрожали. И непріятно волновало, что на хорахъ изрѣдка вскрикивалъ юродивый. А тутъ еще вдругъ, точно во снѣ или въ бреду, показалось преосвященному, будто въ толпѣ подошла къ нему его родная мать Марія Тимофеевна, которой онъ не видѣлъ уже девять лѣтъ, или старуха, похожая на мать, и принявши отъ него вербу, отошла и все время глядѣла на него весело, съ доброй, радостной улыбкой, пока не смѣшалась съ толпой. И почему-то слезы потекли у него по лицу. На душѣ

было покойно, все было благополучно, но онъ неподвижно глядѣлъ на лѣвый клиросъ, гдѣ читали, гдѣ въ вечерней мглѣ уже нельзя было узнать ни одного человѣка, и — плакалъ. Слезы заблестѣли у него на лицѣ, на бородѣ. Вотъ вблизи еще кто-то заплакалъ, потомъ дальше кто-то другой, потомъ еще и еще, и мало-по-малу церковь наполнилась тихимъ плачемъ. А немного погодя, минутъ черезъ пять, монашескій хоръ пѣлъ, уже не плакали, все было попрежнему.

Скоро и служба кончилась. Когда архіерей садился въ карету, чтобы ѣхать домой, то по всему саду, освѣщенному луной, разливался веселый, красивый звонъ дорогихъ, тяжелыхъ колоколовъ. Бѣлыя стѣны, бѣлые кресты на могилахъ, бѣлыя березы и черныя тѣни и далекая луна на небѣ, стоявшая какъ разъ надъ монастыремъ, казалось теперь, жили своей особой жизнью, непонятной, но близкой человѣку. Былъ апрѣль въ началѣ, и послѣ теплаго весенняго дня стало прохладно, слегка подморозило, и въ мягкомъ холодномъ воздухѣ чувствовалось дыханіе весны. Дорога отъ монастыря до города шла по песку, надо было ѣхать шагомъ; и по обѣ стороны кареты, въ лунномъ свѣтѣ, яркомъ и покойномъ, плелись по песку богомольцы. И всѣ молчали, задумавшись, все было кругомъ привѣтливо, молодо, такъ близко, все — и деревья и небо, и даже луна, и хотѣлось думать, что такъ будетъ всегда.

Наконецъ, карета въѣхала въ городъ, покатила по главной улицѣ. Лавки были уже заперты и только у купца Еракина, милліонера, пробовали электрическое освѣщеніе, которое сильно мигало,

и около толпился народъ. Потомъ пошли широкія, темныя улицы, одна за другою, безлюдныя, земское шоссе за городомъ, поле, запахло сосной. И вдругъ выросла передъ глазами бѣлая зубчатая стѣна, а за нею высокая колокольня, вся залитая свѣтомъ, и рядомъ съ ней пять большихъ, золотыхъ, блестящихъ главъ, — это Панкратіевскій монастырь, въ которомъ жилъ преосвященный Петръ. И тутъ также высоко надъ монастыремъ тихая, задумчивая луна. Карета въѣхала въ ворота, скрипя по песку, кое-гдѣ въ лунномъ свѣтѣ замелькали черныя монашескія фигуры, слышались шаги по каменнымъ плитамъ...

— А тутъ, ваше преосвященство, ваша мамаша безъ васъ пріѣхали, — доложилъ келейникъ, когда преосвященный входилъ къ себѣ.

— Маменька? Когда она пріѣхала?

— Передъ всенощной. Справлялись сначала, гдѣ вы, а потомъ поѣхали въ женскій монастырь.

— Это, значитъ, я ее въ церкви видѣлъ давеча! О, Господи!

И преосвященный засмѣялся отъ радости.

— Онѣ велѣли, ваше преосвященство, доложить, — продолжалъ келейникъ, — что придутъ завтра. Съ ними дѣвочка, должно, внучка. Остановились на постояломъ дворѣ Овсянникова.

— Который теперь часъ?

— Двѣнадцатый въ началѣ.

— Эхъ, досадно!

Преосвященный посидѣлъ немного въ гостиной, раздумывая и какъ бы не вѣря, что уже такъ поздно. Руки и ноги у него поламывало, болѣлъ затылокъ. Было жарко и неудобно. От-

дохнувъ, онъ пошелъ къ себѣ въ спальню и здѣсь тоже посидѣлъ, все думая о матери. Слышно было, какъ уходилъ келейникъ и какъ за стѣной покашливалъ отецъ Сисой, іеромонахъ. Монастырскіе часы пробили четверть.

Преосвященный переодѣлся и сталъ читать молитвы на сонъ грядущимъ. Онъ внимательно читалъ эти старыя, давно знакомыя молитвы и въ то же время думалъ о своей матери. У нея было девять душъ дѣтей и около сорока внуковъ. Когда-то со своимъ мужемъ, дьякономъ, жила она въ бѣдномъ селѣ, жила тамъ очень долго, съ 17 до 60 лѣтъ. Преосвященный помнилъ ее съ ранняго дѣтства, чуть ли не съ трехъ лѣтъ и — какъ любилъ! Милое, дорогое, незабвенное дѣтство! Отчего оно, это навѣки ушедшее, невозвратное время, отчего оно кажется свѣтлѣе, праздничнѣе и богаче чѣмъ было на самомъ дѣлѣ? Когда въ дѣтствѣ или юности онъ бывалъ нездоровъ, то какъ нѣжна и чутка была мать! И теперь молитвы мѣшались съ воспоминаніями, которыя разгорались все ярче, какъ пламя, и молитвы не мѣшали думать о матери.

Кончивъ молиться, онъ раздѣлся и легъ, и тотчасъ же, какъ только стало темно кругомъ, представились ему его покойный отецъ, мать, родное село Лѣсополье... Скрипъ колесъ, блеянье овецъ, церковный звонъ въ ясныя, лѣтнія утра, цыгане подъ окномъ, — о, какъ сладко думать объ этомъ! Припомнился священникъ лѣсопольскій, отецъ Симеонъ, кроткій, смирный, добродушный; самъ онъ былъ тощъ, невысокъ, сынъ же его, семинаристъ, былъ громаднаго роста, говорилъ неистовымъ басомъ; какъ-то по-

повичъ обозлился на кухарку и выбранилъ ее: — «Ахъ, ты ослица Іегудіилова!» и отецъ Симеонъ, слышавшій это, не сказалъ ни слова и только устыдился, такъ какъ не могъ вспомнить, гдѣ въ священномъ писаніи упоминается такая ослица. Послѣ него въ Лѣсопольѣ священникомъ былъ отецъ Демьянъ, который сильно запивалъ и напивался подчасъ до зеленаго змія, и у него даже прозвище было: Демьянъ-Змѣевидецъ. Въ Лѣсопольѣ учителемъ былъ Матвѣй Николаичъ, изъ семинаристовъ, добрый, неглупый человѣкъ, но тоже пьяница; онъ никогда не билъ учениковъ, но почему-то у него на стѣнѣ всегда висѣлъ пучокъ березовыхъ розогъ, а подъ нимъ надпись на латинскомъ языкѣ, совершенно безсмысленная — betula kinderbalsamica secuta. Была у него черная, мохнатая собака, которую онъ называлъ такъ: Синтаксисъ.

И преосвященный засмѣялся. Въ восьми верстахъ отъ Лѣсополья село Обнино съ чудотворной иконой. Изъ Обнина лѣтомъ носили икону крестнымъ ходомъ по сосѣднимъ деревнямъ, и звонили цѣлый день, то въ одномъ селѣ, то въ другомъ, и казалось тогда преосвященному, что радость дрожитъ въ воздухѣ, и онъ (тогда его звали Павлушей) ходилъ за иконой безъ шапки, босикомъ, съ наивной вѣрой, съ наивной улыбкой, счастливый безконечно. Въ Обнинѣ, вспомнилось ему теперь, всегда было много народу, и тамошній священникъ отецъ Алексѣй, чтобы успѣвать на проскомидіи, заставлялъ своего глухого племянника Иларіона читать записочки и записи на просфорахъ «о здравіи» и «за упокой»; Иларіонъ читалъ, изрѣдка получая по пятаку или гривен-

нику за обѣдню, и только ужъ когда посѣдѣлъ и облысѣлъ, когда жизнь прошла, вдругъ видитъ, на бумажкѣ написано: «Да и дуракъ же ты, Иларіонъ!» По крайней мѣрѣ, до пятнадцати лѣтъ Павлуша былъ неразвитъ и учился плохо, такъ что даже хотѣли взять его изъ духовнаго училища и отдать въ лавочку; однажды, придя въ Обнино на почту за письмами, онъ долго смотрѣлъ на чиновниковъ и спросилъ: «Позвольте узнать, какъ вы получаете жалованье: помѣсячно или поденно?»

Преосвященный перекрестился и повернулся на другой бокъ, чтобы больше не думать и спать.

«Моя мать пріѣхала...» — вспомнилъ онъ и засмѣялся.

Луна глядѣла въ окно, полъ былъ освѣщенъ и на немъ лежали тѣни. Кричалъ сверчокъ. Въ слѣдующей комнатѣ за стѣной похрапывалъ отецъ Сисой, и что-то одинокое, сиротское, даже бродяжеское слышалось въ его стариковскомъ храпѣ. Сисой былъ когда-то экономомъ у епархіальнаго архіерея, а теперь его зовутъ «бывшій отецъ экономъ»; ему 70 лѣтъ, живетъ онъ въ монастырѣ въ 16 верстахъ отъ города, живетъ и въ городѣ, гдѣ придется. Три дня назадъ онъ зашелъ въ Панкратіевскій монастырь, и преосвященный оставилъ его у себя, чтобы какъ-нибудь на досугѣ поговорить съ нимъ о дѣлахъ, о здѣшнихъ порядкахъ...

Въ половинѣ второго ударили къ заутрени. Слышно было, какъ отецъ Сисой закашлялъ, что-то проворчалъ недовольнымъ голосомъ, потомъ всталъ и прошелся босикомъ по комнатамъ.

— Отецъ Сисой! — позвалъ преосвященный.

Сисой ушелъ къ себѣ и, немного погодя, явился уже въ сапогахъ, со свѣчой; на немъ сверхъ бѣлья была ряса, на головѣ старая, полинялая скуфейка.

— Не спится мнѣ, — сказалъ преосвященный, садясь. — Не здоровъ я, должно быть. И что оно такое, не знаю. Жаръ!

— Должно, простудились, владыко. Надо бы васъ свѣчнымъ саломъ смазать.

Сисой постоялъ немного и зѣвнулъ: «О, Господи, прости меня грѣшнаго!»

— У Еракина нынче электричество зажигали, — сказалъ онъ. — Не ндравится мнѣ!

Отецъ Сисой былъ старъ, тощъ, сгорбленъ, всегда недоволенъ чѣмъ-нибудь, и глаза у него были сердитые, выпуклые, какъ у рака.

— Не ндравится! — повторилъ онъ уходя. — Не ндравится, Богъ съ нимъ совсѣмъ!

II

На другой день, въ вербное воскресеніе, преосвященный служилъ обѣдню въ городскомъ соборѣ, потомъ былъ у епархіальнаго архіерея, былъ у одной очень больной старой генеральши и, наконецъ, поѣхалъ домой. Во второмъ часу у него обѣдали дорогіе гости: старуха мать и племянница Катя, дѣвочка лѣтъ восьми. Во время обѣда въ окна со двора все время смотрѣло весеннее солнышко и весело свѣтилось на бѣлой скатерти, въ рыжихъ волосахъ Кати. Сквозь двойныя рамы слышно было, какъ шумѣли въ саду грачи и пѣли скворцы.

— Уже девять лѣтъ, какъ мы не видались, — говорила старуха, — а вчера въ монастырѣ какъ поглядѣла на васъ — Господи! И ни капельки не измѣнились, только вотъ развѣ похудѣли и бородка длиннѣй стала. Царица небесная, Матушка! И вчерась во всенощной нельзя было удержаться, всѣ плакали. Я тоже вдругъ, на васъ глядя, заплакала, а отчего, и сама не знаю. Его святая воля!

И несмотря на ласковость, съ какою она говорила это, было замѣтно, что она стѣснялась, какъ будто не знала, говорить ли ему ты, или вы, смѣяться или нѣтъ, и какъ будто чувствовала себя больше дьяконицей, чѣмъ матерью. А Катя не мигая глядѣла на своего дядю, преосвященнаго, какъ бы желая разгадать, что это за человѣкъ. Волоса у нея поднимались изъ-за гребенки и бархатной ленточки и стояли какъ сіяніе, носъ былъ вздернутый, глаза хитрые. Передъ тѣмъ, какъ садиться обѣдать, она разбила стаканъ, и теперь бабушка, разговаривая, отодвигала отъ нея то стаканъ, то рюмку. Преосвященный слушалъ свою мать и вспоминалъ, какъ когда-то, много-много лѣтъ назадъ, она возила и его, и братьевъ, и сестеръ къ родственникамъ, которыхъ считала богатыми; тогда хлопотала съ дѣтьми, а теперь съ внучатами и привезла вотъ Катю...

— У Вареньки, у сестры вашей, четверо дѣтей, — разсказывала она: — вотъ эта Катя самая старшая, и Богъ его знаетъ, отъ какой причины, зять отецъ Иванъ захворалъ это и померъ дня за три до Успенья. И Варенька моя теперь хоть по міру ступай.

— А какъ Никаноръ? — спросилъ преосвященный про своего старшаго брата.

— Ничего, слава Богу. Хоть и ничего, а благодарить Бога, жить можно. Только вотъ одно: сынъ его Николаша, внучекъ мой, не захотѣлъ по духовной части, пошелъ въ университетъ въ доктора. Думаетъ, лучше, а кто его знаетъ! Его святая воля.

— Николаша мертвецовъ рѣжетъ, — сказала Катя и пролила воду себѣ на колѣни.

— Сиди, дѣточка, смирно, — замѣтила спокойно бабушка и взяла у нея изъ рукъ стаканъ. — Кушай съ молитвой.

— Сколько времени мы не видались! — сказалъ преосвященный и нѣжно погладилъ мать по плечу и по рукѣ. — Я, маменька, скучалъ по васъ за границей, сильно скучалъ.

— Благодаримъ васъ.

— Сидишь, бывало, вечеромъ у открытаго окна, одинъ-одинешенекъ, заиграетъ музыка, и вдругъ охватитъ тоска по родинѣ и, кажется, все бы отдалъ, только бы домой, васъ повидать...

Мать улыбнулась, просіяла, но тотчасъ же сдѣлала серьезное лицо и проговорила:

— Благодаримъ васъ.

Настроеніе перемѣнилось у него какъ-то вдругъ. Онъ смотрѣлъ на мать и не понималъ, откуда у нея это почтительное, робкое выраженіе лица и голоса, зачѣмъ оно, и не узнавалъ ея. Стало грустно, досадно. А тутъ еще голова болѣла такъ же, какъ вчера, сильно ломило ноги, и рыба казалась прѣсной, не вкусной, все время хотѣлось пить...

Послѣ обѣда пріѣзжали двѣ богатыя дамы, помѣщицы, которыя сидѣли часа полтора молча, съ вытянутыми физіономіями; приходилъ по дѣлу архимандритъ, молчаливый и глуховатый. А тамъ зазвонили къ вечернѣ, солнце опустилось за лѣсомъ, и день прошелъ. Вернувшись изъ церкви, преосвященный торопливо помолился, легъ въ постель, укрылся потеплѣй.

Непріятно было вспоминать про рыбу, которую ѣлъ за обѣдомъ. Лунный свѣтъ безпокоилъ его, а потомъ послышался разговоръ. Въ сосѣдней комнатѣ, должно быть, въ гостиной отецъ Сисой говорилъ о политикѣ:

— У японцевъ теперь война. Воюютъ. Японцы, матушка, все равно, что черногорцы, одного племени. Подъ игомъ турецкимъ вмѣстѣ были.

А потомъ послышался голосъ Маріи Тимофеевны:

— Значитъ, Богу помолившись, это, чаю напившись, поѣхали мы, значитъ, къ отцу Егору въ Новохатное, это . . .

И то-и-дѣло «чаю напившись», или «напимшись», и похоже было, какъ будто въ своей жизни она только и знала, что чай пила. Преосвященному медленно, вяло вспоминалась семинарія, академія. Года три онъ былъ учителемъ греческаго языка въ семинаріи, безъ очковъ уже не могъ смотрѣть въ книгу, потомъ постригся въ монахи, его сдѣлали инспекторомъ. Потомъ защищалъ диссертацію. Когда ему было 32 года, его сдѣлали ректоромъ семинаріи, посвятили въ архимандриты, и тогда жизнь была такой легкой, пріятной, казалась длинной-длинной, конца не было видно. Тогда же сталъ болѣть, похудѣлъ очень, едва не

ослѣпъ и, по совѣту докторовъ, долженъ былъ бросить все и уѣхать за границу.

— А потомъ что? — спросилъ Сисой въ сосѣдней комнатѣ.

— А потомъ чай пили... — отвѣтила Марья Тимофеевна.

— Батюшка, у васъ борода зеленая! — проговорила вдругъ Катя съ удивленіемъ и засмѣялась.

Преосвященный вспомнилъ, что у сѣдого отца Сисоя борода въ самомъ дѣлѣ отдаетъ зеленью, и засмѣялся.

— Господи Боже мой, наказаніе съ этой дѣвочкой! — проговорилъ громко Сисой разсердившись. — Балованная какая! Сиди смирно!

Вспомнилась преосвященному бѣлая церковь, совершенно новая, въ которой онъ служилъ, живя за границей; вспомнился шумъ теплаго моря. Квартира была въ пять комнатъ, высокихъ и свѣтлыхъ, въ кабинетѣ новый письменный столъ, библіотека. Много читалъ, часто писалъ. И вспомнилось ему, какъ онъ тосковалъ по родинѣ, какъ слѣпая нищая каждый день у него подъ окномъ пѣла о любви и играла на гитарѣ, и онъ, слушая ее, почему-то всякій разъ думалъ о прошломъ. Но вотъ минуло восемь лѣтъ, и его вызвали въ Россію, и теперь онъ уже состоитъ викарнымъ архіереемъ, и все прошлое ушло куда-то далеко, въ туманъ, какъ будто снилось...

Въ спальню вошелъ отецъ Сисой со свѣчой.

— Эва, — удивился онъ: — вы уже спите, преосвященнѣйшій?

— Что такое?

— Да вѣдь еще рано, десять часовъ, а то

и меньше. Я свѣчку нынче купилъ, хотѣлъ было васъ саломъ смазать.

— У меня жаръ... — проговорилъ преосвященный и сѣлъ. — Въ самомъ дѣлѣ, надо бы что-нибудь. Въ головѣ нехорошо...

Сисой снялъ съ него рубаху и сталъ натирать ему грудь и спину свѣчнымъ саломъ.

— Вотъ такъ... вотъ такъ... — говорилъ онъ. — Господи Іисусе Христе... Вотъ такъ. Сегодня ходилъ я въ городъ, былъ у того — какъ его? — протоіерея Сидонскаго... Чай пилъ у него... Не ндравится онъ мнѣ! Господи Іисусе Христе... Вотъ такъ... Не ндравится!

III

Епархіальный архіерей, старый, очень полный, былъ боленъ ревматизмомъ или подагрой и уже мѣсяцъ не вставалъ съ постели. Преосвященный Петръ провѣдывалъ его почти каждый день и принималъ вмѣсто него просителей. И теперь, когда ему нездоровилось, его поражала пустота, мелкость всего того, о чемъ просили, о чемъ плакали; его сердили неразвитость, робость; и все это мелкое и ненужное угнетало его своею массою, и ему казалось, что теперь онъ понималъ епархіальнаго архіерея, который когда-то, въ молодые годы писалъ «Ученія о свободѣ воли», теперь же, казалось, весь ушелъ въ мелочи, все позабылъ и не думалъ о Богѣ. За границей преосвященный, должно быть, отвыкъ отъ русской жизни, она была не легка для него; народъ казался ему грубымъ, женщины-просительницы скучными и глупыми, семинаристы и ихъ учителя

необразованными, порой дикими. А бумаги, входящія и исходящія, считались десятками тысячъ, и какія бумаги! Благочинные во всей епархіи ставили священникамъ, молодымъ и старымъ, даже ихъ женамъ и дѣтямъ, отмѣтки по поведенію, пятерки и четверки, а иногда и тройки, и объ этомъ приходилось говорить, читать и писать серьезныя бумаги. И положительно, нѣтъ ни одной свободной минуты, цѣлый день душа дрожитъ, и успокаивался преосвященный Петръ только, когда бывалъ въ церкви.

Не могъ онъ никакъ привыкнуть и къ страху, какой онъ, самъ того не желая, возбуждалъ въ людяхъ, несмотря на свой тихій, скромный нравъ. Всѣ люди въ этой губерніи, когда онъ глядѣлъ на нихъ, казались ему маленькими, испуганными, виноватыми. Въ его присутствіи робѣли всѣ, даже старики протоіереи, всѣ «бухали» ему въ ноги, а недавно одна просительница, старая деревенская попадья, не могла выговорить ни одного слова отъ страха, такъ и ушла ни съ чѣмъ. И онъ, который никогда не рѣшался въ проповѣдяхъ говорить дурно о людяхъ, никогда не упрекалъ, такъ какъ было жалко, — съ просителями выходилъ изъ себя, сердился, бросалъ на полъ прошенія. За все время, пока онъ здѣсь, ни одинъ человѣкъ не поговорилъ съ нимъ искренно, попросту, по-человѣчески; даже старуха мать, казалось, была уже не та, совсѣмъ не та! И почему, спрашивается, съ Сисоемъ она говорила безъ-умолку и смѣялась много, а съ нимъ, съ сыномъ, была серьезна, обыкновенно молчала, стѣснялась, что совсѣмъ не шло къ ней? Единственный человѣкъ, который держалъ себя вольно въ его присут-

ствіи и говорилъ все, что хотѣлъ, былъ старикъ Сисой, который всю свою жизнь находился при архіереяхъ и пережилъ ихъ одиннадцать душъ. И потому-то съ нимъ было легко, хотя, несомнѣнно, это былъ тяжелый, вздорный человѣкъ.

Во вторникъ послѣ обѣдни преосвященный былъ въ архіерейскомъ домѣ и принималъ тамъ просителей, волновался, сердился, потомъ поѣхалъ домой. Ему попрежнему нездоровилось, тянуло въ постель; но едва онъ вошелъ къ себѣ, какъ доложили, что пріѣхалъ Еракинъ, молодой купецъ, жертвователь, по очень важному дѣлу. Надо было принять его. Сидѣлъ Еракинъ около часа, говорилъ очень громко, почти кричалъ, и было трудно понять, что онъ говоритъ.

— Дай Богъ, чтобъ! — говорилъ онъ уходя. — Всенепремѣннѣйше! По обстоятельствамъ, владыко преосвященнѣйшій! Желаю, чтобъ!

Послѣ него пріѣзжала игуменья изъ дальняго монастыря. А когда она уѣхала, то ударили къ вечернѣ, надо было идти въ церковь.

Вечеромъ монахи пѣли стройно, вдохновенно, служилъ молодой іеромонахъ съ черной бородой; и преосвященный, слушая про жениха, грядущаго въ полунощи, и про чертогъ украшенный, чувствовалъ не раскаяніе въ грѣхахъ, не скорбь, а душевный покой, тишину и уносился мыслями въ далекое прошлое, въ дѣтство и юность, когда также пѣли про жениха и про чертогъ, и теперь это прошлое представлялось живымъ, прекраснымъ, радостнымъ, какимъ, вѣроятно, никогда и не было. И, быть можетъ, на томъ свѣтѣ, въ той жизни мы будемъ вспоминать о далекомъ прошломъ, о нашей здѣшней жизни съ такимъ

же чувствомъ. Кто знаетъ! Преосвященный сидѣлъ въ алтарѣ, было тутъ темно. Слезы текли по лицу. Онъ думалъ о томъ, что вотъ онъ достигъ всего, что было доступно человѣку въ его положеніи, онъ вѣровалъ, но все же не все было ясно, чего-то еще недоставало, не хотѣлось умирать; и все еще казалось, что нѣтъ у него чего-то самаго важнаго, о чемъ смутно мечталось когда-то, и въ настоящемъ волнуетъ все та же надежда на будущее, какая была и въ дѣтствѣ, и въ академіи, и за границей.

«Какъ они сегодня хорошо поютъ! — думалъ онъ, прислушиваясь къ пѣнію. — Какъ хорошо!»

IV

Въ четвергъ служилъ онъ обѣдню въ соборѣ, было омовеніе ногъ. Когда въ церкви кончилась служба, и народъ расходился по домамъ, то было солнечно, тепло, весело, шумѣла въ канавахъ вода, а за городомъ доносилось съ полей непрерывное пѣніе жаворонковъ, нѣжное, призывающее къ покою. Деревья уже проснулись и улыбались привѣтливо, и надъ ними, Богъ знаетъ куда, уходило бездонное, необъятное голубое небо.

Пріѣхавъ домой, преосвященный Петръ напился чаю, потомъ переодѣлся, легъ въ постель и приказалъ келейнику закрыть ставни на окнахъ. Въ спальнѣ стало сумрачно. Однако, какая усталость, какая боль въ ногахъ и спинѣ, тяжелая, холодная боль, какой шумъ въ ушахъ! Онъ давно не спалъ, какъ казалось теперь, очень давно.

и мѣшалъ ему уснуть какой-то пустякъ, который брезжилъ къ мозгу, какъ только закрывались глаза. Какъ и вчера, изъ сосѣднихъ комнатъ сквозь стѣну доносились голоса, звукъ стакановъ, чайныхъ ложекъ... Марія Тимофеевна весело, съ прибаутками разсказывала о чемъ-то отцу Сисою, а этотъ угрюмо, недовольнымъ голосомъ отвѣчалъ: «Ну ихъ! Гдѣ ужъ! Куда тамъ!» И преосвященному опять стало досадно и потомъ обидно, что съ чужими старуха держала себя обыкновенно и просто, съ нимъ же, съ сыномъ, робѣла, говорила рѣдко и не то, что хотѣла, и даже, какъ казалось ему, всѣ эти дни, въ его присутствіи все искала предлога, чтобы встать, такъ какъ стѣснялась сидѣть. А отецъ? Тотъ, вѣроятно, если бы былъ живъ, не могъ бы выговорить при немъ ни одного слова...

Что-то упало въ сосѣдней комнатѣ на полъ и разбилось; должно быть, Катя уронила чашку или блюдечко, потому что отецъ Сисой вдругъ плюнулъ и проговорилъ сердито:

— Чистое наказаніе съ этой дѣвочкой, Господи, прости меня грѣшнаго! Не напасешься!

Потомъ стало тихо, только доносились звуки со двора. И когда преосвященный открылъ глаза, то увидѣлъ у себя въ комнатѣ Катю, которая стояла неподвижно и смотрѣла на него. Рыжіе волосы, по обыкновенію, поднимались изъ-за гребенки, какъ сіяніе.

— Ты, Катя? — спросилъ онъ. — Кто это тамъ внизу все отворяетъ и затворяетъ дверь?

— Я не слышу, — отвѣтила Катя и прислушалась.

— Вотъ сейчасъ кто-то прошелъ.

— Да это у васъ въ животѣ, дядечка!

Онъ разсмѣялся и погладилъ ее по головѣ.

— Такъ братъ Николаша, говоришь, мертвецовъ рѣжетъ? — спросилъ онъ, помолчавъ.

— Да. Учится.

— А онъ добрый?

— Ничего, добрый. Только водку пьетъ шибко.

— А отецъ твой отъ какой болѣзни умеръ?

— Папаша были слабые и худые, худые, и вдругъ — горло. И я тогда захворала и братъ Ѳедя, — у всѣхъ горло. Папаша померли, дядечка, а мы выздоровѣли.

У нея задрожалъ подбородокъ, и слезы показались на глазахъ, поползли по щекамъ.

— Ваше преосвященство, — проговорила она тонкимъ голоскомъ, уже горько плача: — дядечка, мы съ мамашей остались несчастными... голубчикъ!...

Онъ тоже прослезился и долго отъ волненія не могъ выговорить ни слова, потомъ погладилъ ее по головѣ, потрогалъ за плечо и сказалъ:

— Хорошо, хорошо, дѣвочка. Вотъ наступитъ Свѣтлое Христово Воскресеніе, тогда потолкуемъ... Я помогу... помогу...

Тихо, робко вошла мать и помолилась на образа. Замѣтивъ, что онъ не спитъ, она спросила:

— Не покушаете ли супчику?

— Нѣтъ, благодарю... — отвѣтилъ онъ. — Не хочется.

— А вы, похоже, нездоровы... какъ я погляжу. Еще бы, какъ не захворать! Цѣлый день на ногахъ, цѣлый день — и Боже мой, даже

глядѣть на васъ и то тяжко. Ну, Святая не за горами, отдохнете, Богъ дастъ, тогда и поговоримъ, а теперь не стану я безпокоить васъ своими разговорами. Пойдемъ, Катечка, — пусть владыка поспитъ.

И онъ вспомнилъ, какъ когда-то очень давно, когда онъ былъ еще мальчикомъ, она точно такъ же, такимъ же шутливо-почтительнымъ тономъ говорила съ благочиннымъ... Только по необыкновенно добрымъ глазамъ, робкому, озабоченному взгляду, который она мелькомъ бросила, выходя изъ комнаты, можно было догадаться, что это была мать. Онъ закрылъ глаза и, казалось, спалъ, но слышалъ два раза, какъ били часы, какъ покашливалъ за стѣной отецъ Сисой. И еще разъ входила мать и минуту робко глядѣла на него. Кто-то подъѣхалъ къ крыльцу, какъ слышно, въ каретѣ или въ коляскѣ. Вдругъ стукъ, хлопнула дверь: вошелъ въ спальню келейникъ.

— Ваше преосвященство! — окликнулъ онъ.

— Что?

— Лошади поданы, пора къ Страстямъ Господнимъ.

— Который часъ?

— Четверть восьмого.

Онъ одѣлся и поѣхалъ въ соборъ. Въ продолженіе всѣхъ двѣнадцати евангелій нужно было стоять среди церкви неподвижно, и первое евангеліе, самое длинное, самое красивое, читалъ онъ самъ. Бодрое, здоровое настроеніе овладѣло имъ. Это первое евангеліе «Нынѣ прославися сынъ человѣческій» онъ зналъ наизусть; и, читая, онъ изрѣдка поднималъ глаза и видѣлъ по обѣ сто-

роны цѣлое море огней, слышалъ трескъ свѣчей, но людей не было видно, какъ и въ прошлые годы, и казалось, что это все тѣ же люди, что были тогда, въ дѣтствѣ и въ юности, что они все тѣ же будутъ каждый годъ, а до какихъ поръ — одному Богу извѣстно.

Отецъ его былъ дьяконъ, дѣдъ — священникъ, прадѣдъ — дьяконъ, и весь родъ его, быть можетъ, со временъ принятія на Руси христіанства, принадлежалъ къ духовенству, и любовь его къ церковнымъ службамъ, духовенству, къ звону колоколовъ была у него врожденной, глубокой, неискоренимой; въ церкви онъ, особенно когда самъ участвовалъ въ служеніи, чувствовалъ себя дѣятельнымъ, бодрымъ, счастливымъ. Такъ и теперь. Только когда прочли уже восьмое евангеліе, онъ почувствовалъ, что ослабѣлъ у него голосъ, даже кашля не было слышно, сильно разболѣлась голова, и сталъ безпокоить страхъ, что онъ вотъ-вотъ упадетъ. И въ самомъ дѣлѣ, ноги совсѣмъ онѣмѣли, такъ что мало-по-малу онъ пересталъ ощущать ихъ, и непонятно ему было, какъ и на чемъ онъ стоитъ, отчего не падаетъ...

Когда служба кончилась, было безъ четверти двѣнадцать. Пріѣхавъ къ себѣ, преосвященный тотчасъ же раздѣлся и легъ, даже Богу не молился. Онъ не могъ говорить и, какъ казалось ему, не могъ бы уже стоять. Когда онъ укрывался одѣяломъ, захотѣлось вдругъ за границу, нестерпимо захотѣлось! Кажется, жизнь бы отдалъ, только бы не видѣть этихъ жалкихъ, дешевыхъ ставень, низкихъ потолковъ, не чувствовать этого тяжкаго монастырскаго запаха. Хоть бы

одинъ человѣкъ, съ которымъ можно было бы поговорить, отвести душу!

Долго слышались чьи-то шаги въ сосѣдней комнатѣ, и онъ никакъ не могъ вспомнить, кто это. Наконецъ, отворилась дверь, вошелъ Сисой со свѣчой и съ чайной чашкой въ рукахъ.

— Вы уже легли, преосвященнѣйшій? — спросилъ онъ. — А я вотъ пришелъ, хочу васъ смазать водкой съ уксусомъ. Ежели натереться хорошо, то большая отъ этого польза. Господи Іисусе Христе... Вотъ такъ... Вотъ такъ... А я сейчасъ въ нашемъ монастырѣ былъ... Не ндравится мнѣ! Уйду отсюда завтра, владыко, не желаю больше. Господи Іисусе Христе... Вотъ такъ...

Сисой не могъ долго оставаться на одномъ мѣстѣ, и ему казалось, что въ Панкратіевскомъ монастырѣ онъ живетъ уже цѣлый годъ. А главное, слушая его, трудно было понять, гдѣ его домъ, любитъ ли онъ кого-нибудь или что-нибудь, вѣруетъ ли въ Бога... Ему самому было непонятно, почему онъ монахъ, да и не думалъ онъ объ этомъ, и уже давно стерлось въ памяти время, когда его постригли; похоже было, какъ будто онъ прямо родился монахомъ.

— Уйду завтра. Богъ съ нимъ, со всѣмъ!

— Мнѣ бы потолковать съ вами... все никакъ не соберусь, — проговорилъ преосвященный тихо, черезъ силу. — Я вѣдь тутъ никого и ничего не знаю...

— До воскресенья, извольте, останусь, такъ и быть ужъ, а больше не желаю. Ну ихъ!

— Какой я архіерей? — продолжалъ тихо преосвященный. — Мнѣ бы быть деревенскимъ

священникомъ, дьячкомъ... или простымъ монахомъ... Меня давитъ все это... давитъ...

— Что? Господи Іисусе Христе... Вотъ такъ... Ну, спите себѣ, преосвященнѣйшій!.. Что ужъ тамъ! Куда тамъ! Спокойной ночи!

Преосвященный не спалъ всю ночь. А утромъ, часовъ въ восемь, у него началось кровотеченіе изъ кишокъ. Келейникъ испугался и побѣжалъ сначала къ архимандриту, потомъ за монастырскимъ докторомъ Иваномъ Андреичемъ, жившимъ въ городѣ. Докторъ, полный старикъ, съ длинной сѣдой бородой, долго осматривалъ преосвященнаго и все покачивалъ головой и хмурился, потомъ сказалъ:

— Знаете, ваше преосвященство? Вѣдь у васъ брюшной тифъ!

Отъ кровотеченій преосвященный въ какой-нибудь часъ очень похудѣлъ, поблѣднѣлъ, осунулся, лицо сморщилось, глаза были большіе, и какъ будто онъ постарѣлъ, сталъ меньше ростомъ, и ему уже казалось, что онъ худѣе и слабѣе, незначительнѣе всѣхъ, что все то, что было, ушло куда-то очень-очень далеко и уже болѣе не повторится, не будетъ продолжаться.

«Какъ хорошо! — думалъ онъ. — Какъ хорошо!»

Пришла старуха мать. Увидѣвъ его сморщенное лицо и большіе глаза, она испугалась, упала на колѣни предъ кроватью и стала цѣловать его лицо, плечи, руки. И ей тоже почему-то казалось, что онъ худѣе, слабѣе и незначительнѣе всѣхъ, и она уже не помнила, что онъ архіерей, и цѣловала его, какъ ребенка, очень близкаго, родного.

— Павлуша, голубчикъ, — заговорила она: — родной мой!.. Сыночекъ мой!.. Отчего ты такой сталъ? Павлуша, отвѣчай же мнѣ!

Катя, блѣдная, суровая, стояла возлѣ и не понимала, что съ дядей, отчего у бабушки такое страданіе на лицѣ, отчего она говоритъ такія трогательныя, печальныя слова. А онъ уже не могъ выговорить ни слова, ничего не понималъ, и представлялось ему, что онъ, уже простой, обыкновенный человѣкъ, идетъ по полю быстро, весело, постукивая палочкой, а надъ нимъ широкое небо, залитое солнцемъ, и онъ свободенъ теперь, какъ птица, можетъ идти, куда угодно!

— Сыночекъ, Павлуша, отвѣчай же мнѣ! — говорила старуха. — Что съ собой? Родной мой!

— Не безпокойте владыку, — проговорилъ Сисой сердито, проходя черезъ комнату. — Пущай поспитъ... Нечего тамъ... чего ужъ!..

Пріѣзжали три доктора, совѣтовались, потомъ уѣхали. День былъ длинный, неимовѣрно длинный, потомъ наступила и долго-долго проходила ночь, а подъ утро, въ субботу, къ старухѣ, которая лежала въ гостиной на диванѣ, подошелъ келейникъ и попросилъ ее сходить въ спальню: преосвященный приказалъ долго жить.

А на другой день была Пасха. Въ городѣ было сорокъ двѣ церкви и шесть монастырей; гулкій, радостный звонъ съ утра до вечера стоялъ надъ городомъ, не умолкая, волнуя весенній воздухъ; птицы пѣли, солнце ярко свѣтило. На большой базарной площади было шумно, колыхались качели, играли шарманки, визжала гармоника, раздавались пьяные голоса. На главной улицѣ

послѣ полудня началось катанье на рысакахъ, — однимъ словомъ, было весело, все благополучно, точно такъ же, какъ было въ прошломъ году, какъ будетъ, по всей вѣроятности, и въ будущемъ.

Черезъ мѣсяцъ былъ назначенъ новый викарный архіерей, а о преосвященномъ Петрѣ уже никто не вспоминалъ. А потомъ и совсѣмъ забыли. И только старуха, мать покойнаго, которая живетъ теперь у зятя дьякона, въ глухомъ уѣздномъ городишкѣ, когда выходила подъ вечеръ, чтобы встрѣтить свою корову, и сходилась на выгонѣ съ другими женщинами, то начинала разсказывать о дѣтяхъ, о внукахъ, о томъ, что у нея былъ сынъ архіерей, и при этомъ говорила робко, боясь, что ей не повѣрятъ...

И ей въ самомъ дѣлѣ не всѣ вѣрили.

1902.

Невѣста

I

Было уже часовъ десять вечера, и надъ садомъ свѣтила полная луна. Въ домѣ Шуминыхъ только-что кончилась всенощная, которую заказывала бабушка Марѳа Михайловна, и теперь Надѣ — она вышла въ садъ на минутку — видно было, какъ въ залѣ накрывали на столъ для закуски, какъ въ своемъ пышномъ шелковомъ платьѣ суетилась бабушка; отецъ Андрей, соборный протоіерей, говорилъ о чемъ-то съ матерью Нади, Ниной Ивановной, и теперь мать при вечернемъ освѣщеніи сквозь окно почему-то казалась очень молодой; возлѣ стоялъ сынъ отца Андрея, Андрей Андреичъ, и внимательно слушалъ.

Въ саду было тихо, прохладно, и темныя, покойныя тѣни лежали на землѣ. Слышно было, какъ гдѣ-то далеко, очень далеко, должно быть, за городомъ кричали лягушки. Чувствовался май, милый май! Дышалось глубоко и хотѣлось думать, что не здѣсь, а гдѣ-то подъ небомъ, надъ деревьями, далеко за городомъ, въ поляхъ и лѣсахъ развернулась теперь своя весенняя жизнь, таинственная, прекрасная, богатая и святая, недоступная пониманію слабаго, грѣшнаго человѣка. И хотѣлось почему-то плакать.

Ей, Надѣ, было уже 23 года; съ 16 лѣтъ она страстно мечтала о замужествѣ, и теперь наконецъ она была невѣстой Андрея Андреича, того

самаго, который стоялъ за окномъ; онъ ей нравился, свадьба была уже назначена на седьмое іюля, а между тѣмъ радости не было, ночи спала она плохо, веселье пропало... Изъ подвальнаго этажа, гдѣ была кухня, въ открытое окно слышно было, какъ тамъ спѣшили, какъ стучали ножами, какъ хлопали дверью на блокѣ; пахло жареной индѣйкой и маринованными вишнями. И почему-то казалось, что такъ теперь будетъ всю жизнь, безъ перемѣны, безъ конца!

Вотъ кто-то вышелъ изъ дома и остановился на крыльцѣ; это Александръ Тимоѳеичъ, или, попросту, Саша, гость, пріѣхавшій изъ Москвы дней десять назадъ. Когда-то давно къ бабушкѣ хаживала за подаяньемъ ея дальняя родственница, Марья Петровна, обѣднѣвшая дворянка-вдова, маленькая, худенькая, больная. У нея былъ сынъ Саша. Почему-то про него говорили, что онъ прекрасный художникъ, и, когда у него умерла мать, бабушка, ради спасенія души, отправила его въ Москву, въ Комиссаровское училище; года черезъ два перешелъ онъ въ училище живописи, пробылъ здѣсь чуть ли не пятнадцать лѣтъ и кончилъ по архитектурному отдѣленію, съ грѣхомъ пополамъ, но архитектурой все-таки не занимался, а служилъ въ одной изъ московскихъ литографій. Почти каждое лѣто пріѣзжалъ онъ, обыкновенно очень больной, къ бабушкѣ, чтобы отдохнуть и поправиться.

На немъ былъ теперь застегнутый сюртукъ и поношенныя парусинковыя брюки, стоптанныя внизу. И сорочка была неглаженая, и весь онъ имѣлъ какой-то несвѣжій видъ. Очень худой, съ большими глазами, съ длинными, худыми паль-

цами, бородатый, темный и все-таки красивый. Къ Шуминымъ онъ привыкъ, какъ къ роднымъ, и у нихъ чувствовалъ себя какъ дома. И комната, въ которой онъ жилъ здѣсь, называлась уже давно Сашиной комнатой.

Стоя на крыльцѣ, онъ увидѣлъ Надю и пошелъ къ ней.

— Хорошо у васъ здѣсь, — сказалъ онъ.

— Конечно, хорошо. Вамъ бы здѣсь до осени пожить.

— Да, должно, такъ придется. Пожалуй, до сентября у васъ тутъ проживу.

Онъ засмѣялся безъ причины и сѣлъ рядомъ.

— А я вотъ сижу и смотрю отсюда на маму, — сказала Надя. — Она кажется отсюда такой молодой! У моей мамы, конечно, есть слабости, — добавила она, помолчавъ: — но все же она необыкновенная женщина.

— Да, хорошая... — согласился Саша. — Ваша мама по-своему, конечно, и очень добрая и милая женщина, но... какъ вамъ сказать? Сегодня утромъ рано зашелъ я къ вамъ на кухню, а тамъ четыре прислуги спятъ прямо на полу, кроватей нѣтъ, вмѣсто постелей лохмотья, вонь, клопы, тараканы... То же самое, что было двадцать лѣтъ назадъ, никакой перемѣны. Ну, бабушка, Богъ съ ней, на то она и бабушка; а вѣдь мама, небось, по-французски говоритъ, въ спектакляхъ участвуетъ. Можно бы, кажется, понимать.

Когда Саша говорилъ, то вытягивалъ передъ слушателемъ два длинныхъ, тощихъ пальца.

— Мнѣ все здѣсь какъ-то дико съ непривычки, — продолжалъ онъ. — Чортъ знаетъ, ни-

кто ничего не дѣлаетъ. Мамаша цѣлый день только гуляетъ, какъ герцогиня какая-нибудь, бабушка тоже ничего не дѣлаетъ, вы — тоже. И женихъ, Андрей Андреичъ, тоже ничего не дѣлаетъ.

Надя слышала это и въ прошломъ году и, кажется, въ позапрошломъ, и знала, что Саша иначе разсуждать не можетъ, и это прежде смѣшило ее, теперь же почему-то ей стало досадно.

— Все это старо и давно надоѣло, — сказала она и встала. — Вы бы придумали что-нибудь поновѣе.

Онъ засмѣялся и тоже всталъ, и оба пошли къ дому. Она, высокая, красивая, стройная, казалась теперь рядомъ съ нимъ очень здоровой и нарядной; она чувствовала это, и ей было жаль его и почему-то неловко.

— И говорите вы много лишняго, — сказала она. — Вотъ вы только-что говорили про моего Андрея, но вѣдь вы его не знаете.

— Моего Андрея... Богъ съ нимъ, съ вашимъ Андреемъ! Мнѣ вотъ молодости вашей жалко.

Когда вошли въ залу, тамъ уже садились ужинать. Бабушка, или, какъ ее называли въ домѣ, бабуля, очень полная, некрасивая, съ густыми бровями и съ усиками, говорила громко, и уже по ея голосу и манерѣ говорить было замѣтно, что она здѣсь старшая въ домѣ. Ей принадлежали торговые ряды на ярмаркѣ и старинный домъ съ колоннами и садомъ, но она каждое утро молилась, чтобы Богъ спасъ ее отъ разоренія, и при этомъ плакала. И ея невѣстка, мать Нади, Нина Ивановна, бѣлокурая, сильно

затянутая, въ pince-nez и съ брильянтами на каждомъ пальцѣ; и отецъ Андрей, старикъ, худощавый, беззубый и съ такимъ выраженіемъ, будто собирался разсказать что-то очень смѣшное; и его сынъ Андрей Андреичъ, женихъ Нади, полный и красивый, съ вьющимися волосами, похожій на артиста или художника, — всѣ трое говорили о гипнотизмѣ.

— Ты у меня въ недѣлю поправишься, — сказала бабуля, обращаясь къ Сашѣ: — только вотъ кушай побольше. И на что ты похожъ! — вздохнула она. — Страшный ты сталъ! Вотъ ужъ подлинно, какъ есть, блудный сынъ.

— Отеческаго дара расточивъ богатство, — проговорилъ отецъ Андрей медленно, со смѣющимися глазами: — съ безсмысленными скоты пасохся окаянный...

— Люблю я своего батьку, — сказалъ Андрей Андреичъ и потрогалъ отца за плечо. — Славный старикъ. Добрый старикъ.

Всѣ помолчали. Саша вдругъ засмѣялся и прижалъ ко рту салфетку.

— Стало быть, вы вѣрите въ гипнотизмъ? — спросилъ отецъ Андрей у Нины Ивановны.

— Я не могу, конечно, утверждать, что я вѣрю, — отвѣтила Нина Ивановна, придавая своему лицу очень серьезное, даже строгое выраженіе: — но должна сознаться, что въ природѣ есть много таинственнаго и непонятнаго.

— Совершенно съ вами согласенъ, хотя долженъ прибавить отъ себя, что вѣра значительно сокращаетъ намъ область таинственнаго.

Подали большую, очень жирную индѣйку. Отецъ Андрей и Нина Ивановна продолжали свой

разговоръ. У Нины Ивановны блестѣли брильянты на пальцахъ, потомъ на глазахъ заблестѣли слезы, она заволновалась.

— Хотя я и не смѣю спорить съ вами, — сказала она: — но, согласитесь, въ жизни такъ много неразрѣшимыхъ загадокъ!

— Ни одной, смѣю васъ увѣрить.

Послѣ ужина Андрей Андреичъ игралъ на скрипкѣ, а Нина Ивановна аккомпанировала на роялѣ. Онъ десять лѣтъ назадъ кончилъ въ университетѣ по филологическому факультету, но нигдѣ не служилъ, опредѣленнаго дѣла не имѣлъ и лишь изрѣдка принималъ участіе въ концертахъ съ благотворительною цѣлью; и въ городѣ называли его артистомъ.

Андрей Андреичъ игралъ; всѣ слушали молча. На столѣ тихо кипѣлъ самоваръ, и только одинъ Саша пилъ чай. Потомъ, когда пробило двѣнадцать, лопнула вдругъ струна на скрипкѣ; всѣ засмѣялись, засуетились и стали прощаться.

Проводивъ жениха, Надя пошла къ себѣ наверхъ, гдѣ жила съ матерью (нижній этажъ занимала бабушка). Внизу, въ залѣ стали тушить огни, а Саша все еще сидѣлъ и пилъ чай. Пилъ онъ чай всегда подолгу, по-московски, стакановъ по семи въ одинъ разъ. Надѣ, когда она раздѣлась и легла въ постель, долго еще было слышно, какъ внизу убирала прислуга, какъ сердилась бабуля. Наконецъ все затихло, и только слышалось изрѣдка, какъ въ своей комнатѣ внизу покашливалъ басомъ Саша.

II

Когда Надя проснулась, было, должно быть, часа два, начинался разсвѣтъ. Гдѣ-то далеко стучалъ сторожъ. Спать не хотѣлось, лежать было очень мягко, неловко. Надя, какъ и во всѣ прошлыя майскія ночи, сѣла въ постели и стала думать. А мысли были все тѣ же, что въ прошлую ночь, однообразныя, ненужныя, неотвязчивыя, мысли о томъ, какъ Андрей Андреичъ сталъ ухаживать за ней и сдѣлалъ ей предложеніе, какъ она согласилась и потомъ мало-по-малу оцѣнила этого добраго, умнаго человѣка. Но почему-то теперь, когда до свадьбы осталось не больше мѣсяца, она стала испытывать страхъ, безпокойство, какъ будто ожидало ее что-то неопредѣленное, тяжелое.

«Тикъ-токъ, тикъ-токъ... — лѣниво стучалъ сторожъ. — Тикъ-токъ...»

Въ большое старое окно виденъ садъ, дальше кусты густо цвѣтущей сирени, сонной и вялой отъ холода; и туманъ, бѣлый, густой, тихо подплываетъ къ сирени, хочетъ закрыть ее. На далекихъ деревьяхъ кричатъ сонные грачи.

Быть можетъ, то же самое испытываетъ передъ свадьбой каждая невѣста. Кто знаетъ! Или тутъ вліяніе Саши? Но вѣдь Саша уже нѣсколько лѣтъ подъ рядъ говоритъ все одно и то же, какъ по-писанному, и когда говоритъ, то кажется наивнымъ и страннымъ. Но отчего же все-таки Саша не выходитъ изъ головы? отчего?

Сторожъ уже давно не стучитъ. Подъ окномъ и въ саду зашумѣли птицы, туманъ ушелъ изъ сада, все кругомъ озарилось весеннимъ свѣтомъ,

точно улыбкой. Скоро весь садъ, согрѣтый солнцемъ, обласканный, ожилъ, и капли росы, какъ алмазы, засверкали на листьяхъ; и старый, давно запущенный садъ въ это утро казался такимъ молодымъ, нарядным.

Уже проснулась бабуля. Закашлялъ грубымъ басомъ Саша. Слышно было, какъ внизу подали самоваръ, какъ двигали стульями.

Часы идутъ медленно. Надя давно уже встала и давно уже гуляла въ саду, а все еще тянется утро.

Вотъ Нина Ивановна, заплаканная, со стаканомъ минеральной воды. Она занималась спиритизмомъ, гомеопатіей, много читала, любила поговорить о сомнѣніяхъ, которымъ была подвержена, и все это, казалось Надѣ, заключало въ себѣ глубокій, таинственный смыслъ. Теперь Надя поцѣловала мать и пошла съ ней рядомъ.

— О чемъ ты плакала, мама? — спросила она.

— Вчера на ночь стала я читать повѣсть, въ которой описывается одинъ старикъ и его дочь. Старикъ служитъ гдѣ-то, ну, и въ дочь его влюбился начальникъ. Я не дочитала, но тамъ есть такое одно мѣсто, что трудно было удержаться отъ слезъ, — сказала Нина Ивановна и отхлебнула изъ стакана. — Сегодня утромъ вспомнила и тоже всплакнула.

— А мнѣ всѣ эти дни такъ невесело, — сказала Надя, помолчавъ. — Отчего я не сплю по ночамъ?

— Не знаю, милая. А когда я не сплю по ночамъ, то закрываю глаза крѣпко-крѣпко, вотъ этакъ, и рисую себѣ Анну Каренину, какъ она

ходитъ и какъ говоритъ, или рисую что-нибудь историческое, изъ древняго міра...

Надя почувствовала, что мать не понимаетъ ея и не можетъ понять. Почувствовала это первый разъ въ жизни, и ей даже страшно стало, захотѣлось спрятаться; и она ушла къ себѣ въ комнату.

А въ два часа сѣли обѣдать. Была среда, день постный, и потому бабушкѣ подали постный борщъ и леща съ кашей.

Чтобы подразнить бабушку, Саша ѣлъ и свой скоромный супъ и постный борщъ. Онъ шутилъ все время, пока обѣдали, но шутки у него выходили громоздкія, непремѣнно съ расчетомъ на мораль, и выходило совсѣмъ не смѣшно, когда онъ передъ тѣмъ, какъ сострить, поднималъ вверхъ свои очень длинные, исхудалые, точно мертвые пальцы; и когда приходило на мысль, что онъ очень боленъ и, пожалуй, недолго еще протянетъ на этомъ свѣтѣ, тогда становилось жаль его до слезъ.

Послѣ обѣда бабушка ушла къ себѣ въ комнату отдыхать. Нина Ивановна недолго поиграла на роялѣ и потомъ тоже ушла.

— Ахъ, милая Надя, — началъ Саша свой обычный послѣобѣденный разговоръ: — если бы вы послушались меня! Если бы!

Она сидѣла глубоко въ старинномъ креслѣ, закрывъ глаза, а онъ тихо ходилъ по комнатѣ, изъ угла въ уголъ.

— Если бы вы поѣхали учиться! — говорилъ онъ. — Только просвѣщенные и святые люди интересны, только они и нужны. Вѣдь чѣмъ больше будетъ такихъ людей, тѣмъ скорѣе наста-

нетъ царствіе Божіе на землѣ. Отъ вашего города тогда мало-по-малу не останется камня на камнѣ, — все полетитъ вверхъ дномъ, все измѣнится, точно по волшебству. И будутъ тогда здѣсь громадные, великолѣпнѣйшіе дома, чудесные сады, фонтаны необыкновенные, замѣчательные люди... Но главное не это. Главное то, что толпы въ нашемъ смыслѣ, въ какомъ она есть теперь, этого зла тогда не будетъ, потому что каждый человѣкъ будетъ вѣровать и каждый будетъ знать, для чего онъ живетъ, и ни одинъ не будетъ искать опоры въ толпѣ. Милая, голубушка, поѣзжайте! Покажите всѣмъ, что эта неподвижная, сѣрая, грѣшная жизнь надоѣла вамъ. Покажите это хоть себѣ самой!

— Нельзя, Саша. Я выхожу замужъ.

— Э, полно! Кому это нужно?

Вышли въ садъ, прошлись немного.

— И какъ бы тамъ ни было, милая моя, надо вдуматься, надо понять, какъ нечиста, какъ безнравственна эта ваша праздная жизнь, — продолжалъ Саша. — Поймите же, вѣдь если, напримѣръ, вы, и ваша мать, и ваша бабулька ничего не дѣлаете, то, значитъ, за васъ работаетъ кто-то другой, вы заѣдаете чью-то чужую жизнь, а развѣ это чисто, не грязно?

Надя хотѣла сказать: «да, это правда»; хотѣла сказать, что она понимаетъ; но слезы показались у нея на глазахъ, она вдругъ притихла, сжалась вся и ушла къ себѣ.

Передъ вечеромъ приходилъ Андрей Андреичъ и по обыкновенію долго игралъ на скрипкѣ. Вообще онъ былъ неразговорчивъ и любилъ скрипку, быть можетъ, потому, что во время игры

можно было молчать. Въ одиннадцатомъ часу, уходя домой, уже въ пальто, онъ обнялъ Надю и сталъ жадно цѣловать ея лицо, плечи, руки.

— Дорогая, милая моя, прекрасная!.. — бормочетъ онъ. — О, какъ я счастливъ! Я безумствую отъ восторга!

И ей казалось, что это она уже давно слышала, очень давно, или читала гдѣ-то... въ романѣ, въ старомъ, оборванномъ, давно уже заброшенномъ.

Въ залѣ Саша сидѣлъ у стола и пилъ чай, поставивъ блюдечко на свои длинные пять пальцевъ; бабуля раскладывала пасьянсъ. Нина Ивановна читала. Трещалъ огонекъ въ лампадкѣ, и все, казалось, было тихо, благополучно. Надя простилась и пошла къ себѣ наверхъ, легла и тотчасъ же уснула. Но, какъ и въ прошлую ночь, едва забрезжилъ свѣтъ, она уже проснулась. Спать не хотѣлось, на душѣ было непокойно, тяжело. Она сидѣла, положивъ голову на колѣни, и думала о женихѣ, о свадьбѣ... Вспомнила она почему-то, что ея мать не любила своего покойнаго мужа и теперь ничего не имѣла, жила въ полной зависимости отъ своей свекрови, бабули. И Надя, какъ ни думала, не могла сообразить, почему до сихъ поръ она видѣла въ своей матери что-то особенное, необыкновенное, почему не замѣчала простой, обыкновенной, несчастной женщины.

И Саша не спалъ внизу, — слышно было, какъ онъ кашлялъ. Это странный, наивный человѣкъ, думала Надя, и въ его мечтахъ, во всѣхъ этихъ чудесныхъ садахъ, фонтанахъ необыкновенныхъ чувствуется что-то нелѣпое; но

почему-то въ его наивности, даже въ этой нелѣпости столько прекраснаго, что едва она только вотъ подумала о томъ, не поѣхать ли ей учиться, какъ все сердце, всю грудь обдало холодкомъ, залило чувствомъ радости, восторга.

— Но лучше не думать, лучше не думать... — шептала она. — Не надо думать объ этомъ.

«Тикъ-токъ... — стучалъ сторожъ гдѣ-то далеко. — Тикъ-токъ... тикъ-токъ...»

III

Саша въ серединѣ іюня сталъ вдругъ скучать и засобирался въ Москву.

— Не могу я жить въ этомъ городѣ, — говорилъ онъ мрачно. — Ни водопровода, ни канализаціи! Я ѣсть за обѣдомъ брезгаю: въ кухнѣ грязь невозможнѣйшая...

— Да погоди, блудный сынъ! — убѣждала бабушка почему-то шопотомъ: — седьмого числа свадьба!

— Не желаю.

— Хотѣлъ вѣдь у насъ до сентября прожить!

— А теперь вотъ не желаю. Мнѣ работать нужно!

Лѣто выдалось сырое и холодное, деревья были мокрыя, все въ саду глядѣло непривѣтливо, уныло, хотѣлось въ самомъ дѣлѣ работать. Въ комнатахъ, внизу и наверху, слышались незнакомые женскіе голоса, стучала у бабушки швейная машина: это спѣшили съ приданымъ. Однѣхъ шубъ за Надей давали шесть, и самая дешевая изъ

нихъ, по словамъ бабушки, стоила триста рублей! Суета раздражала Сашу; онъ сидѣлъ у себя въ комнатѣ и сердился; но все же его уговорили остаться, и онъ далъ слово, что уѣдетъ перваго іюля, не раньше.

Время шло быстро. На Петровъ день послѣ обѣда Андрей Андреичъ пошелъ съ Надей на Московскую улицу, чтобы еще разъ осмотрѣть домъ, который наняли и давно уже приготовили для молодыхъ. Домъ двухъэтажный, но убранъ былъ пока только верхній этажъ. Въ залѣ блестящій полъ, выкрашенный подъ паркетъ, вѣнскіе стулья, рояль, пюпитръ для скрипки. Пахло краской. На стѣнѣ въ золотой рамѣ висѣла большая картина, написанная красками: нагая дама и около нея лиловая ваза съ отбитой ручкой.

— Чудесная картина, — проговорилъ Андрей Андреичъ и изъ уваженія вздохнулъ. — Это художника Шишмачевскаго.

Дальше была гостиная съ круглымъ столомъ, диваномъ и креслами, обитыми ярко-голубой матеріей. Надъ диваномъ большой фотографическій портретъ отца Андрея въ камилавкѣ и въ орденахъ. Потомъ вошли въ столовую съ буфетомъ, потомъ въ спальню; здѣсь въ полумракѣ стояли рядомъ двѣ кровати, и похоже было, что когда обставляли спальню, то имѣли въ виду, что всегда тутъ будетъ очень хорошо и иначе быть не можетъ. Андрей Андреичъ водилъ Надю по комнатамъ и все время держалъ ее за талію; а она чувствовала себя слабой, виноватой, ненавидѣла всѣ эти комнаты, кровати, кресла, ее мутило отъ нагой дамы. Для нея уже ясно было, что она

разлюбила Андрея Андреича, или, быть можетъ, не любила его никогда; но какъ это сказать, кому сказать и для чего, она не понимала и не могла понять, хотя думала объ этомъ всѣ дни, всѣ ночи... Онъ держалъ ее за талію, говорилъ такъ ласково, скромно, такъ былъ счастливъ, расхаживая по этой своей квартирѣ; а она видѣла во всемъ одну только пошлость, глупую, наивную, невыносимую пошлость, и его рука, обнимавшая ея талію, казалась ей жесткой и холодной, какъ обручъ. И каждую минуту она готова была убѣжать, зарыдать, броситься въ окно. Андрей Андреичъ привелъ ее въ ванную и здѣсь дотронулся до крана, вдѣланнаго въ стѣну, и вдругъ потекла вода.

— Каково? — сказалъ онъ и разсмѣялся. — Я велѣлъ сдѣлать на чердакѣ бакъ на сто ведеръ, и вотъ мы съ тобой теперь будемъ имѣть воду.

Прошлись по двору, потомъ вышли на улицу, взяли извозчика. Пыль носилась густыми тучами, и, казалось вотъ-вотъ пойдетъ дождь.

— Тебѣ не холодно? — спросилъ Андрей Андреичъ, щурясь отъ пыли.

Она промолчала.

— Вчера Саша, ты помнишь, упрекнулъ меня въ томъ, что я ничего не дѣлаю, — сказалъ онъ, помолчавъ немного. — Что же, онъ правъ! Безконечно правъ! Я ничего не дѣлаю и не могу дѣлать. Дорогая моя, отчего мнѣ такъ противна даже мысль о томъ, что я когда-нибудь нацѣплю на лобъ кокарду и пойду служить? Отчего мнѣ такъ не по себѣ, когда я вижу адвоката, или учителя латинскаго языка, или члена управы? О,

матушка Русь! О, матушка Русь, какъ еще много ты носишь на себѣ праздныхъ и безполезныхъ! Какъ много на тебѣ такихъ, какъ я, многострадальная!

И то, что онъ ничего не дѣлалъ, онъ обобщалъ, видѣлъ въ этомъ знаменіе времени.

— Когда женимся, — продолжалъ онъ: — то пойдемъ вмѣстѣ въ деревню, дорогая моя, будемъ тамъ работать! Мы купимъ себѣ небольшой клочокъ земли съ садомъ, рѣкой, будемъ трудиться, наблюдать жизнь... О какъ это будетъ хорошо!

Онъ снялъ шляпу, и волосы развѣвались у него отъ вѣтра, а она слушала его и думала: «Боже, домой хочу! Боже!» Почти около самаго дома они обогнали отца Андрея.

— А вотъ и отецъ идетъ! — обрадовался Андрей Андреичъ и замахалъ шляпой. — Люблю я своего батьку, право, — сказалъ онъ, расплачиваясь съ извозчикомъ. — Славный старикъ. Добрый старикъ.

Вошла Надя въ домъ сердитая, нездоровая, думая о томъ, что весь вечеръ будутъ гости, что надо занимать ихъ, улыбаться, слушать скрипку, слушать всякій вздоръ и говорить только о свадьбѣ. Бабушка, важная, пышная въ своемъ шелковомъ платьѣ, надменная, какою она всегда казалась при гостяхъ, — сидѣла у самовара. Вошелъ отецъ Андрей со своей хитрой улыбкой.

— Имѣю удовольствіе и благодатное утѣшеніе видѣть васъ въ добромъ здоровьѣ, — сказалъ онъ бабушкѣ, и трудно было понять, шутитъ это онъ или говоритъ серьезно.

IV

Вѣтеръ стучалъ въ окна, въ крышу; слышался свистъ, и въ печи домовой жалобно и угрюмо напѣвалъ свою пѣсенку. Былъ первый часъ ночи. Въ домѣ всѣ уже легли, но никто не спалъ, и Надѣ все чуялось, что внизу играютъ на скрипкѣ. Послышался рѣзкій стукъ, должно быть, сорвалась ставня. Черезъ минуту вошла Нина Ивановна въ одной сорочкѣ, со свѣчой.

— Что это застучало, Надя? — спросила она.

Мать, съ волосами, заплетенными въ одну косу, съ робкой улыбкой, въ эту бурную ночь казалась старше, некрасивѣе, меньше ростомъ. Надѣ вспомнилось, какъ еще недавно она считала свою мать необыкновенной и съ гордостью слушала слова, какія она говорила; а теперь никакъ не могла вспомнить этихъ словъ; все, что приходило на память, было такъ слабо, ненужно.

Въ печкѣ раздалось пѣніе нѣсколькихъ басовъ и даже послышалось: «А-ахъ, Бо-о-же мой!». Надя сѣла въ постели и вдругъ схватила себя крѣпко за волосы и зарыдала.

— Мама, мама, — проговорила она: — родная моя, если бъ ты знала, что со мной дѣлается! Прошу тебя, умоляю, позволь мнѣ уѣхать! Умоляю!

— Куда? — спросила Нина Ивановна, не понимая, и сѣла на кроватъ. — Куда уѣхать?

Надя долго плакала и не могла выговорить ни слова.

— Позволь мнѣ уѣхать изъ города! — сказала она наконецъ. — Свадьбы не должно быть

и не будетъ, — пойми! Я не люблю этого человѣка... И говорить о немъ не могу.

— Нѣтъ, родная моя, нѣтъ, — заговорила Нина Ивановна быстро, страшно испугавшись. — Ты успокойся, — это у тебя отъ нерасположенія духа. Это пройдетъ. Это бываетъ. Вѣроятно, ты повздорила съ Андреемъ; но милые бранятся — только тѣшатся.

— Ну, уйди, мама, уйди! — зарыдала Надя.

— Да, — сказала Нина Ивановна, помолчавъ. — Давно ли ты была ребенкомъ, дѣвочкой, а теперь уже невѣста. Въ природѣ постоянный обмѣнъ веществъ. И не замѣтишь, какъ сама станешь матерью и старухой, и будетъ у тебя такая же строптивая дочка, какъ у меня.

— Милая, добрая моя, ты вѣдь умна, ты несчастна, — сказала Надя: — ты очень несчастна, — зачѣмъ же ты говоришь пошлости? Бога ради, зачѣмъ?

Нина Ивановна хотѣла что-то сказать, но не могла выговорить ни слова, всхлипнула и ушла къ себѣ. Басы опять загудѣли въ печкѣ, стало вдругъ страшно. Надя вскочила съ постели и быстро пошла къ матери. Нина Ивановна, заплаканная, лежала въ постели, укрывшись голубымъ одѣяломъ, и держала въ рукахъ книгу.

— Мама, выслушай меня! — проговорила Надя. — Умоляю тебя, вдумайся и пойми! Ты только пойми, до какой степени мелка и унизительна наша жизнь. У меня открылись глаза, я теперь все вижу. И что такое твой Андрей Андреичъ? Вѣдь онъ же не уменъ, мама! Господи Боже мой! Пойми, мама, онъ глупъ!

Нина Ивановна порывисто сѣла.

— Ты и твоя бабка мучите меня! — сказала она, всхлипнувъ. — Я жить хочу! жить! — повторила она и раза два ударила кулакомъ по груди. — Дайте же мнѣ свободу! Я еще молода, я жить хочу, а вы изъ меня старуху сдѣлали!...

Она горько заплакала, легла и свернулась подъ одѣяломъ калачикомъ, и показалась такой маленькой, жалкой, глупенькой. Надя пошла къ себѣ, одѣлась и, сѣвши у окна, стала поджидать утра. Она всю ночь сидѣла и думала, а кто-то со двора все стучалъ въ ставню и насвистывалъ.

Утромъ бабушка жаловалась, что въ саду ночью вѣтромъ посбивало всѣ яблоки и сломало одну старую сливу. Было сѣро, тускло, безотрадно, хоть огонь зажигай; всѣ жаловались на холодъ, и дождь стучалъ въ окна. Послѣ чаю Надя вошла къ Сашѣ и, не сказавъ ни слова, стала на колѣни въ углу у кресла и закрыла лицо руками.

— Что? — спросилъ Саша.

— Не могу... — проговорила она. — Какъ я могла жить здѣсь раньше, не понимаю, не постигаю! Жениха я презираю, себя презираю, презираю всю эту праздную, безсмысленную жизнь...

— Ну, ну... — проговорилъ Саша, не понимая еще, въ чемъ дѣло. — Это ничего... Это хорошо.

— Эта жизнь опостылѣла мнѣ, — продолжала Надя: — я не вынесу здѣсь и одного дня. Завтра же я уѣду отсюда. Возьмите меня съ собой, Бога ради!

Саша минуту смотрѣлъ на нее съ удивленіемъ; наконецъ онъ понялъ и обрадовался какъ ребенокъ. Онъ взмахнулъ руками и началъ притоптывать туфлями, какъ бы танцуя отъ радости.

— Великолѣпно! — говорилъ онъ, потирая руки. — Боже, какъ это хорошо!

А она глядѣла на него, не мигая, большими, влюбленными глазами, какъ очарованная, ожидая, что онъ тотчасъ же скажетъ ей что-нибудь значительное, безграничное по своей важности; онъ еще ничего не сказалъ ей, но уже ей казалось, что передъ нею открывается нѣчто новое и широкое, чего она раньше не знала, и уже она смотрѣла на него, полная ожиданій, готовая на все, хотя бы на смерть.

— Завтра я уѣзжаю, — сказалъ онъ, подумавъ: — и вы поѣдете на вокзалъ провожать меня... Вашъ багажъ я заберу въ свой чемоданъ и билетъ вамъ возьму; а во время третьяго звонка вы войдете въ вагонъ, — мы и поѣдемъ. Проводите меня до Москвы, а тамъ вы однѣ поѣдете въ Петербургъ. Паспортъ у васъ есть?

— Есть.

— Клянусь вамъ, вы не пожалѣете и не раскаетесь, — сказалъ Саша съ увлеченіемъ. — Поѣдете, будете учиться, а тамъ пусть васъ носитъ судьба. Когда перевернете вашу жизнь, то все измѣнится. Главное — перевернуть жизнь, а все остальное не нужно. Итакъ, значитъ, завтра поѣдемъ?

— О, да! Бога ради!

Надѣ казалось, что она очень взволнована, что на душѣ у нея тяжело, какъ никогда, что теперь до самаго отъѣзда придется страдать и му-

чительно думать; но едва она пришла къ себѣ наверхъ и прилегла на постель, какъ тотчасъ же уснула и спала крѣпко, съ заплаканнымъ лицомъ, съ улыбкой, до самаго вечера.

V

Послали за извозчикомъ. Надя, уже въ шляпѣ и пальто, пошла наверхъ, чтобы еще разъ взглянуть на мать, на все свое; она постояла въ своей комнатѣ около постели, еще теплой, осмотрѣлась, потомъ пошла тихо къ матери. Нина Ивановна спала, въ комнатѣ было тихо. Надя поцѣловала мать и поправила ей волосы, постояла минуты двѣ... Потомъ не спѣша вернулась внизъ.

На дворѣ шелъ сильный дождь. Извозчикъ съ крытымъ верхомъ, весь мокрый, стоялъ у подъѣзда.

— Не помѣстишься съ нимъ, Надя, — сказала бабушка, когда прислуга стала укладывать чемоданы. — И охота въ такую погоду провожать! Оставалась бы дома. Ишь вѣдь дождь какой!

Надя хотѣла сказать что-то и не могла. Вотъ Саша подсадилъ Надю, укрылъ ей ноги пледомъ. Вотъ и самъ онъ помѣстился рядомъ.

— Въ добрый часъ! Господь благословитъ! — кричала съ крыльца бабушка. — Ты же, Саша, пиши намъ изъ Москвы!

— Ладно. Прощайте, бабуля!

— Сохрани тебя Царица Небесная!

— Ну, погодка! — проговорилъ Саша.

Надя теперь только заплакала. Теперь уже для нея ясно было, что она уѣдетъ непремѣнно, чему она все-таки не вѣрила, когда прощалась съ

бабушкой, когда глядѣла на мать. Прощай, городъ! И все ей вдругъ припомнилось: и Андрей, и его отецъ, и новая квартира, и нагая дама съ вазой; и все это уже не пугало, не тяготило, а было наивно, мелко и уходило все назадъ и назадъ. А когда сѣли въ вагонъ и поѣздъ тронулся, то все это прошлое, такое большое и серьезное, сжалось въ комочекъ, и разворачивалось громадное, широкое будущее, которое до сихъ поръ было такъ мало замѣтно. Дождь стучалъ въ окна вагона, было видно только зеленое поле, мелькали телеграфные столбы да птицы на проволокахъ, и радость вдругъ перехватила ей дыханіе: она вспомнила, что она ѣдетъ на волю, ѣдетъ учиться, а это все равно, что когда-то очень давно называлось уходить въ казачество. Она и смѣялась, и плакала, и молилась.

— Ничего-о! — говорилъ Саша, ухмыляясь. — Ничего-о!

VI

Прошла осень, за ней прошла зима. Надя уже сильно тосковала и каждый день думала о матери и о бабушкѣ, думала о Сашѣ. Письма изъ дому приходили тихія, добрыя, и, казалось, все уже было прощено и забыто. Въ маѣ послѣ экзаменовъ она, здоровая, веселая, поѣхала домой и на пути остановилась въ Москвѣ, чтобы повидаться съ Сашей. Онъ былъ все такой же, какъ и прошлымъ лѣтомъ: бородатый, со всклоченной головой, все въ томъ же сюртукѣ и парусинковыхъ брюкахъ, все съ тѣми же большими, прекрасными глазами; но видъ у него былъ не-

здоровый, замученный, онъ и постарѣлъ, и похудѣлъ, и все покашливалъ. И почему-то показался онъ Надѣ сѣрымъ, провинціальнымъ.

— Боже мой, Надя пріѣхала! — сказалъ онъ и весело разсмѣялся. — Родная моя, голубушка!

Посидѣли въ литографіи, гдѣ было накурено и сильно, до духоты пахло тушью и красками; потомъ пошли въ его комнату, гдѣ было накурено, наплевано; на столѣ возлѣ остывшаго самовара лежали разбитая тарелка съ темной бумажкой, и на столѣ и на полу было множество мертвыхъ мухъ. И тутъ было видно по всему, что личную жизнь свою Саша устроилъ неряшливо, жилъ какъ придется, съ полнымъ презрѣніемъ къ удобствамъ, и если бы кто-нибудь заговорилъ съ нимъ объ его личномъ счастьѣ, объ его личной жизни, о любви къ нему, то онъ бы ничего не понялъ и только бы засмѣялся.

— Ничего, все обошлось благополучно, — разсказывала Надя торопливо. — Мама пріѣзжала ко мнѣ осенью въ Петербургъ, говорила, что бабушка не сердится, а только все ходитъ въ мою комнату и креститъ стѣны.

Саша глядѣлъ весело, но покашливалъ и говорилъ треснутымъ голосомъ, и Надя все вглядывалась въ него и не понимала, боленъ ли онъ на самомъ дѣлѣ серьезно, или ей это только такъ кажется.

— Саша, дорогой мой, — сказала она: — а вѣдь вы больны!

— Нѣтъ, ничего. Боленъ, но не очень...

— Ахъ, Боже мой, — заволновалась Надя: — отчего вы не лѣчитесь, отчего не бережете своего здоровья? Дорогой мой, милый Саша, —

проговорила она, и слезы брызнули у нея изъ глазъ, и почему-то въ воображеніи ея выросли и Андрей Андреичъ, и голая дама съ вазой, и все ея прошлое, которое казалось теперь такимъ же далекимъ, какъ дѣтство; и заплакала она оттого, что Саша уже не казался ей такимъ новымъ, интеллигентнымъ, интереснымъ, какимъ былъ въ прошломъ году. — Милый Саша, вы очень, очень больны. Я бы не знаю что сдѣлала, чтобы вы не были такъ блѣдны и худы. Я вамъ такъ обязана! Вы не можете даже представить себѣ, какъ много вы сдѣлали для меня, мой хорошій Саша! Въ сущности для меня вы теперь самый близкій, самый родной человѣкъ.

Они посидѣли, поговорили; и теперь, послѣ того, какъ Надя провела зиму въ Петербургѣ, отъ Саши, отъ его словъ, отъ улыбки и отъ всей его фигуры вѣяло чѣмъ-то отжитымъ, старомоднымъ, давно спѣтымъ и, быть можетъ, уже ушедшимъ въ могилу.

— Я послѣзавтра на Волгу поѣду, — сказалъ Саша: — ну, а потомъ на кумысъ. Хочу кумыса попить. А со мной ѣдетъ одинъ пріятель съ женой. Жена удивительный человѣкъ; все сбиваю ее, уговариваю, чтобъ она учиться пошла. Хочу, чтобы жизнь свою перевернула.

Поговоривши, поѣхали на вокзалъ. Саша угощалъ чаемъ, яблоками; а когда поѣздъ тронулся, и онъ, улыбаясь, помахивалъ платкомъ, то даже по ногамъ его видно было, что онъ очень боленъ и едва ли проживетъ долго.

Пріѣхала Надя въ свой городъ въ полдень. Когда она ѣхала съ вокзала домой, то улицы казались ей очень широкими, а дома маленькими,

приплюснутыми; людей не было, и только встрѣтился нѣмецъ-настройщикъ въ рыжемъ пальто. И всѣ дома точно пылью покрыты. Бабушка, совсѣмъ уже старая, попрежнему полная и некрасивая, охватила Надю руками и долго плакала, прижавшись лицомъ къ ея плечу, и не могла оторваться. Нина Ивановна тоже сильно постарѣла и подурнѣла, какъ-то осунулась вся, но все еще попрежнему была затянута, и брильянты блестѣли у нея на пальцахъ.

— Милая моя! — говорила она, дрожа всѣмъ тѣломъ. — Милая моя!

Потомъ сидѣли и молча плакали. Видно было, что и бабушка и мать чувствовали, что прошлое потеряно навсегда и безповоротно: нѣтъ уже ни положенія въ обществѣ, ни прежней чести, ни права приглашать къ себѣ въ гости; такъ бываетъ, когда среди легкой, беззаботной жизни вдругъ нагрянетъ ночью полиція, сдѣлаетъ обыскъ, и хозяинъ дома, окажется, растратилъ, поддѣлалъ, — и прощай тогда навѣки легкая, беззаботная жизнь!

Надя пошла наверхъ и увидѣла ту же постель, тѣ же окна съ бѣлыми, наивными занавѣсками, а въ окнахъ тотъ же садъ, залитый солнцемъ, веселый, шумный. Она потрогала свой столъ, посидѣла, подумала. И обѣдала хорошо, и пила чай со вкусными, жирными сливками, но чего-то не хватало, чувствовалась пустота въ комнатахъ, и потолки были низки. Вечеромъ она легла спать, укрылась, и почему-то было смѣшно лежать въ этой теплой, очень мягкой постели.

Пришла на минутку Нина Ивановна, сѣла, какъ садятся виноватыя, робко и съ оглядкой.

— Ну, какъ, Надя? — спросила она, помолчавъ. — Ты довольна? Очень довольна?

— Довольна, мама.

Нина Ивановна встала и перекрестила Надю и окна.

— А я, какъ видишь, стала религіозной, — сказала она. — Знаешь, я теперь занимаюсь философіей и все думаю, думаю... И для меня теперь многое стало ясно, какъ день. Прежде всего надо, мнѣ кажется, чтобы вся жизнь проходила какъ сквозь призму.

— Скажи, мама, какъ здоровье бабушки?

— Какъ будто бы ничего. Когда ты уѣхала тогда съ Сашей и пришла отъ тебя телеграмма, то бабушка, какъ прочла, такъ и упала; три дня лежала безъ движенія. Потомъ все Богу молилась и плакала. А теперь ничего.

Она встала и прошлась по комнатѣ.

«Тикъ-токъ... — стучалъ сторожъ. — Тикъ-токъ, тикъ-токъ...»

— Прежде всего надо, чтобы вся жизнь проходила какъ бы сквозь призму, — сказала она: — то-есть, другими словами, надо, чтобы жизнь въ сознаніи дѣлилась на простѣйшіе элементы, какъ бы на семь основныхъ цвѣтовъ, и каждый элементъ надо изучать въ отдѣльности.

Что еще сказала Нина Ивановна и когда она ушла, Надя не слышала, такъ какъ скоро уснула.

Прошелъ май, насталъ іюнь. Надя уже привыкла къ дому. Бабушка хлопотала за самоваромъ, глубоко вздыхала; Нина Ивановна разсказывала по вечерамъ про свою философію; она попрежнему проживала въ домѣ, какъ прижи-

валка, и должна была обращаться къ бабушкѣ за каждымъ двугривеннымъ. Было много мухъ въ домѣ, и потолки въ комнатахъ, казалось, становились все ниже и ниже. Бабуля и Нина Ивановна не выходили на улицу изъ страха, чтобы имъ не встрѣтились отецъ Андрей и Андрей Андреичъ. Надя ходила по саду, по улицѣ, глядѣла на дома, на сѣрые заборы, и ей казалось, что въ городѣ все давно уже состарилось, отжило и все только ждетъ не то конца, не то начала чего-то молодого, свѣжаго. О, если бы поскорѣе наступила эта новая, ясная жизнь, когда можно будетъ прямо и смѣло смотрѣть въ глаза своей судьбѣ, сознавать себя правымъ, быть веселымъ, свободнымъ! А такая жизнь рано или поздно настанетъ! Вѣдь будетъ же время, когда отъ бабушкина дома, гдѣ все такъ устроено, что четыре прислуги иначе жить не могутъ, какъ только въ одной комнатѣ, въ подвальномъ этажѣ, въ нечистотѣ, — будетъ же время, когда отъ этого дома не останется и слѣда, и о немъ забудутъ, никто не будетъ помнить. И Надю развлекали только мальчишки съ сосѣдняго двора; когда она гуляла по саду, они стучали въ заборъ и дразнили ее со смѣхомъ:

— Невѣста! Невѣста!

Пришло изъ Саратова письмо отъ Саши. Своимъ веселымъ, танцующимъ почеркомъ онъ писалъ, что путешествіе по Волгѣ ему удалось вполнѣ, но что въ Саратовѣ онъ прихворнулъ немного, потерялъ голосъ и уже двѣ недѣли лежитъ въ больницѣ. Она поняла, что это значитъ, и предчувствіе, похожее на увѣренность, овладѣло ею. И ей было непріятно, что это предчувствіе

и мысли о Сашѣ не волновали ее такъ, какъ раньше. Ей страстно хотѣлось жить, хотѣлось въ Петербургъ, и знакомство съ Сашей представлялось уже милымъ, но далекимъ-далекимъ прошлымъ! Она не спала всю ночь и утромъ сидѣла у окна, прислушиваясь. И въ самомъ дѣлѣ послышались голоса внизу; встревоженная бабушка стала о чемъ-то быстро спрашивать. Потомъ заплакалъ кто-то... Когда Надя сошла внизъ, то бабушка стояла въ углу и молилась, и лицо у нея было заплакано. На столѣ лежала телеграмма.

Надя долго ходила по комнатѣ, слушая, какъ плачетъ бабушка, потомъ взяла телеграмму, прочла. Сообщалось, что вчера утромъ въ Саратовѣ отъ чахотки скончался Александръ Тимоѳеичъ, или, попросту, Саша.

Бабушка и Нина Ивановна пошли въ церковь заказывать панихиду, а Надя долго еще ходила по комнатамъ и думала. Она ясно сознавала, что жизнь ея перевернута, какъ хотѣлъ того Саша, что она здѣсь одинокая, чужая, ненужная, и что все ей тутъ ненужно, все прежнее оторвано отъ нея и исчезло, точно сгорѣло, и пепелъ разнесся по вѣтру. Она вошла въ Сашину комнату, постояла тутъ.

«Прощай, милый Саша!» — думала она, и впереди ей рисовалась жизнь новая, широкая, просторная, и эта жизнь, еще неясная, полная тайнъ, увлекала и манила ее.

Она пошла къ себѣ наверхъ укладываться, а на другой день утромъ простилась со своими и, живая, веселая, покинула городъ — какъ полагала, навсегда.

1903.

Оглавленіе

Chekhov, Anton Pavlov
Мужики, разсказы
[Title transliterated:

DATE.	NA
1/IX 48	S. M
July 20/53	E Isaac
Feb 12/55	E. Saw
Apr. 21/55	June W
Sept 18/56	Olga Iv

